КЛАССИКА ЛИТЕРАТУР СНГ

Божественные слова

Фольклор
и литературные
памятники
Азербайджана

КЛАССИКА ЛИТЕРАТУР СНГ

АЗЕРБАЙДЖАН

Мавзолей Низами Гянджеви

M.F.Axundov adına
Azərbaycan Milli
Kitabxanası

Ковёр с деревом

Ковёр «Четыре

Ковёр «Дервиши»

Ковёр Тебриза

Иллюстрация к книге
«Низами. Афоризмы»

Художники Н. Бабиев, Ю. Сахновский

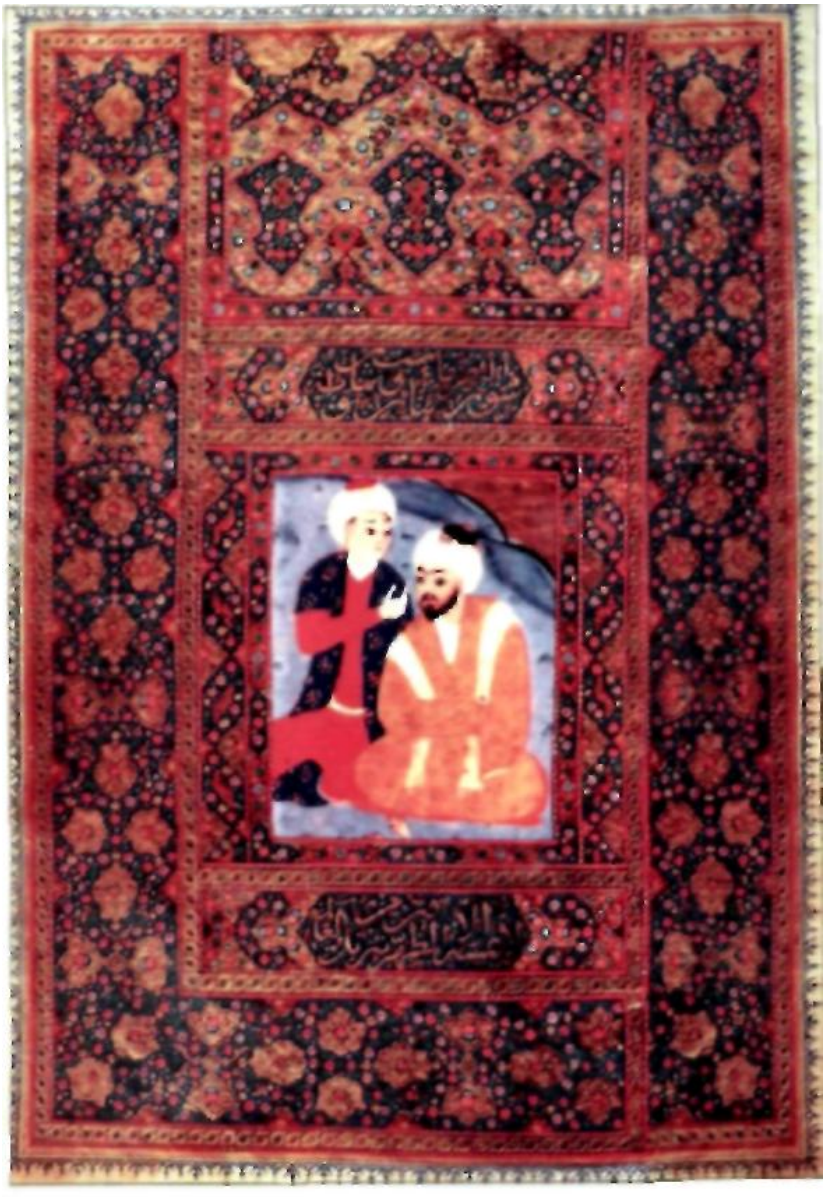
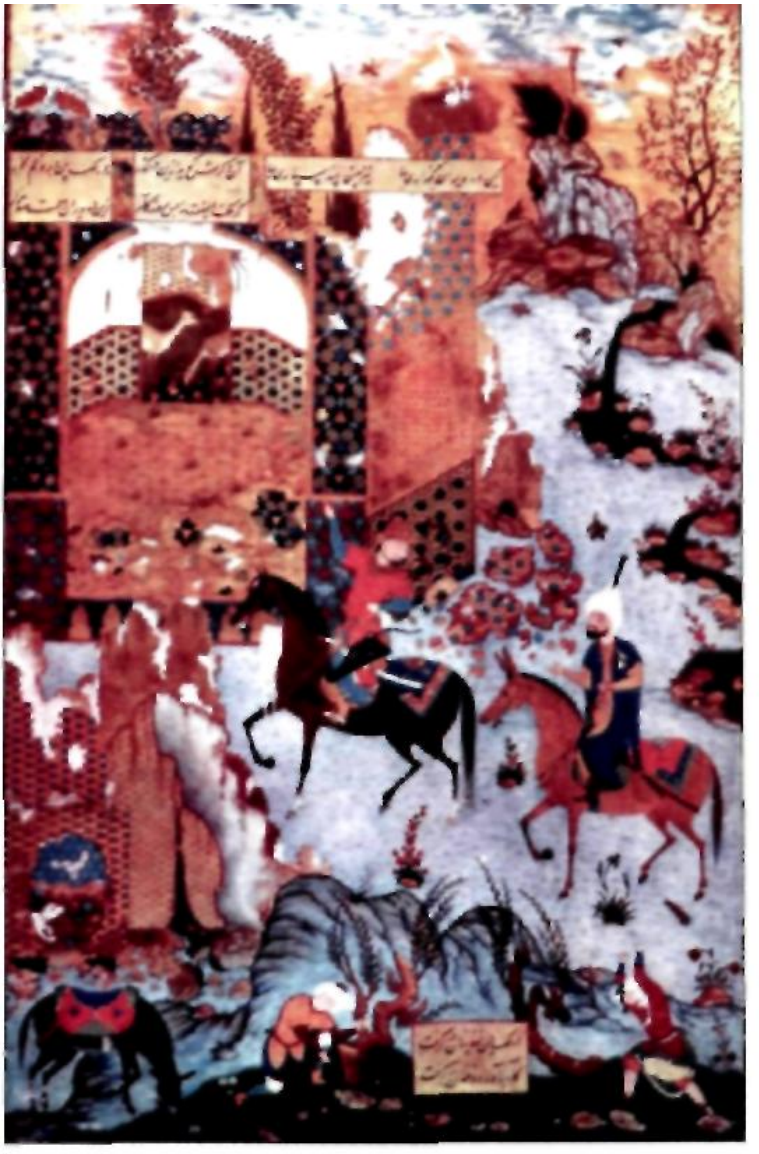
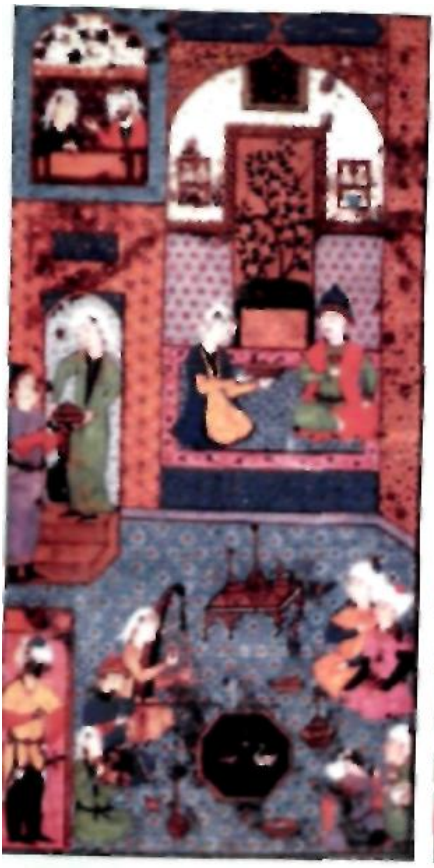


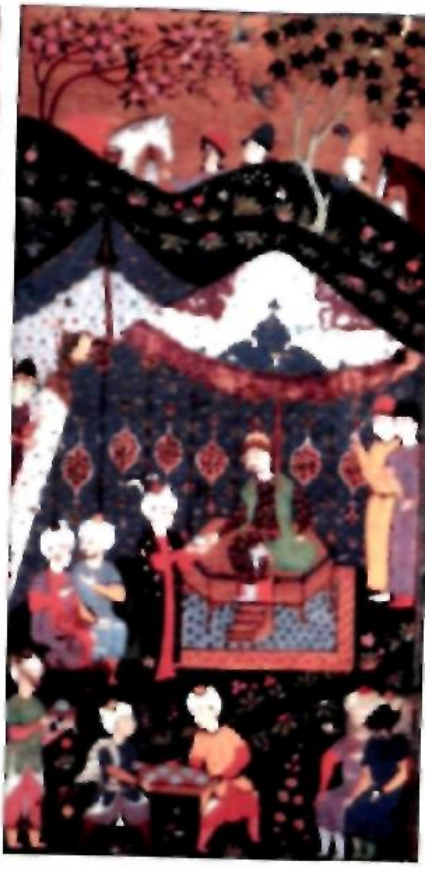
Иллюстрация к книге
«Низами. Афоризмы»

Художники Н. Бабаев, Ю. Салтыков

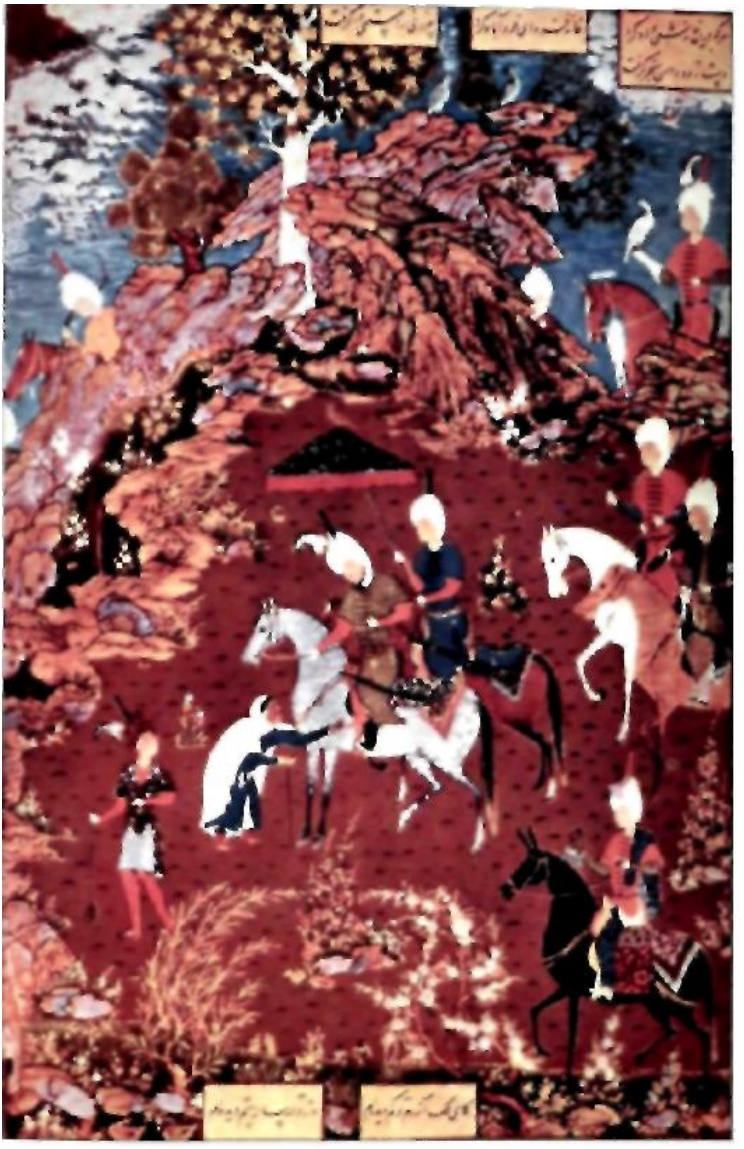


Миниатюры XVI века к поэ
«Сокровищни





Сутра напрегнатост

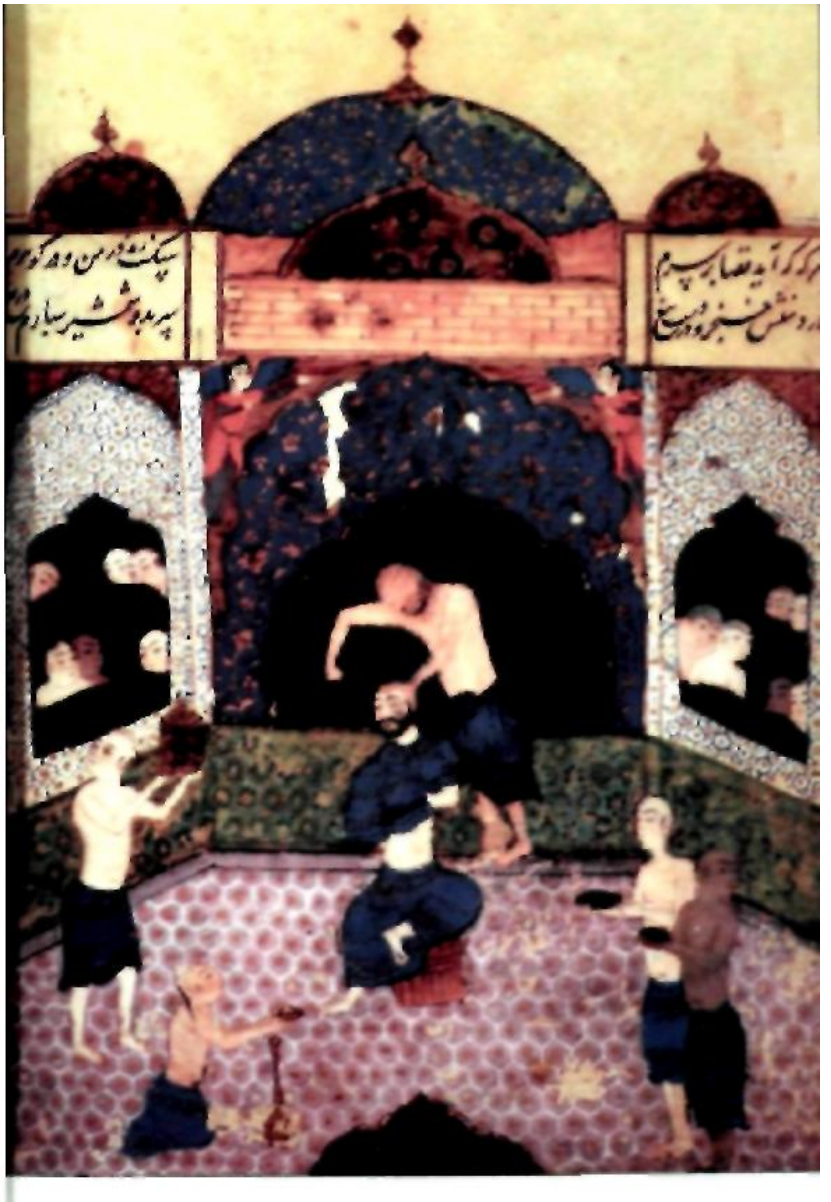


Сцена на стене

Праведный человек перед шахом

Иранская об

Состязание двух мудрецов



Прилика о Ври

Наказан на пряма у шаха

Миниатюра XVI века

Божественные слова

**Фольклор
и литературные
памятники
Азербайджана.**

**Москва
Художественная литература..
2010**

УДК 82/89
ББК 84(2)
Б11

КЛАССИКА ЛИТЕРАТУР СНГ

Издание осуществлено при поддержке
Межгосударственного фонда гуманитарного
сотрудничества государств-участников СНГ

Оформление художника В.В. ГУСЕЙНОВА

Б 11 Божественные слова. Фольклор и литературные памятники Азербайджана. / Составление АМ. Багирова, вступ. статья
академика НАНА Б А. Набиева, чл.-корр. НАНАТ.А. Керимли, биографические справки и комментарии А.М. Багирова — М.: Худож. лит., 2010 — 728 с: ил. — Классика литератур стран СНГ.

Научный редактор издания чл.-корр. НАНА ТА. Керимли

Сборник «Божественные слова» как нельзя лучше отражает фольклор и древние памятники литературы Азербайджана XI-XIV веков. Устное народное творчество и литература азербайджанских тюрков всегда отличались богатством и глубиной гуманистических идей. Фольклор, создававшийся народом столетиями, является его духовным национальным богатством.

В книге читатель познакомится с поверьями, клятвами, небылицами, пословицами и поговорками, а также с более крупными фольклорными произведениями: Ашуг Гариб (сказание — дастан) и Ашик Кериб в пересказе М.Ю. Лермонтова.

В издании представлен один из ранних образцов азербайджанской персоязычной литературы — художественная рифмованная проза, это «Мунисname» - главное творение Устада Абубакра Хосровоглы.

Поэзия Азербайджана представлена именами Гатрана Тебризи, Абульула Гянджеви, Мехсети ханум Гянджеви, Фелеки Ширвани, Муджиреддина Бейлагани, Иззаддина Гасаноглы, Хагани Ширвани, Низами Гянджеви, Авхеди Марагаи, Арифа Ардебили, Ассара Тебризи, Гази Бурханеддин, Имадеддин Насини. Все — мастера поэтического слова, составляющие вершину азербайджанской литературы XI-XIVвеков.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей.

УДК 82/89
ББК 84(2)

© Вступительная статья
БА. Набиев, Т.А. Керимли, 2010
© Составление, биографические справки
А.М. Багиров, 2010
© Комментарии АМ. Багиров, 2010
© Тексты. Переводчики. 2010
© Оформление, В.В. Гусейнов. 2010
© Издательство -Художественная литература.. 2010

ISBN 978-5-280-035M-1

ВЕРБАЛЬНЫЙ КОРИДОР ВРЕМЁН

Мы должны признаться, что во все времена искусство слова оказывало и продолжает оказывать на наше сознание и чувства значительное воздействие, пробуждая в нас сокровенные мысли и эмоции. Именно при помощи художественного слова осуществляется связь с предыдущими столетиями, которая даёт нам возможность принимать и развивать культурные традиции.

Всё духовное богатство прошлого включается в орбиту наших духовных потребностей путём устного и письменного словотворчества и, таким образом, участвует в перманентном процессе воспитания человека.

Поэтическое слово, художественную литературу можно уподобить, пользуясь терминологией физиков, «чёрным дырам». Если чёрные дыры играют роль своеобразного коридора между галактиками, то слово выполняет функцию коридора между отдельными эпохами общественной истории.

Однако следует отметить, что слово еще с древних времен воспринималось не только как надежный мост между эпохами, но и как важный фактор сближения различных этнических групп. И его роль признавалась теми, кто своими глубокими гуманистическими идеями опередил своё время. Волшебная сила слова являлась и темой научных трактатов, вдохновляла творцов художественных произведений.

Азербайджанская литература, восходящая корнями к первой в истории религиозно-философской книге «Авеста», на протяжении веков выражала искренние чувства, гуманистические и миролюбивые идеалы своего народа на трёх основных литературных языках Ближнего Востока — арабском, персидском и тюркском, и прошла до настоящего времени славный путь примерно в 2700 лет.

Художественная литература как источник богатой эмоциональной информации сыграла и продолжает играть неоценимую роль в эстетическом обогащении людей и их взаимоотношений, а также создавать у читателя соответствующее настроение. Из истории известно множество случаев, когда образное слово, удачный литературный пример, предотвращали целые трагедии и положили начало многим добрым делам. Кладезь подобных примеров хранит в себе азербайджанский фольклор и художественная литература. Ведь если мы с раннего детства начинаем узнавать мир посредством колыбельных, сказок, сказаний, песен, загадок, пословиц и позже глубже познавать его благодаря литературным произведениям, следовательно, художественное слово имеет исключительное значение и в формировании личности и ее способ-ности воспринимать всё прекрасное... Вероятно, этот процесс происходит аналогичным образом у всех народов без исключения, независимо от древности и степени богатства их литературы.

Многообразие литератур мира обогащает, подобно прекрасной мозаике, эту уникальную духовную сокровищницу, созданную образным мышлением, свойственным человечеству. К великому сожалению, история мирового словесного искусства знает ряд случаев использования образной, эмоционально-эсте тической силы художественного слова в антигуманистических целях, разжигании вражды между народами. Отрадно, что от меченные тенденции не стали и, думаю, никогда не станут ос-новополагающими словесного искусства, а наоборот, художест-венное слово будет продолжать неуклонно осуществлять свою миссию доброй воли на пути гуманизма и взаимопонимания. Что касается подобной литературы, она осталась и вечно останется на задворках истории, вынужденно уступив дорогу произведениям с благородными, жизнеутверждающими идеями.

В этом смысле азербайджанское устное народное творчество и классическая литература всегда отличались приверженностью лучшим художественным традициям и гуманистическим принципам. Можно с уверенностью сказать, что общечеловеческие ценности, утверждаемые фольклором и классической литературой, в определенном смысле заложили основу высоких идеалов, этноэтического нравственного кодекса, формировавших менталитет азербайджанского народа.

Кто знает, возможно, именно пристальное внимание к значению фольклора и письменной литературы обусловили столь глубокое содержание и гуманистическую доминанту устного творчества и литературы Азербайджана. И чем ближе мы знакомимся с фольклором и письменной литературой разных пародов, тем больше мы становимся обогащенными и человечными.

Дорогой читатель, представляя Вашему вниманию избранные образцы устной и письменной литературы азербайджанского народа, начиная с древнейших времён, я желаю вам открытий, познания и эстетического наслаждения на этом пути.

Хочу выразить самые сердечные и тёплые слова благодарности Совету по гуманитарному сотрудничеству государств-участников СНГ и Межгосударственному фонду гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ (МФГС), а также прославленному издательству «Художественная литература, за прекрасную инициативу по созданию такой неповторимой серии, как «Классика литератур СНГ».

С искренним уважением,
Махмуд Керимов,
президент Национальной
Академии наук Азербайджана,
академик НАНА

ВИРТУОЗЫ СЛОВЕСНОГО ИСКУССТВА

В одной из азербайджанских сказок есть образ волшебной скатёрки: когда бы ее ни расстелил, она ломится от обилия всевозможных яств. После трапезы ты складываешь её и можешь отправляться, куда желаешь. А если вновь захочется покушать, раскрывай скатерть и пробуй, чего душе угодно...

Разумеется, это символ, и даже в наш высокотехнологический век подобная скатерть еще не изобретена, хотя она имеет свой прототип в действительности, который таит в себе неисчерпаемые дары и способен принять в гости любого желающего. Эту неисчерпаемую дароносицу олицетворяют хранители божественных слов — мудрые бабушки и дедушки, а также рукописи и книги, а нынче цифровые диски и всевозможные электронные премудрости...

Память человеческая, сохраняющая силу и бессмертие слова как одно из величайших открытий человека, всегда держит раскрытой для людей эту скатерть, гарантируя им постоянное наличие духовной пищи. По сути ведь сама книга подобна волшебной скатерти, ставшей для нас обычной из-за постоянной готовности насытить наш духовный голод.

Уникальность азербайджанской литературы в том, что она создавалась на трёх языках: арабском, персидском и тюркском. Это можно расценивать как открытость ещё с древних времён народного характера, национального восприятия к другим языкам, культурам, свидетельство его коммуникабельности. Если перефразировать известное выражение Маркса и уподобить древние народы детям, то, согласно современной терминологии, азербайджанских тюрков можно отнести к «хорошим отпрыскам»: когда дети разных национальностей играют вместе, более открытые из них, как бы идя на уступку товарищам по играм, стремятся говорить

на их языке. Так и азербайджанские поэты древних и средних веков, создавая свои произведения на других языках, проявляли к их носителям своё уважение и любовь. Вот почему мы получаем сведения из восточных антологий о таких поэтах первых столетий ислама (УП-Х1 века), азербайджанских тюрков по происхождению, создававших свои произведения на арабском языке, как Мюгляси Марагалы, Баракавейх Занджанлы, Исмаил Яссароглы, Муса Шахават, Абуль-Аббас ал-Ама, Майсур Тебризи, Хатиб Тебризи, Масуд Намдар и других.

Вместе с тем в Азербайджане создавались художественные образцы на тюркском языке, в чем проявлялась диверсификация литературного процесса. Наиболее ярким таким образцом является эпос «Книга отца нашего Горгуда», записанный в VII веке на тюркском языке и дошедший до нас в двух вариантах, с текстом которого читатели серии «Классика литератур СНГ» уже знакомы по книге «Звёздная гроздь» (Фольклор и литературные памятники Азербайджана, Москва, «Художественная литература», 2009).

Примерно в это же время представителями тюркского этноса, нашедшими пристанище на обширной территории от Балкан до Японского моря, в VI-VIII веках в Туранских степях были созданы руническим письмом Орхоно-Енисейские плиточные памятники.

Впервые поэтические особенности этих письменных памятников с историко-хронологическим содержанием были описаны русским тюркологом И.В. Стеблевой, которая предприняла специальное исследование на эту тему. Не может не обратить на себя внимание то, что древние тюрки, которых связывали добрососедские отношения с Китаем, не использовали уже изобретенную бумагу для написания текстов на своем алфавите. А кто знает, может быть и использовали, однако такие образцы не дошли до нас, превратились в пепел в кострах средневековых феодальных междоусобиц, уничтоживших литературно-духовные ценности!

И это несмотря на то, что, как обычно говорят, «рукописи не горят».

Азербайджанская классическая литература, созданная до XI века на тюркском и арабском языках, начиная с этого столетия развивалась и на одном из ведущих литературных язы-

ков исламского Востока в средние века — дарийском, т.е. среднеперсидском литературном языке.

Всего через столетие после образования Хорасанской литературной школы, стоявшей у колыбели дариязычной литературы и известной такими корифеями, как Абульгасым Фирдоуси, Дагиги, Фаррухи, Унсури, мы можем наблюдать первые признаки формирования азербайджанской литературной школы в сборнике стихов «Диван» Гатрана Тебризи, включавшем касыды, газели и рубай. Данная проблема нашла обстоятельное научное освещение в трудах видного русского востоковеда Е.Э. Бертельса.

Что касается средневековой школы азербайджанской поэзии, она достигает своего апогея как глобальное литературное явление, обогатившее мировую литературу и обусловившее последующее направление национального литературного развития в творчестве Абульула Гянджеви, Мехсети ханум Гянджеви, Фелеки Ширвани, Муджиреддина Бейлагани, Иззаддина Шир-вани, наконец, Хагани Ширвани и великого Низами Гянджеви. В это время азербайджанский Ренессанс зарождался как неотъемлемая часть восточного Ренессанса. Особенности азербайджанской поэтической школы могут быть охарактеризованы как высокое мастерство формы, глубокий гуманизм художественного содержания, острое чувство социальной справедливости, толерантность в отношении других этносов и конфессий, идея равенства всех людей перед Всевышним, любовь к прекрасному в природе и человеке, что и по сей день составляет актуальные общечеловеческие ценности.

Касаясь вопроса об иноязычной азербайджанской литературе, не следует забывать об одной характерной особенности, заключающейся в том, что порою исследователи, не учитывающие этнические корни этих мастеров слова и отражённые в их произведениях реалии, национальный колорит, региональную специфику литературной школы, подвержены тенденции квалифицировать национальную принадлежность этих образцов исходя из языка, на котором они созданы. При чтении произведений этих мастеров не представляется возможным отрицать их прочную связь со своим народом. Например, молюбви,характерному для почерка Низами и Хагани, принадлежавших к тюркскому этносу, что совершенно не свойствен-

но художественной манере поэтов другой этнической принад-лежности.

Знаменательно также, что в конце прошлого столетия был найден прозаический образец школы, известной до недавнего прошлого в основном поэтическими произведениями, впервые переведён с персидского на русский язык и опубликован в Баку. Речь идёт об объёмном произведении «Мунисname» современника Хагани и Низами Абубакра Хосровоглы. значительная часть которого представлена в этой книге.

XIII век может быть охарактеризован как период возобновления приоритетности тюркского литературного языка в азербайджанской литературе. Прежде всего это обусловлено пораженческим настроением в обществе, связанным с разрушительными походами монголов. Это повлияло на литературу, усилив в ней суфийские тенденции, аскетические мотивы. В результате постепенного исчезновения помпезных дворцов произошло угасание дворцовой литературы. В связи с этим усиление демократизации языка как отражение потребности в языке местного народа — тюрок, словно ответ на своеобразный социальный заказ, проявилось в творчестве поэтов, живших в Азербайджане.

В Хвеке в азербайджанской литературе создавались про-изведения как в лирических, так и эпических жанрах, среди которых следует назвать дошедшие до нас три газели Иззаддина Гасаноглы, стихи Шейха Сафиэддина Ардебили. Эпическая литература этого времени была представлена поэмами «Дастан об Ахмеде Харами» (анонимная) и «Гиссеи-Юсиф» Гула Али, в которых нашли отражение проблемы Добра и Зла, человеческих пороков, социальной несправедливости, а также вечные в мировой литературе любовные мотивы. К сожалению, ввиду отсутствия на русском языке переводов должного уровня приходится довольствоваться в качестве примеров азербайджанской литературы XIII века только лишь газелями Гасаноглы. Остается надеяться, что в недалёком будущем появится возможность познакомить русского читателя с этими прекрасными поэтическими произведениями.

В XIV веке развитие азербайджанской литературы реализуется в русле билингвизма и здесь, наряду с такими мощнымитюркоязычными поэтами, как Гази Бурханаддин, Имадеддин Насими, создавали свои творения дариязычные поэты Шах

Гасым Анвар, Ашраф Маратам, Авхеди Маратам, Ассар Тебризи, Ариф Ардебили, продолжившие поэтические традиции великого Низами, а также реализовавшие принцип открытости в отношении других языков, продемонстрировав способность успешного отображения тюркского менталитета на других языках.

Естественно, ведущими поэтами данного столетия являются Гази Бурханеддин и Насими, сумевшие поднять азербайджанский литературный язык на высочайший поэтический уровень. При этом, соблюдая целый ряд формально-содержательных особенностей традиционной восточной поэзии, продолжили и развили средневековую азербайджанскую поэтическую школу, подготовив благодатную почву для расцвета творчества Мухаммеда Физули, одного из великих творцов нашей классической литературы XVI века.

На уровне духовно-художественных критериев и откровений общемировой литературы особого внимания заслуживают достижения в развитии национального языка великого азер-байджанского поэта Насими и его великого предшественника Низами, воспевшего в постмонгольский период высокие гуманистические идеи, превращая их в ведущий мотив художественной литературы в новых противоречивых общественно-политических условиях.

Что касается фольклорных произведений, занимающих значительную часть настоящего издания, достаточно отметить, что по своему демократическому и гуманистическому характеру они представляют наиболее общечеловеческую жанровую номинацию. А это связано с совершенно свободным процессом взаимовлияний, параллельностью множества сюжетов, образного обогащения устного словесного творчества различных народов в течение столетий. Вызывает изумление тот факт, что даже после перевода фольклорный образец каким-то чудодейственным образом сохраняет свой национальный колорит, что не является исключением и в отношении азербайджанского фольклора.

Чтобы воспринимать на должном уровне идейно-эстетическую сущность классической восточной поэзии и устного словесного творчества, обязательным условием является знание зарождения культурно-психологической среды этого наследия. Данный вопрос достаточно освещен как в русской, так и в западноевропейской исторической и литературоведческой науке, причём во многих случаях достигнуты определённые успехи в максимальном приближении к исторической истине. В этом контексте, наряду с констатацией безусловных заслуг академика Дмитрия Лихачёва, заслуживает внимания мысль. высказанная голландским

медиевистом Еханом Хьёнзингой, автором известной книги «Осень средневековья».

В своей книге «Homo ludens», изданной в 1958 году, Ехан Хьёйзинга сравнивал историю мировой культуры с игрой, а самого человека называл игроком. Учёный рассматривал и поэзию как один из особых случаев интеллектуально-эмоционального творчества, как игру, сравнивал её с другими сферами общественной деятельности: «Если богопочитание, наука, право, государственное управление и военное дело в высокоорганизованном обществе, судя по всему, постепенно выходят из того соприкосновения с игрой, которое, по всей видимос-ти, на ранних стадиях культуры им было столь свойственно, поэтическое творчество, родившееся в сфере игры, всё ещё чувствует себя в этой сфере как дома». Невольно возникает ассоциация с известным выражением русского учёного Льва Лосева, вполне согласного с этим суждением: «После изгнания из рая, / Человек живёт, играя».

Если подходить к проблеме с позиций вышеотмеченной идеи, становится ясно, что в средние века, в период формирования классической азербайджанской поэзии, в письменной литературе, а также в поэтических жанрах фольклора, трудно поддающегося хронологической датировке, весьма силён игровой аспект в двух направлениях: в форме и в содержании.

Богатые ритмические особенности и мелодика классического восточного стиха, в том числе азербайджанской классической поэзии, свидетельствуют о значительном наличии в её форме игровой специфики. Не случайно, что знаменитые «небесные» танцы, исполняемые под речитатив стихов тюркского поэта Мовлана Джалаладдина Руми (XIII век), и сегодня играют ведущую роль в создании игровых ситуаций в ритуальных меджлисах[1] мовланийцев.

[1] Здесь и далее пояснения слов, выделенных жирным шрифтом. — в разделе «Комментарии».

Что касается игрового элемента, проявляющегося в содержании стиха, то он выражает игровую ситуацию, которую ведёт с правящими кругами прогрессивно мыслящий мастер слова, главным образом реализуя её с помощью эзопова языка.

Однако наряду с вышесказанным, существует ещё одна сторона связи поэзии с игрой, образно называющаяся «игрой слов». И действительно, подобно тому, как колдуны-факиры при помощи магии звуков своей свирели играют с ядовитыми змеями, заставляют их танцевать, великие мастера, в том числе азербайджанские классики, при помощи силы своего вдохновения виртуозно обыгрывают слова, пробуждают в читателе чувство эстетического удовлетворения и одновременно воздействуют на его мысли, нравственно очищая и самосовершенствуя.

Дорогие читатели, мы попытались в этом томе познакомить вас с творчеством мастеров, виртуозно владевших словом в этом мире большой игры, а также словом как плодом образного коллективного мышления народа.

Вашему вниманию представлены яркие образцы, выбранные из неисчерпаемого наследия устной и письменной азербайджанской литературы XI-XIV веков. Если представить все образцы нашей литературы этого периода, потребовалось бы составление десятков таких томов, но мы ограничимся тем, что избрали, ибо чтобы почувствовать вкус и блаженство кристально чистого родника, не обязательно пить его воду вёдрами...

Бекир Набиев,
директор Института литературы им. Низами Национальной Академии наук Азербайджана, академик НАНА
Теймур Керимли,
заместитель директора Института литературы им. Низами Национальной Академии наук Азербайджана, член-корреспондент НАНА

Сокровища из народного сундука

СЛАВНЫЕ СЛОВА

Храни вас Аллах!
Да продлит Аллах вашу жизнь!
Да сделает Аллах вас счастливыми!
Да храни вас Аллах от беды!
Да храни Аллах детей ваших!
Да храни Аллах вас от дурного глаза!
Да сделает Аллах скатерть вашу изобильной, карман полным!
Да сделает Аллах ваш хлеб горячим, воду прохладной!
Да простит Аллах за ваши грехи!
Да вызволит Аллах вас из беды!
Да образумит Аллах недоброжелателей ваших!
Да не пошлет Аллах вам худых дней!
Да не споткнется нога ваша о камень.
Пусть каждый день приносит вам счастье.
Да не знать вам горя да печали.
Да не горевать вам о детях своих.
Чтоб не видели вы горя детей своих.
Да сплясать нам на свадьбе детей ваших.
Да увидеть вам плоды трудов детей своих.
Да увидеть вам счастливые дни детей своих.
Да иметь вам внуков, правнуков и праправнуков.
Женить вам сына, да дочь выдать замуж.
Да обзавестись вам детьми-сыновьями.
Да размножится ваш род в тысячу деревень.
Пусть доносятся из вашего дома всегда детские голоса.
Чтоб достаток у вас всегда был в изобилии.
Да не оскудеет ваш кошелек.
Да будет ваша скатерть широкой, как душа ваша.
Да будет плодородной земля ваша.
Пусть в вашем доме всегда царит веселье.

Пусть дом ваш светлым, а скатерть щедрой будут.
Заиметь вам дом да двор.
Чтоб к вам на радости приходили.
Пусть урожай у вас будет в тысячу раз больше засеянного.
Чтоб не пропали труды ваши.
Чтоб посеянное пошло вам в прок.
Да увидеть вам плоды своего труда.
Да будет сад ваш урожайным.
Да быть вам с достатком.
Пусть в вашем доме всегда царят мир и спокойствие.
Чтобы вы не знали тягот.
Чтоб руки ваши не обессилели.
Чтобы смерть забыла про вас.
Не знать вам бессилья и растерянности.
Да не встретиться вам со злодеем.
Пусть вашим уделом станет счастье.
Чтоб в ваши двери всегда стучалось счастье.
Да обойдет вас стороной дурной глаз.
Пусть недоброжелателям никогда не удастся унизить вас.
Чтоб вы никогда не сгибались перед врагами.
Чтобы вы всегда высоко держали голову.
Да не упадет ни волоска с вашей головы.
Чтоб вы всегда были вестником добра.
Да воссияет звезда вашего счастья.
Пусть исполнятся мечты ваши.
Удачи вам во всех делах.
Пусть дорога мягко стелется перед вами.
Пусть путь ваш всегда будет счастливым.
Чтобы вы не оставались на полпути.
Чтобы ни один из друзей не оказался врагом.
Чтобы не повстречались вы с предателем.
Всю жизнь быть вам счастливыми.
Чтобы день ваш был удачным.
Чтобы видели перед собой все, что душа пожелает.
Пусть не веют над вами черные ветры.
Чтобы на вас сыпались розы.
Чтобы лицо ваше горем не омрачалось.
Чтобы вы никогда не оставались без подмоги.
Достичь вам того, что загадали.

Да не заниматься вам никогда нелюбимым делом.
Да не встретиться вам с невеждой.
Пусть мечта ваша не останется неисполненной.
Пусть скоро не завершится жизненная книга ваша.
Пусть горит ваш светильник, да славится имя ваше.
Пусть будет у вас сто прихлебателей, но ни одного хулителя.
Жить бы вам пока стоит мир.
Чтобы добро ваше было несметным.
Чтобы у вашего очага было светло.
Да поскорее сплясать мне на вашей свадьбе.
Пусть повезет вам с мужем (женой).
Да состариться вам вместе.
Да отведать нам ваших свадебных сладостей.
Да отведать нам вашего свадебного плова.
Хвала наставнику вашему!
Будьте чистыми, как вода!
Не хворайте никогда, крепкого здоровья вам!
Да продлится жизнь ваша!
Тысячу лет жизни вам!
Будьте счастливыми и добрыми!
Аллах вам в помощь!

ПОВЕРЬЯ

Девочка, похожая на отца бывает счастливой.

Спляшет жених на своей свадьбе — быть изобилию.

Захотите влюбить в себя девушку, оторвите кусочек ее одежды и положите себе подмышку.

Кто приснится вам первой ночью в гостях, тот и есть ваш суженый (суженая).

Если беременная женщина взглянет на луну или в зер-кало, когда в чреве шевельнется плод, ребенок будет красивым.

Оставите тарелку немытой, быть вам оклеветанным.

При трехдневной луне ветки не подрубают, деревья не срезают, семена не сеют.

В пору плодоношения, если дерево срубили — быть хозяину в убытке.

Коль веником заденут ногу, быть в доме ссоре.

При солнечном и лунном затмении стучат медной по-судой и стреляют из ружья.

Кто увидел нарождающуюся луну, у того дела идут удачно.

В луну пальцем не тычут.

Почешется ступня — к дороге.

Башмаки стоят носками друг к другу — о вас говорят.

Если конь заупрямился и не хочет продолжать идти, значит, хозяина подстерегает беда.

Продавая коня, уздечку и недоуздок не отдают.

Вечером в зеркало не смотрят.

Положить топор лезвием кверху — к дождю.

Если накинете на кого-нибудь рваный палас и польете водой — к дождю.

Если сова сядет на дерево во дворе, хозяин дома получит плохую весть.

Упадет нож на пол — ждите в гости мужчину.
Упадет вилка на пол — ждите в гости женщину. Если не хотите гостей, то три раза постучите об пол рукояткой этого предмета.
В праздник веселитесь, чтобы жизнь прошла в радостях.
Башмаки в починку парой отдают, коли отдадите одни муж (жена) умрёт.
Человек с большими передними зубами бывает счаст-ливым.
У того, кто не доедает еду до конца, суженая бывает дурнушкой.
Если дорогу перебежит черная кошка, это не к добру.
Перегораживать двери — к несчаст ьюю.
Будите считать башмаки перед дверьми — быть в семье покойнику.
Птичьи гнезда не разрушают.
Если ласточки летают низко — к дождю.
Если на доме ласточка свила гнездо — к радости.
Когда ворон много — быть зиме холодной.
Карканье вороны — к худой вести.
Ножницы открытыми не оставляют, не то раскроете рты недругам.
Катык и чурек говорят: «не режь меня теплым».
Если жених или невеста на свадьбе выскабливает дно казана и ест — к снегу.
Под ореховым, инжирным и кизиловым деревьями не спят.
В гостях ногтей не срезают.
На кладбище на могилу рукой не показывают, показав. кусают себя за указательный палец.
В день жертвоприношения не работаю
Звон в ушах, значит, вас вспоминают.
Нельзя срубать молодое дерево, это не к добру.
Согрешите, если не протянете руку тому, кто взывает к помощи.
Плохой сон рассказывают проточной воде.
Если кто-то встретит праздник Новруз вне дома, тот семь лет будет встречать этот праздник вдали от семьи.

Если кто-то опередил вас и сказал именно то, что хотели сказать вы, значит, тот проживет дольше вас.

Топтать зерно и хлеб — большой грех.

Если кто-то подмел часть комнаты, другой не должен подметать оставшуюся часть, не то жизнь начавшего под метать оборвется внезапно.

Одновременно вытирающие руки о разные концы одного полотенца вскоре поссорятся.

Поиграть с ножницами — к ссоре.

Когда шьют платье женщине, которую очень любит муж, нитка часто рвётся.

И руки, и стол бумагой не вытирают.

Если случайно выронишь кусок хлеба — к радости.

Жечь инжирные дрова — не к добру.

На себе одежду не зашивают, пуговицы не пришивают, а то не миновать клеветы и ослабления памяти. Во избежание этих неприятностей заранее берут в рот кусочек ниточки.

Если большой палец ноги девушки длиннее остальных, то она во всем будет слушаться мужа. Если второй палец длиннее, значит, она будет править мужем.

К одежде роженицы подкалывают иголку или булавку, чтобы злые духи не причинили ей вреда.

Попавший в беду дает обет жертвоприношения.

В первую брачную ночь дверь не запирают.

Собаку с поводком не отдают.

Корову с привязью не продают.

Вой собаки не к добру.

Если не хотите быть оклеветанными, не проходите между двумя женщинами (мужчинами).

Рассыпать зерно, крупу, черный перец или соль — быть ссоре.

Когда говорят о змее, загадайте желание — достигнете его.

Посадить иву — быть бездетным.

Взяв у пасечника мед, обязательно чем-то надо отблагодарить.

Где растет мята, змеи не водятся.

С полпути не возвращаются. Если вынуждены, то остановитесь, трижды плюньте и возвращайтесь.

Увидеть во сне свадьбу — быть поминкам.

Увидеть во сне обувь — попасть в затруднение.

Рыба во сне — к деньгам, к прибыли.

Змея во сне — к дороге, к поездке.

Увидеть во сне кровь — придут в гости кровные родственники.

Золото во сне — к доброй вести.

Собака во сне — объявление друг.

Мясо во сне — к худой вести от близких, к болезни.

Скатерть во сне — к изобилию.

Море, река, вода во сне — к счастью, очищению.

Полететь во сне или сесть на коня — к достижению цели, к повышению.

Виноград во сне — к слезам.

Смех во сне — к слезам.

Слезы во сне — к смеху.

Если хотите и вы присниться тому, кто приснился вам, переверните подушку.

Не ложатся спать, оставив книгу раскрытой, память будет плохой.

Ладонь ребенка не целуют, а то быть дяде по матери бедным.

Вслед невестке бросают камень, чтобы в доме жениха сидела крепко.

Если чешется между лопатками, значит, где-то близкий человек попал в беду и нуждается в вашей помощи.

Если беременная женщина съест зайчатину, то ребе нок родится с заячьей губой.

Кто ночью срезает ногти, укорачивает свою жизнь.

Нельзя ночью подметать — это приносит в дом бед- ность, печаль и траур.

Идя повидаться с только что вышедшей замуж девуш- кой, из родительского дома относят все ее вещи, кроме обуви.

Если во время обручения свекровь погладит голову невесты, быть между ними согласию.

После родов сорок дней нельзя давать роженице дичину.

Ворованное зерно не плодоносит.

Отдать ворованные деньги беременной женщине — быть рожденному ребенку мошенником.

Если горящий очаг гудит, значит, кто-то говорит о вас.

Хранение дров в доме не к добру.

Срезать ногти чужими ножницами — не к добру.

Когда умирающий долго не расстается с жизнью, в его ладонь кладут горстку земли или камушек.

Если человек умирает тяжело, ему на грудь кладут зеркало.

Если при разговоре о покойнике кто-то чихнул, надо рукой три раза коснуться спины чихнувшего.

Родня умершего — семь дней не стрижется и не бреется.

Осенние и весенние дожди приносят плодородие.

У одевшего одежду навыворот дела идут на лад.

Если шапки повесить одну на другую, значит, много раз женится.

Увидев дурной сон, кладут монеты на подоконник.

Через порог ничего не передают.

В фундамент нового дома бросают деньги, чтобы дом был с достатком.

В новый дом первой запускают кошку.

Убившему кошку добра не видать.

Мимо встречного, не поздоровавшись, не проходят.

Во сне бредящего не будят.

Зачешется правая ладонь — получить деньги, левая — отдавать деньги.

Если покраснеет правая щека и правое ухо — значит, добром вспоминают вас, Покраснеет левая щека и левое ухо — значит, судачат о вас.

У человека с мягкими волосами и характер бывает мягким.

Если прядь волос спадает на лицо — ждите гостей.

Если задергается правое веко — к хорошей вести, задергается левое — к плохой, если оба, значит, близкий человек соскучился.

Сидеть на углу стола — оставаться семь лет холостым.

Заглядывать с утра в пустую посуду — "не будет удачи.

Если невеста возьмет в руки рис и произнесет имена подруг, то их скоро сосватают.

Если взгляд задумчиво устремлен вдаль, издалека обьявится близкий человек.

Перед уходом в дом жениха невесту усаживают в дверях и дают на руки мальчика, чтобы ее первенец тоже был мальчиком.

Разбить зеркало — к несчастью.

Если при сильном дожде в лесу завоет шакал, значит, на следующий день выглянет солнце.

Если днем при сильной жаре куры сбиваются в кучу, значит, пойдет дождь.

Над инвалидом не смеются.

Скотину не бьют - в дом беда нагрянет.

С кочергой не играют — голод наступит.

В одиночку в лес не ходят.

В мечеть обутым не заходят.

Мундштук не дарят.

Покупателю не лгут — недород будет.

Обручальное кольцо никому не отдают и не закладывают.

В день обручения не стирают.

На обручение соль не несут.

Начнешь ссору на обручении — добра не видать.

Покачать пустую люльку — не к добру.

С неопытным человеком в дальний путь не пускаются.

За едой не разглагольствуют.

Встать утром с левой ноги — дела на лад не пойдут.

Если за столом нечаянно прольется вода — к счастью.

Если за столом нечаянно разобьется стеклянная посуда—к счастью.

Пьющего воду не трогают, говорят, даже змея не ужалит.

Кто подоспеет к накрытому столу, говорят, теща (свекровь) любит того.

Если на стол накрошится хлеб, значит, придут гости.

Если в стакане чаинка стоит торчком, значит, придут гости.

На мешок с зерном садиться-большой грех.

Через лежащего не перешагивают, говорят, что перешагнувший все свои беды и горести стряхивает на лежа- щего.

Последний кусок нельзя оставлять недоеденным.

Кукарекание курицы — не к добру.

Если в день свадьбы разобьется зеркало судьбы, удел невесты будет нехорошим.

Лёжа не едят.

Новорожденного купают после срезания пуповины.

Имя ребенку должны давать только близкие родственники.

Когда ребенок начнет ползать — ждите гостей.

Если ребенок начинает поздно говорить, то ему дают голубиное яйцо.

До годика волосы ребенка не стригут.

Если на вас села «божья коровка», значит, услышите радостную весть.

Если кто носит с собой верблюжью шерсть или надевает одежду из верблюжьей шерсти, того не коснется сглаз.

Кто носит с собой руту, того не коснется сглаз.

Дым руты снимает страх.

Если трехдневную луну показать мальчику — к изобилию в доме, показать девочке — к убытку.

Сиротские деньги присваивать — большой грех.

Девушке с родинками — быть счастливой.

Девушке с родинкой на подбородке — выходить замуж один раз.

Если женщина пересаливает еду, говорят, она сильно влюблена.

Если беременная женщина увидит во сне луну, то родит красивую девочку.

Если беременная женщина съедает ежевику или крапиву, ребенок родится шалуном.

Беременная женщина шесть месяцев не должна смотреть на уродливые природные явления.

Беременная женщина не должна сквернословить.

Когда с потолка свисает паук — ждите гостей.

Прокричит сорока во дворе — придет близкий человек.

Платок — к разлуке, поэтому нельзя дарить любимому человеку носовой платок; отдавая, надо получить взамен мелочь и произнести: «продано».

Из чинара люльку не делают.

Если чинаровое дерево сбрасывает листья снизу — зима будет студёной.

Молодой человек не сажает черный тут — может уме-реть молодым.

С огнем не играют.

С ружьем не играют.

К хвосту коня прикалывают булавку, чтобы джинны не смели подойти к нему.

Четный чих — к удаче.

По пятницам в лес не ходят.

В пятницу в путь не пускаются.

Для радостного события покупают нечетное количество цветов.

На закате не спят — голова заболит.

На закате не плачут.

На закате никого не проклинают.

В наступающих сумерках свет не гасят.

В сумерках на пороге не сидят.

На закате дверь не запирают, ждут добрых людей в гости.

Если упадет кусок или крошка хлеба, или если на улице увидите брошенный кусок хлеба, то его немедленно надо поднять, три раза поцеловать, поклониться и положить на видное место для птиц, ибо хлеб — священный продукт для человека.

Клятвы

Клянусь Всевышним!
Клянусь создавшим нас Аллахом!
Клянусь священным Кораном!
Клянусь пророком Мухаммедом!
Клянусь священной могилой пророка Мухаммеда!
Клянусь двенадцатью имамами!
Клянусь священной Каабой!
Клянусь белыми куполами голубых мечетей!
Клянусь всеми святыми!
Клянусь родной землей и священным небом!
Клянусь луной и солнцем!
Клянусь далекими звездами!
Клянусь высокими горами!
Клянусь чистейшими родниками!
Клянусь бурлящими реками!
Клянусь изумрудными лесами!
Клянусь горными лугами!
Клянусь горными цветами!
Клянусь прохладными ветрами!
Клянусь плодородными весенними дождями!
Клянусь охлаждающими летними осадками!
Клянусь очищающими осенними ливнями!
Клянусь расцветающим утром!
Клянусь алым восходом!
Клянусь ясным днем!
Клянусь огненным закатом!
Клянусь ярким огнем!
Клянусь родным очагом!
Клянусь своим здоровьем!

Клянусь жизнью!
Клянусь своим родом!
Клянусь честью!
Клянусь любовью своей!
Клянусь честным трудом своим!
Клянусь родным отцом!
Клянусь молоком матери!
Клянусь здоровьем родителей!
Клянусь братом!
Клянусь сыном и дочерью!
Клянусь жизнью единственного ребенка!
Клянусь дорогой жизнью любимого и единственного сына!
Клянусь своими детьми!
Клянусь дядей!
Клянусь жизнью своих близких!
Клянусь хлебом и солью!
Клянусь своим честным хлебом!
Клянусь своим честно заработанным куском!
Клянусь чистой водой!
Клянусь нашей дружбой!
Клянусь жизнью дорогого друга!
Клянусь могилой отца и матери!
Клянусь могилой дяди!
Клянусь верой своей!
Клянусь именем твоим!
Клянусь Родиной своей!

НЕБЫЛИЦЫ

Старую баню ветром топили,
Решетом соломенным воду носили.
Верблюд ходил по воду.
Муравью брил бороду.
Муравей брыкаться стал,
Верблюду ногу сломал.
Баня, баня в решете!
Всем просторно в тесноте.
Лысый волосы стрижёт.
Вор одежду стережёт.
Дровосек без топора
Рубит весело дрова.
Банщик без шайки споласкивает
И поленом занозы вытаскивает.
От щелчка одного
Пёс заржал: «И-го-го!»
Мигом впрягся в медный таз,
Кувыркнулся девять раз,
Зазвенел, задребезжал,
И на свалку побежал.
Сам я видел: в решете
Пса кусал мошенник.
У собаки на хвосте
Видел я ошейник.
Прискакал на свалку пёс,
Медный таз котам привёз.
Выпрягали пса коты
До утра, до темноты.
И брыкался пёс,

И лягался пес,
А потом, а потом
Молодецки гикнул!
И с котами день и ночь
Танцевал лезгинку.

Муравей лягнулся раз
И свалил верблюда в грязь.
Верблюжонок прибегал,
Верблюжонок помогал,
Не помог — и сам увяз.
Пришла муха «Выз-выз-ла»,
Всех из грязи вы-вез-ла!
Муху оседлали,
Куру переплыли,
Поехали дальше...
Похлебали простокваши
Граблями и вилами.
Из порожнего в пустое
С мясом кашу вылили.
Под зелёным небом спали,
Огород иглой вскопали.
Верблюд в огороде был,
Огород весь развалил.
Верблюд огород полол,
Девяносто семь арбузов
Одним махом расколол.
Два арбуза раздавил,
А один зелёный был.
Шли, шли,
Сундук нашли,
Из сундука
Сама вышла сума.
В суме старой, кожаной,
Лежит, что положено.
Чем сума полным-полна?
Грамоты и письмена.
Была там грамота одна
Величиною со слона.
Другая, по слухам,

Со слоновье ухо
А третья как раз
Размером с палас.
Пятьдесят пять дней
Разбирали...
И на праздник,
Наконец, прочитали.
На первой странице
Одни небылицы.
На странице второй
Враньё — ой-ёй-ёй!
А что на третьей,
Совсем не верьте!
Всё бумажная труха.
Небылицы, чепуха.
Много всякого вранья
Мы слыхали, сами врали...
Но такого вранья
Не слыхал ни ты, ни я.

* * *

Гасанага,
Босая нога,
Гулял в саду,
Жевал лебеду,
Поймал пичужку
И ту, лягушку,
Гостю дал,
Гость есть не стал.
Повалявши, слопал сам.
Съел лягушку — захворал.
Гасанага хворает,
На две ноги хромает,
Не на земле,
Не в небесах —
Стоит весь день
На волосах.

***

Кракин-Вракин, помню я,
На стене сидел три дня.
Я хотел его поймать,
Оказался пойман я.
Был на площадь я опущен.
Где пустырь — густели кущи.
Есть чем птице прокормиться,
Дерево-то колосится.
Чтоб дорогу проложить,
Стал ограду городить.
Шёл недолго, долго полз,
Заблудился среди роз.
Ни цветочка не сорвал,
Ни словечка не соврал.
Вышла бабушка из дома,
Я от бабушки удрал.

* * *

Туру-туру, - разойдись,
Петухи передрались.
Гребни алые горят,
Пух и перышки летят.
А ещё со дна реки
Вылетали голубки.
Гули-гули, голубки
Туру-туру, турманки.
Туру-туру, тара-тара,
С неба яблоко упало,
Яблоко красивое,
С двух боков червивое,
Сверху — побитое,
Снизу — помятое.
Это яблоко в роток
Не клади себе, браток!

* * *

Руку ножиком порезал,
Рукояткою порезал.
Дайте маслица, помаслим.

Дайте мёда, мёдом смажем,
А потом платком завяжем.
А платок возьмём откуда?
Он на шее у верблюда.
Тот верблюд в пути к Ширвану,
Путь к Ширвану — через яму.
А в той яме вязнет воз,
Вязнет воз в вязанках роз.
Розу алую сорву,
Розу в косу заплету,
Вот тогда на свадьбе брата
Плавно павушкой пройду.

* * *

Ой, продрог же я, промёрз,
С горки яблочек принёс.
Яблочки-то отняли,
Меня на муки отдали.
Мук из рук не выроню,
Глубь-колодец вырою.
Брошу в него козни,
А в колодце — козы.
Козы считанные, — пять.
Вожака-то не видать,
Вожак на вершине скал.
Звал, махал, стоит, как стал.
Жмыху дал, он есть не стал.
Жмых в казане закипал.
Гамбар в уголке играл.
Встал Гамбар, пошёл Гамбар,
По дрова пошёл в амбар.
Только щепочку срубил,
Тростником бедро пронзил.
Не тростник, камыш в бедре.
Пятерня, как в серебре.
Тату серебро отдал,
Тат за то мне просо дал.

Просо птицы расклевали,
Мне за просо крылья дали.
Стал я птицей, стал летать,
Врата неба открывать.
Страж ворота стережёт,
Внутри пташечка поет.
Страж ворот касается…
А за ними соловей
Свищет, заливается.

• • •

Сидел я на лавочке.
Глядел я на улочку.
Видал три яблочка златых
На серебряном блюдечке.
Ах, яблочко, золотоцвет!
Ты мне достанешься иль нет?
Эх, кабы мне одно из трёх,
Да я б сто лет его берёг!

• * •

Говорят: «Ну и сад!
Ни айвы, ни гранат!»
Мне не надо айвы.
Мне не надо гранат.
Говорили бы вы,
Как они говорят:
«Ну и сад!
Что за сад!»

***

Садовод плодов желал.
Будут,
Нет ли,
Поджидал —
С дерева,
Что не сажал,
Яблоко,
Что не срывал.

Не конь,
А копытцем
Достанет
Водицы.
Не птица,
А в клюве
Потомство
Плодится.

СКОРОГОВОРКИ

Обхитрил хитрец глупца. Глупец отлупил хитреца.Так глупец отлупцевал хитреца, что хитрец стал глупее глупца.

Сидя на оси колеса, всё село исколесила оса.

Замок на замке. Замок на замке.

Протяни-ка руку, перепрыгну реку.

Принёс прут, перебрось через пруд. А я по пруту через пруд перейду.

У реки на берегу сижу, реку берегу... Одна река убегает, я другую стерегу.

Пошёл за шубой лисьей, а шуба ещё на лисе.

Ищи пепел на пепелище, на пепелище пепел ищу.

Жарь на жару, парь на пару, жарь или парь, но пируй на пиру.

Кашевары каши варят, а наши кашевары и не кашева-
рят, а закашеварят, накашеварят вам такие хорошие каши. куда кашеварам вашим.

Это бабусины бисер и бусины,бисер и бусины эти-
бабусины.

Тёткины чёрные чётки, чёрные тёткины чётки, чётки чёрные тёткины.

Был Назар на заре на базаре, был до зари на базаре Назар.

Ах, фазан, фазан! Не фасонь фазан! Не форси, фазан! Пофорсистее, пофасонистей, пофазанистей есть ещё фазан. .

-

Старый брехун украл требуху у старухи-стряпухи. Теперь требуха у старого брехуна в брюхе, и брюхо у старого брехуна от требухи пухнет.

Окрылились пернатые, оперились крылатые.

Что с молока сняли — это густые сливки. Что с молока слили — это пустые сливки.

Не ты мёл, не ты мыл, но ты мал, но ты мил.

Ты не мал, ты не мил, но ты мел, но ты мыл.

И у осетра — сестра, и у севрюги — подруги.

Лежи, кошель с денежками, где лежал, лежи, кошель с денежками, жди дележа.

Ежели бы жужелица да без жала, ежели бы жужелица не жужжала, вышла бы и жужелица замуж.

Доля дыни длинней дыни, длинней дыни доля дыни.

Каков ты, такова и тыква, какова тыква, таков и ты.

Хвала халве! Похвала пахлаве! Пахлаве — хвала, и халве — похвала.

Проси, проси, принесу! Ослу мясо, овёс псу.

Не кори Керима, накорми Керима, накорми Керима, не кори Керима.

То ли вола увели у Вели, то ли осла свели у Али. Валит вину Вели на Али, валит Али вину на Вели.

Усы у Мусы, усы у Исы, и у сына Исы — усы, и у сына Мусы — усы

Чем больше аршин, тем меньше барыши. Чем меньше аршин, тем больше барыши.

У всякого простака маска мастака. У всякого мастака маска простака.

Скачут всадники от нас — скачут конники.

Скачут всадники на нас — ой, разбойники.

Папаха пахаря пропахла напаханным, папаха хапуги пропахла нахапанным.

Ушли волосы из вшивой волости, пришли в плешивую волость волосы.

И деды были детьми, и дети будут дедами, и у дедов были дети и деды, и у детей будут деды и дети.

То редька, то репка, то репка, то редька, на грядке то редька, то репка нередко.

Не жнёт, не жнёт ржавый серп рожь, не режет, не режет ржаной хлеб ржавый нож.

Горячи харчи в харчевне, из печи харчи в харчевне.

Есть воры, и есть проворные, и попроворнее есть воры, и поворотей проворные.

Сорок кувшинов, сорок кубышек, и все сорок кувшинов без ручек, и все сорок кубышек без крышек.

До дешевизны дожили, всё стало дёшево, соль стала де- шева, столь соль стала дешева, что до дешевизны дожили.

Сто горшков, все сто без ушков, у целых ста горшков нет целых на горшках ушков.

Вожжи вздорожали, дрожжи вздорожали, а дороже дрожжей и вожжей вздорожали ножи.

.

И в орешке ядрышко с ядрышком, а мы, грешники, да не рядышком!

Ставь казан! Сказал — поставил. На таган казан поставил.

Ты с едой казан поставил? Тьфу, пустой казан поставил.

Не казан, а наказание. Сказали, на Кавказе казан, а оказался казан в Казани.

Коняга не коняга, но гони коня, коня гони!

Сито как сито, но сколько ни сыпь в сито, а сито всё не сыто.

Ханский халат, весь из заплат; халат из шёлка, заплаты из бязи... А что, из бязи не ставят разве заплаты на шёлке? Заплати мне только за халат из бязи в заплатах из бязи, в заплатах из шёлка!

За портки из парчи портному заплачено.
Но портки из парчи портным испорчены.
То ли портки из парчи пороть и шить их снова.
То ли пороть за испорченную парчу портного.

Захочешь кислого молока, съешь и с чесноком, и без чеснока, захочешь — и начесноченное съешь, и неначесноченное съешь, если захочешь.

Пёс пас овец, пёс спас овец, спасибо псу, не спал, а пас, спасибо псу, спасал и пас.

Молла, мол, в молельне молла, а не в молельне молла не молла, молла, мол, в чалме молла, а не в чалме молла не молла и в молельне.

Намажь лаваш маслом, ешь, положь в лаваш мясо, ешь, лаваш ломай, а не режь, лаваш — хочешь с маслом, хочешь с мясом, хочешь — так — лаваш ешь!

Босяки от собак, собаки за босяками, босяки за собаками, а собаки от босяков.

Послали ослов послами, но посланные послами ослы остались ослами.

Ссора вышла из-за спора, споры были из-за сора, сору было много в рисе, рис перебирать взялися, из-за риса разодрались. Не дерись, берясь за рис!

У Булата меч булатный, у Булата конь буланый, у Булата из булата булава, из булата ль у Булата голова?

Это счёт идёт без счёт; чёт — нечет, нечет — чёт. В счёте всё наперечёт: чёт — нечет, нечет — чёт.

Ходишь, рыщешь, своих козлищ ищешь. И вдруг, среди тыщ самых разных козлищ, точно таких же находишь козлищ. Но как их козлищ от своих отличишь? У всех ножища, у всех рожища, у всех бородища, от всех вонища, а спросишь: не мои ли это козлища? Скажут: да у нас таких козлищ тыща, да ты что, дружище, у всех козлищ ножища, у всех рожища, у всех бородища, от всех вонища. Все козлища козлищам родня, ищи козлищ, да не у меня.

Мы в полнолуние все полоумные, но в новолуние мы снова умные.

Повар, повар, свари плова, крошку плова, ложку плова, плошку плова, чашку плова, блюдо плова, плова — таз. Добрый повар сварил плова таз не таз, да не для нас.

Вправо правил, влево правил, прямо правил — все без правил.

Иду, вижу: брод, у брода плот, середь брода брадобрей брадобрею бороду дерёт. Спрашиваю: «Эй, брадобрей, ты зачем середь броду брадобрею дерёшь бороду?» Отвечает: «Я, брадобрей, сын брадобрея, этому брадобрею, сыну брадобрея, за то деру бороду, что этого брадобрея дед-брадобрей моему деду-брадобрею бороду драл. Если бы брадобреев дед-брадобрей моему деду-брадобрею бороду не драл, то и я бы сейчас этому брадобрею бороду не драл».

Говорит брадобрей брадобрею: «Кто из нас, брадобреев, добрее?»

Хожу, гляжу, вижу: на одной меже двух ежей в изношенных сапожках на ножках, в кожушках изодранных немножко, в поношенных одёжках. Ежели ежиха в изношенных сапожках на ножках, в изодранном кожушке, в поношенной одёжке мужу-ежу в изношенных сапожках на ножках, в изодранном кожушке, в поношенной одёжке одёжку латать не желает, то уж ёж в изношенных сапожках на ножках, в изодранном кожушке поношенную одёжку ежихе-жене живо залатает.

Рыцарь не царь, на рыцаре панцирь, а на панцире у рыцаря царь-птица выцарапана.

Не богаты вы, богатыри, но силачи! А богаты не богатыри, а богачи.

Хороший щит из кожи сшит. Хороший щит из шести кож сшит. Хороший кожаный щит защитит.

Злато-то оно злато! А зла от этого злата, а зла-то

Балабонил барабан: я была бы там, ты была бы там, ты была бы там, я была бы там; бубнил бубен: ты была бы там, а мы там будем, ты была бы там, а мы там будем.

Вечером пятничным придём к вам, попятничаем, по-пятничается — так попятничаем, а не попятничается — так попятничаем чаем другим вечером пятничным.

И льва изловлю, и лань изловлю, а лань изловлю изловленному льву.

Арык не река, а рык у арыка, как у реки. Река Тигр не тигр, а рык у реки Тигр, как у тигра.

Кабы собака не влезла в сапог, не полетел бы в собаку сапог.
Отдана дань дынями, да не нам, не вам дыня дадена. дынь не дам.

Овца белая блеяла, блеяла, овца белая млеяла, млеяла. о чём блеяла, о чём млеяла, всё о том, что она — овца белая.

Ели-ели, еле съели, или еле-еле ели, или еле-еле съели.

Лет — сто годов, сед, бестолков, всё, дед, готов.

Бьются неистово волны холмистые у волнолома с холмами волнистыми, холмы волнистые бьются неистово у волнолома с волнами холмистыми
.

Чтобы враль, да не приврал, чтобы повар варева не попробовал, а вор не приворовывал, так это не вор. не повар, не враль...

Тать — он тать, что с татя взять, так ли, эдак, тать — он тать, тать — он тать и есть, и надо татя татем называть.

У быка — бока, у бычка — бочка, бочка и у бочки, и у бочонка-бочечки, но у быка и бока, и рога, и, пока у быка рога, бык — бугай, от быка убегай.

Лиловели лиловые лилии, лиловели, лилия лилии лиловее.

Суббота — та себя любит. Суббота работать не будет. У субботы свои заботы. Суббота — та сама по себе, я бы взял субботу себе.

Дели не дели неделю на дни, а неделю на дни давно поделили.
нитки, в клубке нитки, не тки из клубка, не тки из мотка, а тки из нитки.

Был у Розы белый розан, был у Розы розан бел, глянул раз на Розу розан, на глазах порозовел.

Приглянулась девушка приглядная — бери девушку. Приглянулось девушки приданое — бери денежку.

Тёр-тёр на тёрке тёрн, натёр тёрн, натёрся тёрном, а не тёр на тёрке тёрн, не натёр, наелся тёрном.

Ух ты, как утюжат утюги подол юбки!

Ух, как утюги подол реки утюжат утки!

И раб он, и ряб он; рябой раб — араб он.

Няню мне, а меня — няне, меня — няне, няню — мне.

Пока пекарь пёк в печном пекле, бока пекаря в печном пепле.

Ели из миски скисшие сливки киски, ели киски скисшие сливки из миски, скисшие сливки ели из миски киски.

Голенаст аист, а не голосист, не голосист аист, а голенаст.

Дым над домом, дым над садом.
Сам дыми своим самосадом.
Дым столбом и дыбом дым.
Сам дыми самосадом своим.

Ворон — вор он, а ворона — вор она, ворона.
Ворон — чёрен, а ворона — ворона, ворона.

Не мала у вола голова, голова у вола не гола, вилы на голове у вола.

Турки Керметука с турками Шерметука торгуют короткими куртками, а турки из Шерметука с турками Керметука торгуют каракулевыми бурками.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Доброе слово — украшает мир.

Перо острее меча.

Слово народа скалы свернёт.

Лучше острый меч, чем слова упрёка.

Написанное пером — меч не сотрёт.

Язык ранит больнее меча.

Сокровище имеет цену, слову — цены нет.

За каждым брошенным камнем не гонятся.

Всякому слову — своё место.

Сплетня рушит дом.

Вола ловят за рога, человека — на слове.

Рука с пером за подачкой не потянется.

Хочешь правду узнать? — Спроси ребёнка.

По речи человека узнают.

У каждого слова свой вес.

Раз скажи, два — подумай.

Правду в шутку говорят.

Знай больше, говори меньше.

Сладкое слово — желанно душе, горькое слово — боль в голове.

Сладкие речи змею из норы выманят.

Стирка очищает одежду, а беседа — сердце.

Язык на привязи — голова цела.

Что подвластно слову, не подвластно силе.

Человек — словами, скотина — рогами.

Слушающий мудрее говорящего.

Язык голову бережет.

Язык — враг человека.

Язык — ключ от сердца.

Слово и дорога — старшему, воду — младшему

Конец речи виден по её началу.

Сладкое слово слаще мёда.

Язык без костей: куда потянешь, туда повернётся.

У бурного сердца тихие слова.

Разговор — серебро, молчание — золото.

Плов — едоку, слово — знатоку.

Каждому болтуну отвечать — горло надорвёшь.

Мудрый говорит последним.

Болтуна народ сторонится.

Немой язык лучше лживого.

Если двое скажут, что ты пьян — вались на землю.

Осёл заревёт — себе пару найдёт.

Собака на верблюда лает, а тот не слышит.

Собака лает — караван идет.

В закрытый рот муха не попадёт.

Кто другому в рот смотрит, голодным останется.

Сплетня братьев родных разлучит.

Больше того, что смыслишь, не говори.

Родной край - отрада.

Лучший друг — мать, лучший край — родина.

С народом и чёрный день — праздник.

Кто на чужбине не бывал — цену родине не узнал.

Кого народ поднял, того никто не сбросит.

Глаз народа — лучший оценщик.

Народ - сам себе зеркало.

Муравьиная рать и льва победит.

Перед народом и шах бессилен.

Живи с народом, умри с народом.

Одной рукой узел не завяжешь.

Одной рукой в ладоши не захлопаешь.

Поднялся народ, поднимись и ты.

Один светильник сорока людям светит.

Гвоздь бережёт подкову, подкова — коня, конь — храбреца, храбрец — отчизну.

Народ возлюбит — мир полюбит.

Каждому свой очаг мил.

Срубили дерево — разлетелись птицы.

Два мелких ореха соединятся — один крупный раздавят.

С любимой расстаться — семь лет тосковать, родину покинуть — всю жизнь горевать.

У каждого народа — свой безумец.

Родина — мать, чужбина — мачеха.

Каждому своя родина милей.

Человек крепче камня, да нежнее цветка.

О любви глаза расскажут.

Любишь розу, терпи шипы.

Цену розе знает соловей.

Цветы растут в цветнике.

Красота — корона, не каждому достанется.

Назови дурнушку красавицей, тут же ломаться начнёт.

Взглянуть на красавицу — благое дело.

Влюблён — ослеплён.

Любовь не в очах, а в сердце.

Юноша — умом, девушка — красотой.

Нет красавицы без изъяна.

Блёклость — тоже цвет.

И красавцу ум не помеха.

Коня холят, девушку любят.

Каждому своя любовь дорога.

Барану рога не помеха.

Цветы в цветнике не вечны.

Луна и звёзды — украшение неба.

Одному роза по душе, другому — фиалка.

В саду любуются цветами.

От ивы сандалом не запахнет.

Любимое дитя — внук, выгодное животное — верблюд.

Семья — ключ к счастью.

Муж и жена из одной глины вылеплены.

Муж — венец жены.

Дети — продолжение родителей.

Не еда дитя растит, а ласка.

Гнездо вьёт самка.

Одна хорошая дочь лучше семи плохих сыновей.

Коня покупать пошли молодого, невест»- выбирать — пожилого.

Покупаешь бязь - глянь на кромку, выбираешь в жёны дочь — гляди на мать.

Достойному сыну - отцовское наследство в помощь.

Весну узнают по зиме, девушку — по брату.

Подыщи дочери жениха, чем искать сыну невесту.

Мужа найду, сына рожу, а брата где возьму?

Как замуж выходить — старшей дочери, как пол подметать — младшей.

Кто ищет девушку без недостатков, тот останется без возлюбленной.

Полюбил дочку соседа — распрощайся с покоем.

Никто свой айран кислым не назовёт.

Раз сын у отца гостей не видал, сам стола не накроет.

Собрался жениться — не советуйся с холостяком.

Маменькин сынок вырастет амбалом.

Спросили: «Откуда родом?» Ответил: «Пока не женат».

И тысяча тёток одной матери не заменит.

Какой палец ни обрежь — одинаково больно.

С родичами за стол садись, но сделок с ними не заключай.

В тени одного дерева тысяча баранов отлежится.

И травинка на своём корню растёт.

Каковы предки, таковы потомки.

Дом делает домом женщина.

Каждая женщина у себя в доме и госпожа, и прислуга.

Кто свою мать любит, чужую не обругает.

Каков сад, таковы и плоды.

Сын — опора, дочь — украшение.

От кобылы — конь, от ослицы — осёл.

Дом с хорошей женой — рай.

Дитя слаще мёда.

Материнское терпение всё перетерпит.

У буйной коровы и телёнок буян.

У робкой собаки и щенок труслив.

Что знает о муках любви тот, кто сам не изведал любви.

С яблоневой ветки алыча не упадёт.

В доме, где нет старшего — не жди добра.

Честь дочери — всё богатство отца.

С любимым каждый куст — дом.

Дети — украшение дома.

Душу даришь — подари брату: и через тысячу лет чужой не станет.

Дом с детьми — базар, а без детей — могила.

Для детей отец всегда сильнее всех.

Честь жены — достоинство мужа.

Поручи ребёнку, сам беги вдогонку.

Пожелание ребёнка превыше повеления шаха.

Мне мил мой ребёнок, а моему ребёнку — свой.

Выйти замуж легко, мужу рубашку сшить трудно.

Тому, что братья навеки поссорились, дураки верят.

У каждой птицы — своё гнездо.

У каждого плода — свой вкус.

Смышлёный цыплёнок и в яйце пискнет.

На что старухе девичья комната?

Своя ворона — сокол.

Сын не без греха, отец — не без милосердия.

Если сосед будет хорошим, и слепая дочь выйдет замуж.

Соединятся два дома — один из них сойдёт на нет.

Немого только мать понимает.

Отец сыну сад подарил, а сын для отца гроздь винограда пожалел.

Один отец семь сыновей прокормит, семь сыновей одного отца не прокормят.

Няня — вторая мать.

Состарившийся пёс — посмешище для волка.

За одним ребёнком — четыре глаза.

Мать — ругает, отец — ласкает.

Нет розы без шипов, а любви без ссор.

Голодный волк собственное дитя съест.

Где нет любви, там дует ветер смерти.

Кто в детстве врал, тому и взрослому не поверят.

Брат может пожелать брату зла, но не смерти.

Некрасивую да богатую берут в жёны ради её отца.

У жены, что рано ложится спать, и муж рано состарится.

Чужая жена всем девицей кажется.

Один петух в семи курятниках живёт.

У застенчивого сын не родится.

В семье — не без скандалов, в лесу — не без шакалов.

Последняя уловка женщины — слёзы.

Жениться — не воды напиться.

Нет горя — говори, нет долгов — женись.

Желанная работа светлее солнца.

Кто со временем не считается, тот в конце просчитывается.

Доброго коня и под старой попоной видать.

Одна пчела лучше роя мух.

Зеркало человека — его труд.

Мужчиной будь — из камня хлеб добудь.

Дерево славится плодами, человек — трудами.

Ухаживай за садом — увидишь плоды.

Неумелый надеется на других, умелый — на себя.

Рука дающего не оскудеет.

Путнику — путь, охотнику — дичь.

Труд и накормит и научит.

Лень болезни умножает.

И малая работа многое создаёт.

Железо в работе — ржа не берёт.

Усердная мышь доску прогрызёт.

Не ешь свой хлеб на чужом столе.

Хлеб на пашне зарабатывают.

Кто постелет ковёр, тот на него и сядет.

На соседа понадеешься — голодным уснёшь.

Помогал в еде — помоги и в труде.

Подохнет скотина — кости останутся, умрёт человек — труды останутся.

Тяжесть груза знает мул.

Хорошо скроенное платье не бывает коротким.

Перекидывай камни, руки окрепнут.

Невыполнимой работы не бывает.

Знающему ремесло, зачем воровство?

Каждый берёт ношу по силам.

По утку — на озеро, за соколом — в поле.

Обе руки — для одной головы.

Главное, начни дело, а кончится оно само собой.

На крючок крокодила не поймаешь.

Сто раз отмерь, один раз отрежь.

Кто сам не заработал, цену добру не знает.

Хочешь хлеба с мёдом — берись за лопату.

Кто хочет рыбы — лезет в воду.

Резвый конь кнута не ждёт.

Бодрствующий съест долю спящего.

Кудахтающая курица яйца носит.

Озабоченному не до бесед.

Спросили у верблюда, спуск или подъём? А он в ответ: «Я и равнину проклинаю».

Ветра не поймаешь.

До нас сажали — мы плоды срывали, мы посеем — другие пожнут.

Лучше врагу камни таскать, чем без дела тосковать.

Нашёлся бы осёл, а поклажу найдут.

Не пойдёт бык на пашню — зарежут на мясо.

Не давай дураку работы, и сам на него не работай.

Когда пастухов много, барана волк скорее съест.

Лучше шить хорошие попоны, чем плохие папахи.

С чужим соколом на охоту не выезжай.

Безделье — начало бедности.

Соседской свечой своего дома не осветить.

И ловец, и беглец просят: «Помоги, творец!»

Пока твой труд оценят, без головы останешься.

Каждое дело сроку подчиняется, а срок ни с чем не считается.
От работы — прибыль, от зубов — убыль.

Много поваров — суп недосолен.

Увидел пчелиное жало — и от мёда отказался.

Сегодняшнюю работу на завтра не откладывай. Отложишь на другой день, отложишь и на следующий.
Лучше у свинопаса старшим быть, чем у пастуха младшим.

Не месила, не лепила, а готовый каравай нашла.

Одной стрелой двух птиц не подстрелить.

Лентяю сказали: «Закрой дверь», а он в ответ: «Ветер прикроет».
Не посеешь — не пожнёшь.

Топор трудится, рука бахвалится.

Лентяй всегда задумчив.

Страусу говорят: «Неси кладь». — Отвечает: «Я птица». — Говорят: «Лети». — Отвечает: «Я верблюд».

Не посеешь одно зерно, не соберёшь ста зёрен.

В мечтах — орёл, в труде — черепаха.

Работа лентяю — всегда печаль.

Лентяй придёт — от работы оторвёт.

Поручи дело бездельнику, он тебя же учить начнёт.

Без труда не отведаешь мёда.

Ты сперва отведай гуся, а потом суди о вкусе.

Без старшего работа не пойдёт.

Кто не трудится, не знает цену отдыха.

Завершённый труд благоухает розой.

Лиса велит лисице — делай, а та — своему хвосту.

Благие упования — путь к погибели.

Голодной курице просо снится.

Голодному не до сна.

Одни сеют, другие жнут.

У голодного хлеб не держится, у сытого — не переводится.

Кто ничего не умеет, ничего не потеряет.

У кого лишние лошади, тот не устанет.

Где шах ступит, там семь лет трава не растёт.

Бедняка и на верблюде скорпион ужалит.

В доме голодного — ни огня, ни очага.

Рука работает, голова повелевает.

Богатый оделся — поздравляют: «С обновой»; бедный оделся — удивляются: «Где взял?»

Сдал голод на покой.

На голодный желудок не заснёшь.

Чем ветер поживится у скалы?

У богатея язык длинный, а рука коротка.

У богатого деньги — состояние, у бедного дети — достояние.

Голодному и хлеб с солью — лакомство.

Голодный на меч лезет.

У богатого и петух несётся.

Голодного девятью одеялами укрой — всё равно не уснёт.

Тесто жидкое потому, что муки мало.

Кто бил и кто на драку подбивал — оба виноваты.

У жестокого хозяина и слуги злые.

Шахский указ три дня живёт.

В глухом ущелье и шакал — хозяин.

Гнилая доска гвоздя не удержит.

Конный пешему не попутчик.

Был бы один нищий — мир бы его без труда выручил.

Один пай на двоих делить — обоих голодными оставить.

У бедняка язык короток.

У кого бык есть, тому и кожу в долг дают.

Один посадил, другой вырастил, а третий говорит: «Сад мой».

Голодный — на улицу, голый в дом бежит.

Для голого и летом метель.

Голому дождь не страшен.

Сытые подрались, голодному уши надрали.

Не кланяйся, как весы, в обе стороны.

Волка голод из лесу гонит.

Всё богатство бедняка — борода.

Когда один ест, а другой смотрит — жди драки.

Котёл с котлом столкнётся — горшок разобьётся.

Возьми только палку, а виноватый найдётся.

Кто боится долгов, дверей широко не раскрывает.

Голод длится год, обилие — тысячу лет.

С пустыми руками придёшь, ответят: «Хозяин спит», с дарами пожалуешь, — «Добро пожаловать!» — говорят.

Камень, брошенный вдогонку, попадёт в пятку.

Если хан худеет, значит, подданные умрут.

Бедняк деньги нашёл, да спрятать некуда.

Пришёл позже всех, понял больше всех.

Поручили неисполнимое — назвали неисполнительным.

Голодному умирающего понять нетрудно.

Штаны, на подаяния купленные, всегда коротки.

Сытому мук голодного не уразуметь.

Когда госпожа посуду бьёт, никто не слышит.

Кто за чужим добром гонится, своё потеряет.

Голодный запретным плодом не гнушается.

Звёздам счёту нет, а луна одна.

Ханум-ханум называли, пока деньги не промотали.

Двум святыням сразу не помолишься.

О сиротах вспоминают, когда со стола уберут.

Сирота не растолстеет.

У богатого и осёл рысью скачет.

Судилище — не дом судьи.

На шею телёнку — одна верёвка.

Курица начнёт ходить по-гусиному — лапки вывихнет.

Ложками собирает, половником раздаёт.

Сирота сам себе пупок завяжет.

Вода потечёт — ложбинку найдёт.

В новом кувшине — и вода свежая.

Бойся осени: за ней — зима, не бойся зимы: за ней — весна.

У лжеца память коротка.

И добро и зло — в руках человека.

Спешу — бранят: «Сумасшедший!» Медлю — ругают: «Лентяй!»

Всё, что с неба падает, земля принимает.

Собаки сцепились — прохожему удача.

От пустых надежд человек сохнет.

Куда дерево клонится, туда и рухнет.

Тот, кто лошадь не жалеет, пешим может остаться.

По кривой линейке прямую линию не проведёшь.

Сунется поросёнок в огород — вил ему не миновать.

Бесстыжего стыдись, бесстрашного страшись.

Случайное богатство добра не принесёт.

Пахарь ждёт дождя, путник — засушья.

Сколько бы ни била себя в грудь ворона, павой ей не стать.

Не говори правду, похожую на ложь.

Будущее не ясно не только молодому, но и пожилому.

То, что выпало на голову, должны выдержать ноги.

Не подаст голос перепел — орлу его не схватить.

Суму нищего не наполнишь.

Спи, бычок мой, спи, всё равно за долгом придут, кого-нибудь из нас уведут.

Пошёл искать бороду, а вернулся без усов.

Пока лиса докажет, что она — лиса, с неё и шкуру снимут.

Кого поминают, кого проклинают.

Тот, кто сам упал, не должен плакать.

Из двух борцов один — победитель.

Смерть для больного — последняя опасность.

И волчонок — волк.

Что утекло, обратно не вернётся.

Ливень мочит, солнце сушит.

Жизнь такова: порой — с горы, порой — в гору.

И ошибка приносит удачу.

Стыдись не чёрного лица, а чёрной души.

Сталь ломается, но не гнётся.

Лучше смерть, чем позор.

Скромный краснеет, наглый наглеет.

Льву со львом драться.

На льва и охотиться надо как лев.

Одной рукой поджигает, другой — тушит.

Храброго не ранят меж лопаток.

Один плохой сорок хороших замарает.

Где честь, там и хлеб есть.

Поганого и в бане не отмоешь.

Свой чёрствый хлеб лучше чужого жирного плова.

Согнётся дерево — сломается, согнётся храбрец — погибнет.

От падения на землю алмаз в цене не падает.

Храбрый храброму ногу не подставит.

Перед силой и горы не устоят.

Из пасти льва добычу не вырвешь.

Детёныш льва — тоже лев.

Осторожность — лучшая часть мужества.

Бывает, что и бегство — доблесть.

Осторожность не помеха — даже в бою со слабым врагом.

Смелый познаётся в бою.

Храбрец врагу не поклонится.

Дождь придаёт силу земле, похвала — удальцу.

У храбреца десять доблестей: первая — отвага, остальные девять — ловкость.

Чем один удалец превосходит другого? Осторожностью.

За честь кровью платят.

Храбрецу щедрость к лицу.

Бараньей храбрости у козла не найдёшь.

В молодом сердце — кипучая кровь.

Доблесть мужчины — терпение.

Ошейник не для львиной шеи.

Орёл мух не ловит.

Щедрость руки — великодушие сердца.

Умирать так умирать — к чему же шум поднимать?

Ключ сильнее замка.

Ко всякому замку можно подобрать ключ.

Сокол выводит птенцов на вершинах.

Филин не заменит сокола.

Храбрец себя винит, трус — товарища.

На издохшего льва и зайцы нападают.

Крепость завоёвывают изнутри.

Нет большей беды, чем страх.

Когда нет кошки, все мыши — охотники.

Трусливому глазу сучка не миновать.

Трус до тревоги бежит.

Лгут от страха.

Храбрый хватает за голову, трус — за ноги.

Овцу стригут, у козы поджилки трясутся.

Ловкость умножает мужество.

Один трус — всему войску гибель.

Появилось ружьё — исчезла храбрость.

Верный друг — вечный друг.

Главное в человеке — верность.

Богатство героя — его верность.

Приход друга — всегда праздник.

Верный друг дороже брата.

Кусок хлеба голода не утолит, а любовь приумножит.

В дружбе или равным быть, или вовсе не дружить.

Кто со мной считается, тому я — раб, кто не считается, тому — господин.

Добро само отплачивается.

Дерево червь изнутри точит.

Кто твой самый близкий родич? — Хороший сосед.

Ласково скажи, ласково ответят.

За добро добром платит каждый мужчина, но за зло добром - настоящий мужчина.

Настоящая дружба бескорыстна.

Лучше пощёчину от друга, чем хлеб от врага.

Теряющий друга — сам себе враг.

Волк, что меня не трогает, пусть живёт хоть тысячу лет.

Одного достойного хорошего человека ищут сто лет.

Всё лучше новое, а дружба — старая.

Враг твоего врага — тебе друг.

Тебя люблю сильно, себя ещё сильнее.

Добрый друг руку протягивает, худой — под тебя копает.

Друга сердце чует.

Друг ничего от друга не таит.

Дружба - как три яблока, то у меня — два, у тебя — одно, то у тебя — два, у меня — одно.

Рой широко, рой глубоко — сам ведь и попадёшь.

Друга узнаешь, когда в доме у него побываешь.

Змея змею не кусает.

Ворон ворону глаз не выклюет.

Друг — зеркало друга.

Врага довольно одного, друзей — как можно больше.

Не устрашись умного врага, бойся глупого друга.

Удобного повода врагу не давай.

Сказали: «Азраил» раздаёт детей, а он ответил: «Пусть они у него и останутся, лишь бы моих не тронул».

Когда хозяин рядом, кошка справится и с собакой.

Хоть горшком назови, только на огонь не ставь.

Ложкой мне в чашку кладёт, а половником по голове бьёт.

Если враг ростом с муравья, считай его слоном.

Враг тебя — камнем, ты врагу — пловом.

Хороший человек лёгок на помине.

Пожелай соседу добра — будешь сам наделён добром.

Враг за врага не болеет.

Даёшь — друг, берёшь — враг.

По канату двум канатоходцам не разойтись.

Огню с водой не дружить.

Зовут — не ленись, не зовут — не суйся.

С погонщиком верблюдов сдружился — расширяй во-рота.

Не кольнёшь — и тебя не уколят.

Не желай другому того, чего себе не желаешь.

Незваному гостю — пустой стол.

Пускаясь в путь, подбери достойного попутчика.

В чужом доме не распоряжайся.

Уважай других — обретёшь уважение.

У обидчивого всегда его долю съедят.

Не дом выбирай, а соседа.

Не огорчай друзей — не радуй врагов.

Воду дай жаждущему, хлеба — голодающему.

Были абрикосы в саду — были и приветы, кончились абрикосы в саду — кончились и приветы.

Иголку себе, а шило — приятелю.

В добрый день и чужак хорош.

В счастливые дни и враг тебе друг.

Пороху с огнём не сдружиться.

У человека с мечом, у овцы с волком игры не получится.

Два меча в одни ножны не вложишь.

Кто не знает дороги, тот и товарища с пути собьёт.

Помоги другим, и беда минует тебя.

Хороша молочная каша — один день у нас, другой день - у вас.

В гостях в долг не просят.

Запоздалому гостю угощаться за свой счёт.

Сердце — как стекло: разобьёшь — не склеишь.

Раз в году — добро пожаловать, а каждый день — с какой стати?

Не приучай собаку к подачкам, а соседа к подаркам.

Не будь шайтана, овца с волком паслись бы.

Держи двери на запоре — соседа в воровстве не ули-чишь.

Хорошего назовёшь хорошим — лучше станет, плохого назовёшь хорошим — хуже станет.

Кому нужна придирка, тот её и найдёт.

Познакомь гостя с соседом — обоих лишишься.

Гость стесняется до того, как войти, хозяин — после того, как тот вошёл.

Не хлебнёшь горя — не узнаешь счастья.

Рябая курица лучше несётся.

Каждый — кузнец своего счастья.

Коза думает о жизни, мясник — о жире.

Радуйся хорошему, тогда и на твою долю достанется.

У каждой поры — свои радости, своя печаль.

За тёмной ночью — светлый день.

Хорошо поел, хорошо погулял, хорошо поспал — вот тебе и праздник.

Горе ослу, вышедшему в путь вместе с конём.

Глухой смеётся дважды.

Я к нему поплакаться, а он пуще меня заревел.

Чёрная весть быстро доходит.

Сирота всегда в слезах.

Свадьбе — танцы, похоронам — слёзы.

Горемыка ищет горемычного — погоревать.

Горемыка от горя в горы ушёл, — сказали: «Счастливец, покой нашёл!»

Каабу снести — одно здание разрушить, душу убить — сто убийств совершить.

Чужеземец свою печаль наедине оплакивает.

Горе слать за горем — таков уж обычай судьбы.

Сердце пожалеет — глаза увлажнятся.

Горе гору сдвинет.

С чем пришёл в мир, с тем и уйдёшь.

От беды бежишь — в беду угодишь.

Беда о своём приходе заранее не извещает.

У бегущего колени болят, у плачущего — глаза.

Неудачник к морю пойдёт — море высохнет.

Потерявший руку поймёт однорукого.

Конь смерти — резвый скакун.

Вершины гор в туманах, голова человека — в заботах.

Каждый плачет по своему покойнику.

Каждый о своём горе говорит.

Во всём убитый виноват.

Утопающий за соломинку хватается.

Для муравья и роса — наводнение.

Тощему и полпуда — груз.

Завещание облегчает душу.

Не будь несчастья, не нашёл бы счастья.

Пусть будет меньше плова, — была бы голова цела-здо-рова.

Беседа с шахом начинается с милостей, а кончается — плахой.

Голова только в могиле болеть не будет.

Медные кувшины дерутся, а глиняные бьются.

Не нравится двугривенный — доставай четвертак.

Талант с пелёнок виден.

Обходительность на базаре не купишь.

«У кого научился вежливости?» — «У невежи».

Дурак на дурака нарвался — палки с неба валятся.

Кто не знает границ, тому их укажут.

У бесстыжего совести нет, у бессовестного — стыда.

Одна умная голова управляет сотней.

Умный с лета готовится к зиме.

Дураку каждый день праздник.

Дурень всех дураками считает.

Своим аршином мерит.

Не дари отрез, подкладку попросят.

Сбиться с дороги не стыдно, стыдно не найти её снова.

Стыдится не сумасшедший, а родные его.

Спросили ворона: «Куда летишь?» «В чистое гнездо» — ответил он. «Не трудись, — сказали ему, — и там всё замараешь».

Решетом воду не наберёшь.

Лучше самому заболеть, чем за больным ухаживать.

Никчёмный человек подобен тополю: плодов от него не жди.

Дурак дурака увидит, дубинку спрячет.

Один дурак забросит камень в колодец, а сто умных голову ломают, как его оттуда достать.

На чужое польстился — своего лишился.

Не обо всех ошибках говорят в лицо.

Торопыга в тандыр угодит.

Дураку закон не писан.

Кто торопится, тот всегда опаздывает.

Сумасшедшему о камне не напоминай.

Вора вором ловят.

Враг вора — собака.

Домашнего вора не изловишь.

На домашнего вора собака не лает.

Вор думает о тёмной ночи.

Мухе самой грош цена, а мук от неё много.

От пса, бегущего на каждый свист, пользы не жди.

Напои шакала вином, он и на волка бросится.

Верблюд забрёл в хлопчатник, закрыл глаза и думает— никто его не видит.

Когда коту не дотянуться до мяса, он фыркает: «Тухлое».

Волк шкуру сменит, но не нрав.

Все думки лисы — о курице.

Будь у осла рога — весь мир забодает.

Когда курица несётся, сто соседей об этом знают.

Слишком хитрая лиса обеими лапами в капкан угодит.

И стадо не стережёт, и у дверей не лает.

Пока собака нежится, волк барана выбирает.

Поручили волку отару.

Над чужим грехом не смейся.

Возле реки стоит и воду ищет.

Не будь завистлив, — и горя не изведаешь.

Мало ест — худеет, много ест — стонет.

Хватит ли одного ума и на весну,и на зиму?

Ужаленный змеёй и верёвки боится.

Каждой ране — своя повязка.

Живому не улыбнётся, по умершему не всплакнёт.

Сел на корабль и с корабельщиком ссорится.

На один выстрел пороху хватило.

Сам рассказывает, сам хохочет.

Сам не понимает, и другим мешает.

Ещё не баран, а уже рога показывает.

Собаки не стыдишься, так постесняйся хозяина.

Делай добро, да не делай одолжений.

С куриных яиц шерсть стрижёт.

Найдёт — молчит, потеряет — не скажет.

Бережливость украшает, жадность — унижает.

На хранение отданное — свято.

У скупердяя зимою снега не выпросишь.

Дармоед обходителен.

Каждый своим умом доволен.

Уважь дурака, он подумает — его испугались.

В сердитой голове ума нет.

Неумелый охотник зря горы обойдёт.

Сидит в подземелье, мечтает о поднебесье.

Выгонишь в дверь, лезет в дымоход.

Один живёт, чтобы есть, другой ест, чтобы жить.

Когда суп не вкусен, и соль не поможет.

Завистнику бог ничего не пошлёт, а если и пошлёт, то мимо рта пронесёт.

И пляшу, и ною, а милого забыть не могу.

Аппетит - мой, еда - твоя.

Кто вино пьёт, все тайны выдаёт.

Сперва по голове ударит, потом орешки дарит.

Не ушам верь, а глазам.

Под быком телёнка ищет.

Пусть сено чужое, но сеновал-то свой.

Искал коня, потерял попону.

Наука — светильник ума.

Безумец ликует, мудрец — выжидает.

Будь лучше слугой мудреца, чем господином глупца.

Птица — крылом, человек — умом.

Сила ломит всё, ум — силу.

Слеп тот, кто дважды в одну и ту же лужу угодит.

Золото — ещё не достояние, а вот разум — состояние.

Глаз — видеть, ум — распознавать.

Мудрецу и намёка довольно.

Не на возраст смотри, а на ум.

Голову сердце питает.

Стрелять могут все, да не все попадают в цель.

Безумец и богач ничьего совета не слушают.

Учёным стать легко, человеком — трудно.

Смышленый ученик обгонит учителя.

Знание приобретают старанием, а не состоянием.

Не смотри, кто писал, смотри, что написано.

С мудрецом камни таскай, а с дураком и плов не ешь.

Доброму совету — цены нет.

Не стыдно не знать, стыдно не учиться.

Чем больше плодов на дереве, тем ниже склоняет оно верхушку.

Ум в голове — довольство в доме.

Умный найдёт умного.

Мудрого и без слов узнают.

Для умного ничего не жаль.

Молод — силён, стар — умён.

Искусный охотник зря не выстрелит.

С другом советуйся, да своего ума не теряй.

Камни бросают в плодоносное дерево.

Умный удобного случая не упустит.

Сам не знаешь, спроси у знающего.

Глупо отдал — по-умному отбери.

Кто больше знает, тот больше страдает.

Поверь прежде себе, чем верить другим.

Учёному судье свидетели не нужны.

Пастух захочет, и от козла сыр получит.

Цену драгоценностям знает ювелир.

Тело без головы — труп.

Горше плачет тот, кто не слушает старших.

Глубокая вода не замутится.

В каждую нору руки не суй: или змея ужалит, или скор-пион.

Умение — признак ума.

Умный и без того умный, а вразумлять надо глупца.

Человек своей силы не знает.

Человека по одежде не узнаешь.

Кто не болел, тот здоровью цены не знает.

Лекарь тот, кто сам болел.

За одной завесой — сотни тайн.

Спасаясь от тумана, не лезь в огонь.

Расспрашивая, горы перейдёшь, а молча и на равнине заблудишься.

Рваным неводом рыбу не ловят.

Береги одежду, пока нова, береги честь, пока молод.

Сначала достань семян, потом ищи, где сеять.

Огонь маслом не заливают.

От каждой болезни — своё лекарство, надо только его найти.

Одни раны — перевязывают, другие — прижигают.

Пока не съешь, вкуса не узнаешь.

Не пей воду из кувшина, если дна его не видишь.

На морском берегу колодец не роют.

Не хватай лошадь за хвост, не зная её нрава.

Старая лиса в капкан не попадёт.

В село, где собаки, не ходи без палки.

Жирную корову по шкуре видно.

Не от большой головы польза, а от большого ума.

Слышал, что пуделей стригут, да не знает, с какого конца.

Не помогут: чёрному — мыло, глупцу — наставление.

Знающий работает как знает, а незнайка пальцы кусает.

Иной раз тысячу наставлений заменит один приказ.

Взялась бровь поправить — глаз проткнула.

Не будь ослом среди людей, ослы ценились бы дороже.

Легче верблюда заставить канаву вырыть, чем объяснить что-нибудь невежде.

Кто никогда не пас барана, будет только зря его по полю гонять.

Знай лысый средство, сам бы от плеши избавился.

Неумелый ездок коня загонит до смерти.

Не лезь туда, куда голова не пролезет.

Голодному не до веры.

Гадалка гадалке не гадает.

Веру теряют вместе с богатством.

Бедняк до смерти мучается, а всё твердит: «Бог ми-лостив».

Спит для себя, а сны для других видит.

Когда медресе вблизи, и псы по-арабски лают.

У ашуга с моллой никогда дружбы не будет.

Дурак дураком любуется, молла — поминальной халвой.

У моллы пять животов, и один всегда пуст.

У дервиша весь скарб на плечах.

Молла и с чистой воды сливки снимет.

Закукарекавший петух достанется молле.

Если бы уважали за бороду, козёл давно бы стал шейхом.

Медведь поймёт, отшельник — никогда.

Что хорошо — то, говорят, от бога, а что плохо — от человека.

Мечеть ещё не построили, а слепой уже возле неё с палкой стоит.

Если все попадут в рай, в аду пусто будет.

По чужому поручению паломничества не совершают.

От большого дерева — большая тень.

Имущество бережёт человек, человека — его душа.

Путники водой запасаются.

Назвался садовником — смотри за садом.

Не бывает отары без чабана.

Разлука — признак близости.

Поданное напоследок — всегда вкуснее.

Каков казан, таков и плов.

Из каштана масла не выжмешь.

Корова воду пьёт — молоко даёт, змея воду пьёт — ад накапливает.

Сперва дверь запри, потом спать укладывайся.

Береги железо от ржавчины, а одежду от моли.

Один конь лучше пары ослов.

Снег — одеяло земли.

Баня снится тому, у кого одеяло толстое.

Пережёвывая жвачку, сыт не будешь.

Зима уйдёт, весна придёт, а неряха всё умыться времени не найдёт.

В одной руке двух арбузов не удержать.

Всякому терпению есть конец.

Похвала дороже золота.

Идёшь к волку на пир — возьми с собой волкодава.

Потерпишь — плова поешь.

Бей редко, да метко.

Садишься на лошадь — думай о себе, слезешь — думай о ней.

Знал бы, где упасть, там бы соломы подстелил.

От запертой двери беды не будет.

Ешь понемножку, но каждый день.

В каждом собрании знай своё место.

Осёл не заменит коня, печёнка — мяса.

Гость для хозяина — сокол: где захочет, там и сядет.

Гость для хозяина — веник: куда захочет, туда и поставит.

О чае не спрашивают — налить ли ещё.

В бане стесняться нечего.

Раз мясо попало в котёл, значит, съедобно.

Чтобы получить большой каравай, нужно много теста.

Случается, что и в каше зубы сломаешь.

Змея ползёт зигзагом, а в нору попадает прямо.

Не останутся цветок — в бутоне, слово — в сердце, вино — в кувшине.

Где много петухов, там и утро рано начинается.

Пока есть дичь, охотники не переведутся.

Неси рис, воду найдём.

Уважения ищешь — много не говори, ищешь здоровья — много не ешь.

Когда дождь идёт, курицу не поят.

Роза вянет — соловей плачет.

Куда лиса, туда и хвост.

Чей конь? «Того, кто седлал». Чьё платье? «Того, кто надел».

Никто ещё не умирал раньше своего смертного часа.

Не задерживай уходящего.

У кого душа, у того и заботы.

Засыпает с курами, встаёт с петухами.

Лошади — сено, собаке — мясо.

Там, где нет коня, и осёл — конь.

Птицу птицей заманивают.

Лиса всегда выходит оттуда, откуда её не ждёшь.

Тайну вечера знает утро.

Хороший день — рай, плохой день — ад.

Меч обнаживший от меча и погибнет.

Одна туча зимы не делает.

У хищной птицы век короток.

Незачем промокшему от дождя прятаться.

Солнце не выглянет — снег не растает.

Птице крылья не в тягость.

Душа трепещет от беды и от радости.

Скотина под стать хозяину.

Сколько старое платье ни чини, новым не сделаешь.

По длине одеяла и ноги протягивай.

Жёлтые монеты берегут на чёрный день.

Верблюд ходит медленно, но уверенно и далеко.

Курице выше мусорной кучи не взлететь.

Когда змее надоест жить, она ляжет поперёк дороги.

Башмачник всегда в дырявой обуви.

Пока дух не испустил, надежды не потерял.

На низкие горы снег не ложится.

Сухие поленья загорятся — и сырые подожгут.

Норовистый от своего нрава не отступится.

Джейрана гнать — в цветник попасть, за свиньёй го-няться — в грязь угодить.

Душа — перелётная птица: в теле недолго гнездится.

Даже луна не без пятен.

На хромом осле к каравану не примкнёшь.

Летом не сыскать айрана, зимой — одеяла.

Пёс ушёл — волк пришёл.

Пока с добрым человеком не расстанешься, цены ему не узнаешь.

Пожалеешь волка — накажешь баранов.

Спасался от дождя — попал под ливень.

Запоздалое раскаяние бесполезно.

Змея прежде жалит заклинателя.

Тощего назовут стариком, бедного — дураком.

Кто не доволен малым, не обретёт большего.

Кто с пути сойдёт, того путь накажет.

Время — не деньги, вернуть его нельзя.

Пущенная стрела обратно не возвращается.

Отцами посеяно — сыновья пожнут.

За каждым спуском — свой подъём.

У палки два конца.

Верблюд поднялся — крыша рухнула.

Дерево корни питают.

По каплям собираются озёра, по струйкам — поток.

Всё большое из малого.

Украшение мельницы — мешки с зерном.

Не будь бараны баранами, козёл не стал бы вожаком.

Подошёл к двери — переступай порог.

Жизнь — игла с короткой нитью.

Кто плюёт против ветра, попадает себе в лицо.

Сердце глубже моря.

ПЛАЧИ

Речку с морем я смешал,
Радость с горем я смешал.
Встретил дерево печали,
Я один под ним лежал.

Горе, ты — гора моя.
А тоска — сестра моя.
Не расспрашивай — заплачу,
Подошла пора моя.

Одному куда пойти,
Не пойму, куда пойти
Горем надо поделиться
Да к кому,куда пойти?!

Ветер ночью заревет,
Тучи в клочья разорвет.
Умер сын, и весть о смерти
Ветер матери несет.

В сад вошел — цветенья нет,
Ни плодов, ни тени нет.
Сыновей чужих спасаю —
Моему спасенья нет.

Челн мой в море — я в слезах,
Сноп мой в поле — я в слезах.
Чтоб мечта моя застряла,
Как слеза — в моих глазах.

Ты зачем расцвел, цветок,
На такой короткий срок?
Слишком поздно распустился —
Слишком рано ты поблек.

Вечер черен, ветер лют,
По домам таится люд.
Молодой покойник в доме —
Даже стены слезы льют.

Каждой ночью ветерки
Тихо плачут у реки.
Тех, кто умер на чужбине,
Поминают земляки.

Жажду сами утолим,
Хоть слезами утолим.
Лучше сестрам умереть,
Чем о братьях плакать им.

Никому возврата нет,
Нет дождя, и града нет.
На земле сестра одна —
Рядом с нею брата нет.

Я — ашуг, а не пою,
Над могилой слезы лью,
Лучше было б мне ослепнуть,
Чем увидеть смерть твою.

Саз со мной наедине,
Грусть моя — в его струне.
Умер ты — я слезы лью.
Кто заплачет обо мне?

Даже солнце в день такой
Затуманилось тоской.
Ты покоишься в могиле —
Где живой найдет покой?

Май прошел — весне конец,
День прошел — луне конец.
Дом готов — конец работе,
Да пришел и мне конец.

Ты старался всей душой
И построил дом большой.
Что же ты ушел в могилу —
Разве этот дом не твой?

Ты один мне всех родней,
Я считать не буду дней —
Остаюсь живой оградой
Над могилою твоей.

Стала сиротой гора —
Подружи с тоской, гора.
Над могилою героя
В карауле стой, гора.

АШУГ ГАРИБ

Сказание — дастан

Мне годы ошибаться не велят.
Подлец построит мост — его не славят.
С достойным сядешь — сладок даже яд,
А подлецы отравой мед разбавят.

Есть плов — для чужаков хорош твой кров,
А что стрясется вдруг — так будь здоров.
Твой кровный родич - враг твоих врагов,
Свои своих в несчастье не оставят.

Любое слово Алескера взвесь,
Понравится — запишешь все, как есть.
Личин и кличек подлеца не счесть,
Достойные не гнутся, не лукавят.

Устады сказывают у стад нам с не единожды, а дважды, скажем и мы еще одно, чтобы стало их два.

Купчишке не показывай товар,
Которому цены он дать не может.
Скакун не подведет, хотя и стар.
На нет сойти былая стать не может.

Зимой тоскуют взгорья — погляди,
Как я, седеют с горя — погляди.
Медь потускнеет, сколько не луди,
Как золото, она блистать не может.

Гусейн с великой истиной в ладу,
О доблестных джигитах речь веду.

Когда имен высоких нет в роду,
И отпрыск именитым стать не может.

Устады сказывают не два устаднаме, а три, скажем и мы еще одно, чтобы стало их три, чтобы враг извелся внутри!

Кто пташкам серењким под стать,
Роскошных тот оценит разве?
Цены не знающий себе
Родной народ оценит разве?

Кто в поле за сохой не шел,
Не хлопотал, как хлебосол,
Кто знать не знал укусов пчел,
Тот свежий мед оценит разве?

Клич **Короглу** — могучий клич,
Добычу львы спешат настичь...
Стать соловьем захочет сыч,
Да розу вот оценит разве?

О ком и о чем бы вам рассказать! Расскажу вам о крае тебризском. В краю тебризском жил человек по имени купец Мамед. Имел он дочь да двух сыновей. Звали стар-шего сына Расулом, младшего — Гейдаром, а дочь — Наргиз ханум.

Однажды купец сильно расхворался. Чем только ни лечили его — ничего не помогло. И вот, подозвал он к себе жену свою Бану ханум, сказал ей:

— Жена, смерть — это как сон. Кто знает, может статься, не одолею я болезнь, скончаюсь. Есть у меня два завета. Первый — не жени моих сыновей на девушках из богатых домов. Второй — не выдавай мою дочь замуж в богатый дом. Помни: где богатство есть — там обид не счесть...

Досказал купец Мамед завещание и простился с этим миром. Оделись близкие в траур, оплакали купца, похоронили его честь по чести. Стал Расул устраивать поминки.

Пусть он занимается поминками, а я вам пока расскажу... об **исфаханских** пройдохах.

Было в городе Исфахане сорок пройдох. Долгое время не шла им в руки никакая добыча. Тогда главарь предло- жил дружкам:

— Давайте очистим казну падишаха.

Поразмыслили пройдохи и направились ко дворцу па-дишаха, видят: идет по дороге плешивый с дыней в руках. Схватил главарь плешивого, отнял у него дыню. Стал пла-кать плешивый — верни, мол, дыню, а главарь и не думает ее отдавать. Наконец, плешивый говорит:

Верни мне дыню, а я тебе дам один совет. Главарь спросил:

Что за совет? Плешивый ответил:

— В городе **Тебризе** был торговец по имени купец Мамед. На днях он умер. Его сын Расул раздаривает отцов ское добро неимущему люду.

Главарь вернул плешивому его дыню, подозвал своих дружков:

— Братцы, казна падишаха за семью замками... Дело для нас опасное.

А если подадимся в Тебриз, то надуем Расула, приберем к рукам его добро. Одна у нас дорога — в город Тебриз.

Пройдохи согласились. Переоделись они — кто ахундом, кто моллой, кто мешади. кто купцом, предстали перед главарем. Оглядел их главарь, увидел — дружки готовы, поторопил их:

— Братцы, путник должен быть в пути.

Сказано — сделано. Пустились в путь сорок пройдох, а цель у них одна — Тебриз. Добрались они до города как раз, когда Расул устраивал поминальные сороковины. Во время вечернего азана вдруг слышит Расул: стучатся в дверь. Поднялся он тотчас, вышел во двор и видит: стоит у порога толпа людей — ахунд, мола, мешади, купец... Расул спросил их:

— Кто вы? Кто вам нужен?

Главарь ответил:

— Мы близкие друзья твоего отца, купца Мамеда. Услышали, что отец скончался, пришли разделить твое горе.

Пройдохи дружно расплакались. Видит Расул: льются у них слезы из глаз, как из весенней тучи. Принял их за истинно божьих людей, ввел в дом, расстелил перед ними скатерть. Принес еду да питье. Наелись пройдохи до отвала. Закончили трапезу, ослабили кушаки, прочли заупокойную молитву. Подали им чай. Тут главарь запустил руку в карман, достал колоду карт, швырнул их веером на скатерть. Расул спросил его:

— Дядя, что это за картинки?

Главарь объяснил:

— Это не картинки, а картишки; они развеивают горе. Наплакались мы, поминая твоего покойного отца, много пролили слез. Тяжело у нас на сердце, теперь немного перекинемся в картишки, поиграем, может горе и отпустит.

Расул спросил:

— Дядя, а как в них играют?

Главарь ответил:

— Играют на деньги. Если хочешь — поиграем, смотришь, на душе полегчает...

Смутился Расул:

Я бы поиграл, да только не умею. Главарь ответил:

Не беда. Научим — сумеешь.

Принялись пройдохи учить Расула картежной игре. Расул разобрался в картах, прошел к матери, взял у нее горсть золотых монет, сел играть с пройдохами.

Пройдохи несколько раз нарочно подыгрывали Расулу. Игра ему очень понравилась. Он вошел в азарт. Играл до тех пор, пока не оглянулся вокруг и не увидел: проиграл он все деньги, что остались от отца, нет даже медного гроша, чтобы купить наутро хлеба.

Поднялся Расул, постелил гостям, а сам ушел спать в свою комнату.

Проснулся главарь до рассвета, растолкал дружков,
сказал им:

— Братцы, у этого недотепы нет больше денег, давайте-
ка уйдем, пока не рассвело.

Поднялись пройдохи, скатали постели, забрали из дому и то, что полегче, и то, что потяжелей, и пустились в путь: на уме у них — Исфахан.

Как только рассвело, встал Расул, умылся и говорит:

— Пойду, проведаю гостей.

Зашел в комнату, а там: двери — настежь, гостей и след простыл. Оглянулся по сторонам, видит: мало того, что эти злодеи все пожитки унесли, они даже одеяла с подуш-ками прихватили. Полон раскаянья, пришел он к матери, повинился ей в том, что стряслось. Мать сильно закручи-нилась, сказала ему:

— Сынок, то были исфаханские пройдохи. Не надо бы
такому случиться, но уж коли случилось, ступай, займись
каким-нибудь ремеслом. Что нам делать? Видать, такая
наша судьба.

После этих слов вышел Расул из дому, направился прямо на базар. Решил поучиться кузнечному ремеслу, да не понравилось оно ему. Пошел дальше, видит: навалил че-ловек досок, плотничает. И это занятие не пришлось ему по нраву. Решил сапожничать. Целый час простоял у са-пожной лавки, присматривался к сапожному делу. Но и оно ему не глянулось.

Двинулся Расул прямо вверх по базару. Глядь — сидит в маленькой лавке старик, папахи шьет. Расул остановился у лавки, уставился на старика. Тот поднял голову, спросил его:

Тебе чего надобно, сынок?

Расул ответил:

Дяденька, я работу ищу.

Пойдешь ко мне в ученики?

Расул ответил:

Отчего не пойти?

А жалованье какое будет?

А я погляжу, какие у тебя руки, — ответил скорняк.

Расул принял условие, стал работать у шапочника.

Однажды, в **четверг,** Расул отпросился у мастера, на-правился на кладбище. Присел у отцовской могилы, вспомнил все, что с ним случилось, и до того наплакался, что выбился из сил и забылся сном.

Спит Расул, и снятся ему райские хоромы в городе **Тифлисе,** а в хоромах — девица-красавица, наподобие серны. И что за девица! Брови изогнуты как лук, очи — заполненные чаши, носик — индийский орешек, кожа белая, как **самаркандская** бумага. Кто взглянет — пленится девичьей красой. Смотрит Расул и видит вдруг: рядом с девицей — дервиш.

Взял дервиш девичью руку, протянул ее Расулу, молвил:

— Расул, эта девушка, Шахсенем, — дочь **Ходжи** Санана. Возьмитесь за руки. Пройдет немного времени, и вы найдете друг друга.

Дал дервиш парню с девушкой испить из волшебной чаши, а потом исчез.

Проснулся Расул, словно помешанный, глядит: кладбище, и никого вокруг нет. Ужас обуял Расула, вселился в него страх. Кинулся он домой. Увидела сына таким мать, Бану ханум, и спрашивает:

— Сынок, что с тобою стряслось? Кто изодрал на тебе одежду?

Не ответил Расул на расспросы матери, разрыдался в голос. На плач Расула собрались соседи, стали спрашивать:

— Что такое, что случилось?

Расул ответил:

— Горя моего не высказать языком — вспыхнет и сгорит мой язык. Дайте мне саз, пусть моим горем звучат его струны.

Тотчас принесли Расулу саз. Горит у Расула сердце, прижал он к нему саз, послушаем, что сказал:

Творец упованье мое не отверг,
Услышал — исполнил моленье мое.
Уснул я на кладбище ночью в четверг,
Тогда и пришло просветленье мое.

Помучиться выпало смолоду мне,
Как мир этот бренен, я понял вполне.
Любовную чашу пригубил во сне,
Увидел я определенье мое.

Расул не забудет волшебного сна,
В невесты ему Шахсенем суждена,
В Тифлисе живет-поживает она,
Я должен исполнить стремленье мое.

Завершил Расул свое слово, горько-горько заплакал. Мать, Бану ханум, обняла сына, спросила:

— Сынок, я ничего не поняла, скажи прямо, что ты хочешь?

Прижал Расул к груди саз, послушаем, что он сказал на этот раз:

Прости меня, милая мама моя,
Я, мама, отправиться должен в Тифлис,
Пленился одною красавицей я,
Я, мама, отправиться должен в Тифлис.

Мой саз перламутровый будет при мне,
Посмотрим, что в дальней найду стороне,
Увидел любимую только во сне,
Я, мама, отправиться должен в Тифлис.

Не каждый поймет, что Расул перенес,
Я вздохом горячим расплавлю утес,
Душа не устала от вихрей и гроз,
Я, мама,отправиться должен в Тифлис.

Сказала мать:

— Сынок, опять я ничего не поняла.Скажи толком, в чем твое горе?

Расул ответил:

— Скажу еще раз, прислушайся — поймешь.

Взял Расул саз, послушаем, что он сказал:

Была мне чаша подана
По волшебству в краю тифлисском,
Я осушил ее до дна,
Как наяву, в краю тифлисском.

Чудесный сон приснился мне
И обручился я во сне,
Своей супругою Сенем
Я назову в краю тифлисском.

Ее увидел я портрет,
Что источал волшебный свет,
С такой женой, не зная бед,
Я заживу в краю тифлисском.

Мне дочь ходжи найти велят,
А косы у нее до пят,
Расул одной мечтой объят,
Цветок сорву в краю тифлисском.

Мать сказала:

— Я поняла. Только труден, сынок, путь до Тифлиса,
не покидай нас, не оставляй со слезами на глазах.

Расул ответил:

Не могу я тут оставаться. Попросила мать:

Тогда возьми и нас с собою.

Расул согласился. Взял с собою мать, сестру, младшего брата Гейдара, распростились они с друзьями да соседями, покинули город Тебриз. А путь их лежал в Тифлис.

Долго ль шли, коротко ли, настиг их сильный буран, сбились они с дороги. Увидел Расул: плачет младший брат, лежит в беспамятстве сестра Наргиз. Загоревал Расул пуще прежнего. Прижал он к груди саз, послушаем, что сказал:

Судьба велела родину покинуть.
И чем я здесь утешу брата, горы?
Буран толкает сразу в грудь и в спину,
И мраком все вокруг объято, горы!

Ослеплены завесою густою,
Ко мне взывают мать и брат с сестрою,
А где укрою их, куда пристрою?
Судьба-злодейка виновата, горы.

Кто нам поможет, думаю в испуге,
И кто доставит весточку подруге?
Замерзнем, пропадем мы в этой вьюге!
За что Расула ждет расплата, горы?

Кончилось слово, стих буран. Пустились они дальше в путь. Завиднелись вдали высокие горы, город показался. Ваял Расул саз, послушаем, что он сказал:

Тифлисские большие горы
Покажутся, иль не покажутся?
Дом Шахсенем моей который?
Покажется, иль не покажется?

Взываю к небу неустанно,
Минута эта долгожданна.
Гробница на горе Санана
Покажется, иль не покажется?

Подруга верная Расула
Хотя бы издали взглянула,
И силы новые вдохнула...
Покажется, иль не покажется?

Кончилось слово, — и дальше в путь. Боек язык устала. Расул, его мать, сестра да младший брат Гейдар целы-невредимы добрались до города Тифлиса. Очутились они на чужбине, в неведомой стороне. Прошли еще немного, дошли до лачуги, оттуда вышла старушка. Расул, как только увидел старушку, прижал к груди саз, послушаем, о чем он ее спросил:

Женщина добрая, молвить дозволь:
Этот ли город Тифлисом зовется?
Здесь ли Сенем утолит мою боль,
Этот ли город Тифлисом зовется?

Старушка посмотрела на странников и догадалась, кто они. Да к тому же они назвали имя Шахсенем. Взяла она слово, послушаем, что ответила Расулу:

Трудно ли было в дороге, легко ль?
Да, этот город Тифлисом зовется.
Здесь Шахсенем утолит твою боль,
Да, этот город Тифлисом зовется.

Спросил Расул:

Есть и сады, и садовники здесь,
Есть и гранаты, и яблоки есть.
Дашь ли о родичах добрую весть?
Этот ли город Тифлисом зовется?

Ответила старушка:

Есть и сады, и садовники есть,
Есть и бальзамы и снадобья здесь,
Дам я о родичах добрую весть,
Да, этот город Тифлисом зовется.

Взял слово Расул:

Точит Расула унынье, как ржа,
Я о любимой мечтаю дрожа,
Строгий отец ее, знатный ходжа.
Этот ли город Тифлисом зовется?

Старушка ответила:

Вы с Шахсенем, уж доверься Марьям,
Видеться будете по вечерам.
Жди меня здесь, я пойду, передам.
Да, этот город Тифлисом зовется.

Так поговорили они. На свете, усталы сказывают, есть два рода старух: старуха как волк, и старуха как шелк. Эта была из тех, которые как шелк. Она приветливо рассказала Расулу:

— Сынок, ты подожди здесь, а я схожу к Шахсенем, сообщу ей радостную весть.

Расул остановил ее:

— Погодя, бабушка, не спеши.

Старушка удивилась:

— Почему же, сынок, не спешить? Ровно год, как для Шахсенем и ночь - не ночь, и день - не день. Она и меня

пристроила тут, платит исправно, чтобы я приносила ей вести о странниках, которые следуют в город Тифлис. А теперь, слава тебе, наконец, ты сам сюда явился. Я — бед ная женщина. Мне муштулуг полагается.

Расул спросил:

Бабушка, нет ли здесь поблизости кофейни? Старуха ответила:

Как не быть, странник? Есть, вон она. Расул заявил:

Раз ты меня так назвала, я беру себе это имя — Гариб. Старушка показала кофейню, а сама понесла радостную

весть Шахсенем. Гариб отвел своих родных к мечети, оставил их там во дворе. А сам направился к владельцу караван-сарая Ходже Ахмеду, попросил у него пристанища, Ходжа Ахмед отказал:

— Тесно у нас.

Взял Гариб саз, послушаем, как он поведал Ходже Ах-меду о том, что оставил родных во дворе мечети:

Ходжа достойный, выручи меня,
Я во дворе мечети мать оставил,
Мне, мытарю, ни ночи нет, ни дня,
Я во дворе мечети мать оставил.

Прибежище на время дал бы нам,
Как бедствуют скитальцы, видишь сам.
Коль мать умрет, тебе житья не дам,
Я во дворе мечети мать оставил.

Со снегом дождь перемешались тут,
Мои родные избавленья ждут.
И ливень не щадит, и ветер лют,
Я во дворе мечети мать оставил.

Не подействовало слово, не посочувствовал он Гарибу, не дал ему пристанища. Возвратился Гариб, забрал мать, сестру, брата, пошел прямо в кофейню Дэли Махмуда. Дэли Махмуд был человеком гостеприимным и добрым. Он отвел мать и сестру Гариба в комнату для женщин. Вернулся, спросил его:

Эй, странник, откуда ты и куда путь держишь? Гариб ответил:

Я из Тебриза. Спросил Дэли Махмуд:

А как тебя звать? Ответил тот:

Мое имя — Гариб.

Те, кто сидели в кофейне, услышали слово «Тебриз», стали просить отовсюду:

— Гариб, мы видим, ты — ашуг, спой что-нибудь о Тебризе.

Гариб взял саз, послушаем, что он спел о Тебризе.

Весной распускаются розы у нас,
Служа украшеньем немалым Тебриза,
По праздникам люди одеты в атлас,
Безбрежно зеленое с алым Тебриза.

Лесами нокрыты окрестности сплошь,
А в городе блещут палаты вельмож,
Пять тысяч его перекрестков пройдешь —
Сочтешь восемь тысяч кварталов Тебриза.

Встречаются тут пехлеваны — борцы,
Торговлю ведут безирганы — купцы,
Идут караваны, звенят бубенцы,
На радость торговцам бывалым Тебриза.

У старцев премудрых отведал питья
И в море любовное кинулся я.
Гариб прославляет родные края,
Теперь буду я **Рустам Залом** Тебриза.

Закончил песню Гариб, отовсюду послышались возгласы одобрения.

В этой кофейне был завсегдатаем некто по имени Гюльоглан. И сейчас он вошел в кофейню с сазом в руках. Все, кто был там, поднялись с места и заявили ему:

— Гюльоглан, ступай отсюда со своим сазом. Ты ниче
го не поделаешь против Гариба.

Гюльоглан спросил:

— Где этот Гариб?

Тут Гариб вышел вперед, прижал к груди саз, молвил:

— Гюльоглан, я начну, а ты продолжай. Ответишь,
возвращусь прямо отсюда в Тебриз, сложу с себя звание
ашуга.

Все согласились. Гариб взял саз, послушаем, что сказал:

Разнообразны сазы — на каком
Играют не рукою — ты заметил?
На что похожи звезды? Угадай,
И сразу успокоишься, ответив.

Гюльоглан не сумел ответить. Настала очередь Гариба, послушаем, что он сказал:

А что бывает полным и пустым
И старым каждый год, и молодым,
Похожим на густой зеленый дым,
И все же сдуть его не в силах ветер.

Гариб видит, что Гюльоглан норовит улизнуть, сказал
ему:

Гариба мудрый слушает народ.
Что мирозданью стройность придает?
Ответь, каких двенадцати ворот
Не может миновать никто на свете?

Кончил петь Гариб. Гюльоглан ие смог ответить. Всепопросили:

— Ашуг, ты сам ответь, Гюльоглан не знает.
На нем, что каманом называют,
Взял Гариб слово, посмотрим, как он сам ответил на свои загадки:

Играют не рукою, а смычком
На нем,что каманом называют,
Созвездья стадом, месяц пастухом
На лоне первозданном называют.

Соперник мой берется в оборот,
Кто ищет счастья, тот его найдет.
Рассудок, если он достиг высот,
Мерилом безобманным называют.

Дослушайте Гариба до конца.
Закон — орудье нашего творца,
Воротами считают месяца,
А годы караваном называют.

Поглядел Гюльоглан, увидел: не сладить ему с Гарибом. Сунулпод мышку свой саз и ушел.

Как только все разошлись, Дэли Махмуд спросил Гариба о том, ради чего он явился. Гариб рассказал Дэли Мах-муду обо всем, что с ним приключилось, поведал о том, как ему приснилась Шахсенем. Махмуд утешил его:

— Не горюй, Гариб, пока душа моя — в моем теле, по соблю тебе встретиться с Шахсенем.

Пусть пока Гариб останется здесь, а я вам поведаю о Шахсенем. Ее во сне обручили с Гарибом точно так же, как Гариба обручили с ней. С того самого дня словно тронулась Шахсенем, на уме у нее — Гариб. А тут старушка пришла и сказала Шахсенем:

— Ханум, поздравляю тебя — Гариб появился,
Шахсенем обрадовалась, отсыпала старушке пригорш ню золотых монет, наказала ей:
— Бабушка, гляди в оба, если Гариб окажется побли зости, сразу дай мне знать.
Старушка ушла, молвивши:
— Будет сделано.

Отец Шахсенем, прослышав о том, что в кофейне Дэли Махмуда появился ашуг, некто Гариб, которому не сыскать равного ни в пении, ни в игре, дал знать Дэли Махмуду, чтобы тот прислал своего гостя к нему.

Дэли Махмуд посвятил в дело Гариба, и отправились они к Ходже Санану. Отец Шахсенем приветливо встре-тил Гариба, порасспросил о том о сем и сказал:

— Гариб, спой нам что-нибудь, услади наш слух

Взял Гариб саз, стал его настраивать. А тут подошла Агджагыз — служанка Шахсенем, увидела Гариба, приглянулся он ей, остановилась она, наблюдает за ашугом со стороны. Гариб заметил ее, всколыхнулась в нем тоска, заговорил его саз:

Из-за тебя прошел из края в край,
В скитаньях обожгла печаль меня.
Я умираю, помощь мне подай,
Вблизи рассмотришь — станет жаль меня.

Покоя нет, терпенья больше нет,
Я вздохами туманю белый свет,
Иль ты не знаешь, сколько вынес бед?
И ныне пощадят едва ль меня.

Агджагыз, услышала, о чем поет Гариб, решила пойти рассказать об этом Шахсенем. Гариб увидел, что она уходит, сказал ей вслед:

Меня, Гариба, извела любовь,
Недаром говорится: зла любовь,
Во сне однажды призвала любовь
И завлекла в такую даль меня.

Отец Шахсенем, оставшись доволен пением Гариба, молвил ему:

— Гариб, на эту ночь ты — мой гость,

Гариб согласился. Пусть Ходжа Санан занимается при-готовлениями, а я вам скажу про Агджагыз. Побежала Агджагыз к Шахсенем, сказала ей:

— К отцу твоему явился гость по имени Гариб. Все поет и поет, да так, что заслушаешься.

Шахсенем взяла с собою еще одну служанку, подошли они поближе к окну. Гариб увидел их, взял саз и послушаем, что сказал:

Они пытливо смотрят из окна,
Одной из трех красавиц жизнь отдам,
Воспламенила сердце мне одна —
Одной из трех красавиц жизнь отдам.

Агджагыз заметила:

— Ханум, он для меня поет. И давеча запел, как только меня увидел.

Шахсенем, увидев Гариба, сразу признала в нем своего нареченного и не ответила Агджагыз. Агджагыз подалась чуть вперед. Гариб запел:

На загляденье туфли у одной,
А у второй, должно быть, нрав лихой,
А к третьей друг явился дорогой,
Одной из трех красавиц жизнь отдам.

Агджагыз как только услышала о туфлях, сказала:

— Видите, он для меня поет.

Снова запел Гариб, послушаем, как он закончил свою песню:

Одна, Ашуг Гариб, родня твоя,
Одна, как дыня, что пока ничья,
Одну со чту своей добычей я,
Одной из трех красавиц жизнь отдам.

Завершилось слово. Агджагыз напомнила:

— Ханум, видишь: он для меня поет.

Гариб перевел взгляд, видит: Шахсенем — словно лань, выглядывает в окно, смотрит на него. Зашлось у него сердце, взял он саз. Послушаем, что сказал Гариб:

Украдкой посмотрела из окна
И сразу же ума меня лишила,
Что сделала, жестокая, она:
Гореть велела, а огня лишила.

Я думал, на красавицу взгляну,
Она ж лица прикрыла белизну
Кудрями, словно тучами — луну,
И распустила пряди, распушила.

Гариб, в твой садик забрались весной
И срезали все розы до одной.
Я сел поесть, заигрывать со мной
Не вовремя красавица решила.

При этих словах Шахсенем закрылась зеркалом, кото-рое держала в руке, и полились у нее слезы из глаз, как дождик из весеннего облачка. Гариб, увидев это, взял саз и вот что сказал:

Ты зеркалом прикрылась, как щитом,
И словно чуточку хмельна. Прекрасно.
Достойно восхищенья все кругом,
И жбан, и чаша для вина прекрасна.

Глаза твои обведены сурьмой,
Приветливо обходишься со мной
И столько принесла цветов домой,
Что вся светлица, как весна, прекрасна.

Великолепен дом, ухожен двор.
С красавицей любой ты вступишь в спор,
Соколий облик и газелий взор,
И челка, что взлететь вольна, прекрасна.

Гариб стихи читает нараспев,
Лукавишь ты, опомниться успев.
С тобою рядом двух я вижу дев,
Они пригожи — ты одна прекрасна.

Закончилось слово, успокоилась немного Шахсенем, ушла она с девушками в свою комнату.

Явился Ходжа Санан, собрались все, и потекла беседа. С ближних и дальних окраин Тифлиса потянулись люди послушать Гариба. Ходжа Санан попросил:

— Гариб, очень мне понравился твой голос, спой мне об Эрзруме.

Молвил так Ходжа санан, взял Гариб саз и вот что сказал:

Прошу меня послушать, господа,
Идет по свету слава Эрзрума,
Там благотворны воздух и вода,
Не описать, ей-право, Эрзрума.

Не ведома от века скверна там,
Певучи птахи беспримерно там,
И соколицы есть, и серны там,
Округа величава Эрзрума.

В родном краю не знал я горьких дней...
Ашуг Гариб, зальется соловей —
И на глазах становится пышней
Зеленая оправа Эрзрума.

Кончил Гариб свое слово, поели-попили гости, разо-шлись они по домам, а Ходжа Санан велел постелить Га-рибу в одной из комнат; оставил его тут почивать.

Шахсенем под покровом ночи послала Агджагыз за Гарибом, а сама спустилась, стала ждать его в саду.

Поднялась Агджагыз, подошла к комнате, где уложили Гариба. Гариб не спал. Агджагыз поманила его к окну. Гариб выглянул из окна, увидел Агджагыз. Спросил ее:

-Ты зачем пришла?

Та ответила:

Гариб, тебя Шахсенем в саду ждет.

Услышав имя Шахсенем, Гариб выскочил из окна, ки-нулся в сад.

Шахсенем, выскользнув, словно трехнедельная луна из-за деревьев, сошла, словно лебедь, к роднику и поджи-дала здесь Гариба. Гариб, подоспев, увидел: стоит его нареченная у родника и заплетает свои черные косы. Сказал
он сам себе:

— Ах ты, простофиля! Об этом надо сказать не просто словами, а спеть под саз.

Взял он саз, послушаем, что сказал:

Ты, волосы моя, гляделась в ручей
И ахнул я — светятся брови твои,
Водой, отраженные, много нежней
Трехдневного месяца брови твои.

Весь озарился красою твоей,
Весной задушевный поет соловей,
И сердце мое застучало сильней —
Безумному грезятся брови твои.

Прислушайся к сазу — невесел настрой,
Хотя бы однажды полночной порой
Ашугу Гарибу отраду открой!
Что скажут, прелестница, брови твои?

Завершил слово Гариб. Обернулась Шахсенем, увидела у себя за спиной возлюбленного. Сплелись, как вьюны, двое влюбленных.

Чистый утренний ветерок, повеяв, пробудил их. Гариб спросил:

— Свет очей моих, неужели ты уходишь?

Шахсенем молвила:

— Да, ухожу. Проси моей руки у отца. Если отец меня выдаст за тебя — прекрасно, а не выдаст — я ни за кого не пойду.

Двое страждущих, поклявшись друг другу в вечной любви, расстались.

Гариб, расставшись с Шахсенем, пришел к своей ма-тери, попросил ее:

— Мама, иди, посватай за меня Шахсенем.

Мать Гариба, взяла с собой Дэли Махмуда, пошла к Ходже Санану. Соблюдая все обычаи, она сообщила о желании своего сына. Ходжа Санан ответил:

— Что же, я согласен. Только пусть твой сын даст за

даток — сорок кисетов золотых монет.

У матери Гариба в горле пересохло, пришла она прямо к сыну и сообщила:

— Сынок, Ходжа Санан требует сорок кисетов золотых

монет.

Гариб ответил:

— Не беда, я заработаю сорок кисетов золота.

А теперь о ком вам рассказать? Скажу о Шахвеледе. Шахвелсд доводился двоюродным братом Шахсенем. Услышал он, что к двоюродной сестре сватается некто по имени Гариб. И девушка благоволит к нему. Заслал он к дяде сватов. Ходжа Санан дал им свое согласие. Девушку просватали за Шахвеледа. Сваты молвив: «В добрый час!», понесли эту радоспг/ю весть Шахвеледу.

Шахсенем узнала: отец отверг сватовство Гариба и от-ветил согласием сватам Шахвеледа. Омрачилась Шахсенем, день и ночь проливает она слезы, на уме у нее — Гариб, а Шахвелед, собрав богатые подарки, разыскал какуюто зловредную старуху, послал с нею дары к Шахсенем.

Явилась старуха к Шахсенем, разложила перед нею подарки.

Шахсенем спросила:

Бабушка, кто эти подарки прислал? Старуха пожурила ее:

Вай, как это кто? Твой жених Шахвелед. Шахсенем, услышав это имя, выбросила подарки во

двор и приказала Агджагыз:

— Спусти эту старую собаку с лестницы, пусть убирает

ся к чертям.

Агджагыз столкнула старуху со ступенек. Старуха поо-хала-поохала, потерла-потерла поясницу, заспешила к Шахвеледу. Шахвелед, узревши ее в таком виде, спросил:

— С чем ты пришла?

Старуха ответила:

— С чем же? Твоя невеста Шахсенем схватила подарки, выбросила их во двор, а меня так избила, что я забыла имя своей покойной матери.

Задумался Шахвелед:

— Как нам сделать, чтобы Гариб убрался из Тифлиса?

Старуха ответила:

— Откуда мне знать? Не хочу я впутываться в ваши дела.

Шахвелед запустил руку в карман, вытащил пригорш ню монет, сунул их старухе в руку, повторил:

— А ты, бабка, подумай.

У старухи, как только она увидела деньги, засверкали глаза. Она пообещала:

— Будет сделано!

Пусть пока старуха, оставив Шахвеледа, разыскивает Гариба. А до отца Шахсенем дошли слухи о том, что его дочь полюбила Гариба и прогнала сватов Шахвеледа. Ходжа Санан послал свою жену к Шахсенем:

— Ступай, образумь свою дочь, чтоб она не позорила нас. Гариб — парень небогатый. Он нам не ровня.

Встала, пришла к дочери мать, сказала ей, как велел муж. Шахсенем склонила голову, полились у нее из глаз слезы, словно дождик из весеннего облачка, послушаем, как она ответила матери:

Не надо корить, мне и так нелегко,
Ты, мама, зачем упрекаешь меня?
Я помню, чье впитано мной молоко,
Ты, мама, зачем упрекаешь меня?

Равняет с айвою меня желтизна,
На чести же девичьей нет ни пятна,
Я свыше Гарибу навек суждена,
Ты, мама, меня упрекаешь зачем?

Сказала так Шахсенем, а мать ударила ее по губам, крикнула:

— Я говорю, не позорь нас, а ты все равно говоришь о Гари бе?!

Шахсенем молвила:

— Послушай, мама!
Я света не вижу, не пью и не ем,
Поблекну, увяну, иссохну совсем.
Противиться станешь — умрет Шахсенем,
Ты, мама, зачем упрекаешь меня?

Правдивые речи с тобою веду,
Иному мою не развеять беду,
Добром согласись — за Гариба пойду,
Ты, мама, зачем упрекаешь меня?

Кончилось слово, встала и вышла мать. Пусть Шахсенем сидит и плачет, ждет, когда появится Гариб, а я вам расскажу о коварной старухе, которую подослал Шахвелед.

Гариб сидел на камне, лицом к родимой стороне. Старуха подошла к Гарибу, прикинулась, будто ни о чем не знает, обратилась к нему:

Сынок, где тут поблизости дом тебризца Гариба? Гариб спросил:

Зачем он тебе, бабушка? Старуха ответила:

Меня Шахсенем прислала.

Гариб, как только услышал имя Шахсенем, поднялся и сказал:

— Бабушка, Гариб — это я. Говори скорее, какую весть прислала Шахсенем.

Повалилась на землю зловредная старуха, запричитала:

— Мне жаль тебя, сынок. На уме у тебя — Шахсенем, ради нее ты явился сюда из Тебриза со всей своей семьей.

А Шахсенем неверна тебе.

Изумился Гариб:

— Как это так?

Старуха ответила:

— Да так. Обручилась она со своим двоюродным бра том Шахведедом.

Не сегодня-завтра свадьбу сыграют. Она сама меня прислала сказать тебе, чтоб ты больше не произносил имени Шахсенем.

Услышал это Гариб от старухи, занялось огнем его сердце, запылало, как кузнечный горн. Взял он в руки свой саз, направился в сад Шахсенем. Вошел туда Гариб, видит: в саду, где обычно гуляла Шахсенем, сегодня стоит тишина. В саду на него со всех сторон, как темный дождь, тоска набегает.

Подождал он немного Шахсенем, видит: не пришла она, стало ему еще горше. Вспомнил о словах, которые велела передать ему Шахсенем, взял он саз, послушаем, что сказал:

Развалиною стань земля чужая,
Здесь ничего, кроме унынья, нет!
Увяла роза, соловей немеет,
Нигде отрады, как в пустыне, нет!

Я долго был вдали — моя промашка,
Мне от худых вестей не станет тяжко,
С куста на куст перепорхнула пташка —
Приверженности нет, святыни нет.

Твоя беда, Гариб, большою стала
И тень позора над душою встала,
Любимая тебе чужою стала,
Того, что было, и в помине нет!

Прождал Гариб весь день до вечера, не появилась Шахсенем. Сгустились сумерки, зажглись в Тифлисе пов-сюду лампы. Потянулись по домам бедняки да голяки. А Шахсенем не появлялась. Гариб, убедившись в словах старухи, хотел было повернуться и уйти, как вдруг разглядел что-то белое за деревьями. Пошел он в ту сторону, глядь — Агджагыз. Не дал он молвить слова Агджагыз, взял саз, послушаем, что сказал:

Увидел тебя, и душа омрачилась,
Покоя теперь не найду, Агджагыз,
Ходи осторожнее, сделай мне милость,
Не то загляжусь — пропаду, Агджагыз.

Лицо твое схоже с трехдневной луною,
А брови я с луком сравню, с тетивою,
Скажи, что с моей нареченной, родною, —
Скажи мне о милой — я жду, Агджагыз.

Охвачен любовью, пустился в дорогу,
И денно, и нощно взываю я к богу.
Меджиуном я стал и Лейлу — недотрогу
Увидеть хочу, как звезду, Агджагыз.

Гарибово горе взяла б, записала,
Я вынес напастей-несчастий немало.
Скажи, чтоб сюда Шахсенем поспешила,
Иль бучу устрою в саду, Агджагыз.

Кончилось слово. Молвила Агджагыз:

— Ах ты, сын несчастных родителей, имей терпение, послушай, о чем я скажу.

Молвил Гариб:

— Говори.

«г

Агджагыз сообщила:

— Меня прислала Шахсенем, сказала: пусть мол, ждет меня под кипарисом, я приду. Вина лежит на мне. Я оказалась нерасторопной. Ступай под кипарис, жди.

Гариб пошел, уселся под кипарисом. Щебетание птиц, трели соловьев, благоухание роз усыпили Гариба. Да так, что он, сам этого не заметив, растянулся на земле.

Агджагыз поспешила к Шахсенем, шепнула ей:

— Ханум, давай выйдем в сад, там соловьи так залива ются — любо послушать. Погуляем, поищем Гариба.

Шахсенем согласилась. Вдвоем они вышли в сад. Агд-жагыз сказала Шахсенем:

— Ханум, ты подожди тут, я пойду к кипарису. Может, там найду Гариба.

Агджагыз, получив согласие, прошла к кипарису. И что она видит? Гариб уснул крепким сном. Агджагыз отделила три волоска от черной косы своей, натянула, будто струны саза. Послушаем, как она будит Гариба:

Она покинула балкон,
Охотник не проспи удачи,
И озарился небосклон,
Охотник, не проспи удачи.

Видит Агджагыз: не просыпается Гариб. Послушаем, что она еще сказала:

Черна волос ее копна,
Она сама насурьмлена,
Сошла с балкона вниз она,
Охотник, не проспи удачи.

Гариб опять не проснулся. Взяла Агджагыз слово, по слушаем, чем завершила она его:

Она округлостью вполне
Подобна лебеди-соне,
А ручки-ножки в свежей хне,
Охотник, не проспи удачи.

Я Агджагыз, перед тобой,
Очнись, Гариб, глаза открой,
Приподнимись с земли сырой,
Охотник, не проспи удачи.
Опять Гариб не проснулся.

Услышала Шахсенем пение в саду, окликнула Агджагыз. Пришла Агджагыз. Шахсенем ее спрашивает:

— Кто там в саду?

Агджагыз ответила:

— Ханум, Гариб спит под кипарисом, зову его,не просыпается Шахсенем побежала, нашла Гариба, Сколько она его ни окликала, Гариб е проснулся. Отделила она три волоска от кос, натянула, будто струны саза. Послушаем, как она обратилась к Агджагыз:

Быть может, песней разбужу,
Но спит Гариб, не просыпается,
Я от любви с ума схожу,
Но спит Гариб, не просыпается.

Испила чашу я свою,
В наряде праздничном стою,
Под кипарисом я пою,
Но спит Гариб, не просыпается.

Сенем твердит: Глаза открой,
Дай поцелуемся с тобой!
Пренебрегать нельзя судьбой,
Но спит Гариб, не просыпается.

Опять не проснулся Гариб. Вся в слезах вернулась Шахсенем, присела на краешек бассейна. Агджагыз рассердилась, на этот раз так тряхнула Гариба, что тот вскочил, спросил:

— Что случилось?

Агджагыз попеняла ему:

— А что еще может случиться? Шахсенем битый час ждет, а ты все никак не проснешься.

Гариб, услышав попреки Агджагыз, взял саз и вот что сказал:

Совсем некстати крепко я уснул,
И не заметил, как пришла любимая,
Пригнул меня проклятый рок, пригнул,
Я не заметил, как пришла любимая.

Несчастий и напастей не сочту,
Весна зимою стала на лету,
Не довелось исполнить мне мечту,
Я не заметил, как пришла любимая.

Гариб не видит счастья столько лет,
Рыдает — утешенья нет и нет,

Я упустил судьбы моей просвет
И не заметал, как пришла любимая.

Сказал так Гариб, залился слезами. Тут Агджагыз по-бежала, послала к нему Шахсенем.

Пришла Шахсенем, видит: поет Гариб грустно-грустно и плачет. Раскинула она руки, обхватила сзади Гариба, обняла его. Обвили друг друга двое страждущих, как вьюн обвивает розовый куст. Гариб вымолвил:

— Султанша сердца моего, я должен с тобой расстаться.

Услышала Шахсенем такое от Гариба — словно молния поразила ее. Она спросила:

— Почему? Что ты такое говоришь?

Гариб ответил:

— Твой отец. Ходжа Санак, только тогда выдаст тебя за меня, когда я принесу сорок кисетов золотых монет.

Шахсенем спросила:

— Из-за этого ты покинешь меня? Ты сказал — сорок кисетов золотых монет, а я пятьдесят дам, только пусть

дело уладится.

Гариб вздохнул:

— Душа моя, Шахсенем, это было бы совсем неспра ведливо. Ты мне позволь, я уйду, заработаю деньги своими руками, отдам твоему отцу, а потом на радостях сыграем свадьбу.

Шахсенем задумалась:

А долго тебя ждать? Гариб воскликнул:

Клянусь нашим уговором, не дольше семи лет. Сказал он так, заплакала Шахсенем. Увидел Гариб, что струятся слезы из глаз Шахсенем, как из весенних тучек. Занялось огнем его сердце, взял саз, послушаем, что сказал он Шахсенем:

Давай простимся, милая, с тобой
Я ухожу — не возвращусь, быть может.
Разлука предназначена судьбой,
Я ухожу — не возвращусь, быть может.

Шахсенем отделила от кос два волоска, натянула будто струны саза, послушаем, что она ответила Гарибу:

Мой безупречно преданный навек,
Ступай, Гариб, вернись живым-здоровым,
Я знаю: ты — надежный человек,
Ступай, Гариб, вернись живым-здоровым.

Взял саз Гариб:
Дай нагляжусь на красоту твою,
Ты будешь сниться мне в чужом краю,
Тебе на память эту вещь даю,
Я ухожу — не возвращусь, быть может.

Взяла слова Шахсенем:

Мой милый, возвращайся поскорей,
Злоумышленья недругов развей,
Ты исцелишь меня от всех скорбей,
Ступай, Гариб, вернись живым-здоровым.

Взял саз Гариб:
Осенний сад охватит желтизна,
Мне первая любовь навек дана,
Но на чужбине есть еще одна...
Я ухожу — не возвращусь, быть может.

Взяла слово Шахсенем:

Тебе такие шутки не к лицу,
Вовеки удальцом не стать лжецу,
Доверья нет двуличному певцу,
Ступай, Гариб, вернись живым-здоровым.

Сказал Гариб:

Измены у меня и в мыслях нет,
Единственная, только ты — мой свет,

Наш уговор с тобою на семь лет,
Я ухожу — не возвращусь, быть может.

Ответила Шахсенем:

Не покидай Сенем, туманна даль,
В груди не сердце — камень или сталь?
Семь лет разлуки — долгая печаль,
Ступай, Гариб, вернись живым-здоровым.

Взял слово Гариб:
Гарибу счастья нет в твоем краю,
Боюсь, что розу отдадут репью,
Позор падет на голову мою,
Я ухожу — не возвращусь, быть может.

Завершились их речи.

Двое страждущих вновь расце-ловались, попрощались, а потом Шахсенем спросила:

Гариб, ты куда теперь хочешь податься? Гариб ответил:

Думаю податься в Рум.

Сказал так Гариб, а Шахсенем подумала: уйдет Гариб в Рум, встретит там кого-нибудь покрасивее меня. Поэтому взяла она слово, послушаем, что сказала:

Что ждет тебя в неведомой стране?
Ты в этот Рум, Гариб мой, не ходи!
В пути-дороге помни обо мне!
Ты в этот Рум, Гариб мой, не ходи!

Ответил Гариб:

Надежда на творца — моя броня,
Любимая, не плачь, я возвращусь.
Минует чаша смертная меня,
Любимая, не плачь. Я возвращусь.

Сказала Шахсенем:

Я думала: от прежнего очнусь,
Но снова расставанье, снова грусть.
Меня покинешь — в траур облачусь.
Ты в этот Рум, Гариб мой, не ходи!

Взял саз Гариб:

Ты, первая любовь, всегда со мной,
Деревья тронет осень желтизной,
Не надо мне красавицы иной,
Любимая, не плачь. Я возвращусь.

Взяла слово Шахсенем:

Утешь Сенем,побудь еще со мной.
Покрыты горы непроглядной тьмой.
Семь лет подобны вечности самой.
Ты в этот Рум, Гариб мой, не ходи!

Ответил Гариб:
Расула прозвала Гарибом ты,
Пусть бог поможет мне достичь мечты!
Не позабуду милые черты.
Я сквозь огни пройду. Я возвращусь.

Снова попрощались и расстались Гариб с Шахсенем. Гариб отсюда прямиком направился к матери. Увидела мать: сын одет в дорожное платье, спросила встревожено:
Сынок, ты куда собрался? Гариб ответил:
Послушай, что я скажу. Взял слово Гариб:

Да буду, мама, жертвою твоей,
На время ухожу в края чужие.

Дай в новый путь отправиться скорей,
На время ухожу в края чужие.

Взяла слово мать Гариба:

Ты что за новый путь облюбовал?
Не уходи сынок, в края чужие.
Меня сразить желаешь наповал?
Не уходи сынок, в края чужие.

Сказал Гариб;

Твои мученья, мама, сознаю.
Но богу поручаю жизнь твою,
Тебе ж беречь Сенем наказ даю,
На время ухожу в края чужие.

Ответила мать Гариба:

Пусть будет покровителем Аллах
Тебе во всех дорогах и делах.
Преставлюсь — кто предаст земле мой прах?
Не уходи сынок, в края чужие.

Взял саз Гариб:

Гариб мечтает о счастливом дне,
В огне любви душа моя, в огне,
Вселенной без Сенем не надо мне,
На время ухожу в края чужие.

Сказала мать Гариба:

И днем, и ночью стану я рыдать,
Не оставляй в слезах родную мать,
В дороге тяжко, не легче ждать,
Не уходи сынок, в края чужие.

Гариб попросил прощения у матери, у сестры, явился в кофейню. Взял саз, послушаем, что сказал Дэли Махмуду:

Коснется ли подушки головой —
Становится еще грустней скитальцу.
Больного не проведает никто,
Умрет — валяться средь камней скитальцу.

Гариб игрой и пеньем всякий раз
В восторг приводит каждого из вас.
Но слезы льются у него из глаз,
Считать — не сосчитать скорбей скитальцу.

Оставил Гариб мать да сестру на попечении Дэли Махмуда, попрощался с ним и пустился в путь.

Узнал Шахвелед о том, что Гариб уходит, а шел он из Тифлиса с намерением убить его. Да пока он выходил, Гариб перебрался через Куру. Вернулся назад, зол-презол. Послал весть Шахсенем — мол, вскоре приступаю к свадьбе. Видит Шахсенем — уведут ее силой, поставила она условие Шахвеледу — пусть, мол, ждет меня семь лет. Пока Шахвелед семь лет ждет Шахсенем, я расскажу про Гариба.

Язык устада скор. Шел Гариб, шел, дошел до города Халеба. Как увидел — Халеб, воспел он этот город.

Взял саз Гариб:

Благодарю, о боже мой,
Что я уже в Халебе-городе,
Расстался с милой стороной
И вот уже в Халебе-городе.

Я, словно с розой соловей,
Простился с милою своей,
Оставил, правда, сердце с ней,
А сам уже в Халебе-городе.

Стою, припав к чужой стене,
В огне душа моя, в огне,

И худо без любимой мне,
Но я уже Халебе — городе.

Завершил Гариб свою речь, добрался до какой-то кофейни. Побыл он здесь некоторое время, поиграл, попел, — пошла молва по Халебу: появился тут такой ашуг, что не сладить с ним никакому устаду.

Услышав эту весть, из дальних и ближних мест потянулись все в эту кофейню послушать, как поет Гариб. Пусть Гариб остается здесь, проводит свои дни, я скажу про Тифлис.

Вон уже сколько времени минуло с тех пор, как ушел Гариб. Шахвелед каждый день предпринимал что-нибудь, чтобы добиться расположения Шахсенем. Но на уме у Шахсенем — Гариб, день и ночь — в слезах, что ни день, навещала мать гариба, чтобы найти у нее утешение. Про-слышал однажды Шахвелед, что Шахсенем никак не отступится от Гариба, день и ночь пропадает у них дома, поддерживает их. Разыскал он Гюльоглана, поручил ему:

— Вот тебе деньги, отправляйся за Гарибом, найди,убей, стяни с него окровавленную рубашку, принеси, отдай его матери.

Взял Гюльоглан деньги, вышел в путь. По горам, по долам прошел, Гариба не нашел, утомился, видит: не идут дальше ноги, сел, сказал сам себе:

— Кто его знает, где теперь Гариб. Лучше всего изловлю дичь, отрежу ей голову, залью ее кровью свою рубашку,отнесу, отдам матери Гариба. И перед Шахвеледом оправдаюсь.

Изловил Гюльоглан дичь, отрезал ей голову, залил ее кровью свою рубашку, явился с ней к матери Гариба, сказал:

— Мать, да продлятся твои дни. Твой сын возвращался
со мною. В пути его убили разбойники. А это его рубашка.

Мать и сестра Гариба, прижавшись к окровавленной рубашке, запричитали, заплакали.

Услышала Шахсенем, что Гюльоглан доставил окровавленную рубашку Гариба, оделась в черное, пришла к матери Гариба. Сорок дней, сорок ночей хранили они

траур. Только Шахсенем, хотя и плакала, да не верила в смерть Гариба, а мать и сестра Гариба столько плакали, что лишились глаз, померк в них светлый мир.

Прошли дни, пролетели годы. Минуло ровно шесть лет с той поры, как ушел Гариб.

Шахвелед послал людей а Шахсенем: пусть, мол, готовится, скоро устрою свадьбу. Шахсенем пришла к матери Гариба, сказала:

— Мать, Шахвелед совсем торопит со свадьбой. А я дала обет — не выйду ни за кого, кроме Гариба. Я прошу, пойдемте, посидим на обочине дороги. Поспрошаем у торговых людей, которые ездят в Халеб. Может, узнаем что-нибудь о Гарибе. Я знаю, — он жив, не умер.

Мать Гариба согласилась. Пришли они, сели у дороги.

Следовал в Халеб некто по имени Ходжа Ахмед. Видит: сидят у дороги три несчастные женщины. Ахмед подошел, подал им милостыню. Сестра Гариба не взяла денег, послушаем, что она сказала гостю Ахмеду:

Купец почтенный, выслушай меня,
Я брата жду, а он не возвращается.
Мне, сироте, ни ночи нет, ни дня
Я брата жду, а он не возвращается.

Семь лет я в этот вглядываюсь путь,
И коль случилось с братом что-нибудь,
Возьму кинжал, себя ударю в грудь,
Я брата жду, а он не возвращается.

Покрыта снегом грозная гора,
Тоска по брату-страннику остра,
Сенем — его невеста, я — сестра,
Я брата жду, а он не возвращается.

Спросил Ахмед:

— Сестры мои, кто вы? Из каких вы краев?

Мать Гариба объяснила:

— Торговый гость, мы не попрошайки.
Я вдова тебризца купца Мамеда.

Это вот моя дочь, а это невеста моего сына. Мой сын уже скоро семь лет, как отправился на заработки в город Халеб, до сих пор нет от него весточки.

Ахмед-гость, как только услышал про Мамеда, воскликнул:

— Ой, да ведь он — мой очень близкий друг.
Взял он слово, послушаем, что сказал:

Торговец я, по имени — Ахмед,
Я вас увидел — помутился свет.
Как нищим подал несколько монет,
Приметы назови — разыщем сына.

Взяла слово мать Гариба;

Откуда держишь путь, купец честной,
Торгуешь видно, шелком да парчой.
Я плачу день и ночь, забыв покой,
Проплакала глаза свои по сыну.

Сказал гость Ахмед:

Я из Тебриза путь держу домой,
Товар найдется у меня любой.
Поверь, мамаша, дело за тобой,
Приметы назови — разыщем сына.

Сказала мать Гариба:

Под сердцем девять месяцев нося,
Я ради сына истерзалась вся,
И вот теперь бессильно голося,
Проплакала глаза свои по сыну.

Взял слово гость Ахмед:

Друг другу помогать — такой завет
Оставил нам великий Мухаммед
Как звать кормильца, сколько ему лет?
Приметы назови — разыщем сына.

Ответила мать Гариба:

Судьба велела жить в чужом краю,
Покрыла пеплом голову мою.
Тоскую по Гарибу, слезы лью,
Проплакала глаза свои по сыну.

Завершились их речи, сказал гость Ахмед:

— Мать, теперь я знаю, как зовут твоего сына, дай срок, доберусь до города Халеба, разыщу его, если он там, велю возвращаться сюда.

Как услышала это обещание Шахсенем, обрадовалась, поцеловала руку Ахмеду-гостю. Отделила от косы два волоса, натянула как струны, послушаем, что она сказала Ахмеду гостю:

Навек останусь у тебя в долгу —
Скажи Гарибу — пусть скорей вернется.
Семь лет перебиваюсь, как могу,
Скажи Гарибу — пусть скорей вернется.

Услышав такое, гость Ахмед сказал сам себе:
«Дай я ее испытаю, погляжу, от души ли любит она Гариба?»
Ответил гость Ахмед:

Да буду жертвой серых глаз твоих,
Согласье дай — возьму тебя за сына,
На что тебе негодный твой жених,
Согласье дай — возьму тебя за сына.

Сказала Шахсенем:

Напрасно ты закидываешь сеть.
Коль я сумела столько претерпеть,
Зачем менять мне золото на медь?
Скажи Гарибу — пусть скорей вернется.

Нельзя же объяснить такое всем,
Ашуг Гариб помолвлен с Шахсенем,
Семь лет, как мы расстались, ровно семь.
Скажи Гарибу — пусть скорей вернется.

Взял слово гость Ахмед:

Ну, я себя отныне покажу,
Ни денег, ки добра не пощажу,
И жизнь, коль надо будет, положу,
Расспросы поведу — найду Гариба.

Всю землю я, Ахмед, перетряхну,
Коль в рабстве изнывает иль в плену,
Я выкуплю его, тебе верну,
Расспросы поведу — найду Гариба.

Завершились слова, попросила Шахсенем гостя Ахмеда, чтобы он разыскал Гариба, где бы тот ни находился, и привез бы с собой; сняла со своего пальца колечко, дала его Ахмеду-гостю. Пообещал гость Ахмед, молвил ей:

— Дочь моя, нет у меня ни сына, ни дочери. Я испытывал тебя. Будь спокойна, поеду отыщу Гариба, доставлю его тебе.

А теперь я скажу про Гариба. Некоторое время Гариб играл и пел в кофейне в городе Халебе. Мастерство его славилось повсюду.

Услышал халебский паша, что в городе объявился некто по имени Гариб, который славится среди ашугов своим искусством. Повелел он, чтобы он тотчас предстал перед ним.

Пусть пока люди паши идут искать Гариба, а до Халеба тем временем добрался гость Ахмед. Вошел он в кофейню, наполнил чашу шербетом, опустил в нее колечко, которое дала Шахсенем, спросил:

— Кто тут Гариб? Пусть поднимется, возьмет и выпьет эту чашу.

Никто не встал с места. В это время с сазом в руках вошел Гариб. Когда гость Ахмед в другой раз повторил

приглашение, Гариб взял чашу, испил ее до дна. Глянул — на донышке чаши колечко Шахсенем.

Вынул он колечко, поцеловал, приложил к глазам, и тут занялось огнем его сердце, запылало, что твой кузнеч-ный горн. Прижал он к груди саз, послушаем, о чем спросил Ахмеда, о чем поведал Ахмед-гость.

Взял слово Гариб:

Купец почтенный, не томи меня,
Скажи, какою ты Сенем увидел?
Мне, бедному, ни ночи нет, ни дня,
Скажи, какою ты Сенем увидел?

Вступил гость Ахмед:

Пусть выручит тебя **Хыдыр Ильяс**
Сенем я безутешною увидел.
Она молилась о тебе не раз,
Сенем я безутешною увидел.

Поднял саз Гариб:

Оставил я цветок любви при ней,
Живу в Халебе средь чужих людей.
Что говорят о Шахсенем моей?
Скажи, какою ты Сенем увидел?

Ответил гость Ахмед:

Друзья тебя не перестали ждать,
Где ты, у птиц пытаются узнать.
Одеты в траур и сестра, и мать.
Сенем я тоже в трауре увидел.

Спросил Гариб:
Я уходил — весна у нас цвела,
Гусям и уткам не было числа...

И Шахсенем не замужем была?
Скажи, какою ты Сенем увидел?

Сказал гость Ахмед:

Я уходил — весна у вас цвела,
Гусям и уткам не было числа...
Нет, Шахсенем не замужем была.
Сенем я безутешною увидел.

Завершились речи. Гариб заявил:

— Гость Ахмед, собирайся, идем.

Но тут вошли люди халебского наши, схватили Гариба, повели его к паше. Гость Ахмед поплелся с ними. Пред-стали они перед пашой.

Взял слово Гариб, послушаем, что сказал паше:

Прости великодушно, мой паша,

Мне милая велела возвращаться,
Мне торопиться нужно, мой паша,
Мне милая велела возвращаться.

Весной, с прилетом первых журавлей,
Терпеть разлуку вдвое тяжелей.
Изныло сердце Шахсенем моей,
Мне милая велела возвращаться.

Поведал я, Гариб, свою беду,
Содействия спасительного жду.
Жениться помоги, иль пропаду,
Мне милая велела возвращаться.

Паша вопросил:

Эй ты, Гариб, скажи-ка, кто ты, чем занимаешься?

Гариб ответил:

Изволь, скажу.

Взял Гариб саз:

Отчизну покинул, ушел на чужбину,
В безрадостных странствиях я одинок.
Гарибом прозвали меня, сиротину,
В безрадостных странствиях я одинок.

Я, с юности ранней по свету блуждая,
Почти и не помню родимого края,
Сенем убивалась, меня провожая...
В безрадостных странствиях я одинок.

Ашугу Гарибу избыть бы кручину,
Я брошусь в пучину — всплыву или сгину...
Пускай твое имя украсит вершину!
В безрадостных странствиях я одинок.

Кончил говорить Гариб, халебский паша сказал:

— Знаю, ты пришлый, нет у тебя никого в этих краях.
Да говорят, что сильный ашуг.
Коли припрешь к стенке нашего ашуга, победив в состязании, дам тебе волю. А не сумеешь посрамить его — велю отрубить тебе голову.

Гариб согласился, и паша собрал гостей. Явились к паше уважаемые люди города Халеба. Предстал перед ними и ашуг паши. Ашуг спросил:

—Гариб, кому начинать — тебе или мне?

Гариб ответил:

—У нас водится так: начинает соперник. Начни ты, а
я последую за тобой.
Молвил так Гариб, взял саз ашуг паши, послушаем, что он сказал Гарибу:

Не постыдился — вышел напоказ,
Как будто неуч вдруг ашугом станет!
Тот свет увидишь у меня сейчас,
У нас любой на место мигом станет.

Ответил Гариб:

Кто хваткой похваляется своей,
Тот волком пусть, как я, матерым станет!

Ты сам себя хотя бы пожалей,
Ощипанный петух бесперым станет.

Взял слово ашуг:

Гляжу, негодованья не тая,
Тебе задам такую взбучку я, —
Язык прикусишь, немота твоя
Острасткой прочим торопыгам станет,

Гариб взял саз:

Напрасно напускаешь грозный вид,
Стараясь показать, как ты сердит.
Когда ашуг ашугу навредит,
Тот расправляться с горлодером станет.

Сказал ашуг:

Из чаши мудрецов испил ли ты,
Поток бурливый переплыл ли ты?
Заклятье оставляешь в силе ты?
Не выстоишь — ашугство игом станет!

Гариб поднял саз:

Вовек Гариб не преступал черты,
Ни лжи не изрекал, ни клеветы.
Будь даже тигром — не спасешься ты,
Твой проигрыш большим позором станет.

Кончились наскоки и препирания. Предложили:
— Пусть теперь скажет Гариб, ашуг ему ответит.
Гариб взял поудобнее саз, сказал:

Теперь скажи, достопочтенный мне:
Ашугству кем положено начало?
Кто жил, не зная горя на земле?
Ответь во избежание скандала!

У ашуга застучало в голове, уставился он взглядом в землю, не сумел ответить.

Гариб спросил далее:

В науке что всего нужнее нам?
Кто головы себя лишает сам.
И вновь себе кочует там и сям?
Кого богатство знаний отличало?

Я говорю: любое мастерство
Без вдохновенья божьего мертво.
А ты скажи Гарибу: отчего
Земля благоустроенною стала?

Откликнулись камни, но не отозвался ашуг. Гариб сказал: — Не терзай себе сердце, скажу тебе и ответ.

Взял слово ашуг Гариб:

Я сам ответы на вопросы дам,
Адам ашугству положил начало.
Беспечно жил опять же он, Адам,
Ничто его судьбы не омрачало.

Терпенье — ключ науки искони.
Теперь на тучи-облака взгляни —
Не сами обезглавились они?
Премудрость **Джабраила** отличала.

И снова я, Гариб, сказать готов:

Пытливость может с тайны снять покров,
Трудами мудрецов и мастеров
Земля благоустроенною стала.

Слово Гариба сильно смутило ашуга, не разжались у него губы. Люди отовсюду отозвались:

— Молодчина, ашуг Гариб, ты настоящий ашуг.

Паша спросил его:

— Ашуг, не поведаешь нам о том, что стряслось с Тебризом?
Взял саз ашуг Гариб, послушаем, что сказал:

Почтенные, слушайте, я расскажу
О страшном, неслыханном деле в Тебризе,
Я видел пожар, порождающий жуть,
И камни, и горы горели в Тебризе.

Испытанный был у тебризцев заслон,
Но пламя со всех повалило сторон,
Людей избивали и брали в полон,
Я сам уцелел еле-еле в Тебризе.

Несчастью Гариба сравнения нет,
Такого погрома не видывал свет,
Правитель Гидяна оставил свой след —
Руины дымились и тлели в Тебризе.

Возгласы «Молодчина!» вознеслись к небесам.

Паша, изумленный совершенством речи Гариба, его голосом, подобным трелям соловья, решил:

— Гариб, я не отпущу тебя, оставлю здесь.Давай, оставайся у меня. Ешь, пей, гуляй в свое удовольствие.

Паша решил так, а Гариб взял саз, грустно-грустно запел. Послушаем, что он ответил паше:

От милой письмецо пришло,
Паша позволь, — уйду отсюда.
Живется милой тяжело,
Паша позволь, — уйду отсюда.

Тоска прихлынула опять,
Мне здесь тревоги не унять,
Там заждались сестра и мать,
Паша позволь, — уйду отсюда.

Гариб пожертвовал собой,
Рискнул расстаться с дорогой,

Семь лет блуждаю, как изгой,
Паша позволь, — уйду отсюда.

Кончились слова. Вопросил паша:

— Гариб, я ничего не понял. Объясни толком, что ты хочешь сказать?

Разве плохо тебе будет, если останешься при мне? Гариб ответил:

— Паша, у меня горе особое.

Гариб рассказал паше от начала до конца обо всем, что с ним приключилось. Паша, видя такое дело, велел дать Гарибу сорок кисетов золотых монет.

Взял Гариб сорок кисетов золотых монет, сложил в свою суму, хотел уйти, глядит: на дворе буря ~ ничего не видать. Небо от земли не отличить в такую погоду. Взял он саз и вот что сказал:

Разбушевалось небо мне назло.
Я небу становлюсь врагом,Я плачу.
Мне без того в разлуке тяжело,
А тут такая жуть кругом. Я плачу.

Что бог велит, тому и буду рад,
Авось, пройду меж каменных громад.
Снаружи — ураган, и снег, и град.
Далеко-далеко мой дом. Я плачу.

Джигитом может зваться только тот,
Кто тайны никогда не выдает.
Как ждать Гарибу — время-то идет!
Я небу становлюсь врагом. Я плачу.

Завершились слова, увидел паша: на дворе стужа лютая, нипочем Гарибу не уйти. Посоветовал он:

— Гариб, не уходи. Пропадешь на дорогах.

Заплакал Гариб. Увидел паша, что он плачет, пожалел его, велел дать коня Гарибу. Люди паши тотчас подвели Гарибу доброго скакуна, проводили в путь-дорогу.

Простился Гариб с пашой, с Ахмедом-гостем, двинулся в сторону Тифлиса. Прошел изрядный путь. Пал от стужи конь. Уселся на поляне Гариб отдохнуть. Вспомнил Гариб о том, как он покинул родные края, о том, как оставил возлюбленную Шахсенем, увидел — находится один-одинешенек в пустынном поле, прижал он к груди саз, послушаем, что сказал созвучно своему состоянию:

Услышь, о всеблагой, услышь меня,
Лютует небо — мне конец, я плачу.
В камнях ждала скитальца западня,
Лютует небо — мне конец, я плачу.

Приспела смерть и встала надо мной,
И превратилась грудь в ожог сплошной.
Открыто извело меня враждой,
Лютует небо — мне конец, я плачу.

Гариб вдали от родины своей.
Моя Сенем! Да буду жертвой ей!
Кто погребет меня среди камней?
Лютует небо — мне конец, я плачу.

Закончил петь Гариб, но никто не откликнулся на его зов. Снова взял Гариб саз, послушаем, что он сказал:

О Аллах, услышь и пожалей,
В край родной закинь меня, скитальца!
Всевеликой милостью своей
В край родной закинь меня, скитальца!

Обступил в горах туман меня,
Я в беде — ни тропки, ни коня.
Выручи, о Хызр, не временя,
В край родной закинь меня, скитальца!

Эти **восемнадцать тысяч сфер**
Создал ты, чья мощь не знает мер.
Так яви же благости пример,
В край родной закинь меня, скитальца!

Как только кончились слова, появился рядом всадник на белом коне, поздоровался, позвал:

— Иди, садись сзади.

Уселся Гариб сзади всадника на его коня. Всадник спросил:

Куда тебе? Гариб ответил:

В Эрзрум.

Сказал всадник на белом коне:

— Зажмурь глаза, юноша.

Гариб зажмурился. Не прошло и минуты, как всадник приказал:

— Открой глаза.

Открыл Гариб глаза, видит: он — у Эрзрума. Гариб посмотрел туда, посмотрел сюда — всадника нет. Прошел он немного, навстречу — тот же всадник, спрашивает:

Юноша, а теперь куда шагаешь?

Гариб ответил:

Не сердись, я неправду сказал, мне надо в Каре.

Всадник попенял ему:

— Зачем неправду говоришь? Садись на коня, зажмурь глаза.

Гариб сделал, как велел всадник, а тот приказал:

— Открой глаза.

Открыл Гариб глаза, видит: он — у Карса, а всадника и след простыл.

Пошел Гариб в сторону Тифлиса. Прошел он немного, снова навстречу тот же всадник, спрашивает:

— Ты зачем неправду говоришь? Тебе нужно в другие
края.

Гариб вконец устыдился, сказал:

— Не гневайся, господин мой: если человек соврет с
утра, то будет врать до вечера, никак не угомонится. Мне надо в Тифлис.

Всадник приказал:

— Коли так, садись на коня, зажмурь глаза.

Гариб уселся на коня, зажмурился.

Всадник приказал:

— Открой глаза.

Гариб открыл глаза, видит: он — у Тифлиса. Обхватил он шею коня, стал умолять всадника:

— Да буду я жертвой твоей! Скажу - никто не поверит, что я так быстро добрался из Халеба в Тифлис. Как же мне их убедить?

Всадник молвил:

— Возьми горсть земли из-под копыта моего коня, по мажешь ею глаза своей матери, исцелится она, тогда все поверят.

Наклонился Гариб за горстью земли, выпрямился, а всадник па белом коне исчез. Понял он, что это был не кто иной, как сам святой Хызр.

Прошел Гариб еще немного, показался дом любимой Шахсенем. Заныло его сердце. Прижал он к груди саз, сказал:

Спорил с тяжкою судьбой,
Но, наконец, пришел в Тифлис!
Налюбоваться дай тобой —
Я, наконец, пришел, Тифлис.

Балкон Сенем под сенью лоз,
Я помнил смоль ее волос,
Себя, как факел, я принес,
И, наконец, пришел в Тифлис!

Я так стремился в этот край,
Что в сад вхожу, как будто в рай.
Моей любимой передай:
«Ашуг Гариб пришел в Тифлис!»

Закончил он петь. Вошел в город Тифлис, добрался до родника. Глядь - соловьи поют-заливаются, славят на все лады розу. Взял Гариб саз, послушаем, что сказал:

Поешь соловей ты всю ночь напролет,
Не пой сиротливо — мне худо и так.

А может, подруга в гнезде тебя ждет?
Не пой сиротливо — мне худо и так.

Весна с соловьем голосистым в ладу,
Мне ж трудно дышл], и в тенистом саду.
Что, если подругу с другим я найду?
Не пой сиротливо — мне худо и так.

Халеб для меня превратился в подвал,
Я стоны и ночью, и днем издавал,
Недобрые вести разят наповал,
Не ной сиротливо — мне худо и так.

Кончил Гариб петь. Вдруг видит: сестра его с кувшином на плече пришла к роднику, а сама вся в черном с головы до пят. Не узнала она брата.

Гариб спросил ее:

— Почему ты одета в черное?

Девушка ответила:

— В чужом краю был у меня брат. Пришла весть о его смерти. Теперь выдают замуж его невесту, нынче вечером

кладут хну.

Гариб сообщил:

— Твой брат жив, не сегодня-завтра появится. Позволь мне погостить сегодня у вас.

Сестра взяла его с собой, привела в дом. Оставила погостить, хотя мать была недовольна. Гариб увидел — висит на стене саз, попросил сестру:

Дай мне саз, сыграю: Сестра предупредила:

У нас горе, мы в трауре, играть на сазе нельзя. Гариб не унимался:

Я сыграю что-нибудь печальное. Мать зашептала дочери:

Что за бессовестный гость, откуда ты его привела?

Встал Гариб, сам достал саз, прижал его к груди, запел.

Сказал Гариб:

Душа моя и свет очей,
Я — сын твой, мама, я — Гариб!
Да буду жертвою твоей,
Я — сын твой, мама, я — Гариб!

Ответила мать Гариба:

Добро пожаловать, сынок!
Когда вернулся ты, Гариб?
На муки ты меня обрек,
Когда вернулся ты, Гариб?

Взял слово Гариб:

Я виноват, я виноват,
Но много встретилось преград.
А где Гейдар, мой младший брат?
Я — сын твой, мама, я — Гариб!

Сказала мать:

Коня бывало, конник гнал,
Тем помогал, кто слаб и мал...
Гейдар в Тоне-реке пропал,
Когда вернулся ты, Гариб?

Спросил Гариб:

Идут паломники толпой,
Да кто поможет нам с тобой?
А что с Наргиз, моей сестрой?
Я — сын твой, мама, я — Гариб!
Ответила мать:

Сил у Бану-старухи нет,
Не сосчитаешь наших бед.
Где ж ты скитался столько лет,
Когда вернулся ты, Гариб?

Закончила она, обнялись, расцеловались с Гарибом мать и сестра. Спросил их Гариб:

Как Шахсенем? Мать ответила:

Сынок, сегодня ее свадьба.

Услышав такое, не удержался Гариб, пошел к Дэли Махмуду и вместе с ним отправился к Шахвеледу на свадьбу.

Шахсенем внимательно глядела на Гариба. Подошли тут к нему его мать и сестра. Взяла Шахсенем саз, послушаем, что сказала матери Гариба:

Позволь — тебя, родная, обниму,
О, если б сын твой не погиб, пришел бы!
Я извелась, иссохла по нему,
О, если б сын твой не погиб, пришел бы!

Я — не стальная, я не закалюсь,
Возьму и отравлюсь, иль заколюсь,
И тихо в мир иной переселюсь,
О, если б сын твой не погиб, пришел бы!

Я — Шахсенем, к чему краса моя,
Когда струятся слезы в три ручья!
Гордиться бив могиле стала я,
Коль помянуть меня Гариб пришел бы...

Люди увидели ашуга, обрадовались ему. Гариб присел у порога.

Его попросили спеть. Прижал ашуг Гариб саз к своей груди, сказал:

Не знаю радости давно,
О долгожданная, приспей!
Терпеть не остается сил,
О, тонкостанная, приспей!

Любовь и солнце — таково
Твое призвание — **Мегри,**
Ты соответствуешь ему,
Заря румяная, приспей!

Рассвет встречаю иль закат —
равно душа моя в огне,
От всех недугов ты одна
дать избавленье можешь мне.

Я восхищаюсь всякий раз,
когда привидишься во сне,
Как превратить виденье в явь?
Моя желанная, приспей!

В тебя влюблен Ашуг Гариб,
с тебя он взгляда не сведет,
Не принуждай его рыдать,
и дни и ночи напролет.

Пусть на меня лицо твое
животворящий свет прольет!
Благоуханная моя,
моя медвяная,приспей!

Отовсюду послышалось: « Молодчина!» Многие узнали его. Попросили:
—Ашуг, не оставляй саза.
Гариб повиновался:
—Будет сделано!
Прижал он к груди саз, послушаем, что рассказал о своих странствиях:

Вчерашнею ночью в Халебе молчком
Я чашу любви осушил и явился.
От милой письмо получил, прочитал
И сразу же в путь поспешил и явился.

Покинув Халеб, я сперва оробел,
Но в полдень уже полпути одолел
И с помощью божьей в Тифлис прилетел,
Чудесный полет завершил и явился.

Услышала Шахсенем из соседней комнаты голос Гариба, пришла, стала у окна с девушками.
Взял Гариб саз:

Успел на закате домой заглянуть,
Поведал родным заповедную суть,
Кинжалом любви я рассек себе грудь,
Глубокий недуг сокрушил и явился.

Давайте ударим в ладоши дружней,
Пусть выйдет плясунья — отрада очей,
Гариб к Шахсенем несравненной своей
На свадьбу явиться решил и явился.

Заметили ему:

— Неправду говоришь, разве можно за один день доб
раться из Халеба в Тифлис?

Гариб подвел к себе мать, молвил:

— У меня есть доказательство. Я взял горсть земли из-
под копыта коня святого Хызра, который привез меня.
Сейчас я верну зрение матери.

Провел он землицей по глазам матери, прозрела она, совсем исцелилась. Все подтвердили, что Гариб — что называется, всамделишный ашуг. Шахвелед выхватил меч, бросился на Гариба. Дэли Махмуд ухватил его за руку, пригрозил:

Тронешь Гариба — искрошу тебя на мелкие куски. Шахвелед оставил Гариба, принялся за Гюльоглана:

Эй, разве ты не убил Гариба?

Гюльоглан от страха забился в мышиную норку. Снова Шахвелед схватился за меч, замахнулся на Гариба, да Дэли Махмуд выкрутил ему руки, приставил к его груди кинжал. Шахвелед, увидев такое дело, объявил:

— Гариб, уступаю тебе Шахсенем.

Все это одобрили, переписали кябин: выдали за Шах-веледа сестру Гариба, а за Гариба — Шахсенем, заново принялись праздновать.

Поглядел Гариб на красоту Шахсенем, и вот что произнес:

Платка, что уподобился 6 твоим
Кудрям густым и черным, быть не может,
В цветущем мире рядом с солнцем — ты,
И равных в нем, просторном, быть не может.

Я первый твой бутон сорвал весной,
Учился у Юсуфа с Зулейхой.
Сияет ореол луны, как твой,
Но столь же благотворным быть не может.

Жила бы ты, Сенем, а я — Гариб,
Что столько лет горит, да не сгорит.
Я посрамлю того, кто говорит:
Скиталец, мол, упорным быть не может.

Тут подоспела Агджагыз. Взяла и она саз, послушаем, что она сказала Гарибу:

Твоей да буду жертвою, Гариб,
Ей в твой приход поверилось не сразу,
Пришли, сказали ей, что ты погиб,
Ей в твой приход поверилось не сразу.

Скроили ей семь лет тому назад
Не свадебный, а траурный наряд...
Поныне раны у нее горят,
Ей в твой приход поверилось не сразу.

Ты мать с сестрой оставил, а затем
Забыл Тифлис, казалось, насовсем,
И вдруг явился чудом к Шахсенем,
Ей в твой приход поверилось не сразу.

Она сидела дома взаперти,
Не выходила никуда почти,
Готовый яд держала на груди,
Ей в твой приход поверилось не сразу.

Закончила свой рассказ Агджагыз, расцеловала в щеки обоих. Шахсенем прошла в брачный покой. Гариб обла-чился в одеяние жениха, прошел к Шахсенем. Шахсенем решила обнять его, а Гариб отодвинул ее и сказал:

- Не приближайся ко мне, тебя касалась рука Шахве- леда. От обиды Шахсенем залилась слезами, отделила от косы волосок, послушаем, что она сказала Гарибу:

Не знала покоя ни ночью, ни днем
С тех пор, как с тобою расстались, любимый,
Я траур надела и маялась в нем
С тех пор, как с тобою расстались, любимый.

Дожди не доходят — наш дом в стороне...
Алмазные серьги — в шкатулке, на дне,
Никто их ни разу не видел на мне
С тех пор, как с тобою расстались, любимый.

Два праздника светлых всего-то у нас,
И в те избегала потех и проказ,
А люди гуляли четырнадцать раз
С тех пор, как с тобою расстались, любимый.

Завершила она речь свою, зарыдала. Гариб увидел, как рыдает Шахсенем, настроил саз, послушаем, как он успокоил ее сердце:

Не прячь лица, не надо, не таи,
Как долго мы скучали, ой, Сенем!
Хочу наряды восхвалить твои,
Встань, погордись передо мной, Сенем!

Наступит осень, обнажит сады...
Я не видал подобной красоты.
Взгляни, какая сладостная ты —
У зеркала теперь постой, Сенем!

На яблочки всегда великий спрос,
А сколько стоят кольца этих кос?

Я из Халеба хну тебе привез,
Покрась-ка руки свежей хной, Сенем!

Япшак богат, но сбрось его долой
Да повяжи-ка пояс золотой,
А что за башмачки, а блеск какой!
Гариб немеет пред тобой, Сенем!

Завершились слова. Помирились они, расцеловались. Устроил Гариб заново свадьбу, двое страждущих обрели друг друга, достигли желанной цели.

Прижал к груди саз устад, и величальной закончил он свадебное торжество.

АШИК КЕРИБ

Давно тому назад, в городе **Тифлизе**, жил один богатый турок; много аллах дал ему золота, но дороже золота была ему единственная дочь Магуль-Мегери; хороши звезды на небеси, но за звездами живут ангелы, и они еще лучше, так и Магуль-Мегери была лучше всех девушек Тиф-лиза. Был также в Тифлизе бедный Ашик Кериб; пророк не дал ему ничего, кроме высокого сердца — и дара песен; играя на саазе (балалайка турецкая) и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых; на одной свадьбе он увидал Магуль-Мегери, и они полюбили друг друга. Мало было надежды у бедного Ашик Кериба получить ее руку — и он стал грустен, как зимнее небо.

Вот раз он лежал в саду под виноградником и, наконец, заснул; в это время шла мимо Магуль-Мегери с своими подругами; и одна из них, увидав спящего ашика (балалаечник), отстала и подошла к нему: «Что ты спишь под виноградником, — запела она, — вставай, безумный, твоя газель идет мимо»; он проснулся — девушка порхнула прочь, как птичка; Магуль-Мегери слышала ее песню и стала ее бранить: «Если б ты знала, — отвечала та, — кому я пела эту песню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашик Кериб»; — «Веди меня к нему», — сказала Магуль-Мегери; и они пошли. Увидав его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утешать. «Как мне не грустить, — отвечал Ашик Кериб, — я тебя люблю, — и ты никогда не будешь моею». — «Проси мою руку у отца моего, — говорила она, — и отец мой сыграет нашу свадьбу на свои деньги и наградит меня столько, что нам вдвоем

достанет». — «Хорошо, — отвечал он, — положим, Аяк-Ага ничего не пожалеет для своей дочери; но кто знает, что после ты не будешь меня упрекать в том, что я ничего не имел и тебе всем обязан; нет, милая Магуль-Мегери; я положил зарок на свою душу: обещаюсь семь лет странствовать по свету и нажить себе богатство либо погибнуть в дальних пустынях; если ты согласна на это, то по истечении срока будешь моею». Она согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернется, то она сделается женою Куршуд бека, который давно уж за нее сватается.

Пришел Ашик Кериб к своей матери, взял на дорогу ее благословение, поцеловал маленькую сестру, повесил через плечо сумку, оперся на посох странничий и вышел из города Тифлиза. И вот догоняет его всадник, — он смотрит ~ это Куршуд бек. «Добрый путь, — кричал ему бек, — куда бы ты ни шел, странник, я твой товарищ»; не рад был Ашик своему товарищу, но нечего делать; долго они шли вместе, наконец завидели перед собою реку. Ни моста, ни броду. «Плыви вперед, — сказал Куршуд бек, — я за тобою последую». Ашик сбросил верхнее платье и поплыл; переправившись, глядь назад — о горе! о всемогущий аллах! Куршуд бек, взяв его одежды, ускакал обратно в Тифлиз, только пыль вилась за ним змеею по гладкому полю. Прискакав в Тифлиз, несет бек платье Ашик Кериба к его старой матери: «Твой сын утонул в глубокой реке, — говорит он, — вот его одежда». В невыразимой тоске упала мать на одежды любимого сына и стала обливать их жаркими слезами; потом взяла их и понесла к нареченной невестке своей, Магуль-Мегери. «Мой сын утонул, — сказала она ей, — Куршуд бек привез его одежды; ты свободна». Магуль-Мегери улыбнулась и отвечала; «Не верь, это все выдумки Куршуд бека; прежде истечения семи лет никто не будет моим мужем», — она взяла со стены свой сааз и спокойно начала петь любимую песню бедного Ашик Кериба.

Между тем странник пришел бос и наг в одну деревню; добрые люди одели его и накормили; он за то пел им чудные песни; таким образом переходил он из деревни в деревню,

из города в город; и слава его разнеслась повсюду. Прибыл он, наконец, в Халаф; по обыкновению, взошел в кофейный дом, спросил сааз и стал петь. В это время жил в Халафе паша, большой охотник до песельников; многих к нему приводили — ни один ему не понравился; его чауши измучились, бегая по городу; вдруг, проходя мимо кофейного дома, слышат удивительный голос; они туда. «Иди с нами к великому паше, — закричали они, — или ты отвечаешь нам головою». — «Я человек вольный, странник из города Тифлиза, — говорит Ашик Кериб, — хочу пойду, хочу нет; пою когда придется, и ваш паша мне не начальник». Однако, несмотря на то, его схватили и привели к паше. «Пой», — сказал паша, и он запел. И в этой песне он славил свою дорогую Магуль-Мегери; и эта песня так понравилась гордому паше, что он оставил у себя бедного Ашик Кериба. Посыпалось к нему серебро и золото, заблистали на нем богатые одежды; счастливо и весело стал жить Ашик Кериб и сделался очень богат; забыл он свою Магуль-Мегери или нет, не знаю, только срок истекал, последний год скоро должен был кончиться, а он и не готовился к отъезду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться; в это время отправлялся один купец с керваном из Тифлиза с сорока верблюдами и восемьюдесятью невольниками; призывает она купца к себе и дает ему золотое блюдо. «Возьми ты это блюдо, — говорит она, — и в какой бы ты город ни приехал, выставь это блюдо в своей лавке и объяви везде, что тот, кто признается моему блюду хозяином и докажет это, получит его и вдобавок вес его золотом». Отправился купец, везде исполнял поручение Магуль-Мегери, но никто не признался хозяином золотому блюду. Уж он продал почти все свои товары и приехал с остальными в Халаф. Объявил он везде поручение Магуль-Мегери. Услыхав это, Ашик Кериб прибегает в караван-сарай — и видит золотое блюдо в лавке тифлизского купца. «Это мое», — сказал он, схватив его рукою. «Точно твое, — сказал купец, — я узнал тебя. Ашик Кериб; ступай же скорее в Тифлиз твоя Магуль-Мегери велела тебе сказать, что срок истекает, и если ты не

будешь в назначенный день, то она выйдет за другого». В отчаянии Ашик Кериб схватил себя за голову: оставалось только три дня до рокового часа. Однако он сел на коня, взял с собою суму с золотыми монетами и поскакал,не жалея коня; наконец, измученный бегун упал бездыханный на Арзинган горе, что между Арзиньяом и Арзерумом. Что ему было делать: от Арзиньяна до Тифлиза два месяца езды, а оставалось только два дня. «Аллах всемогущий, — воскликнул он, — если ты уж мне не поможешь, то мне нечего на земле делать», — и хочет он броситься с высокого утеса; вдруг видит внизу человека на белом коне и слышит громкий голос: «Оглан, что ты хочешь делать?» — «Хочу умереть, — отвечал Ашик. «Слезай же сюда, если так, я тебя убью». Ашик спустился кое-как с утеса. «Ступай за мною», — сказал грозно всадник. «Как я могу за тобою следовать, — отвечал Ашик, — твой конь летит, как ветер, а я отягощен сумою». — «Правда; повесь же суму свою на седло мое и следуй». Отстал Ашик Кериб, как ни старался бежать. «Что ж ты отстаешь?» — спросил всадник. «Как же я могу следовать за тобою, твой конь быстрее мысли, а я уж измучен». — «Правда, садись же сзади на коня моего и говори всю правду, куда тебе нужно ехать». — «Хоть бы в Арзерум поспеть нонче», — отвечал Ашик. «Закрой же глаза»; он закрыл. «Теперь открой». Смотрит Ашик: перед ним белеют стены и блещут минареты Арзрума. «Виноват, Ага, — сказал Ашик, — я ошибся, я хотел сказать, что мне надо в Каре». — «То-то же, — отвечал всадник, — я предупредил тебя, чтобы ты говорил мне сущую правду; закрой же опять глаза, — теперь открой». Ашик себе не верит — то, что это Каре. Он упал на колени и сказал: «Виноват, Ага, трижды виноват твой слуга Ашик Кериб, но ты сам знаешь, что если человек решился лгать с утра, то должен лгать до конца дня; мне по настоящему надо в Тифлиз». — «Экой ты, неверный, — сказал сердито всадник, — но, нечего делать, прощаю тебе: — закрой же глаза. Теперь открой», — прибавил он по прошествии минуты. Ашик вскрикнул от радости: они были у ворот Тифлиза.Принеся искреннюю свою благодарность и взяв свою суму с седла, Ашик Кериб

сказал всаднику: «Ага, конечно, благодеяние твое велико, но сделай еще больше; если я теперь буду рассказывать, что в один день поспел из Арзиньяна в Тифлиз, мне никто не поверит; дай мне какое-нибудь доказательство». — «Наклонись, — сказал тот, улыбнувшись, — и возьми из-под копыта коня комок земли и положи себе за пазуху; и тогда если не станут верить истине слов твоих, то вели к себе привести слепую, которая семь лет уж в этом положении, помажь ей глаза — и она увидит». Ашик взял кусок земли из-под копыта белого коня, но только он поднял голову, всадник и конь исчезли; тогда он убедился в душе, что его покровитель был не кто иной, как Хадерилиаз (св. Георгий).

Только поздно вечером Ашик Кериб отыскал дом свой; стучит он в двери дрожащею рукою, говоря: «Ана, ана (мать), отвори: я божий гость: я холоден и голоден; прошу, ради странствующего твоего сына, впусти меня». Слабый голос старухи отвечал ему: «Для ночлега путников есть дома богатых и сильных, есть теперь в городе свадьбы — ступай туда; там можешь провести ночь в удовольствии». — «Ана, отвечал он, — я здесь никого знакомых не имею и потому повторяю мою просьбу: ради странствующего твоего сына впусти меня». Тогда сестра его говорит матери: «Мать, я встану и отворю ему двери». — «Негодная, — отвечала старуха, — ты рада принимать молодых людей и угощать их, потому что вот уже семь лет, как я от слез потеряла зрение». Но дочь, не внимая ее упрекам, встала, отперла двери и впустила Ашик Кериба: сказав обычное приветствие, он сел и с тайным волнением стал осматриваться: и видит он — на стене висит в пыльном чехле его сладкозвучный сааз. И стал он спрашивать у матери: «Что висит у тебя на стене?» — «Любопытный ты гость, — отвечала она, — будет и того, что тебе дадут кусок хлеба и завтра отпустят тебя с богом».— «Я уж сказал тебе, — возразил он, — что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мне, что висит на стене?» — «Это сааз, сааз», — отвечала старуха сердито, не веря ему. — «А что значит сааз?» — «Сааз то значит, что

на ней играют и поют песни». И просит Ашик Кериб, чтоб она позволила сестре снять сааз и показать ему. — «Нельзя,— отвечала старуха, — это сааз моего несчастного сына, вот уже семь лет он висит на стене, и ничья живая рука до него не дотрогивалась». Но сестра его встала, сняла со стены сааз и отдала ему; тогда он поднял глаза к небу и сотворил такую молитву: «О! всемогущий аллах! если я должен достигнуть до желаемой цели, то моя семиструнная сааз будет так же стройна, как в тот день, когда я в последний раз играл на ней». И он ударил по медным струнам, и струны согласно заговорили; и он начал петь: «Я бедный Кериб (нищий) — и слова мои бедны; но великий Хадерилияз помог мне спуститься с крутого утеса, хотя я беден и бедны слова мои. Узнай меня, мать, своего странника». После этого мать его зарыдала и спрашивает его: «Как тебя зовут?» — «Рашид» (храбрый), — отвечал он. «Раз говори, другой раз слушай, Рашид, — сказала она, — своими речами ты изрезал сердце мое в куски. Нынешнюю ночь я во сне видела, что на голове моей волосы побелели, а вот уж семь лет я ослепла от слез; скажи мне ты, который имеешь его голос, когда мой сын придет?» — И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно он называл себя ее сыном, но она не верила, и спустя несколько времени просит он: «Позволь мне, матушка, взять сааз и идти, я слышал, здесь близко есть свадьба: сестра меня проводит; я буду петь и играть, и все, что получу, принесу сюда и разделю с вами». — «Не позволю, — отвечала старуха, — с тех пор, как нет моего сына, его сааз не выходил из дому». Но он стал клясться, что не повредит ни одной струны, — «а если хоть одна струна порвется, — продолжал Ашик, — то отвечаю моим имуществом».Старуха ощупала его сумы и, узнав, что они наполнены монетами, отпустила его; проводив его до богатого дома, где шумел свадебный пир, сестра осталась у дверей слушать, что будет.

В этом доме жила Магуль-Мегери, и в эту ночь она должна была сделаться женою Куршуд бека. Куршуд бек пировал с родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за

богатою чапрой (занавес) с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршуд бека. И слышит она из-за чапры, что пришел не-знакомец, который говорил: «Селям алейкюм: вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и за то я спою вам песню». — «Почему же нет, — сказал Куршуд бек. — Сюда должны быть впускаемы песельники и плясуны, потому что здесь свадьба: — спой же что-нибудь, Ашик (певец), и я отпущу тебя с полной горстью золота».

Тогда Куршуд бек спросил его: «А как тебя зовут, путник? — «**Шинди гёрурсез** (скоро узнаете)». — Что это за имя, — воскликнул тот со смехом. — Я первый раз такое слышу!» — «Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многие соседи приходили к дверям спрашивать, сына или дочь бог ей дал: им отвечали — шинди гёрурсез (скоро узнаете). И вот поэтому, когда я родился, мне дали это имя». — После этого он взял сааз и начал петь:

«В городе Халафе я пил мисирское вино, но бог мне дал крылья, и я прилетел сюда в день».

Брат Куршуд бека, человек малоумный, выхватил кинжал, воскликнув: «Ты лжешь; как можно из Халафа приехать сюда в день?»

«За что ж ты меня хочешь убить, — сказал Ашик, — пев-цов обыкновенно со всех четырех сторон собирают в одно место; и я с вас ничего не беру, верьте мне или не верьте».

«Пускай продолжает», — сказал жених, и Ашик Кериб

запел снова:

«Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзруме; пред захождением солнца творил намаз в городе Карее, а вечерний намаз в Тифлизе Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай бог, чтоб я стал жертвою белого коня, он скакал быстро, как плясун по канату, с горы в ущелья, из ущелья на гору: Маулям (создатель) дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери».

.

Тогда Магуль-Мегери, узнав его голос, бросила яд в одну сторону, а кинжал в другую. «Так-то ты сдержала свою клятву, — сказали ей подруги, — стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршуд бека». — «Вы не узнали, а я узнала милый мне голос», — отвечала Магуль-Мегери; и, взяв ножницы, она прорезала чапру. Когда же посмотрела и точно узнала своего Ашик Кериба, то вскрикнула, бросилась к нему на шею, и оба упали без чувств. Брат Куршуд бека бросился на них с кинжалом, намереваясь заколоть обоих, но Куршуд бек остановил его, примолвив: «Успокойся и знай: что написано у человека на лбу при его рождении, того он не минует».

Придя в чувства, Магуль-Мегери покраснела от стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чапру.

«Теперь точно видно, что ты Ашик Кериб, — сказал жених, — но поведай, как же ты мог в такое короткое время проехать такое великое пространство?» — «В доказательство истины, —отвечал Ашик, — сабля моя перерубит камень, если же я лгу, то да будет шея моя тоньше волоска; но лучше всего приведите мне слепую, которая бы семь лет уж не видала свету божьего, и я возвращу ей зрение». Сестра Ашик Кериба, стоявшая у двери и услышав такую речь, побежала к матери. «Матушка! — закричала она, — это точно брат и точно твой сын Ашик Кериб», — и, взяв ее под-руку, привела старуху на пир свадебный. Тогда Ашик взял комок земли из-за пазухи, развел его водою и намазал матери глаза, примолвив: «Знайте все люди, как могущ и велик Хадрилиаз», — и мать его прозрела. После этого никто не смел сомневаться в истине слов его, и Куршуд бек уступил ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда в радости Ашик Кериб сказал ему: «Послушай, Куршуд бек, я тебя утешу: сестра моя не хуже твоей прежней невесты, я богат: у ней будет не менее серебра и золота; итак возьми ее за себя — и будьте так же счастливы, как я с моей дорогою Магуль-Мегери».

Пересказал М.Ю. Лермонтов

Мудрая проза золотого века

УСТАД АБУБАКР ХОСРОВОГЛЫ
(1145-1207)

Абубакр Хосровоглы родился в древнем азербайджанском городе Гяндже. Получил многостороннее образование и добился больших успехов в науках своего времени. Обладал незаурядным поэтическим и писательским дарованием. С молодости прославился как талантливый педагог и преподавал в главном медресе Гянджи. Правители Атабеки рано обратили на него внимание, пригласили его во дворец и назначили учителем и воспитателем молодых принцев. Абубакр более тридцати лет успешно выполнял возложенные на него обязанности, завоевал доверие и уважение Атабеков и заслужил титул ал-Устад — «Главный Учитель», «Мастер». Устад Абубакр написал шесть поэм и все их посвятил Атабекам — Мухаммеду Джахан Пахлава-ну, Кызыл Арслану и Абубакру Нусратаддину, то есть тем же правителям, которым великий Низами Гянджсви преподнёс свои поэмы «Хосров и Ширин» и «Искендернаме». Несомненно, эти два великие шейхи-мудрецы из Гянджи были близко знакомы и дружны.

Абубакр Хосровоглы писал: «До создания Мунисна-ме» я сочинил несколько книг в прозе и стихах, посвятив их ушедшим и ныне здравствующим государям». Далее из прямого указания автора явствует, что им были созданы следующие шесть крупных произведений: поэмы «Мансур и Марджан»; «Санам и Аджам»; «Мехр и Муштари»; поэма-антоним «Алфийя и Шалфийя»; поэтический сборник раз-влекательных новелл и рассказов, снабжённых дидак-тическими поучениями, увещеваниями и сентенциями «Рахат ар-Рух» — «Покой для души»; прозаический

сборник диспута между юношей и девушкой «Нузхат ал-Маджлис» — «Услада собраний».

К сожалению, все перечисленные произведения Уста-да Абубакра пока не дошли до нас. К счастью, ныне мы располагаем главным творением Хосровоглы «Мунисна-ме» — первым выдающимся образцом художественной рифмованной и высокостильной прозы во всей персо-язычной литературе и Азербайджана, и всего Ближнего и Среднего Востока. В сборник вошли сказочные новеллы, рассказы, афоризмы, изречения, стихотворные отрывки из произведений самого автора и других поэтов.

МУНИСНАМЕ

...Когда поэты и писатели, обладающие тонким вкусом и изощрённым даром, взглянут на это сочинение и почтят его своим вниманием, пусть они не порицают и не осуж-дают меня, говоря: «Почему же автор, обладая поэтической душой, красноречием и утонченным вкусом, не сочинил это произведение в стихах?» Я изложу по этому поводу свои доводы и извинения. Здесь же в своё время я скажу: да будет известно всем, что служители корысти издавна превращают поэзию в силок для преходящих мирских благ и источник наживы, в особенности же в наши дни, когда богатство ставится выше искусства, а серебро и золото любят больше, чем сотни сокровищниц мудрости, а это — величайшее заблуждение и порок, и корыстолюбцы, сочиняющие стихи ради золота и накопления мирских благ и состояния, совершают великий грех и глупость, ибо ценность подлинной поэзии не увеличится от подачек и наград, а её достоинства не уменьшатся без них. Поэт, торгующий своими стихами, подобен тому, кто обладает драгоценной жемчужиной и продает её дёшево, хотя дёшево проданная жемчужина от этого хуже не становится. Ведь пророка Юсуфа — да приветствует его Аллах! — братья продали за десять презренных дирхемов, но это случилось потому, что его братья были порочными, а не сам Юсуф. Если хочешь знать правду и стремишься к истине,

то знай, что знаток и ценитель драгоценных самоцветов никому, кроме как такому же знатоку и ценителю, свою жемчужину не продаст. Так же должен поступать и поэт. В угоду всякому он не должен сочинять стихи. По этому поводу в одной из своих касыд я говорю:

Не мусульманин ты, а раб презренный,
Коль продаёшь свой стих за хлеб ячменный.

Итак, нет более прочного и долговечного царства, чем царство слова, и до тех пор, пока чернота чернил будет сиять на белизне бумаги, слава слова всегда будет свежа и не померкнет среди избранных и простых людей.

РАССКАЗ О БАРМАКИДАХ

Согласно преданию, пророк Избранник — да благосло-вит его Аллах и да приветствует! — говорил:

«Заслужит щедрый тысячу наград,
Скупец же попадёт в кипящий ад».

Однажды имама Хусейна спросили: «Какое деяние ты предпочитаешь больше других?» — он ответил:

«Твори всегда добро, оставь потокам след,
Весь мир достался нам от тех, кого уж нет».

Когда спросили его о смысле сказанного, имам ответил: «В преданиях о Йахйе Бармакиде рассказывается следующее. Завещая своим сыновьям быть щедрыми и помогать нуждающимся, он говорил: «Когда богатство умножается, ваша благотворительность никакого вреда не причинит ему, сколько бы вы ни дарили из него, а когда оно идёт к убыли, то его не удержишь, как бы ни берёг».

Когда от злата ломятся подвалы,
Будь щедрым — чтоб оно не убывало.

В нужде - отдай последний медный грош.
Тогда ты в рай наверняка войдёшь.

Ссылаясь на свидетельство **Мухаммеда ибн Йазид ал-Мубаррада, суфяй Мухаммед ибн Йахйа** рассказывал:

«Однажды Харун ар-Рашид отправился на охоту, гарцуя на своем коне, а Йахйа Бармакид сопровождал его, следуя по правую руку от него. Вдруг перед Харуном возник один отшельник и сказал: «О повелитель правоверных, я простой бедный марабут, была у меня лошадка, и та околела. Помоги мне».

Харун велел выдать ему пятьсот динаров, а этот случай произошёл вскоре после того, как Харун стал халифом. Услышав приказ Харуна о выдаче пятисот динаров, Йахйа в негодовании отвернулся от халифа. Когда добрались до места охоты, Харун спросил: «О Йахйа, бедный марабут попросил у меня лошадку, а я отдал ему целых пятьсот динаров. Почему же ты сердито отвернулся от меня?» «Потому, о повелитель правоверных, — ответил Йахйа, — что ты сейчас являешься халифом всей земли и твои поступки и слова должны коренным образом отличаться от поступков и слов обычных людей. Тебе не подобает осквернять язык такими цифрами, как сто, двести или пятьсот».

После этого случая Харун никогда не произносил «пятьсот», и никогда меньше, чем «тысяча», не говорил».

Али ибн Ахмад, со слов Хишама ибн Исхака, а тот со слов Али ибн Якзана, рассказывали: «Жил в Багдаде человек по имени Абулгасым. У него были несметные богатства и много всяческого добра. Каждый четверг, в день поминовения, он раздавал беднякам тысячу малое хлеба и говорил: «Это милостыня за упокой души Йахйи ибн Халида ибн Ахмеда». А по праздникам жертвоприношения он резал сто баранов и пятьдесят быков и раздавал их нуждающимся в честь памяти Бармакидов. Выполняя обет, данный им перед Господом, он каждый день ходил осматривать дворец и усадьбу Бармакидов, давно покинувших этот бренный мир. Когда люди собирались около этого

дворца, Абулгасым готовил всяческие яства и сладости и угощал собравшихся. Так продолжалось несколько лет.

Однажды я, Али ибн Якзан, с группой поэтов и воинов отправились осматривать дворец и усадьбу Бармакидов, дабы извлечь назидательный урок из истории этих сохранившихся памятников прошлого. Любуясь ими, мы задержались надолго. В саду Бармакидов находился дворец Джа-фара. Несмотря на то, что прошло много лет после казни его хозяина, дворец был так роскошен и прекрасен, что жаль было покинуть его. Мы велели принести и расстелить ковры, отправили слугу купить нам еды, чтобы провести там целый день. В это время появились какие-то люди, чисто убрали залу, устлали пол коврами, принесли благовония, а затем подали разнообразные яства, лучше которых мы не видели даже на столе халифа.

Пожалуйте, господа благородные, — обратились к нам они, — с именем Аллаха приступайте к еде.

— Откуда всё это, — сказали мы, — и чьими гостями мы являемся?

—Вы гости владельцев этих мест! — ответили слуги.

—А, значит, мы находимся во владениях халифа, заметил я.

—Нет, — ответили они, — мы имеем в виду тех, кто построил эти дворцы.

Я рассмеялся и воскликнул:

—Но ведь они давно сгнили в земле.

—Нет, — возмутился один из слуг, — знайте, что в этом городе живёт человек по имени Абулгасым Меняла. Он один из родственников Бармакидов, и всякому, кто посещает эти дворцы, он оказывает почести и угощает. Абулгасым говорит, что, пока жив, он не допустит, чтобы посетитель дома Бармакидов ушёл, не отведав их хлеба-соли. Это правило он неукоснительно соблюдает уже несколько лет.

Если он сам не пожалует сюда, — сказал я тогда слуге, — никто из нас не дотронется до еды.

Один из слуг тотчас же пошёл и привёл Абулгасыма, который явился к нам в легкой одежде. Подойдя к нам, он поочередно обнял всех, сказал: «Добро пожаловать!» и

пригласил приступить к еде со словами «**Во имя Аллаха милостивого и милосердного**!» Мы сели и отведали от всех яств. Когда, покончив с едой, мы помыли руки, он обратился к нам с сердечными словами:

Благородные господа, если сочтёте возможным, ос-тавайтесь, и мы проведём этот день здесь и помянем добром имя владельца этого дворца.

Хорошо, это будет великолепно! — ответили мы и протянули руки к чашам с вином. Вскоре привели двух певиц из невольниц, и они начали играть на руде и петь стихи.

Когда вино оказало свое действие на Абулгасыма, он встал, начал бить себя по голове, требуя, чтобы прочли следующие стихи:

Нет Фазла, нет Йахйи, и нет Джафара — Нам не снести подобного удара!

Слушая эти причитания, он плакал так, что казалось, вот-вот умрёт. Своими слезами он заразил и нас, и мы все тоже начали плакать. Он долго рыдал, но, наконец, успокоился и, вытерев глаза, сказал: *0 благородные мужи, наверное, вы спрашиваете себя: «Что происходит с этим человеком, что за дружбу он поддерживает с людьми, от которых ничего, кроме имени, не осталось?!» Я обязан поведать вам свою историю с самого начала, чтобы вы оправдали мой сегодняшний поступок.

РАССКАЗ АБУЛГАСЫМА МЕНЯЛЫ

Знайте, о вельможи, что был я простым бедняком и не было у меня ничего из мирских благ и добра, кроме жены и десятерых дочерей. Словом, дома у меня кроме жены и голодных, голых и босых детей ничего не водилось. Мне так не везло, что если попадалось мне в руки золото, то оно тут же превращалось в прах. Каждый день я ходил на рынок в надежде, что кто-нибудь наймёт меня в качестве грузчика или чернорабочего месить глину. Однако никто

даже не смотрел в мою сторону; я попрошайничал, прося милостыню у людей, но никто ничего не подавал мне. Однажды дошло до того, что в течение десяти дней я ничего не мог заработать и купить хоть немного еды. Голодали дети и я сам с женой. Ночами я отправлялся на рынок и собирал в кучах мусора всякие отбросы и гнилые фрукты, приносил домой, и ими питались дети и мы сами. Не знал я, как выкрутиться из этого положения, и от души желал смерти. Приближался праздник жертвоприношения, а жена каждый день ругала и поносила меня, била себя по голове, повторяя: «Ты не хочешь кормить нас, мы умрём от голода и холода». Я отвечал жене: «О женщина, нас преследует судьба, я прибегал уже ко всем уловкам, но тщетно, если можешь, придумай сама какой-нибудь способ раздобыть хлеб насущный». Тогда она пошла к соседям, одолжила у них рубашку, шаровары и платок для чалмы, оставив в залог палас, которым вместо одеяла укрывали детей. Она принесла мне также большой кухонный нож и сказала: «Мужчина, вот тебе новый способ раздобыть нам еду. Вставай, надень на себя эту одежду и завтра утром отправляйся к месту всеобщей молитвы. Там ты постарайся пристроиться в первом ряду. Когда имам закончит молитву и прикажет зарезать жертвенного верблюда, ты проворно подбеги, отрежь несколько кусков от туши и принеси домой, чтобы дети хоть раз наелись досыта, иначе они скоро умрут от голода». — «Ты умница, — воскликнул я, — ты научила меня хорошему способу». Ночью я встал и, сказав: «Во имя Аллаха милостивого!», отправился в мечеть к месту молитвы и сел впереди всех. Я держал наготове кухонный нож, чтобы раньше всех отрезать кусок мяса и покормить детей. Когда имам закончил молитву и зарезал верблюда, я вскочил раньше всех, оказался впереди толпы и отрезал большой кусок. Но, возвращаясь назад, на площади за городом я попал в руки к плутам-грабителям, они повалили меня на землю и начали топтать ногами, до тех пор, пока я еле-еле не выдавил из себя: «Умираю». Тогда они сняли с меня всю одежду, отобрали мясо и нож, и ушли. Я остался лежать без сознания. Пролежал я там до тех пор, пока солнце не на-

чало припекать. Кое-как я поднялся, говоря сам с собой: «Все мы созданы Аллахом, к Нему и вернемся. Куда мне теперь идти? Возвратиться домой я просто боюсь и не знаю, что делать». Затем я потащился обратно в город и решил утониться в Евфрате, чтобы избавиться от мучений. Но счастливый случай и милость всевышнего направили меня по доброму пути к счастью. Я пошёл в сторону дворца Йахйи ибн Халида ал-Бармакида и, когда добрался до его стен, то вконец обессиленный и измождённый от полученных ран, потерял сознание и распростёрся там в тени. По воле провидения Йахйа ибн Халид, возвращаясь из дворца халифа, проходил мимо. Заметив меня в таком состоянии, распростёршегося с разбитой головой и в разорванной одежде, он обратился к сопровождающим его приближённым: «Кто этот несчастный? Он или в самом отчаянном положении, или просто одурманенный дурак». Сказав это, он вошел в дом, уселся и приказал своим слугам: «Приведите человека, валявшегося на улице». Тут ко мне явились двое слуг, растолкали и спросили: «О невежа, что ты делаешь здесь? Визирь халифа увидел тебя и велел доставить к нему. Встань и иди с нами. Сегодня пробил твой час». Услышав эти слова, я забыл свои мучения и боль и от страха чуть не умер. Когда я пришёл во дворец, Йахйа ибн Халид велел подвести меня к нему поближе. Затем он обратился ко мне и сказал: «Сегодня день, когда люди должны радоваться и веселиться, когда каждый человек должен быть занят каким-нибудь добрым делом — или богоугодной торговлей, или же сбором милостыни. Но я не вижу, чтобы ты занимался одним из этих дел. Кто ты такой и почему спал у ворот моего дворца?» От страха я начал трястись и не мог отвечать. Тут каждый из присутствовавших там слуг начал предлагать свой способ наказания для меня. Один из них сказал: «О эмир, — да поддержит тебя Аллах! - разреши нам высечь его плетью, и тогда он признается в том, что он делал там». Услышав про плеть, я зарыдал и, обратив-шись лицом к небу, взмолился: «Господи, нет больше сил у меня, и если ты сейчас не придёшь на помощь, боюсь, что лишусь я веры в Тебя».

Услышав эти слова, Йахйа сказал: «Не бойся, никто тебя не тронет. Ты лучше расскажи о своём положении и, быть может, Всевышний откроет перед тобой двери радости». Услышав эту добрую весть, сердце моё немного успокоилось, и я сказал: «Да поддержит Аллах визиря! Я человек, несчастнее и злополучнее которого нет в мире». Затем я поведал ему всю свою историю. Йахйа слушал меня и плакал. Он пролил столько слёз, что его шёлковый платок стал совершенно мокрым. Тут он что-то сказал одному из своих слуг и, бросив мокрый платок, велел принести новый. Слуга исчез и через некоторое время принёс мешочек с тысячью динаров и положил передо мной. Тут Йахйа снова обратился ко мне, сказав: «Расскажи нам снова свою историю с самого начала». Я начал снова рассказывать и, внимая моей печальной повести, он горько плакал, пока и второй платок не промок насквозь. Он велел слуге принести новый платок и ещё один мешочек с динарами. Слуга исполнил его приказ. Затем он снова велел мне повторить свой рассказ. Я снова начал рассказывать, а он — плакать. Так повторилось десять раз, и таким образом он подарил мне десять мешочков, в каждом из которых было по тысяче динаров. Затем он сказал мне: «Друг мой, возьми всё это и отправляйся домой. На эти средства устрой свои дела и дела своей семьи, а послезавтра снова приходи к нам и поведай свою историю моим сыновьям. Пусть они услышат из твоих уст про печальную судьбу, выпадающую на долю человека, и возблагодарят Господа за Его благодеяния по отношению к нам. А мы подумаем, что ещё можно сделать для тебя».

Я тотчас встал и хотел взять мешочки с динарами, но сколько ни старался, не смог их все поднять. Визирь приказал привести мне на помощь носильщиков. Они тут же явились и взвалили на себя мои мешки. Не успели мы отойти на несколько шагов, как визирь остановил меня, сказав: «Друг мой, погоди. Ведь ты уходишь отсюда без одежды. Ты сам и твоя семья голы, и пока ты купишь ткани и сошьёшь для всех них одежды, пройдёт много времени, и дети твои будут огорчены. Слуги, принесите

сюда одиннадцать нарядных женских одежд и один мужской халат». Слуги тотчас же доставили всё это, и он сказал: «Сегодня праздник, а дети твои голодны, и в это время уже ничего не купишь. Позовите сюда управляющего кухней». Когда тот явился, он сказал: «То, что ты приготовил для нас, со всей посудой и кастрюлями отправь в дом этого человека, а мы сегодня поедим что-нибудь из того, что ты приготовил для наших приближённых». Управляющий кухней ушёл и привел десять мулов, на каждом из которых было по два сундука. Он нагрузил все яства и горячие лепешки, особые сладости для Бармакидов в золотых и серебряных посудах, и мы отправились ко мне домой. Я шёл впереди, а слуги с мулами следовали за мной.

Наконец мы добрались до места, и я постучался в дверь своей лачуги. Бедная жена моя, не дождавшись меня, горько плакала, а так как у неё не было одежды, то она не смогла выйти из дома, чтобы меня разыскать. На мой стук она откликнулась: «Кто там?» — «Это я, твой муж», — ответил я. «Да поразит тебя Аллах, где же ты бродил?» — запричитала она. «Горе тебе! — сказал я радостно, — открой дверь, и ты увидишь чудеса». Она открыла дверь, и я вошёл в дом, а слуги разгрузили мулов и внесли в комнату десять мешков динаров, одиннадцать платьев, один прекрасный халат и двадцать сундуков с всевозможными яствами и сладостями. Я приказал жене и детям выйти из женской половины и подойти ко мне. Когда они явились, то спросили в испуге: «Горе нам, что всё это значит?» Я рассказал им, что все эти богатства подарил мне Йахйа ибн Халид. Услышав это, они от радости чуть не сошли с ума. Затем мы открыли сундуки и обнаружили в них сто золотых блюд, цену которым трудно было определить. Словом там было столько прекрасной еды и чудесной посуды, что невозможно описать. Когда я открыл мешки и увидел в каждом из них по тысяче динаров, то сердце от радости чуть не разорвалось. Я не знал, что делать, как отпраздновать выпавшую на нашу долю огромную удачу. Мы пригласили всех жителей нашего квартала и славно угостили их. Увидев наши богатства и отведав угощения,

наши соседи заговорили не так, как раньше, а совсем по-другому: «О горе нам, столько лет ты жил здесь с нами, а мы не считались с тобой и не оказывали тебе заслуженных почестей. Мы виноваты, мы вели себя недостойно». — «Это не ваша вина, - отвечал я им, - виновата судьба».

Я вскоре обзавёлся конём и роскошной сбруей, купил хороший дом и участок около дворца Бармакидов, а затем отправился на поклон к Йахйе ибн Халиду. Увидев меня, он сначала меня не узнал и спросил: «Кто ты такой и чего хочешь от нас?». - «Да поддержит тебя Аллах, о визирь! -сказал я. — Я тот человек, которого в день праздника ты оживил и спас от когтей бедствий». Тогда Йахйа ибн Халид велел пригласить к нему сыновей. «Послушайте историю этого человека — сказал он им, — которую он сейчас вам поведает, и возблагодарите Господа за его благодеяния но отношению к нам и впредь знайте цену его милости».

Сыновья Йахйи - Джафар, Фазил, Муса и Мухаммед, выслушав мой рассказ, заплакали и каждый из них подарил мне по пять тысяч динаров и по одному прекрасному земельному участку. После этого я стал их приближённым, и дружили мы до тех пор, пока не постигло их бедствие. Но никто не знал, что я близок к семье Бармакидов. Когда же случилось несчастье с ними, я отправился в Мекку, совершил паломничество, и вот с тех пор я живу за счёт их благодеяний. Я так разбогател, у меня завелось столько добра, и я завоевал среди народа такой почёт, словно бы никогда и не был бедняком. Теперь, если я оплакиваю их и ради их памяти делаю угощения, то они заслужили это — да помилует их Аллах и да помилует он всех тех, кто был похож на них».

РАССКАЗ О ФАЗЛЕ И ЕГО СЕКРЕТАРЕ

Про Фазла сына Йахйи и его секретаря Хасан ибн Сахл рассказывал: «У Фазла ибн Йахйи был секретарь, который учил его эпистолярному искусству. Однажды секретарь в уединении сочинял для Фазла письмо, и ему понадобилось обратиться к Фазлу с каким-то вопросом. Фазл рассердился и сказал: «Сколько можно спрашивать, оставь

меня в покое». У этого Фазла был один недостаток — он был необычайно вспыльчив и высокомерен.

Услышав окрик Фазла, секретарь вынул перо из трост-никовой чернильницы, закрыл её и сказал Фазлу: «Хотя я служу у тебя, но со свободными образованными людьми и благородными письмоводителями никто так не обращается, как ты». — «Ну хватит, — сказал ему Фазл, — иди и доканчивай письмо». Секретарь поклялся всеми святыми, что он больше не будет служить у Фазла, а Фазл, услышав эти слова, ещё больше разгневался. Между ними начались препирательства, и они сказали друг другу много ненужных слов.

Йахйа ибн Халид обычно держал в домах своих сыновей соглядатаев, которые доносили ему обо всём, проис-ходившем там. О случившемся сообщили Йахйе ибн Хали-ду, и он тотчас пришёл во дворец Фазла. Фазлу дали знать, что отец находится рядом с комнатой, где он препирался с секретарём. Увидев Йахйа, оба они замолчали. Йахйа спросил: «Что произошло между вами?» — «Я поручил этому, — ответил Фазл, — написать письмо, а он клянётся, что не будет служить у меня». — «Сын мой, — сказал Йахйа Фазлу, — с секретарями нужно обращаться с уважением, ибо даже цари поручают работу лишь тем секретарям, которых они глубоко уважают. Если ты обидел своего секретаря, то больше не поручай ему никакой работы».

Затем он обратился к секретарю и сказал: «О такой-то, вставай, мы освобождаем тебя от службы». Затем он велел слуге отнести секретарю домой пятьсот тысяч дирхемов и снова обратился к нему: «Сын мой, если хочешь получить новую работу у халифа, приходи в диван, и я назначу тебя на новую достойную тебя должность».

После ухода от Фазла ибн Йахйи этот секретарь посту-пил на службу к Фазлу ибн Раби и несколько лет работал у него. Спустя некоторое время Бармакидов постигло несчастье — всех их казнили. Случилось так, что того секретаря отправили в дом Фазла ибн Йахйи, чтобы описать его дворец и имущество и конфисковать их в пользу казны. Бедный секретарь ходил по комнатам дворца своего бывшего хозяина и не разрешал никому войти на женскую половину, чтобы не осквернить её. Словом, он весьма мужественно

защищал его честь. Наконец один из чиновников сказал секретарю: «Разве ты не помнишь, как они дурно поступи-ли с тобой? Если знаешь о них что-нибудь дурное, говори, не скрывай». Секретарь заплакал и вытащил из кармана записку, написанную рукой Фазла. В записке значилось: «Во имя Аллаха милосердного и милостивого! Раздайте беднякам двести тысяч динаров из моих средств за то, что я пропустил одну из молитв в такой-то день из-за того, что был занят исполнением одного из поручений халифа. Мир всем!» Прочитав это, секретарь воскликнул: «Как же можно осуждать человека, который из-за пропуска одной молитвы раздал бедным двести тысяч динаров?» Сказав это, он сложил записку и снова спрятал её в карман.

ИЗРЕЧЕНИЯ МУДРЕЦОВ РУМА, ИХ НАСТАВЛЕНИЯ, МУДРОСТЬ МОБЕДА МОБЕДОВ И ТО, ЧТО ОН СДЕЛАЛ ДЛЯ БАХМАНА

Рассказывают, что однажды царь Бахман приказал найти и привести к нему наимудрейшего мудреца. Визири и сановники его дворца после долгих поисков нашли одного человека, которого звали Мобедан. Был он необычайно велик умом и смышлён. Увидев его, Бахман сказал: «Составь мне небольшой сборник мудрых изречений, чтобы люди могли пользоваться ими». — «Да живёт царь долго! — ответил Мобедан. — Если ты позволишь, я изложу все изречения мудрецов Рума в пяти предложениях, и если ты приложишь их к делу и будешь придерживаться их в своих действиях, то будешь спасён как в этом мире, так и в загробной жизни». Бахман очень обрадовался и воскликнул:

Твои наказы я возьму и, словно кольца, в уши вдену.
Я в них рассудку своему найду надёжную замену.

Мобед мобедов сказал: «О царь, знай, что царствование и главенствование над людьми чрезвычайно важная и ответственная задача, и с этой задачей можно справиться только с помощью ума, ловкости, благочестия, великоду-

шия и справедливости, а на долголетие царей нельзя по-лагаться, и поэтому беспечность в этом деле неразумна.

Согласно судьбы непреложным законам
Провидеть последний свой час не дано нам.
Всегда он в засаде, как пристальный враг,
Поэтому думай о смерти, о шах!

Ты обязан всегда быть бдительным и постичь сущность мировластия, и помнить ту истину, что до тебя в этом мире было много властителей, но они не вечно пребывали на царстве, следовательно, и тебя ждет та же участь. Мудрецы и философы всех времён прозвали этот мир постоялым двором с двумя воротами, а мирян они уподобили каравану. Прибыв на постоялый двор через одни ворота, караван через некоторое время покидает его через другие ворота. Раз это так, о царь, ты обязан быть бдительным в своём деле и не должен доверять своим глупым придворным, ибо любой урон, который постигает царство, является следствием поведения жадных и подлых сановников. Помни также ту истину, что если даже ты овладеешь долголетием Нуха, могуществом Сулеймана, терпением Айюба и богатством Харуна, в конце концов, ты всё равно покинешь этот бренный мир и оставишь всё своё имущество другим. Поэтому ни один разумный царь не должен быть беспечным и позволять, чтобы чиновники и сановники растаскивали его казну и толкали его самого в ад. Вот почему ты обязан заботиться о своих подданных и не быть беспечным в этом деле, и, восприняв эти слова слухом, сердцем, разумом и сознанием, приложить их к делу. Во-первых, ты должен разделить государственные дела и царские обязанности на двадцать пять частей и, в свою очередь, распределить их на пять групп. Первую группу дел передай ведению судьбы и провидения; вторую группу посвяти удовольствиям и наслаждениям; третью группу подели на две половины: первую из них посвяти изучению наук, накоплению знаний и претворению их в дело, а вторую — улучшению своих врождённых свойств; четвёртую группу посвяти проявлению

человеческой сущности, а пятую заботам о подданных. Если ты распределишь эти двадцати пять частей таким образом, то знай и ведай, что к первой группе, находящейся в ведении судьбы, должны быть отнесены заботы о государственных делах, имуществе, детях, продолжительности жизни и перипетиях царствования. Вторая группа дел, отведённая человеческим потребностям, состоит из еды, сна, учения и труда. Первая половина третьей группы включает в себя воспитание сообразительности и памяти, отваги, красоты и силы. Другую половину отведи прилежанию в приобретении знаний, благоустройству страны, развитию ремёсел, богослужению и благотворительности. Что же касается проявления человеческой сущности, то к этой группе относятся добромыслие, великодушие, верность обету, правдолюбие и мягкость. Пятая группа также требует рвения и прилежания, и к ней относятся освоение искусства составления бумаг, верховой езды, упование на Господа и исполнение всех обязанностей перед ним. Никогда при этом не откладывай поспешные дела, а там, где нужны спокойствие и неторопливость, не спеши. А вообще же говоря, основу и сущность мировластия составляют справедливость и правосудие. Никогда не поручай дела, требующие ума, глупцам, ибо это причинит большой вред царству и опозорит имя царя. Один из величайших недостатков царей — беспечность и лень. О царь, если ты приложишь все эти советы к делу, то я ручаюсь, что пока ты будешь жив, не испытаешь никакого горя и печали, не раскаешься и в загробной жизни, и ни один враг не сможет одолеть тебя. Да поможет тебе Аллах!»

О НАСТАВЛЕНИЯХ ХУШЕНГА СВОЕМУ СЫНУ. ИЗРЕЧЕНИЯХ МУДРЕЦА БУКРАТА, И БЕСЕДЫ НУШИРЕВАНА СПРАВЕДЛИВОГО С ИНДИЙСКИМ ПОСЛАННИКОМ

Жил-был один царь. Был он необычайно могуществен и славен, в целом мире не было второго, подобного ему. Его власть простиралась на всех царей Индии. Всевыш-

ний подарил ему сына, необыкновенно умного, проница-тельного и совершенного юношу. Когда дни жизни этого царя подошли к концу и наступила пора покинуть этот бренный мир, он призвал сына к себе и из чувства глубокой любви, которую питал к нему, преподал ему следующие советы:

«Сын мой, всегда будь душой с Господом, не доверяй дурным и неблагочестивым женщинам, избегай их, ибо подлинным венцом царей являются целомудренные жёны. Сын мой, не доверяй своей тайны ни одной женщине, ибо ты раскаешься в том, но раскаяние не принесёт тебе пользы.

Сын мой, не печалься о двух днях жизни: дне прошед-шем и дне ещё не наступившем, не горюй из-за двух вещей: из-за вещи, которой ты лишился, и из-за вещи, которой ещё не обладаешь.

Сын мой, не ропщи против воли Господа и ниспослан-ных им невзгод, будь всегда благодарен ему.

Сын мой, когда говорят с тобой, весь превращайся в слух и молчи, если не спрашивают тебя.

Сын мой, если можешь дать полезный совет, не молчи, и не разглашай ничьей тайны, если можешь молчать.

Сын мой, не вступай в сделку с разорившимися и с теми, кто могущественнее тебя. Не давай в долг тем, у которых потом не сможешь взять обратно.

Сын мой, не вступай в спор с людьми образованными и красноречивыми, не враждуй с поэтами.

Сын мой, не ешь из одной миски с людьми бесстыжими, бесславными и низкими. Не кормись с чужого стола, не враждуй с людьми, которым сопутствует счастье, общайся и дружи с людьми великодушными и доб-родетельными, дабы и твоё имя стало достославным, избегай бесчестных друзей, дабы имя твоё не было за-пятнано бесчестием.

Дурных людей не приводи в свой дом.
Пристанет грязь — не оттереть потом.
Ведь даже тучка, с виду небольшая,
Огромное светило заслоняет.

Сын мой, остерегайся болтливых людей и избегай глупцов и подлецов, дабы тебя не постигло несчастье.

Сын мой, если сможешь, постарайся стать учёным и мудрецом, дабы не радоваться богатству и прочим мирским благам и не переживать из-за их отсутствия.

Сын мой, не печалься из-за вещи, которая уплыла из твоих рук, а когда богатство плывет к тебе, пользуйся им сам и делись с другими, не опасаясь, что оно уменьшится; если же богатство отворачивается от тебя, по-прежнему пользуйся им и давай пользоваться другим, ведь от того, что ты будешь скаредничать, оно не возвратиться к тебе.

Сын мой, не живи в обществе богатых, чьи состояния заработаны нечестным трудом и низкими помыслами, и завистливых и скупых, дабы не испытать унижения. Бойся также глупых друзей и умных врагов.

Сын мой, никогда не давай клятвы, правдивой или ложной, ибо впереди тебя подстерегают капризы судьбы и неизвестно, как она поступит с тобой.

Сын мой, не затевай спора со всяким и по всякому поводу, хотя бы ты и был искусным полемистом, и не бросайся очертя голову во всякую воду, если даже ты хороший пловец.

Сын мой, всегда записывай свои приходы и расходы, дабы люди не приняли тебя за невежду и беспечного, и не приступай к делу, если предпосылки и последствия не взвешены тобой.

Одежды надежд примеряй для маршрута земного,
Заранее мерку снимай, наподобье портного.

Сын мой, никогда не забывай о смерти, ибо если даже проживёшь тысячу лет, всё равно умрёшь.

Сын мой, никогда не предпочитай этот мир загробной жизни, ибо этот мир является нивой загробной жизни: всё, что посеешь здесь, пожнёшь на том свете, всегда и во всех делах полагайся на Господа, ибо источник всех удач и неудач — Он.

Сын мой, на собраниях и в обществе никогда не стре-мись сидеть выше всех, ибо восседать выше других подобает лишь пророкам.

Подобно свече, не садись не по рангу высоко.

Чтоб ветром холодным тебя не задуло до срока.

Сын мой, не полагайся на этот мир и его блага и не гордись жизнью.

Богатством не кичись на этом свете.

И роскошью не хвастай никогда.

Что жизнь? Стремительно летящий ветер.

Богатство что? Текучая вода.

Сын мой, избегай убивать животных, убивай их ровно столько, сколько нужно для пропитания, убивай столько, за скольких сможешь держать ответ на том свете. Достоверно знай, что там, где происходят резня и убийство, число людей сокращается, а там, где не бывает резни и убийств, всегда царят радость и веселье.

Бузурджмихр говорил: «Я повидал мир и испытал его и пришёл к убеждению, что он не заслуживает никакого доверия. Прежде всего я убедился, что мир изменчив и подвержен тлену, все люди смертны, все великолепные строения рассыпаются в прах, все блаженства на свете недолговечны, а наслаждения замешаны на печали, горести мира велики, а радости малы. Далее я понял, что жизнь бренна, мёд её смешан со смертельным ядом, дети мира враждуют между собой, пребывают в печали, учёные лишены почёта, мощные дворцы разваливаются, жизнь завершается гибелью, любовь состоит из страданий, а противоядие от неё — тот же яд.

Сын мой, увидев мир таким, я навсегда охладел к нему сердцем и спрятал в шкатулку зары.

Сын мой, знай, что если весь мир, со всем, что в нём есть, отдадут одному человеку, он всё равно не насытится им, жадность его ещё больше разгорится, и до последнего дыхания своего он не перестанет питать радужные надежды и полагаться на мир и его обитателей.

Сын мой, мир коварен, а блага его бренны. Проживи ты хоть тысячу лет, всё равно обратишься в прах, если даже сто раз будут продлевать сроки твоей жизни, всё равно ты умрёшь.

Сын мой, пошире открой свои проницательные глаза и узри ту истину, что в бренном мире нам отмерен небольшой срок. Подумай сам и вспомни о царях, которые были до нас, — что стало с ними?

Они ушли в свой час, подвластны тлену,
Уйдут и те, кто им пришёл на смену.

Сын мой, стремись к тому, чтобы после смерти тебя поминали добром, а пока ты жив, твори добро и благие дела и этим способом накапливай груз добродетели и путевые припасы для загробного мира, куда ты отправишься рано или поздно. Достоверно знай, что если даже ты проживёшь сотни лет, завладеешь всеми мирскими богатствами и благами, захватишь весь мир от Востока до Запада, и весь он будет под твоею властью, если ты одержишь победу над всеми врагами, воспитаешь прекрасных наследников, всё равно — когда в конце концов, в день Воскресения из мёртвых, ты откроешь глаза, то кроме раскаяния и сожаления не испытаешь ничего.

Итак, раз таков конец мирских дел и твоей вечной обителью станет подземное царство, то крепко запомни эти истины. Если ты сделаешь это, то на протяжении всего своего царствования ты будешь следовать по правильному пути и прочной стезе:

Будь радостным! Найди себе дорогу
И к цели продвигайся понемногу.
Мои заветы повторяй в пути.
Все обещанья данные блюди.
Запомни: во вращенье небосвода
Таятся и капризы, и невзгоды,
И, думая о собственной судьбе,
Другим желай того же, что себе.
Я жемчуг мудрости сверлил упорно.
Чтоб ожерельем стали эти зерна.
Прими ж мой дар как некий эликсир,
С которым вступишь в ненадёжный мир.

О ВОПРОСАХ, ЗАДАННЫХ ИНДУСОМ НУШИРЕВАНУ СПРАВЕДЛИВОМУ, ОТВЕТЫ БУЗУРДЖМИХРА И ЕГО БЕСЕДА С ПОСЛАННИКОМ ИНДИЙСКОГО ЦАРЯ

Мудрец Букрат говорил: «Если в наше время цари захватывают власть с помощью острых мечей, сражений и войн, то раньше во времена праведников, как мне известно из древних преданий, они обретали царства и власть благодаря своей мудрости и победе в учёных спорах, и руки, которые держатся сейчас за мечи, в те минувшие времена господства знаний и мудрости держали книги и свитки».

Букрат далее рассказывал: «Я был визирем у Нушире-вана Справедливого, а мудрец Бузурджмихр был моим учителем и наставлял меня в разных премудростях. Царь Индии постоянно искал повода для учёного спора с Нушириваном, и мы всегда в таких случаях выставляли вперёд Бузурджмихра, который отражал все атаки, отвечая на самые трудные вопросы. А индийский царь, неизменно терпя поражение, ежегодно выплачивал нам дань. Так прошло некоторое время. Однако индийский царь не намерен был вечно таскаться за нашей арбой и решил любым способом избавиться от выплаты дани. Однажды он собрал всех индийских мудрецов и открыл им тайну одного сражения, а индийские мудрецы на основе рассказа царя создали шахматы и прислали Нушириванy. Но Бузурджмихр тотчас же разгадал тайну игры в шахматы. В ответ он создал нарды и отправил их индийскому царю. В Индии в то время жил один мудрец, который достиг совершенства во всех науках, и он разгадал тайну игры в нарды. Индийский царь решил отправить этого мудреца к Нушириванy и написал ему письмо следующего содержания: «Я посылаю к Вашему величеству моего посла, чтобы он вёл споры с Брурджмихром. Если Бузурджмихр победит его, то я удвою дань, которую посылаю вам ежегодно, а если верх возьмет наш посол, то вы должны будете платить нам такую дань, какую мы прежде платили вам».

Когда прибыл посланник с письмом, Нушириван при-казал собрать всех вельмож, мудрецов, искусных умельцев

и учёных. Когда они все собрались во дворце Нуширевана, индийский посланник положил письмо своего царя перед Бузурджмихром. Затем посол обратился к нему и сказал: «Сейчас слушай меня со всем вниманием и тщанием и отвечай поочерёдно на мои вопросы. Прежде всего скажи мне, кто счастлив?» Бузурджмихр ответил: «Счастлив тот, кто более праведен и меньше совершает грехов». — «А кто более всех праведен и меньше совершает грехов?» — спро-сил посланник. «Более всех праведен тот, — отвечал Бузурджмихр, — кто точно выполняет все заветы и блюдет запреты Господа». Посланник спросил: «В чём заключается точное выполнение заветов и соблюдение запретов?» Бузурджмихр ответил: «В добродетели». Посланник спросил: «В чём выражается добродетель?» Бузурджмихр ответил: «В проявлении милосердия, как велит Господь». — «А в чём выражается милосердие рабов божьих?» «В том, — ответил Бузурджмихр, — что человек живёт честным трудом, питает добрые помыслы и обладает совестью». — «А в чём проявляется совесть?» — спросил индиец. «В том, — ответил Бузурджмихр, — что человек желает другим того же, чего и самому себе». Посланник спросил: «Кто желает себе добра, а другому — зла?» «Подлый чело-век», — ответил Бузурджмихр. «В чём проявляется под-лость человека?» — спросил посланник. Бузурджмихр ответил: «Подлость человека проявляется в том, что он поступает дурно, говорит ложь и живёт не по средствам, расточительно». «А что значит жить расточительно?» — спросил индиец. «Это когда вытягивают ноги не по размеру своего паласа», — ответил Бузурджмихр. «А кто вытягивает ноги не по размеру своего паласа?» — спросил посланник. «Тот, — ответил Бузурджмихр, — кто опирает-ся на этот бренный мир и отвергает загробную жизнь». Посланник спросил: «А что значит опираться на бренный мир?» Бузурджмихр ответил: «На бренный мир опирается тот, у кого дела сегодня идут хуже, чем вчера, а завтра будут ещё хуже. — «Браво тебе! — воскликнул индийский посланник. — Ты отвечал великолепно. Теперь скажи: «Кто самый лучший из людей?» — «Самый лучший из лю-

дей тот, — ответил Бузурджмихр, — кто умён». — «А кто умён? — спросил посланник. «Умён тот, — ответил Бузурджмихр, — кто действует, обдумав последствия своих поступков до конца». — «Кто самый страшный враг человека?» — спросил индиец. «Самый страшный враг человека — низменные страсти, — ответил Бузурджмихр, — и нет у человека врагов злее его страстей». — «Если злейшие враги человека его страсти, — сказал посланник, — то кто же враг страстей?» Бузурджмихр ответил: «Враг страстей — растворение в небытии». — «А что такое растворение в небытии?» — спросил посол. «Растворение в небытии —довольство малым, нетребовательность и радость даже тогда, когда у тебя ничего нет», — ответил Бузурджмихр. «В чём же проявляется довольство малым и нетребовательность? — спросил посланник. Бузурджмихр ответил: «В терпении». Посланник спросил: «Как зовут десяток ложных друзей, беззащитным пленником которых является человек?» Бузурджмихр ответил: «Жадность, бедность, стяжательство, гнев, зависть, беспечность, похоть, лицемерие, злоба и горячность». — «Из этих десяти «друзей» кто самый настырный и в чём проявляется действие каждого из них?» — спросил посланник. Бузурджмихр ответил: «Жадность дальше всех отстоит от довольства малым и ближе всех — к насилию, а по природе своей оно страшнее всех. Стяжательство слепо рвётся вперёд и заводит в гибельную яму унижения и позора того, кто следует за ним. Гнев — самый лютый насильник и самый жестокий тиран. Зависть — самый упрямый и необузданный «друг». Бедность — самый униженный «друг» с опущенной вниз головой. Горячность — самый неуравновешенный, пристрастный «друг». Злоба — самый низкий, подлый и презираемый. Беспечность — ленивее и медлительнее всех. Похоть — полна соблазнов и сладострастия, а лицемерие — самый лживый «друг» из всех остальных. Но из всех десяти гнев — самый решительный и самый настырный». Посланник спросил: «А какой из этих десяти может погубить человека, если поднимет на него руку?» — «Если поднимут на человека руку похоть и гнев, — отвечал Бузурджмихр,—

то они быстрее всех могут погубить его». — «На что способен каждый из этих десяти?» — спросил посланник. «Жадность порождает недуг для тела и страдания для сердца, — отвечал Бузурджмихр. — Гнев приводит к раскаянию и мучению. Стяжательство приводит к унижению и позору, а бедность порождает страх, отчаяние и преступление. Зависть приводит к насилию, злоба — к зломыслию, беспечность — к убыткам и бедности, похоть — к бесчестию и позору, лицемерие — ко лжи, а горячность — к безрассудству и глупостям». Посланник индийского царя воздал хвалу Бузурджмихру и встал, говоря: «На сегодня хватит. Завтра я задам тебе новые вопросы».

Нушireван обласкал Бузурджмихра, подарил ему почётный халат и возвеличил ещё больше. На следующий день посол индийского царя явился во дворец Нушireва-на. Вельможи и сановники уселись, и посланник снова начал задавать вопросы. Он спросил: «Кто беспорочен?» — «Беспорочен лишь один Господь», — ответил Бузурджмихр. — Беспорочных же людей нет». — «Кого можно назвать счастливым?» — спросил индиец. «Умного, добившегося поставленной цели», — ответил Бузурджмихр. «А кого можно считать самым умным человеком?» — спросил посланник. «Того, — ответил Бузурджмихр, — кто сочетает ум с проницательностью». — «Какое свойство людей можно считать самым похвальным?» — спросил посол. «Стремление советоваться с учёными и опытными в делах людьми», — ответил Бузурджмихр. «Кто самый радостный и беззаботный человек в мире?» — спросил посланник. «Самый радостный и беззаботный человек тот, — отвечал Бузурджмихр, — кто успел при жизни отправить в загробный мир груз своих добрых дел и, стало быть, избавиться от главной заботы». — «Какое свойство человека самое достойное?» — спросил индиец. «Снисходительность к побежденному врагу», — ответил Бузурджмихр. «Кто лучше — учёный или отважный воин?» — спросил посланник. «Конечно, учёный, — ответил Бузурджмихр, — ведь учёный приносит пользу всему миру». «А кто самый лучший из учёных?» — спросил посланник. «Из учёных самый лучший

тот, — ответил Бузурджмихр, — кто прилагает свои знания к делу». — «А кто самый лучший из царей?» — спросил посланник. «Самый лучший из царей тот, — отвечал Бузурджмихр, кто справедлив и правосуден, а дело мудрецов не поручает глупцам». — «Как должен обращаться царь с подданными, чтобы власть его была долговечной, а имя его прославилось? — спросил индийский посланник. «Долговечность и прочность власти царя, — ответил Бузурджмихр, — связаны со справедливостью и добрым отношением к подданным, чем справедливее и добрее царь, тем спокойнее подданные и благоустроеннее страна». — «В чём опора царства?» — спросил посланник. «В благополучной казне, правосудии и мудром визире», — ответил Бузур-джмихр. «В чём бедствие учёного и отважного воина? — спросил индиец. «Учёного постигнет бедствие, — ответил Бузурджмихр, — если он станет совершать грехи, работая делопроизводителем у власть имущих, а отважного постигнет бедствие, когда он, полагаясь на смелое сердце и сильные кулаки, безрассудно бросается в объятия гибели». Посланник спросил: «В чём заключается самый важный долг людей перед Господом?» — «Самый важный долг человека перед Всевышним — постоянная благодарность за Его благодеяния», — ответил Бузурджмихр. «Кто самый благородный из царей?» — спросил посланник. «Самый благородный царь тот, — ответил Бузурджмихр, — при котором преступники не могут свободно разгуливать и обижать его поданных», — «Что больше всего приближает смерть и что больше всего отдаляет смерть?» — спросил посол. Бузурджмихр ответил: «Больше всего приближают смерть азартные игры и пустое времяпрепровождение, а больше всего отдаляют от человека смерть добрые дела, полезный труд и достойные дети».

Услышав эти ответы, посланник индийского царя вос-кликнул: «Твои ответы прекрасны и великолепны. Я, пос-ланник индийского царя, признаюсь в том, что нет на свете более мудрого человека, чем ты». После этого у индийского посланника не оставалось другого выхода, как положить конец своим вопросам Бузурджмихру.

Затем посланник обратился к Бузурджмихру и сказал: «Теперь, о Бузурджмихр, у меня есть просьба к тебе. Я прошу тебя записать несколько наставлений и добрых советов, чтобы я мог отвезти их в подарок моему царю, властелину всей Индии, дабы он сохранил их как добрую память о тебе». Бузурджмихр сказал: «Передай царю Индии, что я целую землю перед ним, и скажи ему, что нет на свете наставления и совета лучше одной простой истины: если ты познаешь себя, то познаешь и Господа, и, познав Господа, ты должен знать, что самое лучшее и прекрасное свойство царей — это справедливость и правосудие, милосердие, милостивость, доброта и любовь к подданным. Если хочешь, чтобы твое царствовование было долговечным, а твое благоденствие постоянным, то

Будь справедлив во всём — и царство процветёт,
И станет за тебя молиться весь народ,
Ведь ты — его пастух, а подданные — стадо,
И в Судный день за них ответить будет надо.

И знай истину: чем больше благоденствуют подданные, тем долговечнее власть царя, и чем больше заботится он о подданных, тем прочнее его царство. Ибо сказано: «Султан — тень Аллаха на земле, и он отвечает за каждого угнетённого».

Кто шах? Тень Господа в юдоли праха.
А подданные — это тени шаха.

Не проявляй нерадивости в почитании учёных, всегда возвышай их. Недаром пословица гласит: «Общайся с учёными, ибо из этого ты извлечёшь больше пользы, чем они». Поэтому постоянно общайся и беседуй с учёными людьми и избегай общества невежд, ибо, как гласит пос-ловица, невежды не просто глупцы, а враги тебе. Не продавай загробную жизнь за мирские блага и удовольствия. Всегда руководствуйся стыдливостью и отвращением к бесчестию, ибо сказано: «Стыдливость — это часть веры». Не

оставляй сегодняшние дела на завтра, ибо недаром говорится: завтрашний день чреват неизвестностью. Старайся ловить змею чужими руками. Избегай того, кто хоть однажды подвёл тебя, и больше не доверяй ему. Не продавай подданных за взятку, почитай и оберегай старых слуг и рабов. Не пускай к себе домой ни одной незнакомой старухи. Бери себе в жёны только девушку из честной и праведной семьи. Не становись рабом серебра и золота. Постоянно следи за своим домом, женой, близкими и конём, ибо говорится: жди беды от жены и коня, оставленных без присмотра, они могут опозорить тебя. Вино пей в меру. Заботься о подданных, за судьбу которых отвечаешь перед Всевышним. Изгоняй жестоких и алчных чиновников и сановников, во всех делах будь на стороне Господа. Пусть всегда твои помыслы и намерения будут чистыми перед Господом. За небольшие провинности не обижай старых слуг и работников, не развеивай по ветру их права.

Теперь запомни тщательно все это,
А лучше — запиши мои сонеты.
И никогда не отступай от них
Во всех превратностях путей земных.
Когда пройдут положенные сроки,
Увидишь, как полезны те уроки.
Индийскому царю отдай поклон.
Пусть садом мудрости пребудет он!
Скажи: «Заветы эти без изъяна
Подарок лучший от Нушировaна.
Их восприняв, храни для сыновей,
А если нет — по ветру их развей».

Когда Бузурджмихр закончил свои наставления, пос-ланник индийского царя очень одобрил их, воздал хвалу Бузурджмихру и, признав их мудрость, записал в свою тетрадь. Другие присутствовавшие тоже записали все вопросы и ответы. После этого все встали и разошлись.

На следующий день царь Нуширеван, как накануне, собрал всех вельмож, именитых мужей и мудрецов, усадил

вокруг себя и обратился к Бузурджмихру: «О визирь мой, долгое время посланник индийского царя задавал тебе вопросы, и ты отвечал на них. Теперь я желаю, чтобы ты задавал ему вопросы, а он отвечал, ибо долг платежом красен». Посланник индийского царя сказал: «Воля твоя, слушаю и повинуюсь». Тогда Бузурджмихр спросил у посланника: «Скажи мне, сколько видов пьянства существует на свете, которые отнимают у человека его ум?» — «Существуют тринадцать разновидностей пьянства, — отвечал посланник. — Первая — опьянение от вина, вторая — опьянение от сна, третья — опьянение от радости, четвертая — опьянение от красоты и прелести, пятая — опьянение от похоти и вожделения, шестая — опьянение от любви и привязанности, седьмая — опьянение от избытка силы и мужества, восьмая — опьянение от жадности, девятая — опьянение от беспечности, десятая — опьянение от избытка мирских благ, одиннадцатая — опьянение от са-мовлюбленности и самомнения, двенадцатая — опьянение от невежества и глупости и тринадцатая — опьянение от могущества и власти. Из всех этих опьянений самое сильное и острое опьянение от жадности и власти». — «Какое качество, — спросил Бузурджмихр, — возвышает человека с низов до самого высокого положения?» — «Ум и мудрость», — ответил посол, Бузурджмихр спросил: «Благодаря какому качеству человек становится подлинным человеком?» — «Человек становится человеком благодаря своей человечности, — ответил индиец, — ибо, как говорят арабы, человек должен быть человечным. На этот счет существуют и другие мнения. Некоторые думают, что че-ловек становится человеком благодаря разуму и дару речи, ибо не случайно сказано: «Человек — животное, которое умеет говорить». Если бы не эти свойства, то человека можно было изобразить на бумаге или на стене, но так как эти изображения лишены разума и речи, то их нельзя назвать людьми, ибо они обычные картинки без содержания». — «В чем заключается самое большое богатство?» — спросил Бузурджмихр. «В довольстве малым, — отвечал посланник, — и в отсутствии стяжательства. По другому

утверждению, самое большое богатство заключено в подчинении своей воле низменных страстей, в обуздании их». Бузурджмихр спросил: «Кто из царей больше всех велик, именит и славен?» — «Тот, — ответил посланник, — кто больше всех справедлив, правосуден, заботится о подданных и скромен». Бузурджмихр спросил: «Каковы плоды довольства малым и скромности?» — «Скромность, — ответил посол, — удаляет от человека гордыню и удерживает от ошибок, в которые впадают алчные и высокомерные люди».

После этих вопросов и ответов посол снова начал спрашивать у Бузурджмихра. «Какую пользу, — спросил, он, приносит человеку образованность?» — «Образован- ность, — отвечал Бузурджмихр, — заставляет равного тебя человека нуждаться в тебе и учиться у тебя, а ты не нуждаешься в его услугах». — «Кто самый счастливый человек?» — спросил посланник. «Самый счастливый человек тот, — отвечал Бузурджмихр, — кто извлекает поучительные уроки из опыта других, ибо сказано: счастлив тот, кто принимает во внимание чужие увещевания».

Тут они немного отдохнули, а затем снова Бузурджмихр стал задавать вопросы. Он спросил: «Какую пользу приносит ум человеку?» Посланник ответил: «Он избавляет человека от бессмысленных печалей и делает его терпеливым и стойким». Бузурджмихр спросил: «В чем заключена самая горькая горечь?» Посланник ответил: «Самая большая горечь — нуждаться в помощи подлецов, беседовать с глупцами и терпеть насилие от негодяев». Бузурджмихр спросил: «Что усугубляет муки человека во время расставания с душой?». Посланник ответил: «Привязанность к бренному миру, любовь к мирским удовольствиям больше всего усугубляют муки умирающего». — «Чего никогда не должен забывать разумный человек?» — спросил Бузурджмихр. «Человек никогда не должен забывать о смерти, а также о тех поучительных уроках, которые он извлёк из опыта других», — ответил посланник. «Каких свойств должен избегать человек, чтобы не испытать печали, раскаяния и расстройства?» — спросил Бузурджмихр. Посланник ответил:

«Человек прежде всего должен избегать высокомерия, са-модовольства и поспешности в серьезных делах». Бузурджмихр спросил: «Лучше какой добродетели ничего нет в мире?» Посланник ответил: «Нет ничего лучше постоянной благодарности Господу за его благодеяния и непричинения людям обиды и беспокойства своими руками и языком» — «Лучше какого свойства ничего нет?» — спросил Бузурджмихр. «Нет ничего лучше довольства долей и хлебом насущным, ниспосланными тебе Господом», — ответил посланник. Бузурджмихр спросил: «Кого ты считаешь умным и смышлёным?» Посланник ответил: «Я считаю умным человека, который всегда обдумывает последствия своих поступков, а смышлёный тот, кто в бедствии не теряет самообладания и быстро выходит из трудного положения». Бузурджмихр спросил: «Какую игру ты считаешь безгрешной?» — «Такую, — отвечал посланник, — которую ведут ради пустого времяпрепровождения». — «Что хуже, — спросил Бузурджмихр, — высокомерие или самодовольство»? «Самодовольство приносит вред своему хозяину, — отвечал посланник, — а высокомерие — самый худший из пороков, ибо оно оскорбляет других людей». — «В чём заключается самый большой порок мужчины?» — спросил Бузурджмихр. «Во лжи и завистливости, — ответил посланник. — Эти свойства особенно предосудительны, если они присущи именитым людям». Бузурджмихр спросил: «Какой из грехов самый великий и какой из обычаев наихудший?» — «Величайший из грехов — проступок учёного и наихудший из обычаев — не замечать своих и заниматься разоблачением чужих недостатков». Бузурджмихр спросил: «Чего больше всего нужно избегать?» Посланник ответил: «Общения с недостойными». Бузурджмихр спросил: «Что лучше для человека в этом мире — ум или богатство». Посланник ответил: «С помощью ума можно накопить или заработать богатство, а с помощью богатства нельзя приобрести ум». Бузурджмихр спросил: «Кроме ума и щедрости, какое из свойств больше всех остальных необходимо для царей?» Посланник ответил: «Внушительная внешность и величавость, ибо без этих свойств цари в глазах людей

кажутся ничтожными и незначительными». Бузурджмихр спросил: «Какие свойства в мире беспредельны?» Посланник ответил: «В мире трём свойствам нет предела: покою, здоровью и благополучию». Бузурджмихр воскликнул: «Сто тысяч раз хвала тебе! На все мои вопросы ты ответил мудро и правильно».

Нушириван ответы посланника индейского царя тоже очень понравились. Он велел записать все вопросы и ответы золотыми чернилами, а затем вознаградил посланника несметными богатствами и отправил обратно в Индию. Он велел заключить с индийским царем мирный договор и отказался от дани, которую Индия ежегодно выплачивала ему. Благодаря благословенным знаниям и мудрости между двумя царями установилась дружба и искренняя душевная привязанность. Нушириван ещё больше возвеличил Бузурджмихра, оказав ему царские почести.

В конце же концов все они ушли из этого мира, и от них остались лишь эти памятные наставления, изречения и умные слова.

***

Мы речь пока вели о самом разном.
Теперь же перейдём к иным рассказам.
Легенды о героях прежних дней
Собрал я в книге избранной моей.
Она развеять горести сумеет
И в сердце зёрна добрые посеет,
Прочтёшь её — и узришь, как мудрец,
Всех дел земных начало и конец.
Найдёшь в ней всё, что ты найти захочешь.
И мысли благородные упрочишь.
Речений мудрых много в мире есть,
Им ни истоков, ни числа не счесть,
Арабские, аджамские преданья,
Тюркские старинные сказанья —
На вкус любой и выбор — в ней подряд
Как в лавке москательщика лежат.

Она — как сад с обильными плодами,
Как море с редкостными жемчугами.
Пусть кто прочтёт её — и млад, и стар
Мой труд воспримет как чудесный дар.
И я, закончив это предисловье,
Вручу его читателям с любовью.

РАССКАЗ О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ ФАЗЛУЛЛАХА МОСУЛЬСКОГО И О МНОГИХ ВЕЩАХ, СЛУЧИВШИХСЯ С НИМ

В преданиях говорится, что в городе Мосуле жил правитель, у которого было много сокровищ и всякого добра. Господь не обделил его ничем из богатств и мирских благ, но сына ему не дал. Денно и нощно он молился Аллаху Всемогущему и Всеславному и просил у него сына, который после его смерти увековечил бы имя отца. Через некоторое время Аллах, вняв его молитвам, дал ему сына, которому по красоте не было равного в Аравии и в Аджа-ме. Отец воспитывал его в неге и блаженном довольстве и дал ему имя Фазлуллах (Милость Аллаха).

Когда Фазлуллах подрос, отец послал его в школу, где он обучался наукам и правилам благовоспитанности. Он так преуспел в этом, что все мудрецы и вельможи города поражались его уму и знаниям. По приказу отца Фазлулла-ху начали показывать луноликих красавиц с благоухающими амброй локонами, чтобы он выбрал из них себе невесту. Однако ни одна из этих красавиц не пришлась ему по вкусу, и он не высказал склонности ни к одной из них. Отец как-то сказал ему: «О дорогая душа моя, ты выбери себе из дочерей вельмож самую красивую, чтобы я сыграл тебе свадьбу и родился у тебя сын, и ты бы радовался ему подобно тому, как я радуюсь тебе». «Отец мой, — сказал Фазлуллах, — ни к одной из девушек этого города не лежит моя душа, — я чувствую, что всем им чужда верность. Поэтому я хочу отправиться в путешествие и найти себе невольницу или девушку, которая понравится мне, и я приведу её перед твои очи и проведу с ней свои дни».

Слова Фазлуллаха обрадовали отца, и он начал гото-вить ему припасы в дорогу. Дав сыну большую сумму денег и много товаров, отец отправил Фазлуллаха в путь вместе с караваном, направлявшимся в сторону Багдада. Караван шёл трое суток без остановки, а на четвёртый день остановился среди прекрасного зеленого луга. Здесь караванщики сделали привал, разгрузили животных и каждый занялся каким-нибудь делом. Вдруг со стороны пустыни поднялась пыль, и из этой пыли появились пятьдесят салуков-разбойников, облачённых в стальные доспехи и железные кольчуги. Увидев их, спутники Фазлуллаха схватились за оружие, чтобы отразить нападение. Фазлуллах вместе со своими слугами вскочил на коня и устремился в бой. Схватившись в бою с разбойниками, он показал чудеса храбрости, повергнув наземь несколько врагов. Однако в конце концов разбойники схватили его, убили его слуг и захватили все товары. Фазлуллах был при этом ранен. Связав ему руки и ноги, разбойники увезли его с собой. Главарь разбойников поклялся, что в отместку за павших в бою друзей он предаст мосульца такой лютой казни, что даже птицы затрепещут в воздухе от страха. Затем разбойники отправились домой, увозя с собой Фазлуллаха и в конце концов достигли подножья горы. Тут Фазлуллах осмотрелся и увидел вокруг много деревьев и домов, принадлежавших разбойникам. Увидев возвращение своих соплеменников, жители деревни, радуясь, вышли навстречу. Все разбойники и жители собрались на широкой площади, где росло большое дерево.

Главарь разбойников приказал своим людям привязать Фазлуллаха к этому дереву, а сам с друзьями начал делить награбленное добро. Покончив с дележом и другими делами, главарь велел отвязать Фазлуллаха и избить его до полусмерти. Двое разбойников уложили бедного юношу наземь, уселись — один у его изголовья, а другой у ног — и начали бить его палками. Угостив его пятьюдесятью крепкими палочными ударами, разбойники изранили все его тело, так что Фазлуллах потерял сознание. Увидев, что несчастный юноша в таком жалком состоянии, женщины

пожалели его, и жена главаря сказала мужу: «Если хочешь казнить его, на то твоя воля — казни, но если хочешь оставить его в живых, оставь его в покое — он больше не выдержит истязаний». Главарь послушался жены и велел оставить Фазлуллаха в покое.

Как раз в это время прискакал разведчик и сообщил разбойникам, что какой-то караван с богатыми товарами идет по дороге и сейчас находится неподалеку. Разбойники тотчас же надели доспехи, схватили оружие и поскакали за караваном, а Фазлуллах, полумёртвый, остался лежать под деревом.

Когда мир скрылся под покровом ночи, жена главаря разбойников, побуждаемая состраданием, подошла к лежащему в крови Фазлуллаху и окликнула его: «О бедный бродяга, как ты чувствуешь себя?» — «Я чувствую себя очень плохо, хуже и быть не может», — простонал Фазлуллах. «Если я освобожу тебя от пут и покажу дорогу, сможешь ли ты идти?» — спросила женщина. «Постараюсь», — ответил Фазлуллах. Женщина тотчас развязала его, накинула на него старый тулуп, дала ему палку и несколько лепёшек, взяла под руку, вывела под покровом ночи на дорогу и сказала: «Иди, вот по этой дороге, пока не дойдёшь до обитаемых мест». Фазлуллах поблагодарил женщину и побрёл по дороге. Он шёл всю ночь по пустыне, по горам и, наконец, утром, когда солнечные лучи рассеяли тьму, он добрался до перекрёстка дорог. Тут он увидел путника, который, взвалив на себя мешок с дровами, несся по дороге, словно ветер. Фазлуллах, окликнув его, поздоровался с ним. Тот ответил на приветствие и спросил: «Куда, братец, держишь путь?» — «В Багдад», — ответил Фазлуллах. Дровосек предложил ему идти вместе, и они продолжали свой путь вдвоём. Время от времени они останавливались и дровосек отдыхал, положив свой мешок на землю и давая отдышаться и своему ослабевшему спутнику.

Наконец, они добрались до Багдада, где дровосек по-кинул своего товарища и направился на рынок. Фазлуллах же сел у ворот какой-то мечети. Затем он сказал себе: «Лучше я войду в мечеть, сяду в уголке и предамся молит-

вам. Иначе кто-нибудь из мосульцев может увидеть меня здесь в таком жалком состоянии». Сказав это, он вошёл в мечеть и сел в отдаленном углу. Он провёл там трое суток и чуть не умер с голоду- «Если я не двинусь отсюда, — сказал он самому себе, — и не найду себе работы, то умру с голоду. Лучше мне подняться и пойти в город, — быть можег, мне удастся раздобыть кусок хлеба и утолить жажду и голод».

Сказав это, он вышел из мечети и пошёл по улице. Дойдя до её конца, он увидел высокий дворец, украшенный порталом. Башня дворца возвышалась до Сатурна, а веранда была занавешена золотистой парчой. Он сел у ворот дворца и стал причитать: «О хозяева этого дома, — несчастный чужестранец, преследуемый невзгодами, вот уже три дня ничего не ел, не пил. Заклинаю вас вашей любовью к Творцу, сжальтесь надо мной, дайте мне немного еды». Кто-то раздвинул занавес, и чья-то рука протянула ему несколько лепёшек. В это время по воле божественного провидения ветер приподнял занавес, и Фазлуллах заметил девушку, красота которой поразила его. Он в жизни не встречал такой стройной, изящной и луноликой красавицы и даже не слышал ни от кого, что подобная красота существует на свете. Он всем сердцем, всей душой влюбился в неё, влюбился так, что расстался с собственным сердцем. Отдав лепешки, девушка тотчас же скрылась, а Фазлуллах, забыв про голод, как пораженный громом, застыл на месте.

Углубившись в мечты о ней, он должен был признаться самому себе в том, что красавица похитила его сердце. Он не мог двинуться, сердце не позволяло ему покинуть это место. Встав, наконец, он, скрепя сердце, ушёл оттуда. Продолжая свой путь, он увидел старика, сидевшего на лавке у дверей. Расстроенный и бледный, он подошёл к старику и сказал ему: «О почтенный старец, в конце этой улицы находится благословенный дворец, там мне подали несколько лепёшек, которыми я утолил голод. Скажи мне, кому принадлежит этот дворец?» «О юноша, — ответил старец, — этот дом принадлежит Муваффаку Абдаллаху». —

«А кто такой Муваффак Абдаллах?» — спросил Фазлуллах. «Он бывший городской голова, знатный вельможа. Между ним и судьей не так давно возникла вражда. Судья пошёл к халифу, пожаловался на Абдаллаха, обвинил его во всех грехах и оскорбил его. После этого халиф отстранил Абдаллаха от должности, а судью возвысил. Вот с тех пор он и затворился в доме, о котором ты говорил, и занимается благотворительностью, печётся о бедняках». Услышав эти слова, Фазлуллах сказал себе: «Теперь я знаю, что моя луноликая красавица — дочь бывшего главы города Багдада. А кто я? Я просто нищий, и поэтому никогда эта пери не достанется мне. Как я могу жениться на ней? Никак! Лучше мне отказаться от этих мыслей и смириться со своей судьбой».

Сказав это, он направился в сторо1гу кладбища. Плача и вздыхая, он добрался до середины кладбища, но от ры-даний так ослабел, что в изнеможении упал наземь и за-снул. После полуночи он вдруг почувствовал, что рядом с ним ктото есть. Не успел Фазлуллах открыть глаза, как некто вооруженный до зубов уселся ему на грудь и приставил кинжал к горлу, словно хотел отрезать ему голову. Увидев это, Фазлуллах взмолился и сказал: «О благородный муж, что тебе нужно от меня, бедного и несчастного чужестранца, что я тебе сделал? Что ты возьмешь у меня, бродяги? Я, преследуемый невзгодами нищий, очутился здесь впервые в жизни. Пожалей меня!»

Услышав мольбы Фазлуллаха, неизвестный встал и, схватив его за волосы, потащил в сторону развалин, втолкнул внутрь какой-то лачуги, запер снаружи дверь и ушел. Пораженный случившимся Фазлуллах стал рассуждать: «Кто этот человек? Куда он привёл меня? Что это за место?» Задавая себе все эти вопросы, он начал шарить в темноте руками и наткнулся на чью-то отрезашгую голову. Протянув руки дальше, он обнаружил чейто труп. От страха Фазлуллах стал стонать и плакать. В это время дверь открылась и вошёл разбойник, который приволок его сюда. Он был в доспехах и при оружии, в руках у него была свеча. Фазлуллах при её свете огляделся и увидел,

что находится в большой комнате, где сложено больше сотни трупов — у одних были отрезаны головы, у других распороты животы. Увидев все это, благородный юноша расстался с мыслью о спасении своей души. Он растерянно озирался вокруг, не зная, что делать. Тут разбойник закричал на него: «Эй, кто ты таков и откуда? Выкладывай всю правду! — «Я — несчастный юноша, преследуемый злым роком, а сегодня безвинно попал в новое бедствие, став твоим пленником, — отвечал Фазлуллах. — Скажи мне, где я нахожусь, кто ты такой и кто эти убитые, чтобы я мог поведать тебе о своей печальной истории». Услышав эти слова, благородный разбойник подошел к Фазлуллаху, взял его за руку и повел к двери в конце комнаты. Открыв дверь, он ввёл его в просторную, роскошно разубранную залу. Усадив Фазлуллаха, он снял доспехи, оружие и шлем, и Фазлуллах увидел перед собой прекрасного, как солнце, юношу, чьи алые ланиты были окаймлены нежным пушком. Он был прекрасен, словно месяц, и вся его наружность свидетельствовала о благородстве.

«О юноша! — сказал он Фазлуллаху. — Не бойся меня, я ничего плохого тебе не сделаю». Затем он накрыл стол и сказал Фазлуллаху: «Сначала поешь, а затем я расскажу тебе про себя». Когда с едой было покончено, хозяин убрал со стола и начал свой рассказ: «О юный чужестранец, — сказал он, — знай, что зовут меня Абулхасан Нахравани. Отец мой был начальником крепости Нахраван. Когда он умер, его должность досталась мне, и я занял его место. Я роздал жителям крепости много подарков и добра, и вельможи начали говорить мне: «Тебе нужно пойти к халифу, предстать перед ним, удостоиться чести поцеловать его руки и обновить указ о назначении тебя начальником крепости — лишь после этого ты сможешь управлять подданными». У меня было много богатств и, взяв с собой сколько нужно, я вместе с вельможами и сановни-ками отправился в Багдад к халифу. Прибыв в Багдад, я сделал много богатых подарков, получил новую грамоту на владение крепостью, и мне охотно обновили мои полномочия. В ночь перед тем, как наш караван должен был

отправиться обратно в Нахраван, я в сопровождении од-ного из своих юных слуг пошёл на берег Евфрата и спустился под навес халифского дворца, чтобы полюбоваться рекой и городом. Тут я увидел открытое окошко и девушку, склонившую голову и глядевшую вниз. Она была необычайно красива. Такого прекрасного лица, таких алых ланит, такой стройной, изящной фигуры, такой утончённости я никогда не видел и даже не слышал о такой красоте. Взглянув на неё лишь раз, я сразу же потерял покой. Красавица стояла у окна, а я смотрел на неё, растерянный и изумленный, и не мог оторвать от неё своего взора. Моим сердцем и душой овладели восхищение, изумление, беспредельная любовь. Во мне творилось что-то непонятное. Я простоял у окна до наступления ночи, пока незнакомка не скрылась от моих взоров. Наконец, с печалью в сердце и тоской в душе, побледневший, вздыхая и стеная, я отправился домой. Тут же я собрал своих сановников и вельмож и сказал им: «Все вы должны возвратиться в Нахраван и следить за крепостью, а я останусь здесь на два-три дня и осмотрю город, который очень нравится мне». Но мои сановники и визири сказали, что это неразумно. «Без тебя нам нельзя отправляться в Нахраван, — возразили они, — ведь ты начальник и правитель крепости. В крепость приезжает много людей отовсюду, мало ли что может там произойти, обстановка может измениться. Поэтому твое присутствие нам необходимо». Тогда я сказал своему визирю: «Раз так, ты поезжай туда, до моего при-езда наладь все дела, приведи их в порядок, а я скоро приеду. Так будет лучше».

Таким образом я отправил своих людей в Нахраван, а сам остался один в Багдаде. В течение десяти дней я ходил под балкон халифского дворца и глядел на личико полюбившейся мне красавицы. Однажды она заметила меня, тотчас же её головка скрылась - она ушла во внутренние покои дворца. «О, лучше бы она не видела меня!» — сказал я себе с тоской. Каждый день утром я ходил к навесу у реки, а поздно вечером возвращался домой. Наконец, однажды, красавица снова явилась и сразу заметила, что я

стою на прежнем месте и смотрю в сторону её окошка. «О ты, невоспитанный, — вскричала она, — что за место ты себе выбрал, что ты делаешь здесь все время? Уходи! Если слуги заметят тебя, то выпустят из тебя дух». Услышав эти слова, я тотчас поклонился и, коснувшись лицом земли, сказал: «О гурия, облаченная в райские одежды, о царица всех красавиц всех времён, я — чужестранец, сердце которого по воле судьбы попало в силок любви к тебе, а душа погрузилась в море страсти к тебе. Подай руку помощи, спаси меня, я изнемогаю!» Гурия разгневалась на мои слова и воскликнула: «О порочный, ты сам хочешь пролить собственную кровь, не жалея себя! Уходи, иначе мои молнии сожгут урожай твоей жизни!» Сказав это, она удалилась от окошка. Мне ничего не оставалось, как вернуться домой с разбитым сердцем. Я провёл всю ночь в жару, сжигаемый страстной жаждой, а когда наступило утро, снова отправился на прежнее место. Гурия опять заметила меня и, покачав головой, сказала: «Разве я не предупредила тебя, что ты лишишься головы из-за своей дерзости?» Я склонился перед ней и сказал: «О луноликая, о сладко-устая! Я готов лишиться души ради любви к тебе, хочешь убей меня, хочешь оставайся моим луноликим кумиром». «Твои уста источают чистые перлы, — сказала она, — хоть ты и кажешься мне коварным мошенником. Ведь ты случайно влюбился в меня, без всякой надежды ходишь сюда, а потому — оставь нас в покое». Низко склонившись, я коснулся лицом земли, раскрыл уста и сказал: «Если хоть один волосок, хоть одна клеточка моего существа не были бы переполнены любовью к тебе, я бы вырвал их и сжёг!» Услышав эти слова, красавица смягчилась и сказала: «Сегодня уходи и приходи завтра. Я постараюсь помочь твоему горю» Эти слова так обрадовали меня, что я чуть не взлетел от радости. Вернувшись домой, я всю ночь до утра не мог сомкнуть глаз.

Когда Хосров — царь небесных светил — снова воссел на свой четырёхподушечный престол, я снова отправился ко дворцу моей Ширин. Взглянув на её окошко, я увидел, что красавица стоит на прежнем месте. Я поклонился ей,

и она благосклонно ответила мне тем же. «О душа моя, — воскликнул я, — я до сих пор ни в чем не провинился перед тобой, так почему ты же покушаешься на мою душу?» — «О, уходи, — ответила она нежно, — огонь любви и потоки страсти разрушили до основания тысячи домов. Сегодня к ночи, когда взойдет луна, приходи под балкон, я спущусь и разделю с тобой твое горе». Я поблагодарил её, помолился за неё и вернулся домой. Когда мир окрасился в тёмный цвет, я надушился лучшими благовониями, пришёл на прежнее место и устремил свои взоры на портал над балконом, откуда обычно появлялась моя луна. Вдруг я увидел, что из окошка спустилась веревка. Я ухватился за веревку и, словно голубятник-верхолаз, взобрался наверх. Когда я проник внутрь, то обнаружил прекрасную, словно райский сад, комнату, которая была изящно обставлена. На середине комнаты находился пышно украшенный престол. Моя гурия подошла ко мне и обняла меня. От её опьяняющей совершенной красоты и от радости лицезреть её я чуть не потерял сознание. Возлюбленная моя усадила меня на престол и крепко закрыла дверь комнаты на засов. Затем она уставила стол яствами и придвинула его ко мне. Мне совсем не хотелось есть, ибо я был полон счастья, добившись свидания с моим возлюбленным кумиром. Несмотря на это, я отведал не-много кушаний, и красавица убрала со стола. Затем она принесла вино и воду, подобную гюлябу, поставила на стол поднос, полный сочных и свежих плодов, и мы стали пить вино. Мы пили вино небольшими глотками и блажен-но наслаждались обществом друг друга.

Когда мы осушили несколько чаш, кто-то вдруг начал стучаться в дверь соседней комнаты. Моя красавица пош-ла туда и спросила: «Кто так поздно стучится в нашу дверь?» — «Открой дверь! — раздался голос, в котором она узнала голос своего мужа. Когда красавица оборотилась ко мне, на ней не было лица. Дрожа всем телом, она сказала мне: «О благородный юноша, я пропала, спасай себя!» — «Что случилось?» — спросил я. «Сначала встань и спрячься под престолом, ибо явился мой муж — халиф и повели-

тель правоверных, он стоит у дверей. Моя тайна раскрыта, все пропало. Что теперь будет — не знаю, но лучше пусть будет плохо мне, лишь бы с тобой ничего не случилось».

Напуганный этими словами, я встал и полез под престол. Девушка пошла и открыла дверь комнаты. Вошел рослый мужчина с обнаженным мечом в руке, перед ним шёл слуга со свечой, освещая ему дорогу. Он подошёл к престолу, сел на него и закричал: «О распутница, о негодная развратница, скажи, кто был здесь, в наших покоях?» От страха у красавицы отнялся язык, и она не могла сказать ни слова. Халиф приказал слуге обыскать комнату. Слуга перевернул все вверх дном и, обнаружив меня под престолом, вытащил и подвёл к халифу. Халиф вскричал: «О несчастный ублюдок, кто ты? Как ты осмелился осквернить мои покои? Как ты сумел проникнуть в мой дом?». От страха я совсем потерял голову и не мог произнести ни слова. Тогда халиф занес меч над моей головой. Но тут вмешалось провидение — открылась дверь и вошла седая женщина. Прижав руки к груди, она сказала: «Сын мой, душа матери своей, заклинаю тебя своим молоком, оставь их, ибо я не хочу, чтобы эти, подобные праху, существа погибли от твоей руки. Прикажи лучше крепко связать им руки и ноги и бросить из этого окна вниз, в Евфрат».

Халиф согласился с этой женщиной, которая, как ока-залось, была его матерью, и по его приказу нам тут же крепко связали руки и ноги и с крыши навеса бросили в Евфрат. Я с детства умел плавать. Часто, чтобы испытать мое искусство пловца, мне связывали руки и ноги, бросали в воду, и я плавал со связанными руками и ногами. Поэтому в ту ночь, когда нас бросили в Евфрат, я сумел удержаться на поверхности воды и выбраться на берег, а моя возлюбленная луна, подобно рыбе, ушла на дно реки и рассталась со своей душой. Через некоторое время её тело снова всплыло на поверхность. Я же в это время катался по берегу, пытаясь освободиться от своих пут, а душа у меня горела, словно в грудь вложили горящую головню. Наконец, веревка, которой я был связан, ослабела, и я кое-как освободился от неё. Я проливал горькие слезы,

словно весенняя туча. Когда моя луна показалась на поверхности воды, я выловил её, словно рыбу, вытащил на берег, отнёс на кладбище и предал ту, что была для меня живой водой, черной земле, повторяя это четверостишие про себя:

Рубашка жизни порвана твоя,
И стёрто имя в книге бытия,
Душа, питавшая водой живою,
Зачем теперь засыпана землею?

После этого я дал клятву находиться рядом с её моги-лой и мстить за неё — убивать всех приближенных багдадского халифа, кого я встречу. Все эти убитые, которых ты видел, — приближенные и слуги халифа. Я хотел прикончить и тебя, но когда ты сказал, что ты чужестранец, я тебя пощадил. Теперь, когда я рассказал тебе печальную историю своего израненного сердца, ты тоже расскажи все о себе».

Выслушав рассказ Абулхасана, Фазлуллах поразился ему, а затем поведал все, что приключилось с ним. Абул-хасан тоже был поражен его историей и, пожалев его от всего сердца, воскликнул: «Клянусь честью благородных мужей, я не успокоюсь, пока я не соединю тебя с твоей желанной». Фазлуллах поблагодарил его, и они провели вместе ночь.

На следующий день, выждав наступления ночи, Абул-хасан сказал: «Вставай, мы сейчас займёмся твоим делом, быть может, нам удастся исполнить сегодня желание твоего сердца». «Слушаюсь и повинуюсь, — ответил Фазлуллах, — воля твоя». Затем Абулхасан надел на себя кабу, шапку и, взяв боевое снаряжение, они отправились в квартал, где находился дом Муваффака. Как гласит предание, оказывается, накануне ночью в дом Муваффака проникли воры и унесли много вещей. Когда Абулхасан и Фазлуллах отправились туда, Муваффак и его люди по очереди ждали в засаде появления вчерашних разбойников, которые как они предполагали, должны явиться за

остальными вещами. Обо всем этом Абулхасан и Фазлул-лах, естественно, ничего не знали. Подойдя ко дворцу Муваффака, Абулхасан забросил аркан на крышу и крепко зацепил его. Друзья быстро взобрались наверх и поднялись на крышу. Осмотревшись вокруг, они никого не обнаружили. Однако Муваффак и его люди, словно львы, ждали в засаде и хорошо видели их. «Вот, наконец-то появились вчерашние друзья, — шептались они между собой, — подождем теперь, пока они не проникнут в дом». Тем временем Абулхасан и Фазлуллах проникли во дворец, и тут-то Муваффак и его слуги выскочили из засады и схватили их обоих. «Это — воры, их нельзя отпускать, — сказал Муваффак. — Сейчас же отведите их в темницу халифа и передайте стражникам. Завтра я сообщу о них халифу, и их накажут по заслугам». После этого слуги отвели Абулхасана и Фазлуллаха в темницу и вручили тю-ремщику. Тюремщик, присев рядом с ними, сказал им: «В мире нет подлее воровского ремесла, почему же вы занимаетесь этим гнусным делом? За ваши деяния завтра вы поплатитесь — вас обоих непременно казнят». Абулхасан обратился к тюремщику: «Заклинаю тебя верностью благородных мужей, ответь на мой один вопрос». «Спрашивай», — сказал тюремщик. «Если пас убьют, какую пользу ты извлечёшь из этого?» — спросил Абулхасан. — А если нас отпустят, какой ты от этого понесёшь убыток? Короче говоря, если вам нужен вор, то это — я, если нужен убийца, то и это — я, только не трогайте этого невинного юношу, которого я насильно заставил пойти со мной. Если завтра его убьют, кровь его падет на мою голову. Если у тебя осталась хоть капля благородства, освободи юношу, этим ты совершишь благое дело, оказав помощь беспомощному».

Услышав такие слова, тюремщик удивился и задумался. Поразмыслив некоторое время, он сказал Фазлуллаху: «Сними свою шапку». Фазлуллах снял шапку, кабу и отдал их тюремщику, а тюремщик накинул на плечи Фазлуллаха кусок старого паласа и выпустил его из темницы. Освободившись из тюрьмы, Фазлуллах несколько дней ходил по

домам, собирал куски хлеба и еду и относил собранное в темницу Абулхаса1гу. От горя, тоски и страданий Фазлуллах тяжело заболел. Ослабевший и беспомощный он свалился перед какой-то лавкой, и так остался лежать там, положив под голову кирпич.

Он пролежал несколько дней, пока его не заметил судья города Багдада, оказавшийся там случайно. Остановив своего мула, он спросил у окружающих: «Кто этот человек?». Ему ответили, что этот несчастный юноша — чужестранец. Судья приказал своим людям взять его и отвезти к себе домой. Когда Фазлуллах немного пришёл в себя, судья спросил его: «Что случилось с тобой?». — «О господин мой, — ответил Фазлуллах, — у моей печальной повести долгая история. Если я начну рассказывать, то, боюсь, как бы она не наскучила тебе». Судья похвалил его за скромность и велел рассказывать всё по порядку. Фазлуллах поведал ему обо всем, что произошло с ним. «Ничего не бойся и не горюй, — воскликнул судья, — я устрою твои дела так, что твой кумир попадёт в твои руки». После этого он приказал, и Фазлуллаха отвели в баню, помыли, надели на него златот-канную кабу, повязали голову роскошной чалмой, усадили на породистого мула и привели его в собрание вельмож. Судья встал, приветствовал его, усадил по правую сторону от себя и сказал: «О господин мой, вы оказали мне большую честь, направив свои благословенные стопы в мой дом. Я не знаю, как отблагодарить вас за оказанное мне благодеяние». Сказав это, он тотчас отправил двух слуг в дом Му-ваффака, чтобы они доставили его.

Муваффак с омрачённым сердцем, обуреваемый тыся-чью беспокойных дум, отправился в дом судьи. Однако судья радушно встретил его, обнял, оказал большие почести и усадил рядом с собой. Муваффак, поражённый поведением судьи, сказал ему: «О господин мой, судья над всеми судьями, чем я заслужил подобные почести, которые ты милостиво оказываешь мне?» «Ты должен простить меня, друг мой Муваффак, за то, что произошло между нами, — ответил судья. — Теперь я знаю, что во всем, что случилось, виноваты ябедники-зложелатели. И

теперь, зная об этом достоверно, я хочу извиниться перед тобой». Муваффак поблагодарил судью, благословил его и воздал ему хвалу. Судья начал беседовать с ним о том, о сём и под конец сказал: «О Муваффак, человека, который родился счастливым, никто не сможет сделать несчастным, вот, например, тебя. Знаешь ли ты этого юношу, который сидит рядом с тобой?». — «Нет не знаю», — ответил Муваффак. «Ты знаешь Махйара, визиря города Васи-та, и знаешь о том, что благодаря милости халифа в нашей стране нет более могущественного и богатого человека, чем он. А этот юноша — его сын».

Услышав имя Махйара, Муваффак вскочил с места, пок-лонился Фазлуллаху и сказал ему: «О господин всех мирян, ты прости меня, что я сразу не узнал тебя и не исполнил правил приличия, подобающих рабам, ибо все великие и малые, живущие в мире, вскормлены вашими благодеяниями». Фазлуллах ответил: «Да благословит тебя Аллах, ты очень учтив». Тогда судья сказал: «О Муваффак, знай, что этот высокородный юноша, услышав от своих доверенных людей о твоей дочери, ещё не видя её, влюбился в неё заочно. И вот он по указанию своего отца приехал сюда, направив свои благословенные стопы в наш дом. Теперь он обращается к тебе с просьбой породниться с ним. Это великая честь для тебя и, думаю, ты должен выдать свою дочь за того, кому покровительствует звезда счастья. Этим ты окажешь большую услугу себе, ибо Махйар, узнав об этом браке, отблагодарит тебя достойным образом, возвысит до небес и благоустроит твои дела».

«Разве я достоин того, чтобы моя дочь стала женой сына Махйара? В гареме этого достойного молодого человека, наверное, есть тысячи невольниц, более красивых чем моя дочь». — «Да, ты говоришь правду, — воскликнул судья, — но ведь он выбрал твою дочь по своей воле». — «Я готов отдать свою дочь ему не только в жены, но и в качестве рабыни, — ответил Муваффак, — но прежде я должен пойти и сообщить эту радостную весть своим домашним, чтобы они приготовились». — «Ты у себя дома властелин и хозяин, — возразил ему судья, — и без сомне-

ния обитательницы твоей половины не станут перечить тебе и будут довольны твоим решением. Ты заключи сейчас брачный договор, а затем сообщишь им радостную весть, чтобы они были совершенно счастливы».

Муваффак тотчас же заключил брачный договор и от-дал свою дочь Фазлуллаху в жены. Тогда судья обратился к Муваффаку со следующими словами: «О Муваффак, дела и поступки великих людей не похожи на дела и поступки обычных смертных. Прежде чем кто-нибудь узнает об этом событии, до того как сообщат о нем халифу, доведи это дело до конца. Ты сейчас поведи царевича к себе домой и вручи ему свою дочь, а я тем временем напишу письмо его отцу и сообщу ему о женитьбе его сына. И вот увидишь, что Махйар, не успеешь оглянуться, как окажется здесь, ибо, я знаю, он сразу приедет и привезёт такие дары, о которых никто и не слыхивал. Он устроит все твои дела, и они станут лучше, чем прежде». — «О доброжелатель мой, - воскликнул Муваффак, - я сделаю все, что нужно для дочери, и если наш высокородный родственник сейчас пожалует к нам, то я тотчас же вручу ему дочь».

Судья приказал, чтобы мула покрыли златотканой по-поной, затем он усадил на него Фазлуллаха, и они отправились в дом Муваффака. Когда они прибыли ко дворцу, Муваффак сам держал стремена мула Фазлуллаха, помог ему спешиться, повел домой и усадил на почетное место. Затем он пошёл на женскую половину и поведал жене и дочери о случившемся. Жена сказала: «Муж мой, ты — хозяин, и пусть будет так, как ты решил, в этом — наше благо». Она тотчас стала готовить дочь к торжеству, надела на неё лучший наряд, разубрала золотом и серебром и повела к Фазлуллаху. Когда глаза Фазлуллаха узрели необычайные прелести своего кумира, он едва не лишился чувств. С трудом сохранив самообладание и возблагодарив Господа, он начал возносить благословения судье: «Господи, оберегай и храни человека, который соединил меня с моей целомудренной возлюбленной, рождённой от пери. Господи, продли жизнь человека, который помог испол-ниться желанию моего сердца и души и достичь всего,

чего я желал». Затем они уединились, и Фазлуллах провёл весь день в наслаждениях и утехах со своей сладкогубой возлюбленной, чей подбородок был белее луны.

На следующий день Фазлуллах, словно царь, восседал на своём почётном месте, подумывая о том, как бы ему продолжить свои вчерашние приятные занятия. В это время до него донеслось звяканье железного кольца на воротах, и слуги доложили, что явился человек от судьи и ждёт у дверей. Фазлуллах отослал жену и велел пригласить его — он думал, что судья прислал ему подарки. Войдя в комнату, посыльный сказал: «Слуги судьи передают тебе привет, а судья просит, чтобы ты вернул ему его кабу и чалму, а ты возьми вот эту драгоценную одежду». С этими словами слуга бросил ему сверток, и Фазлуллах, развернув его, увидел свой рваный палас, подаренный ему тюремщиком. Белый свет померк в его глазах. Он еле снял с себя кабу и чалму судьи, отдал посыльному и, накинув на себя дырявый палас, печально сел в углу. После ухода посыльного луноликая счастливорождённая молодая жена с улыбкой на устах вернулась к мужу. Но увидев его в столь жалком состоянии, она горько заплакала и сказала: «О верный друг мой, что за вид у тебя?». Склонившись перед женой и коснувшись лбом пола, Фазлуллах сказал: «О небесная гурия, заклинаю тебя верностью и благородством, сядь и выслушай меня, а затем делай со мной что хочешь».

«Выскажи все, что у тебя на душе, объясни мне, что все это значит», — воскликнула девушка. Фазлуллах сел перед ней и рассказал ей всю историю от начала до конца. Выслушав исповедь мужа, луноликая гурия не могла прийти в себя от изумления. Увидев её растерянность, Фазлуллах сказал: «Таково моё положение, но теперь, каким бы я ни был — добрым или дурным, — я принадлежу тебе и моя судьба в твоих руках». Красавица погрузилась в размышления и через некоторое время, обратившись к мужу, сказала: «О моя душа и сердце моё, ты мой законный муж — неважно будь ты царь или нищий. Судья из-за вражды, которую он всегда питал к моему отцу, решил поиздеваться над нами. Но не горюй, я так проучу его, что весь

мир будет говорить об этом. Сказав это, она открыла сундук, вынула оттуда прекрасные одежды и переодела в них мужа. «Душа моя, — сказала красавица, — пока никому ничего не говори о случившемся». — «Слушаюсь и повинуюсь», — ответил Фазлуллах. Спустя несколько дней молодая жена Фазлуллаха приоделась и разукрасила себя так, что даже ангелы обезумели бы от её красоты. Затем она пришла к мужу и сказала: «Разреши мне пойти и навестить свою подругу». — «Поступай как хочешь», — ответил Фазлуллах. Никому ничего не говоря, не взяв с собой прислуги, девушка вышла из дома и отправилась прямо в приемную судьи. Там она села в углу и стала дожидаться, пока не уйдут все посетители. Заметив красавицу, судья спросил у стряпчего, кто это такая. Стряпчий подошел к розо-ликой и спросил: «Какое у тебя дело?». У меня дело к самому судье, — сказала девушка, — но я могу открыться ему только наедине». Стряпчий доложил об этом судье. Судья был известен своей слабостью к красивым женщинам, поэтому, услышав слова стряпчего, он тотчас же встал, перешёл в свои личные покои и велел привести девушку к нему. Дочь Муваффака без смущения вошла в комнату судьи, поклонилась ему и села напротив. Судья, окинув её жадным взглядом, восхитился её стройности, изящной фигуре и удивительному очарованию, исходившему от неё. Решив окончательно поразить судью, счастливорождённая сняла с себя покрывало и, словно луна, вынырнувшая из-за тёмных туч, предстала перед судьей во всей своей красе. Судья от изумления прикусил палец и воскликнул: «О гурия рая, по какому делу ты пожаловала сюда, зачем ты утруждаешь себя, по какому поводу?»

Раскрыв свои рубиновые уста, девушка сказала: «О по-велитель правосудия, о великий судья! Ты восседаешь на четырёхподушечном престоле закона и призван отличать добро от зла, доброе от дурного, бедняка от богача, правоверного мусульманина от неверного, оправдать правого и наказать виновного». Судья воскликнул: «Ты совершенно права — отлично сказано!» Тогда девушка вплотную приблизилась к судье, незаметно выставляя на обозрение

свои прелести и откинув с головы покрывало. «Скажи, господин судья», — вопросила девушка, — есть ли какой-нибудь изъян в этих источающих амбру локонах, подобных фиалкам?» Увидев её прекрасные иссиня-чёрные, благоухающие кудри и локоны, судья онемел от восхищения. «Они прекрасны и нет в них ни малейшего изъяна», — воскликнул он. «О господин мой, судья, — продолжала девушка, — есть ли хоть какой-нибудь изъян в моём челе, подобном луне, в лице, подобном солнцу? Есть ли какой-нибудь порок в моих бровях, подобных луку, и носике, остром как меч, в этих ланитах, пунцовых, словно розы, губах, сладких как сахар, в этом подбородке, округлом и белом, словно луна?» Задавая эти вопросы, девушка с изяществом демонстрировала все свои прелести а судья, не отрываясь, глядел на неё. «Я никогда не встречал подобной красавицы»! — воскликнул он восторженно. «О господин мой, — продолжала девушка, — видел ли ты когда-нибудь такие изящные руки и пальцы, такие прекрасные ногти и такие прелестные ладони? Видел ли ты когда-нибудь такие белые запястья и такие круглые плечи?» — «Нет, не видел»,— воскликнул судья. «Господин мой, судья мусульман, — продолжала девушка, — видел ли ты когда-нибудь у кого-нибудь такие прелестные груди, такую тонкую талию, такой стройный живот, такой изящный пупок, такой круглый и упитанный зад, такие упругие ляжки и такую выпуклую и нетронутую сокровищницу, такие стройные маленькие ножки?».

Говоря о своих прелестях, девушка показывала их су-дье одну за другой. Судья дрожал от сладострастия и был близок к тому, чтобы разорвать свои одежды и, как безумец, бежать в пустыню. Опалённый огнём страсти, он вкрадчиво сказал: «О жестокосердная, ты совсем убила меня. Какие потрясающие у тебя прелести, какие у тебя чудесные волосы, личико, губы, рот, талия, грудь, живот! Ты не человек, а райская гурия». «О судья, — сказала девушка, — тело моё — созревшее дерево в саду совершенства с сочными, вкусными и нежными плодами: рука садовника ещё не касалась этих плодов, и сама я тоже не вкушала до

сих пор плодов молодости и не познала блаженства. Поэтому сотни раз я собиралась покончить с собой». — «Почему?» — спросил судья удивленно. «Дело в том, — ответила девушка, — что в этом городе живет некий красильщик, дом которого находится в таком-то квартале. Я, бедняжка, — его дочь. С тех пор, как мне исполнилось десять лет и до сегодняшнего дня, он не позволял ни одному живому существу взглянуть на меня и не разрешал мне глядеть на кого-нибудь. Каждому, кто на свой страх и риск собирался посвататься ко мне, он говорил: «Дочь моя разбита параличом, страдает эпилепсией, позвоночник её сломан, она глупа и болтлива». После таких слов все претенденты, взяв руки в ноги и чалму подмышку, убегали как угорелые. Вот почему я, заключённая в темницу собственного дома, блекну, словно роза, и провожу дни свои в страданиях и горе. Но больше я не могу терпеть, а найти выход из такого нестерпимого положения я тоже не могу, а вот сегодня, наконец, с помощью сотни, нет, тысячи хитростей и уловок, я вырвалась из дому и пришла сюда. Ты — судья мусульман, и если и ты не найдёшь средства помочь мне, то я сама найду его — у меня тогда останется только одно средство».

Услышав эти слова от миндалеокой, сладкогубой кра-савицы, со станом, подобным кипарису, судья сказал ей: «О рай моей души, если ты согласишься стать женой су-дьи, то я постараюсь спасти тебя и избавить от горя». Девушка, вспомнив о рваном паласе на плечах своего мужа, заплакала и, коснувшись земли» сказала: «О Букрат— великий врач, лишь ты знаешь, как исцелить меня, и ты мне по душе. Если я стану твоей рабыней, а ты — моим господином, я буду безмерно счастлива». Судья в знак согласия положил ладони на глаза, и девушка, накинув на голову покрывало, ушла. Судья же от желания обладать девушкой извивался, словно змея. Он тотчас отправил двух гонцов в дом красильщика и передал, что судья требует его к себе. «Какое может быть дело у судьи ко мне?» — спросил красильщик. Не получив ответа, он с печалью на сердце и тысячью страхов на душе отправился к вельмож-

ному судье. По дороге посыльные передали ему пятьдесят гязов холста. Когда красильщик прибыл во дворец, судья встал, радушно встретил его и усадил рядом с собой, по правую руку. У бедного красильщика менялся цвет лица — он то бледнел, то краснел, — ведь судья обращался с ним так любезно, как если бы имел дело с самим халифом. «О добронравный мастер, — сказал судья, — давно я собирался встретиться и побеседовать с тобой, побыть вместе и удостоиться чести лицезреть тебя». — «О защитник обездоленных и помощник угнетённых, — молвил красильщик, — чем я заслужил столь ласковое обращение и любезность к себе — твоему рабу?» — «О искусный мастер и доблестный муж, за завесой твоей женской половины есть девушка, и я хотел бы вступить с ней в супружеский союз». — «О судья мусульман, — удивленно воскликнул красильщик, — о чем ты говоришь?». — «У тебя есть дочь, и я хочу жениться на ней, — ответил судья. — Выдай сё замуж за меня». — «Господин мой, судья, — сказал красильщик, — у меня, правда, есть дочь, но от рождения она страдает такими изъянами, что я не осмеливался до сих пор показывать её никому, чтобы тот человек не пожалел впоследствии о том, что увидел её. Разве она достойна того, чтобы быть в гареме такого почтенного человека, как ты?». — «Я женюсь только на пей, я — жених, а твоя дочь — моя невеста» — отрезал судья. «О добродетельный защитник обездоленных, — молвил красильщик, — моя дочь создана для устрашения мирских людей и поучения рода человеческого. Господь всевышний сотворил её, чтобы проучить своих тварей — она страдает всеми возможными изъянами. Наверное, судья насмехается надо мной, если это так, то ничего, ведь он — наш властелин». «Ты лучше оставь эти слова, — грозно сказал судья, — ибо твоя дочь, какие бы изъяны ни были у неё, нам по душе, и люба нам».

Красильщик в отчаянии начал размышлять про себя: «Какой подлец решил посмеяться надо мною и опозорить меня перед судьей, подбив его на эту безумную затею? Единственное средство заставить отказаться его от своих намерений — это калым. Я попрошу у него огромный ка-

лым — ведь люди обычно ради золота готовы пожертвовать самым красивым личиком». Прикинув в уме, красильщик сказал: «О судья, ты действительно очень хочешь мою дочь?» «Да», — ответил судья. «Тогда тебе придется заплатить за молоко, которым она вскормлена», — сказал красильщик. «Сколько?» спросил судья. «Тысячу халифских динаров», — ответил красильщик. «Принесите весы», — приказал своим людям судья. Стряпчий тотчас же принес весы, взвесил на них тысячу чистопробных динаров и поставил перед красильщиком. «Вот тебе плата за молоко, — сказал судья, — больше ничего не хочешь?» Красильщик взял золото, решив про себя, что судья сошел с ума. «Но ты должен ещё заплатить калым за михр — неустойку в случае развода. Так что тебе придётся уплатить мне ещё десять тысяч динаров, меньше не возьму», — сказал красильщик. «Я слушаюсь тебя», — сказал судья и тотчас же послал своих людей за свидетелями брачного договора. Пригласили всех улемов, законоведов, хатибов, богомольцев, подвижников, окружных судей, вельмож города. Когда все они явились, красильщик, призывая присутствующих в свидетели, торжественно обратился к судье: «Господин мой судья, моя дочь недостойна тебя, и я не могу отдать сё за тебя, ибо она не пригодится даже для дьявола. Ты берёшь мою дочь насильно, но я предупреждаю тебя, что когда ты приведёшь мою дочь к себе в дом и не поладишь с ней, ты не надейся на то, что я возвращу калым за молоко и михр. Клянусь Господом Всевышним, я не верну тебе ни одного динара... Добрые люди, призываю вас всех в свидетели».

Бедный судья, обуреваемый страстью к прекрасному кумиру и охваченный жаждой обладать ею, велел принести весы и в присутствии всех отвесил десять тысяч халифских динаров, отдал красильщику и сказал: «Вот тебе и калым за михр, а калым за молоко я отдал раньше. Теперь больше не мучай мое сердце и не испытывай мою душу. Позволь мне заключить брачный договор и привезти девушку».

Красильщик окончательно смутился. Но все присут-ствовавшие сказали ему: «Больше не упорствуй, брось уп-

рямиться. Раз судья желает сейчас же заключить брачный договор, не возражай, оставь это на его усмотрение и не утруждай себя больше! Бедный красильщик был вынужден дать своё согласие, и судья велел стряпчему заключить брачный договор.

Покончив со всеми делами, судья обратился к красиль-щику: «Я заплатил за молоко и михр, брачный договор уже заключен, теперь я хочу привезти девушку к себе и сделаю это сегодня же вечером». — «Воля твоя», — сказал красильщик и ушёл с печалью на сердце и головой, полной беспокойных мыслей. «Господи, — рассуждал красильщик, — ведь моя дочь не достойна его, чем же все это кончится?»

Теперь оставим на время красильщика и посмотрим, что творилось в это время в доме судьи. Когда жена судьи узнала, что муж её взял новую жену, она оставила дом и ушла к родным. Между ними и судьей начались споры. Родственники жены подняли страшный шум, крича: «Де-сять голов не уместятся на одних коленях, недостойно держать в одном доме двух хозяек». «Что же я могу сделать?» — спросил судья у жены. «Заплати михр-неустойку и дай мне развод, произнеся три раза: «Я развелся с ней, я развелся с ней, я развелся с ней!». Судья выплатил тысячу динаров золотом и вздохнул свободно, избавившись от жены. Жена его тотчас же забрала деньги и свои вещи и отправилась в отцовский дом. Судья же сел и стал смотреть на дверь в ожидании невесты.

Красильщик тем временем, забрав одиннадцать тысяч халифских динаров, пошёл домой и вручил золото жене. Жена спросила: «Откуда это золото?» Это плата за твое молоко и калым за михр твоей дочери», — объяснил красильщик. «Что ты говоришь?'» — удивленно спросила жена. Мастер коротко рассказал ей о случившемся. «О мой муж, — воскликнула жена, царапая от горя лицо, — ты опозоришь нас». — «Но у меня не было другого выхода, — объяснил красильщик. «О, так нельзя, — закричала жена, — не иди на это дело, ведь бедный судья ничего не знает о нашей злосчастной дочери. Пошли лучше кого-нибудь к нему извиниться за эту бесчестную сделку».

Тут красильщик не выдержал, закричал в гневе на жену и стал объяснять ей: «Хватит, женщина, перестань мучить меня, я и так измучен. Желая избежать позора, я лез из кожи вон, призвал всех вельмож города в свидетели, поклялся при всех, что моя дочь страдает тысячью болезней и изъянов, но судья, несмотря на все её пороки и недостатки, хочет её — вот и все». Пока муж и жена препирались между собой, в дверях появился человек от судьи и сказал: «Где невеста? Мы сейчас же увезем её к судье, чтобы возложить на его голову венец радости». Муж и жена остолбенели от ужаса и, не найдя другого выхода, разукрасили, приодели, как могли, дочь, уложили её в крытые носилки, похожие на гроб, водрузили их на плечи двух носильщиков и вместе с посыльными отправили в дом судьи.

А дома у судьи тем временем была приготовлена для жены особая комната, надушенная благовониями. Грузчики внесли носилки прямо в эту комнату и покинули дом. Судья, сгоравший от страсти и нетерпения, войдя в комнату, увидел крытые носилки, похожие на гроб и закрытые сверху покрывалом. Он решил, что девушка, не желая, чтобы кто-нибудь увидел её стройный стан и прекрасную фигуру, укрылась в этих носилках от нескромных глаз. Он тут же снял покрывало с носилок и увидел там — о ужас! — какое-то страшное чудовище безобразного вида. Оно показалось ему грудой уложенных вкривь и вкось костей, на которые были натянуты кожа и жилы. Живот её был похож на бурдюк, а глаза — на две змеиные норы, рот напоминал пасть спящего кота, а язык был высунут как у уми-рающей от жажды собаки, отвислые губы доходили до подбородка, а зубы были похожи на сернистый мышьяк. Вельможный судья, глава всех судей, увидев это злосчастное чудовище, потерял сознание. Когда он пришел в себя, то первым долгом вопросил: «Что это за чудовище?». Затем он обратился к стряпчему. «Где же моя невеста? И что это за чудовище, для чего его притащили сюда?». — «Лишь один Господь ведает, где твоя невеста, — отвечал стряпчий, — а это чудовище — дочь красильщика, и они отдали её тебе. Теперь уложи её в постель и уединись с ней, что-

бы не обидеть её и честно выполнить свой долг». — «Кто же станет уединяться со спящим дьяволом, — закричал судья, — какой человек может лечь в постель с чудови-щем?». — «Это твое дело, — возразил ему стряпчий, — ведь ты с такой настойчивостью добивался её». — «Я добивался луноликой красавицы с благоухающими локонами, — сказал судья в отчаянье, — я добивался той, кто своей красотой возбуждал зависть у райских гурий. Что я могу делать с этой стражницей ада?»

Он тотчас же послал слугу за красильщиком. Красиль-щик сразу понял в чём дело, и, посмеиваясь, отправился к судье. Когда он явился, судья сказал ему: «Почему ты решил отплатить мне злом за добро, почему издеваешься и шутишь надо мной? Со мной не могут тягаться самые искусные мошенники и ловкачи мира, а ты решил провести меня. Скажи, куда деть это исчадье ада и небесную кару, которую ты мне прислал вместо той красавицы, один взгляд которой оживил бы мертвеца, десять лет пролежавшего в могиле. Лучше признайся, где спрятал ты свою красавицу-дочь, а это безобразное чудовище убери отсюда и отвези к себе домой».

Красильщик, однако, был не робкого десятка. Он смело подошел к судье и сказал: «Клянусь всеми святыми, что у меня, кроме неё и лучше неё, нет другой дочери и ни-когда нс было. Сто раз говорил тебе, что моя дочь недо-стойна тебя, но ты не послушал меня, извёл меня своей настойчивостью и вымотал всю душу. Теперь она твоя жена — поступай с ней как знаешь». — «Не болтай липшее и не тяни время, - сказал судья. - Иди и приведи красавицу, подобной которой я не видел в жизни». Вспомнив её, судья горько заплакал, говоря: «Ведь она приходила ко мне по собственной воле и сказала: «Я — дочь такого-то красильщика, отец обращается со мной жестоко, насильно удерживает дома и нс выдаёт замуж, с горя я хочу покончить с собой». Увидев её прекрасное личико, услышав её сладкие речи, я безумно влюбился в неё. После этого я спросил её об отце, и она указала на тебя и дала твой адрес. Лишь после этого я пригласил тебя, поговорил с то-

бой и дал тебе столько золота, осыпал тебя халифскими динарами, а ты при этом ещё капризничал, навязывая мне свои условия. За все мои благодеяния ты, в конце концов, привёл сюда эту уродину, желая всучить мне вместо той гурии».

Выслушав до конца речи судьи, красильщик сказал: «О судья, кто-то из твоих врагов зло посмеялся над тобой, мстя за какие-то обиды. Я же, клянусь Господом Всевыш-ним, вездесущим и всезнающим, создателем земли и небес, что у раба твоего нет и нс было дочери кроме этой». Потрясенный судья лишился дара речи. Спустя час он, с трудом подняв голову, сказал: «О красильщик, я ещё заплачу тебе, сколько хочешь, только отвези свою дочь домой».

Красильщик водрузил свою дочь на носилки, взвалил носилки на спину и отправился домой. Судья же с печалью в сердце сел в угол и начал горько переживать из-за потерянных одиннадцати тысяч динаров, из-за развода с благоверной женой, с которой он прожил много лет, и красавицы, которая, соблазнив его и сведя с ума, бесследно скрылась.

Тем временем дочь Муваффака счастливо жила дома со своим мужем и постоянно была веселой. Однажды муж сказал ей: «О фисташкогубая и сахароустая моя, что ты постоянно смеешься и никак не можешь остановится? Что случилось?» — «О источник моей души, о радость моего сердца, если хочешь усладить свой слух, я расскажу тебе необычайно смешную историю». Фазлуллах сказал: «Расскажи, пожалуйста».

После этого девушка подробно рассказала мужу о своей проделке с судьей и заключила: «На злую шутку подлых мошенников всегда нужно отвечать подобным же обра-зом». — «Ты просто молодец! — воскликнул Фазлуллах. Затем он продолжал: «О кипарис у моего журчащего ис-точника, о куропатка на лугу моей жизни, хотя судья и поиздевался над нами и вдоволь посмеялся, однако в ко-нечном счете он не сделал нам ничего худого ибо мы только выиграли. В конце концов, я — сын главы города Мосула и у меня есть столько богатств, что трудно себе

представить и вообразить даже счетоводам. Клянусь Господом, я не успокоюсь до тех пор, пока не поеду в Мосул и не привезу оттуда столько сокровищ, чтобы навсегда забыть о бедности».

«О источник моей радости, о жемчужина моих сокровищ, — сказала жена ласково, — мне нужен ты, у нас есть самое необходимое и нам хватит и того небольшого состояния, которым я располагаю». — «Нет, — возразил Фазлул-лах, — ты подпалила шкуру судьи, а я поставлю на ней своё клеймо». Сказав это, он встал. Жена тотчас же велела привести оседланного коня и одежду, доспехи и вооружение.

Фазлуллах облачился в одежду, надел доспехи и сел на коня. Красавица жена поклонилась ему в ноги и, поцело-вав руку мужа, сказала: «Возвращайся как можно скорее». «Слушаюсь!» — ответил Фазлуллах и отправился в путь. Он ещё не успел проехать и пол-фарсапга, как на столбовой дороге, ведущей в Мосул, поднялась пыль столбом, и когда она рассеялась, стал виден огромный караван. Откуда вы держите путь?» — спросил караванщиков Фазлуллах. «Из Мосула», — ответили они. «Когда вы выехали оттуда?» — спросил Фазлуллах. «Мы выехали из Мосула в тот день, когда скончался глава города и верховный правитель конфисковал всё его имущество», — ответили они. Услышав это печальное известие Фазлуллах горько застонал и спросил: «Отчего он умер?». — «У городского главы был сын, — ответили караванщики, — он отправился в Багдад, но по дороге на него напали разбойники и убили его. Узнав об этом, отец умер от горя».

Потрясённый печальным известием Фазлуллах погру-зился в раздумье, спрашивая себя: «Как быть мне? Что мне делать, если злая судьба так преследует меня? Отец умер, правитель отобрал все его имущество и уехал. Какой смысл мне ехать в Мосул? И как вернуться с таким печальным известием к дочери Муваффака? Лучше мне бродить по миру, чем стать предметом насмешек судьи». Порешив на этом, он направился в путь, ведущий в Васит. Он гнал своего коня весь день и всю ночь, пока, наконец, к полуденной молитве на следующий день не добрался до город-

ских стен. Он спешился с коня у источника и сел там, бледный и утомлённый, расстроенный вестью о кончине отца и разлукой с любимой. Вдруг на дороге поднялась пыль, и из неё показался всадник, мчавшийся на быстро-ногом скакуне. Он был закован в стальные доспехи, оружие его сверкало. Подъехав к источнику, он спешился и, стреножив коня на лугу, подошёл к источнику, принёс еду и положил перед Фазлуллахом. Юноша, разделив с ним трапезу, поблагодарил его, склонился перед ним и сказал: «О вельможа, да благословит тебя Аллах!». Говоря это, он еле сдерживал душившие его слёзы. Увидев, что Фазлуллах удручён горем, благородный всадник обратился к нему. «Заклинаю тебя верностью и благородством доблестных мужей, расскажи мне историю и спроси у меня лекарство для исцеления твоего недуга». Фазлуллах, поведал ему обо всём, что произошло с ним. Выслушав его рассказ, вельможа рассмеялся и сказал: «О юноша, радуйся, ибо Господь Всевышний уже уладил твои дела. Тот Махйар, за сына которого выдал тебя судья, это — я. Хоть он и соврал, но эту его ложь я превращу в правду и накажу его так, что все будут поражены». Фазлуллах упал Махйару в ноги и начал благодарить и благословлять его. Махйар взял его с собой в Васит, и они пробыли там десять дней. Уладив свои дела, Махйар вместе с Фазлуллахом отправился в Багдад к халифу. Халиф выслал вельмож ему навстречу, и они с подобающими почестями доставили его в город. Омыв и очистив его тело от дорожной пыли, слуга повёл его к халифу. После того, как Махйар поцеловал руку халифа, приветствовал его, тот сказал ему: «Махйар, я не вызывал тебя, какая же нужда привела тебя сюда?». — «О повелитель правоверных — ответил Махйар, — у меня есть сын, и он, услышав про красоту дочери Муваффака, без моего разрешения приехал сюда, а судья города поступил с ним бесчестно, сыграв с ним злую шутку. Вот я и приехал сюда, чтобы обелить честь своей невестки и показать её всему городу, дабы судья знал, что нельзя так шутить с вельможами». Узнав о поступке судьи, халиф разгневался и сказал Махйару: «Поступай с судьей как хочешь, а Муваффака

ради тебя я прощаю и снова назначаю его городским главой». Выйдя из дворца халифа, Махйар отправился в темницу, освободил оттуда Абулхасана, приказал схватить судью и бросить в темницу. Конфисковав у судьи всё его имущество, Махйар передал его Абулхасану Нахравани и снова направил его в Нахраван начальником крепости. После этого город празднично украсили и в течение семи дней и семи ночей играли свадьбу, посадив Фазлуллаха и дочь Муваффака на престол желания, радости и счастья.

Покончив со всеми торжествами, Махйар снова пошёл к халифу, поклонился ему в ноги и сказал: «О благородный повелитель, я уже стар, и заслуги мои позволяют мне обратиться с просьбой к моему великодушному и благородному господину. Просьба эта такова: освободи меня от моих обязанностей и назначь на мое место моего сына, записав на его имя все мое имущество и мои имения». — «Воля твоя», — ответил халиф и тотчас же велел издать указ о назначении Фазлуллаха правителем Васита и повелел оказать ему такие почести, какие не оказывались ещё ни одному смертному.

После этого Фазлуллах и его жена сели на коней и отправились вместе с Махйаром в Васит. Прибыв туда, Махйар посадил Фазлуллаха на престол, а сам удалился в обитель отшельников и посвятил остаток дней своих молитвам и богослужению.

Фазлуллах правил городом и краем справедливо и пра-восудно, заботясь о простых и знатных подданных одинаково ревностно. Жена родила ему нескольких сыновей, и ещё долгие годы власть оставалась в руках его семьи. И это всё произошло в результате благородного поступка Махйара.

РАССКАЗ О ЖЕНЕ ЗОЛОТЫХ ДЕЛ МАСТЕРА, ЗАКОНОВЕДЕ, МУХТАСИБЕ, СУДЬЕ, ШИХНЕ И ПРАВИТЕЛЕ ГОРОДА

Чудотворные златоусты и мастера красноречия расска-зывают, что в прежние времена жил один золотых дел мастер. Он был необычайно искусен в своем ремесле и

обладал несметными богатствами. Детей у него не было, но зато была прекрасная, как райская гурия, целомудренная и прелестная жена. К несчастью, по соседству от золотых дел мастера жил один наглый законовед-крючкотворец, который тайно питал страсть к жене мастера. Держа свои вожделения в тайне, он постоянно строил планы, как бы овладеть ею. Спустя некоторое время законоведу удалось войти в доверие к соседу и наладить с ним дружеские отношения.

Однажды ювелир пригласил законоведа к себе домой, привел его в уединенную комнату, достал мешочек, положил в него тысячу золотых динаров, запечатал и отдал его законоведу, сказав при этом: «Друг мой, круговорот времён и смена годов и месяцев не отличаются постоянством, им нельзя доверять. У меня в этом мире есть лишь один близкий человек — моя жена. Но я боюсь как бы вдруг времена не изменились и положение мое не пошатнулось. Жена моя молода, и я опасаюсь, как бы она не отвернулась от меня, если вдруг я разорюсь. Поэтому, прошу тебя, возьми эту тысячу динаров и храни у себя, а в случае нужды я возьму их у тебя и воспользуюсь ими». — «Да будет благословенна твоя предусмотрительность, ибо она признак ума и благополучия мужчины», — молвил законовед. Затем он взял мешок с динарами, отнес его домой и, никому ничего не говоря об этом, спрятал в тайнике.

После этого прошло немало времени и по воле про-видения и решению небес случилось так, что ювелир со-старился, удача изменила ему, глаза его потеряли остроту, он не мог больше работать и обеднел. Дело дошло до того, что он, скрепя сердце, позвал жену и сказал ей: «Пойди к нашему соседу-законоведу, передай ему привет от меня и скажи, что мастер просит возвратить тот мешочек, который я передал ему на хранение, ибо мы находимся в сильной нужде».

Женщина встала, накинула на себя покрывало и отпра-вилась в дом законоведа. Увидев соседку, законовед вскочил на ноги, почтительно встретил её и усадил на почетное место. Жена ювелира передала ему поручение мужа.

Выслушав соседку, законовед рассмеялся ей в лицо и воскликнул: «О луноликая с локонами, благоухающими мускусом! Я готов служить тебе, словно тысяча рабов, и мешочек с тысячью динаров находится у меня. Я отдам их тебе и вдобавок дам ещё столько же. Однако, светоч моих очей, знай, что я давно нахожусь в канкане любви к тебе и обожаю твой луноподобный лик. Ювелир уже стар и слеп, а ты молода и в цветущем возрасте. Если ты поладишь со мной и удовлетворишь мою страсть, я отдам тебе две тысячи динаров, припаду к твоим ногам и, пока я жив, буду одним из твоих верных рабов». Сказав это, законовед встал, чтобы обнять розоволикую красавицу, но она отстранилась от него и молвила: «Ты человек ученый, богослов, как же ты можешь приставать к чужой жене и позорить своим грешным поступком целомудренную мусульманку? Разве ты не стыдишься пророка, защитника чести правоверных? Как же ты смеешь покушаться на честь моего почтенного мужа, человека благородного? Ты хочешь, чтобы я покинула преданного друга, чьим хлебом я кормилась, в тот момент, когда он оказался в беде?». Сказав это, женщина встала, собираясь уходить. Увидев такой оборот дела, законовед начал сквернословить и ругаться, говоря: «Кто я и кто твой муж? Откуда этот несчастный мог достать столько динаров, чтобы передать мне их на хранение? И вообще, кто он такой, чтобы я допустил его к себе и ещё согласился быть хранителем его денег?»

Услышав это, женщина расстроилась и, потеряв всякую надежду получить деньги, дрожа от обиды, вернулась домой и рассказала обо всем случившемся мужу. Ювелир велел ей пойти к мухтасибу. «Он мой старый друг, — добавил ювелир, — передай ему, что я в свое время передал соседу тысячу динаров на хранение, а он сейчас отрицает это. Я надеюсь, что мухтасиб поможет мне, сам пожалует к законоведу и заберёт у него моё золото».

Женщина пошла к мухтасибу и передала ему поручение мужа. Заметив её красоту и услышав её приятный голос, мухтасиб захмелел от страсти — соловей его сердца попал в клетку любви к этой розе. «Я готов служить тебе,

как тысяча рабов, — воскликнул мухтасиб, — я отниму золотые динары у этого крючкотворца и вдобавок опозорю его! Однако, госпожа моя, ты молода и прекрасна, а ювелир уже стар и немощен, если ты поладишь со мной я дам тебе сто динаров и ублажу тебя так, как никогда никто не ублажал».

Услышав это гнусное предложение, женщина растеря-лась и начала стыдить его: «Ведь ты мухтасиб, блюститель законов и нравственной чистоты, ты представляешь в нашем городе самого повелителя правоверных. Как же ты можешь зариться на законную жену живого мусульманина? Да если бы ювелир умер сто лет тому назад, я и то не согласилась бы после него положить свою голову на одну подушку с другим мужчиной». Сказав это, она вскочила на ноги, чтобы уйти, а мухтасиб начал всячески поносить её: «О распутница, откуда у твоего мужа-голодранца могло быть столько богатств, что он ещё тысячу динаров пере-дал кому-то на хранение?» Выслушав эти оскорбления, женщина ушла, униженная и расстроенная. Придя домой, она сказала ювелиру: «Мухтасиб говорит, что он не может взять у законоведа золото, которое передано ему в его отсутствие». — «Тогда пойди к судье, — приказал жене ювелир, — между нами издавна существуют добрые отношения, ибо всегда я преданно служил этому господину. Ты скажи ему, что я постоянно молюсь за него, а потом расскажи о моём положении, чтобы он отнял у этого насильника то, что принадлежит мне».

Женщина пошла к судье. Увидев её, он тотчас же ожи-вился — её общество пришлось ему по душе. «Я окажу любую услугу тебе, — воскликнул судья, — возвращу тебе золото как того требует закон, а вдобавок дам ещё двести динаров». Женщина встала и гневно бросила ему слова: «Разве ты не судья мусульман, не страж закона? Разве позволительно тебе вожделеть к жене мусульманина, разве это не осуждается законом?» Услышав эти дерзкие слова от женщины, судья накричал на неё и выгнал её из дома с позором. Женщина вернулась домой и сказала мужу: «Судья не поможет тебе в этом деле». Мастер оцепенел от удивле-

ния и, немного подумав, сказал жене: «Пойди к шгоше, ибо он многим обязан мне, расскажи ему обо всем, быть может, он поможет нам отнять у законоведа наше золото».

Женщина отправилась к шихне и рассказала ему о своем деле. Но шихна тоже позарился на её красоту и захотел овладеть ею. Он сказал: «Я отберу у законоведа твое золото и верну тебе, да ещё сверх этого дам сто ди-наров за то, что, утруждая свои прелестные ножки, ты явилась сюда, если сегодня ночью ты ублажишь меня, благосклонно положив голову рядом с моей на подушку». Женщина ответила ему строгой отповедью. Увидев, какой оборот приняло дело, шихна тоже обругал, обозвал её по-всякому и выгнал из дома, унизив и опозорив.

Женщина вернулась домой и сказала мужу: «В этом деле и шихна нам не помощник». — «Жена, — сказал ей ювелир, — я долгое время работал на правителя нашего города и никогда не подводил его. Пойди к нему, объясни ему наше положение, быть может, он сжалится над нами, сумеет получить наше золото у законоведа и верхгуть нам». Женщина отправилась к правителю города и объяснила ему суть дела. Увидев женщину необыкновенной красоты, правитель тоже не остался равнодушным, в нем взыграла страсть. «Я окажу тебе любую услугу, — воскликнул правитель, — возьму у законоведа золотые динары, добавлю к ним ещё четыреста динаров и все это отдам тебе при условии, что ты утолишь мое желание, тогда ты станешь самой близкой мне женщиной». — «Не дай бог! — вскричала жена ювелира, — чтобы я, пока я жива, бросила мужа и изменила ему!»

Правитель был разгневан этими её словами и страшно накричал на неё. Бедная женщина, дрожа от страха, горюя и плача, вернулась домой. «Муж мой, — молвила она, — ты не надейся на помощь этих людей. Ни один из них не поможет нам». Бедный ювелир поник головой и расстался в душе со своими золотыми динарами.

Отчаявшись получить помощь от должностных лиц, женщина, поразмыслив, решила: «Я буду не я, если не возвращу свои динары сполна и не проучу всех этих него-

дяев!» Она позвала служанок и слуг (а их в доме всего было трое) и сказала им: «Вы позаботьтесь о хозяине, а я буду добывать средства к жизни». Затем она встала, взяла несколько золотых динаров, пошла в мастерскую столяра и заказала большой сундук с четырьмя отделениями, в каждом из которых мог свободно поместиться человек. Притом она попросила столяра сделать так, чтобы эти отделения не сообщались друг с другом, и каждое из них имело отдельную, наглухо закрывающуюся крышку.

Столяр изготовил сундук за два-три дня, жена ювелира наняла носильщика, доставила сундук домой и поставила его в подходящем месте. После этого она принарядилась, надела свои драгоценности — ожерелья и серьги, умастилась благовониями, накинула покрывало и, взяв с собой одну из служанок, направилась в дом законоведа. Заметив её издали, законовед тотчас же выбежал ей навстречу, чинно поклонился и пригласил домой. Жена ювелира, увидев законоведа, приблизилась к нему, игриво приветствовала его и смело открыла свое лицо. Законовед тут же лишился покоя, охваченный страстью. «О душа моя, о самый дорогой для меня человек в мире, — сказала женщина страстно, — знай, когда я ушла от тебя, любовь твоя постепенно проникла в мою душу и я раскаялась в своем дурном обращении с тобой. Я, твоя служанка, пришла извиниться перед тобой и пригласить тебя к себе. Завтра вечером после захода солнца приходи ко мне — своей верной невольнице, чтобы я могла оказать тебе все почести, которые должна оказывать служанка. Пока я жива, я готова предаваться с тобой любовным утехам и наслаж-даться жизнью». Сказав это, она игриво обвила его шею руками, поцеловала его в щеки и бороду. «Все, что есть у меня, — воскликнула она, — принадлежит тебе, и я принесу тебе в жертву всё своё существо».

Воспламенив законоведа страстью, жена ювелира от него направилась в дом мухтасиба. Наилучшим образом выставив свои прелести, она сказала: «О покой моей души, я пришла сообщить тебе, что в тот день, покинув тебя, я раскаялась, ибо моей душой овладела несказанная любовь

к тебе. Кто я такал, чтобы отвергать благосклонность такого человека, как ты? Теперь я пришла попросить тебя пожаловать ко мне завтра утром, чтобы мы могли нежиться в объятиях друг друга до полудня». Сказав это, она крепко обняла мухтасиба и поцеловала его в лоб и лицо. Увидев податливость жены ювелира, мухтасиб тоже попал в ловушку любви.

Покинув дом мухтасиба, женщина отправилась к судье, почтительно поклонилась ему и попросила извинения: «Прости, пожалуйста, меня за мою дерзость в тот раз, — сказала она игриво, — я стыжусь своего поступка, я готова служить тебе всю жизнь. Завтра, когда поднимется солнце, если можешь, пожалуй в дом твоей верной служанки, чтобы я могла услужить тебе». Сказав это, она обняла судью, несколько раз поцеловала и пообещала ему сладкие часы любовных утех.

Затем, покинув дом судьи, она отправилась к шихне. Поздоровавшись с шихной, она неожиданно скинула с себя покрывало и, показав своё прелестное лицо, белый подбородок и пышную грудь, стала соблазнять его. «Государь мой, — сказала она, — с того дня, как я лишилась твоего общества, я не нахожу покоя ни днем, ни ночью. Я от души раскаялась в своем поступке, и, если хочешь, чтобы я искупила свою вину, завтра утром пожалуй в дом твоей преданной служанки». Сказав это, она обвила руками шею шихны и несколько раз поцеловала его «благородную» бороду и «мужественные» усы. Отведав сладость нежных уст красавицы, шихна совсем потерял покой и власть над собой.

После этого жена золотых дел мастера отправилась к правителю города. Явив все свои прелести взорам правителя, она елейным голосом сказала: «О государь, разве ты не слыхал, что женщины появились через левый бок нашего прапрародителя и все, что они делают и говорят, несуразно и нелепо. Я очень, очень сожалею о своем неповиновении и непослушании. Знай, что я глубоко почитаю тебя и готова служить тебе всю жизнь, словно одна из твоих невольниц». Затем она обвила шею правителя

своими белыми, пухлыми руками, чмокнула его в лоб и сказала: «Государь мой, завтра в полдень пожалуй ко мне домой, и я искуплю свою вину перед тобой и доставлю тебе несказанное удовольствие». Услышав эти слова, правитель очень обрадовался, и сердце его попало в сети любви.

Покинув правителя, жена ювелира вернулась домой и начала готовиться к завтрашнему дню. Потом, покончив со всеми делами и уповая на Господа, она легла спать, ожидая наступления утра. Что же касается законоведа, мухтасиба, судьи, шихны и правителя, то они, распалён-ные страстью к красавице, в предвкушении предстоящего удовольствия всю ночь не могли сомкнуть глаз. Они страстно мечтали о любовных утехах с женой ювелира, не подозревая о существовании друг друга. Законовед, боясь проспать, четыре раза ночью вскакивал с постели. Когда же наступил назначенный час, он надел самую красивую одежду, умастил себя благовониями, завязал в платок сто золотых динаров и, положив их в карман, отправился в дом ювелира. Между тем, жена ювелира приготовила четыре вида различных яств и стала дожидаться появления гостей. Законовед постучался в дверь, и ему тотчас же открыли. Глупый крючкотворец с самодовольным видом вошёл в дом, а жена ювелира подбежала к нему и нежно привлекла к себе. Законовед развязал свой узелок и высыпал к её ногам сто динаров. Женщина взяла его за руку и провела в заранее приготовленную комнату. Усадив законоведа, она принесла прохладительные напитки, шербет, фрукты и еду. Покончив с едой, она попросила законоведа снять свою чалму и кабу. «Сними с себя все это, сказала она игриво, — и чувствуй себя свободно, ибо мы сегодня вдоволь насладимся любовью». Законовед снял чалму и джуббу, а женщина, взяв их, и отдав служанке, велела завязать в узелок и хорошенько спрятать. Взяв одежду, служанка собиралась уходить, но хозяйка удержала её и шепнула ей на ухо: «Стой за дверью и прислушивайся, как только я кашляну, постучись в дверь». Служанка вышла. спрятала одежду законоведа и стала ожидать за дверью.

Между тем жена ювелира подошла к законоведу, села рядом с ним и начала развлекать его забавными рассказами. В подходящий момент она кашлянула, и служанка тут же начала громко стучать в дверь. Жена ювелира испуганно вскочила с места и подбежала к двери. «Выходи немедленно, — громко сказала служанка, — пришел твой брат». Женщина, обратившись к законоведу, тихо сказала: «О покой моей души и сердца, подожди здесь, а я пойду, быстренько спроважу брата и тут же вернусь к тебе. Мы до утра будем здесь наслаждаться друг другом. Затем, препроводив полуголого законоведа в одну из комнат и заперев дверь, женщина ушла и вместе со служанкой перетащила сундук поближе к той комнате, где сидел запертый законовед. В это время в дверь снова постучались, и она догадалась, что это явился мухтасиб. Женщина велела открыть дверь. Вошёл мухтасиб, и она устремилась ему навстречу. Она нежно обвила руками его шею и запечатлела на его лице и лбу два-три горячих поцелуя. Мухтасиб воспылал страстью пуще прежнего. Он тотчас высыпал перед ней золотые динары, которые принес с собой, обнял и начал ласкать. Женщина, притворно отвечая на его ласки, посадила его на софу и сказала: «Сними чалму и всю верхнюю одежду, чтобы мы могли чувствовать себя свободнее и удобнее». У его превосходительства мухтасиба была пышная чалма и каба из самой дорогой ткани. Он снял с головы тюрбап и кабу с плеч и передал её хозяйке. Та в свою очередь бережно передала одежду служанке, чтобы та спрятала её в надежном месте. Затем она накрыла на стол, принесла прохладительные напитки и еду. Когда они покончили с завтраком, жена ювелира разобрала постель и сказала: «Мы утолим страсть в объятиях друг друга». Мухтасиб разделся донага и полез в постель в чем мать родила. Сгорая от желания, он оглаживал свою бороду в предвкушении наслаждения. Пока он находился в блаженном ожидании, в дверь постучался судья. «Кто там?» — громко спросила хозяйка у служанки. «Пришел судья, — ответствовала служанка. Женщина испуганно вскочила на ноги, намереваясь выйти из комнаты. Мухтасиб спросил: «Зачем

пришел сюда судья, что могло привести его сюда?» — «Он дружит с моим мужем и пришел навестить его», — ответила хозяйка. «Как же быть?» - спросил мухтасиб. «Залезай в этот сундук и тихо сиди там, — предложила она. — Когда судья уйдет, ты вылезешь оттуда и утолишь все желания своего сердца».

Голый мухтасиб полез в одно из отделений сундука, а жена ювелира опустила за ним крышку и заперла её на замок. Покончив с мухтасибом, она велела открыть дверь. Когда вошел судья, хозяйка подбежала к нему, заключила его в объятия, поцеловала в щеки и обласкала. Судья был очень взволнован такой встречей и тотчас высыпал перед женой ювелира золотые динары, которые он принёс с собой. Женщина быстро накрыла на стол, принесла прохладительные напитки и еду и начала собственноручно кормить судью в знак особой любви и уважения к нему. Покончив с едой, судья воскликнул: «О похитительница моего сердца, я больше не могу терпеть, я так хочу тебя, так жажду тебя». — «Тогда, встань, сними тюрбан и одежду, сложи их и ложись в постель - сейчас мы вдоволь насладимся друг другом», - сказала хозяйка.

Судья тотчас же разделся донага, залез в постель в чем мать родила и стал ждать в предвкушении обещанных наслаждений.

Пока женщина делала вид, что раздевается, показывая свои прелести, раздался стук в дверь. Это был шихна. Натянув на себя одежду, женщина вскочила на ноги. «Зачем пришёл сюда шихна?» — спросил судья. «Он дружен с моим мужем, наверное, пришёл навестить его, — ответила хозяйка. — Ты лучше встань и полезай в сундук, когда он уйдет, ты выйдешь и мы до утра будем предаваться сладким любовным утехам».

От страха перед шихной судья голым полез в сундук, а женщина заперла крышку отделения на замок и вышла. Вошёл шихна, облаченный в златотканую кабу с пышным тюрбаном на голове, с золотым поясом на бедрах. Хозяйка почтительно встретила гостя, поцеловала перед ним землю, затем, заключив его в объятия и крепко поцеловав

в губы, повела в комнату. Увидев такой нежный прием, шихна решил, что женщина очень любит его, и тотчас высыпал перед ней целую кучу золотых динаров. Хозяйка повела его прямо к разобранной постели, и он решил, что женщина так жаждала свидания с ним, что заранее уже приготовила постель.

«О господин мой, — сказала хозяйка, — сними одежду, обувь и тюрбан и ложись в постель, чтобы, не мешкая долго, утолить нашу любовную жажду и насладиться вдоволь». Шихна скинул с себя одежду, полез в постель и приготовился встретить объятиями свою возлюбленную. В это время раздался стук в дверь. «Кто там?» — спросила хозяйка. «К нам пожаловал его превосходительство правитель города», — ответила служанка. Тут надо сказать, что шихна и правитель города давно враждовали между собой и в присутствии царя постоянно поносили друг друга. Услышав голос правителя, шихна в страхе и растерянности вскочил с постели, думая, что тот пришёл сюда, чтобы прикончить его. «Как выбраться мне отсюда, как мне быть?» — вопрошал он женщину, дрожа от страха. «Спрячься в этом сундуке», — предложила она. Бедный шихна полез в сундук в чём мать родила, а хозяйка, опустив крышку отделения, заперла её на замок и вышла встречать нового гостя.

Вошёл правитель, облаченный в великолепную кабу, подаренную ему на днях самим шахом. Он был надушен и умащен благовониями. Увидев гостя, жена ювелира побежала к нему навстречу, поцеловала почтительно перед ним землю, затем обвила его шею руками и поцеловала его в щеки и в губы. Правитель, страстно сжав её в объятиях, высыпал ей на голову золотые динары. Взяв его за руку, женщина повела его за собой. Она принесла вина, а когда он выпил вдоволь, сняла с него кабу, тюрбан, обувь, словом, всю одежду и уложила в постель. Правитель сгорал от нетерпения, а женщина, свернув его одежду и отложив её в сторону, сделала вид, что раздевается. Показывая свои прелести, она возбуждала страсть правителя своей медли-тельностью. В это время раздался стук в дверь, и женщина,

вскочив на ноги, спросила: «Кто ещё там?». — «Пришел твой брат и спрашивает тебя», — раздался голос служанки за дверью. «Господин мой, — сказала женщина правителю, — пришёл брат и, увидев нас в таком виде, он свернет нам обоим шеи». — «Что я должен делать, куда укрыться?» — спросил правитель. «Спрячься на время в этом сундуке и подожди, пока уйдет брат, — ответила она. — Я провожу его, а потом ты выйдешь из сундука, и мы насладимся в объятиях друг друга. До утра ты вкусишь таких наслаждений, каких тебе не доводилось испытать».

Правитель тоже полез в сундук, и женщина крепко заперла его там. После этого она пошла в комнату, где томился законовед, поцеловала перед ним землю и изви-нилась. «О светоч моих очей, — сказала она нежно, — о соловей сада моей души, я буду служить тебе до конца своей жизни, прости меня за то, что я заставила тебя ждать, виноват в этом мой брат, который только что ушёл. Теперь я душой и телом готова ублажать тебя. Мы с тобой до утра будем наслаждаться и предаваться любовным ласкам». Сказав это, она взяла его за руку и привела в комнату, за дверью которой стоял сундук. Она усадила его на постель. Как видишь, я уже приготовила для нас постель, сейчас мы возляжем, обнимем друг друга и возьмем от жизни все, что можно взять».

Законовед привлёк её к себе и крепко обнял. «О свет моих очей, о плод моего сердца, — молвила женщина проникновенно, — прежде, чем я удовлетворю твоё желание, ты удовлетвори мою просьбу». — «Какая у тебя просьба?» — спросил законовед. «Ты обещал возвратить мне тысячу динаров, переданных тебе моим мужем на хранение, да ещё добавить к ним столько же, — сказала жена ювелира.— Принёс ты эти динары?» Законовед сгорал от огня вожделения и страстно хотел овладеть этой прекрасной женщиной. «Я никогда не стану отрицать того, что обещал тебе, — сказал законовед, — и к тысяче динаров твоего мужа добавлю ещё тысячу. Так и считай, что я, должен тебе две тысячи динаров». — «Господин мой, — молвила хозяйка, — я женщина беспомощная, глупая, а ты умный и знающий

мужчина. Удовлетворив свое желание со мной, ты нате-шишься, а я потеряю уважение к себе. Лучше заранее отдай эти две тысячи динаров или дай клятву перед Господом Всевышним и Его посланником, перед этими стенами, софой и сундуком, который все слышит, что ты отдашь мне мои две тысячи динаров, и тогда я удовлетворю твое желание». Законовед поклялся. В этот момент судья, мухта-сиб, шихна и правитель города в сундуке подумали про себя: «Тысячу раз браво тебе, ай да умница, как ловко ты заставила законоведа при свидетелях признать свой долг!».— «О свет моих очей, — сказала она законоведу, — пойди в постель, а я запру дверь на засов и приду к тебе». Законовед встал и лег в постель в чем мать родила, а хозяйка вышла и сказала служанкам, слуге и всем соседям, что к ним домой проник вор. «Я сейчас пойду и запру его, — сказала она, — но когда я закричу, все вы бегите на помощь, и, может быть, нам удастся поймать его». Затем она пошла и сказала законоведу: «О душа моя, о покой моего сердца, я боюсь что кто-то из моих недоброжелателей проник в наш дом и следит за нами. Встань, перейдем в ту комнату, где мы были раньше». Законовед встал, а женщина связала в узел постельное белье и, водрузив этот узел на голову законоведа, сказала ему: «Ты иди вперёд, а я пойду за тобой. Мы пойдем в ту комнату, постелем белье, а там забудем о горестях и предадимся любовным утехам». Сама же она незаметно шепнула служанке: «Когда мы пойдем, вы сразу выбегайте в коридор, бейте законоведа кулаками, пинайте его и кричите: «Вор! У нас в доме вор!». Законовед вышел из комнаты в коридор и, крадучись, с узлом белья на голове, направился вперёд. Тут служанки и слуга выскочили из комнат и завопили: «Вор, у нас в доме вор!». Услышав эти крики, соседи тоже вбежали в дом и кулаками, палками и ногами стали бить законоведа и так избили, что он потерял сознание. Сама жена ювелира, вцепившись в законоведа и крича «Вор, вор!» — яростно награждала его тумаками. Немного успокоившись, соседи увидели перед собой голого и босого мужчину с наполовину выдранными бородой и усами. Перестав бить и пинать

его, они вытащили законоведа на улицу. Собралась толпа. Один из прохожих узнал законоведа, и люди спасли его от дальнейшего избиения. Жена ювелира кричала: «Он украл у меня две тысячи динаров!». Глядя на голого законоведа, люди недоумевали: «Куда он мог деть эти украденные динары? У него же кроме нижнего белья ничего нет. Женщина, наверное, говорит неправду».

Но жена ювелира продолжала кричать и направилась прямо к дворцу царя. На площади перед дворцом она продолжала кричать «Законовед украл у меня две тысячи динаров, он не хочет возвратить их!». Услышав крики женщины, царь сказал ей: «Иди к судье». — «Судьи нет дома», — ответила она. «Тогда пойди к мухтасибу», — велел царь. «Мухтасиба тоже нет дома», — ответила она. «Тогда пойди к шихне», — молвил царь. Шихна тоже отсутствует», — ответила женщина. Царь гневно сказал: «Ну хватит, ступай тогда к самому правителю города». — «Правителя города тоже нет на месте», — ответила женщина. Царь окончательно вышел из себя и велел своим стражникам доставить к нему законоведа. Стражники отправились за законоведом, а он в это время, сгорая от стыда и позора, пытался тайком покинуть город и направлялся в пустыню. Встречные знакомые удивлялись его виду и спрашивали: «Что с тобой, почтенный законовед?» Он отвечал: «Вчера я был в гостях, а когда возвращался домой, на меня напали воры, сняли с меня всю одежду обувь и чалму и скрылись, избив меня до полусмерти». — Когда стражники привели законоведа к царю, тот сказал ему: «Отдай две тысячи динаров этой женщине!» Законовед начал отнекиваться. «А у тебя есть, — обратился шах к женщине, — свидетели, что он отобрал у тебя эти деньга? » — «Да, есть, — ответила женщина. — Если ты велишь, о шах,

чтобы дали мне повозку, я сейчас же привезу сюда свидетелей». — «Что это за свидетели, которых можно доставить сюда только на повозке?» — спросил удивленный царь. «Да, — подтвердила женщина, — моих свидетелей можно привезти сюда только на повозке». «Прошу вас, дайте ей повозку, — сказал царь своим людям, — посмотрим каких свидетелей привезёт она!».

Тут же дали ей повозку, она поехала домой, погрузила на повозку сундук и привезла его на площадь перед дворцом. Издали шах увидел большой сундук, который везли на повозке к дворцу. «Какие претензии у тебя к законоведу? — спросил шах у женщины, когда сундук доставили, -повтори их ещё раз и пусть все услышат об этом», — «Я утверждаю, — ответила женщина, — что законовед должен мне две тысячи золотых динаров». — «Правда ли это?» — спросил царь у законоведа. «Нет, неправда», — ответил тот. «Есть ли у тебя свидетели?» — спросил шах, у женщины, «Есть! — ответила она. — Мой свидетель — вот этот сундук, и в городе не найдется более правдивого и честного свидетеля, чем он». Но «свидетель» безмолвствовал. Оглядев вельмож, садовников и эмиров, шах гневно воскликнул: «О безумная, разве сундук может говорить и давать свидетельства?» Женщина в ответ поцеловала землю перед царем и громко сказала: «Этот сундук — мой свидетель, он принадлежит мне. Вели, государь мой, принести сюда дрова, я подожгу его, и если он заговорит и даст свидетельство в мою пользу, ты накажешь этого безбожника и вероотступника, и он возвратит мне золото, если же он не заговорит, а просто сгорит, тогда я отказываюсь от золота». — «В том, что она говорит, есть смысл, — сказал шах. — Сделайте так, как она хочет». Тотчас же слуги принесли дрова и развели огонь вокруг сундука. Когда пламя охватило сундук, и он нагрелся, оттуда раздались пронзительные крики: «Мы свидетельствуем о том, что законовед должен этой женщине!» Шах и его приближенные были поражены. Шах тотчас велел открыть сундук, и оттуда вышли мухтасиб, судья, шихна и правитель города. Все они были голые и босые, в чем мать родила. Выскочив из сундука в таком виде, они, словно злые духи, хотели бежать и скрыться с глаз. Царь и вся его свита были поражены. Подозвав к себе женщину, царь попросил её объяснить, что все это значит, и она подробно, без утайки рассказала о том, как было дело. Царь и его приближённые восхитились целомудрием и находчивостью женщины и тем, как ловко она сумела возвратить своё золото. Царь велел заключить законоведа в

темницу, взыскав с него три тысячи золотых динаров — две тысячи для жены ювелира и тысячу в свою пользу. Затем по его приказу судья посадил мухтасиба на осла и избил его до полусмерти, затем шихну заставили выдрать бороду судье, правителю города велели наказать шихну, а его самого повесили. Сняв с позором всех с высоких должностей, царь велел конфисковать их имущество и богато одарил жену ювелира. После этого царь постоянно приглашал её к себе, и каждый раз просил рассказать о своем приключении с «блюстителями законов». Постепенно она сделалась приближенной шаха и жила в благоденствии со своим мужем.

РАССКАЗ О ПЛОТНИКЕ И ТКАЧЕ

Сказители сказаний и открыватели тайн рассказывают, что в городе **Нишапуре** жили два искусных мастера, один из них был плотником, а другой ткачом. По воле божественного провидения случилось так, что они оба, не ведая друг о друге, влюбились в одну и ту же женщину. Женщина эта была необычайно красива собой и приятна в общении. Она была более благосклонна к плотнику, но ткач оказался более смелым и настойчивым. Один раз, приставив нож ей к горлу, он с помощью угроз заставил её покориться, и она с тех пор волей-неволей стала дарить ему свои ласки.

Спустя некоторое время ткач изготовил изяпцюе платье, не использовав при этом ни ножниц, ни иглы, ни ниток. Это платье показывали всем портным и ткачам Нишапура, но никто не смог изготовить второе, подобное ему. Увидев это платье, плотник тоже восхитился — он был поражен искусством мастера. Ткач преподнес платье своей возлюбленной. Узнав об этом, плотник понял, что ткач тоже влюблен в неё. Из ревности он начал скандалить, поносить её и высказывать вражду к ней. Но женщина, несмотря на это, все больше привязывалась к плотнику, и однажды, встретившись с ним в укромном месте, сказала ему: «Верь, что один твой волосок для меня дороже головы ткача, но я просто боюсь его, и волей-неволей

должна ладить с ним». — «Если ты не питаешь склонности к нему, — сказал плотник, — я спасу тебя от его домогательств и уготовлю ему гибель». — «Если хочешь, — предложила женщина, — я сегодня же ночью напою его вином и погублю». — «Если ты любишь меня и так хочешь, — ответил плотник, — то я запрячу его в такую даль, на край света, что никто не сможет найти и его следа» — «Да, хочу», — ответила женщина.

Плотник встал, отправился к ткачу и сказал ему: «Бра-тец, ты изготовил необыкновенное платье и своим чудес-ным искусством заставил покраснеть всех ткачей города. Теперь я хочу тоже показать свое искусство и опозорить всех плотников нашего города». — «Желаю тебе успехов, — сказал ткач, — если чем-нибудь могу быть полезным, то я к твоим услугам». — «Да, ты можешь помочь мне, — молвил плотник, — и я обращусь к тебе в свое время».

Затем он ушёл, напилил дома много досок, и, пустив в дело все своё волшебное искусство, изготовил крылатый сундук. Закончив его, он пошёл к ткачу и сказал: «Я тоже изготовил чудо столярного мастерства, подобного которому никто никогда не создавал. Окажи мне братскую услугу— пойди со мной в поле, чтобы испытать мой волшебный сундук, проверить его достоинства и недостатки, а затем я покажу его всем мастерам — плотникам и столярам и прославлюсь, подобно тебе». «Я готов», — ответил ткач. Взвалив на спину сундук и взяв нужные инструменты, плотник вместе с ткачом отправились за город. В двух-трёх фарсангах от Нишапура находилось обширное поле. Плотник поставил сундук на лужайку и сказал ткачу: «Сними одежду и полезай в сундук, мы с тобой проверим его недостатки и достоинства». Ткач снял с себя всю одежду и полез в сундук. Плотник открыл какой-то механизм и вставил туда винт. Показав этот винт ткачу, он сказал ему: «Правой рукой нажимай что есть силы на этот винт». Ткач нажал на винт, и сундук пришел в движение, приподнялся с места. Ткач ещё сильней нажал на винт, и сундук, словно птица, взлетел в воздух. Чем сильней ткач нажимал на винт, тем выше поднимался сундук. Когда ткач взглянул

вниз через одно из окошек сундука, то земля предстала перед ним как удивительная картина. Он видел сверху моря и леса, цветущие города и пришедшие в запустение местности. «О негодный плотник, — воскликнул он, — как ты провёл меня, бросив в пучину опасностей и бедствий! Страх овладел им так, что у него чуть не лопнул желчный пузырь. Чем сильней он нажимал правой рукой на винт, тем выше поднимался сундук. От страха ткач растерялся и в отчаянии пытался повернуть коварный винт так, чтобы прекратить безостановочный подъем сундука. Он дергал винт влево и вправо, вверх и вниз изо всех сил, но все было тщетно — сундук продолжал подниматься все выше и выше, так что по прошествии некоторого времени он залетел совсем высоко и потерявший голову ткач с трудом уже еле мог различать внизу очертания лесов, городов и рек. Тогда он попробовал нажать на винт левой рукой, и сундук постепенно начал снижаться, пока, наконец, не опустился на землю в каком-то лесу. Обрадованный ткач вылез из сундука, и, осмотревшись, понял, что он находится на берегу Оманского залива. Он сразу сообразил где очутился, потому что вдоль горизонта всюду простиралось море. Бродя по берегу, он обнаружил много плодовых деревьев и начал есть фрукты, как вдруг заметил трех мужчин на поляне. Он подошел к ним и поздоровался. Ответив на его приветствие, они спросили его: «Кто ты и откуда, каким образом ты очутился здесь?» — «Я — чужестранец, — ответил он, — заблудился в дороге. Покажите мне путь в город». Мужчины показали ему дорогу в город, где находился дворец царя. Но ткач про себя решил по-другому. «Лучше я пойду в лес, — подумал он, — сяду в сундук, ибо теперь умею обращаться с винтом и управлять полетом. Я вылечу из леса, ибо если оставить волшебный сундук там, его могут испортить дикие звери». Решив так, он сел обратно в сундук, закрутил винт и взлетел.

Через некоторое время он заметил внизу цветущий город. Закрутив винт в обратную сторону, он опустился на землю в одном фарсанге от какого-то дворца. Ткач вылез из сундука и увидел неподалеку высокую стену с желез-

ной китайской дверью. Он направился туда и по дороге спросил у встречного мужчины: «Чей это дворец?» Отве-тив на его приветствие, мужчина сказал: «Это дворец царя Омана, а ты разве чужестранец, что не знаешь этого?» — «Да, я чужестранец, — ответил ткач. — У меня был брат, которого я потерял, и теперь я скитаюсь по миру в его поисках». — «Этот дворец построен царем для его дочери, — объяснил мужчина. — С тех пор, как она появилась на свет, её лица никто не видел. Царь приставил к ней кормилицу и служанок, сам он приезжает сюда раз в неделю и, повидавшись с дочерью, снова уезжает».

Услышав это, ткач вернулся к сундуку и стал дожидаться наступления темноты. Когда настала глубокая ночь и люди заснули, ткач сел в свой сундук, закрутил винт, взлетел и опустился на кровле дворца. Он пробрался оттуда в спальню царевны и лег к ней в постель. Прижав её к груди. он начал целовать её сахарные уста. Девушка проснулась и, увидев себя в объятиях какого-то мужчины, закричала. От крика девушки проснулась кормилица, принесла свечу и, увидев нагого мужчину, спросила: «Кто ты такой?». — «Я — доверенный архангел Господа всех миров Джабраил. Ангелы на седьмом небесном своде, заключив брачный союз, выдали эту девушку за меня и отправили меня сюда в качестве жениха».

Девушка и кормилица поверили его словам, ибо никто иначе как по воздуху не мог проникнуть в этот дворец, ворота которого всегда на запоре и вокруг которого не осмеливаются летать даже птицы. «Если бы он не был доверенным архангелом и духом, — думала кормилица, — как мог он, нагой и босой, спуститься с неба на крышу и прийти сюда?» «Дочь моя, — воскликнула радостно кормилица, — я поздравляю тебя с тем, что Господь Всевышний удостоил тебя стать женою Джабраила. Всем нам, а особенно твоему отцу, надо благодарить небеса за это благодеяние». После этого девушка предоставила себя и все свои прелести в распоряжение ткача, а он был мастером своего дела и, не поленившись, своим ключом нежно открыл замок на сокровищнице девушки и проник в ларец луноликой.

«Слава Всевышнему, — подумал он, — если бы плотник из-за той потаскухи не завлек меня в свою ловушку, то на мою долю не досталась бы эта гуриеподобная красавица-девственница. Поистине Господь великодушный не закроет одну дверь счастья, пока не откроет сто других».

Ткач Джабраил до встречи с девушкой несколько дней не видел женщины, и поэтому за одну ночь раз двенадцать ублажал девушку и притом так страстно, что та была по-ражена его мужской силой и влюбилась в него.

Случайно в это время у отца девушки оказались какие-то важные дела, и он почти сорок дней не приезжал к дочери. Каждый день после наступления вечера ткач спускался во дворец и покидал его лишь утром. За это время девушка забеременела. Наконец, отец девушки закончил свои дела и решил навестить свою дочь. Он увидел, что все замки и засовы в порядке, все семь дверей крепко заперты. Когда же он хотел пройти в покои дочери, ему сказали, что ей нездоровится. «Что с ней?» — спросил он. Кормилица радостно ответила: «Приятная весть, о государь! Доверенный архангел Джабраил избран на небесах твоим зятем. Он проводит каждую ночь до утра здесь во дворце и уходит лишь поздно утром».

Шах был изумлён этим известием. «Что за небылица?» — подумал он. Обескураженный, он обошёл вокруг дворца, поднялся на крышу, осмотрел оттуда все, но не обнаружил в стенах дворца ни одной щели. Он не знал, что и думать. «Кто может проникнуть в эту неприступную крепость? — недоумевал он. — Останусь-ка я сегодня здесь и посмотрю». Ночью он остался во дворце, а когда наступила ночь, поставил перед собой свечу, обнажил острый меч и стал ждать. В полночь ткач спустился, как обычно, на крышу дворца. До слуха царя донеслись скрип и какие-то звуки.

Он прислушался к этим звукам и явственно различил шум спустившегося на крышу сундука. Шах вскочил с места, но голова у него закружилась, в глазах замелькали искры, словно его ударила молния, и он потерял сознание. Когда шах пришёл в себя и открыл глаза, то он увидел, что у изголовья дочери стоит нагой мужчина, опоясанный

белым полотенцем. Разглядев его, шах воскликнул: «Мы веруем тебе и преклоняемся перед тобой, привет тебе и благословение Господа, о дух избранный, о доверенный архангел, о добрый вестник Всевышнего, о павлин среди ангелов!» Сказав это, шах припал к руке ткача и просле-зился. Девушка обратилась к мужу и сказала: «О Джабраил, это мой отец». Джабраил провел своей «благословенной» рукой но голове шаха и поцеловал его. Шах распростёрся перед ним ниц и воскликнул: «Кто я такой, что удостоился высокой чести стать свёкром самого архангела Джабра-ила?!» Сказав это, он спустился в свои покои и лег спать.

Ткач Джабраил тем временем привлек к себе девушку и начал ублажать её со всей страстью и силой молодости. Когда наступило утро, он оставил спящую девушку, а сам поднялся на крышу дворца, сел в сундук, завёл винт и полетел в лес. Проснувшись, девушка спустилась вниз к шаху и разбудила его. Шах поднялся на крышу и стал смотреть на небо. Каждое утро перед восходом солнца звезды обычно по две, по три меркнут и исчезают. Случайно в то время, когда шах смотрел на небо, три-четыре звезды одновременно потухли. Шаху же показалось, что это открыли ворота небес, чтобы Джабраил мог войти в небесный свод. Он тотчас пал ниц, помолился Творцу и окончательно уверовал в то, что Джабраил — его зять.

Затем он спустился и строго-настрого наказал дочери: «Будь прилежной и послушной, служи Джабраилу, чтобы он был доволен. Я же поеду в город и приготовлю все необходимое для свадьбы, а также закажу хорошую одежду для Джабраила и пришлю сюда». — «Сегодня ровно сорок дней как он приходит к нам, — сказала царевна, — но до сих пор он даже не пил воды здесь у нас».

Шах в тот же день прислал несколько роскошных на-боров одежд для Джабраила и много сокровищ и яств. Затем он крепко запер все двери дворца на замки и уехал в город. Когда наступила ночь, ткач в своем сундуке вновь прилетел ко дворцу шаха Омана, снизился над городом и, пролетая мимо дворца, стал заглядывать в окна. Вдруг в одной из комнат он заметил шаха в окружении его визи-

рей и приближённых. Шах как раз рассказывал им о Джаб-раиле. Услышав это, «Джабраил» остановил свой сундук на уровне окна и стал подслушивать.

В окружении шаха был один умный, много повидавший визирь. Он засомневался в правдоподобии случивше-гося. «Государь мой, — молвил визирь — то, что рассказал ты, невероятно. Не поддавайся обману. Возможно, какой-то человек с помощью колдовства или волшебных чар проник во дворец в обличье Джабраила, чтобы опозорить тебя и обесчестить царевну».

Шах был ошеломлён словами визиря. «Что ты мелешь вздор! — закричал он, — если бы я не видел это сам собственными глазами, то тоже не поверил бы. Когда он явился, я глядел в оба. Все двери были закрыты на замки, в крепость со стороны никто не мог проникнуть, он спустился с неба». Однако чем настойчивей царь доказывал, тем упрямей визирь отрицал правдоподобие его утверждений. Услышав это, ткач спустился в сундуке на землю, набрал камней и, положив их в сундук, вновь поднялся к окну. Затем он начал швырять эти камни в визиря, и некоторые из них угодили ему в голову и разбили лицо. Шах, приближённые и визири подумали сначала, что дом рушится, и попрятались в разных углах. Когда же град камней прекратился, израненного визиря унесли. Шах воскликнул: «Теперь вы убедились в чудесной силе Джабраила?» Все были потрясены случившимся и, обуянные страхом, разошлись по домам.

Тем временем ткач в своем сундуке полетел к дворцу царевны, опустился на крышу и пошёл к своей возлюбленной. «Твой отец рассказывал обо мне визирям и приближённым, — сообщил он девушке, — но один из визирей начал возражать и сомневаться. Господь Всевышний разгневался и приказал ангелу смерти Азраилу умертвить их всех. Ради тестя я заступился перед Господом за них. Если бы я не отстоял их, то всех постигла бы тяжкая кара». Затем ткач подробно рассказал девушке о том, что случилось во дворце. Девушка была потрясена всем услышанным и стала искать утешения в объятиях ткача.

Когда наступило утро, «Джабраил» улетел, а отец девушки велел всем визирям и приближенным собраться около дворца царевны. Когда все собрались, шах сказал: «Встаньте, поедем к царевне, попросим прощения за свое кощунство у Джабраила и постараемся умилостивить его». Посадив раненого визиря на коня, все во главе с царем отправились ко дворцу царевны. Прибыв ко дворцу, все выстроились в ряд, и царь показал им замки на дверях. «Смотрите, — сказал он окружающим, — смотрите хорошенько. Видите, снаружи, во дворец не может проникнуть даже птица». Все тщательно осмотрели замки на дверях, они были целы и нетронуты. Тогда шах вынул из кармана ключи, открыл замки на семи дверях и провёл всех во дворец.

Увидев отца, царевна поцеловала землю перед ним, облобызала его руки и сказала: «Отец, я должна кое-что сообщить тебе». — «Рассказывай» — сказал царь. Тогда царевна поведала ему обо всем, что сообщил ей «Джабра-ил», то есть о том, как Азраил хотел уничтожить шахский дворец со всеми, кто там был, и как Джабраил ради шаха-тестя заступился за него и спас его и его дворец.

«Отец мой, — добавила она в конце, — Джабраил просил передать тебе, чтобы ты о нем больше никому не рассказывал. Берегись, отец, тысячу раз берегись, больше никому об этом не говори, если дорожишь своей жизнью». Услышав рассказ царевны, царь и окружающие оцепенели от ужаса и единогласно согласились: «Все происшедшее — сущая правда, и нет никакого сомнения, что Джабраил — зять шаха». Все склонили головы до земли перед царевной и попросили её заступиться за них перед Джабраилом, чтобы он к ним был милостив. Однако раненый визирь про себя думал иначе: «Если даже Господь Всевышний накажет меня за мою дерзость и низвергнет в ад, — говорил он себе, — все равно я не поверю в то, что архангел Джабраил может иметь дело с женщиной. Эта потаскуха, наверное, предается любовным утехам с каким-нибудь плотником или ткачом, который выдает себя за Джабраила».

После этого приближенные царя возвратились в город, а шах остался во дворце. Побыв немного там, он тоже

уехал в город. Каждый день он посылал богатые дары для дочери и Джабраила и просил извинить, если что не так. Что же касается «Джабраила», то он каждую ночь являлся во дворец, прижимал к сердцу прелестную царевну, всю ночь миловался с ней, а под утро уходил. Дни свои ткач проводил в лесу, а ночами вновь являлся во дворец. Целыми днями он вкушал изысканные яства, ибо перед тем, как покинуть дворец, каждое утро наполнял свой сундук различными вкусными кушаньями, говоря, что он будет кормить ими джишюв, хотя джинны, как известно, не питаются пищей, которую едят люди.

Так прошло некоторое время, и через девять месяцев царевна разрешилась от бремени. Она родила мальчика, прекрасного, как месяц, и шах, поздравляя дочь, объявил мальчика царевичем и своим наследником.

В это же время один из соседних шахов прислал сватов просить руки царевны. Им ответили, что у царевны уже есть великий жених — сам Джабраил. Узнав об этом, соседний шах решил, что над ним издеваются. Он собрал войско и пошёл войной на тестя Джабраила. Огромная армия подошла к столице царя Омана и окружила её плотным кольцом. Шах не мог противостоять врагу и, оказавшись в безвыходном положении, отправился к дочери. Рассказав ей о страшном бедствии, постигшем его, шах молвил: «Дочь моя, расскажи об этом Джабраилу и попроси его спасти меня, ибо, если он не поможет мне, мы лишимся всего — дворцов, богатств и имений. Объясни ему, что соседний шах ополчился против меня именно из-за него».

Царевна ночью сообщила о просьбе отца Джабраилу. «Потерпи одну ночь, — сказал ей Джабраил, — я доложу обо всем Господу Всевышнему, и он ниспошлет на врагов страшную кару». Подождав до наступления дня в объятиях царевны, ткач утром сел в свой сундук, завёл пружину и улетел в лес. Весь день он собирал в окрестностях камни и складывал в сундук. Когда сундук был наполнен камнями, он начал ждать наступления вечера. Едва наступила ночь, он завел механизм, поднялся в воздух и полетел к лагерю вражеского царя. Повиснув над ним, он начал сыпать кам-

ни прямо на шахский шатёр. Проснувшись, испуганное войско и шах увидели, что с неба падают камни, которые сыплются на их головы, словно град. Они решили, что небо рушится, и пустились наутёк в разные стороны. Случайно один из камней угодил в шаха и разбил ему голому. Увидев это, войско в страхе разбежалось.

Когда наступил день, шах Омана с его армией погнались за убегающими войсками противника и рубили головы всем, кого сумели настигнуть. Джабраил летел в своём сундуке за войском противника и кидал в них сверху камни. Одержав полную победу над вражеским войском, царь Омана возблагодарил Джабраила за его помощь, а затем с добычей и трофеями направился во дворец дочери. Он попросил дочь возблагодарить Джабраила, выразить ему свою искреннюю признательность, а затем уехал в город. Возвратившись ночью во дворец, Джабраил велел царевне приготовить жареную курицу, печёности и другие яства. «Я отдам все эти яства зверям и птицам в благодарность Всевышнему за его помощь», — сказал ткач царевне. Девушка приготовила всё, что было велено, и Джабраил, утром, взяв еду, сел в сундук, завёл пружину, поднялся в воздух и полетел в лес. Опустившись там на поляне, ткач начал есть. Он поедал яства и спал, словно бык, весь день, а вечером полетел обратно во дворец и всю ночь страстно обнимал красавицу. При этом он ничего не ел, делая вид, что чувство голода чуждо ему.

Тем временем соседний царь, враг тестя Джабраила, после бегства постепенно пришёл в себя, хотя и продолжал удивляться, как это случилось, что он потерпел поражение. И хотя слава о Джабраиле распространилась повсюду, шах все-таки не успокоился. Наоборот, жажда мести овладела всем его существом. Открыв двери своих сокровищниц, он роздал много добра, собрал своих спасшихся от гибели воинов, набрал много новых ратников и снова повёл бесчисленные войска против шаха Омана.

В какую бы провинцию он ни вступал, он безжалостно грабил её и уничтожал жителей. Когда весть об этом дошла до тестя Джабраила, он снова обратился к дочери за помощью. Вечером царевна опять бросилась к ногам

Джабраила. Выслушав её, Джабраил снова молвил: «Потерпи немного, я доложу об этом Господу Всевышнему, и он поможет тебе».

Утром он полетел в лес, а оттуда пешком отправился в город. Там он купил немного белой нефти и целую кучу хлопка. Затем он собрал за городом много конских копыт и всё это отнёс в лес. Потом он, вложив в конские копыта вату и обмазав их нефтью, положил всё это в сундук. Эти заполненные ватой комья должны были загораться от малейшей искры. Ночью он сел в сундук, завёл механизм, поднялся в воздух и, полетев к ставке враждебного шаха, повис над его лагерем. Вытащив наполненные ватой и обмазанные нефтью конские копыта, он стал поджигать их и метать, словно молнии, в войско противника. В мгновение ока огонь охватил палатки, и они тотчас сгорели. К тому же часть войска была пьяной, часть бодрствовала, а другая часть спала.

Увидев огненный дождь, — а горящие комья падали вниз хлопьями, наподобие горящих капель дождя, — воины задрожали от страха и пустились бежать. Шах Омана погнался со своими ратниками за убегающим войском противника и, настигнув шаха, убил его. Все его сторонники были уничтожены и рассеяны, и шах Омана захватил много добычи. Затем он в окружении своего войска победоносно возвратился в столицу. Слава о Джабраиле распространилась по всему миру, и ни одна живая душа уже не осмеливалась усомниться в его божественном происхождении. Царь Омана умножил своё могущество, ратники и войско стекались к нему со всех сторон и верно служили ему.

Тем временем по воле Господа Всевышнего случилось так, что одно из тлеющих копыт осталось в сундуке, а про него Джабраил забыл, ибо, кончив метать молнии, он сразу отправился во дворец и на радостях всю ночь до утра предавался с царицей любовным утехам, как бы справляя победу над врагом. Утром он опять сел в волшебный сундук и полетел в лес. Затем, оставив сундук в лесу, Джабраил отправился гулять на лужайку. Когда же вечером он вернулся, то увидел, что его сундук сгорел дотла. Увидев это,

Джабраил застонал от горя. «Кончились деяния Джабраи-ла, Джабраил ушел в отставку!» — в отчаянии воскликнул он. — Что же мне делать, как быть?» Так, горюя, он направился пешком в Оман, не зная, что предпринять. Случайно на одной из улиц он заметил ткацкую мастерскую. «О, — воскликнул он, — не зря мудрецы давным-давно изрекли:

Когда тебя настигнет десница неудач,
Начни свой труд сначала, о горестях не плачь!

Лучше всего мне, пожалуй, вернуться к старому ремес-лу, заняться привычным делом, чтобы добывать себе хлеб насущный. А потом посмотрим, какие ещё сюрпризы преподнесет нам судьба. Порешив на этом, он зашёл к мастеру, поздоровался и сказал: «Я — чужестранец, и я хорошо знаю ткацкое ремесло, если ты согласен, то я стану работать у тебя. Я согласен на самую низкую плату». — «Во имя Аллаха да будет так, иди и приступай к работе», — ответил мастер. Джабраил вошёл в мастерскую, разделся до пояса и начал ткать. Тоскуя о царевне, он ткал, проливая слёзы, сгорая от страсти к любимой.

Что же касается царевны, то она всю ночь ждала Джаб-раила, но так и не дождалась. Прошёл день, прошла неделя, прошёл месяц, но Джабраил не возвращался. Царевна страшно горевала и, наконец, сообщила о случившемся своему отцу.

«Может быть, ты совершила какой-нибудь проступок, и Джабраил, обидевшись, перестал посещать тебя?» — спросил шах. «Нет, я ничего такого не совершала, что могло бы обидеть Джабраила», - ответила царевна. Тогда шах Омана начал раздавать милостыню направо и налево и заниматься благотворительностью. Он раздал бедным дервишам много добра, чтобы умилостивить этим судьбу. Царевна же от тоски и одиночества, в конце концов, покинула свой дворец и переехала в город к отцу.

Слухи об исчезновении Джабраила быстро распро-странились и дошли до соседних правителей. Враги шаха объединились и восстали против него. Один из родствен-

ников убитого шахом царя собрал войско и двинулся на столицу Омана. Шах, беспокоясь за судьбу дочери, велел ей вернуться в свой дворец. Случайно дорога царевны проходила через улицу, на которой находилась ткацкая мастерская. Услышав крики стражников, сопровождавших свиту царевны, ткач Джабраил вышел из своей лавки и стоял в стороне, наблюдая за процессией. Царевна случайно заметила Джабраила в толпе и узнала его. Она тут же послала двух-трёх стражников, слугу и коня, приказав им доставить ткача во дворец, а сама тотчас вернулась к отцу и сообщила ему о том, что Джабраил отыскался. Когда ткача доставили во дворец к царевне, она спросила его: «Разве ты не Джабраил?» — «Да, я — Джабраил», — ответил ткач. «А почему ты снизошел до такого состояния? — спросил его шах. «Потому, — ответил ткач, — что в ту ночь, когда я огненным дождем уничтожил твоих врагов, Аллах счел, что я обошелся с ними слишком жестоко, он разгневался на меня и, спалив мои крылья, низверг меня на землю, наказав мне работать простым ткачом».

Царь начал утешать Джабраила, оказывая ему всячес-кие почести, а царевна бросилась к его ногам и затем привела к нему сына. «Побудь пока с женой и сыном, пусть они порадуются в твоем обществе», — сказал шах и велел принести ему царские одежды.

Ткач снова облачился в роскошные наряды и начал проводить время с царевной в любовных утехах. Тем временем войско противника подошло к воротам крепости. Полководцы шаха собрали своих воинов и стали готовиться к ночному нападению на врага. Шах велел Джабраилу сопровождать его. «Хотя ты и изгнан из божественного чертога, — сказал он, — но все-таки благодать, исходящая от тебя, поможет нам одолеть врага».

Ткач растерялся и не знал, как быть. «За всю свою жизнь, — сказал он про себя, — я ни разу не садился на коня. Я должен придумать что-нибудь, найти хоть какой-нибудь предлог, чтобы избежать этой затеи». По приказу шаха к Джабраилу подвели несколько коней, одного из которых звали Бадам.

«Выбери любого из этих коней и садись на него», — сказал шах Джабраилу. Джабраил начал в замешательстве крутиться вокруг коней и, наконец, выбрал Бадама. «Хорошо, возьми себе Бадама, — сказал шах, — он мой самый любимый конь». Джабраил не знал, как садиться на коня, он нарочно споткнулся и всей тяжестью грохнулся оземь. «Теперь мне не спастись, будь у меня даже тысяча жизней», — подумал он, лихорадочно ища какой-нибудь выход. «Я сейчас попрошу у шаха, — решил про себя, — золотой пояс, драгоценное оружие, великолепный наряд, попрошу привязать меня к седлу и вывести коня из городских во-рот. Я скажу им, что еду за пророками Хызром и Ильясом, чтобы позвать их на помощь. Может быть, таким путём мне удастся скрыться, чтобы в жизни больше не прикасаться к оружию, боевому снаряжению и коню».

Порешив на том, он обратился к шаху Омана и внуши-тельно молвил: «Я издавна дружу с пророками Хызром и Ильясом. Прикажи принести мне царский наряд с золо-тым поясом и драгоценностями, доспехи с оружием. Пусть облачат меня в эти одежды и доспехи, привяжут крепко к седлу и выведут из городских ворот поздней ночью. Я приведу Хызра и Ильяса на помощь, мы внезапно ударим по вражескому войску и уничтожим его».

Шах приказал тотчас исполнить просьбу Джабраила. Они надели на него царские одежды, доспехи, оружие, посадив на коня, привязали к седлу и ночью вывели из городских ворот. Ткач хотел направиться в пустыню, но конь его поскакал прямо к вражескому лагерю. Тогда всадник стал хлестать коня, чтобы повернуть в сторону, но тот от ударов ещё больше остервенел. На дороге им попалось дерево, пролетая под ним, ткач пытался ухватиться за него, но дерево оказалось хрупким, обломилось, и верхушка его зацепилась за седло. Могучий конь потащил вместе с седоком за собой и дерево. Скача без оглядки, конь ворвался во вражеский лагерь, растоптал царский шатер, опрокинул царя, раздавил копытами несколько царских приближенных, а затем помчался дальше. Он несся словно ветер, и за седоком волочилось дерево. У воинов от ужаса

перед этим страшным зрелищем душа ушла в пятки, и они в панике обратились в бегство.

«Я — архангел Джабраил, бегите, иначе я уничтожу вас всех!» — кричал ткач. Ратники в темноте с трудом отыскали царя, который уже от страха был готов расстаться с душой, узнав о появлений Джабраила. Паника охватила войско, и оно, оставив боевое снаряжение, коней и обоз, обратилось в бегство.

Утром они были уже на расстоянии целого фарсанга от города, и у городских стен не осталось ни одного вра-жеского воина. Тогда шах Омана с войском вышли из го-рода и собрали огромную добычу и несметные трофеи.

Вернувшись в город, шах велел разыскать Джабраила. После долгих поисков воины обнаружили бедного Джабраила в одной из пещер в близлежащих горах. Конь его издох, а сам он, привязанный к нему, лежал без сознания. Отвязав Джабраила от мёртвого коня, слуги обрызгали его лицо розовой водой, и он понемногу пришёл в себя. Водрузив Джабраила на другого коня, его привезли в город. Увидев Джабраила, шах и царевна припали к его ногам и начали возносить молитву Господу богу. Ткач постепенно пришёл в себя, затем, набравшись сил, он встал на ноги и сказал: «О счастливый шах и славный государь, знай о том, что я до сегодняшнего дня был Джабраилом, но с этого времени я больше не Джабраил а простой ткач». Рассказав о своих приключениях без утайки с начала до конца, он добавил: «Если шах принимает меня таким, каков я есть на самом деле, я остаюсь для служения ему, если нет, с позволения шахского величества я пойду и займусь свои ремеслом».

Выслушав рассказ и последнюю просьбу ткача, шах Омана задумался. «Появление этого человека, — рассуждал он про себя, оказалось для меня благословенным. С его помощью я одержал полную победу над врагом, дочь моя счастлива с ним и имеет от него сына. От страха перед этим «Джабраилом» никто из врагов не выступит против нас. Если он уйдет отсюда и кто-нибудь узнает о его тайне, весь мой род будет опозорен и наше имя запятнано. Так лучше пусть он остается здесь».

Обласкав ткача и успокоив его, шах сказал: «Живи в радости с женой и сыном, не говори о своей тайне ни одной живой душе, продолжай жить под именем Джабраила». Затем шах отправил ткача во дворец к дочери и продолжал в дальнейшем осыпать их всяческими благами.

Что же касается плотника, то после исчезновения ткача с сундуком, он стал жить со своей любовницей, ничего не опасаясь. Однако вскоре его постигла суровая кара. Однажды ночью он, веселясь, пил с этой женщиной вино. Он напился допьяна, и женщина накричала на него, обозвав свиньей. Плотник разозлился, вонзил свой кинжал ей в живот, и она тотчас рассталась с душой. На следующий день городские власти схватили плотника, и за совершенное им преступление его вздернули на виселицу.

Ткач же продолжал жить с царевной, утопая в неге и удовольствиях, между тем как тот, кто изгнал его с родины, стал жертвой своего дурного нрава и подлости. Наслаждаясь жизнью, ткач постоянно декламировал такое четверостишие:

Пусть тот, кто носит в сердце зло и мрак,
Ревниво стережёт твой каждый шаг.
Будь добр ко всем: и к недругу, и к другу,
И от своих же козней сгинет враг.

Жена родила ткачу много сыновей, и так как у шаха не было других наследников, то престол был закреплён за ними. Они жили долго в счастии и благоденствии, пока, наконец, «Джабраил» не покинул этот бренный мир и не переселился в другой, где царит вечность. Мы тоже покинем этот мир в положенный срок.

Мораль этого рассказа такова. Если человек замышляет зло против других, то, в конце концов, он сам станет жертвой этого зла, подобно тому, как это случилось со злополучным плотником, а преследуемый человек всегда рано или поздно обретет счастье, как это случилось с ткачом, который достиг шахского сана и воссел на престоле.

РАССКАЗ О ЦАРЕВИЧАХ, СУДЬЕ И ТУРКМАНЕ

Рассказывают, что жил-был один шах, и было у него трое детей. У этого шаха было много врагов. По воле провидения однажды шах этот тяжело заболел и, позвав к себе сыновей, сказал им: «Вот возьмите эти три тысячи золотых динаров и спрячьте их в таком месте, чтобы никто не знал об их существовании. Если после моей смерти царство вам не достанется, пустите эти динары в оборот, чтобы вы ни в ком не нуждались».

Царевичи взяли динары, отнесли и зарыли их в укром-ном месте. Через несколько дней царь, покинув этот бренный мир, перекочевал в мир вечный, и царство перешло к его сыновьям. Однажды братья вместе пошли, чтобы взять золотые динары из тайника. Однако, открыв тайник, они обнаружили там всего две тысячи динаров. «Странное дело! — воскликнули царевичи в удивлении, — мы зарыли это золото втроем, и ни одна живая душа не ведала и не подозревала об этом. А теперь, вот тебе на — не хватает целой тысячи динаров! Если бы клад обнаружил какой-нибудь вор, то он унёс бы все динары. Давайте пойдем к судье и посмотрим, какой приговор он вынесет».

С этим словами все трое отправились в путь. По доро-ге им встретился туркман. «Вы случайно не видели на дороге нагруженного верблюда? — спросил он. Старший из братьев сказал: «Твой верблюд был слепой, одноглазый?».— «Да», — ответил туркман. «Тогда мы не видели его», — ответил царевич. Средний брат спросил туркмана: «Твой верблюд случайно не был нагружён кувшинами с уксусом?». — «Да, верно, я возил на рынок уксус», — ответил туркман, «Нет, я не видел твоего верблюда», — сказал царевич. Тогда младший из братьев обратился к туркману и спросил его: «Случайно твой верблюд не бесхвостый?». — «Да, совершенно верно, — ответил туркман, — я случайно отрезал ему хвост, когда он был ещё маленьким». «Нет, я не видел твоего верблюда», — ответил младший царевич.

«Раз вы не видели моего верблюда, — воскликнул тур-кман, — то откуда же знаете все его приметы? Или отдай-

те мне верблюда, или я сейчас же отведу вас к судье». После этого туркман так пристал к царевичам, что они в конце концов пошли к судье. Туркман изложил судье суть тяжбы с царевичами и предъявил им свой иск. «Что вы скажете на это?» — спросил судья. «Мы ничего не знаем и не видели никакого верблюда», — ответили братья. Судья сразу догадался, что они лгут. Тогда туркман рассказал судье содержание своего разговора на дороге с ответчиками, а затем, обратившись к старшему из братьев, спросил его: «Откуда же ты узнал, что у моего верблюда был лишь один глаз?». — «Я догадался об этом потому, — ответил царевич, — что по дороге трава была ощипана лишь с одной стороны, а с другой стороны трава была нетронута и свежа». Тогда туркман спросил среднего брата: «А ты как риал, что мой верблюд был нагружен кувшинами с уксусом?». — «Я узнал об этом по тому, что в одном месте на дороге земля была вспучена, — ответил царевич. — Обычно когда уксус проливают на землю, она взбухает». «А ты откуда узнал, что у моего верблюда не было хвоста?» - спросил туркман у младшего царевича. — «Я узнал об этом по той простой причине, — ответил царевич, — что если у верблюда нет хвоста, то его помёт лежит кучей, а если у него есть хвост, то помёт был бы рассыпан. Ведь верблюд обычно, когда помахивает хвостом, разбрасывает свой помёт. Помёт же твоего верблюда лежит кучей, и из этого я заключил, что у него нет хвоста».

Судья поразился наблюдательности и смышлёности братьев. Проводив туркмана, он пригласил их в гостиную, велел накрыть стол и угостил их роскошным обедом. Когда братья начали есть судья незаметно вышел, стал за дверью и начал подслушивать разговор. Раньше всех заговорил старший царевич. Попробовав лепешку, он сказал: «Пшеница, из муки которой приготовлен этот хлеб, выращена на кладбище». Судья удивился этим словам. Затем средний брат промолвил: «Мясо, которое лежит у нас на тарелках, — это мясо ягнёнка, вскормленного собакой». Выслушав его, младший брат сказал: «Это ещё ничего. А вот наш хозяин, судья, к которому мы пришли для разбора нашего дела, — незаконнорожденный».

Услышав эти слова, судья остолбенел от удивления и тотчас велел позвать управляющего. Когда тот явился, судья сказал ему: «Скажи мне честно, где была выращена пшеница, из которой выпечен этот хлеб?» — «Она была взращена на участке, который когда-то был кладбищем», — ответил тот. Отпустив управляющего, судья и потребовал к себе пастуха и спросил его: «Этот ягнёнок, которого ты привёз сегодня, был вскормлен материнским молоком или же молоком другой овцы?» — «Если хочешь знать правду, — ответил пастух, — он вскормлен собакой». Когда он родился, мать его умерла, а в это время сторожевая собака нашего стада ощенилась, но щенята в тот же день подохли, а ягнёнок прибился к собаке и каждый раз, когда ему хотелось есть, подходил к ней и сосал её молоко». Судья поразился этому, а затем встал и пошёл к своей матери. «Мать, — обратился он грозно к ней, — скажи правду, чей я сын?». — «Ты сын бывшего судьи нашего города», — ответила она. Тогда судья, обнажив саблю, стал угрожать ей: «Тебя сейчас может спасти одна лишь правда. Скажи мне истину, кто был мой отец?»

«Успокойся, я открою тебе тайну, — ответила устра-шённая мать. — Знай, что я вышла замуж за судью, но я никак не могла забеременеть от него. Боясь, как бы он не развелся со мной, ибо он хотел сына, я как-то ночью позвала к себе нашего амбала и провела с ним ночь. Так ты появился на свет».

Выслушав рассказ матери, судья, удивлённый и обеску-раженный, пришёл к своим гостям. Он сел за стол и, об-ратившись к старшему царевичу, спросил его: «Как ты узнал о том, что пшеница этого хлеба выращена на кладбище?» — «Когда я положил кусок твоего хлеба в рот, — ответил царевич, — то почувствовал привкус глины, которой моют голову. Запах этой глины остался в моей памяти, и поэтому я догадался, что пшеница росла на кладбище». — «А ты как догадался, что ягнёнок, мясо которого вы ели, был вскормлен собачьим молоком?», — спросил судья среднего из братьев. «Очень просто, — ответил царевич, — я заметил между красной и белой полосками мяса желтую

влажную плёнку. Увидев её, я понял, что ягнёнок был вскормлен собачьим молоком». Тогда судья обратился к младшему царевичу: «Теперь скажи ты, как пришло тебе в голову, что я незаконнорожденный?» Царевич ответил: «Очень просто. Обычно только незаконнорожденные бывают способны на такой поступок, как подслушивание, Поставив еду перед нами, ты вышел и встал за дверью, чтобы подслушивать наши разговоры».

Пораженный ответами братьев, судья застыл в удивле-нии и, наконец, придя в себя, сказал братьям: «Господа, скажите, какая нужда привела вас ко мне? Расскажите, и я удовлетворю любое ваше желание». «Отец наш, — сказали царевичи, — перед смертью вызвал нас и передал нам три тысячи динаров. Мы зарыли эти динары в потайном месте, а после его смерти, когда захотели взять эти динары из тайника, обнаружили, что там лежат всего две тысячи динаров, а третьей тысячи нет. Если тайник был бы обнаружен вором, то он унёс бы все. Мы не знаем теперь, как быть, и поэтому пришли к тебе, чтобы ты разобрал это дело».

Судья погрузился в долгое размышление и, наконец, подняв голову, молвил: «Мне вспомнилась одна история, если хотите, я расскажу её вам».

— «Расскажи», — хором сказали братья.

«Рассказывают, - начал судья, — что однажды некий юноша полюбил одну девушку и решил жениться на ней. Он потратил большие деньги, устроил пышную свадьбу и привел её к себе домой. Ночью он вошёл к ней и, как это положено, хотел вкусить супружеских ласк. Но невеста возроптала и сказала ему: «Я поведаю тебе одну тайну. Но прежде скажи мне: ты хочешь, чтобы я была хозяйкой и подругой тебе на всю жизнь или женщиной на одну ночь, чтобы ты утолил свою страсть, а я завтра потребовала у тебя развод?» — «Я хочу, чтобы ты стала моей хозяйкой и постоянно была со мной», — ответил молодой человек, «Друг мой, — ответила девушка, — знай, что когда я была ещё почти девочкой, один юноша попал в силок любви ко мне. Однажды он нашел меня в укромном местечке в оди-

ночестве и хотел удовлетворить свою страсть со мной. Страшась позора и бесславия, я взмолилась и сказала ему: «О юный друг мой, оставь меня сегодня, чтобы я могла войти в дом своего мужа целомудренной девственницей. Но я обещаю тебе, что в первую ночь я не отдамся своему мужу и принесу тебе в дар свою невинность». После этого я поклялась и дала ему в этом обет. Поэтому теперь оставь меня и позволь мне ради исполнения своей клятвы пойти к нему и ублажить его. После этого я стану тебе на всю жизнь верной женой. Если же ты не отпустишь меня, я отдам тебе свою девственность, но завтра же потребую у тебя развода и уйду к нему навсегда». Выслушав искреннее признание жены, муж задумался. Он понял, что не проживет без неё, ибо он был очень привязан к ней. Подавив свою ревность, он сказал: «Я разрешаю тебе пойти к нему».

Девушка встала, в нарядной свадебной одежде покину-ла дом мужа и отправилась к другу детства. Но по дороге на неё напал какой-то разбойник. Он схватил её и, рассмотрев, увидел перед собой красивую, словно четырнадцатидневная полная луна, девушку, обвешанную золотыми украшениями и драгоценностями. Жемчужные ожерелья на её шее затмевали луну. Роскошное платье облегало её стройное тело. Разбойник растерялся от неожиданности и спросил её: «Кто ты такая и куда ты идёшь в столь позднее время?» Девушка рассказала ему всю правду о себе. «Если у твоего законного мужа хватило благородства и мужества отпустить тебя к твоему возлюбленному, — воскликнул разбойник, — уступить первую ночь, я не хуже него. Я отпускаю тебя и уступлю тебя твоему возлюбленному».

Сказав это, разбойник взял девушку под руку, приводил до дома молодого человека и, оставив у дверей, ушёл. Девушка постучалась в дверь. Хозяин дома увидел перед собой нарядную красивую девушку. Рассмотрев её при свете, он узнал её и очень обрадовался. «Откуда ты и каким образом оказалась здесь?» — спросил он. «Я рассказала мужу обо всем, что было между нами, — ответила девуш-

ка, — и он прислал меня к тебе. Но по дороге на меня напал разбойник, я поведала ему всю правду, и он мне сказал: «Муж твой — человек благородный, и если он пошел на такое дело, то и я не хуже него!» Он отпустил меня и даже проводил до твоего дома».

Выслушав рассказ девушки, юноша ответил: «Если уж у вора хватило благородства, не тронув, отпустить тебя, то неужели я хуже него? После этого ты мне — сестра в этом мире и на том свете».

Сказав это, он проводил девушку до дома и вручил её законному мужу. Теперь, — продолжал судья, — я хотел бы узнать ваше мнение на этот счет. Скажите вы, братья, кто из этих троих поступил более благородно: муж, вор или возлюбленный девушки? — Старший царевич ответил: «Муж поступил благороднее всех». Средний брат сказал: «Лучше всех был вор». Младший брат молвил: «На мой взгляд, лучше всех вел себя возлюбленный девушки». Выслушав ответы братьев, судья погрузился в размышления и через некоторое время, подняв голову, промолвил: «Тысячу динаров взял средний брат, ибо он оправдал себе подобного и защитил своего сотоварища по ремеслу. Ведь не зря сказал поэт:

Птицы стаи образуют, но известно наперёд:

Голубь с голубем воркует, сокол сокола найдёт.

Теперь иди, принеси тысячу динаров и подели их с братьями». Средний брат воздал должное мудрости судьи и сказал: «Да, ты правильно рассудил, да будет благословенна твоя мудрость». После этого братья встали, простились с судьей и отправились улаживать свои дела. В конце концов они покинули этот бренный мир и ушли в мир иной, куда уйдём и мы.

РАССКАЗ О ЦАРЕ, КОТОРЫЙ БРОСИЛ СВОЕГО ВИЗИРЯ СОБАКАМ-ЛЮДОЕДАМ

Рассказывают, что когда-то жил царь, который каждый год бросал своего визиря на растерзание собакам-людоедам. При дворе жил один мудрец, и он какого сказал своим

друзьям: «Я не знаю, в чём смысл того, что наш царь каждый год отдает своих визирей на съедение собакам-людоедам. В этом году я попрошу его назначить своим визирем меня, чтобы выяснить, по какой причине он поступает так. Я постараюсь отучить его от этой жестокой привычки»

Когда наступил новогодний праздник — Новруз, и царь по своему обыкновению велел бросить своего визиря в яму собакам, тот мудрый муж пошел к царю, поцеловал перед ним землю и сказал: «Я прошу у вашего величества милости назначить меня на этот год на должность визиря, оказав мне честь на этом опасном поприще». «Что за странное желание, — сказал царь. — Ведь ты знаешь, что когда год кончится, я брошу тебя собакам, и они тебя сожрут. Ты ж приходишься мне почти отцом, я не позволю тебе этого».

«Ничего, не беспокойся, — ответил мудрец, — назначь меня своим визирем». — «Так и быть, — согласился царь, — я назначаю тебя своим визирем». Мудрец стал визирем царя и начал управлять его делами. После этого прошло шесть месяцев. Визирь вел дела царства справедливо и мудро. Все подданные — войско, свободные граждане и рабы были довольны его управлением. По истечении шестого месяца визирь подослал своих приближенных и друзей к шаху, чтобы разведать, что он собирается сделать со своим благородным и мудрым визирем. Шах ответил им: «Если даже придет мой отец в новогодний день Новруза, я отдам его собакам на съедение, а он — мой визирь и тем более пойдет на корм для собак». Тогда визирь понял, что шах поступал так со своими визирями лишь по своей врожденной жестокости и самодурству, что в его поведении нет никакого тайного разумного смысла.

Когда до нового года — Новруза осталось три дня, все сановники сговорились между собой, что убьют шаха, если он покусится на жизнь визиря. Визирь же призвал к себе всех сыновей, рабов, вольноотпущенников, каждому из них дал его долю наследства и, оставив около себя старшего сына, сказал ему: «Сын мой сердечный, когда этот негодный шах отдаст меня на съедение собакам, ты

с братьями пойди, собери мои кости и похорони меня рядом с моим отцом в его гробнице».

Завещав сыну последнюю волю, визирь отпустил его и остался в своих покоях в одиночестве. Разложив перед собой нарды, он, загадав на них, бросил кости. Увидев, как в зеркале, свою судьбу, он затем встал, взял несколько золотых динаров, завернул в скатерть побольше мяса и хлеба и отправился на псарню. Увидев визиря, псарь встал и раболепно приветствовал его. «Какое дело привело тебя, о визирь, в такое позднее время сюда?» — спросил он. «Сегодня ночью мне приснился зловещий сон, — ответил визирь — и ты должен открыть псарню, чтобы я мог взглянуть на собак». Сказав это, он положил перед псарем

горсть золота.

Псарь тотчас припал к ногам визиря, поцеловал их, а затем повёл его к псарне и открыл её дверь. Визирь смело вошел внутрь и стал бросать собакам куски хлеба и мяса. Собаки набросились на еду, благодарно виляя хвостами. После этого визирь ушел к себе домой, а на следующую ночь снова пришел к псарю, положил перед ним золото и накормил собак. На третью ночь, когда явился визирь, собаки сразу узнали его и в ожидании хлеба и мяса начали вилять перед ним хвостами. Он бросил собакам хлеб и мясо и ласково поговорил с ними. Так он подкармливал псаря и его псов в течение трёх дней, остававшихся до наступления нового года.

Когда же наступил Новруз, шах вместе с приближёнными и толпой простонародья пожаловал на городскую пло-щадь. Он велел связать визирю руки и ноги и привести его на площадь босого, с непокрытой головой. Благородный визирь повернулся лицом к шаху и сказал: «Помимо того, что я исполнял целый год достойным образом обязанности визиря, имею я право на благодарность шаха за свою многолетнюю преданную службу? Не так ли?» Шах ответил: «Правда, ты исполнял свои обязанности достойным образом и был одним из самых образцовых визирей».— «Раз это так, — воскликнул визирь, — я, как говорится, пролил тысячу раз воду своей чести, чтобы защитить твою

честь. За это имею ли я божеское и человеческое право изложить тебе свою последнюю просьбу?»

«Да, имеешь, изложи, свою просьбу», — ответил царь. «Прошу тебя, — молвил спокойно визирь, — не отдавай меня собакам на съедение. Ведь я не хочу, чтобы мои друзья огорчились, а враги обрадовались: Если же ты не способен на этот благородный поступок, то вели, по крайней мере, не кормить собак перед тем, как бросишь меня им, дабы они быстрее покончили со мной и не терзали долго. Вторая просьба моя заключается в том, чтобы после того, как меня растерзают собаки, ты отдал бы мои кости моим сыновьям, чтобы они похоронили их».

«Я исполню твою волю», — ответил шах и повелел не кормить собак. Когда наступила ночь, раздетого донага визиря отвели на псарню и бросили к собакам. Как только несчастный визирь оказался среди собак, они тотчас почуяли, что это тот самый человек, который кормил их. Они тут же стали вилять хвостами, ласкаться, припадая к его ногам.

«Они думают, что я принёс им еду, — начал беспокоиться визирь, а мне им нечего дать и они растерзают меня. Лучше всего мне пасть ниц перед Господом Всевышним, чтобы достойным образом расстаться с этим миром».

Сказав это про себя, он припал лбом к земле и начал молиться и возносить хвалу Аллаху милосердному. Постояв немного около визиря в надежде, что он покормит их, собаки легли вокруг него и, положив головы ему на ноги, уснули. Удручённый и растерянный псарь утром явился, чтобы собрать обглоданные кости визиря и отдать их его сыновьям, чтобы те похоронили их. Голодные собаки мгновенно набросились на псаря и разорвали его на куски. Царю немедленно донесли о том, что визирь жив, здоров и свободно сидит среди собак, а псарь растерзан.

Шах, босой, с непокрытой головой, тут же выбежал из дворца и прибежал на псарню. Визирь вышел ему навстречу, припал к ногам шаха и вознёс ему хвалу. В свою очередь шах припал к ногам визиря и взмолился: «Во имя Господа, спасшего тебя от смертельной опасности, скажи мне правду,

каким образом оставили тебя эти изверги невредимым? Видно, ты сделал столько добра в этом мире, что даже эти страшные душегубы не позарились на тебя!»

Визирь ответил: «Ваше величество, я ничего особенного не сделал. Но я скажу тебе одну простую истину. Много лет я верой и правдой служил тебе и ни разу не допустил никакого упущения, и за все это ты бросил меня на растерзание хищным собакам. Они же в благодарность за то, что я всего три ночи кормил их, ответили мне благодарностью, не покусились на мою жизнь, узнали меня и не разорвали. Раз ты не сумел, как пастырь народа воздать мне по заслугам за долголетнюю службу, то пусть все люди узнают, что обыкновенная собака лучше царя, который не умеет воздать за службу, за хлеб и соль».

РАЗЛИЧНЫЕ ПРЕДАНИЯ О СУЛТАНЕ МАХМУДЕ

Рассказывают, что султан Махмуд, сын Насираддина Сабуктагина — да помилует его Аллах! — однажды отправился на охоту. Ненароком он удалился от своей свиты и телохранителей и оказался далеко в пустыне. Он гнал своего быстроногого скакуна то в одну сторону, то в другую, но так и не мог найти дорогу. Между тем жажда и голод уже начали одолевать его. По счастью, он увидел вдали человека с корзиной на голове. Султан поскакал к нему и спросил". «Старец почтенный, что у тебя в корзине?» — «У меня в корзине яблоки, — ответил старик, — я несу их царю всей земли, султану Махмуду, быть может, он облагодетельствует меня и наделит своими щедротами, ведь у меня много малых детей». — «Дай мне несколько яблок, — сказал Махмуд, — а я за это замолвлю своё словечко и заступлюсь за тебя».

Старик открыл корзину и воскликнул: «Бери сколько хочешь!». Султан наполнил карманы своего кафтана яблоками и поскакал дальше, с удовольствием вкушая сочные плоды. Когда он добрался до своего войска, у него ещё оставалось несколько яблок. Он отдал их визирю Хасану Мейманди и своему любимому рабу Аязу. «Если сюда явит-

ся старик с такими-то приметами, — сказал султан своим людям, — то немедленно приведите его ко мне».

Когда старик с корзиной подошёл к стоянке охотников, его тут же отвели к царю Махмуду. Старик положил перед ним свой подарок — корзину с яблоками и начал произносить славословия султану. Султан знаком велел ему сесть. По воле случая в это же время привели несколько преступников, чтобы султан назначил им наказание. Старик, ничего не подозревая, сел рядом с ними. Установив степень вины провинившихся, султан велел заключить их в темницу. Стражники по ошибке вместе с преступниками взяли и старика с корзиной и посадили его в глубокую яму. Будучи очень занят, султан забыл о старике, и тот целый год провёл в темнице...

Однажды ночью султану приснился страшный сои, и он, чтобы отвести от себя возможное зло, решил проявить милость и совершить благие дела. Утром, он велел вывести всех заключённых на площадь. Он стал лично допрашивать каждого осуждённого в отдельности, давать им милостыню и одежду и отпускать на волю. Когда очередь дошла до старика, султан спросил его: «В старые свои годы, какое же ты совершил преступление, что тебя упрятали в яму?»

«Я ничего предосудительного не совершал, — ответил старик. — Единственный мой проступок заключается в том, что я привез тебе корзину прекрасных яблок, чтобы ты оделил меня своими щедротами. Вот уже целый год из-за этой корзины яблок я сижу в темнице». Выслушав рассказ старика, султан вспомнил его, страшно расстроился, начал просить у него прощения и велел отвести его в казну, чтобы он взял оттуда столько золота, драгоценностей и одежды, сколько сможет. Чиновники, выполняя указ султана, тотчас же отвели старика в казну. Однако старик из всех несметных богатств взял лишь один топор, один золотой динар и один список Священной Книги. Заметив это, казначей доложил султану о случившемся. Султан призвал старика к себе и спросил его: «Почему из всех несмел ных богатств ты взял такие незначительные вещи?»

«Да продлится жизнь султана долго! — ответил старик. — Я старый и слабый человек и собственноручно не одолею яблоню. Я взял этот динар, чтобы нанять кого-нибудь и отдать ему этот топор, пусть он срубит яблоню, чтобы из-за её плодов не пришлось мне снова сидеть в тюрьме целый год. Список же Священной Книги я взял для того, чтобы поклясться на ней: я больше никогда в жизни не посажу яблоню, дабы снова не ввергнуть себя в бедствие». Слова старика чрезвычайно опечалили и огорчили султана, он заплакал от стыда, а затем велел выдать старику пять тысяч золотых динаров.

Еще хранители преданий рассказывают, что однажды султан Махмуд на охоте разлучился со своей свитой и оказался далеко от своего войска. На краю пустыни он случайно встретил дряхлого старика, который сажал деревья и разбивал сад. «Для кого ты сажаешь эти деревья и разбиваешь сад?» — спросил султан у старика.

«Государь мой, — ответил старик, — я сажаю этот сад для самого себя. Он доставит мне ни с чем несравнимое блаженство, тогда будет плодоносить». Султан покачал головой и воскликнул: «Я не думаю, чтобы ты дожил до тех пор и сумел вкусить плоды этого сада». — «Нет, — возразил старик твердо, — я вкушу плоды этого труда». Молодой султан распалился и в запальчивости сказал: «Клянусь я дам развод своей жене — султанше, если ты успеешь вкусить плоды этого сада». Сказав это, он натянул поводья своего коня и ускакал прочь.

Сказитель повествует, что через десять лет после этого султан Махмуд на охоте снова случайно разлучился со своей свитой и оказался на том же месте, что и в прошлый раз. Он увидел там прекрасный цветущий сад. Он погнал коня в этот сад и спешился под тенью одного из ветвистых деревьев. В это время появился, опираясь на палку, тот же дряхлый старик с согбенной спиной. Он поприветствовал султана, и султан ответил на его приветствие. Старик предложил султану разнообразные фрукты, и султан сорвал несколько плодов и с удовольствием съел их — они оказались отличными.

«Ты тоже поешь, — сказал султан старику, ибо старик держал в руках несколько плодов, но не ел их. «Ешь же, тебе говорят, — приказал снова султан. — Почему ты не хочешь есть?» «О эмир, — молвил старик, — лет десять тому назад, когда я только начал сажать этот сад, сюда пожаловал один прекрасный юноша и спросил меня: «Ради кого ты сажаешь этот сад?». Я ответил, что ради самого себя. Юноша-тюрок поклялся, что даст развод своей жене, если я доживу до плодоношения этого сада и вкушу его плодов. Вот уже несколько лет, как ветки этих прекрасных деревьев сгибаются под тяжестью сочных плодов, однако до сих пор я не только не ел, но даже не попробовал ни одного из этих фруктов, ибо если я съем, то тому благородному юноше, ныне уже доблестному мужу, придётся дать развод своей жене, а грех за это падёт на мою душу. С тех пор я отвык от вкуса фруктов, другие едят плоды взлелеянных мною деревьев, а я смотрю на них с тоской».

Выслушав рассказ старика, султан Махмуд понял, что речь идёт о нём самом и о той клятве, которую он сгоряча дал десять лет тому назад. Он был потрясён убежденностью и верой старика в себя, его настойчивостью и трудолюбием. В тот же день он издал указ, которым всю деревню навечно закрепил за стариком и его потомками. Они ушли из этого мира, но притча осталась нам в память от них.

Еще рассказ. Говорят, однажды султан Махмуд, проез-жая через одну деревню, увидел там слабого и совершенно дряхлого старика, который, несмотря на свою немощь, сажал в саду дерево. Это очень понравилось султану, и он спросил его: «О старец, для кого сажаешь ты это дерево, ведь, наверное, тебе не придется вкусить плоды его?»

«Другие до нас сажали деревья, чтобы мы ели их плоды, — ответил старик, — и мы должны сажать, чтобы после нас другие пользовались их плодами». Слова старика очень понравились султану, и он воскликнул: «Совершенно справедливо, ибо мир этот — мельница!»

Затем, приказав своим людям выдать старику тысячу динаров, он натянул поводья коня и собрался ускакать

прочь. «Государь мой, — окликнул его старик, — ведь ты только что говорил мне, что я не успею вкусить плоды этого дерева. Я ещё не успел его посадить, как уже вкусил его плоды стоимостью в тысячу динаров. Когда же это дерево подрастёт, то лишь один Господь ведает, какие плоды оно принесёт». Эти слова старика ещё больше понравились султану. Он велел выдать старику ещё тысячу динаров и лишь после этого продолжил свой путь.

Ещё рассказ. Рассказывали, что однажды во времена султана Махмуда несколько праздных, ленивых и бедных мошенников собрались вместе и начали обдумывать, как бы им разбогатеть. Один из них предложил: «Давайте будем делать вид, что мы являемся заядлыми азартными игроками и с помощью этого приёма выманим у султана несколько золотых динаров». Старший мошенник-бездельник, верховодивший всеми остальными, сказал своим друзьям: «Если вы поддержите меня, то я найду верный способ заставить султана раскошелиться». «Мы подде-ржим тебя, мы на всё согласны», — хором откликнулись другие бездельники. Главарь тотчас же встал, отнёс свой кафтан на рынок и продал его там, а на вырученные деньги купил восемь кур.

На следующий день утром, взяв с собой двух кур, он отправился ко дворцу султана Махмуда. Стоя на площади напротив веранды, где обычно отдыхал Махмуд, он начал поднимать кур над головой и трясти ими. В это время султан сидел на веранде. Каждый раз, когда султан обращал свои взоры на площадь, мошенник поднимал кур и тряс ими над головой. Заметив это, султан поручил одному из своих стражников привести к нему беднягу, который тряс двумя курицами. Стражник немедленно побежал на площадь, схватил «беднягу» и отвёл к султану.

Представ перед султаном, мошенник в достойных вы-ражениях воздал ему хвалу и пожелал долгих лет жизни. Султан спросил его: «Стоя на площади, напротив моей веранды, ты поднимал двух кур и тряс ими над головой. Объясни мне, что всё это значит?» — «О повелитель мира, — ответил мошенник, — мы, несколько безработных

бедняг, собравшись вместе, играли в азартную игру. Ради удачи я избрал тебя, государь мой, себе в партнёры и выиграл четырёх кур. Вот эти две курицы принадлежат тебе». Сказав это, плут положил кур перед султаном. Это позабавило Махмуда, и он от души смеялся. Воодушевлённый весельем султана, мошенник четыре дня подряд являлся ко дворцу и приносил по две курицы. Султан каждый раз хохотал пуще прежнего. А визирь султана Хасан Мейман-ди говорил про себя: «Этот мошенник пока каждый день приносит по две курицы, посмотрим, что он выкинет дальше».

На пятый день бедный мошенник явился на свое обыч-ное место, на площадь напротив веранды султана, но был грустен и печален, и стоял, понурив голову. Заметив, что на этот раз он пришёл с пустыми руками, султан сказал Хасану Мейманди: «На этот раз наш мошенник явился с пустыми руками, печальный и расстроенный, не знаю, что уж с ним приключилось». Затем он велел доставить к нему игрока. Представ перед султаном, плут пал ниц и поцеловал землю. «Чем ты расстроен, что с тобой случилось?», — спросил султан. «Я сегодня проиграл тысячу динаров, — ответил плут печально, — теперь я в безвыходном положении». Султан велел Хасану Мейманди выдать не-удачливому игроку две тысячи динаров, а затем сказал ему: «Я запрещаю тебе играть без меня. Раз я твой партнёр, то ты не имеешь права играть без меня».

Все они ушли из мира, а этот рассказ остался от них нам на память.

Ещё рассказ. Хранители преданий повествуют, что од-нажды султан Махмуд со свитой отправился на охоту. По дороге им встретилась река с узким мостом, по которому шёл старик с нагружённым горшками ослом. Старик направлялся в город, чтобы продать свои горшки. Под напором многочисленных воинов, создавших давку на мосту, осёл старика свалился с моста в реку и утонул, а горшки разбились вдребезги. От горя старик начал рвать на себе одежду и вопить так, что от крика его задрожали небеса. Услышав вопли и рыдания старика, Махмуд спросил: «О

старик, почему ты так вопишь и плачешь?». - «Я старый, бедный человек, - взмолился старик, — на всем свете у меня был всего один длинноухий. В течение долгих дней и ночей я, не покладая рук, изготовлял горшки. Нагрузив эти горшки на длинноухого, я шёл на рынок, чтобы продать их. Вот эти бесстыжие головорезы — твои воины — нагрянули на мост, столкнули моего длинноухого в реку, а все горшки мои разбились вдребезги». — «Сколько стоили длинноухий и твои горшки?», — спросил султан. «Десять динаров», — ответил старик. Султан велел своим людям выдать старику десять динаров.

Получив свои динары, старик спросил у одного из воинов: «Кто был этот щедрый человек?» — «Это был султан Махмуд», - ответил тот. Узнав об этом, старик очень расстроился, укоряя себя: «Почему я не запросил больше?!» И он начал снова вопить и взывать о помощи. Услышав крики и стоны старика, султан сказал своему визирю Хасану Мейманди: «Ведь этот старик сполна получил за своего длинноухого и разбитые горшки. Узнай, почему он снова стонет».

Услышав эти слова султана, старик снова принялся стонать: «На всем свете у меня был всего один длинно-ухий, который со всем своим грузом упал в воду и про-пал». — «Разве мы не возместили твои убытки?» — спросил султан. «Владыка мой, - воскликнул старик, — стоимость попоны, узды, повода и мешка остались без возмещения». Султан рассмеялся и спросил: «Сколько стоили попона, узда, повод и мешок?» — «О повелитель земли, — воскликнул старик, — до'сих пор я не имел дело с покупателем таких вещей, их стоимость султан знает лучше всех». Находчивость старика очень понравилась султану, и он велел выдать ему тысячу динаров.

Ещё рассказ. Во времена султана Махмуда было очень много плутов-бездельников. Однажды один плешивый и безбородый плут сказал своим товарищам: «Я придумал план, с помощью которого заставлю султана раскошелиться». Сказав это, он пошёл, взял напрокат чалму и джуб-бу— широкую верхнюю одежду в виде халата, которую

носят служители веры, — и отправился к дворцу султана Махмуда.

Он сидел у дворца до тех пор, пока слуги не открыли ворота. Прошмыгнув мимо слуг, он вскоре оказался в приемной самого султана. Здесь он увидел величественный престол, установленный на помосте, — на нем восседал сам султан. Справа от него стояли алиды — потомки Али, а слева — поэты и приближенные, собеседники и советники. Плешивый плут незаметно пристроился в ряду алидов. Через некоторое время явился личный чиновник султана и начал подводить алидов по одному к султану. Султан расспрашивал каждого из них: «Ты потомок чьего рода?». Одни из них отвечали: «Я потомок Хасана», а другие говорили: «Мы из рода Хусейна». Когда же очередь дошла до плешивого плута, султан, внимательно оглядев его, понял, что он не из тех, кто носит чалму и джуббу. «Малыш, — сказал султан, — кто ты такой?» — «Я — алид» — ответил плешивый. «Чей ты потомок — Хасана или Хусейна?» — спросил султан. «Я потомок Джабраила», — ответил плешивый, не моргнув и глазом. Услышав такой ответ, султан рассмеялся и долго хохотал до слёз. Успокоившись, он велел своему визирю Хасану Мейманди выдать плешивому плуту тысячу динаров и роскошные джуббу и тюрбан.

Увидев это, потомки Али чуть не лопнули от обиды и зависти. «Государь наш, — плача сказали они, — ты подарил этому лживому мальчишке тысячу динаров, а нам — подлинным потомкам Али — всего по сто, сто пятьдесят динаров». — «Ничего, не расстраивайтесь, — молвил султан, — ибо потомки Али каждый день являются сюда ко мне, но за всю мою жизнь ни разу не посещали меня потомки Джабраила. Один из них явился ко мне впервые, и поэтому не обижайтесь на него». После этих слов алиды в смущении опустили голову, стыдясь своего поведения.

Ещё рассказ. Рассказывают, что однажды некто явился ко дворцу султана Махмуда и сказал: «Передайте султану, что я видел сон, и никто в мире не в состоянии истолковать его». Привратник доложил султану об этом, и султан велел привести посетителя к нему. Представ перед султа-

ном, он пал ниц, поцеловал землю и вознёс владыке хвалу и славословия в самых достойных выражениях. Султан спросил его: «Какой же ты видел сон?» — «О повелитель мира, — отвечал тот, — я видел во сне, что ты, шах всей земли, восседаешь на своём престоле, а я, стоя перед тобой, воздаю тебе хвалу и славословлю тебе. Когда я кончил говорить, ты сказал мне: «Изложи мне, если есть у тебя какая-либо нужда». На это я ответил: «Прошу тебя, султан всего мира, подари мне тысячу динаров, кафтан, чалму, коня, снаряжение и оружие».

Ты спросил: «Для чего тебе всё это?». Я ответил: «Я хочу принять достойное участие в битвах против неверных». На это ты ответил: «Хвала тебе!», а затем приказал выдать мне все, что я просил». Выслушав его, Махмуд рассмеялся и велел выдать ему тысячу динаров, джуббу, чалму, коня, воинское снаряжение и оружие.

Шедевры

в утончённом

звучании

ГАТРАН ТЕБРИЗИ
(1012-1091)

Историю азербайджанской письменной литературы условно можно разделить на три периода: VII-X века — доминирующее положение арабоязычной литературы; XI-XIV века — эпоха персоязычной литературы; с XV века и до наших дней — главенствующая позиция тюркского языка в литературе.

Яркий представитель первой величины периода азер-байджанской персо-язычной литературы Гатран Тебризи родился в древнем культурном центре — г. Тебризе. В юности он глубоко изучал основы родного фольклора, арабскую и персидскую литературу, астрономию, филосо-фию, риторику, дипломатию, с ранних лет начал писать любовно-лирические стихи и впоследствии прославился как мудрый учёный и гениальный поэт.

Гатран Тебризи некоторое время прожил в городе Гяндже, неоднократно бывал в Нахичеване. Снискал известность и славу в дворцовых кругах Гянджи, Тебриза, Нахи-чевани и немало приложил дипломатических усилий в сближении позиций между правителями этих трёх важных азербайджанских культурных и политических центров.

До нас дошла значительная часть творческого наследия великого поэта: «Диван» — сборник лирических стихотворений, «Толкование» —толковый словарь персидского языка, поэма «Семь стран», четыре эпических произведения и др. Из произведений самого поэта явствует, что он написал немало лирических стихов и на родном тюркском языке; к сожалению, никаких образцов этих произведений до наших дней не дошло. В его творчестве значительное место занимают **газели, мадхийе, касыды,кыты, терджибевды, теркиббенды, рубаи.**

Гатран Тебризи — непревзойдённый мастер стиха, поэт с особым лирическим даром и утончённым вкусом, влюблённый в чарующую природу родной земли. В его поэзии нашли отражение философские размышления о жизни и смерти, о бренности бытия, о правителе и народе, о власти и слове, о добре и зле. В стихах Гатрана Тебризи нет настроения безысходности, явного или подспудного трагизма, а наоборот, чувствуется доминирующий оптимизм во всех проявлениях...

От роз, раскрытых каплями дождинок,
Земля красна и, как рубин, сверкает.
Деревьев ветви свежими плодами
Весна, как яхонтами, украшает.

Как будто струны арфы с лютней звонкой
Звучат на тополе в душистых ветках.
То горлинку окликнет голубь страстно,
То нежно горлинка к нему взывает.

Как друг с лицом приветливым, открытым
Земле, раскрывшись, улыбнулась роза.
А облако, подобно мне, льет слезы
И землю щедро влагой окропляет.

Вот ветер утра взялся за работу —
Стремится сад украсить попышнее.
Деревья стали на невест похожи,
Он бережно фату им поправляет...

КЫТА

Земная поверхность изрыта всегда, —
Не мчись на коне, опустив повода.

Слова свои взвесь и от сердца суди,
Дорогу разведай, — не встретит беда.

Настигнет беда — я не стану стенать,
Пред смертью душа моя будет тверда.

Но в чести нет радости — слеп этот мир,
Нет пользы от жалобы — глух он всегда!

КАСЫДА
ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В ТЕБРИЗЕ

Нет, не сбываются надежды никогда:
Вселенная в своих устоях не тверда.

Меняешься ты сам, несутся дни и ночи,
Не мешкают в пути, спешат вперед года.

Ты будущего ждешь, заботишься о мелком —
А рок настороже, и близится беда.

Счастливец, ты решил, что избежишь несчастий,
Что и красавица навеки молода!..

Спокоен был Тебриз, богат и многолюден,
Тускнели рядом с ним другие города.

Слуга или эмир, — согласно распорядку,
Все знали благодать любимого труда.

Служили ближнему и славили Аллаха.
Здесь слава и почет, там изгнана нужда;

Здесь вина сладкие и звонкие газели,
Там всадники летят, джейранов бьют стада;

А где-то слушают певиц сладкоголосых,
Целуют ветрениц, пока горит звезда.

Никто не клеветал на друга и соседа.
И ругань грубая бывала всем чужда.

И некий день пришел — земля заколебалась,
Низина вспучилась, как горная гряда,

И почва треснула, и скорчились деревья,
И всюду хлынула свирепая вода.

И те, что выжили, в рыданьях убежали,
В подкову согнуты от страха навсегда.
Аллах вселенную лишил ее величья,
Земная красота исчезла без следа.

ГАЗЕЛИ

В день свиданья о разлуке не могу не думать, нет!
Отощал, как полумесяц, обошедший целый свет.

Я страшусь заката солнца, на закат глядеть боюсь,
Я страшусь луны затменья, не гляжу на лунный свет.

К дорогой стремлюсь, но сердцу я разлуку разрешил,
На свидание с любимой наложил я свой запрет:

Потому что за свиданьем час разлуки настает, —
А в разлуке я надеждой на свидание согрет.

Только я ее оставлю — вмиг за мной она бежит,
Словно лик луны, прекрасна и стройна, как минарет.

Губы гневно сжав и очи устремивши на меня,
Вся к прыжку она готова, словно барс, нашедший след.

И уйти не позволяет, шепчет мне: «Не уходи1
Что прикажешь — все исполню! Без тебя мне жизни нет!»

Если осень согнала весны ветерок с рощ кудрявых, лугов
и полей,
Будь доволен кудрями душистых волос и ланитами милой
своей.
Пусть граната пунцовый цветок пожелтел, — губы милой
заменят его,
Если роза увяла, — любимой гордись; взглянешь — станет
душе веселей.

Вместо маков на щеки любимой смотри; хочешь мирта
вдохнуть аромат —
У возлюбленной косы тогда расплети, — аромат в них
острей и сильней.

Пусть фиалки не радуют больше твой взор, — не горюй,
не печалься о том:
Больше радости дарят влюбленным глазам волны милых,
пушистых кудрей.

Пусть фазана уже не найдешь на лугу, куропатки не сыщешь
в горах,
Выходи на заре ты и вслушайся в стон, в крик души
одинокой моей.

Соловьиные трели умолкли, так что ж! Может музыка их
заменить!
Нет нуманского мака, так вместо него ты вина себе чашу
налей!
Разве спелая осень не лучше весны? Если осень не лучше
весны,
Почему же в осеннюю пору тогда ароматней сады и пышней?

Почему же деревья осенней порой получают дары от весны?
Почему осыпаются эти дары не весною с зеленых ветвей?
Посмотри: на изогнутой ветке айвы завязь — словно
любимой пупок,
Над айвою, сгущаясь, клубится туман от ее благовонных кудрей.
Посмотри: в винограднике всюду видны гроздья белых
и черных плодов,
В единении негра напомнят они с румийцем редчайших друзей.
Скрыто желтой завесой лицо одного, — в то же время
закрылся другой
Виноградным широким багровым листом, распустившейся
розы красней.

Черный ворон понуро на дерево сел. Так он темен и так он уныл,
Что похож на распятого шахом врага неподвижностью
мрачной своей.
Если шах наш, разгневавшись, выпьет вина, — будь в походе
то, будь у дворца, —
Гордый всадник нежданно с коня упадет, пеший лучших
получит коней.

* * *

Где ты, души моей отдохновенье, где ты?
Я звал, но не дозвался, боли утоленье, где ты?
Разлуку вынести невмочь, живу мечтой о встрече,
Отрады нет, убито вдохновенье, где ты?
Душа взывает день и ночь: что же хранишь молчанье?
Ушла луна, или нашло затменье, где ты?
Свиданье — здание, разрушишь — я бы нашел спасенье,
Разлука мне руки отшибла, о исцеленье, где ты?
Свиданье — свет мой, что гроза внезапно погасила,
Тьма поглотила мой светильник, о наважденье, где ты?
Взывать нет смысла, и причин не доискаться, нет,
Рок меч занес, любовь в крови, мое спасенье, где ты?
Разлука — Божий приговор... Но ты сама — Богиня!
Как отменить мне приговор? Где избавленье? Где ты?

РУБАИ

Тиран, невыносим твой тяжкий гнет!
Терзаешь ты безжалостно народ!
Смотри, не стало бы наоборот;
Узнает гнет, кто сам других гнетет.

Ровнее след моих морщин, чем кольца кос твоих.
Румянец щек твоих алей, чем кровь в глазах моих.
Ты хорошеешь с каждым днем, — я с каждым днем слабею.
Ты все достойней слов любви, — не верю больше в них.

Ты, стройный кипарис, ушла — с тех пор все опустело,
Глаза мои покинуть грусть ни разу не хотела.
Имел когда-то душу я, и сердце нежно пело, —
Его за встречу отдал я, а за разлуку — тело.

Мне без тебя кровавых слез не осушить,
Огонь терзаний без тебя смогу ль залить?
Ушла — и вот мечты моей порвалась нить!
Приди — скажи, как без тебя могу я жить?.

Хоть часто ты со мной бываешь — ну и что ж?
Ты для меня души дороже — то не ложь!
Ты ближе мне всегда, чем сам себе я,
Хоть взглядом иногда вонзаешь в сердце нож!

АБУЛЬУЛА ГЯНДЖЕВИ
(1096-1159)

Основатель гянджинско-ширванской поэтической школы «золотого» XII века Абульула Махмуд Гянджеви родился в прославленном культурном и научном центре— городе Гяндже. По свидетельствам современников, Абульула являлся искусным поэтом и выдающимся учёным, был глубоко сведущ в светских науках и теологии, отличался богатой и незаурядной эрудицией. Достойный продолжатель лите-ратурной школы Гатрана Тебризи, А. Гянджеви щедротой таланта немало повлиял на формирование в азербайджанской литературе крупных поэтических фигур. Мехсети ха-нум Гянджеви, Хагани Ширвани, Фслски Ширвани, Муджи-реддин Бейлагани, Иззаддин Ширвани, Гивами Гянджеви и сам гениальный Низами Гянджеви так или иначе, являются учениками великого мастера Абульулы Гянджеви. Непосредственно его учениками были выдающиеся поэты Афзаладдин Хагани Ширвани и Фелеки Ширвани.

Абульула Гянджеви сорок пять лет жил и творил в родном городе, около двадцати лет служил при дворе Шир-ваншахов на должности «меликушшуара» — «главы поэтов» в городе Шемахе. Владел в совершенстве, кроме родного тюркского, и арабским, и персидским языками. Свои стихи писал, в основном, на персидском языке. К великому сожалению, до нас дошли скудные образцы его наследия — касыда «Писание о клятве» и несколько стихотворений — кыта. Но и эти произведения сообщают о могучем даре, отличаясь яркой образностью, изысканностью слога и совершенством поэтической техники.

Во многих авторитетных источниках упоминаются и даются достоверные сведения о многочисленных произве-

дениях А. Гянджеви на персидском языке. В основном все эти источники, содержащие огромное количество произведений и других азербайджанских персоязычных поэтов, находятся в разных архивах и музеях Персии (ныне Иран). Жаль, что пока для азербайджанских учёных эти рукописи недоступны. Надеемся дожить до дня Великого Воссоединения Северного и Южного Азербайджана и добраться до сокровищ своих великих сынов, прославляющих своим бессмертным талантом персидскую литературу.

ПИСАНИЕ О КЛЯТВЕ

Если в слове моем — нежность воли и всесильс огня,
Почему же, как прах, всякий сброд попирает меня?

О, преславный Аллах! Пятьдесят мне и пять еще лет.
Шесть десятков вдали, но, как шаст, я сопгулся от бед.

Сгорблен я, словно чанг, и толпа, как и в звуках его,
От меня, кроме жалоб, не слышит теперь ничего.

В беспредельности века людей я судил по делам,
Но не встретил такого, кто был бы и верен, и прям.

Все завидуют мне, всюду тысячи вижу врагов,
Строят тысячу козней, готовят железо оков.

Проницателен я — и завистники рушат покой, —
Как врагов не нажить может нынче ученый такой?

В небесах всех держав я сияю подобно луне, —
Почему же, как Суха, мерцаю я в этой стране?

То в стихи мои вставят поэта позорящий стих,
То в крови моей плавать — намеренье подлое их!

О делах моих сплетню кто-то пустит и носится с ней.
Обо мне сочиненных — найдутся ли шутки гнусней?

Но подлейшая кривда нашептана шаху была:
«Мол, твой главный надим, именуемый Абульула,

Собеседник твой первый по важным и тайным делам,
Эти тайны твои разглашает заклятым врагам!»

Я рыданьем **Дауда** и стонами Нуха клянусь,
Непорочностью **Яхьи**, страданьем Айюба клянусь,

Уваженьем к **Евангелию**, к **Торе** почтеньем клянусь,
Ибрахимовых свитков великою тайной клянусь,

Чёрным камнем Каабы и ночью Мираджа клянусь,
И аскетами, вникшими в сущность явлений, клянусь,

И бойцами, что встали под знамя джихада, клянусь:
От пороков, о коих шумит лицемерная гнусь

При народе и на ухо шепчет продажный клеврет,—
Чист я, как Мухаммед был чист от **меккалских клевет!**

Как и волк пред Юсуфом, в беде его не виноват,
Словно Яхьи душа, от греха я свободен и свят!

Повелитель! Твое правосудье всем людям дано,
Как чертоги Аллаха — прибежище слабых оно.

Если мог бы славить единое ты божество, —
Слово «нет» ты бы выбросил из словаря своего.

Не касалась пустою рука твоя чьей-то руки,
Разве только за чашей вина протянувшись к саки.

Ты безвинных не мучил, ничьей не играл головой,
Лишь калсму ты голову резал искусной рукой.

Я б сравнил твою кротость с горою, что вечно светла,
Если б только гора нам не эхо, а радость несла.

А щедроты твои — с океаном, когда б океан
Не ревел и не бился, когда налетит ураган.

По уму, по щедротам, по кротости тихой твоей
Нет и не было равных тебе из великих царей.

Взвешен каждый поступок и нет доброты показной,
Лицемерия чужд, с чистым сердцем одаришь казной.

Под рукой твоей нежною теплится воском гранит,
Но мечом погрози — и от страха он кровью вскипит.

Белл б хоть аромат твоей ласки до пальмы дошел, —
Пальма финики даст, а шипы ее станут как шелк!

МЕХСЕТИ ХАНУМ ГЯНДЖЕВИ
(1089-1183)

Одна из ярчайших поэтических гянджинских звёзд XII века Мехсети ханум Гянджеви родилась в городе Гяндже древнего Азербайджана. Получила углубленное гуманитарное образование своего времени, великолепно знала восточную литературу и музыку, в совершенстве владела персидским, арабским, тюркским языками, блистала в шахматной игре. Всесторонне изучала восточную философию, фольклорное наследие и в своём поэтическом твор-честве широко использовала эти знания. Мехсети ханум написала на тюркском, персидском языках немало любовно-лирических газелей, которые до нас дошли в мизерном количестве: одна газель в полном варианте и несколько отрывков из разных газелей.

Рубай, как поэтическая форма, и в азербайджанской, и в восточной литературе была разработана на основе фольклорного образца баяты ещё в XI веке. Мехсети ханум Гянджеви, создавая совершенные образцы восточной лирики — рубай на различные темы на персидском и тюркском языках, эту форму подняла на недосягаемую поэтическую вершину и прославилась как несравненный мастер этого жанра. В зените славы определённое время жила и творила в среднеазиатском городе Мерв при дворе Султана Сенджара. В преклонном возрасте уступила своё место в султанском дворе одному из своих талантливых учеников и вернулась в родную Гянджу, где провела жизнь до глубокой старости. Позднее о жизни поэтессы сложился полуисторический, полулегендарный дастан — сказание «Эмир Ахмед и Мехсети», дошедший до нас в рукописи.

Рубай Мехсети ханум Гянджеви отличаются удивитель-ной тонкостью психологических оттенков, проникновен-ностью и накалом чувств. Переживания любящего сердца, горестные и сладостные мгновения любви, восторг встречи и томление разлуки, гимн красоте возвышенного чувства и страстный порыв к счастью составляют пафос и лейтмотив её рубай. В этих лаконичных шедеврах — четверостишьях предстает многоцветная гамма чувств, переданная в мастерской огранке.

РУБАИ

Кто пьет вино, ходить нагим готов,
Рассудок отвергая, как покров.
Я опьянюсь и покажусь нагая —
Пусть красота слепит моих врагов!

Не жди прохлады от ветвей сухих,
Не жди пощады от людей скупых.
Постыдна жадность и отвратна корысть,
Но бережливость отличай от них.

Сказали слитки золота однажды:
«Мы словно соль, нужны — признает каждый.
Не прячьте в землю нас, как мертвецов,
Живым служить мы одержимы жаждой».
Ни ядов не сочту, ни жал любви.
Надежду искромсал кинжал любви.
Любовный кубок осушен напрасно —
Он существа не содержал любви.

Не принимает нас любви чертог,
Мы в подворотне — так желает рок.

У нас гостят то горечь, то забвенье,
А радость позабыла наш порог.

Над Харабатом поднялась луна,
Разбила в небесах шатер она,
Вот тут и раздалось: «Весь мир не стоит
И одного ячменного зерна!»

Земля в меня вселяет страх опять,
Везде могильный вижу прах опять.
Наш круглый мир, клешнями неба сжатый,
Кровавым блюдом следует назвать.

Однажды я увидела: подкошен,
Лежал под куропаткой мертвый коршун.
Она шептала: «Кто других топтал,
Тот под ноги им будет так же брошен!»

Ты, банщик, просыпаться не спеши,
Я встану в раннеутренней тиши,
Наполню все котлы твои слезами
И подогрею пламенем души.

Приветлив шерстобит — мой светлолицый,
Но грудь его — души моей темница.
О боже, дай поцеловать его,
Я перестану, может быть, томиться!

Мой шапошник смышлен и остроглаз,
Он шапки шить атласные горазд.
Из четырех одна хвалы достойна,
А я хвалила каждую сто раз.

Ты — словно месяц, ученик портного,
А я, луна, служить тебе готова,
Я нитью стать хочу, чтоб припадать
К твоим устам, что выглядят медово.

Ты дружишь, нить, с упорною иглой,
Но отчего же век недолог твой,
Ведь милый подержал тебя сначала
Во рту, как в роднике воды живой?

Румяный хлебопёк возник в окне,
С улыбкой подает лепешки мне.
Он превратил меня печалью в тесто —
Теперь мне ищет место на огне.

У пекаря учусь. Муку просею,
Стараться буду, как могу просею.
Муку просею — получу деньгу,
А ночью, охмелев, деньгу просею.

Базарный голова, дарга косой,
Бил женщину с распушенной косой,
А люди помощь оказать несчастной
Забыли, восхитясь ее красой!

Богатство мира — страсть, пою о ней,
Сын ювелира, ты — знаток камней,
На камень я как будто не похожа,
Так что же взглядом тянешься ко мне?

Я славлю землекопа мастерство,
Храня свой клад в груди, но что с того?

С лопатою в руках он ищет золото,
Я с золотом в руках ищу его.

Я с золотом в руках у входа встала,
Моелицокак золото блистало.
ПутьвХарабатзакрылмненовичок.
Нет, мне терпеть такое не пристало!

К нам в Харабат, уважь, не заходи,
Не примешь символ наш — не заходи.
Трудна дорога самоотреченья,
Коль жизни не отдашь — не заходи.

Нас даже тучей стрел не удержать
И толщиною стен не удержать.
Кто кудрями окован, как цепями,
Цепям не сладить с тем, не удержать.

Нас очищает облик твой огнем,
Куда бы ни брели, к тебе свернем,
Прими, как сердце, этот кубок полный,
Настой любви я сохранила в нем.

Слеза с ресницы — словно кровь с ножа,
Стекает наземь горяча, свежа.
Израненное сердце — на жаровне,
Кровинки в пламя падают, дрожа,

Ты — словно кипарис у родника,
Пускай же не гнетет тебя тоска —
Я с кувшином иду не за водою,
А на тебя взглянуть исподтишка.

Я мимо дома твоего, мой друг,
Брела уныло — одолел недуг,
Любовью чашу вздумала наполнить,
Забылась я — она разбилась вдруг.

Люблю тебя, но грудь моя — тайник,
Я не скажу об этом напрямик.
Сожмется сердце — я теряю чувства,
Бесчувственность спасительна в тот миг.

Живи один, ты вольно должен жить
И не спешить свое дыханье слить
С дыханьем друга — тотчас может
Он зеркало судьбы твоей затмить.

Злопамятны уродцы испокон,
Мужчины — трусы, неприятней жен,
Неверный друг врага лихого хуже,
Оставь его, не стоит дружбы он.

Зажгут свечу в вечерней тишине,
А утром позабудут на окне.
Скажи, свеча, что делать человеку,
Когда удел его — страдать в огне?

Тебе к лицу учтивость и привет,
Поближе сядь — греха в соседстве нет.
Послушай, сын гянджинского хатиба,
Оставь притворство, ты же не аскет!

Твой локон я с моим связать должна,
Чтоб ты со мной остался допоздна.

Пока не принесли вина, — я выскажусь,
И ты не скажешь: «Это — от вина».

Мы проведем не вместе эту ночь,
Звезд не сольем в созвездье в эту ночь.
Я грудь свою сама раскрою позже,
Но воздержись от мести в эту ночь.

В меня влюблен, пригляден и удал,
Мне скрыться с глаз ни разу он не дал.
Я в шутку обмануть его хотела,
Но сразу он и это разгадал,

Любовь к тебе опаснее силка,
Душа моя послушна и легка.
Ты близок к исполненью домоганий —
Я вновь от воздержанья далека.

Мой месяц ясный, я — твоя луна,
Надежда на свиданье мне нужна.
Разлука — наказание большое,
Равна ли наказанию вина?

Не стоит объясненья твой уход,
В размолвке каждый день длинней, чем год.
Прости и возвращением обрадуй,
Не ты — так кто же боль мою уймет?

Душа — руина, из нее чуть свет
Терпение ушло, простыл и след.
На краткое свиданье дай надежду —
На большее уже надежды нет,

Согласна стать рабынею твоей, —
Купи или отбей, но завладей.
Пустьямочканасмугломподбородке
Окажется темницею моей!

Прильни ко мне и долг верни сполна,
Верни мне жизнь, тобой взята она.
Не знаю, что творится в мире, ибо
Твоей любовью я опьянена.

Мой дом любовь спешила посетить,
Мне эту ночь решила посвятить.
Когда любовь свече подобна яркой,
Пусть солнце не торопится светить!

Улыбка ли блеснет, раздастся смех —
Душа услад желает и утех.
Давай же согрешим с тобою, ибо
Отказ от прегрешенья — высший грех!

Не дашь мне этой жажды утолить —
Я вновь тебя сумею удалить.
От моего недуга есть лекарство,
Но ты не хочешь капли уделить.

Ужель и вправду мужем должно звать
Того, кто не умеет жен ласкать?
Мой поцелуй цари в полцарства ценят,
А ты не хочешь даром целовать?

Целуй меня! За разом раз еще,
И пять, и семь, и девять раз еще.

В десятый раз целуй меня скорее,
А после — сразу — десять раз еще!

Вновь небо стало радужным теперь,
Обняться вновь пора б уж нам теперь.
Святоша, увидав объятья наши,
Останется ли набожным теперь?

Тебя целую, жажды не тая,
Весны моей долина — грудь твоя.
У нас с тобой два тела, но отныне
Душой единой стали — ты и я.

Коль ты вонзишь в кого-нибудь свой нож
И в поцелуе к лезвию прильнешь,
И вновь его вонзишь — воскреснет мертвый,
Желаньем губ ты жизнь ему вернешь.

Принять согласна, позабыв покой,
Всемукиоттебя,любимыймой,
И если им душа не будет рада,
Пусть тело станет для души тюрьмой.

Ты в бога веришь — поклонюсь и я,
К вину привержен — опьянюсь и я.
С тобой, любимый, я себя забуду —
Небытие отрадней бытия.

Ты в небо смотришь — на моих глазах,
Ты с тучей споришь — на моих глазах.
Храню твой образ, как зеницу ока,
И все же тонешь ты в моих слезах.

Перенимают розы твой расцвет,
Но это — только отраженный свет.
Войди же в сад — в нем розам нет числа,
Но нет тебя, и — обаянья нет.

Скинь покрывало — розы расцвели,
Пей из бокала — розы расцвели!
Пою и пью с тобой, розово л и кий,
И все мне мало — розы расцвели!

На землю не смотри, ведь прах увидит,
И в небо не смотри — Аллах увидит.
От ревности умру, коль кто-нибудь
Во сне или в мечтах тебя увидит.

Прекрасна роза средь родных ветвей,
Прекрасен одержимый соловей.
Поражена коротким веком роза,
А соловей — своей разлукой с ней.

Не прикасайся ты к бедняжке — розе,
И так достался жребий тяжкий розе.
Врассветный ветерок в любившись,как
Не изорвать своей рубашки розе?

Любви предамся ночью без забот,
Мечту мою исполни, небосвод, —
Пусть длится ночь, хотя она печальна,
Пусть медлит день, хоть счастье он несет!

Лицо открою, волос расчешу.
И приманить губами поспешу.

Я трезвой, полупьяной и хмельною
Лишь для тебя играю и пляшу.

Тебе враги твердили вразнобой:
«Не связывай судьбу с ее судьбой».
Ты хочешь, чтобы их труды пропали?
Давай сейчас же встретимся с тобой!

Как только ты моих коснешься рук,
Так просветлеет, что темно вокруг,
Прочти стихи о встрече, сын хатиба,
Пускай пройдут тревога и испуг.

Иль где-то просветление увижу,
Иль светопреставление увижу.
Умрет в мученьях тот, кто ссорит нас, —
Я это представление увижу!

Я умереть, любя, не откажусь,
Но только от тебя не откажусь.
У ног твоих — увидишь ты однажды —
Я трупом бездыханным окажусь.

Ты вспомниться — и пламя в душу рвется,
И слез поток из глаз наружу рвется,
Меня пьянит дыхание твое —
Рубаха моего терпенья рвется.

Мне сердце даже от озноба жжет,
Мой вздох горячий землю обожжет.
Ты обо мне заговорить боишься,
Заговоришь — язык и нёбо жжет.

Речь уподобив кривизне бровей,
Душой кривя, не станешь ты правей.
И, к слову, есть пословица такая:
Ставь чашу криво, только не пролей.

Вставай, двуликий, я тебя узнала,
Ты козни строишь, не стыдясь нимало.
Тебе — что клятву выбросить из памяти,
Что выплеснуть вино со дна бокала.

Как мне сказать, что все мечты разбиты,
Как мне сказать, что не сберег любви ты?
Была бы ночь долга, как волос твой,
Тогда, быть может, я б сочла обиды.

От постоянства ты далек, я знала,
Готов переступить зарок, я знала,
Начнешь любовью — завершишь враждой,
Конец я знала с самого начала!

Оставлен дом не по твоей вине,
Из-за тебя не жаль и жизни мне,
А если это — ложь, пускай в разлуке
Растаю, словно золото — в огне.

Вожатый каравана, ты в пути
Не оставляй понурой Мехсети,
Твою поклажу понесут верблюды,
А мне печаль твою позволь нести.

Мое письмо, оно уже в пути,
Я кровью начертала в нем: прости,

И если это — ложь, порви и выкинь,
Но если — правда, смилуйся, прочти.

От горя не спасает и броня,
Я боль сношу, терпение храня.
Не сердце у тебя, а тяжкий камень,
И камень тот на сердце у меня,

Свиданье в дымке голубой пропало,
Сверканье слез во тьме слепой пропало.
Все было в сердце — счастье и покой,
Но ты исчез — и все с тобой пропало.

Проходят в горе дни моей весны,
Глаза в слезах не могут быть ясны.
Как волосы твои, сплетаясь, ночью
Меня изводят путаные сны.

Судьба силки расставила меж нами,
Меня сдружило горе со слезами,
Свиданий не ценила, а теперь
В разлуке истлеваю, словно в яме.

Я шлю письмо, прочти его, тем паче,
Что каждая строка рождалась в плаче,
Я боль слезами с кровью излила,
Не знаю, можно ль выразить иначе!

Рассветный ветер, отрок быстроногий,
Хоть ты жестокосердого растрогай.
Скажи ему, что видел Мехсети —
Она лежит, убитая дорогой.

Так много слез кровавых на бумаге
Что буквы стали красными, бедняги.
Перо, как я, тоскует по тебе
И плачет, не жалея жаркой влаги.

Твоя щека — тюльпана лепесток,
Один твой взгляд сто бед моих исторг.
Ручей увидишь близ дороги — помни:
Моя слеза дала ему исток.

Потоком слез моих коснусь едва —
Вращаю мельничные жернова,
Но каменное сердце нелюдима
Не трогают ни слезы, ни слова.

Водою было небо надо мной,
Тоской моею стал огонь земной.
Из края в край скитаюсь, будто ветер,
Я в поисках земли моей родной.

Моя судьба — судьба степной травы,
Вокруг — безводье, высохшие рвы.
Что пользы в поученьях осторожных,
Когда уже лишишься головы!

Прочти письмо печальное, прочти,
Ты сердце подобрал мое в пути,
Но легче утомленному не стало,
Так смилуйся, скорее возврати.

Я в мир пришла, тоскуя по тебе,
Жизнь тяжела — тоскую по тебе.

Душа моя — обитель безнадежья,
Я умерла, тоскуя по тебе.

Я слезы вместе с кровью пролила,
Я пепел с небом вровень подняла.
Благодаря молитвам — чьим, не знаю,
Я, изойдя тоской, не умерла.

Как я искала, как звала — не спрашивай,
Как проклинала мир со зла — не спрашивай.
И как руками, что нашли тебя,
Я волосы себе рвала — не спрашивай.

Настала ночь свиданья, не дремли,
Пора свершить желанья, не дремли.
Ночь коротка, но было перед нею
Полжизни ожиданья, не дремли!

Мне к солнечным устам припасть сперва,
Иль к черным волосам припасть сперва?
Прекрасны и лицо, и стан, и волос, —
Не знаю, чем насытить страсть сперва!

Кровопускатель, будь нежней чуть-чуть,
Любимого врачуя, не забудь:
Конец иглы, ему входящий в руку,
Вонзается в мою больную грудь.

Ты наступаешь, ты грозишь бедой,
И все же проиграешь, милый мой.
Ведь я, открыто в шахматы играя,
Заигрываю исподволь с тобой.

Ты, старый мастер, мудрости своей
В советах подмастерью не жалей,
Пусть осторожней просевает землю:
Прах **Кейкубада и Парвиза** в ней.

Любой кирпич, любой дворцовый свод —
Из тлена шахов, павших от невзгод,
А каждая травинка — локон чей-то,
И чьи-то щеки ныне топчет скот.

На колесе судьбы, не год, не два,
Распята, ни жива и ни мертва,
Я вместе с ним вращаюсь непрестанно, —
Вот почему кружится голова.

Тот,ктолюбвинавекпредатьсямог,
Не смеет говорить: «Мой жребий плох».
Я спутника себе всю жизнь искала —
Им оказался собственный мой вздох.

Алтарь любви, священный кров любви,
Мы слов не знаем, кроме слов любви.
Мы запрещаем вход в обитель нашу
Тем, кто отдаться не готов любви.

Богат безмерно — не подкупишь смерть,
на сумеет всех смести, стереть.
Один старик сказал мне в Харабате:
«Живи счастливо, належишься впредь».

Пускай почтил тебя венцом народ,
Пойми: не щит от нищеты — почет.

Заботься о народе, будь с народом
И бойся дня, что бедность приведет.

Завоевал Египет, Рим, Китай —
Как камень в перстне, мир своим считай.
А что в конце? Холста аронгао» десять,
Земли же три аршина, так и знай.

Разлукой сердце полня, жить нельзя,
Как полночи без полдня жить нельзя.
Спокойно ты живешь, меня не помня,
А мне, тебя не помня, жить нельзя.

Скакун отцовский статен был и прыток,
Его отдал, но получил ты слиток.
Потрать его; веселье твой доход;
Никто не скажет: «Он понес убыток».

Ты, сын хатиба, должен верить мне,
Как я люблю — реши наедине:
Из-за меня в огонь готовы люди,
А я хочу сгореть в твоем огне.

Хвощ нелеп, где расцвечен тюльпанами луг,
Нежным розам репейник колючий – не друг.
Как прекрасен был юноша этот! Зачем
Он завел себе длинную бороду вдруг?

Сад пожаром объят, пламя роз он вознес,
Наша жизнь — это только рубаха из роз.
И пока ее смерть с твоих плеч не сорвет,
Береги свою розу и чашу от гроз.

Одиночества мук не довольно ли мне?
Или ты не насытился ими вполне?

Ты сказал, что в Гяндже будем счастливы мы, —
Вот мы оба в Гяндже — наяву, не во сне!

Не насытясь теперь моих губ родником,
Берегись потерять его вовсе потом.
Я больна от любви... Сын хатиба, скажи:
Неужели моим ты не станешь врачом?

Ты хорош, если вежлив и нежен чуть-чуть.
Подойди,светлоликий,сомноюпобудь!
Ты — надменный, хатиба мудрейшего сын,
Отчужденности цепи пора разомкнуть!

Этаночьнамданадлялюбви,неусни!
Пусть желанье бунтует в крови, не усни!
Темных глаз не смыкай, о возлюбленный мой,
Прилетевшее счастье лови, не усни!

Повалив и зарезав меня, мой мясник
Со слезами к ногам моим бедным приник. —
Ты жива еще! — молвил, прощенья просил.
Оказалось, что с ног свежевать он привык.

Мой любимый, поверь мне, кровавой слезой
Я писала письмо, что лежит пред тобой!
Как еще безысходное горе свое
Я могла бы поведать, возлюбленный мой?

Ничто не в силах нас заставить разлучиться!
Какою клеткою в плену удержишь птицу?

Кого ты оплела жгутами черных кос —
Того оковами не удержать в темнице.

Помогут ли слезы теперь и губ моих пламя сухое?
Навылет пронзил мне грудь ты пущенной метко стрелою.
Я думала, что этой любви ручей мелководен и узок, —
Но чуть оступилась, и вмиг под воду ушла с головою.

Сказать ли, что с моей душой ты, став надменным, сделал?
Ты жизнь бесценную досель — ничтожной, бренной сделал!
Была бы, как моя коса, ночь длинною,—тогда б
Все рассказала я, что со мной твоя измена сделала.

Не сплю я по ночам, а плачу. И от слез
В моих глазах туман, черней твоих волос.
А если и усну, то вижу сны, еще
Запутанней моих рассыпавшихся кос.

Я горестный день расставания знала,
Что лживы твои обещания, знала.
Клянешь ты меня, а клялся мне в любви!
Но верь — я все это заранее знала.

С протянутой рукой увидев бедняка,
Две сотни праведных сердец сынов Гянджи
Отдам, чтоб нищету утешить старика.

Я спьяна выронила вчера кувшин из рук.
О камень грохнувшись, заговорил он вдруг:
— Стал грудой черепков в единый миг, хоть я
Таким же, как ты, был только что, мой друг.

Роза пунцовая вдруг побледнела —
К ней соловьиная трель долетела,
Листья срывая, она растерзала,
Словно безумная, в кровь свое тело.

Ярко озаряет сад наш пламя роз.
Жизнь — халат, расшитый лепестками роз.
Дунет ветер смерти — не найдешь тогда
В вырытой судьбою черной яме роз.

С кувшином из золота мир этот схож —
То горькую воду, то сладкую пьешь;
Но смертного часа оседлан скакун, —
Не долго ты здесь, на земле, проживешь.

ФЕЛЕКИ ШИРВАНИ
(1126-1160)

Один из избранных поэтов при дворе Ширваншахов Абу Низам Мухаммед Фелеки («Относящийся к небесам») Ширвани родился в древнем культурном центре Азербайджана городе Шемахе. Фелеки Ширвани был всесторонне развитым человеком, глубоко сведущим в математике и астрологии, являлся искусным каялиграфистом, глубоко знал восточную поэзию, сам рано начал писать стихи. Фелеки состоял в тесной дружбе с Афзаладдином Хагани, они вместе учились у великого поэта Абульула Гянджеви поэтическому мастерству. Однако в пору расцвета своего творчества Фелеки впал в немилость ранее обласкавших его властителей и был брошен в темницу. Долгое и мучи-тельное заточение подорвало его душевные силы и здоровье и, не дожив до сорока лет, он скончался. Хагани оплакал раннюю смерть своего друга и собрата по перу в своей известной марсие.

Настоящие поэты не умирают, они вечно живы в своих бессмертных строках. К счастью, до нас дошло около двух тысяч бейтов из поэтического наследия великого Фелеки Ширвани, представляющих собой достойные образцы классических форм восточной поэзии: касыда, терджибенд, газель, кыта, рубай, фэрд. В этих произведениях содержится масса сведений по истории Ширваншахов, которые представляют интересный материал для изучения истории поэзии азербайджанской литературы XI-XII веков.

Воспевание первозданной красоты составляет пафос пейзажной лирики поэта, Фелеки влюблён в родную природу, заворожен её чарами, сокровенной жизнью и преображениями. Смена дня и ночи, кристально чистые ручьи,

соловьиные трели, воркование голубя - всё живое волнует душу поэта...

Фелеки Ширвани является одним из тончайших лириков Азербайджанской классической поэзии. В его стихот-ворениях, посвященных любви, наблюдается не мистический антураж, а наоборот, в них бьются живые, неподдельные, непосредственные человеческие чувства.

Приходится сожалеть о том, что из богатого наследия Фелеки Ширвани на русский язык переведено немного.

КАСЫДА

Никого, кто мне в беде поможет, нет1
Что мне делать? Счастья в жизни тоже нет!

Изможден я ожиданьем, как аскет,
Но иного, как терпенье множить, - нет!

Не дивлюсь я, что надеждой не согрет,
Если в сердце для надежды места нет.

И у звезд, что мне пророчат столько бед,
На судьбу мою иного взгляда нет.

Злою осенью былого счастья сад
Поражен, и на весну надежды нет!

Я — в оковах, словно стал бесноват,
Только бес не осаждал меня, о нет!

Долго ль помощи у всех просить могу?
Кто поможет? У меня и друга нет!

Род отсюда мой, но, право, не солгу.
У меня друзей здесь не было и нет.

От вина, что для веселья пьют везде,
Мне досталось лишь похмелье, - счастья нет.

Есть беда, но много хуже, что в беде
Никого, кто разделил бы горе, нет.

В сердце — рана, телом болен я и жить
В государевых оковах — силы нет.

Чашу горькую придется мне испить:
Шах не знает о моих стенаньях, нет!

Повелитель! Пощади! Ведь на земле,
Если ты не пощадишь, — пощады нет.

Пусть я страхом пред тобой подобен тле, —
Мудрецов стыдиться мне причины нет.

Меч — возмездие заслуженное мне,
Если б не был я проучен им вполне.

О, прости меня, хотя б на этот раз,
Хоть и сил молить об этом нет сейчас.

Предположим, что скорблю в темнице я,
А от цепи у меня страданий нет, —

Но смертельна и немилость мне твоя:
В дни приемов для меня приема нет!

Не гони меня от ясных глаз твоих,
Больше сил, чтобы сносить мученья, нет.

Ночи нет, чтоб из кровавых слез моих
На коленях не остался лалов цвет.

Чтобы вымолить от смерти амулет,
За тебя всегда молюсь, — иного нет.

Боль страшна затем, что послана тобой, —
Перед муками иными страха нет.

Стало золото мое моей бедой,
Но разумному — нужды в богатстве нет.

Прикажи мне дать хоть в крепости жилье, —
В этом месте у меня ведь воли нет!

Узник бедный, да еще дитя мое, —
Кроме нас, в моем роду живых и нет.

Так страдаю, самого себя кляяя,
Что вздохнуть хоть раз единый силы нет.

Утонул я в море бед, и у меня
Даже скорби о безбрежности их нет.

МУДЖИРЕДДИН БЕЙЛАГАНИ
(1130-1194)

Одним из ярких талантов периода Азербайджанского Ренессанса является Абуль Абубакр Музаффар Муджиред-дин («Попечитель религии») Бейлагани. Он родился в Бей-лагане, который в XII веке прославился на Ближнем и Среднем Востоке политически, экономически, культурно, научно и, в торговом плане, как всесторонне развитый город. Муджиреддин Бейлагани получил широкое образование: изучал математику, астрономию, астрологию, географию, медицину, античную философию, теологию. В совершенстве владел тюркским, арабским, персидским языками. Основательно занимался теорией классической восточной поэзии и азербайджанским фольклорным наследием. В восемнадцать лет переехал в Ширван и продолжил учиться поэтическому мастерству у Хагани Ширвани. Ха-гани высоко ценил поэтический дар своего ученика.

Муджиреддин Бейлагани создавал свои произведения в основном на персидском языке, который в XI-XIV веках являлся языком поэзии на всём Востоке. Но разные источники указывают, что поэт пробовал своё перо и на тюркском, и на арабском языках.

Муджиреддин Бейлагани около пятидесяти лет жил и творил при дворе Эльдегизидов и снискал славу касыдами, посвященными правителям — Мухаммеду Джахан Пехлевану и Кызыл Арслану. Он преуспел и в других поэтических жанрах, был признанным мастером газелей и рубай. До наших дней дошёл его объёмный «Диван». Бейлагани написал притягательные стихи, посвященные прекрасной избраннице, воспеванию любви, картинам природы, а также встречаются образцы, где звучат сетования на окружающую среду и сквозит внутренний разлад. При всём благополучии придворной

жизни поэт ощущает духовное одиночество, внутреннюю ущемлённость, чает верной дружбы и искреннего участия.

Бейлагани является автором немалого количества ко-лючих и метких хадж вон — эпиграмм, мишенью которых становились временщики и царедворцы. Его рубай философского характера — отзвук раздумий о вечных проблемах бытия, о жизни и смерти, о превратностях судьбы.

КЫТЫ

Душа моя подобна океану,
Мне жемчуга даруют вдохновенье,

А эти пустозвоны, куклы эти,
Подобны грязной океанской пене,

Стараются казаться соловьями!
Но ведь всегда ворону выдаст пенье!

Они — как ножны, языки — клинки их,
Им ненавистен вольнодумный гений.

Питают взятки их, как лампу масло,
Они ж чадят, как мокрые поленья!

Как муравьи, они воруют крохи
Со скатертей моих стихотворений...

Что ж, муравьи, потопом темным хлыньте —
Один мой бейт растопчет вас в мгновенье!

Сад времени нашего ядом сочится,
Ни в свежесть, ни в сласть тростника ты не верь.

Его сердцевина больна и червива...
О жизни и смерти подумай теперь.

Скрипят без конца две широкие двери —
Ворота рождений, ворота потерь.

Вращается мир, забывая ушедших,
Бесстрастно встречая стучащихся в дверь
.
Сердце то, что рок ни разу не сразил стрелою, где?
Миг, что время не влекло бы в пропасть за собою, где?

Солнца зеркало кружится в чистом небе, а под ним —
Друг, что зеркалу подобен сердца чистотою, где?

Я сердец, которых горе пощадило, — не встречал.
Пусть назло мне, — где то сердце, что живет в покое, где?

Из всего, что сохранило время от минувших дней, —
Стен, воздвигнутых судьбою, кто прочней построил, где?

РУБАИ

Огонь сжигает грудь мою — из-за тебя, мой друг.
Я муки сердца не таю — живу скорбя, мой друг.
Ты на чужбине. Боль твоя сильней моей тоски.
Я знаю это — и пою лишь для тебя, мой друг.

Я б кольцо свое украсить бирюзой небесной мог,
Лошадь времени взнуздал бы, а дыханьем скалы б сжег,
Но коль тысячу колосьев на **хырмане** Хагани
Соберу я, стихотворец, — буду счастлив, видит бог!

О ночь одиночества! Ночь, пощади!
Я брошен. Закован я... Тьма впереди...
О ночь, если даже ты жизнь, — уходи.
О утро! Пусть гибель ты, — вспыхни! Приди!

Цветок был рад рассвету — и увял.
Доверил тайну сердца ветру — и увял.
О, как превратна жизнь, — за десять дней
Пришёл конец расцвету, — и увял...

ХАГАНИ ШИРВАНИ
(1126-1199)

Афзаладдин Ибрагим Али Наджар оглы Хагани родился в городе Шемахе. Воспитанием будущего поэта занимались дядя по отцу Кафиаддин Омар Осман оглы — врач и философ, а позднее сын дяди Вахидаддин Осман. Маленький Ибрагим отличался пытливостью и незаурядной памятью, в очень раннем возрасте выучил Коран, усвоил законы языкознания, теории поэзии, приобщился к литературе, математике, философии и другим наукам. С пятнадцати лет начал писать изысканные стихи. В восемнадцать лет он уже стал придворным поэтом у Ширваншахов и вскоре выдви-нулся в ряд виднейших устадов — стихотворцев. Здесь же он получил псевдоним «Хагани» — «Присущий хаганам». Поэт мечтал о дальних странствиях, хотел побывать в Ираке, Персии. К концу правления Манучехра Ш в ширванском дворце происходили смуты. Известный поэт Фелеки Шир-нл] I п был брошен в темницу. Мракобесы стремились ошельмовать великого поэта Абульула Гянджеви и Хагани Шир-вани. В это время Хагани покинул Ширван и отправился в иракское странствие. По возвращении его ждало заточение. Поэт попал в темницу и во второй раз, в годы правления сына Манучехра-Ахситаиа. Хагани в 1176 году совершил паломничество в Каабу и более не возвратился в Ширван, обосновался в Тебризе. Несмотря на неоднократные приглашения в разные дворцы, поэт больше не покидал Тебриз. Прах великого азербайджанского поэта покоится на знаме-нитом кладбище — «Пантеоне поэтов» в городе Тебризе.

Хагани является одним из выдающихся основополож-ников Азербайджанского поэтического Ренессанса, лидером лирической поэзии и поэтом-мыслителем, создавшим

несравненные образцы социально-философской поэзии. Хагани оставил богатое творческое наследие: «Диван» — семнадцать тысяч бейтов разных стихов; газели, рубай, касыды; поэму «Подарок двух Ираков»; **фахрии, хабсии**, поэтические размышления «Развалины Медаина»; множество мадхийе — восточные оды, шестьдесят писем, которые можно отнести к первым образцам национальной художественной прозы и т.д.

ПОДАРОК ДВУХ ИРАКОВ

Поэма

УЧИСЬ У МУДРЫХ

Коль хочешь ведать таинства стихов,
Учись у мудрых, истинных певцов.

Я искуса тяжелый путь прошел,
Покамест солнце разума обрел.

И стал я в мире слов как солнце дня,
Певцы другие — звезды вкруг меня.

Орбиты их в лучах моих идут,
И у меня свой блеск они берут.

Вот так луна, блестящая в ночи,
У солнца мира в долг берет лучи.

Но, бледная, сливаясь с синевой,
С восходом солнца блеск теряет свой.

ОБРАЩЕНИЕ К СОЛНЦУ И ПОРИЦАНИЕ ЗОЛОТА

Зазолотомнедолженгнатьсятот,
Кто в сердце знанье истины несет.

В младенчестве — на утре наших лет —
Нас привлекает блеск и яркий цвет.

По цвету роза с золотом сходна,
И гибнет в муках оттого она.

Как искра, золотой песок в русле,
Как кровь, застыло золото в земле.

А царский обретя чекан, оно
Несет мученья сердцу — зла полно.

Тот, кто в кисете видит жизнь и свет,
Себе затянет шею, как кисет.

Чья сила только в толщине мошны,
Хоть и богач, он раб своей казны.

О золото! Страданий корни в нём!
Оно, по сути, родственно с огнём.

Близки их имена: зар и азар.
Начало имени Зардушта — зар.

С холодным сходно золото огнём,
Огнепоклонник бога видит в нём.

Огнём застывшим льда не растопить,
Родник души закрытой не открыть.

Перед казной несметною скупца
Живые не раскроются сердца.

Пусть из железа жадности твой щит
От чувств горячих сердце защитит, —

Но будет злато — злая власть его —
Магнитом для железа твоего.
Железо алчности сними с груди,
От золота — магнита отойди!
Назвал я вором золото.Оно
С двуличною красавицей сходно.

Чтоб не сгубить себя, расстанься с ней!
Пусть это идол, идол ты разбей!
Увидел прозорливо Хагани, —

В кумирне этой идолы одни.
Но идолы я эти сокрушил,

В цветник огонь Нимрода превратил.
Кто предан сути шестиглавой сей,

Того поглотит семиглавый змей.
И тот, в чьем сердце золотой царит,

Тот истины зерцала не узрит.
О ты, дающий камню блеск и цвет,

Чья суть — сиянье, радость, жизнь и свет.
О солнце! Льёшь ты свет бесплатно всем,

Дары ты сыплешь безвозвратно всем.
Всех одарить добром тебе легко

Твой блеск по яшме царственной скользит
И под ногами низкого лежит.

Ты щедро в ласке к сущему всему,
Отказываешь мне лишь одному.

Так поступают лишь враги одни,
Как ты со мной, во тьме влачу я дни.

Ширван твоим сияньем озарён,
За что же я в потёмки погружён.

И некому мне скорбь свою открыть,
И не с кем мне печали разделить.

Сижу в углу убогом, унижен,
В страдания и горе погружен.

В гортани жар ф аренде ко г о огня,
В груди кинжал индийский у меня.

Я жертва злых, завистливых людей,
Повис петлею сорванных дверей.

Кому об этом зле я расскажу?
Без ног, подобно камню, я лежу.

Меня тяжелый молот поразил
И стан мой в «мим» согбенный превратил.

О солнце! Свет ты каждому даришь,
Ты на пороге нищенском лежишь!

Но скручен я в кольцо. Жгутом я свит,
Мой стон восходит кольцами в зенит.

Едва забрезжит утренняя рань,
Кольцо огня сжимает мне гортань.

И в кольца воплей там — в твоих лучах —
Вдевает ноги Дева в небесах.

И новый узел из моей души
Завязывают небеса в тиши.

Подъемля стяги над бегущей тьмой,
Зачем ты не развяжешь узел мой?

И вскользь не глянешь ты в мое окно,
Проходишь, от меня отвращено.

Средь многих окон есть окно моё,
Но для других сияние твоё.

Слепой нарцисс, хоть он и безголов,
В венце из золота и жемчугов.

Кому ты отдал с пальца своего
Кольцо? Ничтожный выбросил его!

Где золото? Оно внутри узла,
Что нам судьба таинственно дала.

Сегодня недостойный — высоко.
Дары судьбы он приобрел легко.

Но высшей цели достигает тот,
Кто перед низким ниц не упадет.

Зло пропускает наше решето,
Сегодня правды не найдет никто.

Исчезли доблесть, мужество людей,
Нет ни добра, ни верности друзей.

Враждебна нам судьбина. Ты взгляни:
Завистливо и солнце в наши дни.

Неужто там? Нет, нет! Ошибся я;
Сказала это прихоть лишь моя!

ПОДРОБНОСТИ ПУТЕШЕСТВИЯ

По воле повелителя времен,
Я был из Града зла освобожден.

И я пустился в путь — к стране иной,
Овеян ширью вольною степной.

Покинув град, где грех царят и мрак,
В далекий я отправился Ирак.

Оставя край, где море в берег бьет,
За **Софид-руд** я перебрался вброд.

Семь **Кухистана** славных городов
Прошел я, как прекрасных семь садов.

О Кухистан, страна, где веет мир,
Где средь камней таится эликсир!

Предел благословенный бытия, —
Его земля чиста, как **тутия.**

Здесь праздник каждый в любом саду,
Четыре здесь весны цветут в году.

Граница тут — сплошной зеленый сад,
Гвоздики в том саду чаруют взгляд.

Здесь поздней осенью цветут цветы,
Над реками красуются мосты.

Здесь восьмиликий цвет в садах цветёт,
Мосты из камня здесь — в один пролёт,

Свободны от разбоя горы здесь,
Одни лишь казначеи — воры здесь.

Страна, как рай земной, в сплошных садах,
Но власть у адских выходцев в руках.

Увидев низких нравом, от беды
Ушел я. Им оставил их сады.

И, наконец, прибрел я — еще жив —
К лугам, где сам охотился халиф.

Не видев лучше мест за жизнь свою,
Решил, что оказался я в раю.

Стояли стройно воины в рядах
Бесчисленны, как звезды в небесах.

Они из ножен извлекли мечи,
Блистающие ярко, как лучи.

И были письмена на их мечах:
«Дай нам победу, всеблагой Аллах!»

Кто в грозных войнах мог врага крушить,
Тех, верно, в мелких битвах не разбить.

Их одеянья пышные пестры,
Как сабли, в споре языки остры.

Когда же ослабеют языки,
Им в споре помогают их клинки.

Как тысяча ударов их удар,
Их клич бросает всех в озноб и жар.

Блестящий шлем им заменяет ум,
Их шлем — вместилище глубоких дум.

Прижатые же к сердцу сабли их
Дороже душ, наверно, им живых.

Хотел попасть я в этот пышный стан,
Я ждал, что призовет меня султан.

Чело я пред вельможами склонил
И так почтительно заговорил:

«О избранные люди, в этот час
Жду помощи я только лишь от вас.

Перед самим царем стоите вы,
Владыке обо мне скажите вы.

Избавившись от бедствий, я достиг
Владений первого среди владык.

Султану я хвалу хочу воздать
И руку у него поцеловать!»

Отряд блестящий мимо пропылил,
Вниманья на меня не обратил.

Была пред ними втуне речь моя,
Беспомощен, один остался я.

И некто, словно солнце в вышине,
Парчой блистая, подошел ко мне.

То был сияньем озарявший мир
Властителя иракского визирь.

Чтоб райских я восьми достиг дверей,
Судьба мне кости бросила скорей, —

И мне четыре выпало вдвойне,
И к счастью эта встреча стала мне.

ВСТРЕЧА И БЕСЕДА С ДЖЕМАЛАДДИНОМ МОСУЛИ

Излил пред ним я ток стихов моих,
И выслушал, и похвалил он их.

Раскрыл уста ходжа. А говоря,
Он перлами наполнил бы моря.

Издревле жемчуг в море возникал,
А он свой жемчуг морю отдавал.

И жемчуга речей его поток
Украсить мог бы сей двойной чертог.

Приятен был, как веянье ночей,
Как песнь Забура, звук его речей.

Свое лицо ко мне он обратил
И так меня приветливо спросил:

«Кто ты такой и как тебя зовут?
Откуда родом? Что ты ищешь тут?»

Сказал я: «Родина моя — Ширван
Мое занятье — песен ткацкий стан.

Хоть плотником простым отец мой был,
Он в мудрости был как пророк Халил.

В пещере бедствий изощрил я ум
Средь размышлений и бессонных дум.

Но небосвод, безжалостно суров,
Меня поверг в глубокий ад грехов.

Но в воле вашей милости теперь
Из ада бедствий в рай открыть мне дверь.

Дорогою стремления сердец
Прошел я землю из конца в конец.

И всё, чем я живу и чем дышу,
Как сына, богу в жертву приношу».

Ходжа спросил: «Как ты в Ирак попал?
Зачем с отчизной ты своей порвал?»

Ответил я: «Там царствует беда,
Там горек хлеб и солона вода.

Там голод, и нужда, и грех, и тьма;
Весь город этот ныне как тюрьма.

Там не бывает радостного дня,
Там небо дышит яростью огня.

Там для питья не годны воды рек
И, как в аду, томится человек.

В аду горящем бедствий и нужды
Никто не хочет насаждать сады.

От гибели судьба меня спасла
И в сторону Ирака привела.

И я, ходжа, придя в страну твою,
Увидел изобилье, как в раю.

Из Ханаана, где я голодал,
В Египет благодатный я попал!

Пусть примет светлый сам меня халиф,
В его владеньях буду я счастлив.

Как мотылька, вокруг чалмы своей
Вращай меня, веди к царю царей.

И хоть султанский славится дворец,
А где у вас такой, как я, певец?

Пусть трон царя и выше всех похвал,
Но кто его достойно воспевал!

Ведь перстень, как бы ни был он хорош,
Нуждается и в воске чистом все ж.

На перстне вязь письмен обратных есть,
И лишь на воске можно их прочесть».

Ходжа сказал: «Высоко метишь ты,
Но совершенством, друг, не светишь ты!

Ты недостоин близко к трону стать, —
Себя ты очень любишь восхвалять.

Невежда лишь доволен сам собой,
А скромность — путь к познанию прямой.

Твердишь ты: «Я!» да «Я!» От хвастовства
Грудь разорваться может и у льва.

Поверь — и горло доблестных людей
Способно лопнуть от пустых речей.

Пуста бездоказател
Коль украшения с неё совлечь.

Ведь каждого, чей предок был Адам,
Мы судим по делам, не по речам.

Ты, как павлин, расхвастался; а о
Взглянув на ноги, замолчит, смущён.

Коль в зеркало посмотрит невзначай,
Себя в нем не узнает попугай.

А кто себя не знает сам, как ты,
В искусстве не достигнет высоты.

Конечно, любит наш халиф певцов,
Но он знаток тончайших строя слов.

Кто не умеет тонко говорить,
Не может властелину угодить.

И свет, что озаряет целый век,
Понять не может каждый человек.

Ты — нуль, а царь — сокровище наук,
В нем моря мудрости вместился круг.

Ты — разумом дитя! Свой угол знай
И пред царем являться не дерзай!

Дверь клада заперта. Так отойди
И спящего дракона не буди.

Ты не бахвальствуй, ударяя в грудь.
Направь стопы домой — в обратный путь.

Ты должен был, как скромный ученик,
Перед учителем связать язык.

Пусть речь твоя остра, она пуста,
Ты лучше спрячь язык в темнице рта!

Чтоб не глумились люди над тобой,
Сдержи язык неугомонный свой!

Язык как сабля, но не спят враги,
От сабли шею ты побереги.

Ислам ты этой саблей прославляй
И в злато рукоять не оправляй.

Язык наш — лишь геенны тела страж,
Молчанье — к раю ключ надежный наш.

Немою рыба рождена в морях,
А место ей нашлось на небесах.

Зато язык у змея раздвоен,
И был навек из рая изгнан он.

Ты государя видеть не стремись,
Сдержи язык свой и поберегись,

И не стучи напрасно в дверь тщеты.
Вернись в тот город, где родился ты.

Иди, и школу мудрых посещай,
Прилежно все науки изучай.

Доколе ты — аджам, ты помолчи.
Сперва язык арабский изучи!

Когда невежества развеешь мрак
И зрелым будешь, приходи в Ирак!»

Я отвечал: «Я долго был в пути,
И нечего домой мне унести.

Что вместо дара я возьму с собой
В страну свою, объятую нуждой?

Меня соседи спросят и друзья:
«С чем ты пришел?» — а что отвечу я?

Чтобы тебя не стал народ хулить,
Пустым бы я не должен уходить».

Ходжа сказал: «В подарок перстень мой
Возьми и унеси его домой!

Печать и камень этого кольца
Прославлены везде, где чтят творца.

Всем телом, всей душою береги
Кольцо, чтоб не похитили враги!

А в камне перстня видящий узрит
Весь мир, как в чаше видел шах Джамшид.

Нося кольцо, не бойся ничего, —
И вор, и джинн, и смерч бегут его.

На нем святых пророков имена,
И врачеванья мощь кольцу дана.

Пред этим перстнем гибнет **Ахриман.**
Он от Джамшида мне в наследство дан.

Иди в Ширван и не страшись нужды, —
Кольцо тебя избавит от беды.

Но, получив богатство это, друг,
Смотри, не выпускай его из рук.

Джамшид, владевший им, в дали веков
Был царь семи вселенной поясов.

И перстень сохранит тебя в беде,
Укажет яд в шербете и в еде.

Носи его, в нем свет твоей души!
Назло врагам на перстне напиши:

«Сие кольцо в подарок дать нельзя
И за сокровища продать нельзя!»

Но я боюсь, о странник, до конца
Ты не познаешь ценности кольца!»

Так он сказал и мне кольцо вручил,
И низко я главу пред ним склонил.

Я благодарностью воздал ему
И долгой жизни пожелал ему.

От мужа, что вручил мне этот дар,
Я двинулся назад, как Садакбар.

Увидев, что добра судьба ко мне,
Я обратился в путь к родной стране.

И снова пересек я Кухистан,
И, наконец, пришел к себе в Ширван.

Едва пришел я в город свой, едва
Омылся, о кольце пошла молва.

И на досуге всякий говорил
О талисмане том, что я носил.

И сам носитель царского венца
Проведал и ко мне послал гонца.

Чтоб завладеть кольцом, он стал пугать
Меня, и угрожать, и вымогать:

«Доволен будь, что жизнь цела твоя!
Пришли кольцо! Джамшид сегодня — я!

В сем перстне скрыта сущность бытия,
Отдай его, в потёмках не тая!

Тебе кольцо такое не к лицу,
К железному привычней ты кольцу.

С кольцом Джамшида не играй, смотри!
Зла на себя не навлекай, смотри!»

Я молвил: «Справедливостью хаган
Прославлен был. А ныне он — тиран!

Ведь шахи — справедливы были встарь.
Не годен нам несправедливый царь.

Лишь справедливость зиждет и творит,
И небо справедливостью стоит!

Когда бы справедливость не дала
Воды земле — и роза б не цвела.

По справедливости родят поля,
И в равновесье держится земля.

И справедливость льет свои лучи
Весной на огороды и бахчи.

И розы — тех, кто их сорвать спешат, —
Шипами справедливыми язвят».

Гонец мне: «Ты продай, я говорю!
Тебе за перстень город подарю!»

Сказал я: «Ни продать, ни подарить
Нельзя, как солнце грязью не покрыть.

За эликсир вселенной, за бальзам
Я перстень вам волшебный не отдам!»

На перст себе надев его порой,
Я возвышаюсь до луны главой.

Моря, что Хызр когда-то облетел,
Все — в гранях перстень мой запечатлел.

Когда стригу я ногти, небосвод
Их серпиками лунными зовет.

Когда в труде изнемогал мой дух,
У перстня силу почерпал мой дух.

Кольцо скрывал в тюрбане я своем
Или носил в кармане потайном.

И в ужасе при мысли о ворах,
Его я прятал в разных тайниках.

Вдали от камня светлого того
Лишался я покоя моего.

Яджудж унынья, подступив тайком,
Как крепостью, овладевал умом.

Желаний джинн с пути меня сбивал,
Мечтаний див в колодец повергал.

Дух алчности меня к **Тепшу** гнал,
Дух жадности к **Ссбуктсгину** звал.

Один твердил: «Иди, хвали царей!»
Другой: «Воспой прославленных людей!»

Но без движенья я в своём углу
Сидел на голом земляном полу.

Когда же доводилось голодать,
Презренных приходилось восхвалять.

Едва освобождался я от бед —
Дракону попадался на обед

Как золотая чаша на пирах,
У низких духом я бывал в руках.

Но ведь когда из чаши гости пьют,
Её пустую кравчим отдают.

Пока мой дух, как чаша не разбит —
Я, видно, не забуду этот стыд.

Но не позор ли — чашей Джама быть
И чистой влагой подлый сброд поить!

О ВРАГАХ

Меня терзают несколько ослов,
От их злодейства мои удел суров.

Скоты, хоть по две им ноги даны,
Отцов презренных подлые сыны.

Они крадут узоры слов моих,
С своею грязью смешивают их.

Когда их жалких бейтов ряд звучит,
Я весь киплю, меня терзает стыд.

Они — хоть люди — дива в них черты,
ловонной нечистью полны их рты.

Столикие — вокруг они кишат,
Как дивы, извергая дым и смрад.

Невежды. И любой из них — мулхид,
Они святым исламом торг ведут.

Они провозглашают: «Аламут!»
А сами до сих пор, увы, живут.

Язык арабский зная, ты поймешь,
Что аламут и смерть одно и то ж.

«Мы прямы, как алиф», — они кричат,
Но «хей-хавас» кривее их навряд.

В угоду подлым людям им не жаль
Дугою спины гнуть, как «нун» и «дал».

Они двуличьем превзошли Багдад,
Предательством они Куфу затмят.

Но как в игле со сломанным ушком,
Ни пользы в них, ни толку нет ни в ком.

Ведь без ушка игла — кому она,
Для швейных дел негодная, нужна?

Но полностью и глупостью полны,
Они для разрушенья рождены.

Ничтожества — хотят уверить нас,
Что мудрости они высокий глас.

Я жизнь свою прожить хотел не зря,
Струя благоуханье имбиря.

Ну, а у этих — в пасти кровь и гной,
И смрад идет от этой своры злой.

Увидя жирный у меня кусок,
Ко мне все так и лезут на порог.

После меня вина остатки пьют
И на меня потом помои льют.

Они приходят рвать плоды в мой сад
И тушат злобно огоньки лампад.

Едят остатки трапезы моей,
Мой дом ограбить мысля похитрей.

Они уроки у меня берут,
А после, как собаки, плащ мой рвут.

Хранитель я священного огня,
Затем они и лают на меня.

Они и мысли, и слова мои
Воруют, повторяя, как свои.

Что солнца лик скрывает? — Облака.
Но солнце поднимает облака!

Как некий ангел, я возвысил их.
Кого возвысил я? — Врагов своих!

Беда тому, кто в сей водоворот
Предательства и злобы попадёт.

Но хоть они сейчас вознесены,
Падут они, судьбой посрамлены.

Разумный только правды слово чтит,
Он амбру от соломы отличит.

Луну небес не приравнять к луне,
Что нарисована на полотне.

Луна небес в движении, жива,
А эта неподвижна и мертва.

Луну живую с солнцем свет роднит,
А эта ртутной краскою блестит.

О СВОЕМ ДЯДЕ ТКАЧЕ

Я в доме ткаческом рожден на свет,
Меня учил искусству ткач — мой дед.

Коль ночью взгляд свой к небу возведешь,
Ты хлопковое поле звёзд найдешь.

Из хлопка звёзд мне ниток напрядут
И в мастерскую духа отдадут.

Там мерно ходит вечности челнок,
Сбивая в ткань основу и уток.

И там я тку для Хызра и Мусы
Узоры слов неслыханной красы.

Ту ткань, что я из духа ткать могу,
Им на чалму и плащ я дать могу.

А если плащ из веры будет сшит,
Он, как «Йасин» в Коране, заблестит.

Я тку плащи для спутников судьбы —
Тончайшие, не для земной тропы.

И что ни ночь, на стане у меня
Растут стихи из влаги и огня.

Из слов простых я чудо создаю,
В словах огню и влаге жизнь даю.

Достоин тонких слов моих узор
Быть в небе покрывалом **трёх сестёр.**

Когда я в мастерской высоких дум
Сижу один под звон станка и шум,

Я ангелам одежды создаю,
Я одеянья вечности крою.

Как шелковичный червь, я нить пряду,
Я вечно предан, как паук, труду.

Но не паук в углу — противный всем,
Я, шелкопряд, дозволенное ем.

И был бы шелковичный червь таков,
Когда бы кокон он вязал из слов.

А бренную одежду паука
Сметает вмиг хозяйская рука.

Аскетом шелковичный червь прослыл,
Но труд его красивым девам мил.

Как шелкопряд, я в коконе таюсь
И весь свой век без устали тружусь.

У шелкопряда — брови и глаза, —
И прятать надо брови и глаза.

Красавице красу своих бровей
Скрыть подобает от чужих людей.

Я — первый песнотворец в наши дни,
Узоры мыслей ткущий — Хагани.

В убежище отшельников сижу
И одеянье мудрости вяжу.

И ткач разумных, преданных людей,
Я тку ковер для избранных друзей.

ОБ ОТЦЕ—ПЛОТНИКЕ АЛИ

А по отцу я плотник ремеслом —
По древу слов работаю теслом.

Прославленный в резьбе, уменьем рук
Из радуги я делаю свой лук.

Щепу, летящую от топора,
И старцы мне несут, и детвора.

И стружки от рубанка моего
Сравнил Эдем с кудрями дев его.

Я распилил на доски дуб судьбы,
Для дел токарных взял я ветвь тубы.

Я из нее чернильницу точил,
Тахту из досок вечных сколотил.

Ормуэд великий, молви мне, где ты?
Я выправил бы ось твоей тахты!

Где Ной? Ему б ковчег я заложил,
Линейку бы и циркуль подарил!

Покамест не покинул я Шарван,
Он будет не Шарван, а Хейжрван.

Неискушенный, только Хагани
Обтесывает слово в наши дни!

О МАТЕРИ - ДОЧЕРИ ПОВАРА

По матери — потомок поваров,
А для людей сегодня — повар слов.

Сокровищница мудрости — мой дом,
И в хлебе не нуждаюсь я чужом.

На кухне у меня горит очаг,
Огнем довольства озаряя мрак.

Входя на кухню, я стряпни следы
Смываю мощною струей воды.

Ты не увидишь мой котел пустым
И не увидишь мой казан худым.

И знай — вельможи моют кухню мне,
Доверием довольные вполне.

Заставив чувство пламенем гореть,
Для царственных пиров готовлю снедь.

И солнце — от восхода по закат —
Кастрюль моих вдыхает аромат.

А пар от варева в моих котлах
Благоухает амброй в небесах.

Мария, чья бессмертна красота,
Вкушает снедь мою после поста.

Хвала моя и смех мой как халва
Эпохи нашей — так гласит молва.

Мой плов, где сердце радует шафран,
Приносит людям бейтов караван.

О небо — миска синяя живых,
Умащена ты маслом слов моих!

Судьба, вращающая древний свод
Небесной миски, тоже доли ждёт.

Весь этот мир, что голодал века,
Ждёт от меня халифского куска.

Несу на скатерть вдохновенных слов
Премудрости благоуханный плов.

Как мёд вино речей моих. Оно
Для всех суфиев искренних дано.

И для беседы избранных людей
Мои стихи горят зари светлей.

Да, скатерть жизни Хагани полна,
Есть много тонкой снеди и вина.

Но и вкусив от этих тонких блюд,
Завистливые вкуса не поймут.

О ДЯДЕ – ВРАЧЕ

Врачом был дядя мой — отцовский брат,
А я в искусстве слов — второй Букрат.

Недуг души распознает мой взор,
И знаю я все травы Кафских гор.

Я одарен глаголом, как Муса,
Я жизнь даю дыханьем, как Иса.

Я не скиталец, небом я рождён.
Четвертым небом мне Шарван суждён.

Во мне Адам посеял издавна
Лекарственных растений семена.

На почве вдохновенья им цвести.
Здесь моего бальзама не найти.

Я в Индии души беру его
И в Чине вдохновенья моего.

Бальзамом тем я чудеса творю,
Я людям радость высшую дарю.

В словах несу я радостную новь,
И у завистников вскипает кровь.

Но в душах честных, искренних людей
Горит веселый свет души моей.

Печаль я в добром сердце исцелю,
Но жажды низких душ не утолю.

Я справедливости путём иду.
Как дух, я правды ищущих веду.

От лихорадки средством я лечу —
Неведомым ни одному врачу.

Хочу, чтоб у людей Шарвана вновь
Здоровая текла по жилам кровь.

Меня ты спросишь: «Не пророк ли сам
Учил тебя изготовлять бальзам?»

Что ж, у меня вода Ковсара есть,
Раф-рафа у меня амбары есть.

Бальзам для душ, лекарство для сердец
Дал мне пророк, как повелел творец.

Моих врагов презренных проклял он,
Да будет он вовеки восхвалён!

Но тайна вечная не для невежд,
И к свету жизни не поднять им вежд.

ЖАЛОБА НА СВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Я жалуюсь тебе на гнёт и зло.
Послушай же, откуда все пошло.

Как раковина, я в пучине бед Запёчатлён.
И мне исхода нет.
Чтоб жемчуг взять, чтоб створки разомкнуть,
Судьба ножом мне растерзала грудь.

Я в пламени, мне — не передохнуть.
В руках беды я сыплюсь, словно ртуть.

Явилисьбельманаглазахсудьбы,
От оспы — ямы на щеках судьбы.

Но это — бельма века моего,
А оспины —Шарван и зло его.

Да, обладал я крыльями орла,
Я видел мир. Но сломаны крыла.

Я злобою пленён и окружён.
И каждый вздох мой горек и стеснён.

В ярме — я сходен с мельничным быком,
Вращаю ворот я в кругу своём.

Мой мельник — век. Гоняет он меня,
Мне не давая отдохнуть ни дня.

Бык, мельницу вертящий целый год,
В кругу стеснённом нехотя идёт.

Зерно он мелет, радует сердца,
И нет его мучениям конца.

Для достиженья цели он в пути,
И всё ж ему до цели не дойти.

Удушье тяжко давит грудь мою.
Я, сидя одиноко, слезы лью.

Мне сердце пламень внутренний спалил
И в кровь на веках слёзы превратил.

Сосуд моей души разбит, о друг,
Моя работа падает из рук.

Вот так: когда в лампаде масла нет,
Тускнеет и дрожит лампады свет.

У верных праздник есть — Новруз весной,
Но где же он — Новруз весенний мой?

Прошли года, мой волос серебря,
Как числа старого календаря.

Ведь с Новым годом он не совпадёт,
Свой календарь заводит новый год.

А старый календарь, что весь пройден,
Из библиотеки уносят вон.

И вместе с мусором сожгут его
Иль книгоноше отдадут его.

Сложилась так теперь судьба моя, —
Тот старый календарь, о друг мой, я.

Не ведал правды я в сердцах людей,
Вернее — даже не слыхал о ней.

Юсуф от братьев много перенёс.
Из-за друзей я больше пролил слёз.

Я камнем, в угол брошенным, лежу,
От горьких мук в себя не прихожу.

Пришли в упадок все мои дела,
Болезнь костёр в груди моей зажгла.

Я — попугай, что мудрости учил,
Но город зла — Шарван мне клеткой был.

Сгубил меня горбатый сей старик,
Отрезав клюв мой, крылья и язык.

Из Индии веселья он принес
Меня сюда — в обитель зла и слёз.

Сказал он: «Из акульей пасти пей!»
И яд смертельный пищей стал моей.

Чтоб в Индию обратно улететь,
Как попугай, я должен умереть.

Служить презренным больше не хочу.
Хоть я рождён для песен, я молчу.

Язык связал я, рта закрыл ларец.
Я запер изнутри души дворец.

О, если бы язык мой саблей был
И делал дело, а не говорил!

...Да, Шемаха прекрасна, хороша,
Но как в узилище моя душа,

И каждый волос тела моего
Стал сторожем узилища того.

Не то, чтобы друзей мне повидать,
Ко мне и ветер не хотят пускать.

И если шаг я сделаю в тиши
Или вздохну из глубины души,

Враги арканом этот вздох возьмут,
И исказят, и шаху донесут.

ФАХРИЯ

Когда времена погасили огонь Санаи,
Небесная воля мой светоч для мира зажгла.

И если один чудотворец в Газне опочил,
Ширвана страна чудотворца другого дала.

Когда из пределов земных улетел соловей,
Судьба попугая речистого в мир позвала.

В одном государстве умолкла волшебная песнь,
В другом государстве волшебно та песнь ожила.

Когда отцветают тюльпаны, то розы цветут.
И солнце восходит, когда расточается мгла.

Лишь запад луну в перемётную спрячет суму,
Является солнце вершить свои в мире дела.

Когда отлетела султана Махмуда душа,
Сельджука великого славная мать родила.

Когда омрачённый к закату склонился Бахман,
Звезда Искандера Румийского ярко взошла.

Когда же в Египте умолк сладкоустый Юсуф,
В потоке Мусу фараонова дочка нашла.

Та давняя ночь, когда умер Абу-Ханифа,
Началом пути Шафаи, как слыхал я, была.

Когда замирает ночное луны торжество,
Царь-солнце подъёмлет над миром сиянья чело.

И если в словесном саду осыпается цвет,
То осенью каждая ветвь от плодов тяжела.

Планета уходит, недвижные звёзды встают.
Земля напоилась дождем, и трава проросла.

Слыхал ли ты сказку, как курица съела зерно,
Как после — жемчужину курица эта снесла?

ХАБСИЯ
ЖАЛОБА О ЗАТОЧЕНИИ

Мой каждый вздох, как тяжкий дым, туманит утром небосклон.
Восходом кровью налились глаза, забывшие про сон.

Как опалённая ветла, стою на яростном ветру.
Я не вино, а слёзы лью, мытарясь на чужом пиру.

А в безмятежных небесах лазури яркая игра.
Пора мне выйти из игры, но мысль по-прежнему остра.

Ржа времени мне плоть сожгла, как яшма красная она,
От дыма вздохов жизнь моя, как копоть, сделалась черна.

Ты видел, как скользит змея в травинках гибельной тоски,
Она ползет к моим ногам, что, как былиночки, тонки.

Считай, что под моей полой, в кольцо свернувшись, спит
дракон,
И шевельнуться я боюсь, чтоб, звякнув, не проснулся он.

Как дети в люльках, спят зрачки в глуби измученных орбит,
Пусть взор не видит кандалов, столь страшен их драконий вид.

Змея Заххака на груди, не уползёт она сама,
Пред ней бессилен меч Кавы — богатство знанья и ума.

Мешаю вместе кровь и пот в единый хлынувший поток,
Чтоб он оковы-жернова в движенье привести помог.

Я плачу, от кровавых слёз насквозь промокла ткань-кара,
Мои оковы тяжелей, чем многоглавая Хара.

Впились в лодыжки кандалы зубцами выжженной свечи,
Как будто острые клыки вонзили в ноги палачи.

Чармыхи вбиты в плоть мою, и я, распят и пригвождён,
Пытанья лютые сносить в темнице смрадной осуждён.

Железом скованный, дрожу, изнемогая от невзгод,
Как гром архангельской трубы, мой стон колеблет небосвод.

О горе, горе, Хагани! Твой стан согнулся буквой «дал
И ты измученным челом к изножью скорбному припал.

В темнице маюсь взаперти, как в тесной скорлупе орех.
Один, в узилище тоски, страдаю вдалеке от всех.

Спиной вжимаясь в сырость стен, лицо я к небу обратил,
Слёз больше на моих глазах, чем в небе блещущих светил.

В ночи и днём твержу с мольбой: «О боже мой, о боже мой!
За что наказан я судьбой, о боже мой, о боже мой?»

Когда придет Последний день, **трубы призывной грянет звук,**
То содрогнутся небеса от еженощных этих мук.

Сто стен тюремных вкруг меня, добротно сложенных оград,
И кладки каменные их надежно стоны заглушат.

Я, как пречистая **Марьям**, блюду обеты и посты,
Иса свидетель, что дела мои безгрешны и чисты.

Но боль сердечная в груди пост соблюдать мне не даёт, —
Слезами разговляюсь я, их горечь обжигает рот.

О ноги бедные мои за что страдать вам без вины!
За бескорыстную любовь терпеть мученья вы должны.

Врачуют язвы на ногах, железный раскаляя брус, —
Я вздохом огненным одним железо расплавлять берусь.

Рубабу уподоблен стал, — такой же, как рубаб, пустой.
Стянули горло мне враги моей же собственной струной.

Не пожелала дать ветла мне тень листвы в палящий зной,
Но древо райское **туба** простёрло ветви надо мной.

Как пальмы рассеченный лист, я опахало для людей.
Вздох губы рассекает мне на сто пылающих частей.

Я — мускус, спрятать под замок его напрасно не спеши,
Его волшебный аромат достигнет страждущей души.

Однажды яркая шагрень сказала мускусу, кичась:
«Гляди, как выделана я, ты гадок с виду, будто грязь!»

И мускус так ответил ей: «Докучен твой досадный вздор.
С благоуханием моим ты не дерзнешь пускаться в спор.

Ты, словно зеркало, гладка, ты внешний отражаешь мир,
Я — суть скрывающий внутри, благословенный эликсир».

Для ангелов Каабой став, я совершаю чудеса,
Мне для прикрытия наготы свою одежду дал Иса.

Пусть пребываю я в грязи, но мыслью чист, как **Сельсебвль**,
К вершинам райским восхожу, ещё неведомым досель.

Я — древо вечное абпус, перл, что покоится на дне,
Я на поверхность не всплыву с соломой легкой наравне.

Я вдохновляю и учу, я милосердьем наделён.
Для просветлённых мой указ — непререкаемый закон

Но не постигнуть никому, сколь я божественно высок, —
Здесь, в мире четырёх стихий, от всех живущих я далёк.

К сосцам природы припадал, чудесной силою влеком,
Законы правды и добра постиг я с первым молоком.

Не знатный воин мой отец, а плотник — труженик простой,
Мать христианкою была и посещала храм святой.

Благодарение отцу, я с детских лет работать стал,
Возрос привольно на земле, как в толще гор растёт кристалл,

В Ширване я на свет рождён, там, где родные жили все,
Мне бедность нянькою была, началом жизни — медресе.

Был одиноким с детства я, богатых сторонясь детей
Затем, что я не выносил попрёков в бедности своей.

Терпеть лишенья я привык, неприхотливый, как верблюд,
И я не пробовал вовек ни пряных яств, ни сладких блюд.

Пил деревенское вино, что мне дихкавин наливал,
С блудницей, лёжа на траве, блаженство райское вкушал.

И если выпью я вина, то бог отпустит мне грехи —
Дихканин наградил меня за то, что я пишу стихи.

И коли буду я в раю, мне, право, будет все равно,
Вкушал иль нет мой бренный прах при жизни пьяное вино
.
Я — Хагани, властитель слов, несметный клад мне небом дан.
За слово каждое моё отдаст сокровище хаган.

А коль найдётся на земле поэт, похожий на меня,
Пусть иноверцем стану я, пойду молиться в храм огня.

ЖАЛОБА О СВОЁМ ЗАКЛЮЧЕНИИ И ПРОСЬБА ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ

Как христианское письмо, идет превратно небосвод
И, словно схимника, меня цепями тяжкими гнетёт.

Неужто вечный божий дух над миром горестным угас,
Что это синий небосвод пошёл антихристом на нас?

Страданьями мой стан прямой согбен, как пряжа Мариам,
Но, видишь, как игла Исы, я сердцем пред тобою прям.

Прикован телом я к земле. Я изнемог в цепях.
Так скован сам Иса иглой был на четвёртых небесах.

Теперь одежды дней моих, как схима чёрная, черны.
Я по ночам не знаю сна, мучений дни мои полны.

Мой стон, мой исступлённый вопль выламывает крест в окне,
Экватор и меридиан теперь крестом блистают мне.

Дыханьем жарких мук моих я дно морское иссушил,
Где омовение песком Иса когда-то совершил.

Неблагосклонны здесь ко мне отцы святые. И от них
Я отрекаюсь, как Иса отрёкся от отцов своих.

Нет пользы мне, что поднялась высоко знания звезда.
Она блистает в небесах, а я в глубокой тьме всегда.

Пусть Кейхосрову подчинён Иран обширный и Туран,
Что пользы мне, коль брошен я в колодец ночи, как Бижан?

Ведь птице глиняной Исы какая польза от него?
Он рядом с солнцем, а она во тьме, не видит ничего
.
Но почему-то птицу он свою не хочет исцелить,
Ведь мог прикосновеньем он слепому зренье возвратить.

Мысль — моего таланта дочь — Исе подобна самому,
Когда Марии чистоту пришлось отстаивать ему.

Так чистоту моей души мне словом утвердить дано.
И, словно пальма Мариам, теперь дарит плоды оно.

За хиджры пять веков певцов, подобных мне, не рождено.
И доказательство моё перед тобою, вот оно!

Я, как из улья, извлеку из сердца, здесь в тюрьме моей,
Подобное гуденью пчёл, стенание моих страстей.

И как в лампаде христиан елеем напоённый лён,
Язык мой будет пламенеть, огнём мольбы моей зажжён.

И, как лампаду христиан, меня подвесят и зажгут,
Под куполом на трёх цепях меня высоко вознесут.

Но, как Мария, опустив пред клеветой свои власы,
Я, умирая, слёзы лью, горячие, как вздох Исы.

И клеветой моя судьба так тесно здесь окружена,
Как окружили «айн» и «нун» «алифы» в слове «Ата — на».

И ничего я не дождусь от справедливости друзей.
Где справедливость? Нет её! Не стоит вспоминать о ней!

От ненавистницы-судьбы меня, о боже, сохрани!
Прочь от безбожников! Уйди от них подальше, Хагани!

В беде я помощи себе у Аббасидов не прошу.
Я в горе милости себе у Сельджукидов не прошу.

Цари забыли обо мне. Я горькой думой обуян.
И безразличны стали мне Бокра и сам Арслан-султан.

Юсуф меня не спас в беде, но ведь Юсуфа нет давно,
И мне теперь Вениамин или Иуда — всё равно!

Но если сердцу мусульман теперь чужда судьба моя,
Не дай творец, чтобы в беде отрекся от ислама я.

Усвоил веру я из уст семи великих мудрецов,
Я откровенье понимать учился у семи чтецов.

Я — за главой глава — вникал умом в божественный Коран,
И затвердил я каждый стих, что миру откровеньем дан.

Весь путь пройдя к святым местам, я хаджа выполнил обряд,
И что положено читать, я наизусть читал подряд.

Хоть каждый вздох мой клевета проворно подхватить спешит,
Хоть куча целая иуд, шипя, вокруг меня кишит,

Сам осудил бы ты меня, когда бы от беды теперь
В обитель Вознесенья вдруг к монахам постучал я в дверь.

Как я о помощи могу у врат неверия взывать?
Должны на истинной стезе мы высшего вождя искать.

Абхазия открыты мне гостеприимные врата,
И в Византии для меня есть заповедные места.

Но как же от Каабы я высокочтимой отрекусь?
Как к Иерусалиму я, к святыне новой, обращусь?

Ты знаешь сам: полвека я ислама верным был рабом;
Неужто мне теперь ещё согнуться под крестом?

Пойду ль, насилием гоним, к неведомым колоколам
И на служенье повяжусь иным таинственным словам?

Иль арамейского письма загадки буду раскрывать?
В Начармагеви обрету или в Мухраии я приют?

Багратионы ль у себя мне обиталище дадут?
И чёрной схимой плечи мне с протяжным пеньем облачат,

И в мрачной глубине пещер меня отшельником узрят?
И вместо садрейн-хара я во власяницу облачусь,

И вместо шёлковых ковров для ложа камнем обойдусь?
Я с шеи ладанку сниму и, прочь уйдя из этих мест
,
Чтобы забыть свою беду, надену я на шею крест.
Когда ж в Абхазии себе не обрету защиты я,

То в Византию напрямик оттоль ведёт тропа моя.
В соборе византийском там я школу новую создам.

И вскоре новые давать я предписанья буду вам.
Я променяю на клобук свою чалму и тайлесаи,
.
Я спор глубокий поведу о духе, сыне и отце,
И будет мне таврасикос внимать в сияющем венце.

И всех, которые ведут о троице столь долгий спор,
Из кладезя сомнений я на светлый выведу простор.

Меня признает патриарх. Я буду славой осиян,
Превыше **яковитов** всех, мелькитов и несториан.

Открою тайну божества в единосущии его —
И человечность, и его земную суть, и естество.

Когда столь сведущий, как я, о боге говорить начнет,
Ко мне толпою потечёт познанья жаждущий народ.

И Птоломеем я вторым там назовусь. И будет дан
Мне пояс и верховный жезл католикоса христиан.

И я глубокий напишу о ликах троицы трактат
И на базар, на третий день, пошлю читать его в Багдад.

В Константинополь повезут елей и мирру слов моих.
И знаю я, что хватит их для мёртвых и для всех живых.

И к людям я приду тогда и в руки жезл Мусы возьму,
И, чудо первое творя, я вид креста придам ему.

Возьму помёт осла Исы и князя церкви исцелю,
Кровотеченье у него из носа я остановлю.

Возьму узду того осла, свяжу её, с концом конец,
И в Самарканд и Бухару пошлю султану, как венец.

Копыто этого осла велю я златом оковать,
Осыплю лалами его, слезами буду обливать.

Трём ликам бога, трём его неизъяснимым естествам,
Понятное везде и всем я вкратце толкованье дам.

Я дуновенье объясню, и омовение, и пост,
Когда к Марии дух сходил с престола лучезарных звёзд.

Я объясню, что на ларце она печать ещё несла,
Когда животворящий перл на белый свет призвела.

И что сказал, родясь, Иса о вечной тайне и кресте,
Когда простилась дева-мать, внимая чёрной клевете.

Как он из глины птиц лепил и их дыханьем оживил.
Как Лазаря из мёртвых он единым словом воскресил.

Какой он смысл вложил в слова неясные: «Иди к отцу!»
Когда страдания его земные близились к концу.

Когда ж кейсар захочет суть Зардушта ведать, то ему
Из тьмы забвения глухой я «Зенд-Авесту» подыму,

И объясню я смысл огня, открою, что такое «Зенд»,
И всей «Авесты» древней суть, и как произошел «Пазенд».

И что за искра от огня того ещё осталась нам,
Что некогда зажёг Нимрод, куда ввергнут Авраам.

Мобедов тайны взвешу я на верных истины весах,
На тех весах, что сын Луки Коста держал в своих руках.

Зачем летает саранча в парче?А также — почему
Почтенной мухе надевать на голову пришлось чалму?

Так для кейсара много я томов учёных напишу.
Я в званьях превзойду Мани и мудрого Танкалушу.

Опомнись! Болтовню прерви, не богохульствуй, Хагани!
Внушаемую сатаной от сердца ересь отгони!

Что мыслил враг против Исы, отдавший душу серебру,
И что визирь злоумышлял, предавший некогда Дару?

Довольно нечестивых слов! Вернись.На истинном пути
Пади и повторяй в слезах: «О всеблагой Аллах, прости!»

Скажи: «Я верю! Бог един, и мире нет иных богов,
И разуменья моего превыше он, превыше слов!»

Что в Византию мне бежать? Звезда моих мечтаний здесь,
Надежда на свободу здесь! Ты, государь, в Ширване, здесь!

Десница чистая Исы и свет его учеников,
Посланец девы всеблагой, защита христиан и кров,

Порфирородный! На тебе небес почиет благодать!
Добросердечный! Я тебя, ей-богу, буду заклинать

Дыханьем вечным божества, что в духе явлено святом,
Евангелием — книгой книг, апостолами и Христом;

Святыми яслями его, пречистой девою над ним,
Десницею, и рукавом, и дуновением живым;

Священным градом и горой, где казнь приняло божество,
еяньями учеников и всех апостолов его;

Лампадой, поясом, хвалой кадильниц и колоколов,
И откровеньем, что земле поведал древле Богослов;

Страстями господа Христа, пасхальной утреней златой,
Постом Великим и постом Марии, Девы пресвятой;

И непорочностью её зачатия от божества,
И ангелом, что произнёс благовестящие слова;

Корнями дерева того — его ветвями и листвой, —
На коем духом порождён был во вселенной плод живой;

И покаянною мольбой суровых иноков святых,
И звоном тягостных вериг на изнурённых членах их.

Триагональным я молю аспектом солнца и планет
И квадратурой дня того, где светит первозданный свет.

Триагональным я молю аспектом, где Бурджис горит,
И квадратурою креста, что розою ветров раскрыт, —

Склони царя, чтобы предел он мукам положил моим,
Чтоб я пошёл и, наконец, увидел Иерусалим!

Пока, сияя высоко на небосводе голубом,
Экватор и меридиан пересекаются крестом,

Надеюсь — снизойдет Иса и, Хагани простив грехи,
Переберёт в руках мои, как чётки звёздные, стихи.

О ЗАТОЧЕНИИ

Был Хагани с родными разлучён
И в дом с одною дверью заключён.

Но в этой яме жить ему нельзя,
И выйти из неё не может он.

Он, как паук, сидит в своём углу,
Как муравей, за камнем затаён.

Замок снаружи и суровый страж.
И узник в безнадёжность погружён.

Он проливает слёзы, как Джейхун,
Он самаркандским вздохом опалён!

Отсюда выход только в небеса,
Глухие стены с четырёх сторон.

На воле связан был его язык,
А здесь он сердцем к богу устремлён.

Но всё ж, покамест он томится здесь,
Он от толпы презренных удалён.

Не думай о блаженстве, Хагани!
Ты и надежд на радости лишён.

ЖАЛОБА НА ВРЕМЯ

Благоденствия приметы в жизни сей не нахожу,
Я прибежища от горя и скорбей не нахожу.

Словно сокол бесприютный, над землею я мечусь,
Своему гнездовью место средь ветвей не нахожу.

Пожелтел я, будто осень, слёзы лью, как дождь весной,
Я потерянного счастья в смене дней не нахожу.

Ум с богатством несовместны, будто пламень и вода,
Чтоб связать их воедино, я цепей не нахожу.

Если мысли — это дети, порождённые умом, —
Воспитательницы доброй для детей не нахожу.

Для чего мне щедрость духа, словно скатерть, расстилать,
Если умных и достойных я людей не нахожу.

Здесь для голубя смиренья и для ворона вражды
Ни зерна, чтоб их насытить, ни костей не нахожу.

Я согнулся, унижаясь, как оплывшая свеча,
Для еды лепешки чёрствой в жизни сей не нахожу

В чёрном логове дракона мне опасности грозят,
Я убежища, чтоб скрыться от когтей не нахожу.

Не скрывая лютой злобы, вкруг меня кружат враги,
Я себе единоверцев и друзей не нахожу.

Всюду только обещанья, устаревшие давно,
Среди них ни мыслей свежих, ни идей не нахожу.

Разве странно, что порою обращаюсь я к врагам,
Коль товарищей надёжных с давних дней не нахожу.

Если шахи — это волки, кто от них спасёт стада?
Чабана с кнутом пастушьим средь степей не нахожу.

Хагани, твоим желаньям сбыться в жизни не дано,
И тревожней этой мысли, и грустней не нахожу.

Не найти тебе приюта на мятущейся земле,
В скорбном времени спасенья от скорбей не нахожу.

СКОРБНЫЕ БЕЙТЫ
НА СМЕРТЬ ЖЕНЫ

Словно солнце, угасла твоя красота.
Без любви твоей жизнь моя стала пуста.

Я свиданья с тобой никогда не дождусь
И от радостей мира навек отрекусь.

Твои ласки мне были живою водой.
Без тебя я объят безысходной бедой.

Твоим веяньем смутным я всё ещё жив,
Нерассеяиным благоуханьем счастлив.

О, ещё мне свой вздох издалёка пошли!
Нет иной мне отрады в пустыне земли.

И пока суждено ещё здесь мне дышать,
Только ты будешь в сердце моём обитать.

Пред глазами твой образ витает во сне,
И твой голос живой ещё слышится мне.

Кипариса лишился прекрасного сад,
Цветники почернели, не радуют взгляд.

Завтра вновь без тебя это солнце взойдёт,
Но не греет мне душу оно, а гнетет.

Нива радости летней жарой спалена,
И ни колоса больше не даст мне она.

Снова в зеркале сердца я вижу твой лик,
Был бы образ иной в нём и странен, и дик.

Мне душа твоя — зеркало издалека,
Как текущая за облаками река.

За тобою стремлюсь я в иные поля,
Без тебя нестерпима мне стала земля.

Что бури вселенной и бешенство гроз
В буре этой разлуки, и горя, и слёз?

И когда погружаюсь я в душу свою,
Лишь тебя нахожу в ней, тебя узнаю.

О, пока суждено мне, пока я живу —
Не оставь меня! — Душу твою я зову.

Ты сказала: «Ты можешь ещё полюбить...»
Но ты знаешь, не может ведь этого быть.

Без тебя утешенье немыслимо мне,
Не найду я его ни в мечте, ни во сне.

Ты о сердце не спрашивай у Хагани, —
В нём одни сожаления, скорби одни.

Испытать это горе — не только друзьям,
Нет, не дай его бог испытать и врагам.

На тебризской земле, среди чуждых людей,
Нет святыни мне, кроме могилы твоей.

ПЛАЧ ПО УМЕРШЕМУ СЫНУ РАШИДАДДИНУ ОТ ИМЕНИ ЕГО САМОГО

Друзья, в последний раз молю: больного посетите вы.
Утешьте хворого меня, у ложа посидите вы.

Я тонким стал, как волосок, вся жизнь моя на волоске,
Приблизьтесь хоть на волосок, о, поскорей придите вы!

Где я? С кем я? Не знаю сам, каким похмельем удручён?
Вы, не познавшие вина, вино тоски вкусите вы.

Как день осенний от весны, от вас я сделался далёк.
Мой скорбный лик желтей айвы, — как вешний день, цветите вы.

Пока дыханьем ледяным в саду не сгублен гиацинт, —
Онагра чинского быстрей, на помощь поспешите вы.

Я — двухнедельной был луной, как полумесяц, тонок стал.
Своей любовью неземной мне душу озарите вы.

Из ночи в ночь худею я, истаяв словно лунный диск.
Храните память обо мне, ушедшего любите вы.

Я — как могильный кипарис. Пролейтесь тучей дождевой
И пересохшую листву слезами увлажните вы.

Цветок я, жаждущий воды, кровь запеклась на лепестках.
Чело росою чистых слёз, склоняясь, окропите вы.

В колодец страждущей души, как деревенский водонос,
Спустите кожаный черпак, страданье зачерпните вы.

Всем сострадателям моим болезнью докучаю я,
Но вы горюете со мной, больного не корите вы.

Отец и мать лежат без сил — страданье слишком велико.
Придите, успокойте их, в несчастье поддержите вы.

Жар лихорадки всё острей, тупым становится язык,
Умерьте нестерпимый зной, глухим мольбам внемлите вы.

Пусть знают знахари-врачи: меня от снадобий мутит,
Не тратьте попусту бальзам, лекарств не изводите вы.

Огнём беспамятства сожжён, я хрупок, как певучий пай.
Коснитесь пальцами меня — и плоть не ощутите вы.

Жар лихорадки — злой старик, для ная режущий камыш,
Придите к старцу поутру, тростинку отнимите вы.

Не рвите волосы в тоске, я ухожу от вас один.
Ещё продолжится ваш род, не плачьте, не дрожите вы.

Я лихорадкой опьянён, двоится мир в моих глазах.
В припадке горя на земле, простёртые лежите вы.

Рок, словно змей, бесшумно вполз и приближается к груди.
Неумолимую змею заклятьем прогоните вы.

Рок жало в сердце погрузил, в груди дыханье леденя.
Из роковых его колец меня освободите вы.

Я, умирая, равен льву. Как робкие джейраны, вы
Ногами голову змеи разбейте, растопчите вы.

Оленьи кроткие глаза полны невыплаканных слёз.
Слезами, павшими на грудь, страданье облегчите вы.

Я — пленник смерти. Если рок за жизнь потребует заклад,
Не пожалейте ничего, любое посулите вы.

Нет, смерть ничем не подкупить, не разожмёт она когтей.
Коль так, то стойте в стороне, себя не погубите вы.

Рок совершил ночной набег, я утром буду недвижим.
Кровавых слез не удержать — рок властен надо всем живым.

Рыдает мать, отец в слезах не поднимает головы.
Ступайте к родичам моим, их горе разделите вы.

Замок желанья не открыть, ключ сломан в скважине давно,
И распахнуть надежды дверь впредь никому не суждено.

От дыма вздохов мой язык черней, чем пишущий калам.
Страданья занесённый меч невыносимо видеть вам.

Миндалевидные глаза от крови сделались красны,
Фисташки средь заплывших век, они теперь едва видны.

От жара губы запеклись, предсмертным потом лоб покрыт.
И губка с розовой водой не в силах освежить ланит.

Хрипенье ширится в груди, нельзя его остановить.
Так льётся, булькая, вино, какое не придётся пить.

Так догорающий фитиль дрожит в мерцанье синевы.
Как мотыльки в слепом огне, с рыданьями горите вы.

С улыбкой умираю я, что удивительного в том?
Вы — соловьи и мотыльки, я — стал свечою и цветком.

Мне до восхода не дожить, я с вами здесь в последний раз.
Со мной останьтесь до зари, бессонных не смыкайте глаз.

Зовите плакальщиц толпу, чтоб, плача горестно навзрыд,
Не умолкая заклинать: -Нашил, не уходи, Рашид!»

Восплачьте, возрыдайте все, как было встарь заведено,
Ведь в причитаньях и слезах для вас спасение одно.

Из каменеющей груди мой вопль безмолвный прозвучит,
И если слышать вам дано, услышьте, как вздохнул Рашид.

Давуда слёзы надо мной пусть льются, перлами блестя,
Издайте стоны в тишине, Давуда голос обретя.

Мне душно, душно! В горле ком, — я замолкаю, будто най,
Нездешней силою влеком в неведомый доселе край.

Я трудно душу отдаю... С собачьей преданностью вы,
У ложа на колени став, издайте скорбный клик совы.

Где попугай души моей, он разорвал надежды сеть.
Не заманить его ничем, он в небеса решил взлететь.

Я должен вечный пост блюсти в краю надзвёздной вышины.
А вы, оставшись на земле, и пить, и праздновать вольны.

В последний раз я здесь лежу, в нагой беспомощной красе.
В последний раз я вас прошу: «Приблизьтесь, дорогие, все!»

Своё дыханье задержав, примите мой последний вздох.
Живите, верные друзья, и да пребудет с вами бог!

Прощайте, пламенем тоски испепелившие сердца,
В ночь страха трепетали вы и в утро раннего конца.

Приблизьтесь к телу моему, ломая руки и стеня...
Чтоб слышал бог, на все лады хвалите мёртвого меня.

В гробу я сгинул как луна, судьба свершила приговор.
Склонитесь над моим одром, как утром клонится **Алькор**.

Как будто смертный мой покров, от горя пожелтели вы,
Безмерной согнуты бедой, бредёте еле-еле вы.

Придите к ложу, в тишине откиньте траурный покров.
При виде праха моего оцепенеет взор врагов.

Как запустелый сад — мой лик, морозом схваченный цветник,
Над ним издайте скорбный клик, так стонет раненый кеклик.

Отцу скажите моему, мать поспешите известить,
Что горе выжгло вам сердца, и что без сердца вам не жить.

«Поклон от сына вам, отец, и мать, и добрая родня,
В земле я должен истлевать, а вы живите без меня!»

Из-за того, что грозный рок вам пеплом головы покрыл,
Кроваво-красных слёз поток, бушуя, землю затопил.

Весною розам не цвести, куст, с корнем вырванный, увял.
Ещё не найден тот сосуд, чтоб столько слёз в себя вобрал.

Пусть бренный прах лежит в крови — мне выпал жребий
умереть,
Вам, воздаяния мужи, довольно плакать и скорбеть!

Я, как мякина на гумне, развеян по полю давно.
Благодарение судьбе, вы пали наземь, как зерно.

Я был для вас как высший дар, пророком посланный с небес,
Но вы меня не берегли, и для живущих я исчез.

Врачи, обманщики-врачи, что мне сказать осталось вам?
Дыханье смрадное у вас, и смертоносен ваш бальзам.

Вы, звездочёты-мудрецы, на звёзды устремили взор,
Но прорицанья ваши — ложь и предсказанья — праздный вздор.

О, чудотворцы-ведуны, меня спасти сулили вы,
Лгуны, вы знали, что судьбу предотвратить не в силах вы.

В сплетеньях страждущей души невежды не разобрались, —
Не милосердье вас вело, а вожделенье и корысть.

А те, которые во всём законам времени верны,
Суют прельстительный бальзам из ядовитой белены.

Глупцы, от смерти не уйти, забыли вы, что близок час,
Но не спасение души, а суета заботит вас.

Из глины мы сотворены, из этой глины, что и я,
О, равнодушные сердца, обремененье бытия!

Узнайте, пленники судьбы, случайно брошенные в мир:
Суровый рок не разберет, кто попрошайка, кто эмир.

Что ж вы спустились с высоты, как будто близится закат?
Знамёна утра полегли под тяжким бременем утрат.

Под головой сырой кирпич, изломан меч, отброшен щит, —
И вас, властителей земных, ничто теперь не защитит.

Мост смерти переброшен там, где неподвижно дышит мгла,
Хоть вы бурлили, как Джейхун, текли привольно, как **Диджла**

Смерть — неприметный муравей, букашка, видная едва,
На деле — яростней слона и победительнее льва.

Взгляните все на Хагани, сумейте вынести урок, —
Поэт безмерно выше вас и от всего теперь далёк.

Когда мой первенец Рашид смертельно занемог,
«Проси, что хочешь, — я сказал, — услышит просьбу бог».

Ответил он: «Желанья все для тех, кто должен жить,
Что мне просить и что желать, коль жизни рвется нить!»

НА СМЕРТЬ СЫНА РАШИДАДДИНА

Как светлое солнце был сын у меня —
Его я утратил и похоронил.

Горюя о сыне, жена умерла.
И дом опустел и без них мне постыл.

И замуж я отдал красавицу дочь,
Светилу Сумаку родную вручил.

И зятю сказал я: «Храни, дорогой,
Ту, что я сокровища пуще хранил!»

Остался со мной лишь Абдулмеджид,
Его я Аллаху теперь поручил.

Защиты не даст ему злобный Шарван,
Лишь бог бы его покровителем был.

НА СМЕРТЬ ДОЧЕРИ

Моя дальновидная новорождённая дочь,
Увидев, что мир этот место плохое, — ушла.

Она поняла, что несчастья ещё впереди,
От низких душою, от злобного роя ушла.

Она увидала, что в мире порока и тьмы
Изноет, измучится сердце живое, — ушла.

Увидев, что беден мой дом и что я ей не рад,
Она в неизвестность, дитя дорогое, ушла.

Увидев сестру свою старшую в чёрной чадре,
Подумав: «О, боже, мученье какое!..» — ушла.

ДВУЛИЧНЫЕ НОЧИ И ДНИ

О мой учитель! Как сокращают, взгляни,
Счёт нашей жизни двуличные ночи и дни!

Мир-кровопийца, что выделил ты для меня,
Кроме коварной линии ночи и дня?

Скатерть нам стелет с отравленной пищею твердь.
Жизнь — это сон, а его толкование — смерть.

О Хагани, ты все плачешь о сыне своём —
Скоро ли выплачешь ты этих слёз водоём?

Стонешь, как Нух, и слёзы льёшь, как Давуд.
Слёзы твои Юсуфа тебе не вернут.

Помнишь ли дни, когда сын появился в дому?
Жизнь отдал ты сыну тогда своему.

Сына отнять у тебя захотелось судьбе.
Жизнь его взяв, она годы продлила тебе.

Рано он умер, а ты всё живёшь и скрипишь...
Ты в барыше, но какой это жалкий барыш!

РАЗМЫШЛЕНИЯРАЗНЫЕ

РАЗВАЛИНЫ МЕДАИНА

Мой дух, глазами размышлений на преходящий мир взирай,
В глухих руинах Медайна судьбу, как в зеркале, читай!

Хоть раз отправься через Диджлу в забытый город Медаин
И слёз пролей вторую Диджлу среди таинственных руин.

Смотри, как кровь, струится Диджла в размытых знойныхберегах
Она рыдает, но не слёзы, а пламя на её волнах.

Смотри, как вздулись воды Диджлы. Кипящий вал бежит,спеша,
Бушует, пенится, как будто в стенаньях мучится душа.

Какая скорбь, какое пламя в её бушующей волне!
Слыхал ли прежде ты, что реки сгорают в медленном огне?

Несёт веками Диджла в море неиссякаемую мощь.
Отдай ей дань свою и слёзы над ней пролей, как дождь.

И если будут вздохи скорби и искренни, и глубоки,
То полреки во льду застынет и лавой хлынет полреки.

В цепях тяжёлых бьётся Диджла и вьётся тяжело, как цепь,
Едва громаду Медаина ей на рассвете явит степь.

Пусть помыслы твои в ту пору к стенам развалин воззовут
И слово тайное руины душе твоей произнесут.

Зубчатые твердыни башен — с времён древнейших до конца —
Тебе свою расскажут повесть и повесть каждого зубца.

И молят: «Ты из глины создан, и глиной бедной стали мы,
А некогда богатством, мощью и красотой блистали мы.

Боль вызывает головную у нас ночной совиный вой.
Избавь нас розовой водою очей от боли головной!

Рыдающие песни смолкли в саду увядшем бытия.
Сова преследует и гонит певца ночного — соловья.

Нас воздвигала справедливость, и нас разрушил грозный гнёт.
Смотри — вот так дворцы тиранов круженье времени сотрёт!»

Кем этих гордых стен и башен была разрушена краса?
Их небо стёрло или сила, вращающая небеса?

Смеётесь вы: «О чём горюешь? Оплакиваешь чей порог?»
Но кто не плакал в Медаине, тот сердцем низок и убог.

Куфу не выше Медаина мирская слава вознесёт,
И эти гордые руины танур Куфы не превзойдёт.

Куфы и Медаина стены равны пред гневом вечных гроз,
Пылающий танур печали ты не зальёшь и бурей слёз.

О Медаин, как много ликов хранит скрижаль твоих камней!
Идут по стенам вереницы безмолвных, каменных царей.

Ведь это тот дворец, где годы царь Вавилона был рабом
И царь Турана унижённым слугой склонял колени в нём.

На льва небесного когда-то отсюда, раскрывая зев,
Вот этот нападал крылатый, из камня высеченный лев.

Представь, что ворота все те же, дворцы и площади всё те ж,
Но пусты лестницы и входы... Где ж те владыки, люди где ж?

Сойди с коня, земли священной коснись и внемли: тишина...
Нуман был шахом, но однажды мат получил он от слона.

И сам Нуман царей вселенной давил пятой слонов своих.
И, как слоны его, доныне века теснят и гонят их.

И все цари, что посылали своих слонов покорных в бой,
Все безвозвратно проиграли, играя в шахматы с судьбой.

Из чаши черепа Ормузда кровь Нуширевана допьяна
Не здесь ли вот, на смертном пире, пила земля — взамен вина?

На древних золотых коронах реченья мудрые вились,
Прочти сегодня мысли эти и в смысл их вещий углубись.

Хосров Парвиз, его величье, пиры и кубок золотой
Давно исчезли и забыты, давно засыпаны землёй.

Свой стол плодами золотыми Парвиз когда-то украшал —
И пиршественный стол, как солнце, златыми гроздьями блистал.

О золоте не говори мне, да и Парвиза нет давно.
Скажи, как мудрым подобает: «Пришло, ушло, истреблено!»

Где все они? Ушли бесследно, удел всеобщий разделя.
Владык и шахов поглотила их породившая земля.

Земля беременная поздно свой лучший порождает плод,
Таков закон: рождает в муках жена, что рано понесёт.

Лоза, обильная кистями, в себя впитала кровь Ширин.
И не из праха ли Парвиза вот этот глиняный кувшин?

Земля равно владык вселенной и нищих тащит на обед.
Вседневно за столом ужасным пирует жадный людоед.

И кровь детей её, как пурпур, цветёт на сморщенных щеках.
О, эта ведьма с чёрной грудью, в косматых белых сединах!

Ты, Хагани, навек запомни, что на развалинах прочёл,
Чтобы хакан к твоей лачуге за поручением пришёл.

Дервиш у шахского порога сегодня жалкой доли ждёт.
А в некий день — султан к дервишу за подаянием придёт.

Дар благодатный светлой Меккой всем городам вселенной дан.
Ты, Хагани, от Медаина дар унеси с собой в Ширван.

Несёт из глины Джамра чётки паломнический караван,
Ты чётки унесёшь оттуда, где в глину превращен Салман.

Омойся в этом чистом море, склонись воды его испить,
Грешно уйти от побережья и жажду здесь не утолить.

Кто побывал в далёких странах — дары друзьям несёт домой.
Так пусть друзьям твоим подарком дастан звенящий будет твоя.

И пусть, как перлы чёток, звуком и блеском истинной красы
Порадует их дар безумца и мудреца с душой Исы.

О ХЛЕБЕ

Нет, полно! Не буду отныне себя унижать из-за хлеба!
Я пламенем дух напитаю! Довольно страдать из-за хлеба!

И лучше я кровь свою выпью, но к скатерти низких не сяду.
Да, лучше погибнуть, чем в двери презренных стучать из-за хлеба.

Я тигром свободным родился, но пусть назовусь я собакой,
Когда к падишахскому трону приближусь опять из-за хлеба.

И пусть я ослепну, и солнца, и звёзд, и луны не увижу,
Коль в поисках буду напрасных глаза напрягать из-за хлеба!

Пусть будут глаза мои ртутью, я ртутью залью свои уши,
Чтоб голосу низменных духов вовек не внимать из-за хлеба!

Не надо мне белого хлеба властителей с чёрной душою.
Я лучше умру, голодая, чем душу терзать из-за хлеба!

Хоть хлеб их и снега белее, но все их слова ядовиты,
Их помысли низки. Так мне ли их дружбы искать из-за хлеба?

Пастух получает лепёшку... Но я эликсиром владею.
Сокровища духа не буду я им продавать из-за хлеба.

Неужто, как мельницу, снова пред низкими рот открывать мне
И шею, как воду в плотине открытой, пред ними сгибатьиз-за хлеба?

Ну что ж, если хлеба не будет, — мы живы не хлебом единым. Учёный,
мыслитель не будет, как буйвол, мычать из-за хлеба.
Пастись на пустынных равнинах я стану, подобно джейранам,
Но я к обладателям хлеба не буду взывать из-за хлеба.

Пусть лучше язык мой отсохнет, но хлеба ещё не попросит,
Ужель униженье, обиды опять испытать из-за хлеба?

Был изгнан Адам из Эдема за зёрнышко райской пшеницы.
Достоинство вынужден был я своё потерять из-за хлеба.

Был праотец изгнан из рая. Я заживо ввергнут в геенну.
Без хлеба голодною смертью мне здесь умирать — из-за хлеба.

О боже! Ты знаешь о муках моих и о муках Адама!
Ты сам прогневись на пшеницу, чтоб нам не страдать из-захлеба!

И долго ль ещё в этом мире, рукою бесчестной и низкой,
Красу человечества будут терзать, убивать из-за хлеба?

Открой мне, судьба-негодяйка, причину такого гоненья —
Отколь на вратах моей жизни мучений печать из-за хлеба?

Иль ангел довольствия в небе сам вычеркнул «хлеб» в моейдоле,
Чтоб тайную промысла волю сумел я понять из-за хлеба?

Внемли, Хагани! Ведь в конюшне одной — Униженье с Почётом.
Так стоит ли на Униженье тебе разъезжать из-за хлеба?

О хлебе своём у Аллаха проси, сотворенный Аллахом!
Тебе ли своё первородство во прахе топтать из-за хлеба!

НАСТАВЛЕНИЕ МОЛОДЫМ

О юноша, послушливо внимай:
Народу своему не изменяй.

Будь верен, стоек, проявляй геройство —
Возвышенной души святое свойство.

Кто ближним яму роет без стыда,
Забыв про утро Страшного суда,

Тот плоть и душу обречёт на муки —
Предателю и вору рубят руки.

Быть лицемерным опасайся, друг.
Ведь лицемерье — пагубный недуг.

Знай, человек, доверьем облечённый,
Краснеет в вероломстве уличённый.

Всегда будь честен, презирая ложь,
И этим ты спасенье обретёшь.

Обитель правды — праведных жилище,
В земной юдоли праведных не сыщешь!

Ты ищешь дружбы, но разборчив будь,
Благоразумья в этом вижу суть.

Тех избегай, запомни мой наказ,
Кто предал друга хоть единый раз.

Опасно с ними заводить знакомство,
Чтоб не страдать потом от вероломства.

Твой друг свалил врага ударом с ног,
Не поднимай, враг заслужил урок.

Пусть он богаче самого Джамшида,
Запомни:другу он нанес обиду.

И стал отныне он твоим врагом —
До самой смерти не забудь о том.

Ком глины в птицу превратил Иса.
Идрис с тростинкой сделал чудеса:

Простой камыш он превратил в калам,
И благодарность я ему воздам.

Тот проповедник богу не слуга,
Кому корысть земная дорога.

Не знатного мудрец происхожденья,
Но заслужил людское уваженье.

Знай, пёс — есть пёс, как пса ни возвышать,
За львом он будет кости догрызать.

Не верь льстецам, держись от них подальше
И правду отличать умей от фальши.

Хвастун и враль горазд на обещанье,
Но только верить им — пустое тщанье.

Священен и величественен стяг,
Когда он у достойного в руках.

Тебя учитель отругал сурово,
Похвальное вдвойне оценишь слово.

Он скажет: «Нет!», но это не беда,
Когда заслужишь, то услышишь: «Да!»

Мягкосердечье нужно не всегда,
Тот — предводитель, чья рука тверда.

Безвреден ёж, пускай он груб на взгляд
Но мягкая змея скрывает яд.

Река спокойно в берегах течёт
Но опасайся: в ней водоворот.

Не говори, что ангелы вкруг нас,
Есть люди злее чёрта в много раз.

Муж, что науки изучил сполна,
Душист, как мускус, ярок, как луна.

Удар в тамбуре смог пробить дыру,
Порою рвётся знамя на ветру.

Будь добр душой, не делай людям злого.
О доброта, священно это слово!

Невежд не восхваляй, отринь корысть,
Пред мудростью и знаньем преклонись.

Ум, прилежанье вкладывай в искусство.
Не будь тщеславен, низко это чувство.

Внемли тому, что скажет Хагани,
Его советы помни и цени.

Храни добра священные законы
От тех, кто хуже змей и скорпионов!

СЕБЯ ПРЕД СИЛЬНЫМ НЕ СОГНИ

Друг, справедливости нигде в земном, подлунном мире нет.
Её не видел человек с тех пор, как был рождён на свет.

Мы дети сумрачных времён, и каждый, кто на свет рождён,
Суровым роком погружён в купель страдания и бед

Кто угодил в водоворот, спасенья больше не найдёт,
Смерть всех живущих стережёт, во мгле людской затерян след.

Ты выпить чашу не спеши, в ней яд эпохи для души.
Жизнь полный кубок поднесёт, но в нём отравленный шербет.

И сердцу не найти приют, везде несчастья стерегут.
Они тебя испепелят, закатом сменится рассвет...

Знай, каждый день и каждый час могильщик-рок хоронит нас.
Бредёшь, не поднимая глаз, ничьим участьем не согрет.

Не тщись в обители людской душевный обрести покой.
Никто здесь цели не достиг, на счастье уповать не след.

И ты, покорствуя, смирись, надежду обрести не тщись,
Не думай здесь найти приют, расположенье и привет.

Сияет синий небосвод, там средоточие невзгод,
Вблизи от траура черней, обманчив этот синий цвет.

Не поддавайся, Хагани, себя пред сильным не согни,
Святую тайну сохрани в сём мире, где царит навет.

ФРАГМЕНТЫ МУДРОСТИ

Когда я пришёл в благодатные земли армян,
Добро и приветливость в каждом увидел я взоре.

В особенности у соседей моих — христиан...
«Второй он Иса!» — я ловил о себе в разговоре.

Считали, что я к ним с четвёртого неба пришёл,
Внимали стихам моим, тонкость являя в разборе.

А морем назвали они вдохновенье моё,
Твердили, что в нём потонуло б **Арджишское море.**

О друг, не дивись, коль от сладости песен моих
Арджишская горькая соль будет сладкою вскоре.

О Хагани, удались от служения шахам,
Чтоб в стороне от грызни их позорной остаться.

Полно, как чаша, блистать на пирах у султанов;
Будет душа твоя кровью потом обливаться.

Шахи — не солнце. Зачем, подходя к ним луною,
То вырастать, то идти на ущерб, истребляться?

Иль за полсуток, подобно созвездию Девы,
То унижаться, а примут — опять возвышаться.

Спросил меня ты, я люблю ли шахов,
Я не люблю ни шахов, ни царей.

Шах запретил мне в Хорасан поехать,
Тюрьмой моей хотел он сделать Рей.

Но всё же надо мной он был не властен —
равитель должен различать людей.

Я отправляюсь в Хорасан к учёным,
Мне дела нет до тамошних властей!

Ты сказал мне: «Главу ни пред кем не склоняй,
Ибо ты одарён, осчастливлен природой!»

И молитвами родичей старых моих
Я, как в светлом саду, расцветал год от года.

Мудрый дядя мой вёл к совершенству меня,
Им даны мне познания, гордость, свобода.
Умирая, сказал он: «Ты будешь у нас

Образцом превосходства и славой народа!»
О Хагани! Ты дирхем подаёшь бедняку

Великодушья такого стыдись, о ходжа!
Знай: лицемерие низкое — щедрость такая.

Можно ль деяние великодушьем назвать,
Если гроши отдаёшь ты, а требуешь рая?

Людям даёшь, а у бога ты просишь вдвойне, —
Это грабительство! Где твоя совесть живая?

Знай — настоящее великодушие в том,
Чтобы награды не ждать, всё, что есть, отдавая.

«Не сойтись горе с горою!» — мудрость древняя гласит.
Как гора я сталогромен,взяв на плечи груз обид.
Верил в то, что друг утешит и в несчастье, и в беде,
Жизнь я прожил, только друга не сумел найти нигде.

ГАЗЕЛИ

СЛЁЗЫ ТВОИ, СЛОВНО ЖЕМЧУГ

Солнце взошло. О любовь, принеси мне скорей чашу вина!
Солнцем зари пусть мне будет в мире скорбей чаша дана.

Поторопись, виночерпий, мне чашу налить! Я изнемог.
Уж в синеве на коне своего торжества едет луна.

Тонкое скинь покрывало с лица твоего!
Воспламеняй Душу мою! Пусть, пылая свечой, изольёт слёзы она!

Если ты мне воротить мой утраченный мир не помогла,
Пусть моя жизнь загорится, взлетит и падёт — вся сожжена,

Слёзы твои, словно жемчуг, упали с ланит в чащу мою,
Сладким твоим поцелуем блаженно душа опьянена.

Я пред тобой открываю в горячих слезах муки мои.
Пусть же тобой мне отпущена будет навек сердца вина!

Песни мои — порождённые сердцем — тебе шлёт Хагани,
Как жемчуга — в тишине породившая их — вод глубина.

Я ИСКАЛ ТЕБЯ ВСЮДУ

Почему, о душа, ты рассталась со мной?
Пред тобою я какой провинился виной?

Я искал тебя всюду, рыдал и взывал,
Истомлённый, с согбенной от горя спиной.

Я прошёл города, но нигде ни следа —
Не нашёл я души на дороге земной.

Или счастье со мною наскучило ей, —
Улетела — и радости ищет иной?

Или за море птицей умчалась она,
Иль с водой ручейков убежала весной?

И опять в городах вопрошал я и звал,
Обошёл я, тоскуя, страну за страной.

Не найду ли бездомную душу мою?
И ответил мне отрок в деревне одной:

«Хагани, твою душу я видел в сетях —
В плен ушла она, следом за юной луной».

Я ТВОЙ ПЛЕННИК И РАБ

Твои стрелы пернатые — в сердце моём.
Мне от них не закрыться щитом.

Я вступил в обиталище чистой любви,
Я невольником стал, я расстался с умом.

Я парю, словно птица, хотя и без крыл,
В этом воздухе пламенном, в мире твоём!

Я иду, и пути мне обратного нет.
И любовь моя схожа со смертным мостом.

Я томлюсь по тебе. Но не ведаешь ты,
Что печаль мою душу сжигает огнём.

О, прими Хагани! Он твой пленник и раб,
Ты одна у него в этом мире земном!

ТЫ ВЧЕРА МНЕ ПРИСНИЛАСЬ

Для тебя я сердцем своим бы пожертвовать мог,
За свиданье с тобою я душу бы отдал в залог.

Я стремлюсь за тобой: там, быть может, покой обрету,
Где сияет твоей красоты лучезарный цветок.

Ты меня новизной изумляешь и блеском ума,
Красота твоя сказочна, дух твой и жив и глубок.

Под лучами твоими светла моя тёмная ночь,
Будто ярким сияньем луны озарённый восток.

«Есть душа у тебя?» — ты спросила, но что мне сказать?
Есть душа, но не ведаю, где её тёмный исток.

Ты вчера мне приснилась, и ты мне сказала во сне:
«Бедный друг, как ты сердцем в разлуке со мной изнемог!»

Без тебя на земле только бледная тень Хагани.
Но и тень исчезает, а день нашей встречи далёк.

ВЫЙДИ В ПОЛЕ, ЛЮБОВЬ МОЯ

Выйди в поле, любовь моя, видишь, как поле цветёт,
Роза с утренним ветром из чаши свидания пьёт.

Соловей говорит, что нарцисс опьянел от любви,
Он, как видно не знает, что красный тюльпан его ждёт.

«Опасайся любви своей!» — лилия мне говорит,
Но совет её вряд ли до слуха влюблённых дойдёт.

Дань с цветов собирает в широкую полу весна.
Роза прячется в листьях,наряды свои бережет.

Не ходи в цветники, там ты палец шипом занозишь
Там ведь злой недотрога — колючий шиповник растёт.

Я боюсь, о красавица, если ты выйдешь гулять
Кипарис твою шапочку, как покрывало, сорвёт.

Ветер утренний амбровых кос услыхал аромат,
И вздохнул, и унёс его в поле, и не отдаёт.

Из-за этого в ссоре я с ним. И смеются кругом:
«Вот глупец Хагани, с ветром утренним споры ведёт!»

ТЫ МОЯ РАДОСТЬ ОДНА

Милая, разве могу я тебя не любить,
Ты моя радость одна, без тебя мне не быть...

Пламя такое пылает в груди у меня,
Что и морскою волною его не залить.

Тысячи красок смешать я могу, но, увы,
Что я смогу без люблю твоей изобразить

Жил я всю жизнь по одним лишь законам любви,
Я от законов её не могу отступить.

Как я о ранах сердечных поведать могу?
Я по бумаге каламом не в силах водить!

А ведь сердечную боль и печаль Хагани
В тысяче писем и в сотне касыд не излить.

ПОШЛИ

Весть о судьбе моей мне поскорей пошли,
Слово надежды тайком от людей пошли.

Все говорят, что в неволе я у тебя.
Поясом ты мне завязку с кудрей пошли.

Сладкие губы раскрой и запой дастан,
Жемчуг, обоих миров ценней, пошли.

Пламенный взор твой похитил душу мою,
Слово надежды мне в шуме ветвей пошли.

Сердце сгорает во мне! Исцеление дай!
Каплю бальзама из чаши своей пошли!

Душу свою отдаёт тебе Хагани.
Если ты примешь, то весть мне о ней пошли!

ТОНЕТ КОРАБЛЬ МОЙ

Сердце моё как челнок, а любовь — океан,
Слушай, любимая! Эти слова — не обман.

Я, словно молнией, нашей разлукой спалён,
Ранен, как саблей. И я умираю от ран.

Сжалься! Ты видишь — под бурею гибнет мой мир,
Тонет корабль мой, ветрила сорвал ураган!

Волн бушевание лишь по колена тебе,
Я же кипящим смерчем с головой обуян.

Кто же — соперники у Хагани? Ведь они
Даже стоять у моих недостойны стремян!

ТЫ ВОШЛА В МОЮ КРЕПОСТЬ

Золотая луна пред лицом твоим светлым тускла.
Ты улыбкою солнце само пристыдить бы могла.

И когда повела ты на приступ войска своих чар,
Сразу вал укреплённый ума моего прорвала.

Ты вошла в мою крепость — к дверям потаённой души,
Дверь неслышно открыла и в плен мою стражу взяла.

До тебя было горем разграблено сердце моё,
Ты остатки разграбила, выжгла мне душу дотла.

Твои длинные стрелы-ресницы сразили меня,
Ты взглянула — сердце моё поразила стрела.

Мои письма к тебе не дойдут, — у скворца моего,
Что носил тебе письма, в полёте сломались крыла.

Хагани создавал свой дастан. Но сломался калам,
Вдохновенье увяло, рука на строке замерла.

ТЫ ОДНА МОЙ ХАГАН

О любимая, солнце земных моих дней!
Для меня ты и счастья и жизни ценней.

Сердцем сердца была ты досель для меня,
А отныне ты стала души мне родней.

Исцеляешь ты ласково раны мои,
И одна ты бальзам моих давних скорбен.

О султанша души моей, повелевай —
Я исполню, раба не найдёшь ты верней!

О кощунстве, о вере ли буду писать —
Первой песнею будешь ты в книге моей.

И отныне я только лишь твой Хагани,
Ты одна мой хаган и владыка царей.

ЛЕКАРСТВ НЕ НАДО НИКАКИХ

Я у страданья и любви единый отыскал язык.
Такое горе ниспошли, чтоб я печаль твою постиг.

Одежду в клочья разорви, обитель духа разори,
Своим доверьем одари, отдай мне часть забот твоих.

Устав от бремени разлук, с тоскою оглядись вокруг,
С тревогой друга вспомнив вдруг, пошли мне капли слёз живых.
И появленьем удостой, твой образ возвратит покой,
Ведь, кроме милости такой, лекарств не надо никаких.

Юсуф твой гибнет в смене дней, он связан путами кудрей.
Опасней вражеских сетей сплетенья локонов витых.

Твой каждый локон тайны полн, как Сулеймана перстень он,
Я поцелуем утолён, печать он на устах моих.

Ту скорбь, что в сердце Хагани, вместить не могут жизни дни,
Его насмешкою казни, чтоб ожил он в мирах иных.

ИЛЬ МЕЧЕТЬ, ИЛИ КАБАК

Позабудем о запрете, кубок мне подай с вином!
Чем болтать о всём на свете, лучше чару разопьём.

Презираю иноверцев — иль мечеть, или кабак!
Не хочу свершать намазы, к винопитию влеком.

«Утро дня подобно розе, словно мускус, ночь черна»,
Значит, розовым и пряным усладим себя питьём.

Обуздать сумей влюблённых, озадачить мудрецов,
Откажись от лицемерья, приходи в питейный дом!

Жизнь проносится мгновенно, в спешке ворот разорвав,
Жизнь схвати за край халата, приведи туда, где пьём.

Виночерпий, друг сердечный, призывает пить вино,
И ему беспрекословно повинуюсь я во всём.

Как с утра твердить молитву, если начал пить чуть свет?
Подними бокал за дружбу, осуждать начнёшь потом.

Что в раю у Сенсибеля станет делать Хагани?
Стало сердце райским садом, там вино течёт ручьём.

ДОКОЛЕ

Мне восхищаться красотой издалека, тайком, доколе?
Свечному пламени играть с безумцем мотыльком доколе?

Не сострадая, не любя, влюблённых исподволь губя,
Спрошу жестокую, тебя, кровь проливать клинком доколе?

Вкруг шеи бус сверкает ряд, пьянит дурманный аромат,
И мучить и губить подряд всех на пути своём доколе?

Боится света вор ночной, его страшит огонь свечной,
Меня ответом удостой: мириться с грозным злом доколе?

Твой осторожный вкрадчив шаг, убийца злой ступает так,
Грозить нам будешь, дивный враг, спрошу тебя о том: доколе?

Так жарко о любви молю, что знойный ветер опалю,
Твой гнёт безропотно терплю, покорным быть рабом доколе?

Обижен бедный Хагани, его удел — мольбы одни,
Незваным гостем быть в тени мне на пиру твоём доколе?

МНЕ ТАКАЯ ВСЕХ ДОРОЖЕ

Ранишь ты не размышляя, мне такая всех дороже.
Восхитительная, злая, мне такая всех дороже.

Взгляд очей неумолимых повергает в пламень сердце.
Ты смеёшься, убивая, мне такая всех дороже.

Ты, что каждый день спокойно нам мучительство готовя,
Тут же плачешь, сострадая, — мне такая всех дороже.

Ты - мой светоч потаённый, словно гурия, стыдлива,
Поцелуй, я умоляю!.. Мне такая всех дороже.

Я рождён тебе на горе, ты от этого страдаешь,
Но приходишь утешая. Мне такая всех дороже.

Ты, грабительница сердца, кровь пролившая на землю,
Зло творящая, играя, мне такая всех дороже.

Я тобой смертельно ранен, стань Исой, верни,мне душу!
Мы друг друга любим, знаю... Мне такая всех дороже.

Без тебя на бренном свете не нужна мне жизнь земная.
Прошепчу я умирая: «Мне такая всех дороже!»

Хагани, влюблённый суфий, бросил сердце на пороге.
Сжалься, жертву принимая, - мне такая всех дороже!

ТАК БЫЛО СУЖДЕНО

В разлуке дни мои пройдут, так было суждено,
Они мрачней, чем Страшный суд, так было суждено.

Ты в обаянье красоты, различны я и ты,
Разлуки дни меня гнетут, так было суждено.

Вопрос напрасный задаёшь: «Как, мучаясь, живёшь?»
Знай, если я погибну тут, так было суждено.

Я, как израненный марал, предсмертный стон издал,
Но люди псом меня зовут, так было суждено.

Напрасно лекарь, добрый друг, врачует мой недуг,
Меня лекарства не спасут, так было суждено.

Любовь хотел я утаить, от самых близких скрыть,
Но слухи ширятся, растут, так было суждено.
л,
И кровь течёт, и раны жгут, так было суждено.

Ответ твой спрятан в звеньях кос, скреплён печатью слёз,
Глаза мои те слёзы льют, так было суждено.

Я — Хагани, сто раз был прав, предсмертный стон сдержав.
Любовь несчастья стерегут, так было суждено.

ЧТО СО МНОЙ

Ты, истерзавшая мой дух, не спросишь, что со мной.
Как я томился в дни разлук, не спросишь, что со мной.

Сумей постигнуть сердца боль, стать нежной соизволь,
Но ты, узнав про мой недуг, не спросишь, что со мной.

На языке самой любви участье прояви!
Больного сердца слыша стук, не спросишь, что со мной.

Увидя, что в слезах тону, любя тебя одну,
Не молвишь: «Не страдай, мой друг!» Не спросишь, что со мной.

Я стать твоей собакой мог, приползшей на порог,
Твой пёс, что вертится вокруг, не спросит, что со мной.

Знай, Хагани в крови, в пыли, мольбам его внемли!
Ты не спасёшь меня от мук, не спросишь, что со мной.

ТЫ ВЛАДЫКА МИРОЗДАНЬЯ

Воистину познать тебя рассудок мой не в состояньи,
И нет пристанища душе в твоём бессмертном обитанье.

Ведь солнце вечной красоты то озарит твои следы,
То вспыхнет ярко впереди, даря тебе своё сиянье.

И восхищённый разум мой покорным жаждет стать слугой,
Спешит к тебе, забыв покой, сквозь времена и расстоянья.

Досель неведомый сердцам мир нежности открылся нам,
Весь сущий мир упал к ногам, и ты над ним простёрла длани.

Душой владеешь, о взгляни, возьми её иль прогони,
Ведь я всего лишь Хагани, а ты владыка мирозданья!

К МОЛЬБАМ СТРАДАЛЬЦА СНИЗОЙДИ

Я так немного прошу: единой милости твоей.
Ты милосердием небес и добротой владеешь всей.

Клянусь я, подбородок твой мне показался золотым,
И этот отблеск золотой богаче солнечных лучей.

Зачем ты прячешь под фатой блаженный сахар нежных уст?
Я, как пчела, вкруг них кружусь, дозволь припасть к устам
скорей.
Сказала ты: «Сгинь с глаз моих, не дам я сладости испить!
Впредь посягать на сахар мой, пчела докучная, не смей!»

Ты, капли крови не пролив, убьёшь ресницами меня,
Не удивительно, — они летучих, быстрых стрел острей.

Прошу, зубами разорви сеть, где запуталась душа.
Мне узел причиняет боль, он стянут на груди моей.

Спросила: «Ты не говоришь, чем поклянёшься мне в любви!»
Ответил: «Жизнь у ног твоих, коль хочешь, эту жизнь разбей!»

Сумела только ты одна похитить сердце Хагани,
К мольбам страдальца снизойди и хоть немного пожалей!

ПОЖАЛЕЛА

Для меня ты полувздоха, полувзгляда пожалела,
Молвить ласковое слово — много ль надо — пожалела.

Ты с лицом солнцеподобным, ароматная, как утро,
Бросить луч свой мимолётный — вот досада — пожалела.

Умолять тебя не смею о прощальном поцелуе,
Ты приветствия простого дать отраду пожалела.

Словно голубь, окольцован, обруч верности ношу я,
В зной мне лиственного сада дать прохладу пожалела.

На клочках своей одежды кровью я писал посланье,
Ты мне доброго ответа дать усладу пожалела.

О любви неразделённой я слагал тебе газели,
Молвить ласковое слово ты в награду пожалела.

О страдающем в разлуке Хагани она не вспомнит.
Сделать шаг один навстречу — нет с ней слада! — пожалела.

ОМРАЧИЛА РАЗУМ МОЙ

В грудь мою любовь вселилась, завладела всей душой,
Дух мой крепкий сокрушила, омрачила разум мой.

Беспощадный, словно войско угнетателей, врагов,
Образ милой занял сердце, чтобы там чинить разбой.

Меч терпенья спрятав в ножны, я надеялся и ждал.
Годы меч не пощадили, сталь меча покрылась ржой.

Я стенаю. Скорбь разлуки, воцарясь в моей груди,
Как стрела в меня вонзилась, угрожая смертью злой.

Ты обманно прошептала: «Мой любимый, Хагани!»
Я, поверив, ожидая, стал согбенный и седой.

КАК Я СМЕЛ ТЕБЕ ПОВЕРИТЬ

От меня уйти к другому порешив с недавних пор,
Позабыла и обеты, и священный договор.

Так безумно, как гуляка, торопящийся в кабак,
Ты меня испепелила, бросив в яростный костёр.

Ты причудами своими долго мучила меня,
Как я смел тебе поверить, самой хитрой из притвор?

Словно горлинка, склевала всё приманное зерно
И внезапно улетела в не подвластный мне простор.

Я за счастье быть любимым мог пожертвовать душой,
Ты любовь мою отвергла, обрекая на позор.

Боже, если существуешь, заступись за Хагани,
Накажи её за чёрствость, соверши свой приговор.

МОЙ РАЗУМ ОТНИМАТЬ ВЗЯЛАСЬ

Я — прах порога твоего, но от меня ты отреклась,
Любовь я кровью добывал, ты этой кровью упилась.

Так полюбить тебя я смог, что позабыл и честь и долг,
Твоим я покрывалом был, а ты его втоптала в грязь.

Пускай я душу погублю, но радость встречи я куплю,
Продай её — покупщик щедр, жизнь отдаёт не поскупясь.

Я часто слышу от других об обещаниях твоих,
Ты, обольщая и дразня, мой разум отнимать взялась.

Любовь то печень больно жмёт, то сердце будто пламень
жжёт, —
Так агнец, набираясь сил, двух маток высосал зараз.

Пока есть пища для любви, будь крепок духом и живи,
Что станешь делать, Хагани, когда иссякнет сил запас?

НЕ СОВЕТУЯСЬ С УМОМ

Нас любовь к тебе сжигает восхитительным огнём.
Люди голову теряют, не жалея ни о чём.

Полюбив тебя безмерно, очарованный аскет
Совершает безрассудства, не советуясь с умом.

Расставание с тобою убивает нам сердца,
С упованьем и волненьем каждой новой встречи ждём.

Сад моей надежды тщетной опустел и облетел,
Не раскрылись там бутоны и плодов не видно в нём.

Я дерзнул пройти беспечно мимо дома твоего
Мы подобную оплошность непростительной зовём.

Хагани, ты усомнился в высшем смысле красоты,
С той поры тебя невеждой называют все кругом.

Я ТАК ЖЕ ПОСТУПЛЮ

Как боль сердечную унять, подать совет молю.
«Терпи!» — в ответ мне говорят, но вряд ли я стерплю.

Учёный лекарь, помоги, дай средство от любви!
Любое снадобье твоё немедленно куплю.

В пустыне трудно отыскать глоток живой воды,
Но я к воде не прикоснусь, любимой уступлю.

Друзья, сочувствия полны, жалеть меня взялись, —
Ценю за благостный порыв, за доброту хвалю.

Не в силах ливень потушить бушующий пожар,
Огонь, мятущийся в крови, слезами не залью.

Ты слышишь, голубь застонал на утренней заре, —
Стенанья сердца и души в единый вопль солью.

Твердят друзья: «Забудь, оставь, другую полюби!»
Свидетель бог, не изменю одной, кого люблю.

Изнеможенному слуге прикажешь умереть, —
Пёс умер у твоих дверей, я так же поступлю.

Подруга розовой зари, как ты живёшь вдали?
Умолк в разлуке соловей, я так же поступлю.

Расставшись, плачет Хагани, как некогда Кавус,
Меня любовью обогрей, Я так же поступлю!

НЕ ВИНОВАТ Я НИ В ЧЁМ

О, не грусти, твоя печаль сжигает сердце мне огнём,
Кудрей, прошу, не распускай, от них смятение кругом.

И взгляд лукавый опусти, он может раны нанести,
Им поразишь меня верней, чем рок пылающим мечом.

Твои враги и мне грозят, поработить меня хотят,
А ты сердита на меня, хоть не виновен я ни в чём.

Коль упрекаешь ты меня, лишь обольстительно дразня,
Не надо, выслушай, прошу, мы побеседуем вдвоём.

И если кто-то,может быть, меня задумал очернить,
Не верь наветам, рождены они коварным языком.

Поклясться богом я могу, честь милой свято берегу,
Обет священный я блюду, и образ твой — порукой в том.

Розоподобная, внимай, пред подлым лик не открывай
Закрой прекрасное лицо, я умоляю об одном.

Уже давно народный глас соединяет вместе нас,
Пусть наши жизни озарит любовь ликующим лучом.

Твой раб — влюблённый Хагани. Его за промах не вини.
Проступок малый не сочти неизвинительным грехом.

РУБАИ

Моя любовь мне муки причиняет.
Она моим моленьям не внимает.
Источник всех моих мучений в том,
Что о любви моей она не знает.

Эта низость и злость клеветы и вражды
Тяжелее гонений и горше беды.
Тяжелее их — вечная с милой разлука,
А больнее всего — униженье нужды.

В чём держится душа моя живая?
Меня судьба терзает — ведьма злая.
И пища, что она готовит мне,
То несолёная, то соль сплошная.

Кравчий! Чашу мне не наливай дополна!
Не вернется увядшая жизни весна.
Мало, много ли ты мне нальёшь — безразлично, —
Камень горя не сдвинешь потоком вина!

Если хочешь, чтоб имя стояло твоё высоко,
Скромен будь, людям сердце своё открывай широко,
С бедняками дружи, собеседуй с простыми людьми,
И пойдёт твоя добрая слава средь них далеко.

Я Меджнун, мой печальный удел — тосковать.
Кто бальзам от безумия может мне дать?
Ухожу я-в пустыню — к джейранам и львам,
Не удастся вам в цепи меня заковать!

Хагани! Если честь и добро тебе выше всего,
Никого не ударишь ты, не оскорбишь никого,

Ведь достоинством всякий живой человек обладает,
И пощёчина хуже, чем сабли удар, для него.

Причиняешь душе моей ты лишь страданья,
Мне на сердце легла вся печаль мирозданья.
У дверей твоих я схороню свою душу,
Пусть к тебе долетит её благоуханье!

В огне печали Хагани истлел,
Терпенью сердца наступил предел.
Как мотылек,в саду свечу увидев,
На пламя налетел и обгорел.

Сегодня ты в душе моей гостишь.
В чертоге сердца царственно сидишь.
Я за тебя умру. Ты причинила
Мне горе, и его ты исцелишь.

Все птицы улетели. Жалкий вид
У клетки, что над родником висит!
Был Хумаюн в той клетке — Хагани,
Он больше в клетку ту не прилетит.

Ты низкими друзьями взят в полон,
Но разве дружба с низкими — закон?
Они в глаза попали, как соринка,
Промой глаза, мигай, гони их вон!

Как я красавицу грузинку полюбил,
Чтоб с ней беседовать, грузинский изучил.
Я столько раз сказал ей: «**Моди,** моди, моди!»
Что каждый волос мой со мной заговорил.

Пусть полон вздох мой мукой и огнём,
Не отзовётся в сердце он чужом.
Бессмысленно, как солнце и луна,
Ночь я бессонно смешиваю с днём.

Какая мощь в словах твоих блистает,
Но низкий их в игрушку првращает.
В наш век талант — певцу смертельный яд,
Не возвышает он, а унижает.

Нас сглазили. Судьба со счастьем в споре.
О милая, вражда вокруг, как море!
Умолк наш сладкий разговор любви,
Но знаем мы о тайном нашем горе.

О Хагани! Основа жизни — горе.
Жизнь и жестокость на одной опоре.
Ведь силой душу в тело заключили
И силой удалят из тела вскоре.

И я, в дни юности, в огонь любви бросался...
И вот достиг того, чего я домогался:
Огонь потух, а я сгорел, как мотылёк,
И пепел лишь от всех моих надежд остался.

Служить я страсти больше не хочу.
Я сердце испытаниям учу.
Как смеет мотылёк влюбляться в солнце,
Когда не в силах победить свечу.

Прошла, умчалась юность Хагани,
Печальны были и года и дни,

Прошло всё время в пенье эпитафий
На горестных похоронах родни.

Когда письмо твоё пришло ко мне,
Был чёрен мир. Он стал черней вдвойне.
Но мысль твоя издалека блеснула
Сквозь мрак двойной — и снова я в огне!

Что буду делать с кубком золотым?
Дай глиняный! Он станет мне родным.
Пока я сам не обратился в глину,
Пусть будет кубок глиняный моим.

Я засыпаю — ты в моих глазах.
Я просыпаюсь без тебя в слезах.
Мне легче будет, если, вырвав сердце,
Отдам тебе, ни слова не сказав.

Меня несчастным смело назови:
Я сломан, скручен путами любви,
Всю ночь, пока с друзьями ты пируешь,
Сижу, потоплен в собственной крови.

Я тьмы такой не видел никогда.
Я в печь вселенной ввергнут навсегда.
Я банному котлу подобен сердцем —
Внутри огонь, кругом вода.

Поёт нам птица о любви — она сама любовь.
И сокровенного язык, и свет ума — любовь.
И озаренье бытия, и смерти тьма — любовь.
Освобождение души — твоя тюрьма — любовь.

Если разум покорен тебе, Хагани,
Безрассудство любви от себя не гони.
Жарко любишь, не бойся палящего ада,
Ибо райский огонь — только искры одни.

Ты возникла, любовь, и мой ум отняла.
Сердце в плен захватила и боль уняла.
О свиданье ещё не дерзаю мечтать, —
Этот миг покрывает туманная мгла.

Острой болью истерзан внутри Хагани:
Дух изранен, а сердце сжигают огни.
Но и душу и сердце прислал он в подарок,
На печальную жертву с улыбкой взгляни.

Я младость с золотом сравню — растрачено оно,
Во всём прибежище мирском от этого темно.
Слезами орошаю я бесплодные пески,
Отчаясь золота найти хоть малое зерно.

Четыре свойства, Хагани, дороже всех иных,
И если ты душою щедр, тогда оценишь их:
Чужие тайны сохраняй, богатство раздавай,
Вкушай вино и обнимай красавиц молодых.

Ты краше пери и луны во много сотен раз!
Ревнует пери, лунный диск от зависти погас.
Как злая пери, у меня ты разум отняла,
От бессердечности твоей меня Аллах не спас.

Яд и желчь превращает в бальзам моя речь,
наслажденье даёт небесам моя речь,

Нестерпимую боль головы исцеляет,
Жизнь дарует полям и лесам моя речь.

Говорят, что приходит раз в тысячу лет
Муж великий, дарующий истины свет.
Он являлся, когда ещё мы не родились,
Вновь придёт — только нас на земле уже нет.

Полжизни жил я в маяте, измучась под конец,
Но осчастливил вдруг меня красавицей творец.
О небо, неужели мне благодарить тебя —
К чему сходящему во гроб столь царственный венец?

Ты только пешка, Хагани, тебя опасность ждёт —
Шесть трудных клеток впереди, обдумай каждый ход.
Тебе вовек не стать ферзём, и не мечтай о том,
Знай,что разбойница-ладья твой промах стережет.

Меня не терпят небеса — несчастий сыплют град,
Руками грязных подлецов сгубить меня хотят.
Здесь процветают наглецы, любимчики небес,
Бесчестным стану, может быть, за это наградят.

Живу я в скорби и тоске в пустом саду моём,
В нём розы утром не горят пурпуровым огнём.
И на заброшенном току, когда смотрю кругом,
Колосьев нет, и зёрен нет, и только пыль столбом.

Я ранен, связан по рукам — гляди, каким я стал.
Разбито сердце пополам, — гляди, каким я стал.
А ты пируешь за столом, пьёшь пьяное вино…
Молю, припав к твоим стопам: «Гляди, каким я стал!»

О Хагани, как ты живёшь?.Скуп лицемерный небосвод.
И тускло-серый цвет ему летящий пепел придаёт.
Ещё клокочешь изнутри, подобно банному котлу,
Пылает сердце у тебя, но слёзы холодны как лёд.

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ
(1141-1209)

Гениальный азербайджанский поэт Ильяс Юсиф оглы Низами Гянджеви родился в древнем городе Гяндже. В молодости Ильяс прошёл всестороннюю подготовку, приобщился к разным наукам: близко был знаком с логикой, медициной, юриспруденцией, астрономией, географией; особо уделял внимание изучению истории, философии, теологии, теории поэзии и фольклорного наследия. В совершенстве знал арабский язык и с его помощью глубже изучал основы многих наук, ибо арабский язык являлся на всём Востоке языком науки. Низами блестяще освоил пер-сидский язык — язык поэзии всего Востока. И свои гениальные произведения, вошедшие в мировую литературу, в основном создал именно на этом языке. Творческий путь Низами начался с лирических стихотворений на персидском и тюркском языках, но он вошёл в историю Восточной и мировой художественной мысли и прославился, главным образом, как могучий мастер, творец свода поэм под названием «Хамсе» — «Пятерица»: «Махзануль-асрар» — «Сокровищница тайн» (1178); «Хосров и Ширин» (1180); «Лейли и Меджнун» (1188); «Хефт-пейкар» — «Семь красавиц» (1196); «Искандернаме» (1203), состоящая из двух частей — «Шарафнаме» («Книга славы») и «Игбалнаме» («Книга судьбы»). «Пятерица» состоит из 30000 бейтов (двустиший).

«Пятерица» гениального Низами дала начало мощной литературной традиции: под влиянием тем и сюжетов Низами Гянджеви на Востоке было написано около трёхсот оригинальных и подражательных произведений различных жанров, объёмов и форм.

О «Диване» — сборнике стихов — получаем сведения со слов самого Низами Гянджеви, — что газели поэта ещё при его жизни исполнялись певцами и были популярны повсюду. «Диван» включал в себя 20000 бейтов, но до нас дошла малая часть этого наследия поэта.

Интеллектуальная, философская глубина и феноменальная художественная мощь, присущая поэтическим творениям корифея азербайджанской поэзии, снискали ему широчайшую славу на Востоке, и его бессмертное имя органически вошло в мировую поэтическую сокровищницу.

КАСЫДЫ

Я царем царей в державе мудрых мыслей нынче стал.
Повелителем пространства, шахом времени я стал.

Громок моего дыханья полнозвучный колокольчик.
Свой кал ем — свой стяг победный я над миром водружал.

Лоб моих стремлений выше, чем корона Кейкубада,
Торсу моего величья и кафтан Гурхана мал.

Солнцем двигаясь по кругу, сея свет с небес четвертых,
Как Месих, своим дыханьем жизнь я мертвым даровал.

В царстве благозвучных песен не делюсь ни с кем я властью,
Мой удел — одни победы, поражений я не знал.

Мыслей дерзкою атакой сильных мира покоряю,
Знаниями воздвигаю обороны прочный вал.

Так, как я рождаю слово, доброта рождает доблесть.
Так, как в юности румянец, бог талант мне даровал.

Звук моих газелей слаще, чем напевы органона.
Мысли освежают разум, словно взмахи опахал.

Звезды признанные светят, потому что я зажег их.
Я — вода небесных сводов, а они - набор пиал.

Слово девственным оставлю, не ударю в бубен речи.
Чтоб объедками со свадьбы хор проныр не пировал.

Пар случайных размышлений многим я дарил наукам,
А осадок драгоценный в песнопеньях применял.

Поэтических находок сам чеканю я монету,
Все иное побывало много раз в мешках менял.

За экспромтом и шарадой сотни сотен душ увлек я,
А при помощи софизмов тысячи сердец украл!

Легкий почерк мой увидев, Ибн Мукла кусал бы пальцы,
Ибн Хани со мною в споре был сражен бы наповал.

Я — луна в полночном небе, но не знающая пятен.
Я — жемчужина, изъяном бог меня не покарал.

Захворав, бальзам не пей ты, ведь мои целебней бейты,
Слог мой, точно финик сладкий, выше всяческих похвал.

У души моей на створках вырезано завещанье:
«Не звучать речам на свете после тех, что я сказал».

Если стать замыслю вровень я с Давудом-псалмопевцем,
Голоса мобедов стихнут, точно ветер между скал.

Если прекращу дыханье — у людей сердца увянут,
Так без воздуха и солнца базилик бы вмиг увял.

Если б во дворце Вселенной мои песни не звучали,
Кто познал бы суть блаженства, кто б вино у магов брал?

Легкой плавностью напева мне гордиться не зазорно,
Так гордится, источая благовоние, сандал.

Океан — мое дыханье, в нем приливы и отливы,
Вдох — на дно ушел ныряльщик, выдох — перл со дна достал.

Воздух каплями дождинок грудь мою спешит наполнить,
Чтоб из раковин без счета жемчуга я вынимал.

Сам, как в раковине чистой, в браке истинном зачатый,
Двух ублюдков поношенья я выслушивать устал.

Трижды мерзостен завистник, стану **Йеменской звездою,**
Свет которой блуд и скверну поражает, как кинжал.

Скакуны моих творений что-то резвость потеряли,
Видно, я нуждой и горем их копыта подковал.

Хвастовство мое звенело, точно дутые браслеты,
Как я каюсь, как стыжусь я неумеренных похвал.

Так сниму же погремушки, отопру сундук сокровищ,
Не уймусь, покуда людям не отдам последний лал.

Не добывший и агата, что рубинами я грежу?
Что мне перлы уст, коль перлов кошельком я не поймал?

Пир ночной вершу вдвоем я со своим печальным сердцем,
Не в вине — в слезах кровавых омочив края пиал.

А пинки, что получаю, добывая хлеб насущный,
Горше палочных ударов, что базарный вор узнал.

Обнищав, душой изверясь, — всё, как прежде, жажду славы,
Бос и гол, я жажды власти всё еще не потерял.

Не стремиться бы мне в небо от земли, из черной бездны:
Дерево, чьи корни слабы, не для мачты материал.

Я не фокусник лукавый, не фальшивый богомолец:
Луком глаз своих не мазал, щек шафраном не пятнал.

Вздор, как будто совершенен я в искусстве песнопенья,
Словно ботало верблюжье, я бессмысленно болтал.

Шелк стихов, узоры мыслей - паутина, прах летучий,
Где, я мнил, живое чувство — мёртвый черепа оскал.

Я - бездомный пес, и мчатся вслед за мной собаколовы.
Хвать! - и кинут в пропасть ада, чтоб на стражей не брехал.

На дворе монетном слова - не медяк ли я чеканил?
Разве от слона защита жалкий глиняный дувал?

Чем гордиться стихотворцу, коль порок однажды молвил:
«Самый лучший стих, который больше лжи в себя впитал».

Для науки безразлично, где какой язык ей служит:
Суть красавицы не тронешь сменой пестрых покрывал.

Для стихов переложены; на другой язык - смертельно.
Горд удачей, а вглядишься: вытек смысл и дух пропал.

Я, как зеркало, порою миру противопоставлен,
Твердым ликом непрогляден и душою крепче скал.

Но, охваченный сомненьем, становлюсь слабей былинки,
Ветер гнет меня и треплет, капля рушит наповал.

Грош цена мне в этом мире, но в ином существованье
Я - дирхема полновесный, благороднейший металл.

Господи, молю, взыскую: укажи тропу такую,
Чтобы дел дурных и мыслей я засаду миновал.

Осени благословеньем мой источник вдохновенья,
Чтобы сладость песнопенья в уши мудрых я вливал.

Окажи мне, боже, помощь, чтоб не ждать ее от смертных,
Защити, чтоб я защиты у богатых не искал.

Ты тавром прижги чело мне, к рукавам пришей мне метки,
Чтоб, махнув рукой, у древних я ума не занимал.

Мнений суетных и злобных не пускай в мое ты сердце:
Несовместен с нежной ланью злобно воющий шакал.

Не взыщи, что мал и слаб я, прахом был и стану прахом,
Вот двуличье, стоязычье — пострашней змеиных жал.

Грешен; но молю прощенья, окажи святую милость,
Я стыжусь — ты это видишь, жизнь трудна — ты это знал.

Все мы — сущие мгновенно, все мы — меченные смертью,
Ты — необходимо сущий, будешь, есть и пребывал.

Так возвысь, позволь увидеть, несомненные приметы ...
О, я глуп! Ты ж бесприметно, беспредметно мир объял.

Сердца моего движенье длится лишь тебе в служенье,
Без него порвался б жизни обветшалый материал.

В теле собственном себя я ежечасно распинаю,
Дай смиренья, дай уменья не искать, что потерял.

Хоть однажды благосклонно приласкай мне взглядом сердце
Чтоб в израненном, усталом свет отрадный засиял.

За нечаянный проступок Низами прости без гнева,
Произвол небес известен: шел туда, сюда попал.

Дал ему ты счастье жизни, до конца продли щедроты:
Смерть пошли ему благую, отбери легко, как дал.

Я долго шел по лугу лет, и сгорбилась моя спина.
От долговечности теперь какая доля мне дана?

Не в силах людям подарить я ни прохлады, ни плодов:
Плоды сбил бедствий ураган, листва дождями сметена.

Мой стан — подобье кетменя, им лишь могилу и копать.
И разве не на камфару мне намекает седина?

Свой черный мускус кабарга под белым волосом хранит.
Из мускуса моих волос — вот чудо! — лезет белизна.

Жемчужин светлых два ряда во рту я некогда носил.
Но вероломны небеса: шкатулка опустошена.

Исчезли перлы, потускнев, - а ведь блестели ярче звезд!
Звезда моя, едва взойдя, была нуждой омрачена.

Закат уж близок. Я хочу сам, как сова, лететь туда,
Где вместо праха и руин блаженной вечности страна.

Здесь я согбен, как чёрный сук засохшего карагача,
У добродетели в саду, как пальма, стать моя стройна.

Согнулся вдвое я затем, чтобы одежд не запятнать:
Кровоточит душа моя, вот и слеза обагрена.

Возлег на голову моих седых волос тяжелый снег.
Не проломил бы кровлю он, давя с рассвета до темна.

Снег, увенчав чело горы, родит стремительный поток.
Горючих слез моих река причиной той же рождена.

Я, немощами изнурен, бесплотным сделался, как тень,
Меня дорогой протащи — не будет пыль возмущена.

Никто не помнит обо мне, поскольку я, лишенный сил,
Друзьям на память не приду: дорога для меня трудна.

Хоть стан мой согнут, словно лук, он сам собой укрыться рад.
Но у стрелка, чье имя «смерть», наметан взгляд, рука верна.

Вершин покоя как достичь, как воспарить над бездной бед?
Поломаны мои крыла, мне высота теперь страшна.

Плоды моих былых надежд раскатаны по всей земле,
Камнями сбитые с ветвей и не созревшие сполна.

Освобожденье от плодов древесный распрямляет ствол,
Но пальма тела моего и без плодов наклонена.

Несчастиями истомлен, я опустил главу на грудь,
Не опустила б смерть меча, ведь шея так обнажена...

Слабеют веки у меня, я плачу от любви к друзьям,
Мне вскоре уходить тропой, чья не измерена длина.

В дому печали я сижу, забившись в темный уголок,
Порога мне не одолеть: ослаблен дух и плоть больна.

Я книгу жизни завершу тем, что познал в конце концов:
«Неведома мне суть земли, суть неба для меня темна».

И чёрный цвет, и белый цвет — неотличимы для меня,
Сияет солнце ли в лицо или светильник жжёт луна.

Жизнь миновала. Что же в ней я совершал? Грехи, грехи...
Склоняюсь ниц перед людьми, душа раскаянья полна.

В ознобе нынче трепещу, одолевает руки дрожь,
Веселья чаша на пиру моим устам не суждена.

Стучится в двери смертный час, как гостя этого приму?
Чем стану потчевать того, кому лишь жизнь моя нужна?

А жизнь с житейского стола немного сладостей взяла,
Хоть и халву держу во тру, горчит отравою слюна.

Прощается со мною жизнь, в своих объятьях жмет и гнет,
Совсем согнула, неужель в меня так сильно влюблена?

Я опасаюсь каждый миг: от хватки яростной ее
Не лопнули бы ремешки, чем к кости кость прикреплена.

При том, что пальцем на ходу считаю, где упал, где встал,
Своим годам я счет веду — вот чем душа изумлена.

Со мною на лугах земли в разладе воздух и вода,
Исы дыханье мне не впрок, вода живая мне вредна.

Как туча зимняя — дожди, я сожаленья слезы лью:
Перед глазами пронеслась моя далекая весна.

Монеты юности давно я на дорогах растерял,
А нынче под ноги смотрю, да не попалась ни одна.

К стене теперь я льну, как тень, чтоб удержаться на ногах,
Ты послужи опорой мне, не отвергай меня, стена!

Со смехом время унесло дирхемы юности моей,
Взамен игрушку кинув мне, а той игрушке — грош цена.

Из царства радости порой к нам вести добрые летят,
Но глуше ваты седина, заткнула уши мне она.

В стенаньях, тягостным трудом насущный добывая хлеб,
Я — точно жалкий муравей, что еле тащит ползерна.

Неблагородная судьба, чтоб обесценить суть мою,
Расколотила камнем бед мой перл, подняв его со дна.

Мой тайный дар, заветный дар вовсю завистники хулят,
Как будто бы порока он изнаночная сторона.

Неся на сердце знаний свет, я станом скрюченным своим
апоминаю ореол, в котором нам луна видна.

Нить мыслей и забот моих вся в петлях, в пуганных узлах.
Распутаю ль хотя бы часть до погруженья в сумрак сна?

Склонясь на садом бытия, неумолимый небосвод
Сечет мне корни топором, ведь крона уж не зелена.

В чем содержанье, не пойму, не смыслю в форме ничего.
Нет содержания в душе, и взору форма не ясна.

Я на земле так гнусно жил, что, если окажусь в аду,
Меня станут избегать и грешники, и сатана.

Сад бунта вырастил меня, но время сушит плоть мою,
Чтоб в адском пламени горел я лучше ветки и бревна.

Всевышний кончиком пера украсил лист моей судьбы.
Но говорят лишь о грехах начертанные письмена.

Старался смыть потоком слез я страшный текст, а толку что?
Упрям всевышний, повесть та им вновь и вновь повторена.

В упорстве этом он всеблаг, не дав полнее проявить,
Сколь мерзок по натуре я и совесть как моя черна.

И если кто меня убьет за то, что растранжирил жизнь,
Суд разума произнесет: заслуга это — не вина.

Но если дам костру души я распылаться в полный жар,
Вскипят, взбурлятся небеса, их голубая глубина.

Уж время шашками закрыть шесть клеток мировой доски,
С небес две кости для игры смахнуть движением руки.

А черноту и белизну небес расписки долговой —
Обещанных ночей и дней — рви, не жалея ни строки.

И гидросферы весь объем пусть испарится без следа,
И геосферы весь объем пусть разлетится на куски.

Давно уж может небосвод направить прочь свою ладью,
Чтоб канул мир в небытие, как тонущий — на дно реки.

О, если бы чуть легче стал вращающийся небосвод!
У мельницы короче век, коль жернова ее легки.

Поскольку **держит Землю Бык, уравновесив на рогах**,
Дома, что воздвигаешь ты, все ненадежны, не крепки.

Как поразить Быку Земли своим копытом Льва Небес?
Бык дрогнет, встретив когти Льва и смертоносные клыки.

Однако вижу я кругом сердца собачьи и боюсь:
Вдруг Бык теперь могуч и храбр, у Льва же — лапы коротки?

Пугает Землю небосвод — парящий купол голубой,
Так голубь башню облетит, боясь наткнуться на силки.

Чтоб в бурном океане дней корабль уверенней ты вел,
Пусть якорем твоя нога уйдет в смирения пески.

Стань Хызром праведным. Когда откочевать пора придет,
Все воды перейдешь ты вброд, сколь ни были бы глубоки.

Ты на Аллаха уповай, и, если морем станет мир,
Клянусь, на пальцах ног твоих сухими будут волоски.

Старея не добреет страсть, и нам не легче сладить с ней:
Кусается змея больней в свои последние деньки.

Прямой и честный сделай шаг и станешь прям, как кипарис.
Крупицей мускуса весы на благовонье обреки.

В искусстве слов не почитай искусный вычурный обман,
Пусть правда славится тобой любым соблазнам вопреки.

Таким явись перед людьми, что если даже и солжешь,
Поверят правдолюбцы в ложь, от всех сомнений далеки.

В обитель веры и добра вселись, душою обновлен,
В ней против дивов не нужны тебе ограды и замки.

Ослепнет страшная змея, едва взглянув на изумруд,
Иблис, услышавший Коран, оглохнет с первой же строки.

Когда, как праведный Халил, ты путь смиренья изберешь,
К тебе разбойники пойдут в смиренные проводники.

Кричи и в стену бейся лбом, но сердце спящее твое,
Пока не грянет Судный день, презрит и крики, и пинки.

Будь голосом хоть сам Санджар, греми под куполом небес,
Но эха тщетно станешь ждать: уж слишком своды высоки.

Но каждый, скорбный сердцем, свят и обретет огонь Мусы.
Пророком Хызром стать не всем, кто открывает родники.

Довольно горечи морской испить придется прежде, чем,
Глотнув дождинку, различишь в себе жемчужины толчки.

Жемчужину свою блюди, хоть свет ее ничтожно мал,
Тусклей того, каким весной в ночи мерцают светлячки.

А ты, готовый мотыльком к семи светильникам взлететь,
Пугайся солнечной свечи: сгорают быстро мотыльки.

Став мудрой, голова твоя в човгане этом круговом
Всем клюшкам пусть подставит лоб, чтоб рады были игроки.

Слугой послушным быть учись. Избравшего служенья путь
Возвысит тот, кого Аллах избрал себе в ученики.

Шихна, который справедлив, эмира обретает власть.
Эмира, коль он справедлив, о небо, шахом нареки.

Потворствуй преданным друзьям, их за проступки не гони,
Как напоит тебя сосуд, тобой разбитый в черепки?

Скликая войско, щедрым будь, хлеб не жалея раздавай,
И муравей, дающий хлеб, способен в бой вести полки.

Не жри, как плотоядный червь, жизнь воздержанием продли:
Ведь режут первыми овец, чьи тяжелее курдюки.

Но съеденное возвращай, стань словно шелковичный червь.
Его сверкающий венец — слюны бессчетные витки.

Страсть плотскую ты низведи до уровня тончайших трав
И бди, чтоб сосны невзначай не превратились в стебельки.

Страсть похотливую спеши как можно раньше одолеть:
Змея, в дракона превратясь, под старость злее жмет тиски

Не прочно царство у того, кто кровь ему подвластных пьет.
Луна кровь солнца пьет, и вот ей лик пятнают синяки.

Спеши пополнить свой амбар хотя б крупицей добрых дел.
И от невзрачного зерна тучнеют хлебные мешки

Но те, кого ты угнетал, — страшись! — Поднимут в Судный день
Над грешной головой твоей неумолимые клинки.

В мирах обоих суд один, и справедливость — всем судья:
Бесценней взятых золотых раздаренные медяки.

И если руки раздробит Бахману славному дракон,
То из обломков прорастут ладони, но не кулаки.

Мягкосердечен будь, как воск, Давуду кроткому под стать,
Чтоб стала сталь в твоих руках не тверже сеяной муки.

Твое стремленье к естеству естественно, ты им рожден.
Когда младенец ищет мать, его пробуй отвлеки.

Ученых общества взыскуй, уподобляясь в том Исе,
Амвон жилищем почитай, из мудрых фраз одежды тки.

Страшись в пророчествах дурных истолковать движенье звезд:
Вдруг дымом собственных невзгод заволокло тебе зрачки?

Вода, земли недремный страж, когда-то войдет в плоть земли.
А ветер озарят огня взметнувшиеся языки.

Упрись ногой в небытие, вцепись руками в бытие
И успокойся: прочен кров, подпоры у шатра крепки.

Не говори: «Я буду мертв, а здесь живому — жить в живом».
Твои суждении бедны, твои воззрения узки.

Там — все иное, для иных, султан там нищ, босяк богат,
Тиран унижен, и для них законы эти не жестки.

Круг солнца в небе голубом — как мыло в голубом тазу,
Чтоб смыли мы с одежд души и грязь, и пятна, и плевки.

Умою руки мылом тем и больше мира не коснусь.
Л ты как хочешь: мой — не мой, тут выгоды не велики.

О Низами, забудь скорей про голубой небесный свод,
Пусть якорем пока не стал и не вцепился в дно реки.

И бренность мира ты пять раз напевом флейты возвеличь,
Тогда, быть может, царство слов придет под власть твоей руки.

Чтоб клады счастья обрести, прибегни ко всесилью слов,
Чтоб камень в злато обратить, из сердца слово извлеки.

КЫТЫ

Разъяснены: любви: Ты от Каабы уйди и неверным стань.
Посоветует друг: ты влюблен — мотыльком легковерным стань.

Состраданья любовь не найдет, обитает втайне она.
Стал любви не чужим, так для всех ты чужим и забвенным стань.

Если мы поравнялись с тобой на весах у любви,
Гнев зачем твой растет и люблю я сильней почему?

Чуть пораньше, казалось, ты больше любила меня —
Я все так же твой друг, но вражда наша злей. Почему?

Спросила ты, легко ль тебе, привольно, о душа!
Боль в печени и в сердце боль. Мне больно, о душа!

Все говорят: влюбленных душ водитсльница ты,
Знай: я в число тех душ попал невольно, о душа!

Как мотылек свече, добычей стань
Ты птице скорби — пищей птичьей стань.

Коль с ней в беседе молвят о тебе,
Как Низами, ходячей притчей стань.

Ты знакома глазу моему,
Как слеза в зрачке, сияешь ты —

Небо строит козни мне, к чему
Ты игра, что затеваешь ты?

Потянуть твой локон! Раскрутить
Все препоны, что свиваешь ты.

Нам отмерен краткий миг один,
Что так медленно ступаешь ты?

Ты пощади себя, сердце храни свое.
Пьяным, о друг, сердцам ты не давай его!

Взглядом задорным, верь, можно его разбить.
Пьяным, о друг, рукам ты не давай его.

Кубок, что с лалом схож, побереги, не бей.
Пьяным, о друг, устам не отдавай его.

Глянешь — отшельник тут, взор отведи скорей,
Сердце храни. Слепцам не отдавай его.

Где доблестный найдется муж, кого бы мир не гнул?
Тех, кто не мучился бы тут в цепях полона, — нет.

Хоть счастье, как невесту, мы желаем разубрать,
Но все ж убора для нее у небосклона нет.

Коль так убого бытие, каким его я зрел, —
То нет в нем света, ничего в нем, кроме стона, нет.

О сердце, словно ценный клад, ты оба мира чти!
Но оба здесь они, для них другого лона нет.

Мир, что в шатре семи небес, оставь, о Низами!
То — скорпион, спасенья нам от скорпиона нет.

РУБАИ

Ежели твой дух тоскою неизбывного объят.
Никакие в мире речи сердцу груз не облегчат.

Распустилась пышно роза в цветнике твоей души
И, тая свой лик от взоров, льет томящий аромат.

Гурия моя земная! Ту жемчужинку, что рок
У тебя из уст похитил, к бренной прелести жесток,

Он отнес, должно быть, к морю и сказал: «С нее пример,
О жемчужины, возьмите! Кто б сравниться с нею мог?»

Ах, очей твоих прекрасных лицезреть лучистый свет
Нашим скромным положеньем мы не заслужили, нет!

Тщетно воздыхали даже Кейкубад и Кейхосров
О свидании с тобою, и мечтанье наше — бред.

От очей моих влюбленных милая тайком ушла,
Не вняла моим стенаньям и, покинув дом, ушла.

Душу за полу хватало сердце бедное мое,
Но она, яа них махнувши легким рукавом, ушла.

Так как тщетно за кумиром озираюсь я вокруг,
Мне один удел — скитаться, и скитаюсь я сам-друг.

По лицу земли я кровью сердца своего пишу
О тоске моей, чтоб сердцу передышку дать от мук.

По тебе тоску не взвесят длани рока, наш кумир!
Но за муки не услышишь ты упрека, наш кумир!
Пусть за нами ангел смерти не торопится прийти.
По тебе томясь, погибнем мы до срока, наш кумир!

От меня ушла ты! Где же мне тебя искать, увы!
О тоске моей великой некому сказать, увы!
Знаю, что теперь до гроба не увижу я тебя.
Мне одно осталось, кровью очи омывать, увы!

Если буду плакать, кто бы мне в беде моей помог?
Если же крепиться буду, смертный час недалек.
Память о тебе лелея, день и ночь вздыхаю я.
От любовного томленья смертных огради, о рок!

Как в курильницах алоэ, наши души в нас горят,
Ужасом кровавой брани наш несчастный край объят.
К нам стремишься ли, не знаю, но от нас ты так далек!
Не вступаешься, хоть видишь, что идет на брата брат.

Дни свои влачить без друга — наигоршая из бед.
Жалости душа достойна, у которой друга нет
Утешителя лишенный, проживи-ка, не скорбя,
Эти несколько коротких, купленных у рока лет!

Лик твой — словно месяц ясный, с горних блещущий дорог,
Кудри на твоих ланитах — словно бы лучей поток;
На лицо твое, как будто для того, чтоб уберечь
Красоту его от сглаза, темный наведен пушок.

Нет напитка лучше сока пьяных гроздьев, мне поверь!
Слава лучшая кумиров в чистом их вине, поверь!
Мир земной — развалин груда: жизнь нам лучше провести
Под кабацким ветхим кровом в сладком полусне, поверь!

ГАЗЕЛИ

Розу пологом колючим твой всесильный взгляд закрыл,
Вижу я **зунпар** на розе: лик твой вешний сад закрыл!

От стыда перед тобою зарумянился бутон,
И зардевшиеся щеки он в кругу досад закрыл.

А когда свою поклажу развязал твой черный зульф,
Цвет фиалки на замочек свой цветочный склад закрыл.

И одним крылатым словом твой прекрасный аргаван
Наших лилий говорливых чаши все подряд закрыл.

О своем желанье новом розе на ухо скажи,
Хоть нарцисс глаза на это много дней назад закрыл.

Соловей красноречивый состязался с Низами,
Но, газель услышав эту, клюв свой, говорят, закрыл.

Расступился черный мускус, й она всплыла вчера.
Оттого пришли в порядок все мои дела вчера.

Луноликая спешила, соглядатаев боясь,
Полотно с Луны срывая, розы обожгла вчера.

На жемчужину глядел я, глаз не властен отвести,
Словно по моим ресницам — влажная - сошла вчера.

И покоились мы рядом. Пробудилось - и бегом
Счастье резвое пустилось, чуть сгустилась мгла вчера.

«Ухожу! — она сказала. — Что мне дать в залог тебе?» —
«Поцелуй», — я той ответил, что мне жизнь дала вчера.

Я проснулся, опаленный, и огонь во мне горит, —
Впрямь была вода живая в той слезе светла вчера.

Головою ширваншаха вам клянется Низами:
Лишь во сне со мною вместе милая была вчера.

В ночи я знаю: сердце мне от той отвлечь придется,
На чьей дороге утренней мне снова лечь придется.

Возлюбленная избрана, и, чтоб избрать другую,
Придется сбросить эту жизнь, вторую влечь придется.

Луна! Тебе я жертвой стал, — благословен твой праздник! —
Мне по твоим глазам гадать — как ни перечь — придется.

Попоной твоего коня я голову прикрою,
Воительница! Вновь ронять мне жалкий меч придется.

В дар на пиру прими меня, — ужели жемчуг слезный
Мне в золотом ларце моем всю жизнь беречь придется?

С дороги убери скорей обычай ранить сердце,
Горячей кровью мне залить дорогу — сечь придется.

Из сердца эта влага бьет, из глаз моих струится, —
Прах Низами у ног твоих — ей смыть и сжечь придется!

Впору мне груз твой! Скажешь — немолод, — пусть!
Ношу приемлю. Пусть не прополот? Пусть!

Страсти, тобой мне внушенной, пью я хмель:
Яд примешан тобой в чистый солод, — пусть!

Мной не гнушайся — ты мне дороже всех.
Если сердцем твоим правит холод, — пусть!

Молот против меня жизнью дан тебе.
Если жизни тобой дан тот молот, — пусть!

Жду я тебя, ненасытный. Жду, изнемог.
Пусть утоленьем кончится голод, пусть!

Ах, Низами, в саду твоем — соловей:
Роза цветет, шипом он проколот... пусть!

Тюрки рабами индийскими стали — рядом с тобой.
Глаза дурного бы не замечали — рядом с тобой!

Пряди волос моих — лишь за единый твой волосок
Жертвой достойною стали б едва ли — рядом с тобой.

Я напоил тебя влагою сердца - чистым вином.
Печень мою истерзают печали — рядом с тобой.

Ты видишь: я твой давний друг, — зачем томишь тоской
меня? Зачем отталкиваешь ты с небрежностью такой меня?

Коль спросишь о беде моей, оставь меня в моей беде,
Коль озабочу я тебя, забудь в заботе злой меня.

Я пред людьми тобой горжусь, но как меня стыдишься ты!
Я приношу тебе любовь, а ты даришь враждой меня.

Какой бы цвет ни приняла, - и я такой же цвет приму, -
Аллаха славь, коси зуннар, — увидят все с тобой меня.

Коль скорбь моя не тяжела, тебе со мной скорбеть легко,
А если я пред ней склонюсь, пригонишь с глаз долой меня.

Своим сокровищем тебя всегда признает Низами.
Тебе пристало унижать, казня своей рукой меня.

Спустилась ночь. Явись, Луна, в мой дом приди на миг!
Душа желанием полна, — о, погляди на миг!

Ты — жизни плещущей родник, исток существованья,
Недаром я к тебе приник, — прильни к груди на миг!

Не ненавидь, не прекословь, дай мне немного счастья!
Смотри, как жадно бьется кровь, — к ней припади на миг!

Верь этим благостным слезам и, если я отравлен,
От черной немочи, бальзам, освободи на миг!

Зачем ты пляшешь на ветру, изменчивое пламя?
Будь благовоньем на пиру и услади на миг!

Но смоль волос вокруг чела — **тугры** крылатой росчерк.
Я раб, султаном ты пришла, — так награди на миг!

Весть! Весть о милой пришла! Что же с ней?
С той, что для сердца стрела, что же с ней?

Чем занята, что творит, что вершит?
Глаз ее сладостна мгла. Что же с ней?

С той, что, как жизнь моя, дорога,
С той, что мне хочет лишь зла, — что же с ней?

Долгие дни я сгораю в огне.
С розой, что в росах взросла, — что же с ней?

Льет мою кровь она ловко! Скажи
С клятвой, что роза дала, — что же с ней?

Стал Низами — как **Якуб**, ну, а с той,
то, как Юсуф, расцвела, что же с ней?

Спать не стоит! Станем лучше веселиться до утра!
Этот сон в другие ночи мной продлится до утра.

То к тебе прижму я веки, то тебя душою пью,
Чтоб тебе вот в этом сердце поселиться до утра.

Ты, дитя, миндальноока, сахар — твой красивый рот,
Пьяным любо снедью этой усладиться до утра.

До утра вчера в разлуке руки горестно ломал.
Ночь — и я в венце, и розам не развиться до утра.

Жизнь свою тебе я отдал. Вот — рука, и весь я твой.
Дважды шесть! И в нардах счастье нам сулится до утра!

Ты склони свой зульф смиренно и до полночи целуй.
Растрепи, как зульф, смиренье, — винам литься до утра.

К Низами стихам склоняйся! Что кольцу в твоем ушке
До кольца дверного! Кто-то пусть стучится до утра!

Мне ночь не в ночь, мне в ночь невмочь, когда тебя нетусо мной.
Сон мчится прочь, сон мчится прочь, беда в мой вступает
покой.
Клянусь, придет свиданья час: пройти бы не мог стороной .
лянусь я мглою кос твоих: уйдешь — и охвачен я мглой.

Не мне ль нестись к тебе одной, стремиться могу ли к другой?
ебе ль искать подобных мне, — не тешусь надеждой пустой.

Сравнись со мной — величье ты, вглядись — никну я пред
тобой.
Сравнись с тобой — не прах ли я? Все клады в тебе лишь
одной.

Нет глаз, чтоб видеть мне твой лик, мне радости нет под
луной.
Нет ног — поспеть к тебе, нет рук, чтоб с жаркой сложить
их мольбой.
Забыла ты о Низами, владея моею судьбой.
Днем гороскопы числю я, в ночь звезды слежу над собой.

О кипарис с плавной поступью мой, роза скупая моя!
Я-то — весь твой, о тебе ж не скажу. «Ты не чужая — моя».

Жизнь переполнена только тобой, сердце тебе вручено.
Вот моя жизнь! Вот и сердце, а в нем страсть огневая моя.

И под мечом буду руки тянуть к локонам черным твоим,
Лишь бы, как ворот, меня обняла милая, злая моя!

Я погибаю, сгораю, спаси, я прибегаю к тебе:
Сладостный рот твой — живительный ключ, жизнь он
вторая моя.
Слушай, приди к Низами, чтоб, гордясь, голову поднял свою
Царь Ахситан — ведь ему вручена песня любая моя.

Откочевать готова молодость, цени ее.
Как чужеземный караван, исчезнут дни ее.

Затем согбенны старики, что, смыслу вопреки,
Во прахе роясь, вновь найти хотят они ее.

Жизнь — мира вечный оборотный капитал.
На время взяв, умножь в цене, затем верни ее.

Уход твой предопределен, так бдительнее будь:
Нрав у беспечности лукав, ты прочь гони ее.

Ты по ветру пускаешь дни, но забывать не смей:
Жизнь вечная в твоих руках, не оброни ее.

За душу златом не платя, ее не ценишь ты.
Жемчужину нашедший счел камням сродни ее.
Ты веселишься — горю в том, скажи, какой урон?
И радости урона нет, хоть горем гни ее.
Ах, Низами, душе своей дай органона звон,
Вином и песнями любви ты опьяни ее!]

* * *

Раненный в сердце, в кровавых слезах почему?
В сердце живущая — вечно в глазах почему?
В мире единственна ты, мы душевно едины,
динодушно мы оба в бегах почему?
Склонность все легче твоя, страсть моя все весомей,
Чаши колеблет любовь на весах почему?
Я неизменен, любовь же твоя изменилась,
Где я ошибся, попался впросак почему?
Ты всех влюбленных лечила живою водою,
На Низами тот источник иссяк почему?

* * *

Глаза мои с тобой давно дружны,
Твой рот и стан твой им равно нужны.

Мы оба игроки, сыграем честно,
А козни нам судьбой припасены.

Давай-ка распущу я твои кудри:
Все распустилось в этот день весны.

Забудем обо всем, соединяясь
И зная: дни свиданья сочтены.

Не горюй, ибо друг есть, на помощь который приходит.
К другу друг как поддержка в беде и опора приходит.

Хочешь вечного счастья — ночами не спи, бди и бодрствуй,
Спящий — слеп, счастье к зрячим не скоро иль скоро
приходит**.**
Ты **— Хума** поднебесья, презри воробьиные крохи,
Ты здоров — вот и ладно, леченье же к хворым приходит.

Здесь — война венценосных, глаза заслони, воют стрелы.
Праздник там,где отрада к заплаканным взорам приходит.

Муха съела весь мед, что ж свеча мотылька загубила?
Крал карманник, а стража к айару не в пору приходит.

Во дворец не пускают, не сетуй: владыку увидишь.
В час охоты черед и псарю с его сворой приходит.

Укрепись, Низами, и презри это бренное царство,
В царстве вечном к несчастному счастье без спора приходит.

Луна, за чьим гостить ты дастарханом будешь?
О чудо красоты, чьим талисманом будешь?

Над головой твоей — благоуханий зонт.
Под черным тем зонтом кому султаном будешь?

Сказать: ты — сахар? Нет! Ты слаще сладких роз
Чье сердце разорвешь, кому дурманом будешь?

Во тьме ночной ты — свет, не сглазили б тебя...
Родник воды живой, чьим ты фонтаном будешь?

Уйдешь — моя душа в тоске испустит дух.
Мне яду поднеся, кому **рейханом** будешь?

Не покидай, молю, в несчастье Низами,
Он — твой, а ты ему ужель обманом будешь?

Из ночи в ночь прочней к тебе привязан я.
День ото дня стыдней тебе любовь моя.

Влюблен я и презрен ~ на торжество врагам,
Ты смущена — двойным смущеньем скован я.

Был белолицым я — от горя почернел.
Ты черные дела творишь, любовь моя.

Пришел к тебе, а ты навстречу не идешь.
Проходит жизнь, меж нас согласье не творя.

Пролей же кровь мою, барсам свой освежи:
Соль сахару сродни на кухни бытия.

Тебя в словах воспев, стал славен Низами,
Шах славен и без слов, лишь он — судьба твоя.

Кумир мой, колдовство не грех, но ты игрива слишком!
Мне уст не разомкнуть при всех, ты говорлива слишком!

Ты любишь воровать сердца, что правоверным не к лицу,
А ведь лишенный сердца мстит несправедливо слишком!

Смягчи свой непреклонный взор, налюбоваться дай собой,
Ведь ты не стражник, я не вор, следишь ревниво слишком.

Служенья поясом свой стан стянул я, словно муравей,
А ты, мой друг, не Сулейман: рвешь дар ретиво слишком.

Но если, Низами, хмельна, на пир твой явится она,
Не бойся, ей налей вина, будь торопливым слишком!

Чтоб узнать красу тюльпанов, на ее ланиты глянь!
Как шипами все тюльпаны в зависти покрыты, глянь!

Розы ищешь ты напрасно, ликом розовым плененный,
За репьи ты примешь розы, так они сердиты, глянь.

В миг, когда ты пожелаешь губ ее рубин пригубить,
Рану от **дурбашей** взора ощутишь в груди ты, глянь.

Страстной я томим тоскою, состояние такое
Может сотню лет продлиться, нету мне защиты, глянь!

Низами спаси от муки, он не вынесет разлуки,
На невинного страдальца хоть разок приди ты, глянь!

Хмельное счастье мое очнется когда-нибудь?
Судьбы моей забытье прервется когда-нибудь?

Терплю терпеливо гнет моих бессонных ночей,
Терплю, ибо дело с них начнется когда-нибудь.

И в дверь мою постучат, и светом сменится тьма,
Калечившая лечить возьмется когда-нибудь.

О враг, не злорадствуй так, мы скоро поладим с ней,
Соперник, она ко мне вернется когда-нибудь.

Тому, кто теперь блажен, обласканный мне назло,
Презренье ее терпеть придется когда-нибудь.

Неверным от страсти став, я верую, что мой стан
уннаром ее косы сожмется когда-нибудь.

Сегодня она, увы, нарушила уговор.
Боюсь, с Низами беда стрясется когда-нибудь.

Не сотвори, душа, себя кумиром,
Единой будь и с обществом, и с миром.

Испив вина желаний и надежд,
Мир отпусти, пускай уходит с миром.

Ты в каждом встречном друга не ищи:
Любовь пренебрегает людным пиром.
Не требуй, чтобы друг был справедлив,
Ты с другом не одним мазан миром?
Страшись обидеть даже муравья,
Неси добро обиженным и сирым.
Обидчик на столетья осужден
Стенать во прахе, будь он хоть эмиром.
О Низами, достиг ты тех вершин,
Где храм низверг, расправился с кумиром.

О милый друг, давно пленен я губ твоих кармином!
Я — раб лишь твой, а ты кому вновь стала господином?

Мне донесли твои глаза, что ты себе в одном лице
Истец, свидетель и судья, и суд не будет длинным.

Два соглядатая твоих толкают к зеркалу тебя,
Тревожишь ревность ты вдвойне обличьем двуединым.

Ты - мускус, вихрей берегись, ведь вихри могут попросить: «Секреты мускусных волос украдкою шепни нам...»

Слезами сердце оросив, я ими твой омою путь,
Чтоб не посмела пыль прильнуть к стопам твоим невинным.

У похитительниц сердец ты мяч отнять сумела,
Но осторожнее скачи, не преступай предела!

Влюбленных так терзаешь ты, что даже небосвод
Ты в кравожадности своей опередить успела.

Жесток твоих законов свод и милосердья чужд,
Ты приказала мне: «Умри!» и до меня нет дела.

Как стрелы, взоры мечешь ты. Отравлены они,
Но мне их яд — как сладкий мед: его вкушаю смело.

Взгляни сюда! От Низами остался лишь скелет —
Всю кровь горячую мою ты выпила из тела.

Всю юность отдал я тебе: ты юности беспечной слаще.
Мне жизни для тебя не жаль — ты жизни быстротечной
слаще.

Твой блеск слепит мои глаза, но ты же им даруешь свет,
Мученье сердца и души, ты радости сердечной слаще.

Что проку в тонкости ума, когда тебя не оценить?
Я знаю только лишь одно: ты мудрости извечной слаще.

И дружба, и вражда с тобой — они по-своему сладки:
Мне ласки дороги твои, но гнев твой бесконечно слаще.

Оплатит жизнью Низами одно свидание с тобой.
Но как ничтожна та цена! Твои дары, конечно, слаще.

Когда ты локоны свои распустишь по плечам небрежно,
Тюльпаны и хмельной нарцисс в смущенье сникнут
безнадежно.
И если чаша отразит твой лик в искрящемся вине,
Она от хмеля глаз твоих вмиг опьянеет неизбежно.

И если ангел раз вкусит блаженства мед из уст твоих,
Его частицу унесет он небожителям безгрешным.

Я от разлуки постарел, но ты сказала: «Поцелуй
Омолодит и старика — он станет юношею прежним».

Судья влюбленных! Подпиши скорее договор о том,
Что Низами твой верный раб и раб рабов твоих прилежный.

Явись хоть на мгновенье, кумир бесценный мой, —
И тысячи влюбленных пожертвуют собой.

Я восхищен тобою, помилуй же меня —
Ведь страсть твоя готова сравнить меня с землей.

Свидание с тобою — для сердца добрый знак,
Так не гони хотя бы ты с глаз меня долой.

Твой лик сердца пленяет, язык остер, как меч,
Не убивай беднягу — он раб покорный твой.

Тоска мой собеседник. Ты — грозный Сулейман,
А я лишь муравьишка в сравнении с тобой.

Страдает безутешно в разлуке Низами,
Душа его томится, объятая тоской.

Я знаю, сколько бы друзей тебя ни окружало,
Влюбленных искренне в тебя найдется слишком мало.

Коль воздыхателей твоих в один поставить строй,
То тысяча в одном ряду окажется, пожалуй.

Пускай хулят меня враги и судят жизнь мою —
Хулителей да поразит их собственное жало!

Ты помни: каждый даст ответ за все свои дела —
Не угнетай же впредь меня, как прежде угнетала.

Нет, не нарушит Низами условия игры:
Воздержанным, влюбленный, будь во что бы то ни стало.

Встань, виночерпий, не ленись! Подай вина — весна пришла.
Как будто добрая судьба, воспрянув ото сна, пришла.

В своем саду я посадил одно лишь верности зерно,
И вот пора собирать плоды от этого зерна пришла.

Пустыню сердца своего я влагой сердца оросил,
И в ту пустыню, как султан, охотиться она пришла.

Была полна смятенья грудь, томилась тяжко, но теперь
На душу снизошел покой и в сердце тишина пришла.

Блаженства слаще не найти, чем друга милого приход,
Ко мне судьба, как верный друг, тобой озарена, пришла.

Ты царь кумиров, царь царей! Гляди, как из гранита — лал,
Как роза из шипов своих, из плена спасена, пришла.

Благодаренье небесам возносит Низами за то,
Что к берегу его ладья, от бурь сохранена, пришла.

Лекарства не было и нет приятнее любовных мук,
Они одни лишь облегчат тобою вызванный недуг.

Ничей покой ты не смутишь, так в чем, скажи, моя вина,
Что все несчастия ко мне лишь из твоих приходят рух.

Когда ты верности чужда, к чему терпение хранить?
Моя тюрчанка неверна — и мне постыло все вокруг.

Неправ бываю я один. Гляжу — почти что волшебство:
Во всем виновен только я, а ты всегда права, мой друг.

Но не считай меня глупцом, коль из Ар рапа родом ты,
И Низами не из села, представь, он тоже не пастух.

О, пошли мне утешенье, не лукавь ты, как всегда,
Приголубь хоть раз страдальца, не желай ему вреда.

Даже если сердце ранишь или кровь прольешь мою,
Не смогу от этой страсти я отречься никогда.

Ты скрываешь за завесой красоту от всех живых.
Светлый лик, луне подобный, алые, как лал, уста,

Не дано земному взору эти прелести узреть —
Лишь очам воображенья та доступна красота.

Ты - рубин из **Бадахшана**, дивный яхонт, райский сад,
Ты - жемчужина **Омана**, перл чистейший, как вода.

Ты - Лейли из Амиритов, Ты — прекрасная **Билькис**,
Утешительница сердца, ты одна — моя мечта.

Ты похитила мой разум, я безумен, как Меджнун,
Ты меня околдовала, полонила без труда.

Раньше были мы друзьями, а теперь - я жалкий раб,
Жизнь отдать готов за выкуп, и душа в залог взята.

Плачет горькими слезами и страдает Низами,
Так страшится он с любимой разлучится навсегда.

Поспеши мне на помощь, я гибну! Безмерны мученья.
Рядом нет никого, кто бы подал мне руку спасенья.

С окровавленным сердцем взываю к тебе: «Помоги!»
Лишь свиданье с тобою одно принесет исцеленье.

Ремесло музыканта ты себе избрала — и вот
Я рассудок теряю, заслышав твои песнопенья.

Ты басмой не натягивай лука бровей до ушей —
Лучше сразу стрелою убей меня без промедленья.

Если жизни моей пожелаешь — тебе подарю,
Без тебя все равно не смогу я прожить ни мгновенья.

Ну, а если напрасны надежды и вздохи мои,
Ты не мучай меня, не испытывай больше терпенья.

Низами свою душу приносит в подарок тебе,
Не отвергни ее, окажи ты ему снисхожденье.

СОКРОВИЩНИЦА ТАЙН

Поэма

Ключом «Бисмилля иррахман иррахим »
Сокровищницу открывает жаким.
Рождение мысли и речи венец —
Аллах, — он начало тебе и конец.
До первого был он жильца на земле
И будет позднее конца на земле.
Первей он того, что древнее времён,
Его ожерелье — на шее времён.
Он небо разверз, за завесой завес
Сокрытый для знающих тайны чудес.
Ручьи он исторг, их собой напоя,
И всякая жизнь — от его бытия.
Он пояс из яхонтов солнцу надел,
Дал злаки земле и волненье воде.
Для духа — воздвигнул он горнюю высь,
Для плоти — дает пропитание днесь,
Познания бисер на ум нанизал,
Он — свет помраченным рассудка глазам.
Он язвами кроет молельщиков лбы,
Короной — чело властелинов судьбы,
Обдуманный план — не дает совершить,
Свершённый проступок — снимает с души,
В нем строй и порядок робеющих душ, —
К нему прибегает решительный муж.
Он жизни и качеств исток и венец,
Дарующий жизнь и кладущий конец.
Двух мало миров ему, так он велик.
Восход и заход перед ним — только миг.
О, кто же в юдоли сей, кроме него,
Спросить бы посмел: «Где хозяин сего?»
Что было и нет, в том залог наступить,
А что существует, могло б и не быть.
Глядевшим в предвечного знанья окно
Распутать всю трудность его не дано;
Как морс, в бездонных глубинах оно,
То знанье — о, что за равнина оно!

В нём первое — начато им без начал,
Последнего в нём — он еще не кончал.
Сад плоти твоей насыщает оно,
Нарциссы очей освещает оно.
Живое движение мира сего —
Лишь рабье служенье величью его.
Той вечности вечного нету взамен,
Святыни его не касается тлен.
Мильемы молений к нему вознесли
У пояса гор и на шапке земли.
Тростник — сладкий сок свой, а роза — свой шип
Без воли его — никогда не нашли б.
Лишь высыпал щедрый богатство своё —
Цепь небытия совлекло бытиё.
К тем нищим двум-трём деревням тяготя
Запутало небо дела не шутя.
Взмах мысли был связан, сгорая вотще.
Длань дней была вцеплеиа в кудри ночей.
Он звезд жемчуга — перебрал, разместил,
Он кудри ночей — расчесал, распустил.
Круги он провёл, разделя небосклон,
Связал семь узлов, семь климатов он.
Дал солнцу «каба» и **«джуббэ»** дал луне
Из белого с чёрным, из ночи и дней.
Жёлчь тучи он вскрыл — и моря истекли,
И Хызра родник он исторг у земли,
Блеск солнца на тёмную глину пролил,
И камень глотком из него одарил.
От солнца и вод, что разбрызгал, смешав, —
Янтарь родился и жемчужин душа.
Кровь сердца земли, влагу в ветр испаря,
Кровинкою ссохлась внутри янтаря.
Свод неба убрал, как ликующий сад,
Речь создал людскую, как птицу услад.
И фиником пальмы вкушенья — стал нюх,
И ракушкой жемчуга пенья — стал слух.
Завесою век — тайну сна опушил,
Дал телу воды — одеянье души.
И кудри земле, чтоб рассыпали мглу,
И дерзости мушку — Адама челу.

С презренного золота — стыд его смыл,
И крови у розы — дождями омыл,
Тьму ночи он иглами звезд проколол,
Траву на заре ветерком прополол.
Взял глину, слепил и движеньем зажег,
Пульс разума к трепету сердца привлёк,
Призвал он улыбку — в утеху речей.
Украсил Венерой — усладу ночей.
Тьма ночи — не в мускуса ли продавца?
Рог лунный — не раб ли с серьгою кольца?
У ног его слов, длинноруких в делах,
И камень в бессильи разбился бы в прах.
Как много путей ни исходит мечта,
От этих дверей — отступает, пуста.
Сокрытого ей никогда не постичь,
И равного — как не ищи, не достичь.
Я разум себе на подмогу призвал,
Но груб он, — и разум я свой наказал.
Кого б его циркуль ни тронул концом, —
Как месяц, к нему обратится лицом.
Кто в небе седьмом, устремляется вверх.
Кто в небе девятом, стучит к нему в дверь.
Вверху — ожерелья без счета и дна,
Внизу — пламенеет огня глубина.
Живущий — одним его именем жил.
Он вечность ступенью к себе положил.
Ко вздоху уставших — щедрей он всего,
Чьи ноги в оковах — гонцы от него.
Быть чистым, как дух, претендуешь, — но ты
Лишь прах у преддверья его чистоты.
Заветным зерном прорастает тот прах,
Таким, что не сыщешь в **Ирема** садах,
Он прах Низами поддержал для того,
Чтоб нивой стал зёрнам единства его

ПЕРВОЕ МОЛЕНИЕ
НАКАЗАНИИ И ГНЕВЕ БОГА

О ты, кто начало кладет бытию,
Кто персти бессильной дал силу свою.

Взгляни, — все живое под стягом твоим,
Мы живы тобой, ты — собою самим.
Не создан никем, вне родства и родни,
Не сходен ни с кем, никому не сродни,
Венец неизменности — это ты,
Отсутствие тленности — это ты,
Умрём, а бессмертье — в удел тебе,
Всесвятости царство — для дел тебе,
Ты землю веленьем своим простёр,
Свод неба вознес над ней без опор,
Края его ты, как човган, округлил,
А тело — ты солью души посолил.
Бег ночи и дня ~ вот упряжка твоя,
Кто, кроме тебя, скажет: «Истина — я?»
Покой от тебя не воэникнул когда б,
В любви к тебе — сила любви истекла б.
С тех пор, как ты благость на землю пролил,
Легло её бремя на спину земли,
И будто земля — не творенье твоё,
От тяжести выпал бы пуп у неё.
Тебе поклоненье — тобой же дано.
Другим поклонение — запрещено.
Что слово, когда его суть — не в тебе?
Что память, когда ее путь — не к тебе?
Как нищий, у благ твоих кравчий ночной,
Песнь птицы тебя славословит с зарей.
Сбрось тайну, единый, о, встань из неё,
Сверни ту завесу, как тело моё!
Ты небу ничтожность его покажи,
С земли узел жизни её отвяжи,
Пусть дай, заблудившись, пути не найдут,
Светила небесные вспять потекут.
Слова языка — возвратятся перу.
Из праха возникшие — вновь да умрут,
Пожитки зулматиев — света лиши.
А плоть «джоухвари» — её дунга,
Сломай этот шестиугольник «курси»,
И девятиногий «минбар» погаси,
Ларь месяца в глину земли ты закинь,

Венеру — Сатурна пращом опрокинь,
Рассыпь этот бисер, сияющий в ночь,
Крыло птицы дня, — оторви его прочь,
С сей глиняной вышкой скорее кончай,
Разбей эту вылепку из кирпича!
Пыль ночи с небес на землю стряхни,
«Палатку» сверни, «чело» долу склони,
Доколь эта песня о жизни, скажи?
Нас древними звуками заворожи!
Развей этот строй на куски, на куски,
Движенья петлю с неба купола — скинь.
Неправедных пламя — водой запруди,
А ретер гордыни — под прах посади!
Астрологов книги — в огне истреби,
Поклонникам солнца — глаза ослепи.
Рассей эту лунную башню из снов,
Сорви с представленья пустого покров.
Дабы божество подтвердили твоё
И небытиё утвердили своё.
Бутон опоясанный, мы ведь — рабы!
Цвет духа, — не ты ли хозяин судьбы?
Замыслишь убить — и нельзя откупить,
Захочешь повесить — нельзя заменить.
Стоянке ночной вдруг продлишь стоять,
А день отошедший — вернешь опять.
Хоть гневен бываешь на нас подчас,
Возможности жалобы нет у нас.
Ты разума светом нам душу пронзил,
Изведывать сердце язык нам вложил.
Ты — небу движенье и оси — устой,
Сад жизни поишь жизнетворной водой.
С рассветом — любовный шиповника взгляд
Не ветер, — твои дуновенья целят.
Свечой к тебе — лилий краса расцвела,
Язык, — чтоб тебе возносилась хвала.
Низами, о тебе говорящий раб —
Лишь прах под жильем твоим в двух мирах.
Дай мысли его — приобщиться к тебе,
Вынь шею его из капкана скорбей.

ВТОРОЕ МОЛЕНИЕ
О МИЛОСЕРДИИ И ВСЕПРОЩЕНИИ БОГА

Ты был в безначальи — я не был рождён,
О, ты — нескончаем, я — смерти суждён.
Бег мира — коня твоей силы ведёт,
Чепрак его — небо плечами несёт.
Бродяги без дома, с серьгою в ушах, —
Кольцу на твоих мы подобны дверях.
Твои мы — собак с посторонним тавром
К охоте царя — не подпустят добром.
А нас ты признал за своих по тавру.
Мы — с жёлтым ошейником птичка гумру.
Мы склонность к другим — запретили уму
И мы поклонились — тебе одному.
К тебе нам, в надежде и страхе брести,
Ты ж, милостивый, пожалей и прости.
Внемли, — ведь другого помощника нет.
Прогонишь — откуда получим совет?
Кто дал мне язык и речивость мою,
Раскаянье в сказанном, в том, что таю?
Откуда ты, сердце и действий простор?
Кто я и кого почитает мой взор?
Как дух мой спешит в это море нырнуть
И дерзкое сердце — тех вод зачерпнуть!
В познаньи тебя — до бессилья дошли,
Хадис, «кто Аллаха познал» мы прочли.
В незрелости наших речей нам стыд,
Пусть благостный нас за нее простит.
Ничтожные встали на твой порог.
Но тот, на кого уповаем, — бог.
Будь другом, о друг утешителей душ,
Дай помощь, — за ней обратиться к кому
Ушел караван, — мы отстали, взгляни!
Как мы одиноки, устали, — взгляни!
Нам в ком , бесподобный, защиты искать,
К кому, покровитель, под кров прибегать
Иной мы кыблы себе — не сотворим.
Будь ласков, — иначе где ласку узрим?
О, кто же так жаждет тебя, — как мы?

О, кто же так страждет, стеная, — как мы?
Прости нас, — ведь мы иссякаем в мольбе,
Дай помощь, — ведь мы отдаёмся тебе.
Честь имени Низами — чрез тебя,
Он барствует, рабствуя, — через тебя.
Ты речи его — дар приветствий вручи.
Познанию душу его научи!

О ПОХВАЛЕ БЛАГОРОДНЕЙШЕГО ПОСЛАННИКА

«Алиф» начертавши на первом письме, —
Над дверью с засовом уселся «Ахмед»,
Он «ха» — отдал целую область в удел,
На шею ей «дал», пояс «мим» он надел,
Нашла в этих двух, — «миме», «дале», сполна
Верх мощи и знак совершенства она.
В дуге кирпичей бирюзовых — Ахмед.
Как в райском дворце померанцевый цвет
Закон померанца — нам плод принести,
А после весенним цветеньем цвести.
«Пророком был» — слово в хадисе дано.
Ахмедом пророчество завершено.
Луна хризолитовым перстнем взошла,
За камень — печать Мухаммеда взяла.
Мир носит круг «мим»а его, как серьгу,
Два мира его покорились кругу.
Он — мерой пространств, а Мессия — слугой,
Тот — вестник благой, этот с вестью благой.
«Умми», но вместил он все знанья сии,
С «алифа» Адама до «мим» Мессии.
«Алиф» прямизной, в клятве верности строг,
Последний и первый в скрижали «пророк».
Светлейший край циркулем сжатых кругов,
Тончайший смысл проникновеннейших слов.
В речах его — знанью большой почет.
С груди его — меру берёт небосвод-
Главы своей он увенчанье отверг.
Но сам перед миром главы не поверг.
В гареме его — целомудрие жён,

Исток целомудрия этого — он.
Прах ног его — глаз врачеванье его.
Дань с Мекки Медине — изгнанье его.
Молчанье в нём — красноречиво, как речь.
Он дружбою может пороки в нас сжечь.
Им смут подавленье — приятно оно, -
Смущаться нам все ж от него суждено.
Главарь, он все головы в смуту привел,
Как ось, легок ходом был, весом тяжёл.
Божественный светоч возжёг он в сердцах,
Знал мир с «без начала» и до «без конца».
Диск солнца, что ищет его с вышины, -
Как в ночи Мираджа — осколок луны.
На троне в ту ночь восседал он, и в знак
Сидения — оставил венец и кушак.
Он скованный вздох — на просторе разнял.
Он белого ночи коня подковал.
И тех, кто его возвращения ждёт —
Взял конь вдохновенья с собою в полёт.
Когда же конь пегий из странствия взмыл,
Досталось чепрак его несть — Низами.

О МИРАДЖЕ

Когда царь полудня, в полуночный час,
Стал факелом, мир осветившим для нас,
Ковром из очей небеса полегли,
Венера с Луной знаменосцами шли.
Семь линий в центр сущего выпустил он,
В четыре предела, и на шесть сторон.
День вышел, расставшись с стопой его, прочь.
В приход его — стала радением ночь.
И тут посторонний согнулся от сна,
Затем, что он сам — отвернулся от сна.
Ушла с клеткой вместе, от скорби мирской,
Души его птица — туда, где покой.
Отбросила крылья, взлетя налегке, —
То ангел сорвал с себя небо — **«хырке»,**
Клеть птицы божественной ввысь распуша, —
Плоть сделалась крыльями, — словно душа.
Все вверх восходил он, фарсахи неслись,

И, благоговея, несли его ввысь.
Обоих миров взгляд к нему устремлён,
Обоих миров ему низок поклон.
Ступнёй, что его головы позади, —
На сто шагов голову опередил.
Скакун, чья конюшня вверху, опустил
Чепрак, чтоб плечом его раб подхватил.
Жизнь стала — рудник; в нём жемчужина — он,
Унес её ввысь для венца небосклон.
Жемчужину — в ночь, что как амбра, легка, —
Бык неба забрал у земного быка.
Л странник в подарок из неба садов
Взял Рака венец и кушак Близнецов.
В цветок гиацинта — траву распустил,
Созвездие Девы на Льва обратил.
Чтоб цену постичь этой ночи красы,
Венера кладёт эту ночь на Весы
Весы ж — весу ночи поклон отдают, —
Затем, что весомей весов она тут.
Из мяты целебный пролил он настой
11а хвост Скорпиона небес голубой.
Весь яд изгнала с его лука Стрела
Из козлика пиршественного стола.
Юсуф Водолей среди солнечных брызг,
В воде Водолея — стал Юнусом Рыб,
Едва он в знак Овна — привел Плеяд,
Рассыпался в поле цветов парад.
С небесных цветов, что из тех садов,
Земные берут свой вешний покров.
«Десятую» с неба «седьмой» оп прочёл, —
Прощенье пророкам, кто раньше пришёл!
И завесу звезд разрывал его шаг,
И ангелов плечи влекли его стяг.
Полн мускусом губ его — ночи пупок,
Подковой коня его — лунный рожок.
В ту ночь, — ночь Мираджа, — стал молний зигзаг
Лишь следом, что выбил копытом Бурак.
Был с курочкой схож он и голубем слыл,
Но соколом в царственном блеске он взмыл.
Грудь лотосом в небе украсил седьмом,

Девятое небо — полою на нём.
Ночь — сделалась днём, — так прозрачна она,
Цветок — кипарисом возводит весна,
Нарциссы и розы сияют в тени,
Нарцисс его взгляда — прямей, чем они.
С рук на руки роза, путем бирюзы,
Девятого неба достигла стези.
Тут спутники вмиг побросали щиты,
Все крылья и перья порвав в лоскуты.
Задумчивый, он чужестранцем стоит
И в двери чертога кольцом стучит.
И те, кто чертог сторожил от него,
Пред ним отступили, оставив его,
Пошел по пути он, где спутников нет,
Ступня о себе — не вещает ступне.
Остались в преддверьи все, кроме него,
Он шёл, обогнавши своё естество,
Ступил он стопой на главу бытия, —
Возжаждало небо такого питья.
Все буквы обвел его топкий «калем»,
Сорвал с рукава эмпирея «алем».
Счет тело вело воздыханьям души,
Пока господин ее телом спешил.
Когда же телесный иссяк запас,
Для сердца приблизился крайний час.
И тело — вернулось в материю вспять,
Ни формой, ни образом — дух не объять,
Для ока, узревшего вечный свет, —
Увиденья образа — больше нет.
И смело в путь древний вступает он,
И внешний свой вид истребляет он.
И сам за предел, как за ворот, — главой
Он выступил из оболочки земной.
Умом — просветлённости сердца достиг.
Он в стане, где нету стоянки, гостит.
И ревность к завесе пронзила его,
И оцепененье схватило его, —
Рукою — к сближенью отдёрнул ковёр
От двери смиренья — в величья шатёр.

Тут мысли — нога уступила свой шаг,
Тут зренью — глаза подарила душа.
Шагнул, — но ступить не осилил труда,
Рванулся, — но доступа нет никуда.
Ответ благосклонный едва услыхал,
Мгновенно он личности путы порвал,
И свет, для которого нету конца,
Зрит оком, для коего нету лица.
Виденье — и сути, и свойств лишено,
Затем, что вне сути и качеств оно.
Совершенного — кто не возьмёт, скажи?
Зрит бога, — а бога нам зреть надлежит.
Узрение бога — не прячьте его!
Кто рек «бог незрим» — слепота на того!
Пророк видел бога не чем ведь иным, —
Как глазом земным! Этим глазом земным!
Внепространственно место узревших кров,
Вневременно странствованье их шагов.
Кто место обрел, тот покров созерцать
Идет, где — пути нет ни дальше, ни вспять.
Он сущ, но в пространстве он не утверждён,
Когда б не таков, богом не был бы он.
Неверье — представить путь странствий его,
Невежество — мыслить в пространстве его.
В вино, что испил, — милосердья долил,
И глину глотком из него окропил.
Он дал милосердье во вздохе своём,
Как прихоть и как исполненье её.
Он сахар улыбки навёл на уста,
Уверовавшим дал молитвы устав,
Высокие помыслы — ныне полны,
И цели стремлений его — свершены.
Став мощным от мощи обители той,
Он к этой лицо обратил мастерской.
Он в странствии, чье приношенье — любовь,
В миг вздоха и пробыл, и прибыл к нам вновь.
О, речь твоя, наших глаголов печать!
О, запах твой, наши сердца врачевать!
Свершения щедрости не отними,
Речей окончание дай Низами.

ВОСХВАЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Эйван, — девять трояов, семь звёзд увенчать,
Последний посланник, пророков печать,
Ахмед он, кто духом свой прах пронизал,
Два мира — к своим торокам привязал,
Прелестнейший цвет, гиацинт полевой,
Отборнейший жемчуг из глуби морской,
Чьи локоны — Девы Созвездье в жару.
Чья видимость — вызвала солнца игру.
Губ сахар — улыбку затем притаил,
Чтоб раковину — перл зубов не затмил.
Изранил ли сердце из камня когда,
Чтоб зубу от камня случилась беда?
Тот камень, что враг в него злобно метнул,
Из белых жемчужинок — выбил одну.
Она из ларца покатилась, туга, —
Не чудо, что камень родит жемчуга.
Ведь это у недруга камень в груди,
Жестокий удар в его умысл входил.
Вкусил ли бы камень, когда «муфаррих»,
Не выбей он перл и рубин не натри?
Он разве как виру имел серебро,
Чтоб взять и изранить тот узенький рот?
Но ценность любая из каменных губ
С губой того камня лишь — вира за зуб.
Ведь ценности те — порожденье земли, —
За зуб его вирой быть разве б могли?
Нет, выкуп — в победе, в забвеньи себя
Сердцами, кто был ему предан, любя.
Когда от удара кровь кровью он смыл,
Собой оправдал этой милости смысл.
Внёс, искренний сердцем, свой сломанный зуб.
Как жертву за этой победы грозу.
Извлёк зуб желанья, — и нет на зубах
Ни крохи того, что желал в двух мирах.
Когда он пред войском врага поражал,
Рука — была стягом, язык — как кинжал.
И сбросил кинжал этот зуб, — потому,
Что с зубьями быть не пристало ему.

Смысл речи: неверья шипы отведи,
К плодам розы — веры душой припади.
Раз нить полна шариков, — что ей хвост змей?
Павлиньим хвостом — не сбирай воронья,
Ты к саду направься с хвостом соловья.
Дар слов Низами, что как роза при нем, —
Над розой пророка поет соловьем.

ВОСХВАЛЕНИЕ ВТОРОЕ

О, плоть твоя чище души чистоты,
«Я — жертвой тебе», — так наставлен был ты.
Сняв точку, — -захмет» ты в -рахмет» обратил
И «милость» на месте «труда» поместил.
Арабскому путнику всходишь луной,
Царишь над иранского шаха страной.
Ты — путь им, хотя не указчик пути.
Селу старшина, — хоть в селе не найти.
На зрелище идя, какой господин,
Взяв пищу с собою, съест хлеб свой один?
Ты с пира, где фиников спелых поел,
Гостинец какой приберёг нам в удел?
Из уст — дай нам сахар, плоды твоих уст.
И фиников дай — от воды твоих уст.
Волос твоих ночь — день спасенья для нас,
Огонь твой — вода воскресенья для нас.
Лицом твоим все сведены мы с ума,
к цепь для безумцев — волос твоих тьма.
Для неба стал пояс твой рабства кольцом.
Улыбкою — утро, пред солнцем — лицом.
Полой своей скверну земли обели,
Мешочек дай с мускусом — пупу земли.
Тот пуп земли, — Мекку, — твой мускусный прах
Дышащею мускусом сделал в веках.
Твой прах — Соломона он ветра милей,
Что сад, если райских он краше лилей.
Кааба, как коврик молений твоих, —
Шербета речей ожидает благих.
Над миром твой трон и венец вознесён,
Венец — это небо, земля — это трон.

Ты тень не отбросишь, великий, как день.
Ступай ты, — ведь ты света истины тень!
Молитва, пост, милость и в Мекку путь, — вот
«Наубаты» султанств, мусульманства оплот.
Земной прах — он садом зацвёл чрез тебя,
Чужой глаз — он зренье обрёл чрез тебя,
Когда тебе, в ночь распусканья волос,
Полой своей небо мести довелось,
Ты жемчуг и злато полою набрал,
«Хиштэк» золотой в ней заплатою стал.
Зефир в утра чаше, рукой чистоты,
Растер ароматы, что выдохнул ты.
Где взвеял тот ветер на легких крылах,
Там амбра знамена кидала во прах.
А вздох, что дрожащая амбра издаст,
Кто даст за два мира, тот дёшево даст.
Сам лотос — кайма на сиденье твоём,
Девятое небо — в служеньи твоём.
Раз дух твой в предвечность глядит, то оно
Пыльце в твоём солнечном свете равно.
Из вечности выпало зеркало вниз,
Иначе б огни твои здесь не зажглись.
Двумирный, — к чему ты сокрыт под землёй?
Ты клад, — почему ж этот прах над тобой?
Сокровище наше, пока ты в земле, —
Обычай — вручать, что богато, земле.
Ты — клад, а развалины — бедный твой дом,
Свеча ты, — над ней твоя тень мотыльком.
Идут в небосвод твои вздохи без дна,
В обоих колодцах — равна глубина.
Те белый и чёрный, вращаясь вдвоём, —
За вестником вестник в скитаньи твоём.
Ты — разум, целителя ждущий, целишь,
Ты — месяцу в странствии чудо даришь,
Встань, — ночь ожидания в день преврати,
И радостью дар Низами расцвети!

ВОСХВАЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Под мекко-мединским покровом ты скрыт,
К чему в темноте наше солнце сидит?

Ты, месяц, — любовный свой луч протяни,
Ты, роза, — своим ароматом дохни!
У ждущего — вздох до гортани достиг.
Мы — крик к тебе, о, — отзовися на крик!
К Ирану скачи от Аравии прочь,
Вот жёлтый конь дня тебе, чёрный конь — ночь.
Ты мир обнови нам и царство укрась, —
Чтоб слава в обоих мирах разнеслась.
Князья слишком много чеканят монет,
В речах проповедников — истины нет.
Твой запах, — ислам, — что стране нашей дал, —
Его лицемерия вихрь разметал.
Ты вырви у спящих подушку, свой дар;
Отмой от замаранных этот минбар;
Очисти от нечисти демонов дом,
Всех выброси в уничтоженья закром;
Сбавь плату им, — слишком уж жаден их рот,
Надел отними, — они грабят народ!
Мы тело, — ты станешь нам вместо души,
О, будь Соломоном, — раз мы — мураши.
Ведь в вере пролом делать рады они,
А прочему — строят преграды они.
Ты вождь — почему караван одинок?
Ты войск середина — что ж стяг твой далёк?
Ты воинам в битве брось клич: «О, Али!»
А возглас **«Омар»** — сатане ты пошли.
В ночь кос своих — **йеменский месяц** смани.
Сквозь **йеменский плащ** — луноликий, взгляни!
Готовым к борьбе с лицемерами будь,
Скоси им, ислам сократившим, их путь.
Срок сна — пятьсот семьдесят суток — истёк,
Спеши на собранье, взгляни — день высок!
Восстань и отдай Исрафилу приказ,
Чтоб светочи неба задул бы тотчас.
За тайной завесою — уединись,
Уснули мы, ты же от сна встрепенись!
От бед, стерегущих тот гибели дом,
Рукой за тебя ухватившись, уйдём.
Что взглядом одобрил ты, в том — правота,
И кто б с тебя взыскивать что-либо стал?

О, только б на нас благосклонно воззрел,
Ты этим насытил бы множество дел.
Окружность своим обведи ты перстом,
Чтоб сущее в дар тебе дали, как дом.
Дела твои кто же решится прервать,
Чтоб просьбу о горсточке пыли подать?
Тебе ведь довольно откинуть покров,
Чтоб пали в экстазе «хыркэ» с двух миров.
Дождаться б вестей Низами удалось, —
Он ожил от **«галии»** этих волос,
О, запахом верность его напитай,
Дворец **Феридуна** ты нищему дай!

ВОСХВАЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

О жемчуг в короне пророческих дел,
Короной ты сущность свободных одел.
Чужой, соплеменный тебе — кто б ни был, —
Он ради тебя этот дом полюбил.
Во имя твоё начинает он стих,
Ты рифмою встал — в окончании их,
Час пробил — погибшее это село
Тобой и Адамом опять процвело.
Что стройке даёт совершенства достичь?
Колодец сперва, напоследок кирпич.
Адам ты и Ной, нет, ты лучше их двух,
Распутал ты узел, что мучил их двух.
Адама, что рвотного хлеба вкусил,
Раскаянье — в сахар ты роз обратил.
Твое оно — каянье сердца его.
И сахар тот — прах у жилья твоего.
Лишь сердце вкусило раскаянья мёд,
Сам в сладости кается розовый сот.
Мяч нашего рабства в веках сотворен.
Закинут на поле ристалища он.
Адам взял човган, чтоб вперёд поспешить,
Човганом своим этот мячик отбить.
Но конь его — колос пшеничный нашёл,
Забыв о мяче, за пшеницей пошёл.
Ной в струях живых жаждал вымочить лоб,
Ошибся водой, — окунулся в потоп.

Судьба Авраама куда вознеслась?
На полпути три раза вниз сорвалась.
Как стало Давиду труднее дышать,
Был вынужден низкую ноту он взять.
Учтивость свою Соломон сохранял,
Но, — царством запятнан, — венца не искал.
Что Иосиф увидел в колодезе том?
Не мудрость, а только веревку с ведром.
С сухого пути Хызр коня повернул, —
Без чаши увидел себя Моисей,
Лишен под Синаем он радости всей.
Мессия не думал об этом зерне:
С рожденья сомнителен был он в родне.
Ты ж купол небес, опрокинув, разбил,
Ты дело их тенью своею покрыл.
Тебе то письмо запечатать судьба.
Твоя завершила тот диван «хутба».
Встань сам, вместо неба, — вращенье открой,
Оно не устроит, — ты дело устрой.
Небесные игрищем стали поля,
В изгибе човгана, как мячик, земля.
Прочь бросились бренность и небытиё, —
Скачи и играй, это поле — твоё.
Посмеет ли тлен твою воду пролить,
Иль небытиё твоё имя носить?
Дай небытию блуждать в небытии,
Пусть тлен носит тленные цепи свои!
О, вздох твой, — он речь для нескорых в речи.
Как пластырем, раны грустящих лечи.
Закон твой дал разуму вывесть на брег
Корабль наш из кровью наполненных рек.
Кыбла девяти сфер небесных — твой дом,
Нарцисс бытия — в кудеречке твоём.
Мир вынужден дыбом, как волосы, встать,
Коль волос твой укоротится на пядь.
Без буквы со шкуры читающий — ты,
Из мозга все помыслы знающий ты.
Твой палец по буквам затем не ходил,
Чтоб палец от буквы мозоль не нажил.
Ведь буквы — людские, и людям легки,

Твои же от пальцев людских далеки.
Пыль врат твоих сахарной стала мукой,

Фисташкою рот и малиной лесной.
Муки твоей горсть на поляне любви —
Хлеб на сорок дней для скитаний любви.
Ты — свежее утро, спасенье моё.
Я прах твой, ты — жизни моей водоём.
Твой прах — это склеп мой, где я заточён,
В том склепе — весь мир мой и дух заключён.
Я прахом твоим Низами умащу,
Чепрак от коня твоего потащу.
Над этой гробницею, чистой, как дух,
Как ветер, взлечу и, как прах, упаду.
Чтоб в галий, о мира водители, вы
Вмешали мой прах для своей головы.

О ПРОСЛАВЛЕНИИ МЕЛИКА ФАХРЭДДИН БАХРАМ ШАХА, СЫНА ДАВИДА

Вступив в этот время сказующий круг,
Как точка в узле, **стал я пленником** вдруг.
Не вижу возможности выпутать ног.
В чести я, но блеск крыл Хумая далёк.
Ногой я глубоко увязнул во прах,
Рукой — с небосводом стою в тороках.
Главу себе под ноги я преклонил,
А ноги коленом своим заменил.
От света, что лик мой в колени струит,
Как зеркало сердца — колени мои.
В то зеркало весь погрузился тогда,
Глаза свои, бросив туда и сюда, —
Чтоб видеть, в чьём зеркале свет мне возник,
Истёк из какого огня мне родник?
И верно судящий, мой разума взгляд,
Все страны вокруг обежавши подряд,
Узрел в помышленьи высоком тотчас
Владыку, дарящего степенью нас,
Царя звёзд удачи с победной рукой,
Куст розовый сада, цветок голубой.
Хызр с духом Искандера с душой — родником,
Что с трудностями **Альмагесты** знаком.
Того, кто как первая цель бытия,
Кому направляю напев этот я,
Кто носит венец с Соломона кольцом,
Мелик Фахрэддина, кто небу венцом.

С Давидом в родстве очень счастливо он,
Его справедливо зову Соломон.
Вдали от него стяг **Исхака** стоит,
И враг ему здесь — только **изманлит.**
Семь тронов — его; в шесть сторон — его шаг,
Устой девяти сфер небес, Бахрам шах.
В **«бахрамстве»** ему — лишь меч он надел,
С охоты — осёл дикий, гур, в удел.
Он силою — гордости шахов зенит,
Познаньями — в веке своём знаменит,
Он сердца халифства, — султанства трон, —
Им взята Абхазия, Рум покорён.
Умней, справедливей меж живущих людей,
И меж сынов щедрости — всех он щедрей.
Пусть вера — свод неба, на нём он — звезда.
Пусть трон его — ракушка, — перл он тогда.
Он рыбный ручей, море из жемчугов,
То море полно и удобен улов.
Луч лунный сравнительно с дланью его,
Бегущая ртуть, — вот названье его.
На поясе шаха горят янтаря.
Над поясом солнца — тот пояс царя.
С небес голубых пятернею беда
Захватит того, кто посмеет туда.
Но бубны небес — колокольчик порвёт,
Вздох шаха — стеклянку луны разольёт.
Коль радостью краше начала его,
Концы — доброта увенчала его.
Так пусть своей щедростью шаха рука,
Вовек не скудея, сияет в века!

ОТНОСИТЕЛЬНО РЕЧИ О ЦЕЛОВАНИИ ЗЕМЛИ ГОВОРИТ

Тобой — в естестве благороден Адам.
Тобою — природе свет истины дан.
Победой тебя осенил небосклон,

От взоров твоих — зачали девять жён.
У рыб, что вверху и внизу, — в ушах
Как в ракушке, перл твоей сабли, шах.
Тот месяц, что ночью, как меч, блестит,
Пред саблей твоею бросает щит.
Твой меч, чище светлых евфратских вод,
Сок жизни из тела врагов твоих льёт.
Твой гнев, как потоп, затопил их тогда,
А Ною подобным — уделом вода.
Ты чашей — Хосров, а умом ты — **Джамшид,**
В огне твоём — бабочка солнца сгорит.
Ты храбростью львиной разишь храбрецов,
Ошибся! Что львы! — Сокрушаешь и львов.
Свод неба ко львам твоей чаши ревнив, —
Задумался он, их с собою сравнив,
В ком доблесть и дух, что кидаешь ты в бой,
На доблесть и дух притязать пред тобой?
Над всем, чем земля под зефиром полна,
Рука твоего пожеланья вольна.
Тобою поставленным — ты господин,
Тебе ж покровителем — ангел один.
Судьба тебе быть до скончанья времён,
Земле твоей ветр начертал «Соломон».
И юность, и царство дарующий бог
Дал царство тебе, чтоб ты царствовать мог.
Под счастьем твоим стал и прах золотым,
Яд сахаром стал, — вслух лишь назван был ты.
Вино, что с тобой Феридун не делил,
Зоххак из плеча его — червем испил.
Пей — кравчий и музыка есть у тебя!
Будь весел — держава и честь у тебя!
Султанов приют и охрана страны, —
Тебе эти сабля и шапка даны.
Хоть знатностью рода и вооружён, —
Ты сам себе свой завоёвывал трон.
Ты сыплешь сокровищами, как халиф.
Тем царство даруя, тех трона лишив.
И меч твой воздет над венцом, как страж, —
Тебе ль с государей не брать **харадж?**

Почёт голове — у тебя под пятой,
Веселье сердцам, — если полны тобой.
В твой век стала птицей Хумаем — сова,
С тобою — быстрее ноги голова.
Дозволенный — стал обезврежен запрет,
И жалоба плачет: ей дел больше нет.
Твой **Рахш** на земле нам основой стал,
Твой враг под ним битой подковой стал.
Семь сфер — лишь ларец для твоих жемчугов,
Ковром тебе восемь небесных кругов.
Для тех, кто веленья твои презрел,
Недоуздок на место венца — в удел.
Все отрасли знанья свил в деле одном
И двух миров душу слил в теле одном.
Ты щедрости ухо — рукой надери,
Дыханье — свечою речей озари.
За рабский мой труд — дай почетный халат
И призрак согласья, — что взять его рад.
Хоть жирно речами питаю я мощь, —
К столу твоему приближаюсь я, тощ.
То море — без перлов, без злата — рудник.
Даст перл ему — длань твоя, злато — язык.
Тому ж, кто завистлив, дай щедро, с плеча, —
Конца стрелы яхонт и перлы с меча.
Дан светлый тебе гороскоп в удел,
Похвальным конец твоих будет дел.
В пути снаряжал ты и жёг, но — так:
Был я — снаряжён, а сожжён — твой враг.
Как стяг, твой успех до небес вознесён.
Подобно кал яму, — враг долу склонен.

О ПОЛОЖЕНИИ И ДОСТОИНСТВЕ ЭТОЙ КНИГИ

Певец этой розы, в чертоге твоём
Поющим я стал о тебе соловьем.
Дорогой любви к тебе — песню пою,
У двери обители — в колокол бью.
Я слов по чужим образцам не вязал,
Что сердце велело, лишь то и сказал.

Заветное дело задумал начать, —
Стал новые формы из глины ваять.
Учась у зари поведенъю души,
Завесу волшебного вечера сшил.
Путь царский и нищий — тождественны в ней,
«Сокровищница тайн» божественных в ней.
На сахар к ней — рой чужих мух не летал,
На мух её — сахар чужой не пристал.
Пред нею в бессильи Ной бросит свой щит,
Жбан Хызра в воде ее будет разбит.
Страну я искал, с кем сблизить её.
И жребий упал — на имя твоё.
Двух славных поэтов — две книги на суд,
И обе печать Бахрамшахов несут.
Той золото — новый нам вынес рудник.
Мой жемчуг — из нового моря возник.
Та — знамя Газни вознесла над собой,
Знак румской монеты признал я за свой.
Хоть золотом книга его и блестит,
Всё ж больше моя золотая в чести.
Хоть весом и меньше мой вьюк, чем у той, —
Но лучший у нас покупатель зато.
Наш способ странней — невниманье забудь,
Вчитайся, — не будет он странным ничуть.
Ведь речь, что стройней, чем цветов кружева,
Не жиром чужим, как светильник, жива!
Людского устроенней рода она,
Свежей и древней небосвода она,
Без цвета и свойства земных вещей,
И стараться её описать — вотще.
К столу твоему эти два-три куска,
Поверь, их ничья не коснулась рука.
На пользу вкуси, если с солью они,
А нет — их из памяти вон изгони.
В ночи, когда небо к беседе зовёт,
Прочти её, бросив и мне от щедрот.
Ведь псом твоим быть — вся моя похвальба,
Ведь в честь твою — это усердье раба.
Из многих царей, что ко мне хороши,
Связать себя — только с тобой порешил.

Служенье оценит хозяин щедрот,
Нить эта куда-нибудь да приведёт.
Хотя во дворцы, что прочнее стоят,
Поэты-хвалители так и спешат,
Но чтится высоко меж них Низами,
Иной он, а эти иные — за ним.
Оставя стоять их, где стали, — вперёд
Коня я угнал на большой переход.
Из слова-алмаза свой выковал меч,
Пришедшим вослед — стал он головы сечь.
И этот меча рассекающий взмах —
Состарившись, не притупится в веках.
Хоть степени, равной моей, не найдешь,
Есть место повыше для ног моих все ж.
В высь верхнего неба замыслив полёт,
Высоких вкушу своих помыслов плод.
Чтоб только хвалу от тебя заслужил, —
На след твоих ног я главу положил.
Чтоб неба вращенья достичь, ухвачусь
За пыль твою, иначе — как же домчусь?
Готов я тебе повторить вдвугоряд
На верность «земли целованья» обряд
Хотя я в кольце очутился войны,
И выхода нет из-за этой стены, —
Чтоб с почестью стать мне на твой порог,
Из собственной кожи я б вылезти мог.
Но вижу — на всех перекрестках львы,
Кинжалы, мечи у моей головы, —
И в этом, мечами одетом, краю
«Хутбу» возглашаю во славу твою.
Всю воду у двери твоей пролил,
Сам сух, как песок, — от тебя вдали.
Пылинке подобен пред солнцем — тобой,
Услышь на заре зов молитвенный мой.
Я, море, — твой жемчуг кладу на песке.
А мой — как подвески в твоем пояске.
Покуда есть ночь — будь днем твоя ночь!
Гори в этих перлах огнем твоя ночь!
Пусть благополучье сойдет в твой дом!
И здешнего лучше да будет в том!

О ПРЕВОСХОДСТВЕ СЛОВА

В начальном движеньи пера — «калям»
Дано очертание слова нам.
Предвечного уединенья покров
Отброшен был — для откровенья слов.
Пока не услышала в слове душа
Весть сердца — не начала глина дышать.
Движенья «каляма» вперед и назад
Нам с помощью слова расширили взгляд.
Без слов о себе — этот мир безголос.
Рассказывать начал — и слово нашлось.
Любовное слово — как душу приму,
Мы — слово, а мир — это портик к нему.
Черты каждой мысли собрав в букет,
К крылу птицы слов привязал поэт.
Мир, вечно творящий, — острей, чем речь,
Что выдумал, чтоб волосок рассечь?
У мысли начала, у счёта конца
Есть слово, — его береги, как отца.
Венцом — венценосец назвать его рад.
Другой — на другой обратит его лад.
Знамёнами провозглашают его,
Калямами — изображают его.
Но в битве — победнее стяга оно,
И лучший боец, чем бумага, оно.
Хотя не раскроет своей полноты
Любителю горсти пустой мечты.
Но мы, устремившие взор на него, —
И умерли в слове, и словом живём.
Озябший — огонь от него разожжёт,
Вспотевший — воды из него зачерпнёт,
Людского — устроенней рода оно,
Свежей и первей небосвода оно,
Без цвета и свойства земных вещей, —
И стараться его описать — вотще.
Где царствует слово, обычай таков:
Букв много и множество там языков.
Когда б не плело оно душ наших нить —
Могла ли б душа его кончик схватить?

Владений захваты — при помощи слов,
Печать **шариата** — при помощи слов.
Рудник, нашим словом и златом богат,
Менялу когда-то спросил наугад:
«Вот свежее слово, а вот золотой, —
Что лучше?» — «О, слово, друг, слово раз в сто!»
Глашатаю слова открыты пути.
Где слову есть доступ, ноге не пройти.
Ты слово чекань, — ведь дирхам — его прах,
Не звонкое ль злато в газели стихах?
На месте почетнейшем слово сидит,
Держава его — лишь из слов состоит.
Без сердца — ты в нём не поймешь ничего,
Раскрытье его — многословней его.
Доколь оно есть, ему честь меж людьми.
Да быть ему свежим в устах Низами!

ПРЕВОСХОДСТВО РЕЧИ СТИХОТВОРНОЙ ПЕРЕД ПРОЗАИЧЕСКОЙ

Слова необдуманные, без оков —
Считаются перлами у знатоков.
Взгляни же, знаток, — их цена какова, —
Коль взвесить и стиснуть в оковы слова.
Весы — это рифмы, поднявшие речь,
Они в ней сцепляют два мира для встреч,
Ключи к тем сокровищам, что под замком,
У весовщика слов, под языком.
Он, взвесивший речи искусной весы,
Счастливцев в своём мастерстве искусил.
Поэт, ты девятых небес соловей,
Кто здесь уподобится славе твоей?
Смятенного и в размышленья огне
Причесть тебя к ангельской можно родне.
В завесе, таящей поэзии весть, —
Тень тайн от завесы пророчества есть.
И в строе рядов, что вокруг божества, —
Поэты — в конце, а пророки сперва.
Ведь оба - единого друга стопы,
Ядро они в мире пустой скорлупы.

И финик с их пиршества если упал, —
Не слово, — в нём сердца живого накал,
Душа в нём, что клювом вытёсывал прах,
И мысль, что разжёвана в сердца зубах.
Но речи родник, порождённый добром, —
Водой потечет под продажным пером.
Кто стал хоть одной только песни творцом,
Приятней мирского владеет дворцом.
Кто мыслью подняться до истины мог, —
Главы не положит на каждый порог.
Лоб пряча в колени, как к духу пути,
Он в них оба мира рукой охватил.
Верхушкой главы он касается стоп,
В кольцо замыкает и ноги, и лоб,
И быстрый в извиве кольца, как змея,
Вмиг, душу разбив, — он исправит изъян.
Порой — из кольца размышленья того,
Он сотней колец одарит небосвод,
Порой вместо шара в ларце голубом —
Он десять их — вытряхнет вдруг рукавом.
Вот конь его речи — в волненье пришёл.
Дух в губы — отдать поцелуй — изошёл,
Чтоб яхоят того рудника раздобыть,
Он должен яйцо семи сводов пробить,
К стиху отношеньем родства стих влеком,
Поэт, как отец, их скликает легко.
Свод неба на службу умеет привлечь,
Отбросить согбенность прислужника с плеч,
И вздох его — это спокойствия кров,
И речь его — это печать языков.
Пусть всякий, кем был этот мир воспет,
Чтит слово его, ибо он — поэт.
Юпитером речи его назову,
Зухре, поразившей Харута главу.
Но если к добру прикоснётся разбой -
Высокому — низость придаст он собой.
От вас свое слово беру я назад,
Кто, речь украшая, честь слова мертвят.
Плод сердца, за душу даруемый, - где б
Водою мог стать, что меняют на хлеб?

О небо, ну как ты могло упустить
Узлы, что покрыли поэзии нить?
Рука упустила, так пальцем ноги
Их с нити поэзии снять помоги!
Мздоимцы1 За золото б вам умереть,
За золото жадно вы приняли медь.
Кто жертвует золоту светочем дня, —
Сверкающий перл на голыш променял.
Продажная братия ваша, — она
Вне чести, хоть почестью — вознесена.
Но царской парчой обмотавший висок
Все ж съел напоследок железа кусок.
А тот кто пред златом, как ртуть, не дрожал, —
Железных Санджара кусков избежал.
Дай речи медовой — ценителя слух.
Мёд речи — не делай рассадником мух.
Коль верность — чего не дано, не бери.
Молитву — не внемлющим не говори.
Познанья закона пока не достиг, —
Помолвки с поэзией не допусти.
Поднимет на лотос небесный она,
Над царством идей даст главенство она.
В союзе с законом — туда воспарит,
Где пояс твой — тень Близнецам подарит.
В эмирство — поэзии вводит рука,
Затем, что поэт — он «эмир языка».
Уместно ль, скажи мне, на корточки сесть,
Чтоб речь высоты небосвода обресть?
Поникнув главой, будь — подобье свечи —
Мертвеющей днём и живущей в ночи.
Пусть взлёт твоих мыслей до пыла дойдёт,
Тогда колесо плавный ход обретёт.
Слова не спеша облюбовывай ты —
Получишь их с большей зато высоты.
Из песен, тебе принесенных на суд,
Не выбрал, — так лучших тебе принесут.
Полученный жемчуг не вешай на грудь,
Прекрасней — носимого в сердце — добудь.
Кто этой дорогой свой стяг понесёт, —
У месяца бег, шар у солнца сорвёт,

Хоть в выборе не торопился легко,
Зато и дыхание не коротко.
В жару вдохновенья, на полном ходу,
Унес небосвод к своему он стыду, —
Крылом Гавриила — умчало его,
И сам Исрафил — опахало его.
Смотри ж, чтоб посев твой никто не топтал,
Той нити конца — никому бы не дал!
Что в дереве, полном инжира, скажи, —
Когда бы все птицы клевали инжир?
Хоть в этой манере — я грани достиг,
Хочу, чтоб узрели, сколь странен мой стих.
Придал вдохновенью я — кельи закал,
Поэзию вывел я из кабака.
Ко мне устремились монах и аскет,
Отбросив в экстазе «зуннар» и «хыркэ»
Я жду — нераскрывшейся розы бутон —
Чтоб северным ветром овеян был он.
О новых речах, что принёс я с собой, —
Слух грянет «восстанья из мёртвых» трубой.
Ведь в старом и в новом, что было и есть, —
Стихи мои смуту могли б произвесть.
Искусств чародея предел — эта речь,
Волшебством и ангелов может увлечь.
Гянджа — Вавилон мой — Харута сожгла,
Душа, как Венера, звездою взошла.
Венера сих мест встала в знаке «Весы»,
С волшебною речью духовной красы.
Но это волшебство — хлеб утра оно,
Зачеркнут им список Харута давно.
Твой образ, что мной сотворен, — Низами, —
Дозволенным этим волшебством корми.

ОБ ОПИСАНИИ НОЧИ И ПОЗНАНИИ СЕРДЦА

Вниз бросил свой щит побеждённый день,
И кверху земля поднимает тень.
Мир тесен — в стеснённом дыхании дня,
Он жёлт — от прощального солнца огня.

Звёзд войско, лишь бросило солнце щит,
Мечи на него ж обратить спешит.
Здоров — амулеты на шею быка,
А падает — нож поскорее в бока!
Сын ночи, как мамку, свод неба обвил —
Бубенчик к ноге его тот нацепил,
А сам — озабочен ночной чернотой,
Готовит земли веселящий настой.
Земля стала вздохом Мессии, и льёт
В огонь тех страстей отрезвление вод.
Она примирила с настоем больных
И опорожнила дом страсти от них.
Таз пурпурной крови больной пролил,
Сам с ног до волос стал черней чернил.
В лицо как бы бросился внутренний цвет,
И судят: «В нём истинной веры нет».
Так с каждым мгновеньем, шутя и смеясь,
Ночь вяжет комедии кукольной вязь.
То с месяцем — розы смешает в игре,
То сыплет дирхэмы из бубна Зухрэ.
В такую вот ночь, где свечей не нашлось,
Стал сада певцом я — без сада и роз.
Кровь печени вмешивал в страстную речь,
Чтоб влагою печени — пламя зажечь.
Покуда душа ту беседу вела,
Сама, без совета, мысль выход нашла:
Был голос мне, — ухом его не слыхать, —
«Долг делай такой лишь, что сможешь отдать».
К чему в этом пламени чистом — вода,
И ветру конь праха твой сдал повода?
Горячечный прах — под могилы доску!
Огонь не ему — подари языку!
Что стрелы, мишень их — твой разум ведь сам.
Ты бьёшь не коня, — а себя по ногам!
Быть столь нерадивым — неважная честь,
Излей у души на пороге, что есть,
Пред «хумом» небесным с его синевой
Весть сердца как песню весёлую спой.
Разбойников — эти **пять чувств** — избегай.

У сердца судьба твоя — сердце пытай.
Те в небе девятом, нет плоти на ком,
Чей дух окрылен Гавриила пером.
Тому, кто ушел от обоих миров —
Ведь в нищенстве сердца — и пища, и кров.
Будь сердце — лишь глиняный шарик с водой, —
Осёл обладал бы сердечностью той.
Тварь всякую можно б живущею счесть,
Ты — сердцем живи, в этом жизнь лишь и есть.
На внешнее — действуют ухо и глаз,
Они лишь излишек творенья для нас.
Как пух в розу — в уши набилось тряпье.
Глаза — лишь бельмо на сознанье твоё.
Что чтишь ты нарциссы и розы в саду?
Ведь ты через них в раскаленном аду!
Глаз — зеркало всех недостойных, поверь.
Лишь юности влага — огню его дверь.
Плоть сорок лет — речи со свахой ведёт,
За сорокалетие выкупа ждёт,
И в сорок лет — в счастья наряд убралась,
Для странствия деньги получит как раз.
Друг нужен ей. Ты заклинаний не трать,
Уроков былого захлопни тетрадь.
Проси себе друга из глуби души,
Найти разделяющих горе спеши!
Нашёл — и печаль разорвала свой круг,
Свернули ей шею, как найден был друг.
Чуть дышащего и от скорби без сил, —
Друг с помощью дружбы тебя воскресил.
Коль вздох — меж двумя, согреваясь, горит,
И сотню печалей тот вздох испарит.
Задышит лишь первое утро в ночи, —
Тотчас и второе на звёзды кричит.
И первому смерть, если, в дружбы обет,
Второе не вышлет на помощь рассвет.
Ты сам от себя — не зачнёшь ничего.
А друга нашёл — и дела от него.
Не всякое царство — богатствами **Хар,**
Но в друге - судьбы драгоценнейший дар.
Какой-нибудь друг неизбежен везде,

Но лучший, — когда он помощник в труде.
Друзья, что ты выбрал, — мокрее птенца,
Но суше древесной коры их сердца!
Ты ж крепко за сердца схватись торока,
Быть сердца золою — в том честь велика.
Царь неба девятого, мир сотворя,
Дал душу и видимый образ не зря.
В мир добрые нравы разлить поспеша,
Он образ и душу — в едином смешал.
И сердце — дитя от смешения их,
Преемник, наместник владения их,
Отмечен хутбою владычества он,
Из тела и духа равно сотворен.
Канопусом сердца твой светел «адим»,
Оно и души, и лица господин.
Лишь только о сердце зашла моя речь,
Жир мозга потек, чтоб светильник разжечь.
Слух в этом кольце обратился в язык,
К **хатифу** души я душою приник.
Язык от души полноты говорит,
Кто счастьем наполнен — для горя закрыт.
Из глаз родника — холод влаги извлёк,
Затем, что огонь мне согрел котелок.
Из пут пяти чувств своих вырвался вон,
Разбойники слабы те, я же — силён.
Минуя стоянки, летел по пути,
Чтоб так, на бегу, в двери сердца войти.
Я в сторону сердца, а дух мой — в уста.
Полночный предел моей жизни настал.
В преддверье духовной ступив «максуры-.
Согбенный човганом, как бы для игры,
Сам шар, — как човганом, собою влеком, —
Пола моя стала мне воротником, —
Из ног — голова, голова — мне ногой,
Човган — своим видом и шар — круглотой,
Как мяч, я ушёл из себя самого,
В одном видя сотню и в стах — одного.
Неопытны чувства, и путь этот — нов,
И горек чужой одинокому кров.
Не вижу нигде продолженья пути,

Вернуться — желанья нет; сил нет — войти,
Язык онемел мой от страха. Тогда
Любовь, как начальник, взяла повода.
Стучу. И вопрос: «В этот час — кто таков?»
Сказал: «Человек, коль даруешь мне кров».
Сорвал тут вожак каравана любви
Земной моей формы завесы мои.
Дворец, что особо стоял впереди,
Вдруг крик осенил: «Низами, подойди!»
Меж всеми отмечен, иду я к дверям.
Вновь голос: «Во внутрь!» И — мгновенье — я там.
Гляжу — блеском царственным зал тот залит.
Недоброму оку навек он закрыт.
Сидят **семь халифов** в святилище том,
Как **семь повестей** в начертаньи одном.
То царство просторнее неба всего,
О, как же богат прах от праха его!
В груди моей стало полугорячо,
И сердцу, как шаху, воздал я почёт.
Мой красный наездник — пред сердцем учтив,
Мой жёлтый — к его прославленью ревнив,
Мой горький — как ловчий с охоты его,
Мой чёрный пьёт ниже — отходы его.
Мой меткий с арканом — в засаду засел,
Мой бронзовый стаи серебристым одел,
Они — мотыльки перед сердцем — огнём,
Рассеяны всюду, лишь сердце — в одном.
Довольствуясь им, к сердцу стал на порог,
Как шаху, отдал ему душу в залог.
Едва знамя войска его получил,
От жителей мира свой взор отвратил.
И мне: «Безъязычный» сказало тогда:
«За птицей стремясь — улети из гнезда.
Огонь мой — от дружбы с тем дымом далёк.
Я соль, — а того и не солон кусок.
Мощней моя тень кипариса его,
Моя высота выше выси его.
Сокровище, - но не в **Каруна** мошне,
Хоть я не с тобою, но все ж и не вне!»

От жара той речи — птенец моих уст
Все выронил перья, язык его — пуст.
В стыде я свое преклоняю лицо,
Вдев в ухо учтивости рабства кольцо.
Хозяин на сговор наш — ставит печать,
Веля небесам Низами величать.
Мне подвиг отринуть - возможности нет.
На подвиг служенья — я принял обет.

ПЕРВАЯ ТАЙНАЯ БЕСЕДА
О ВОСПИТАНИИ СЕРДЦА

Наставник мой, как укротитель коня,
Из пут девяти сфер избавил меня.
Хоть узел к узлу на веревке тугой, —
Он всё ж на конец наступает ногой, —
Всё выше к узлам, выбирая тот миг,
Когда бы узлы от неё он отстриг.
Хозяин сознанья про плен и про плоть,
Хотя и не бог наш, он все ж нам — господь,
Судьбы он хозяин в обоих мирах, —
Иначе б зачем за меня его страх?
В согласьи не очень-то жили мы с ним,
А всё — состраданьем его я храним.
Когда к неучтивости в плен угодил,
Наставник учтивый меня укротил.
Не бросил такого, как я, на пути,
Беседу с ничтожным стал прахом вести,
В Египте Зулейхи расторгнув полон, —
Бежать из колодца дал Иосифу он.
Лишь ночи глаза отуманились сном, —
Светильник зари загорелся огнём.
Светлеет весь мир от сиянья огня,
И ночи сурьма стала — пурпуром дня.
Светильник тот быстро схвативши рукой,
Наставник повлек меня в сад за собой.
Как шип, снял с полы моей горечь мою.
Я розами доверху полон, — стою.
Смеюсь, как тюльпана в саду лепестки,
Как роза, рву платье свое на клочки,

Стал метками, словно тюльпаны, покрыт,
Так худ, что мне пояс свой роза дарит,
То красен как кровь я, подобно вину,
То розою из-под завесы взгляну,
От розы и к розе мой путь меня влёк
Туда, где вода свой находит исток.
Лишь знамя любви к тому месту дошло, —
Дыхание верности к нам донесло.
И тонкая мысль дуновенья того
Живит, как Мессия, — как вздохи его.
Носилки мои опрокинула ниц,
Мой бег отдала она ветру зарниц,
И молвит: «Сходи и хвастливым не будь,
Не то ты в обратный отправишься путь».
Дрожащий корабль, что заплыл в те моря, —
Спокоен я стал и отдал якоря.
К текучей воде опустился с коня,
Пылает от жажды язык у меня,
Источник тот ярче, чем солнечный зной,
И Хызру не снилось лазури такой.
В жасминной он опочивальне почил,
И, бодрствуя, спят его очи в ночи.
Тот круг — он из круга небесного взят,
Той «галией» — райский пленён аромат,
Жасмин в изголовье открыл уголок
Для розы-пилы, что с колючкой у ног.
Газель и лисица, встречаясь в лесу, —
Колючке - свой мех, розе - мускус несут.
Улыбки ее застыдясь, попугай
Лужайки той перья роняет на край.
И птицею с сахаром в лапке, — трава,
От сахара — козочка в ярости льва.
Сам северный ветр от неё золотой,
Козуля за розой охотится той,
И сотни бессмертников слиты в узор,
Как веер, над амброй несущий дозор.
Полей изумруд и лилей красота, —
Сурьма для очей, для змеи - слепота.
Жасмины и розы в атаку идут,
В согласьи гумру с соловьями поют.

У лилий, чья жизнь, словно день, коротка, —
Иисуса язык, Моисея рука.
И голубя дикого утренний стон —
Под цвет его крыльев затмил небосклон,
И ветру о розах — дыханием роз
На мускусной иве писать довелось,
Привет цветнику — повторяет весна,
К шипам — благодарности роза полна.
Как тюрок, жасмин свой раскинул шатёр,
До звёзд полумесяц над ним он простёр.
Приходит тюльпан в свой пылающий храм,
Он склоняется магом индийским там,
Те тюрок-жасмин и индусик тюльпан,
Как **Сахль** и Сухейль аравийских стран.
Чёлн сада из красных и жёлтых знамён —
Окошко в лазурный пробил небосклон.
И море по мягкости — как горностай,
Что с белкой тереться, играючи, стал.
И с неба сквозящий меж листьями свет —
У корней — как светлая россыпь монет.
То солнца губами тень шепчет слова,
И ожил песок, их услыша едва.
Шиповник — кровав в поцелуях любви,
И губы у розы от раны в крови.
Колчан у **«хири»** от колючек — пуст,
Роняет без сил лепесточки уст,
У ивы — дрожит околдованный стан,
И рутою курит над нею тюльпан,
Цветник — оживлённый собрался вспорхнуть,
Жасмин — освежённый готовится в путь,
И сахар улыбки тростник вам дарит,
Конь розы с подковою в крови стоит,
Та роза-гордячка, что дико росла,
В дыхании ветра язык обрела
А даль — померанца листа зеленей,
Что утром шатёр свой раскинул над ней.
Едва она стяг им покрыла вдали, —
Соперницей ей — встала зелень земли.
В любом релке, что связал этот сад —
Слит запах земного, небесного взгляд.

Не звёздочка ль утра миганием век
Сказала земле: «Не старейся вовек!»
Свод неба, свой путь избывая, отдал
Ту зелень земле, обменяв на коралл.
И гурии глаз этот блеск горячей,
Добытый от солнца, истока лучей.
Омылась трава у истока того.
Воздав благодарность свою за него,
Признал соловей Соломона в нём, -
Давидов пред ним затянул псалом.
Влюблённый фазан — кипарисом убит,
И, мстя, его ствол куропатка когтит.
Расцветший цветник — соловью приказал,
Чтоб пеньем ворону убил наповал.
Сове, чьё обличье забыто страной,
Расплата за тайну души — головой.
Ветр Йемена — властью Сухейля игры
В «сафьян» превратил самый грубый «сагры»
Тюльпан, торопясь наперёд забежать, —
От сердцебиения начал дрожать.
Чинар, почитатель его красоты,
Для тени над пям расправляет листы,
Серебряной снял кривизною ногтей
Жасмин — кривизну с этой ночи очей.
В цветке его Иосиф, с веревкой златой,
Нашёл, как в колодце, душистый настой.
Луг жёлт, как еврей, облаченный в **касаб**,
Бела, как ладонь Моисея, роса.
Те росы земля, как лекарство, берёт,
И что поглотила — наверх отдаёт.
Восход, получив в свою власть луга,
Дал ветру — пастись под листвой - рога.
И тень стала солнце в губу кусать,
И ветер стал волосы ив чесать.
Дрожат свет и тени сквозь поросль ветвей
По краю долин, что изрезал ручей.
И шип моей цели — алоэ он стал,
Вздох розы — курильницей в зное он стал.
Той розы чело — соловьиный **минбар**,

А локон фиалки — как пояс, ей в дар.
Та птица — милее Давида поёт,
И розы той — сладостней нашего мёд.

ПЛОД ПЕРВОГО ТАЙНОГО СОБЕСЕДОВАНИЯ

Лишь ветер легонько покров с неё свил,
Ходжа мой к любовной игре приступил.
Он некую видит, чей сладостный вздох
Отнять блеск у роз, вкус у сахара б мог,
Луну, что в «касаб» свой упрятала лик,
Посевы сжигает свои, как тростник.
Ей панцырем — вьющихся локонов ряд,
В ней солоно всё, от макушки до пят.
И влага солёная — деве ответ:
Лишь слёзы влюблённые — деве ответ:
Раз с солью смешалась та сладость её, —
Безвкусно всех прочих прелестниц питьё.
Той сластью в саду попугай посрамлён,
Двойной подбородок свой отдал ей он.
Цветку круглотою подобен один, —
Другой как цветок у нее на груди.
Всяк лаской её, словно сад розой, пьян.
Но это вино — покаянья обман.
Уста ее — **табаристанцу** сродни,
Бьют сахар зубов **табархуном** они.
Свежей тростника её пламенный цвет,
Уста её влажны, как сладкий шербет.
Алоэподобная мушка, маня,
Как будто трёт галию в ракушке дня.
От чёрного, родинки этой, зерна —
Вся в пятнах, исходит томленьем луна,
Глаз ракушки — кровь жарче солнца сожгла,
Губ яхонт — как будто луна пролила.
Обоз её сердца — широк, он с версту.
А узостью вход к ней равняется рту.
То сердце для печени — иглы тоски,
На печени сердце мне рвут на куски.
Уста её — речь. Смех — грызун леденца.

Колдуют глаза на молитве лица.
Как ларчик с алмазами — заперла рот,
Оставивши малый, как шарик, проход.
Увидя алмазов тех в ларчике сласть,
Ковёр представленья раскинула страсть.
Я внешнего образа скинул мешок,
И дух из ошейника тела извлёк,
И дело вне власти моей теперь,
Уж жизни вода затопляет дверь,
Ум, к чуду взывавший, впадает в дрожь,
Тех дел серебро — притянуло нож.
Не сердцу ту сердца печаль утолить,
Не глиной источники солнца залить.
От боли спасает, кто боли виной,
И пьяных лекарство — все то же вино.
Не бойся ранений моих огневых,
Не знающий сада и злаков моих!
Ведь небо — те злаки, и солнце — их взгляд.
Заря — тот слезами обрызганный сад.
А тот, утаённый, с закрытым лицом, —
Был зеркала искренней дружбы венцом,
Немало в ногах я главой полежал,
Покуда в руках эту нить не зажал.
На этот раз верным пошёл я путём,
Иди им и ты, — раз иду я по нём.
Не ты ведь доверенный в этом пути, —
Себя предоставь Низами повести.

ВТОРОЕ ТАЙНОЕ СОБЕСЕДОВАНИЕ О НОЧНОМ УДОВОЛЬСТВИИ

Ходжа, не желая остаться сир,
Двух-трёх себе равных зовет на пир.
И в ночь, что, как ранний рассвет, ясна,
Получил по молитве своей сполна.
Собранье блестяще, как вешний сад,
Удовольствие строгое, как обряд,
И в окна свой запах струит торжество, —
Про Иосифа песнь и рубашку его.
Всех стражей своих, разогнавши прочь,
Их крыльями мух закидала ночь.

Музыканты за занавес сели в ряд,
Превосходна мелодия, верен лад.
Вот ковшик-Сухейль и адим-бурдюк,
И яхонт в жемчужинах чаш вокруг.
Жар печени тает, как **печень свеч,**
И сердце зажглось, чтобы огнём потечь.
В светильниках, свет свой струивших с высот
Жёг сахар алоэ, тёк сахаром тот.
Просыпала свадебный сахар рука,
Свеча сыплет золото взмахом платка.
Приправой к вину, зажегшему страсть,
Миндаль глаз красавиц и уст их сласть.
От сласти — игривою стала мысль,
Любовью Венера и Марс зажглись.
Обещание близости слышит он,
Поцелуями губ ее дышит он,
Лисий мех, словно барс, под себя взяла,
Мускус кос, словно цепь, вкруг льва обвила.
Притянула к себе, волоча полу.
В пляске жемчуг рассыпала на полу,
Свеча — словно кравчий; бокал — склонён;
Таз залит вином; мотылёк — опьянён.
И сон — мотыльком нагоняет тьму.
Кивает свеча в благодарность ему.
И — скромница — в самой отборной игре
Костяшку на струнах ломает Зухрэ.
У мозга — мозги похищают сон,
Свеча у свечи свет берёт в полон,
Чего ты всей жизнью подчас не достиг,
Друг искренний тут получает вмиг.
Подарки всю ночь посылают, спеша,
Сердце — сердцу, плоть — плоти, душе — душа.
Как если б готовивший это жильё,
Вдруг с мусором вымел и небытиё.
И вестники счастья с письмом летят,
Семь вырвавши перьев у птиц Плеяд.
Пал с вертела птицы рассветный сок,
Он брызгами печень влюбленных сжёг.
Но крепче под утро у спящего сны —

Шаг неба ведь скованней длани луны.
Чужому преграда — кольцо у дверей,
Уздой для безумного — цепи кудрей.
В кольце том Юпитера грудь, стеня,
Стеснилась размерами до перстня.
Порождение пери идёт в набег
На эемнорождённых, чей смертен век.
И, сея жасминами вдоль тропы,
Стрелою ресницы — снимает шипы.
Плод сердца — как сахар её ланит,
И розой души её стан повит,
Глаза — миндали, как орех — уста,
Пушок — над фисташкой алой рта,
И в ночи пушка завели свой спор
Индус её мушки, вавилонец — взор,
Как если б весь мир, попав в их полон,
Делился на Индию и Вавилон.
Мой взгляд, получив одобренье, сам
Ушёл в поклоненье её глазам.
Глаз спор с языком — колючки острей,
Нет дела запутанней тех кудрей.
Как лучник, кольцо её взгляда; стрела
Невыпущенная мне сердце сожгла.
Дыханьем Мессии вздох сердца стал,
Течёт вода жизни из глины рта,
В ухе роз — кольцо «галии», рабства знак.
Небо с месяцем держат плечом чепрак,
Лицо сыплет сахар, а рот — миндаль,
Под сахарный прячется роза вуаль,
Весь мир я её уподоблю глазам,
Любая ресница — души моей храм.
Чернь локона рядом со щёк серебром —
Как мускус над мускусной ивы листом.
Двойной подбородок, берущий в полон,
Стал радугой, солнцем лица озарён.
В кудрях Авраама тот лик запылал,
Глаза — Измаил, а ресницы — кинжал.
В огне того лика — букет базилик,
В мече того взгляда — нарциссов цветник.

Вино поцелуя — лишает сил,
Но жизнь, как Мессию, из губ вкусил.
Росы на лице моём пот, как сад,
То месяца серп жнёт поля Плеяд.
К груди этой гурии путь отворив,
Свет ставит «тугру» на посланьи зари.
Тут все, кто прост сердцем и кто умудрён
Безумеют, словно их мозг воспалён.
С усталого рта речь ушла в глаза,
Глаз своим красноречьем язык связал.
Лей алые струи в бокал — серебро, —
Раз роза с нарциссом — земли той добро.
Мой разум и сам в том кругу опьянён,
Будь трезв — не при чем очутился бы он.
Местечка во рту не найду я ничуть
От смеха, чтоб стало бы силы вздохнуть.
Та песнь моя — для терпеливых тесна,
А для исступлённых она — звучна!
В ней — в тоне Давида ведётся рассказ
О том, как любили Махмуд и Аяз.
Рассыпь, Низами, сахар слов огневых,
Красавицам честь, распевающим их!

ПЛОД ВТОРОГО ТАЙНОГО СОБЕСЕДОВАНИЯ

На сотканном вечностью том ковре
Жизнь снова меняется, как в игре.
Шлет сердце ушам посланье — привет,
Глаза в том привете прочли ответ.
И сахар от смеха тех тюрок — немой,
И очи красавиц мне служат сурьмой.
Как месяц, мой «тюрок в касабе» к утру
Прорвал в моем «сердце — касабе» дыру,
Рукою махнул он на ночь и, маня,
На небе стал до появления дня.
Красавицы взгляд легкокрылый шалил, —
Лобзанья земли я на уровне был.
Свеча её света — слезами текла.
Грудь свечки от зависти горб нажила.

В любой из её жесточайших обид
Лишь благословения сердце узрит:
Травой станет — я ручейком растекусь,
Как солнце пригреет — я стиркой займусь.
В ту ночь, как от фиников спелых вкусил,
Не ведаю сам, что за весть получил.
Ведь юный тот месяц в зари пояске
Держался от любящего — вдалеке.
Безумно влюблён во влюблённого, — гас,
Любовью — сильней, чем моя, во сто раз.
И сердце сказало: что был бы за день,
Ноч1гую когда б не раздвинул он сень?
Ведь если б день с ночью слились бы в покой, —
И мёртвых восстание — недалеко.
Сиянье той ночи, — светлее светил, —
Ищу — и во сне я не в силах найти!
Лишь в ночь ту веселою радость была,
С поры этой ночи — мне ночь не мила.
«Аллах» еженощно: «Аллах» — я молю.
Вновь, может, тем блеском себя утолю,
Не ночью, а ясным была она днём,
Та ночь — ночь Мираджа, — тоскую по нём.
Рог, яхонту неба сверлящий рудник,
В тоске по той ночи без силы поник,
День, вера которого — к ночи вражда,
И тот, этой ночи возжаждавши, ждал.
От сна был свободен, когда на заре,
Вдруг утро вошло, постучав у дверей.
От солнца — огня на эйван мой тогда.
С ресниц заструилась слезами вода.
Игривое облако выплыло в сад,
Чтоб выстирать листья, что солнце темнят.
Бассейн этих солнцем запруженных вод —
Сосуд, нам подобный, в куски разобьёт.
Свод неба — сребро этих звёзд заплатал
От злата чистейшего солнца листа.
А спавшее утро, проснувшись чуть свет,
С кинжалом бежало кровавому вслед.
Щит бросив, стою перед ним без защит,

И душу я поднял к нему, как щит .
Гоняясь за мной через реку, до звёзд, —
Убило, — к той ночи сломавши мост!
Крик рвётся в сердечной моей глубине:
Эй, утро! Так вот воздаяние мне!
Недавно, когда я когекго имел, —
Я свеч, в ночь сиявших, без счёта имел.
И та, и те свечи сокрылися вмиг,
Исчезли, как если б и не было их!
Вонзай свое жало в испившего мёд,
Тобой осчастливленный — пусть упадёт!
Убийство ведь несовершенных — закон.
Что значит пожар для того, кто сожжён?
Услышав рыданье моё заря
Заплакала вдруг, состраданьем горя.
Дня жатву в огне моей скорби сожгло,
Мой вздох — заморозил у солнца тепло.
Хоть я и отравлен, — надежда живёт, —
Змея шарик солнца глотнуть мне даёт
И действием света зари пробуждён, —
О ней я без сведенья — осведомлён.
Кто в этой живой колыбели почил,
Сиянье зари от неё получил.
О, ночи твои почернели лицом
В стыде перед этого света венцом!
Я качество некое в ночи открыл,
То качество — знанием установил.
То качество есть одиночества весть.
Зажженной свече её — зрение несть.
Шербет и алоэ, что связаны с ней, —
Суть вопли двух-трёх, что изранены ей.
Добро же, что было и кануло прочь, —
Свет мысли в предопределения ночь.
Негр этой завесы — доступен кому?
Кто в ржавчине этой, съедающей тьму?
Рассвету, порхающему мотыльком,
Такую свечу засветить не легко!
Стремись от свечи той к ожогу дойти,
Чтоб истину, как Низами, обрести!

МАКАЛЭ ПЕРВЫЙ
О СОТВОРЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Во дни, когда не было власти любви
И небытию не сказали «живи»,
Счастливец один, подготовясь втайне,
Пришел и раскрыл двери жизни вовне.
Последний, кто пери небесной рождён,
И первый в роду человеческом он.
Халиф, предназначенный повелевать,
Как знамя, упавший и вставший опять.
Чист знаньем:«Адама Аллах научил»,
Из праха: «И глину его замесил».
Отсюда — и мутен, и чист его глаз,
В нём злато, меняла и проба зараз.
Свод неба возлюбленным этим смущён,
Он — юноша, свежим пушком опушен.
Сияет, на плечи души навитой,
Семи сфер небесных браслет золотой.
И в двух колыбелях качали его,
И смесь двух субстанций в начале его.
Он — весть бытия для темницы земной,
Он — кравчий, и он — караульщик ночной.
Великие он совершает дела.
В нём девственность мощи являет Аллах.
Дитя — в сорок дней развязал язык,
Старик — в сорок лет стал вполне велик.
Родившись, как слово любви из уст,
Он розовой рощи расцветший куст
Он глаза, что видит всех дальше, луч,
Он — птица с той ветки, что выше туч.
Зерно его знания птицы клюют,
Головкой поклоны ему отдают.
А он за пшеничное зёрнышко сам
Свой сбросил халат и покинул храм!
В силках очутился он крошки-зерна,
Чья меньше, чем слова «спасибо», цена.
С молитвой пришёл он поэтому в мир,
И пал на колени в ответ ему мир.
Стал «кыблой» для всякого глаза он,
Лишь дьявол ему не отдал поклон.

Над всеми просыпал он райский цвет, —
Над дьяволом — огненный дождь отмет.
В тревоге он сердцем за род людской,
В Ирема садах ему чужд покой.
Вне власти его искупления час —
И скорбь ему душу сжигает за нас.
К пшенице влечёт его печень давно,
И вот — раскололась она, как зерно.
За нас — в подчиненьи у нового дня,
Пшеницу сменял на зерно ячменя.
Сам, словно зерно, без главы и без ног, —
Вне камня с землею как жить бы он смог?
Лишь брошенный в землю, ведь стал он расти,
Лишь смолотый, смог белизну обрести.
Пшеницы — цвет кожи его, а на ней
Ячмень, словно пятна сагры на луне.
Ведь в споре пшеница давно с ячменём, —
Но с нею тягаться, где качество в нём?
Как только он мёртвой пшеницы вкусил —
В зерне — как бы сердце Адам обнажил.
Иблис униженье ему послал:
Он твердо решил её съесть — и пал.
От печени твердой его — тверда,
Безрассудства закваска — её еда.
Как стали вкушать её люди всласть,
Разверзла на них и она свою пасть.
О, в ней потерял ты души узелок!
К пшеницы зерну угодил ты в силок!
Нет, лучше ячменный свой хлеб преломив,
Терпи и без лживой пшеницы будь жив,
Для вестника сердца — что в дьяволе том?
И льву ли эмира быть сторожа псом?
Лица омовенья, смотри, не верши,
Пока не отмыл покаяньем души.
Раскаянье тем, кто греховен, к лицу.
Раскаясь, Адам поспешает к концу.
Он, страстью зажёгшись к пшеницы зерну,
Перст праха измерил во всю ширину,
Желаний увидел тщету он и тлен,
И сбросил с себя вожделения плен.

Раскаяньем розу греха напоил,
Шатер в **Саравдибе** свой царский разбил,
В страну черноликим он бросился ту, —
И ей передал он свою черноту.
Из Хума небес, в **Индустане**, ряд лет.
В **индиго** — одежды окрашивал цвет.
Индиго греха лишь от пальцев отмыл
Индиго — траву на стопах возрастил.
Как **тюрок китайский**, одевши свой стан,
Он кудри греха подбирает в тюрбан.
Раскаяньем сердце своё размягчил,
В халифство всё царство земли получил.
Он в ниву добра забросал семена,
Вакуфность той нивы на нас внесена.
Что рая хранитель ему подарил, —
В обитель он с шестью дверями сложил,
На прибыль живи с капитала того,
Он — жатва твоя, а посевы — его.
От вздоха курильщика плачет смола!
В покое седельщика — стоны осла.
Свершён без тебя того действия круг,
Тебе ж предназначена милость, о друг.
Будь роз кораблём на весенней реке,
На якорь шипа чтоб не стать в цветнике.
И в дней своих осень входя — будь смел,
Ведь трусу — огонь, как воде, в удел.
Ты образом лев, но без мужества льва!
Ты с сердцем, но смелость в нем сыщешь едва!
Вот лев нарисован у входа в чертог,
Но палкой его ты не сдвинул бы с ног.
Тебе неприличен небесный наряд,
Ты прах, так и прахом одеться будь рад.
Потухла удач твоих в небе звезда.
Сам сжался в комок, но разбухла беда.
А то б небесам не накинуть оков
На шею захватчика всех городов.
Как обруч, окован, готовишься в путь,
У неба в плену, с небом вежливым будь.
Стремительный бег — это свойство огня,
Старайся, чтоб в беге других догонял.

Вес — свойство воды — будь и ты, как она,
Чем легче вода, тем ей выше цена.
Плоть славится гибкостью, ну а душа
Готовностью в деле добра хороша.
Живёт ветерок, шар земли обежав, —
А ты ведь горы неподвижнее **Каф**.
Обманут шипом, что цветком поманил,
Свой лик ты фиалкой к себе преклонил.
Везде в этом доме — твоё лишь лицо,
Вокруг него — взглядов твоих же кольцо.
Но сколько б пределов себе ни возвёл,
Ты в них пребываешь от вечности гол.
Влюблённый поклонник своей красоты,
Как солнце чтит небо, чтишь зеркало ты.
Но если б хоть горсть своей соли вкусил,
От самовлюбленья — полу б оттащил.
Жестокости и притесненья забудь,
Не людям, а богу подобен ты будь.
Он благ, — и для блага работай и ты,
Признай глубину своей нечистоты.
Когда же издашь ты раскаянья вздох,
Поверь — милосердным окажется бог.

РАССКАЗ О ПАДИШАХЕ, ПОТЕРЯВШЕМ НАДЕЖДУ, И О ПОЛУЧЕНИИ ИМ ПРОЩЕНИЯ

Один правосудный, увидя во сне
Покойного шаха, тирана в стране,
Спросил его: «Как за такие дела
Тебя повстречал на том свете Аллах?»
Шах молвил: «Лишь начала жизнь иссякать,
Кого-нибудь стал меж людьми я искать,
Кто мог бы наставить меня на пути,
С кем милость Аллаха я б мог обрести.
Но нет обо мне помышленья ни в ком,
Никто состраданьем ко мне не влеком,
И вздрогнул, как ива, от страха тогда,
Душа полна трепета, щёки — стыда,
Увидел, что строил расчёт на воде,
И к богу свой взор обратил от людей:

«Бедняк я, убитый позором, — прости,
Пристыжен я, ты мне грехи отпусти,
Хоть я беззаконью служил и беде,
Того не гони, кто изгнанник везде.
Иль пусть истерзают меня палачи,
Иль — всем вопреки — мне судьбу облегчи!»
Свидетель стыда моего, моих мук,
Тут помощь мне подал бездомного друг,
Услышал то слово родник щедрот,
И поднял, и снял с моей шеи гнёт.
Так каждый раскаяньем изданный вздох —
Начальник дня Судного шумных тревог.
О ветер раскаянья, что в том, скажи,
Что меришь убыток страданья и лжи?
Ведь мерой избрал ты века и года, —
Положим, пройдут они, — что же тогда?
Без гирь будет чаша одна, а в другой
Вся жизнь соберётся с грехом и тоской.
Не лучше ль не мерить годами грех,
Земным вожделеньем — не метить вех?
Ведь взял тебя в рабство — ничтожный грош,
И вздох один — то, что ты жизнью зовёшь.
Все взятое здесь на земле — раздари,
Отдай, что имеешь, и впредь не бери,
Чтоб мог ты стоять перед судным днем
С пустою рукой, с ненабитым ртом,
Чтоб не было денег сирот в мошне,
Чтоб вьюки старух не таскать на спине.
Брось эти хурджупы — их ткань ветха!
Оставь и мошну, — эту грязь греха!
И в жизни — иль странника посох возьми.
Иль скройся отшельником, как Низами.

МАКАЛЭ ВТОРОЙ
О НАСТАВЛЕНИИ ШАХУ ОБ ОХРАНЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ

О ты, чьё сужденье — живущих закон,
Под чьею пятою — владетелей трон,
Ты царь — и тебе подобает дворец,

Ты жемчуг — ищи себе неба венец.
О той стороне, куда нету дорог, —
Кто б знать, кроме нас с тобой, что-либо мог?
Оттуда, где светит предвечный свет,
Ты множеством милостей был согрет.
Ты — ценность наличная, мир — твой сад,
Твои — все сокровища мира подряд.
И царство с той полною властью — твоё,
Гордись, — то широкое счастье — твоё.
Ведь дней твоих шире — эпоха твоя,
Цена тебе больше цены бытия.
Как зеркало, солнце заря вознесла,
Чтоб дать твоего отраженье чела,
И люльку колышет свою небосклон,
Чтоб в ней, как дитя, убаюкать твой сон.
О ты, птица сердца, дыханья Иисус!
Звать равным тебе — лишь тебя я решусь!
Грудь солнца горит по тебе огнём,
Твой лик пробудил эту радость в нём.
Лупа, ущербляясь, как волос твой,
Смеётся, услышавши голос твой.
Будь весел — не меньше ты здесь никого,
Сбрось мира печали — не раб ты его,
С землёй — её уровня скромно держись,
А с ветром — без ноши, как он, — возносись.
Земля, что лежит, — под посевы годна,
А с ветром взлетев, станет пылью она.
Удовлетворённостью сердца живи,
Вот в чём ты господство своё прояви.
О, где благочестья и веры глас?
О, где мы и где же залог за нас?
Кто верой отмечен, тому, о поверь, —
Нездешнего мира откроется дверь.
Подай помощь вере, — всё здешнее есть
В тебе, — так стремись и её приобресть.
За мир если можем мы веру купить,
Не следует к демону слух свой клонить.
Вес крошки её янтаря — ведь и тот
За «ман» философского камня идёт.

Брось камень, её ж драгоценность — купи.
То злато, отбросивши бренность, купи.
Возьмёт снарядивший тебя для пути
Одно — вместо данных тебе десяти, —
Богатству мест лучше не знает свет,
Приносит лишь прибыль, убытка нет.
Здесь веру умножить — вот дело твоё,
Суд праведный множит в сем мире её.
Суд правый — в заботе о пользе людей,
Старайся прожить, не тревожа судей.
Стань войску и городу добрым отцом
И войско, и город ответят добром.
Насильник, кто дом подчинённых крушит;
Держава прочна, коль обид не чинит.
Развязка не минет — её ты не жди,
Деянья свои до суда обсуди.
Дай людям спокойствие — ведь от обид
Одно лишь в исходе останется: — стыд!
Пьянеет наш разум в бездейственном сне,
И зыбок решенья корабль на волне.
Допустим, владенья ты слабых забрал,
Допустим, закон ты насильем попрал.
Но чем же ответишь в день страшный суду?
Какое найдёшь оправданье стыду?
Нет, к вере лицом обратившись одной,
Стань к солнцу ты — зороастрийцу — спиной.
За куколкой той мышиною ввысь,
Как женщина с месячными, — не тянись.
В завесе той девяти сфер серебра —
Всё — куколки лишь мышиной игра.
Подуй, как Мессия, в неё через нос,
Чтоб вылиться маслу из лампы пришлось,
Доколе к ней бабочкой будешь летать,
Свой шит пред светильней какой-то метать?
Порви ту завесу, Иисуса порог,
Чтоб крылья Иисуса вспорхнули из ног,
Кто душу свою, как Иисус, поборол,
Вполне справедливо весь мир приобрел.
Ведь мир подчинить себе силой — нельзя.
Законность — вот к власти над миром стезя,

Какую ты прибыль в неправде нашёл?
С судом беззаконным — останешься гол.
Законность — вот вестник, кто не обманул,
Трудяга, кто благоустроил страну.
Одним правосудьем держава крепка —
Да ищет опору в ней шаха рука!

РАССКАЗ О НУШИРЕВАНЕ И ЕГО ВИЗИРЕ

Однажды, оставив охотничий стан,
С охоты вперед ускакал Нушireван.
Но верный визирь догоняет его,
Хосров и визирь, — и вокруг никого.
И видят: развалины без очага,
Селенье — пустое, как сердце врага.
И видят: две совы сидят на жерди,
И тесно меж ними, как в шаха груди.
Шах молвил визирю: «О чём у них речь?
Что нам из совиного свиста извлечь?»
Визирь отвечает: «О царь наших дней, —
Скажу, раз ответить приказано мне.
В беседе их смысл затаённый сокрыт,
Про свадебный договор он говорит.
Одна — эта мать, что просватала дочь,
Ей надобен выкуп за брачную ночь.
«Развалины эти оставь им», твердит,
«А к ним — ты таких же прибавь нам», твердит.
Другая в ответ ей: «О чем говорить!
Взгляни, сколько шах наш успел разорить!
С его притесненьями — долго ли ждать?
Сто тысяч развалин смогу тебе дать!»
Замолкнул визирь, и пристыжен Хосров,
Вздохнувши, он стон испускает без слов,
Бьёт в лоб себя, слёз проливает поток, —
Ведь что, кроме плача, насилью итог?
Свой палец зубами в стыде прикусил:
«До птиц угнетенье дошло!» Возгласил:
«Обидою, людям чинимой, живу,
Не курицу им посадил, а сову!
Ах, чем я, беспечный, увлёкся в миру?
Довольно, пора мне закончить игру!

Ещё ль мне насильничать, жить грабежом.
Забыв, что за смертным нас ждёт рубежом?
Опять и опять совершаю разбой.
О, страшно взглянуть, что я сделал с собой!
На то ль это царство послал мне творец,
Чтоб в нём все законы забыл я вконец?
О, медь, позлащенная только извне, —
Творю я дела, что не велены мне.
Мой гнёт — не меня ли позором покрыл,
Людей притесня, — не себя ли стеснил?
Не стыд, а стыдливость мне в сердце иметь,
Чтоб лишь пред собою и богом краснеть!
Сегодня, как зрелище, вижу свой гнёт, —
О, горе, — он завтра в позор перейдёт!
Сгореть бесполезному телу дано,
И сердце по собственном сердце больно!
Еще ли насилия пыль воздымать
И честь свою с кровью людскою ронять?
О тюркском набеге том в утро суда
Не раз меня спросят, — как быть мне тогда?
Что ж, тот, кто в стыде — устыжается пусть!
И чёрному сердцу — что ближе, чем грусть?
Терпеть до каких укоризну мне пор!
Я к судному дню донесу свой позор!
Конь собственной страсти — седлает меня,
А в том, что мне в помощь, — беспомощен я!
Богатства, которым числа не найду, —
Забрал ли в могилу с собой Феридун?
От царских приказов, судов, где сужу,
В конце концов что же в руках я держу?»
И так стал горяч в покаяньи Хосров,
Что гвозди коню растопил у подков.
Обратно к войскам поскакал на коне,
И новым повеяло ветром в стране.
«Калям», что поборам вёл счёт, он убрал,
Дурной свой обычай и гнёт он убрал,
Дал кров правосудью, насилье свернул,
Берег до последнего вздоха страну,
Когда ж, испытав всех превратностей бег,
Ушёл он, — то слава осталась навек.

И стал правосудности знаком — чекан
Лица его — для многочисленных стран.
Достиг он с хорошим исходом конца,
И ты добивайся такого ж венца.
Довольствуя совесть, живи, чтоб Аллах
Свой взор на твоих бы покоил делах.
В тени у пророков и праведных стой,
Заботу — себе дай, а другу — покой.
Лекарства давай и болезни цели,
Чтоб высшим веленьем тебя облекли,
Для злобы будь хладен, горяч для любви,
И великодушно, как солнце, живи.
Кто дело своё начинает добром, —
К тому и добро повернётся лицом.
Небесного купола строг поворот,
Он должное злу и добру воздаёт.
Учись в послушаньи греха избегать,
Чтоб после постыдно прощенья не ждать.
Итог этой жизни — один только час,
И лучше всех благ — послушанье для нас.
С людьми не хитри, оправданий не ждут!
Не слово, а дело — в хождении тут.
Когда б сила слова вершила дела, —
Она б Низами к небесам вознесла!

МАКАЛЭ ТРЕТИЙ
О СОБЫТИЯХ МИРА

Эй ты, что полой мести землю привык, —
Над нею взмахни рукавом хоть на миг!
Не горем, а радостью людям будь,
Гордыню хотя бы на миг забудь!
Раз смысл бытия нам постигнуть дано,
Мы знаем, — вельможа и нищий — одно.
Что ищешь богатств Соломона след?
Они пред тобой, Соломона ж — нет!
Вот свадебный, Азрою убранный, зал,
Вот пир, за которым Вамик пировал.
И зал не разрушен, и пир не затих,
Но нет ни Вамика, ни Азры в живых.
Хоть много над миром веков пронеслось,

Ни на волос меньше у мира волос.
Всё тот же земли крепковыйной гнёт,
Всё тот же над вею палач-небосвод,
Общения с миром искать ли кому?
Кто им не обманут, чтоб верить ему?
Землёю стал тот, кто её попирал,
А знает ли прах, что в себе он собрал?
Лист каждый здесь — был человека лицом,
И след под ногой твоей — царским венцом
Мы молодость мира в земле погребли,
И тем старики мы, что дети земли.
Так, Сам давший Залто жизнь, был молодым,
А Заль, как ты знаешь, родился седым.
Небесный тот купол в извечной ходьбе, —
Лишь противодействовать склонен тебе.
То царство подарит нам неба игра,
То сделает глиной в руках гончара.
И кто на двуцветный ковёр ни ступил,
Одно лишь стесненье в делах получил.
Завистливо жители суши твердят:
Как счастливы те, кто моря бороздят!
Моряк же, от бури заклятья творя,
Готов у пустыни отдать якоря.
Нигде человеку спасенья от бед,
Ни в месте безводном, ни на море нет.
Закон непреложный живущему дан:
Поклажу оставя, уйдёт караван.
И всяк, кто по этому кругу прошёл —
Из города выселен, изгнан из сёл.
И всех, кто пощаду получит в пути, —
Перст небытия не замедлит найти.
Брось царство — что, кроме тщеславия, в нём?
Потёмки той сени - не сделаешь днём!
Жизнь стала забавой тебе на пиру,
Довёл до чрезмерности эту игру.
Но неба игра хоть с волчком и сходна,
В ней взору — широко, а мысль — стеснена.
До первого знания в людях была
Беспечность, - о, как та беспечность мила!

Но только лишь разум до грани дорос, —
С беспечности царством проститься пришлось.
Не мудростью эта беспечность дана,
Сплошных безрассудств порожденье она.
Царапай хоть лист, но безделье гони.
Не пишешь — так перья чужие чини.
Ты праведных общества не избегай,
Со стана счастливых руки не снимай.
И шип, если с розою дружески слит, —
Он амбру в полу гиацинта струит.
В тот день, как «барат» всех существ принесут,
Пустыню — и ту позовут ведь на суд.
Ей скажут: «Ты в пятнах от крови зверей,
Сосала ты сок сокрушенных людей.
Откуда, скажи, та вода на песке?
Откуда Евфрата в нём струи текут?»
Застонет пустыня тут, слёзы струя:
«Не сыпьте песок мой, не грешница я!
Щепотку лишь соли взяла со стола,
С частицей той печени я истолкла, —
Решив: с сыном веры объятья солью,
Чтоб гурий браслета быть другом в раю!»
И вынесено ей решенье судом:
Быть гурий ножного браслета певцом.
Так, всякий, кто с добрым дружить предпочтёт,
Когда-нибудь пользу в той дружбе найдёт.
Но добрый давно уж из мира ушёл,
Стол с мёдом — стал ульем, гудящим от пчёл,
Из бесчеловечности этой в наш век,
Как зла, человека бежит человек.
Познанья для них не оставлен и след,
Свели существо человека на-нет.
Соломоново время — ушло от нас,
Кто мудр — словно «пери», таится от глаз.
И с кем ни мешал я дыханий своих,
В одном убеждался — подальше от них!
Ведь блеском Хумая — не светел никто,
И верностью сердца — не встретил никто.
Зерно человечности — верным пребыть,

Суть верности в том — чтоб её сохранить.
Не зря о зерне полн дехканин забот, —
День близок, когда он вкусит его плод.

РАССКАЗ О СОЛОМОНЕ-ПОСЕЛЯНИНЕ

Минутой досуга от дел откреплён,
Спешит из дворца на простор Соломон.
Он в степь государство своё перенёс
И трон — в лучезарное небо вознёс.
Глядит — состраданьем душа стеснена, —
Старик-земледелец, чья нива скудна,
Последние зёрна в дому соберя,
Их сеет на скудной земле пустыря.
Бросает их в каждый земли уголок,
Надеясь, что вырастет колос, высок.
Но птичий открыт Соломону язык:
Он в путь созреванья тех зёрен проник.
И молвил: «О старец, напрасен твой труд!
Ты бросил своё пропитание тут.
Ведь ты не силок, чтоб зерно рассыпать,
Не птица — со мною по-птичьи болтать.
Земли без лопаты — ногтями не рой,
Не сей ячменя, не запасшись водой.
Мы сеяли в тучную землю зерно.
И много ль, взгляни, нам взрастило оно?
А с этой иссохшей — напрасны труды,
Что, жаждущий, снимешь с неё без воды?»
Ответил старик: «Царь, прости мой ответ, —
Не думаю, есть ли вода или нет,
Ведь в мокрых, в сухих — я не сведущ делах,
Зерно даю я, созреванье — Аллах.
Водою мне, видишь, мой пот на спине,
Концы моих пальцев — лопатою мне.
Ведь я не веду государственных дел,
На жизнь мне хватает и этот удел.
В зерне нам сокрыта счастливая весть —
Семьсот на одно оно может принесть.
Не сей никогда с сатаной на устах —
И ты с одного будешь при семистах!»

Отборное надобно сеять зерно,
Чтоб правильно завязь раскрыло оно.
Любой человек, кто родится на свет,
В одежду по мерке сложенья одет.
Мессии плаща — не натянет осёл,
Не всяк управлять государством пришёл.
За шею слона — носорог лишь куснёт,
Мураш — дальше ног саранчи не пойдёт.
Сто рек проглотившее, — море молчит,
Ручей — от простого потока кричит.
В лазурном кругу мирозданья сего
Отмерено каждому мерой его.
Для дел государственных — стойкость нужна,
Иначе не вынести их бремена.
Не каждый, кто дышит, для неги рождён,
И тайну не прячет любое из лон.
Незрелым прослыть от хвальбы не хочу, —
Всё ж — бремя нести Низами по плечу.

МАКАЛЭ ЧЕТВЕРТЫЙ
О ХОРОШЕМ ОТНОШЕНИИ ШАХА К ПОДДАННЫМ

О ты, кто при мужестве щит положил, —
Надменности демон тебя закружил!
Горд царством, а верности в нём — не найдёшь,
И жизнь, где нет вечности, вечно ведёшь.
Бредёшь за глотком винопийцы вослед,
Покоряешься пестрой игре планет!
Отбросил в безумье свой меч и коран,
Взамен их поставил ты чашу и чан!
Как женщина, видишь усладу в кудрях,
Гребёнку и зеркальце держишь в руках.
В пример себе Рабий кудри возьми, —
Что сделала ими с собакой семи?
Ты, — храбрости чьей устыжаются львы, —
Стыдился бы доблести этой вдовы!
На мощь все твои притязанья — тщета,
Скоси их, о меньший, чем женщина та!
От доблести разум — не освобождён.

Нет доблести лучше, чем правый закон.
Свежа вода, да не в твоей ведь реке!
Шла родинка, да не к твоей ведь щеке!
Не небо ты, чтобы грозить грозой, —
Размысли над властью небесною той!
Блажен, кто в основу лишь доброе клал. —
Взял прибыль он, прибыль на свой капитал!
Не благословенно людей обижать
И честь свою с кровью людскою ронять.
В ответ притязаньям твоим над страной —
Две-три мысли смелых — сольются в одной.
Страшись их суда, правосудье верши,
И бойся на гнёт свой стрел жалоб в тиши!
Высокие мысли — внушеньем сильны,
Их действие ведь не пустяк для страны!
Двух вспомни индийцев, — их вражеский сглаз
Что с телом Махмуда проделал он раз?
В дыхании многих — слит помысл один.
Смотри, — он не стал бы тебе господин!
Стезя их — где ангелов след к небесам,
Пошедший за ними — не меньше их сам.
С пути их — насилия меч убери, —
Иначе погибнешь от стрел их зари.
Законность — вот власти условьс земной,
А ты угнетеньем царишь над страной.
Кто в здешнем дому правый суд наведёт, —
Дом завтрашний пышно-цветущим найдёт.

РАССКАЗ О СТАРУХЕ И СУЛТАНЕ САНДЖАРЕ

Старуха одна, в возмущенья пылу,
Султана Санджара схватив за полу,
Вскричала: «О, где справедливость твоя?
Тобой, что ни год, оскорбляема я!
Твой пьяный шихнэ залезает ко мне,
Пинков надавал по лицу и спине,
Избил, истоптал без вины меня он,
За волосы выволок из дому вон,
На людях ругает, поносит, как зверь,
Насилья печать налагает на дверь, —

«Горбатая, эй, отвечай, — говорит, —
Такой-то на улице кем был убит?»
Убийцу он ищет, а дом осквернён.
О, где же насильники, если не он?
Пьян сторож — смелеет и головорез...
Будь трезвым, он в драку б с старухой не лез!
Доход всей страны они топят в вине,
Его на старух возмещая спине!
Кто мирно на это бесчинство взирал,
Мой стыд, а твою справедливость попрал.
Избита, истерзана старая грудь,
О, есть ли в ней силы хоть сколько-нибудь?
Когда нравосудья в тебе не найду, —
В день Судный свой счёт предъявлю я суду!
Чтоб чтил ты закон, — я не вижу в тебе!
Насилью препон — я не вижу в тебе!
Царь должен народам поддержкою стать,
А ты угнетаешь народы, как тать.
Не стыдно ль кусок отнимать у сирот,
Кто делает так, благороден ли тот?
Великий вор мелкой поклажи старух,
Стыдись трудовой этой пряжи старух!
Ты — раб, хоть и в царское платье одет,
Кто ценит царя, приносящего вред?
Царь всюду в державе наводит закон,
Внимательно, с ласкою властвует он.
Чтоб всяк на приказ его — голову клал,
Чтоб дружбу его — в свою душу влагал.
А ты, хоть весь мир переставил вверх дном, —
Геройством каким отличаешься в нём?
С тех пор как под тюркскою властью страна, —
Оделась в наряд правосудья она.
Но ты, в беззаконьи питающий вкус,
Не тюрок ты, царь, ты — грабитель-индус!
Ты крыши обрушил с жилья горожан,
Ты вытряс зерно из колосьев дехкан.
Но помни — удел не бессмертен земной,
Найдёт тебя смерть и за царской стеной!
Закон — как костёр в темноте разложи,

День нынешний с завтрашним ты подружи,
Чтоб словом порадовал сердце старух,
Чтоб слово старухи — наполнило слух.
От страждущих — руку свою отведи,
Не то быть проклятью — как стрелам в груди!
Что рыщет по всем закоулкам рука,
Беспечна к последним кускам бедняка?
Ты миру был дан животворным ключом,
Не ради неправды поставлен ты в нем.
О шах, чтоб мучение раны смягчить,
Ты пластырем должен ее залепить.
Хвалить тебя — слабых обычай, а ты
Обычай устрой из своей доброты.
И оберегай, как святыню души,
Двух-трёх наилучших, укрытых в глуши!»
Санджар, Хоросаном владевший, не внял
Тем мудрым словам — и страну потерял.
И нет правосудья сейчас на земле,
Ищи его лишь на **Симурга** крыле.
И стыд позабыт под окном голубым,
И честь на земном этом шаре — как дым.
Вставай, Низами, и заплачь от стыда,
Плачь кровью над тем, кому кровь как вода!

МАКАЛЭ ПЯТЫЙ
О СТАРОСТИ

Спускается старость — за юности днём,
Прах борется с ветром и влага — с огнём.
Светает, — а ты погружаешься в сны,
А солнце восходит над краем стены!
Оставь покорения мира мечты,
Не мучься, как в юности, — стар уже ты.
Ведь сердце, которым любил и грустил,
Иссохло, лишённое мощи и сил.
И ум замутился, и мысль не строга,
И руки в узлах, и ослабла нога.
Земля состраданием к старым полна,
Приляг, чтоб твоя отдохнула спина.
Во всей этой славе и скверне людской

Нет слаще для нас, чем покой, покой!
Прохладен лучей твоих лунный исток,
Желтеет тюльпан твоих розовых щёк.
С **Хабеша к Таразу**, с волос и до пят, —
Как тюрк и таджик, ты бореньем объят.
Нам волос двуцветный поэнанье даёт,
Что ночи и дня неизбежен черёд,
Что в мире не мы были юны одни,
Но старились, как своих дней ни храни.
Ненастьем — у роз лепестки сорвало,
И старостью — молодость их унесло.
Ошибок ты смолоду не допускал,
А старость — и сотня их, — так я сказал.
Пускай тебе слава Джемшида дана, —
Все ж горести знак — для тебя седина.
Не весть ли о смерти встаёт в седине,
Не смерти ль поклоны в согбенной спине?
Кто царь над добром и бессмертьем в веках?
Их нет у меня — у кого же, Аллах?
Беспечная юность приходит к концу,
Печалься, — о ней сожаленье к лицу.
Ведь всякий, кто здесь, словно Иосиф, пропал —
Печаль по себе у вселенной снискал.
Утратило юность твоё бытиё —
Лишь в старости ценность понятна её!
Младым деревам — достоянием сад,
Садовник иссохшие — вырубить рад.
Хоть молодость испепеляет огнём,
Нам в старости — горечь, а сладкое — в нём.
Цветущая ветка — на завязь плодов,
Иссохшая ветка — пригодна для дров.
Цвет чёрный волос твоих — амброй разлит,
И в камушке чёрном — вес золота скрыт.
Свой юность конец притупила — не спи!
Уж ночь. И заря наступила — не спи!
Вкусил камфары твой огонь, и теперь
Сам мускус твой стал камфарою, поверь.
Чуть холод задержится месяц-другой,
Снег чёрная туча приносит с собой.

Ведь стирка — красильному делу равна,
У солнца с Мессией обитель одна.
Вода себе стирку взяла в ремесло,
А краску — сиянье луны навело.
Стал скупщиком цвета сам неба кристалл,
Затем и Мессия красильщиком стал.
Раз нету у воздуха цвета совсем,
И веса у воздуха нету совсем.
Двуцветности ночи и дня не имей,
Быть румцем с душой **занзибарца** не смей.
Носящий двуличия этого знак —
И добросердечью, и знанию враг.
Два цвета любя, леопарда спина
Стрелку на опушке яснее видна.
Меняясь, как девушка, что убралась
То в тонкий «касаб», то в суровый «палас»,
Ты с противоречием будешь таким
В жару — в ста одеждах, а в холод — нагим.
Как лев, поедай и носи лишь одно,
Что в руки день каждый добыть суждено.
Есть хлеб на обед и воды — на глоток, —
Не лезь же, как ложка, в чужой котелок.
Пусть голод от этих кусков не затих, —
Зато и охотников нету на них.
Чем грезить о хлебе чужом наяву, —
Ешь лучше, как ослик Иисуса, траву.
Земли, — что в вертящемся небе, — огонь
Даст хлеба, лишь выжав нам пот на ладонь.
О, если в той «дахме», где узники мы,
Жар силы небес победительней тьмы,
К чему, с сердцем Иосифа, дышишь, как волк,
И с сердцем льва — кошкой крадёшься под стол?
За горсть ячменя, что пшеницею мнишь,
Ты сердце, как хлебные зёрна, мельчишь.
Приправою к хлебу дай влагу души,
На пламени сердца - ты мясо туши!
Ешь землю, - но только не хлеб у скупых,
Не прах ты, чтоб лечь на попрание их!
Колючкою вовремя руки стегни,

Чтоб брались за дело без лени они.
Ведь легче руке труд, какой он ни будь,
Чем за подаяньем её протянуть.

РАССКАЗ О СТАРИКЕ-КИРПИЧНИКЕ

Раз жил в стране **Шама** кирпичник-старик.
Как призрак, людей сторониться привык.
Из трав ему плащ — одеяньем служил.
Кирпич обжигал он и выручкой жил.
Бойцам, что роняют щиты и мечи,
Щитом были в склепах — его кирпичи.
И всех, кто в могилу сходил непокрыт,
От кар за грехи — укрывал этот щит.
Успех обеспечен в работе такой,
И спорилось дело под старца рукой.
Однажды случилось — к нему подошёл
Прекраснейший отрок и слово завёл:
«О, стыд и бессилье, — твое ремесло!
Пусть возится с глиной погонщик ослов!
Вставай и лопатою землю не бей,
Ведь в хлебце никто не откажет тебе!
Брось эту отливку, что формой стара,
По-новому новое делать пора!
С твоей сединою тебе ли с руки
Мять глину с водой в земляные комки?
Ты стар, и покой тебе необходим,
А труд молодых предоставь молодым!» —
Старик ему: «Пыл этот угомони!
йди и помех мне в труде не чини!
Нам, старым, подходит знать толк в кирпичах,
А юношам - тяжесть таскать на плечах!
К труду потому и тянусь я рукой,
Чтоб не протянуть её перед тобой.
е нищий, - пред кем-нибудь клянчить дирхэм, -
Тружусь и свой хлеб заработанный ем.
За этот кусок не терзай ты меня,
И коль я не прав - да не видеть мне дня!»
От слов старика порицатель его
Заплакал и, плача, пошел от него.

Старик с таким качеством — видывал свет,
Одобрены дело его и ответ.
О, долго стучать тебе в мир, Низами?
Уж лучше стучись перед веры дверьми!

МАКАЛЭ ШЕСТОЙ
О ЗНАЧЕНИИ ТВОРЕНИЙ

Там кто-то за звёздами — дёргает нить,
Чтоб здесь своих кукол по сцене водить.
За занавес — очи души устреми,
Узнай, что таится за теми дверьми.
Ведь там, за зелёной завесой, игрок,
Использует и бесконечность на срок.
На нас бесконечности очи глядят:
На пояс служения сердцу — их взгляд.
И в точке той циркуля — нет ничего,
Что не существует за кругом его. -
Тех сфер голубых верхового коня
Избрали ведь ради тебя и меня.
И раньше, чем двинулись эти миры,
В пути своём новы, а в слове — стары, —
Не мы ль заложили в основу — любовь,
Не мы ли вкусили от слова любовь?
Талант и порок двум причастны мирам, —
И оба пришиты к твоим торокам.
Нет гостьи у мира, что людям равна,
У птицы земли — нет прекрасней зерна!
Тех птиц, что царапают прах, — избегай,
Над ними, подобно Симургу, витай.
Твой дух, что как птица из клетки взлетит,
Несёт тебя, — но над тобою парит,
От клетки иль когти его отдери,
Иль клетку ему навсегда подари,
Чтоб с нею в твой край улетая, укрыл
С собой и тебя, под защитою крыл.
Когда ты пройдешь сени праха сего,
Отмоют тебя от тебя самого, —
И станешь печатью ты блага и зла,
В божественных тайн ты проникнешь дела,
С пророками будешь беседу вести,

В святилище славы, как равный, цвести.
Знай, — путь двух миров, две стоянки его,
Он вздоха души половина всего!
Ведь тот, кто из глины тебя отлепил, —
Каабу души в твоё сердце вложил.
Держись же за светлого сердца узор,
О тёмный не пачкайся тела ковёр.
Лишь утра зефир нам нарциссы сурмит,
Лишь камень философов — медь золотит.
Что тело? Ссыпанье земли день за днём.
И сердце, и сердце, раз речь и о нём!
Но будешь султаном, став сердца рабом,
Над разумом и над душою царем.
Смягчи своё сердце, как меха пушок,
Как мускусный, — плоть огруби ты, — мешок.
Прекраснее грубых — нет в мире одежд.
Сужденье по платью — сужденье невежд.
Жестка кожа лани, — но в том ей цена, —
Пергамент даёт под любви письмена.
Сохранность для мускуса — грубость мешка, —
Рассыплется он, переложен в шелка.
Коль сахар ты, — вьюка дыханье терпи.
Коль жемчуг ты, — в каменной ракушке спи.
Плачь ночью — рубиновой кровью зари,
Рассветом — рыдания ночи утри.
Свой тяжкий тащи в ночь бездонную труд —
Чем он тяжелей, тем полней воздадут.
Тот верный, кто цели высокой достиг,
Трудом заработал бессмертия миг!
Сошествием бед - здоровеет мудрец,
Здоровье — к беде нас приводит вконец.
Удары — нас от себялюбья целят,
И в горечи винной — основа услад.
На страже сокровищ — поставлен дракон,
Забота хранит беззаботный наш сон.
О, стань кипарисом своей прямизной,
Свечой, что довольна, питаясь собой.
В бессонной заботе - крикливости нет,
Великий покой наступает ей вслед.
Узла не завяжет тебе небосвод,

Покуда другой развязать не черёд.
Тому, кто в ворота свободы проник, —
В ту радость — и горе-шахнэ проводник!

РАССКАЗ О СОБАКЕ, ОХОТНИКЕ И ЛИСИЦЕ

Жил зоркий охотник, пустыни знаток,
Он вдоль исходил её и поперёк.
Собаку имел, что своей быстротой
Догнать не дала б себя тени — и той!
Пред хваткой её трепетал носорог,
Онагра валила зубастая с ног,
Охотнику в деле товарищ и брат,
Охотилась несколько суток подряд.
И пёс был хозяином крепко любим.
Днём — сыт был охотник, а ночью храним.
Пропал этот лев у хозяина-льва!
«Эх», — думает, — «вряд ли собака жива!
В пути, где мерилом — судьба нам одна,
За эту собаку — и лев не цена!..»
Хоть свет опостылел ему от тоски,
Он крепко зажал своё горе в тиски,
Один, без неё, стал охотиться всё ж,
Сбирая с крупицы терпения — грош.
С усмешкой предстала лиса перед ним:
«О ты, терпеливый, кто был нетерпим.
Я слышала, — первой по доблести нет?
Жизнь вечная той, что покинула свет!
С тобой как простилась намедни она,
Знать, в путь свой пустилась последний она!
Ты сам стал мишенью охоты её, —
Запас на два месяца — горе твоё!
Жаркое дай сердцу, которым грустишь,
А шкуру — по праву получит дервиш!
Что ж, жирной едою потешился ты, —
Забудь же о жирных лисицах мечты!
Опасный наш жир уж не страшен тебе,
В мозг жёлчь не ударит от бра шеи тебе!
К чему ж соблюдаешь ей верность, скажи?
Ее уже нет и о ней не тужи!»

«Смотри, ночь чревата», — охотник в ответ:
«Печали сегодняшней — завтра уж нет.
Я радостен тем, что созданьям земным —
И радость, и плач не навеки даны.
Все это эмирство и рабство вокруг
Сменяется, словно вертящийся круг.
Со звёздами вертится сам небосклон,
Покой, испытанье - проходят, как он.
Я радуюсь грусти, что сердце гнетёт, —
Ведь грусть возвещает нам счастья приход.
Пусть волк мой, как Иосиф, пропал! От тоски
Одежду, как волк, не порву на клочки!
И знай, — сколько хитростей ей не готовь, —
С добычей, как ты, мне вернут её вновь!»
Едва лишь замолк, — запылило вдали,
И мчится сквозь облак собака в пыли.
Завидя лису, обежала вокруг
И крепко за мех её цапнула вдруг.
И молвит: «За то, что так поздно пришла,
Лис чует, — как львица я грозно пришла.
Ошейник мой стал — твоей веры весы,
А вера — колодка для этой лисы!»
В ком преданность от убеждения - тот
В конце концов счастье свое обретет!
Уверенность - каждой удачей расти,
Отрадней её — нет стоянки в пути.
Уверенность — ногу в главу превратит,
Как золото, камень под ней заблестит,
И если уверенным будешь везде, —
Так мойся в огне и ходи по воде!
Кто с верой смешал упованье в делах, —
Тот знает, что хлебу хозяин - Аллах,
Ни мошкой не льнёт он к чужому столу,
Ни от своего не отдёрнет полу.
Удел твой, поверь, не уйдёт от тебя,
Работай, о доле своей не скорбя.
Небесные двери — вернее других,
За ними — податель уделов земных.
Из нас с тобой — сколько ни скрылось туда,

Назад не вернулся никто никогда.
Уверенные — новой стати сыны.
Мы — ноги, они — головой нам даны.
Слеза их на коврик молитвы падёт, —
Вино она сделает жёлтым, как мёд.
Тебе бытия обеспечен ли час?
К чему ж на сто лет собираешь запас?
Когда оболочкой нам сделался прах, —
У вечности судьбы остались в руках.
Дают их оттуда, но если дают —
Своею ты пользуйся долею тут.
Как люди ни бились, ни тратили сил, —
Никто больше доли своей — не вкусил.
Старание в вере — опора в наш век,
Но им не умножит судьбы человек.
Чтоб стал ты велик меж сынами страны, —
Старанье и высшая помощь нужны.
Стараньем стиха Низами не согреть, —
Лишь с помощью свыше он может гореть!

МАКАЛЭ СЕДЬМОЙ
О ПРЕВОСХОДСТВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СУЩЕСТВ НАД ЖИВОТНЫМИ

О нежный, как небо, хотя и земной,
Равно избалован ты им и землёй.
Затем, что в касании был к небесам,
Дела твои выше, чем думаешь сам.
Кормилицей-вечностью вскормлен в веках,
Испробовав сахар, бежишь молока.
Стремись своё доброе — выше вознесть,
Но может ли выше быть, чем оно есть?
Отточенным в небе калима концом
Писали тебя, о прекрасный лицом.
Вкруг печени — нитью души обвели,
На стане — жемчужину тела зажгли.
На этом лугу — лучше слабым предстань,
Ведь с тощей не бегает жирная лань.
Животные, что в подчиненьи твоём, —
В силок твой идут за едой и питьём.
Хумай ты, — старайся обид не чинить,

И в слове, и в пище воздержанным быть.
И белый, и чёрный — все дети земли
В её мастерской себе дело нашли.
Хоть в сказке — быть вестником горя сове,
Но клада развалин она соловей.
Во всём, где хоть капелька жизни видна, —
Души — в соответствии с телом — цена.
Пусть жемчуг их меньше, чем море твоё,
Но все ж ведь жемчужина — их бытиё.
К суду привлекай ты больших и меньших,
Лишь выкуп отдав за страдание их.
И добрый, и злой в государстве твоём, —
Твоё отраженье и в добром, и в злом.
Ты дашь башмаки, так папаху они,
Ударишь слегка, так с размаху они.
Как утро, покров не отбрасывай прочь,
«Хранителем крова» зовись ты, как ночь.
Свой видит покров — в алой розе оса,
А твой — этот улей из ос, — небеса.
О, долго ли мухою, пищу ища,
В паучьи силки будешь падать, пища?
Кто держит миры за завесою, тот
И тайну твою за завесой блюдёт.
Твоё изобилие тут — от неё,
И дни твои счет свой ведут — от неё.
Ей чуждых — беги, не сказав и «прости»,
И свой от них слух постарайся блюсти!
Знай, фокусник этот, вертящий миры, —
Повесил свой занавес не для игры.
Лишь этой завесы — касайся рукой,
Одну, — в её тоне, — мелодию пой.
От вести об этой завесе — проснись,
Участником тайной беседы явись.
Ты чище души обелишь его тьму, —
На сорок дней ввергнувши тело в тюрьму.
В тюрьме человек обретает честь.
В темницу дано было Иосифу сесть.
И ценность, и высшую степень души
Подвижничеством приобресть поспеши!
Сребром своих качеств в борьбе раздобудь

То золото, что хоронит твоя грудь.
Подвижничеством — высоту обретёшь,
От бренности — к высшей ступени дойдёшь.
Смирив естества непокорного жар,
Всю искренность речи получишь ты в дар.
А дружба природы и разума в нас —
Про кузницу и москательню рассказ.
В одной обретёшь ты — ожог на лицо,
В другой — попадёшь в аромата кольцо.
С поклажею плоти не легче спастись,
Чем с клеткою птице — наверх вознестись,
Жизнь — в противоречиях этой борьбы,
Но счастье — вожак каравана судьбы.
Смиряющий страсть — как правитель, высок.
В бесстрастии — черпает силу пророк.
Коль душу свою обуздал хоть на миг, —
Обуйся, — ты к раю дороги достиг.
В души своей колокол — бей языком,
Не демону, — вере служи батраком.
Святилище веры — вот крепость и щит,
В ней будешь от сутолок сует укрыт,
И Абу-Талибу — от ада огня
Защитой, что был он пророку родня.
Поистине, радость счастливых одна
Кольчугой для светлого сердца дана.

РАССКАЗ О ФЕРИДУНЕ И ГАЗЕЛИ

Раз в утренний час, взявши несколько слуг,
Спешит Феридун поохотиться в луг.
Малютку газель он вспугнул, и смущён:
Охотника дичь забирает в полон.
К нему без вражды её ушки и взгляд,
Поджавшийся — молит о жалости зад.
Ты скажешь: шах глянул — и с шахских ресниц
На землю газель эта прыгнула ниц.
Восторг перед нею у шаха таков,
Что весь он — во власти газели оков.
Конь это почуял; лук шаха, и тот —
Слабея, стал мягок, как лани живот.
И мимо газели скользнула стрела,

И лошадь едва ли не шагом пошла.
«О, где твоя злоба?» — царь крикнул стреле,
И крикнул коню: «Где твой лёт по земле?
Напрасно вас, значит, по следу пустил,
Пред маленькой вы травоядной без сил!»
Царю «О марзбаи», — лук в ответ говорит:
«Не око ль твоё к ней участьем горит?
Оно — её панцирь, и кто же из нас
Стрелу в этот панцирь пустил бы сейчас?»
Высоким созданьям бывает ценна
В их бубне — ладонь музыканта одна.
Ищи, о разумный, высокий намёк,
Чтоб в свете высоком ты сам был высок.
В обете служить — человечное есть,
Служенье свершить — человечества честь.
Для всех ясновидцев — служения нет
Похвальнее, нежели клятвы обет.
За пояс той клятвы, о верности муж,
Схватись, — и её никогда не нарушь!
Змее, стражу клада, чужда нищета,
А вся — только пояс, с зубов до хвоста.
Увенчана неба глава оттого,
Что пояс служения — тело его.
И тот, у кого дарованье — всегда
Наденет у мастера пояс труда.
Свеча, нам из воска струящая свет,
Служенью пчеле повязала обет.
О, встань. Низами, ты не связан, спеши
Служения пояс надеть для души!

МАКАЛЭ ВОСЬМОЙ
О СОТВОРЕНИИ МИРА

Ещё до предшественников бытия,
Из моря щедрот не вкусивших питья,
Когда была мира ладонь пуста,
Дорога от пыли шагов чиста,
И медлил настать созиданья срок,
И кукол на сцену не вывел игрок,
Черёд дня и ночи был не закреплён,
Союз души с телом был не оживлён,

И части теснили друг друга в борьбе,
Ещё не призвав справедливость к себе, —
Сошла тогда милость, и помощь дала,
И каплю из моря щедрот пролила.
И тотчас от капли живительных вод
Лазурной рекою потек небосвод,
И поднял в движении — пыль бытия,
Из пыли — составилась сущность твоя.
И вот почему твой уход от земли —
Лишь облак, встающий в дорожной пыли,
О, как этот мир до тебя был блажен,
Когда ещё не был ты запёчатлён!
Не знали искания очи небес,
И в уши земли этот гомон не лез.
Пока не занёс сюда ногу свою,
Хвалу бытиё пело небытию,
И были тобой — не беременны дни,
Не множились, не охлаждались они,
Сад мира — тревог от колючек не знал,
Прах мира — как пыль, на пути не вставал.
И от Близнецов, чей в служении свет.
Был кровопусканью наложен запрет.
И месяцу, если, затмившись, он гас,
Позор не чинили ударами в таз.
И чести Зухрэ не свершился урон —
Харута крыло еще сковывал сон.
Не знало тогда мирозданье тебя,
Витала лишь мысль о созданьи тебя.
Но только «тугра» обновилась тобой —
Лазурный наполнился купол молвой.
И злым для звезды был очей твоих сглаз,
И звезд колыбель под тобой порвалась.
Дотоле свободные, месяц и год, —
С тобой получили свой счёт и черёд.
Лик мира был глади зеркальной ясней,
Но вздох твой лег пятнами порчи на ней.
На всход и заход ты разъял времена,
«Правдивый» и «лживый» им дав имена.
Да будет рот неба набитым землёй,
За то, что склонилось оно пред тобой!

Хоть сказано в небе — ты духом рождён,
Духовным ты лишь на словах наречён.
Венец твой велик, голова же мала,
Цепь — краше собаки, груз — лучше осла!
Хвастливо болтал в этом месте пустом,
Что мир тебе — праха дорожного ком,
Но душу отдашь за горсть пыли земной
И жизнь — за крупицу замазки стенной.
Вверху от тебя в огорченье пришли.
Уж лучше б ты кладом был в недрах земли!
Твой жир мозговой стал он ртутью, из тех,
Что холодны, как этот неба орех.
Смотри! Как орех, чтоб не сгинуть в норе,
Тот серый орех ты покинь поскорей!
День с ночью не бобр с горностаем, — они,
Как пёстрая ласка, дракону сродни.
Что ж кошкой пред лаской той гнётся спина?
В ней десять сердец, вероломна она!
У львиной засады течёт та вода,
К чему ж, как олень, ты стремишься туда?
Ведь если кивнёт на неё небосвод —
Обманно он указанье даёт.
В ней воду небес не надейся найти, —
Слюну свою соли тех вод предпочти!
Лишь разум спасение в жажды огне,
Он — как «табашир» в обгорелом гумне.
Твой Иосиф, в колодец пока не попал, —
Египет божественный он созерцал.
Хоть сын ты лазури, а жёлтый лицом,
Когда пребываешь в колодезе том.
На всю желтизну этой жёлчи твоей
И уксус твоих не влияет бровей!
Но жиру, чья давность — столетия срок,
Чем десятилетний бы уксус помог?
На крови отца — семь тех райских столов, —
А ты за них жертвовать честью готов.
Коль хочешь свой собственный дом подпалить
И счастье пинком от себя удалить, —
Играй, ведь игралища поле — твоё,
Приказывай, — место для воли — твоё.

На срок, что тебе эта чаша дана,
Ешь сладко, покойся, приятного сна!
Жестоко во вред твоему бытию,
Что слишком спустили верёвку твою!
Затем и согбен, и опущен в миру,
Что в собственном перекипаешь жиру:
Сейчас брошен хворостом в кухонный чад,
В день Судный - как пища, отправишься в ад.
Пусть хлеба с водой напихаешь в живот,
Был легким, — тяжеле стал на поворот.
Ведь если б года прибавляла еда,
Всех дольше бы жили обжоры тогда.
Жизнь тем и ценна, что она коротка,
За краткость — и ценность её велика.
Съел мало — и много покоя взамен,
Съел много — к болезням отправился в плен.
Ужели твой разум — для снеди базар,
Что к снеди влечёт тебя алчности жар?
Та алчность — лишь смуту рождает у нас,
И умный обманут был ею подчас.
Но разум дан алчному лишь потому,
Чтоб меру знать и соблюдать самому.
Боюсь ремесла, если ею дано, —
В цвет алчности может покрасить оно.
Ведь скверный и добрый, кем полон наш свет, —
Один у другого заимствуют цвет!

РАССКАЗ О БАКАЛЕЙЩИКЕ И ЛИСЕ

Один бакалейщик, что в Йемене жил,
Лисенка завёл, чтоб товар сторожил.
Глядит на дорогу лис ночью и днём,
Сидит — сторожит бакалейщика дом.
Вор всячески пробовал, — раз и другой,
Но лис был недаром хорошим слугой.
Устав от стараний, воришка прилёг,
Вздремнул, — и в дремоту лисёнка увлёк.
Лис видит, — зажмурясь, лежит этот волк,
И сам, потянувшись, в дремоте примолк.
А вор, как увидел, что сторожа нет,

Добычу схватил, — и простыл его след!
И всякий, кто ляжет поспать на пути,
Скажи голове или шапке «прости».
Вставай, Низами, пробудиться пора, —
Иль всё, что имеешь, уйдёт со двора!

МАКАЛЭ ДЕВЯТЫЙ
ОБ ОСТАВЛЕНИИ МИРСКИХ ДЕЛ

О ты, кто ценней, чем «сближения ночь»,
Быстрей, чем заря, уходящая прочь,
Ты долго ли будешь во мраке грустить?
Встань, стягу не лучше ль воздетому быть?
Цари, перед тем как выходят в поход,
Поклажу свою посылают вперёд.
По-царски своё выступленье устрой,
Богатством своё снаряженье — утрой.
Вперёд продовольствие щедро отмерь,
Что нужно на завтра, ты вышли теперь.
Поли улей пчелиный, — затем, что пчела
Мёд предусмотрительно в нём собрала.
И строятся смело в ряды муравьи,
Чтоб надолго сделать запасы свои.
И ты, коль не слеп в легкомыслье своём,
Не меньше, чем эти пчела с муравьем.
Чтоб блага мирские пошли тебе впрок,
В жару запасайся на холода срок.
Ведь здесь, кроме нас с тобой, — всякий иной —
Меняла каменьев, ничтожных ценой.
Никто здесь в последствия думой не вник,
Предвидит не больше, как только на миг.
Но мы перед небом ведь тем и сильны,
Что властью предвиденья одарены.
Нет в роде земном никого, кто бы мог,
Как мы, за грядущий проникнуть порог.
Хоть миг настоящий для сердца хорош, —
Желанней нам предусмотрительность всё ж.
Владеем мы знанием сердца людей,
Мы — ценные камни в бесценной руде.
О том, что наступит — доходит к нам весть,

И то, что случится, мы можем учесть.
Душой, погруженной в раздумье, прочёл
На прахе — абджад девяти высших школ.
Помеченный знаком — был ты, — и был я,
Садов этих зраком — был ты, — и был я.
В тот день, как просеяли прах твой, в него
Снадобье вмешали, целить естество.
Хоть с горестью смешан был прах твой, но он
Владеет и сердцем, где клад заключён.
Ты полную стоимость праха познай,
Ему благодарность за это воздай.
Взгляни на стоянку свою, — где пути
Явиться сюда и отсюда уйти?
Где довод разумный за этот приход?
И мудрость какую таит твой уход?
Когда ещё не был во имя твоё
Весь мир этот, данный тебе под жильё,
Ты ангельским счастьем Хумая владел,
Над высшею точкой пространства сидел,
На крыльях любви был повсюду носим,
Но вечный предел — вечно недостижим.
Устал ты и выбрал земли этой сень,
На гли1гу, на воды спустил свою тень,
Когда ж от земных заскучаешь теснот,
Вновь солнце потянешь с воздушных высот.
Хотя отрешишься от всех, но навряд
Остаться там надолго будешь ты рад.
Ведь всё твоё дело — в подвижности быть,
Ведь ты не продет на недвижную нить.
Ты нищий, но неисчерпаем твой дар,
Ты новый, но памятью прошлого стар.
Мир - мать, что свое убивает дитя,
Беги её, сердце к отцу обратя!
Смотри на отца, о душевно простой,
Пойми его правила, дело усвой.
Сидеть, поджидая покоя, нельзя,
В безделье уйдёт он, меж пальцев скользя.
Будь время всегда в подчиненьи земли,
Ушедшую жизнь мы вернуть бы могли.

Вкуси от печали и прочь уходи, —
Мы — глина, откуда быть счастью в груди?
Кому «веселись» тут сказал небосклон?
Не нам с тобой, в этом уж будь убеждён!
Лишь горе нести мы явились сюда,
Не речи вести мы явились сюда.
Весь мир этой купли-продажи, клянусь,
За истинный счесть ни за что не возьмусь!
Что пышет лицо твоё, словно вино?
Ведь вслед за приходом — уйти суждено.
Доколь, о доколь, как навязанный гнёт,
Сносить против воли приход и уход?
Сомненье не в том, что «не быть» — есть ничто?
Сомненье мне в том, что и быть — есть ничто.
Не мчись — ведь сюда ты был медлен в ходьбе,
Помедли — ведь поздно жизнь дали тебе!
Час близок, и клич «проходи» будет дан,
Нам выбьют на новом дирхэме чекан,
И новый к той глине приложится труд,
И всё, что разбросано, в кучу сберут.
И если не стыдно пред нынешним днём,
Хотя б перед новым проникся стыдом!
Вот те испытанья, что нам предстоят,
Вот, о терпеливый, тот ранящий яд.
Пройти ту пустыню лишь вере дано,
И средство спасенья — лишь в вере одной.
Путь труден, и ты соблюдай колею,
О жестокосердый, скрой слабость свою.
Старания зеркало крепко держи,
Лицо своё в зеркале этом кажи,
Ищи в исправленьи — спасенья себе, —
И не исходи из покорства судьбе.

РАССКАЗ О ПОДВИЖНИКЕ, НАРУШИВШЕМ ЗАРОК

Ходок по мечетям, забыв благодать,
Связался с трущобой и стал пропадать.
Он пил, и в вино его слёзы лились,
«О, бедный я», плакался: «мне не спастись!

Как птицу, я страсть в своё сердце привлёк,
Как будто зерно моих чёток — силок!
Каабу своим ощутил я врагом,
Трущобу я сделал родным очагом.
Плохим гороскопом, знать, был обречён,
С «Календера» улицей стал обручён,
Учтивость глаза отвела от меня,
Трущоба в упадок пришла от меня.
Да вырвусь из этой теснины мирской,
Да пыль отряхну я своею полой,
Знать, это судьба, что сошлись я и Лят,
Молитвы мечеть и трущобы разврат».
Но помысл высокий ту речь услыхал,
И юноша из-за завесы сказал:
«Поступки твои и судьба — не одно,
Сто тысяч, как ты, у судьбы — за зерно!
У двери прощения грех свой сложи,
А после уж этот рассказ изложи.
Покаешься сам — и прощенье дадут,
Л нет — за тобой, как за пленным, придут.
Что мир? Поедание хлеба одно.
Тростник, полный сахара, — небо одно.
Гони этот сон, чтоб в него не упасть,
Для небытия сохрани-ка хоть часть!
Что толку лить слёзы кровавым ручьём,
Спать в жизни, как в смерти, бессилия сном!
Увидела вера тебя в этом сне, —
Завесу взяла и укрылась за ней».
О, встань, Низами, дух возносится прочь —
Кто скованным держит тебя в эту ночь?

МАКАЛЭ ДЕСЯТЫЙ
ОБ УКАЗАНИИ КОНЦА МИРА

Потише, о небо, вдоль этих орбит!
Земля, о, спокойней от этих обид!
За каждым закатом — полудня черёд,
За точкой поднятия - спуск настаёт!
Везде на земле породили тоску Слова:
«Быть событью в тот час велику».

В безумьи земля перед этим концом
Трёт цепь небосвода кольцо за кольцом.
Вихрь тело земли изломал на куски,
Безумная — цепь разрывает в клочки.
С кем билась она об заклад в похвальбе,
Что неба кушак разорвёт на себе?
Вот утро — без амбры, закат — без румян,
Земля — без мяча и без неба — човган,
Земля замахнулась до горних высот, —
Засаду ей строит в ответ небосвод.
Но силой событья, возвещённой нам —
Разверзлись и та, и другой — пополам.
Старик-небосвод разрывает хыркэ,
Нить рвётся, рассыпав шары на песке,
Свод неба сошёл в одиночестве вниз,
Земля, завертевшись, уносится ввысь.
Их мысли свободны от были людской,
Очистился путь их от пыли людской.
Расставшись с тобой, небеса отдохнут,
Земле без твоих безопаснее пут, —
И звёзды, и свод — в устыженье пришли,
Что чтили какую-то горстку земли!
Змеёю замкнулось кольцо бытия, —
Ведь ест при конце своём землю змея!
О, печень земли вся в крови через вас, —
Никто здесь её не давил — кроме вас.
Земля почему в этом «хуме» сидит?
К чему его синий, в знак траура, вид?
О, если без сил вы пред той синевой,
Из «хума» не вырвать вам шарик земной, —
Отмойте хоть дым голубой от полы,
Взяв в помощь семь вод, семь пригоршней золы.
Сорвите с небес это рубище звёзд,
Чертой разрушенья пройдитесь окрест,
Над прахом, — с вертящихся неба высот,
Событие некое произойдёт.
Ведь делу земному - и знак, и пример
Всё то, что вершится в движении сфер.
Ударь, и, разбившись, скакнёт голова,

Так ныне земля содрогнулась, мертва.
В той ракушке чёрной, — враждебной для нас, —
Дух полн крокодилов, хоть перлами — глаз.
Но это не перл, что моря нам несут,
Не камушек знанье дарующих руд,
Из тех он, что людям мозги леденят,
И взор, как змее ядовитой, слепят.
Утратил он взгляда сияющий свет,
Глаз — тысяча, зренья ж совсем у них нет.
Путь смерти тобой осужден оттого,
Что взглядом других ты увидел его.
Дай боль головную ногам испытать, —
Нельзя же чужими ногами шагать!
Ты силой и золотом в высь залетел, —
Но и Бахрам Гуру могила — удел.
Как дверь от квартала того запереть,
Куда из-под крыши той голову деть?
Ты сходен с больными, чей заперли дом.
Лишь недуга вдруг наступил перелом.
О, долго ль нам помнить о небе рассказ, —
Земля лишь — над нами, и ветер лишь — в нас.
К чему огорчаешься Млечным путём?
Вора ли соломы измеришь зерном?
Порви колеса водяного покров,
Уйди из-под циркуля тесных кругов.
Тончайшая нить помышлений людских
Пристыжена этою тонкостью их.
Взгляни на бессилье мечты перед ней
И по волоску этот волос развей.
Но кончика кончик не трогай, дробя,
Иль вынут, как волос из теста, тебя.
Хоть в лучшей закваске и всходы пышней,
Осесть на земле с ней бывает трудней.
Нет верности в глиняном этом холме,
Что пользы — держать его вечно в уме.
Нам шапка — не служит ли вешать поклон,
И пояс — не сотней ли рабств осквернён?
В таланте — укоры для целых держав,
Л в сахаре — прячется горечь отрав.

В огне кухни мира, в том пламени дня
Всех искр половина — из ада огня.
А месяц, чье тело — небесный ночник,
Как нищий, жить милостью солнца привык.
А облако — вянущих жизненный сок,
Оно в то же время и флегмы кусок.
Вода — нам покой утоленья сулит;
Но знает корабль, что за бес в ней сидит.
В дом, полный изъянов, весь мир обращен,
Что, кроме худых в нем ты видишь сторон?
Глаза отвернув от изъянов своих,
Как зеркало, встал пред изъяном других.
Но помни, — чужих отражая урон,
От вздоха их сам замутишься, как он.
Иль вышвырни доблесть свою, иль разбей
То зеркало перед изъяном людей.
К чему на чужих недочёты глядеть,
Взгляни на себя и в себе их заметь.
Во всякой есть вещи добро и порок,
Будь слеп на порок, чтобы добрым быть смог.
Светильника разве в ночи не найти?
И разве у дня — лишь ворона в чести?
Завидя павлина блестящую стать,
Прилично ли ноги его порицать?
У той же вороны, чей чёрен наряд,
Глаз бел, — и на нём останавливай взгляд.

РАССКАЗ ОБ ИИСУСЕ

Шел как-то Иисус по дорогам земли,
И мимо майдана пути его шли.
Глядит — труп собаки лежит тяжело.
Давно уж дыханье из тела ушло.
У трупа — зевак любопытных не счесть,
Слетелись, как коршуны, падаль поесть.
Один говорит: «Отвратительный вид,
Как ветер свечу — мне мозги леденит!»
Другой: «Да, останки куда хороши —
Глазам слепота и печаль для души!»
И каждый им в тон свой напев затянул,

И мёртвую каждый собаку лягнул.
Когда ж до Иисуса доходит черёд,
Он лучшее в трупе собаки берёт.
И молвил с душевной своей глубиной:
«Что жемчуг — пред этих зубов белизной!
Хулящих пронзили надежда и страх, —
Оправдан, как в вспыхнувший ракушке, прах.
Свою доброту, их злоречья родник
Забывши, глаза опусти в воротник!
В тот день, как ты зеркало в руки возьмёшь,
Чем быть себялюбцем, вонзи в себя нож.
Собой не красуйся подобно весне —
Ведь время не очень^го медлит и с ней!
Одежда порока на теле тонка —
Шьёт девять завес тебе неба рука.
И что в этом узком как перстень кольце,
Чего ты в своём не нашёл бы венце?
Не Пёс ты, ошейник Плеяд надевать,
Не Ослик, чтоб вьюки Иисуса таскать.
Вдова престарелая — наш небосвод,
И мир — это порчею тронутый плод!
Вселенная — с прошлых до будущих лет
Проходит, — в ней зёрнышка ценности нет!
Ходжа, эй, вставай, эту чашу отринь!
А вкусишь — так часть Низами — опрокинь!

МАКАЛЭ ОДИННАДЦАТЫЙ
О НЕВЕРНОСТИ МИРА

Вставай и ковёр небосвода сложи.
Жизнь — в нарды игра. Что в ней есть, кроме лжи?
Напрасно у неба ты помощи ждёшь,
В бросанье ль костей — справедливость найдёшь?
Кто на море может ногами стоять,
Кто может на волнах поклажу вязать?
«Летим», молвил сокол, «в просторы полей!»
А утка: «Путь добрый! Мне дома милей!»
О ты, чьё жильё — этот горя корабль,
Пойдешь ты ко дну, груза благ своих — раб!
Отбрось этот груз, он — мученья исток,

Он хлеба не даст, хоть воде и обрёк.
Не клад безопасности скрыл этот прах, —
Не верности мозг в этих мира костях.
Ни в чем твоих просьб не исполнят они,
От дружбы их — ногу свою оттяни!
Взгляни, ведь под этою сенью шатра —
Сосуд осквернённый, пустая **суфра**.
Кто это увидел, тем рот он зашил,
Кто правду сказал, тем язык опалил.
Корзины пустые, — а бой в барабан!
Ни капли в сосуде, а мух — караван.
Кто пищи той взял себе пальца концом,
Свой мозг сделал — этого пальца кольцом.
К чему мне быть пленником этой страны,
Где смутная мысль, беспокойные сны.
О, в небытиё от неё удались!
С разрушенной этой деревней простись.
Пусть дым забирает покинутый дом,
Цена ему — как от продажи на слом.
Что тянешься к миру, как будто его
Ты сам же из чрева родил своего!
Чертой обведись и живи, не скорбя,
От круговращенья избавя себя.
И станут и путь, и стоянка длинней,
Еду припаси для него и для ней!
Мир — это наполненный дэвами ад,
В нем жажда и жар, умерщвляя, томят,
Он влагой из печени — жажду толит,
Источником солнца — убитых солит.
Для неблагодарных — его солончак
Вино; а кебаб им — недоброго знак.
Безводный, он соль голубую разлил;
Жёлчь сердца он ужасом — в кровь превратил.
И кровоточит оно, видя тот путь,
Ведь с сердцем достойным — на нём не шагнуть.
В пустыне той дэв обитает в песке, —
В ней тесно душе, но широко — тоске.
Тому, кто в пустыне приладился жить,
Как жёлчь, надо вытечь; как печень, остыть.

Ту глину, что адом замешана, сдай
Ты аду назад и возьми себе рай.
Пока этот пылью рассыплется прах,
Истоптан ты временем будешь в веках.
Так было со всеми, так будет с тобой.
Рукой возьмёт время — и бросит рукой.
Раз мы возвращаемся в прах, почему
Во времени нам проходить по нему?
Ногой не топчи никого, как ковёр, —
Подобных тебе мир немало растёр.
Никто из ушедших — души не унёс,
Письмо дописать — никому не пришлось.
Об эти колючки ты ног не коли,
Вставай и беги от колючек земли.
То место дано нам, как временный дом, —
В нем ужас1 Так что же ты делаешь в нём?
Мир краток — за вечность его не сочти!
Не осени ветру — весну нам нести!

РАССКАЗ О ПРОЗОРЛИВОМ МОБЕДЕ

Какой-то индийский мобед, говорят,
Весною забрел в расцветающий сад.
Нарядный там двор постоялый стоял, —
Поддельной он роскошью так и сиял.
Как небо, в крови опоясавши стан,
Бездумно там рос однодневный тюльпан,
Цветами всех видов лужайка полна,
Там вьюки подсахаренного вина,
Там много шипами уколотых роз,
Дрожащих за жизнь свою ивовых лоз,
Фиалок, чьи локоны им же петля,
Нарциссов, струящих дирхемы в поля.
Тюльпан, полный перлов, роса бирюзы, —
Мгновенье им, словно движенью слёзы.
Живут они миг, и не больше того,
Предвидящих следствие — там никого.
Минует он сад, где всё пело, цветя, —
И вновь его видит лишь много спустя.
Но где они, розы и свист соловья?

Над ним — стоны коршунов, крик воронья.
Как будто на рай — адский пламень сошёл,
А кесарь тех мест — в синагогу ушёл.
Растенья достались — печам на еду,
От роз — лишь вязанки колючек в саду.
И старец, тот сад, осмотревши пустой,
Над ним — посмеялся, всплакнул над собой.
Сказал: «Что рождается — обречено.
Судьба его — непостоянство одно.
Кто шею из праха сюда протянул,
Петлей разрушенья её затянул.
И если нам лучше убежища нет, —
Пойду-ка и я разрушенью вослед!»
Он, помощью свыше свой взгляд обостря, —
Познал и себя, и вселенной царя.
Жемчужину тайны той взвесил — и к ней
Пошёл он обратно — по лестнице дней.
О ты, что зовёшь «мусульманин» себя!
Родник — а ни капли воды у тебя!
Слабее не будь, чем индусский мобед,
Покинь этот свет, да обрушится свет!
Доколь тебе здесь сумасбродство чинить,
Надменности шапку и пояс носить?
Встань, с пояса праха ладони сорви,
Его — на твоей повязали крови.
Те пояс и шапка — бедою грозят,
Отдай эти пояс и шапку назад.
Та шапка — над прахом господство даёт,
Тот пояс — нас в рабство пред сердцем берёт.
Равно и господство, и рабство сломи,
И как Низами — выйди из Низами!

МАКАЛЭ ДВЕНАДЦАТЫЙ
О ПРОЩАНИИ СО СТОЯНКОЙ ПРАХА

Опомнись — приходят к концу твои дни.
С полы своей этот силок отряхни!
Получше, чем здесь, государство устрой,
Приятней, чем здешние, двери открой.
Очами и сердцем отправившись в путь,

Взять слёзы, дар жизни, с собой не забудь,
Чтоб капли той влаги на глине земли
Для сердца ростками прощенья взошли.
Пляши, как верблюд, приготовясь к ходьбе.
А нет, — так слонам не бросай ты «даба».
Нет на волос близкого друга — и вот
Исхода нет, кроме как смерти исход.
Любимый твой друг и другой, острослов, —
Ушли они — с кем разделить тебе кров?
Природа хотя остроумия мать —
Содружество как в одиночку создать?
Уж лучше ищи в воздержанье своём
Прозрачный на мрачной земле водоём.
Пока не случилось заминки в пути,
Уж лучше прибытки свои отрясти.
Оставь их, они тяжелят тебе ход,
Порожний — скорее к стоянке дойдёт,
Коль сердце ты ищешь — взойди к небесам.
Пока на земле ты, — что можешь ты сам?
Привязанный к этому месту силков,
Приманки не клюй, чтоб спастись от оков.
Ведь мира кольцо, что сомкнулось, как «мим»,
Безвыходно, коль не разделаться с ним.
Мишенью для звёздных ударов служа,
Не стой, где лежит того круга межа,
Черту дня и ночи сумей превзойти,
Из черт того круга — наружу пройти.
Пока не найдёшь прочных мест для ступни,
Смотри, — устремясь, в пустоту не шагни.
Куда б ни вошёл ты, - вошедши едва -
Лазейку обратную вырой сперва.
Условье — с дороги глаза не спускать,
Чтоб в яме ногой на пути не застрять.
Вода подымается в доме!
Пролом Устрой в нём, чтоб вовремя кинуть свой дом.
Недаром, дыханье почуявши пса,
Нору в две лазейки прорыла лиса.
Забыла о том, что ей путь преградит
Тот купол, где смерть всем лисицам сидит!

О чём ликованье возносишь трубой?
С собой ты беспечен, беспечен с собой!
Таков был завет, чтоб в теснину земли
Стеснёнными мы и пришли, и ушли.
Божественный если нарушу завет, —
Зачем же возьму себе в душу завет?
Иди по дороге, что сердцем узрел,
Брось мир этот, ты на мирское — прозрел.
Вниз сверху посмотришь — почувствуешь дрожь.
Оглянешься — тени бояться начнешь.
Путь гол — забери с собой веры запас,
Безводен — снабди себя влагою глаз.
Жемчужину — раковине возврати.
Сам освободись и прах освободи.
Ведь небо убило немало людей,
Как ты, да и дланью тебя посильней.
Из этой враждебности — вещь сотвори,
И небом о землю ударь раза три.
Не так уж талантом оно велико —
Ведь мыслить под солнца мечом нелегко!
Змеёй не зови его, это лишь вервь,
Пред силой любви твоей — червь оно, червь!
К чему нам по склянке небесной грустить,
Раз вздохом одним её можно разбить?
Кто щедростью — алчности пламя залил,
Тот недруга сахаром сладким убил.
О мудрый, — врага, коль возможно тебе,
Цветком, как день тьму убивает, убей.

РАССКАЗ О ДВУХ МУДРЕЦАХ-СПОРЩИКАХ

В жилище одном жили два мудреца,
И спор отчужденье вселил в их сердца.
«Моё» там царило, с «твоим» не сживясь,
Двойное с единым утратило связь.
Нет правды двоякой, а есть лишь одна!
Из двух голов чья-то быть снятой должна.
Ведь в ножны одни двум мечам не пролезть.
Главой на пиру — двум Джемшидам не сесть.
И каждый из них, себялгобьем влеком,

Владеть этим домом хотел целиком.
И каждый тянул в слепоте за своё,
Чтоб лишь победитель украсил жильё,
Вот как-то, проспоривши ночь напролёт,
Дать спору решили такой оборот:
Забыв несогласье, шербету сварить
И каждому — чашу другого испить,
Чтоб вызнать, чья крепче пред ядом душа,
Чей яд смертоносней изводит, круша;
Две мысли в единое знание слить,
Два сердца — в одну оболочку вселить.
Тут первый мудрец, изготовивши яд,
Чьим мог бы зловоньем быть камень разъят,
Напиток подносит: «Попробуй вино, —
Не яд оно, — слаще, чем сахар, оно!»
Сосед его, дар смертоносный узрев, —
В честь сахара — выпил отраву, как лев,
И внутренним противоядием — вмиг
Он действию яда — преграду воздвиг.
Сгорел мотыльком — и, как прежде, крылат.
Свечой поспешил на собранье назад,
Дорогою — розу срывает в саду,
Заклятье прочёл и на розу подул,
И подал врагу ради взгляда его
Ту розу, что действенней яда его.
И страхом пред этим цветком обуян,
Противник — от розы упал бездьосан.
Так, мужество — яда исторгнуло шип,
А схваченный страхом — от розы погиб.
Все самые яркие розы земли
Не кровью ль из сердца людей истекли?
Сад времени, где как цветение — ты,
Дом скорби он, чьё отражение — ты.
Сломай этот прахом построенный дом,
Тем прахом небесный засыпь водоём.
От этих видений пустых оторвись,
Взлети над земною трущобою ввысь,
На солнце и месяц не жертвуй ума.
Пусть месяц и солнце окутает тьма,
Ведь месяц, что золотом в небе блестит,

Он — гуль, Авраама сводящий с пути.
Не утро ли печень зажгло тебе, друг,
Из духа — вернувши в телесного круг?
Лишь сердцем, когда лучезарно оно,
В день духа нам выйти из тела дано.
Лей слёзы, да влагой отмоют они
Скрижаль, где земные отмечены дни.
Не ради ль того, чтоб спасенье обрёл,
Весам воскресенья стал груз твой тяжёл?
Рукой, укрепленною верою, — сам
Придай равновесие этим весам!
Никто из свободы и силы сынов,
О вере скорбя, не жалел этот кров.
А ты, домогатель земного, возьми
Земное, а веру отдай Низами.

МАКАЛЭ ТРИНАДЦАТЫЙ
О ПОРИЦАНИИ МИРА

Мир тесен и стар. И таится обман
Под мнимою свежестью этих румян!
Старик, молодясь, раскрывает ладонь
С цветущею розой, но это — огонь.
Его основанье — мираж: отвернись!
Кыбла его — крест, перед ним не клонись!
От всех его роз — и шипа ты не взял,
Считать, что они существуют — нельзя.
Когда ты от этих откажешься роз, —
Из дома ты вынесешь то, что принёс!
Поверь в воскресенье из мёртвых, — на суд —
Твой дух без подмоги лекарств унесут!
Копить капитал или бросить в игру —
Что нужды? Равно ведь его отберут!
Продажа и купля — вот мира оплот,
Одно отдаёт он, другое берёт.
Хоть есть в нём червяк, порождающий шёлк,
Но есть в нём и червь, поедающий шёлк.
Свечой сделай этот джафаров металл, —
Чтоб сам, как свеча, себе пищею стал.
Разбей это здание в девять дверей.
Отбрось этот шестиконечник скорей.

На голову золота стань же ногой,
Чтоб золота не был сочтен ты слугой,
Лишь цель придает ему ценности знак,
Без цели — что золото, то и мышьяк.
Раз золото ценишь за видимый блеск, —
Так перьев павлиньих — радужнее плеск!
Железом лишь — золото можно добыть,
Царям — кузнецами приходится быть.
Карун себе — пачку из злата отлил,
И груз тот в колодце его утопил,
Кто злато вознёс над своей головой,
Тем — груз оно; бросившим — конь верховой.
Им жертвовать — вечно задача его.
Не брать его — лучше отдачи его!
Берущему — алчность удвоить легко,
Отдавший — себе обеспечит покой.
Взять золото и раздарить его всем —
Не лучше, чем не прикоснуться совсем.
Как масло на жёлчь — накопленье богатств,
Как фрукты на жёлчь — истребленье богатств,
Знай — золоту, что породил нам Восток,
Неверно на Западе видеть исток!
Та щедрость — народам Востока сродни, —
На Западе — щедрость не любят они.
Что «утра восточник», как дар, поднесёт,
То «занадник вечера» в долг заберёт.
Пусть золото — шах, чей престол — рудники,
У птицы — ведь крыло на месте руки!
Пусть камень дамасский, что пробу даёт,
Даст румскому золоту вес и расчёт,
Пусть блещет, сверканья и звона полно, —
Посыпь его прахом, обманщик оно!
Где им не обобранных в мире найти?
И где — этим гулем не сбитый с пути!

РАССКАЗ О ХОДЖЕ И СУФИИ

Замыслив святым поклониться местам,
Ходжа, по обычаю, деньги достал,
Чем нужно, сполна обеспечил он цель,

И видит — ещё остается кошель.
«Ну, — думает, — суфий — святой человек,
Вдали от греха доживает он век.
Ему поручу, чтоб кошель уберёг,
Искать у кого мне надежней порог?»
И суфия в дом свой тайком пригласил,
Кошель ему, полный динаров, вручил.
И просит: «Ты в тайне его сохрани,
Когда ж возвращусь, мне обратно верни».
В пустыню стопы направляет ходжа,
А суфий — глядит на динары, дрожа.
Аллах, сколько времени, — о, пощади, —
Пристрастье к богатству таил он в груди!
Шепнул про себя: «Украшенье жилья!
Мечта моих дней, наконец ты моя!
Скорей же! Никто не помехою мне
В добре, что поручено — наедине».
Он узел на том кошельке разорвал,
Безудержу много ночей пировал.
Всё золото, что получил от ходжи,
Во чрево, обросшее жиром, вложил.
Так жил он, динаром в ладони звеня,
Кудрями красавцев зуннар заменя.
Пока не повисла в отрепьях хыркэ,
И сам не остался в стыде и тоске.
Дичь так обглодал, что тавра не видать,
И жира в светильню с неё не набрать!
Меж тем, из Каабы дорогу держа,
Как тюрк пред индийцем, явился ходжа.
«А ну-ка, — сказал, — возврати мне, о шейх!»
«Чего тебе надо?» — «С деньгами кошель».
«Эх, — суфий в ответ, — убери свою длань!
Кто с нищего города требует дань?
Динары истрачены, в воздух ушли,
От них до меня — как от звёзд до земли!
Кто станет на тюрков набег затевать?
Индийцу чужое добро поручать?
Столб чести моей твой динар подкопал,
Разбил на куски меня, с пылью сметал».
И душу на милость, как дом на разбой
Раскрыв, — он с рыданьем упал пред ходжой.
«Прости! Стал раскаяньем раненным я,

Неверным был — стал мусульманином я!
Ущерб человеку сродни, как луне,
Ущерб причинил я, и грех мой — на мне!»
Смирил свою злобу ходжа, сколько мог:
«Встань, шейху не должно валяться у ног!»
И вспомнил Аллаха и сердцем остыл,
И мысленно шейху кошель подарил.
Сказал, как советчик, себе самому:
«Он гол, ну а что с голыша я возьму?
Ячменного нет у бедняги зерна,
Залог у него — только вера одна.
И если б искал, всё добро перерыв, —
В пожитках его только «мим» да «алиф».
Ответил ему: «Коль прощения ждёшь,
На прежний запрет дозволения ждёшь,
Умей, лицемер, уничтожить в себе
Святошу, живущего в тайной алчбе».
Никто на земле от алчбы не спасён,
Над прахом — никто из нас не вознесён,
Но брошу ли веру, которой горю, —
Браслет богдыхана — простому псарю!
А кто отдает её, — пеня с того,
Банкрот он и нет капитала его.
Стоянка изъянов — наш мир.
Запасись Талантом и верой — и в глушь удались.
Знай, небо не трогает нищих, как ты, —
Вельмож каравану грозит с высоты.
Грабитель — начальником жизни пути,
Здесь бедному легче, чем знатным пройти
Всего насмотревшись, я в жизни прочёл,
Что сладость — причина несчастия пчёл.
А львиное мясо горчит, — оттого
И хищный, и кроткий — обходят его.
Свеча оседает, стремясь к высоте,
Луну ущербляет любовь к полноте.
И ветер, по волчьи с землею дружа,
Лишь тем, что он легок, — обвала бежал.
А знает ли утка, трудясь над волной, -
Что бедствие рыбы — в чешуйке цветной?
И золото, — меру твоей нищеты,
Молитв «фатихою» не сделал ли ты?
Коль хочешь стать чистым от всякого зла, —
Ты, как Низами, — проиграйся дотла!

МАКАЛЭ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ
О ПОРИЦАНИИ БЕСПЕЧНОСТИ
О ты, равнодушный к своей же судьбе,
Подобный ослу иль быку на пастьбе,
До глуби, где солнцевращения свет,
До круга лазурного — дел тебе нет.
Тем делом, мол, знающий ведает пусть.
Невежде — о мире какая же грусть?
Вставай, потрудись, позабывши про сон,
Над делом, которому ты посвящен!
Забвенно уснул, а засада вокруг.
Не так поступили бы мудрые, друг!
Глаза подними и предвидеть сумей
Беду и своё слабосилье пред ней.
Твой разум забывчивым стал стариком,
Пока тебя вспомнит — сам вспомни о нём.
Не будь у тебя благородства ума,
Забыла б тебя даже память сама.
За разум Мессию схватись же рукой.
Ослом не тони в этой грязи мирской.
Пойдёшь путём разума — свет обретёшь,
А нет — так чего ж у дверей его ждёшь?
Не дай пьянить разум — опору свою.
Кидают ли сокола в корм воробью?
Вино разливает и пьёт целый свет —
Но разум кладёт на него свой запрет.
Что значит вино, чтоб в нём честь утопить?
Лишь разум за честь я считаю испить.
Хоть горести мира уносит вино —
Не пей: ведь и разум уносит оно.
Вино — это с печенью соль пополам —
На печень того, кто не солон был сам.
Сознаньем своим дорожа, ты не пей,

Наш ум от вкушенья той влаги — тупей.
Упившемуся — и сознание невмочь,
«Калямом» неведенья вычеркнут прочь.
Мечтаньям никчёмным — ты очи смежи,
К трущобам бредущие ноги свяжи.
О гордый своей прямизною алиф!
Страсть, ставшая другом твоим, — это див.
Алиф ты — так без оперенья держись,
А нет, — буква «би» ты, поникшая вниз.
Алиф украшеньем собраний слывёт.
К нему никакой не пристал недочёт.
Колючка одна в самомненьи торчит,
А розы округлость — вот скромности вид.
Ведь ты не дитя, чтоб игру заводить,
Не жизнь, чтоб надеяться длительно жить.
День жизни склонён, солнца юности нет,
Сгущается тень, сокращается свет.
Я слышал, что тень к скончанию дня
Ложится, вдвойне свой размер удлиня.
Садам почитание тени сродни, —
А ты, как свеча, эту тень отгони!
Когда б свою тень оторвать тебе смочь,
Ты свой недостаток отрезал бы прочь.
В тени посидеть — никому ведь не лень,
Сидящему жизни источником тень.
Стоишь вверх ногами и вниз головой —
Так ум перевёрнут в суждении твой.
Дают тебе солнечный таз на заре,
Чтоб сам от себя ты отмылся скорей.
Как станешь одежду свою полоскать,
У солнца воды поспеши поискать.
Стирая, диск солнца, как мыло, пятним,
Такую мы грязь на одежде храним.
От пламени, что в тебе жизнь разожгла,
Все влажное печень твоя отдала.
От корысти ты не свободен — ну что ж,
И золото ведь не червонное сплошь!
Была б без греха наша жизнь на земле —
Чем ад свое пламя кормил бы в золе?
Огнём, а не влажной прохладой чиста
Кольчуга людская — души прямота.
От кривды ты в скудость и убыль впадёшь,
А в правде — свободу от горя найдёшь.

Найди, как весы, себе правильный взвес,
Чтоб в честной душе недовесок исчез.
И помни, — крупицу рука утаит,
И меньшей по весу её заменит, —
Крупица свое сохранит бытиё, —
В день Судный представят по списку её.
Сокрытое встанет, как в свете костра:
Даянья зерно и взыманья гора!
Смотри же, весов язычка не качай,
Иль меньше бери и побольше давай.
Шипами увенчана роз кривизна,
Но сахар несёт тростника прямизна.
Где знамя правдивости поднято в ночь,
Там руки Аллаха сложились помочь.

РАССКАЗ О ЦАРЕ-ПРИТЕСНИТЕЛЕ И ПРАВДИВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Жил некий правитель, поправший закон.
В искусстве придирок — Хаджаджем был он.
О тайнах, которыми ночь тяжела,
На крыльях заря ему шепот песла.
И какого приходит к царю клеветник,
Кто в тайны людские без спросу проник,
Из тех, что должают ночной темноте,
А утром свой долг отдают клевете.
«Такой-то тут старец, — царю он донёс, —
Сказал — ты убийца, ты дэв-кровосос!»
И вспыхнула ярость в царе, горяча.
Вскричал он: «Тотчас же позвать палача!»
Вот казни ковёр посыпают песком,
Сам дэв устрашится при гневе таком!
А к старцу спешит горожанин один:
«Шах казнь для твоих замышляет седин!»
И старец омылся, и саван берёт,
И к шаху с бесстрашною речью идёт.
А шах в нетерпенье ладони потёр,
К ногам опускает прищуренный взор:
«Ты, слышал я, дэвом меня называл,
Твердил, что бессмысленно я убивал?
Ты с царством моим справедливым знаком,
Чего же порочишь меня языком?»
И старец ответил царю: «Я не спал.
И больше, чем эти слова, я сказал.

Пред старым и малым, не зная стыда,
Ты грабишь деревни, сосешь города.
Я только пороки твои подсчитал,
В дурном и благом тебе зеркалом стал.
Ты в нём отразился таким, каков есть, —
Разбить это зеркало — малая честь;
Правдив я, пойми правоту моих слов!
А хочешь казнить меня — к смерти готов».
Бесстрашным признанием речь старика
Царя потрясла, правотой велика.
Он вскинул глаза, устремил их вперед
И в правде — неправду свою узнаёт.
Сказал он: «Тотчас с него саван совлечь!
В почетное платье и в амбру облечь!»
И стал, беззаконья оставя пути,
В заботе о людях законность блюсти.
Правдивое слово в стране поощрил,
За правду — ущерба нигде не чинил.
Вот так побеждает правдивость в делах,
Ты дашь правоту, а победу — Аллах.
Правдивая речь да пребудет крепка!
Ах, горько нам, горько, — ведь правда - горька!
Но тем, кто правдивость в беседу вложил,
Пособником речи сам бог послужил.
Правдиво твоё, Низами, естество, —
И правдой увенчано дело его!

МАКАЛЭ ПЯТНАДЦАТЫЙ
О ПОРИЦАНИИ ЗАВИСТНИКОВ

За неба завесой ловкач лобэтбаз.
Игру за игрою сменяет для нас.
Ковёр и ладоши там ждут плясунов,
Зовут водолазов моря жемчугов.

Дирхамов сверкания, блески мечей -
Там сыплются щедрой рукой для очей.
Хотя б Гавриилом задумал ты стать, —
И это судьба не поскупится дать.
И сколько б оттуда ни взял, ни унёс —
Быстрей, чем расход, их прибыток возрос!
Шагнёшь — и на поступь свою погляди,
В дверь стукнешь кольцом — откровения жди.
Там камнем глядит философским трава,
Обманешься — чья тут виной голова?
Поэты сломали в бессильи «калям»,
Не в силах постичь сокровенного храм,
Певец за певцом в том саду бытия, —
И каждый — прекрасней, чем ты или я.
Нить сердца жемчужин, надетых на ней —
Сама — ожерелье, жемчужин ценней.
Идут там актеры, один за другим,
И новый — смышлённей прошедших пред ним,
Мой разум — познанию честь воздаёт.
Он новое — старым мерилом не бьёт!
Я слышал — и камень, дав сроку истечь, —
Стал яхонтом... Да не про всех эта речь!
Завистник чем старше, тем злее глядит, —
Он криком, как горное эхо, набит.
И пусть он отведал твоё молоко —
Его, словно яд, ему снесть не легко.
Завидует юноше старый подчас.
Где в старцах сочувствие к юным у нас?
Отраду нес синяя роза даёт,
Шип старый — ранения слезы даёт.
Незрел виноград — глазу «тутия» он,
Из старого змея — выходит дракон.
Мысль свежая черепа ищет жильё,
Но в старости мозг не приемлет её.
Кто книгу о звёздах взял в руки не зря,
Стал знающей старого календаря.
От старого пса, что прожорлив, как волк.
Газельей охоте вред больше, чем толк.
И если о волке тревожно сужу,

О друг, — я из Иосифа чувств исхожу.
Старик от бессилья ударит слегка,
Но пылкая юность — в ответе крепка,
Хоть вся наша молодость знаньем полна,
Но разве сама — не безумье она?
Враги мои, с белой, как лунь, головой
Черны, как индийцы, под той белизной.
Рассыпав, как роза, жемчужную нить,
Хоть молод, могу я за старца прослыть.
За старое держится лишь себялюб,
Он помощь Аллаха признал за вражду б.
Тот узенький месяц — сегодня дитя, —
Он завтра — луна, полноту обретя.
Как пальма достигнет своей высоты, —
За фиником руку вытягивай ты!
И семя, проросшее в лоне земном,
Зови уже колосом, а не зерном.
Рекой от притоков возросший ручей
Иными глазами увидеть сумей.
Как ночь повязалась от утренних стрел —
По-новому день на неё посмотрел.
Враг мудрый, к душе придираясь твоей,
Полезней невежества лучших друзей.
Не в том ведь, откуда тростник произрос,
А в том, где искать его сахар — вопрос.
Таланты, а не самохвалов цени,
Ищи их, куда б ни сокрылись они.
Хоть раковина и водою полна,
Для жемчуга — надобна капля одна.
Немало душе покрутиться в кольце,
Чтоб лучший алмаз заприметить в венце.
То знамя, что новое слово несёт, -
Его без охраны не двинешь вперёд!
Пока этот мир остаётся таков,
Не сброшен поэзии звёздный покров, -
Не будь «мухтасибом» созданья, не то
Как дьявол, ты плетью получишь за то.
Кто в деле признанья - не внял небесам,
У врат непризнанья останется сам.

РАССКАЗ О МОЛОДОМ ЦАРЕВИЧЕ И СТАРЫХ ВРАГАХ

Я слышал о **Мерве** далёком рассказ:
Там юный был шах, утешение глаз.
Измучен князьями своих областей,
Державу он видел в смятеньи страстей.
Его новизне - устаревший закон
Грозил возмущеньем, подкапывал трон.
Вот какого, с тревогой о смуте в стране.
Царевич заснул и услышал во сне:
«Эй, ты, полумесяц! Скоси сухостой!
Что возишься с веткой засохшею той!
Иначе — спокойствия не утвердить,
Веселья не знать и закону не быть».
Царевич прислушался к вещему сну,
От старых сатрапов очистил страну.
Все старое выбросил, новое ввёл.
День новый над новой державой взошёл.
Бич царства — пусть шею бичует свою,
Забывший присягу — не нужен в строю!
Лес новый не вырастет, если не срыть
Пни старые, ставшие поросль глушить.
Сперва укрепи этот берег реки,
Потом уже дуб в нём раскроет ростки.
Когда б для воды не прорыл ты русла,
Из недр подземелья она б не пошла.
Внутри тебя лучший советник сидит,
И, в ухо твой разум тебе говорит.
На миг вырви меч тот из ножен — к чему
Держать его в ножнах, противясь ему?
Нездешнего мира дыханье его,
Где право предела дерзанью его?
Уж лучше пожертвуй ему — остальным,
И щедрости именем будешь храним.
Не деньги, не слава у знатных господ,
А щедрость — надежного счастья оплот.
Кто щедростью сеет — запас соберёт,
До часа, когда отчитаться черёд.
Аллах, из богатств, что дарует судьба,
Осыпь Низами, своего раба.

МАКАЛЭ ШЕСТНАДЦАТЫЙ
О БЫСТРОМ ХОЖДЕНИИ

О ты, возгордившийся от ветерка
И духом упавший от горсти песка!
Села нет — а ты старшиною глядишь,
Нет царства — а ты себе трон городишь!
Не меч ты, чтоб бить без конца наобум,
И не барабан — подымать этот шум.
Мечи-ка уж лучше с меча — серебро,
Своё натяни барабаном ребро!
Дэв тянет тебя, но ведь ты не мертвец,
Уйди от него, чтоб не сгинуть вконец!
Не бей перед магом покорно поклон,
Меч ржавый «хатиба» тебе не суждён!
Хутбу хорошо — сладкоустый прочтёт,
Чиханье Адама — к Мессии дойдёт.
Кто бабочкой к яркому пламени льнёт —
На войско огня в одиночку пойдёт:
Пусть миг проживёт лишь, огонь полюбя, —
Отдав оболочку — получит себя.
Ведь то, что ты сбросишь — грабительства плод,
Оно не от бога, в том бог мне — оплот!
Без страха пред кошкою, стань ты львом,
И тальком — без страха пред ада огнём.
Лишь тех, что поддельны, — затронут в огне,
Но яхонт и злато — не стонут в огне.
Беги от самообольщенья сетей,
Забудь себялюбье, о ящик костей!
До нас было много любивших обман,
Стремились высокий добыть себе сан,
А что им за пользу принёс он, взгляни:
Сан стал им ущербом, в ущербе они...
И если ты, будучи пылью земной,
Небес, в силу сана, коснешься ногой, —
Хотя б и не вдруг был отброшенным вспять,
Земля ты — к земле возвратишься опять!
Смотри, чтоб с кудрями не снял головы,
Ногою коснувшись небес синевы!
Не птица ты, чтоб в небеса вознестись.

Не вырвав души, не поднимешься ввысь!
Ведет к небосводу — уменья тропа,
Чтоб сам тебе ловко он в ноги упал.
Вино ль виновато, что пьёт человек.
Ты сделал проступок — причём тут твой век?
Нет, век не брани за свои же дела, —
Ни мне, ни тебе им не сделано зла!
Немало, поверь мне, труда он кладёт,
Чтоб сделать из нас с тобой важных господ.
Но если мы оба ничтожны — к чему
Пенять за таких деревенщин ему?
Ведь только из яхонта чистой воды
Та шаха печать, что кладут на труды.
Немало с каменьями ценными руд,
Но много ли тех, что нам яхонт дают?
Жасмин и колючка равно для нас злак,
Но первый — врачует, вторая — сорняк.
Пусть розовый куст из ручья не поят —
У роз все равно не отнять аромат,
Но самою мягкою струйкою гор
Не сделать жасмином колючку и сор.
Когда б не таков был закон для земли,
Все правила перевернуться б могли.
Могущество сами не можем обресть, —
Взгляни, у кого на земле оно есть.
Кто немощен, падает наземь ничком,
А людям могучим и страх не знаком.
Над теми, кто чтит их - восходит звезда,
Рабами могущества будем всегда.
Могуществу царство земное в удел
Дают его не для игры, а для дел.
Садись же под смелых и сильных венцом,
Чтоб в вечной нужде не ходить колесом,
К чему с бедняками покоя искать —
Добудь себе счастья и славы печать.
С удачей покинь гороскоп Близнецов,
А после — будь к поискам счастья готов.
У двери могущества — с уст удали
Запутанный узел вопросов земли.

Водой, что течёт, как сама простота, —
Теки па огонь из алоэ куста.
За сердце держись и его береги -
У телом живущих — тяжеле шаги.
Доколе завидовать будешь другим, —
Твердя, — о, когда б это стало моим!
Сегодня ты мир захватил, хорошо.
Но завтра оставишь, что ныне нашел.
Путям послушанья помехой алчба,
Довольствуйся тем, что дарует судьба.
Там, в куполе неба, в лазурном дому,
Просторно для жизни, но тесно уму.
Его ты бездумною силой свяжи, —
Иль мыслью негодность его докажи.
Но знание — где оно в прахе людском?
И сердце, источник могущества, — в ком?
В двух книгах, что девять дабиров вели,
Нет образа, внявшего смыслу земли.
От смысла врага — что за дружбу нам ждать
И может ли змей воду жизни нам дать?
Мудрец, пусть он даже твой враг искони, —
Полезней друзей, коль невежды они.

РАССКАЗ О РАНЕНОМ РЕБЁНКЕ

Раз мальчик, свободных родителей сын,
На улицу к сверстникам вышел один.
В игре, убегая от чьей-го руки, —
Споткнулся, упал и — сломал позвонки.
И ужасом горло сжимает у всех,
Кто были с ним, — этот случившийся грех.
И мальчик, друживший сильнее всего
С упавшим, — воскликнул: «В колодец его!
Пускай навсегда он останется там,
Пускай от отца не достанется нам!»
Но был среди них рассудивший умно,
Он с раненым в ссоре считался давно.
одумал: «Нет веры мне в наших ребят,
Навряд ли то дело они затаят!
Все знают, что мальчик был в ссоре со мной, —
Меня посчитают несчастью виной!»
К отцу малыша он скорей побежал,

Признался, — и помощь тот вовремя дал.
Кто мудростью в жизни отмечен такой, —
Сумеет владеть и судьбой, и собой.
Оковы небес лишь тому развязать,
Кто может ногою на облако стать.
И в малом небесный предел, и в большом
Твой труд, Низами, далеко превзошёл.

МАКАЛЭ СЕМНАДЦАТЫЙ
О ПОКЛОНЕНИИ И ОТРЕШЕНИИ ОТ ЖИЗНИ

Забывший радеть о себе и творце,
О телом недужный и скорбный в лице!
Ты «я» говоришь, но, поверь, это «я»
Исчезнет с концом твоего бытия.
Вращением неба притянутый в круг, —
Что тянешься к миру, — он чужд тебе, друг!
Помериться с миром кто может рукой,
Узнать разновес его — гирей какой?
От пыли дождаться ли мощи горы?
От искры — что требовать сильной жары?
Довольствуясь тем лишь, что нужно, чтоб жить,
Утробе своей перестанешь служить.
Других обездолим, излишек забрав,
Ты долей доволен и значит — ты прав.
Как много воров по дорогам земным!
Спокоен лишь тот, кто с карманом пустым.
Сразись с ними, если могуществен ты,
А нет — так держись за полу нищеты.
Один безбородый, ропща на судьбу,
Увидел двух длиннобородых борьбу.
«Э, — думает, — гол, как у беса, мой рот, —
Зато не грозит мне тасканье бород!»
Чтоб были твои совершенны дела,
И ношу возьмут у тебя, и осла, —
К сердечной стоянке, к которой идёшь,
Дойди, как Иисус, без осла и без нош!

О **гебрстве** не думают веры сыны,
Кто тонкости ищет, бежит толщины.
Волна поднимается, гибель несёт,
Спасайся — и ношу брось в водоворот!
Уж лучше б был нищим в добре и в еде,
Чем тыквой пустою стоять на воде.
Не есть и не спать — вот богатство души.
Воздержанностью мудрецы хороши.
Не коршуном, что в мертвечину влюблён, —
Будь вороном, — кровью он не запятнён.
Рисунком стенным будь, лишенным костей, —
Спасёшься от хищника жадных когтей.
Кровь с печенью схожа, истекшей вином;
С огнём, превращенным во влагу стыдом.
Чтоб ты густоты своей крови избег, —
К железу и тазу цирюльник прибег.
Не сразу привычную пищу отбрось,
Дабы воздержанье прочней привилось.
Лев славится малой своею едой, —
Огня ненасытность грозит нам бедой.
Шар солнца — вот все пропитание дня,
А светом стал день для тебя и меня.
Как пьяница, ночь потребляет питье,
И лик ей чернит полнокровье её.
Чем пища обильней, тем разум скудней,
Печали щитом встало сердце пред ней.
Твой разум — есть дух, ты — ларец для него,
Твой дух — это перл, ты — ненец для него.
Как сможешь ты взять этот перл для венца
Из плоти своей, не разбивши ларца?
Плоть всюду слывет ненадежной — к чему
В сообществе быть с ненадежной уму?
В скорбях доведя до могильной плиты,
Тебя не оплачет — не плачь же и ты!
Сказал занзибарцу отец: «Что за смех!
Над чёрным, как ты, и поплакать не грех!»
Тот молвил: «Раз миру ничтожна цена —
Пусть светит во тьме хоть зубов белизна!»
Не диво — улыбка на чёрном лице, —
Не свяжешь ведь молнию в тучи кольце!
Раз склонности к этой тюрьме в тебе нет, —
Как молния встань и высмеивай свет!
Рот сахара смех попугая дробит,

От хохота клюв куропатки закрыт, —
Но коль невпопад смех уста развязал,
Так хохота лучше — слеза на глазах.
Сгорание в скорби и молния-смех —
Вот краткая искра всех жизни утех.
Безрадостный смех — что в нем толку, скажи!
Слезами оплакать тот смех надлежит!
Чтоб хохотом не разразиться не в срок.
Ты губы зубами возьми под замок!
И плач не полезен для наших очей,
И много не стоит хвалить смехачей.
И в старом, и в новом, в добре и во зле —
Знать меру важнее всего на земле.
Немного поплачь и посмейся потом,
День нынешний — в этом, день завтрашний — в том.
В весёлом таится печали пора,
За ночи агатом — рубины утра.
Кто небо, как воду, посмел бы испить, —
Чтоб тотчас пощёчину не получить?
Где с грузом верблюд — там отбытия весть,
Где сахар, там муха торопится сесть.
Кормилицей время пусть будет тебе,
Отдай ему груз и утех, и скорбей.
Укусит — как винный бурдюк не бурчи!
Добра оно хочет тебе, помолчи!
В пути неуверенность духа рассей, —
Попутчиком Хызра — один Моисей.
Кто хочет достигнуть величия, — что ж,
Старайся исполнить капризы вельмож.
Знай, истинный друг твой, случись с тобой срам, —
Покроет его, — а не скроется сам!

РАССКАЗ О ПИРЕ И МЮРИДЕ

Учитель, из дельных в стране стариков,
Шёл как-то в толпе своих учеников.
И вдруг, — хоть его караван провожал, —
Нечаянно ветра в себе не сдержал.

И все, кто с ним были, — рассеялись вмиг.
Остался со старцем один ученик.
Старик говорит: «Все ушли, почему
Лишь ты один верен пути моему?»
Ответил: «Да буду я кровом твоим,
Венец мой — лишь пыль перед словом твоим, —
Ведь я не за ветром решился идти,
Чтоб вдруг из-за ветра исчезнуть с пути!»
Лишь ждущий получки, — уйдёт, получа,
И с ветром примчавшихся, — ветер умчал.
Пыль быстро взлетит и быстрее падёт,
А прочного дома нигде не найдёт.
Но медленно встала на место гора —
Зато и у гор долговечна пора!
Далеких от истины любит порок;
Таскание нош — терпеливого рок.
Безгрешен ты — груз воздержанья ищи.
Груз тела — ведь ты не осел — не тащи!
Без фальши когда отойдешь от греха,
Глаза будут мокры — природа суха.
Под царской парчей воздержанье блюсти —
Как царь Соломон не корзины ль плести?
Свеча, еженощно струящая свет,
Она — под кафтаном расшитым аскет.
Кто трезв в кабаке — совершенен двукрат,
Как в старых развалинах спрятанный клад.
Хоть знатности знак на одежде нашит, —
В дворцах — Низами воздержанье хранит.

МАКАЛЭ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ
О ПОРИЦАНИИ ДВУЛИЧНЫХ

Есть люди — занявшись подлогом,
они Фальшивомонетчикам стали сродни.
Поддельны снаружи, поддельны внутри, —
От длинной их длани свой стих убери!
В глаза тебе — искренность смотрит сама,
Заглазио — двуличнее, нежели тьма.
Их видимость глаже свечи восковой.
Душа их изрезанней листьев алой.
Обида — их пища, им благо не впрок,

Считают все жалобы, каждый порок.
Слова о любви — говорят языком,
А ненависть — в сердце лелеют тайком.
Горячность их — печени хлада полна,
И жизнь их — мертвее их взгляда она.
Общения с ними к чему нам искать?
Не пьян ты, чтоб в тину ногой наступать!
Они — эхо гор, с ними тайн не дели,
Не хочешь доноса — держися вдали.
Хотят чрез тебя оказаться в чести,
Твоими руками огня загрести.
Корыстен их мир с тобой, а потому
Аллах да не даст поощренья ему.
Друзья, что от дружбы лишь выгоды ждут, —
Мгновенно от дружбы к вражде перейдут.
Кто в дружбе стоит на «моём» и «твоём», —
Не дружбы, а зависти связан узлом.
О сахар, как с ядом сдружиться ты мог!
Талант, почему тебе другом порок!
Друг должен целенье давать и покой,
Иначе не надо и дружбы людской.
Есть кошки — по сильному чувству родни
Своих же котят пожирают они.
Друг тот — в ком слова твои погребены.
А эти — предательства века сыны.
Глядят — как и что с тебя лучше сорвать,
Как против удач твоих наколдовать.
С тобой они вместе — до первой нужды,
В беде твоей — на стороне той беды.
Вот друг твой, — о дружбе твердит, что ни шаг,
Но сердце твое тебе шепчет: он враг.
У тела не спрашивай, кто нам друзья.
Лишь сердце, о дружеском сердце судья.
Одно в тебе сердце — и сотня врагов.
Одна только роза, и сотня шипов.
Царств тысяча, а Феридун — лишь один.
Мир «галии» полн, но лишь мозг — господин.
Неверное нас предает бытиё.
Не выдаст тебя только сердце твоё.
Но ты своих тайн не умеешь беречь,

Так как же другого молчанью обречь?
Твоё тонкосердье — опасность таит,
Как в поле, открытою тайна лежит.
Не будь стенка сердца так страшно тонка,
Вино б не развязывало языка.
Ты видишь, от дружбы не многого ждать,
Старайся ж не слишком друзьям доверять.
На суд отправляясь, ищи по пути
Того, кто с тобой согласится идти,
Но до испытанья природы его, —
Из тайн своих — не открывай ничего.

РАССКАЗ О ДЖЕМШИДЕ И О ПРИБЛИЖЕННОМ К НЕМУ ЮНОШЕ

Джемшид меж своих приближённых в стране,
Склонясь к одному, словно солнце к луне,
Чрезмерно радея о славе его, —
Над всеми другими поставил его.
Когда ж свою преданность тот доказал,
Шах юноше тайну свою рассказал.
Но юноше тяжкою тайна была,
Стремился он прочь, как от лука стрела.
И жгли ему душу признанья царя,
Которых не смел никому поверять.
Зашла к нему как-то старуха одна
И видит — тюльпан этот жёлт, как она.
Сказала: «Поблёк почему кипарис?
Не с царского ль блюда отведал он рис?
Тебе ли желтеть от невзгоды людской,
Когда ты удачей отмечен такой?
От юности лет — стариком не смотри,
К чему свой тюльпан превращаешь в «хири»?
Ты в сердце властителя мира проник, —
Как сердце раскрыл он, раскрой же свой лик!
От шаха — румянец цветёт на щеках,
Тем ярче у тех, кого выделил шах».
Ответил ей юноша: «Дело не в том,
Не знаешь, что в сердце творится моём.
Терплю я, истоком страдания стал,
Весь жёлтый, как цвет увядания, стал,

Затем, что величием мира одет,
Шах в сердце вложил мне великий секрет.
Я знаю — значенье его велико,
Хранить про себя его — мне не легко,
Из страха — а вдруг, да пойдёт о нём толк,
О собственных малых делах я умолк.
В беседу с тобой не вступаю, шутя,
Боюсь — птица тайны вспорхнет, улетя.
И если я в сердце секрет сохраню,
То сердце уйдет в пожиранье огню,
А выдам я царский секрет — и тогда
Изменит мне счастье моё навсегда.»
Старуха сказала: «Не надо имен.
Пусть вздох твой — лишь друг твой, и только лишь он»
А вздоха поверенных — не признавай,
Доверья и тени своей не давай.
Уж лучше, чтоб лик, пожелтевши, зачах,
Чем стать ему красным в руках палача».
Во сне голова по ночам языку
Твердит неустанно: «Смотри, ни гу-гу!»
Цела голова, коль язык не остёр,
Не день ты, чтоб тайну по свету простёр.
Подвязан язык — и хозяин здоров.
Лишь бешеных псов языки без оков.
Язык свой под нёбом полезно держать,
Мечу благороднее в ножнах лежать.
Где добрый совет, там исчезла тоска.
Беда голове — на конце языка.
Чтоб вздох твой, как запах фиалки, не тёк,
Чтоб голову от языка уберег,
Ты крепко держи свой язык взаперти,
Тогда голова не промолвит «прости».
Хотя б на губах были сотни услад,
Закрой их, — и стены здесь уши таят.
Не слушай — глухого пора настаёт.
Поменьше болтай — здесь молчанья черёд.
Ты пишешь — чуть слышно ворочай пером,
Прочел о себе — не шуми языком.
Что слышишь, подобно воде ты сотри,
Что видишь, — как зеркало, молча вбери.

Ревнивцы — открытое ими в ночи, —
О чудо, — не тащат под солнца лучи.
И купол небесный, что в звёздах горит,
Заре о ночах своих не говорит.
И добрые нравы, что скрыты во тьме —
От лишних речей уберечь ты сумей.
В ночь — словно в закрытый сокровищ сосуд —
Как много сердец свои тайны несут.
Идущий, как молния, с полной душой,
Пройдёт мимо тайного, словно слепой.
Кто духом за девять небес воспарил,
Тот внутренний мир свой венцом одарил.
Глаза и язык наш — мирскому сродни,
Как волос и кожа проходят они.
Любовь затаенная — чудо творит.
Прорвалась — и в похоти перегорит.
Сокрытого узел нить веры крепит,
Затем и **Халладж** был как хлопок разбит.
Цветочная почка — закрытой мила,
Раскроется — кровью она истекла.
Достойными станут ли наши уста,
Коль выйдет сквозь них наших душ чистота?
Ведь это — как яство, что в чаше влечёт, —
Поднимешь ко рту — как огонь, обожжёт.
Знай, вот красноречье: без звука и слов,
И вот быстрота: в замедленьи шагов.
Свет сердца — в сердец проникает приют
Лишь там, где друг другу уста отдают.
И то, что рождает сердец глубина —
Речь сердца тебе изъясняет одна.
Покой, Низами, в твоём сердце почил, —
Ты царство довольства сполна получил.

МАКАЛЭ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ
О БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ

Украшен для тайного сбора чертог,
Он светел, как лунного света исток.
В нем сахар рассыпан, светильник возжён,
Над смешанной галией трон вознесён.

Вражду к тебе время питает давно.
Порви с ним, — чтоб прочь отступило оно.
Уж скольких влекли его злые тиски, —
Усталых и высунувших языки.
Тебе, о приверженец этой земли,
Кричат из чертога, кто раньше ушли:
«Скорее обитель неправды оставь
И путь свой к шатру этой тайны направь!»
Вскипел ты от блеска пустыни мирской,
Взгляни ж на деянья, что скрыты тобой.
У злобной собаки дыханье как лёд, —
Лиса оттого, верно, шубу и шьёт.
Степь эта — усыпанный серою ад,
Блаженны, кто прочь из неё поспешат.
Слюны набери, — как учтивости дар, —
И плюнь в этот серного пламени жар.
Верни небосводу, что взял у него,
Земное — земле возврати естество.
Всем распорядиться разумно спеши,
Пока не ослаб и не отдал души;
Кто «я» проявляет на этом пути,
Тот «мне» и «тебе» помешает пройти.
Вражда скорпиона страшней, чем дракон:
Этот явен — а тот от нас затаён.
Дом полон воров, — кошелёк сторожи,
В степи водит «гуль» — крепко чётки держи!
Разбойники грабят на сердца путях,
Разбойничают у тебя на глазах,
О, страшно той ночи, когда их набег
С позором изгонит тебя, человек!
Враг мал, но велик приносимый им вред.
Ошибки крупнее беспечности — нет!
Ты силу жалеешь на мелких врагов —
И станешь разбитым на сотню кусков.
Ведь как ни ничтожен, но в рост своих сил
У львенка глаза муравей ослепил.
Рабов караван на стоянку пришёл,
Корабль, полный жизни, к брегам подошёл.
Пока не увидели — скройся, как дым,

Водой растекись — не попасться бы им!
К чему в эту келью ногою ступать,
Вступил, так все взятое — надо отдать.
Добром не захочешь — так кровью зальют,
Твой дух из жилья твоего унесут.
Не малая доблесть — из жизни уход,
Иначе б вращался к чему небосвод?
Покуда за ворот не взял тебя див,
За веры полу ухватись, тороплив.
Закон призывает — из праха уйти,
Природа отходит, скажи ей прости.
Закону, как ветру, ты душу вручи,
Прах тела — ты праху земли поручи.
Как нежный цветок базилика, закон,
Ему, а не праху, да будет поклон.
В любое окно, как зефир, не спеши,
Как воздух, дыханьем других не дыши.
Все это — лишь тень, ты же светоч извлёк,
Достигши всего, — от всего будь далёк.
Ошейник твой — неба изогнутый круг,
О, как из него вынешь голову, друг?
Когда о себе он рассказ поведёт,
Поведает жизни какой-нибудь год, —
Стеснишься пред этих веков глубиной,
Увидишь всю жизнь — лишь минутой одной.
Молчание — слова людского венец.
Забвение — дела мирского конец.
Спеши, перед тем как дыханье отдать,
Кому-нибудь в двери любви постучать.
Свой вздох уходящий — смешай с ним в одно, —
Даёт утоленье лишь это вино.
«Каба» ни один не скроил небосвод,
Чтоб не утащить на две шапки отход.
Мир, словно неверный, враждуя с тобой,
Донос на дела твои сделает злой.
И дверь, из которой так важно возник, —
Опять пред тобою раскроется вмиг.
Завесой насмешки ты сделал свой взор, —
Такой же с тобой поведут разговор.

И тот, кто в дурном и хорошем знаток,
Поверь, не похвалит тебя за порок!
Куда б ни пошёл, оставляешь ты след,
Нет зла, чтоб его совершить без отмет.
Будь пышен по виду иль гол и убог —
Лишь имя свое унесёшь за порог.
«Терновник», кто терний шипами покрыт.
«Амбар» кто дыханием амбры дарит.
Смотри, не фальшивь, — ведь откроет Аллах —
Себя и его устыдишься в делах.
Прикрикни на век свой, — он печень томит,
Разбей эту склянку, что кровоточит,
Игрушку кровавую расколоти,
Спеши эту букву с бумаги свести.
Камнями в дворец оловянный мечи,
Ногой на коня дня и ночи вскочи.
Чтоб с неба минбара сам свод голубой
Хутбу шахиншахства сказал над тобой.
Ронять это знамя — тебе по плечу,
Но я вознести это знамя хочу.
Смотри — человек, но как ангел высок,
Дерзаю вступить я за неба порог.
Цена моя больше, чем малый мой рост.
Вращаюсь я выше вращения звёзд.
Не море — а страх, как оно, навожу,
Не птица сова я — а клад нахожу.
У неба поставил я ногу свою, —
Конечно, — высоко сужу и стою!

РАССКАЗ О ГАРУН-АЛЬ РАШИДЕ И ЦИРЮЛЬНИКЕ

В тот век, что Гаруну халифство принёс,
Высоко Аббасово знамя взвилось.
Вот как-то, с женою расставшись, в полночь
Он к бане из спальни направился прочь.
Цирюльник, пока ему голову брил,
Халифу с полкороба наговорил. И кончил:
«Ты видишь, я в деле сметлив, —
О, сделай меня своим зятем, халиф!

На брачное сватанье право вручи,
С рабом своим дочку свою обручи!»
Пришёл было в бешенство, но — рассудив —
Опять к благодушью склонился халиф:
«Не банный ли жар ему печень зажёг,
Что вдруг он, с испугу, душой занемог?
В беспамятстве верно плетёт этот вздор,
Иначе б себя не обрек на позор».
Проверить цирюльника вновь он пришёл —
Но тот же чекан на монете нашёл.
Проверке подверг не один ещё раз —
Все тот же заводит цирюльник рассказ!
Так солнце смутил этот тёмный болтун,
Что вызвал «дастура» на помощь Гарун:
«Послушай, — ему говорит, — от волос,
Цирюльником сбритых, — что с нами стряслось.
Он, видишь ли, зятем желает мне стать,
Где способ мне ту неучтивость понять?
В руке его бритва, и бритва — слова,
Меж двух этих лезвий моя голова!
Как только встаёт надо мной, как судьба, —
Страшней мне, чем камни, его похвальба».
Ответил визирь: «Не его естество —
Виной тому клад под ногами его.
Как встанет опять над тобою простак,
Ему прикажи: отойди-ка на шаг!
Заспорит — сними ему голову с плеч,
И клад прикажи в этом месте извлечь».
Цирюльник, как только приказ услыхал,
Сошел с того места, где раньше стоял.
Едва со стоянки ступил он ногой —
Совсем стал цирюльник по виду другой.
Сжал губы, как скованный, малоречив,
Словами и взглядом с халифом учтив.
Когда под ногами он чувствовал клад,
Величье царя отражал его взгляд.
Когда же стопы он от клада отвёл,
Цирюльника лавочку снова обрёл.
И ставши копать у него под пятой,

Отрыли сокровище в ямине той.
Знай: всякий, кто ногу поставил на клад,
Захочет богатства и царских палат.
Но клад Низами талисманом не взять —
Свет сердца он и чистоты благодать.

МАКАЛЭ ДВАДЦАТЫЙ
О БЕЗРАССУДСТВЕ СОВРЕМЕННИКОВ

О, если себя одолеть мы смогли,
К чему ж в тупике мы, во прахе, в пыли?
В сообществе праха — ты тернием стал,
Немало ростков этот прах заглушал.
Жизнь кончена, — мы доживаем, как те,
Кто у каравана плетутся в хвосте.
Сковали мы ангелов зла и добра,
Нам с дэвом в бесславьи сродниться пора.
В бегу — горячи; как родник, холодны.
Потухли, как пепел, но жаром полны.
Где свет наш сердечный, где ясный наш взор,
Потерянный отдых, покой и простор?
Уж дышит восстанья из мертвых заря,
Уж знамя зари исчезает, паря.
Во рту оборвался беспечности смех,
Растаяло в сердце желанье утех,
О, вырвись из праха путём колдовства,
Спаси свою душу, — из пут естества!
Взлети из силка, что сосёт твою кровь,
Сам ловкостью помощь себе уготовь.
В сравненьи с лисой волк куда как зубаст,
Но перед лисиною ловкостью — сдаст.
Старайся приблизиться к верных венцу,
Чтоб не поклониться себе — но творцу.
Прах сердца — он верности нашей жильём,
Стань сердцем, — росток справедливости в нём.
Та доблесть, что сердцу людском}' дана —
Ведь ею ткань верности окаймлена.
Пусть в теле какая-то доблесть живёт,
Душой не одобришь её — пропадет.
Но будет одобрена сердцем она —

И вот уж двойная ей сила дана.
Воспитанность — это работа души,
Те свойства привьёт она, что хороши.
Лишь доблестью прах этой глины хорош,
Но доблесть сейчас ты ни в ком не найдёшь.
Появится доблесть, — и ляжет, тяжка,
Над нею — бездоблестных злая рука.
Приводят всех добрых — к расстройству души,
Чтоб только их доблесть скорей сокрушить.
И в подвиге — видят притворство одно,
И в мышленьи — страсти покорство одно.
Им в великодушьи — убыток сплошной,
Им в верности — только лишь труд даровой.
Им щедрость — лишь горсть обещающих слов,
А слово — вода из проточных прудов.
Обет они пишут ногами по льду,
На месяц и солнце поклёпы ведут,
И если покой нас, как пластырь, целит, —
Для них это — рана, что кровоточит.
Чуть сладости вкусят из чьих-нибудь губ, —
Их грязный кулак прикоснется к ним, груб.
И печени, сваренной, словно инжир,
Свой уксус суют, что не сварен и сыр.
Чтоб доблесть увидеть — и глаз у них нет,
Ущерб и порок для них весь этот свет!
Не в каждой добыче жемчужина есть,
Довольно, что в ком-нибудь доблесть и честь.
Для глаза слепца — в Тигре капля одна.
Нога саранчи муравью, как спина.
И те, что присвоили силой почёт, —
От зла и добра их — досада берёт.
Не в глине ль, что глубже, чем море, — они?
Не горше ль для сердца, чем горе, — они?
Подобные дыму для мозга людей,
Становятся ветром, достигнув свечей.
Взгляни же на мир, — кто его главари?
На тех, кто прославлены в нём, — посмотри!
Бесславные, старые века сыны
Меня, как свой век, разбивают они.

Но я новолунья подобен лучу, —
Иссохнув, — свою полноту получу.
И все их старанья, и весь этот труд
Игре их фальшивой венца не дадут.
Над речью, свежее, чем духа цветы, —
Не спутник ли Хызра неверящий ты!
Встань, Хызр, — отрицателя силу скоси,
За Ноя дыханье — мольбу вознеси.
О сердце, неправду отвергшее их,
Да будешь забвенно, коль вспомнишь о них!
В ответ на их злобы чудовищной крик —
Молчанье — вот самый мой сильный язык.
Коробка с одним самоцветом — шумна.
Наполнится — станет беззвучной она.
Кувшин ненаполненный — гулко бурлив,
Наполненный доверху — он молчалив.
И ты, если знанием полн, — замолчи.
Будь слухом, язык — говорить отучи.

РАССКАЗ О СОЛОВЬЕ И СОКОЛЕ

Певун соловей в час цветения роз
Безмолвному соколу задал вопрос:
«Ты всех молчаливей из птичьей семьи, —
Так чем же ты взял, — расскажи, не таи!
С тех пор, как живёшь, - замыкаешь ты рот,
Ни разу не радовал песней народ,
И замок Санджара — жилище тебе,
И жирные курочки — пища тебе!
А я, кто из россыпей сказочных руд
То перлом блесну, то взметну изумруд, -
Питаться я должен простым червяком.
И сам из колючек свиваю свой дом».
Сказал ему сокол: «Попробуй молчать,
Как я, наложи на язык свой печать!
В делах кой-какое мне знанье дано,
Но сделав сто дел, не воспел ни одно.
А ты, — да не свел ли с ума тебя век, —
В безделье разлился, как тысяча рек!
Охота — вот промысл мой в чём состоит.

Он грудь куропатки, перст шаха дарит.
Твой промысл — по воздуху бить языком —
Сиди ж на колючке, кормясь червяком».
Когда возгласят Феридуну хутбу,
Кто станет базарную слушать трубу?
Что утро? Лишь крик петушиный — и всё,
Улыбка в дороге пустынной — и всё.
Дошёл ли твой крик до небес голубых?
А кто, здесь живущий, — не узник у них?
Про славу высоких стихов не шуми,
Чтоб в плен! не попасть, как попал Низами.

КОНЕЦ КНИГИ

Да будь к тебе благостно утро, дабир.
Руки твоей пленником станет мой мир.
В искусстве, что выше, чем сам небосвод,
Картинную красочность он обретёт.
Я много алмазов расплавил, горя, —
А сделал — всего только нож для царя.
Ведь сабли железо — я в камне ковал,
И горн мой кузнечный был тесен и мал.
Когда б подружился со счастьем, поверь,
Не этим бы стал заниматься теперь.
Твержу себе часто: не грешен ли ты,
Что буквами вымарал эти листы?
Но то, что невестою в блеск убралось, —
В течение нескольких зорь родилось.
Его, а не мясо сушеное — ешь!
Терпение сделай своим ремеслом,
Обдуманно следуй за мысли руслом.
Где речь неучтивой увидишь мою —
Сотри её, я позволенье даю!
Где слово незнанья допущено в ней —
Вычеркивай, даже хотя бы по мне!
Когда б в эту вещь не вложил я труда,
Не стал бы её рассылать в города,
Хоть скован за речи творец их сидит, —
Речам его путь всего мира открыт.

Мне век мой сказал: не земля ты, ходи!
Он мне приказал: не земля ты, ходи!
Мой девственен труд, ему равного нет,
Где платье по росту, чтоб был он одет?
Кафтан ему сшил я но пояс едва —
Затем и стоят на коленях слова!
Укрась же, дабир, их природную стать,
Чтоб было с колеи им приличнее встать!
В глазах молодежи и старцев — цена
Труду моему — только слава одна!
Он злата, восторга толпы не несёт,
Одно беспокойство базара — и всё.
Гянджа, иовязав меня, крепко взяла,
Ирака богатства — держу без узла.
Мир поднял свой крик, вопрошая: «Эй, раб!
Кто сей Низами и откуда — Гянджа б?»
О, благодаренье, что дело моё
Закончил я раньше, чем дней бытиё!
В алмазы его опустил Низами,
В сверканье камней нарядил пред людьми,
Да будет светла тех жемчужин игра
Над шахом, кто сам — рассыпатель добра!
И птица пера им взлететь помогла,
Раскрыв над бумагою оба крыла.
Ступни — из главы, жемчуга — из ларца,
«Махзан аль-асрар» дописал до конца.
И в дспь тот из первою раби легло.
Четыре и двадцать по счету число,
От хиджры до времени будет сего
Пятьсот лет и семьдесят два сверх того.

ИЗЗАДДИН ГАСАНОГЛЫ
(1272-1348)

Начиная с VII века, долгие столетия на всём цивили-зованном Востоке арабский являлся для всех народов языком науки, все значимые работы в разных областях науки писались на этом языке. Начиная с X века, в поэзии персидский язык начал занимать ведущую позицию, и со временем стал главенствующим языком поэзии на всём исламском Востоке. В те далёкие годы все одаренные восточные люди в совершенстве владели, как минимум, тремя языками: своим родным, арабским и персидским.

История азербайджанской классической литературы ярко демонстрирует феноменальное явление в истории восточной культуры. Все значимые классические литера-турные фигуры Азербайджана, наряду с родным тюркским языком, блестяще знали и создавали свои бесценные шедевры и на арабском, и на персидском языках. Достаточно назвать имена таких классиков, как Гатран Тебризи, Мехсети ханум Гянджеви, Хагани, Низами, Насими, Физули и многих, многих других. Но удивительно, что в истории восточной литературы не встречается ни одного случая, когда арабский или персидский поэт написал бы на тюркском языке хотя бы одно стихотворение...

Просвещённая личность и мыслитель Иззаддин Гасаног-лы — яркий представитель лирической поэзии, создававшейся на персидском и родном языках, снискал известность среди современников и как вьщающийся приверженец суфизма. Из богатого поэтического наследия Гасаноглы, к сожалению, дошли до нас только две газели — на персидском и на тюркском языках.

Ценность в истории азербайджанской литературы Иззаддина Гасаноглы определяется тем, что он был первым

поэтом, произведение которого дошло до нас на тюрк-ском языке. В этой газели поэт демонстрирует высокое художественное мастерство. Он обращается к традиционным образам и фигурам арабско-персидской лирической поэзии, но многие выразительные средства здесь свежи и новы. И именно они придают газели особую прелесть, изящную интонационно-словесную гармонию. Эта газель, украшенная завуалированными символами, один из блестящих образцов классической азербайджанской лирической поэзии.

ГАЗЕЛИ

Ты душу выпила мою, животворящая луна.
Луна? — Краса земных невест! Красавица — вот кто она!

Мой идол! Если я умру, пускай не пенится графин.
Какая пена в нем? — Огонь. Он слаще красного вина.

От чаши, выпитой с тобой, шумит у друга в голове.
Какая чаша? — Страсть моя. Любовь — вот чем она пьяна.

Царица! Сладкой речью ты Египту бедами грозишь:
Все обесценится, падет на сахарный тростник цена.

Покуда амбра не сгорит, ее не слышен аромат.
Какая амбра? — Горсть золы. Какой? — Что в жертву предана.
С младенчества в душе моей начертан смысл и образ твой.
Чей смысл? — Всей жизни прожитой. Чей образ? — Снившегося сна.
Гасаноглы тебе служил с той верностью, с какой умел.
Чья верность? - Бедного раба. Вот почему любовь верна!

Безжалостна она и весела. Что мне делать?
Сгубила сон, покой мой унесла. Что мне делать?

Пусть обвиняют люди, пусть корят за стенанья:
Я был влюблен — и вот сожжен дотла! Что мне делать?

День на дворе: не повидаться днем с луноликой!
Ночь за окном: лишь звездам нет числа! Что мне делать?

Украла сердце, а сама ушла не прощаясь!
Где сердце, где душа? Повсюду мгла! Что мне делать?

Измотанный вконец, не нахожу исцеленья.
Неряшлив стал и запустил дела. Что мне делать?

Аллах дарует милость, да не всем — лишь красавцам!
Гасаноглы он столько сделал зла! Что мне делать?

АВХЕДИ МАРАГАИ
(1274-1338)

Шейх Рукнаддин Авхеди Марагаи родился в историческом древнем центре культуры Азербайджана — Мараге, где провёл годы юности и там приобщился к разным наукам: логике, философии, астрономии, природоведению, меди-цине, теологии. И в дальнейшем, в своих художественных произведениях щедро воспользовался этими знаниями. Основательно изучал арабский и персидский языки. Писал лирические стихи и на родном тюркском языке, но в основном творил на персидском. Любил много путешествовать. Побывал в ряде очагов культуры и науки Ближнего Востока, в том числе и в Багдаде. Эти странствия обогатили его жизненные наблюдения. Авхеди более двадцати лет жил и творил в городе Исфагане, в 1332 году вернулся в родной город, а через шесть лет умер и был похоронен в Мараге. Его могила по сей день остаётся местом всенародного паломничества в Южном Азербайджане.

Авхеди Марагаи прошёл интересный и богатый твор-ческий путь и оставил обширное поэтическое наследие. Подавляющее большинство стихов в его «Диване» составляют газели, туда входят так же мастерски написанные касыды, терджибенды, рубай и теркиббенды. В «Диване» около 15000 бейтов. Бесценные поэмы «Десять писем» и «Джами Джем» («Чаша Джамшида») тоже принадлежат перу Марагаи.

Ведущая тема и исток лирического воодушевления по- эта — это любовь.

Любовь предстаёт в двух смысловых измерениях: суфийское, мистически-духовное экстатическое состояние

устремлённости к неземному кумиру — богу, и как земное чувство к избраннице сердца; и в обоих случаях лирические стихи колоритны, страстны, завораживают жаром и накалом неподдельного переживания. Авхеди — превосходный живописец природы. Его лирические пейзажи являются самостоятельными целостными картинами.

В произведениях Авхеди Марагаи находит широкое освещение ключевая проблема противоборства Добра и Зла, Света и Тьмы; поэт неоднократно обращается к жестокосердным правителям, притесняющим народ, с философскими призывами, пытаясь силой художественного слова добиться искоренения насилия.

ДЖАМИ ДЖЕМ

(отрывки из поэмы)

Мы «кто» или «что» мы? Мы свет или тень?
Мы мраком покрыты иль светлый мы день?
За светом угнаться — задача трудна,
Ты тенью родился, а тень не видна.
Немало на свете путей и дорог:
Кто близок отсюда - оттуда далек.
Гора — великан, но величье — обман:
Как малая точка вдали великан.
Твой образ — загадка, душа твоя — лес,
Ты полон таинств, ты полон чудес.
Живущим на свете тебя не познать!
Светилам небес ты дитя или мать?
Закрытая книга, неясен твой лик —
Ты юноша или седой ты старик?
Ту книгу раскрой, и, быть может, дано
Познать в этой книге хоть слово одно.

Владыка могучий, услышь голос тленный!
Ты сведущ о том, кто создатель вселенной?
Ты будь справедливым, ученым ты будь —
Откроешь тогда ко вселенной ты путь.

Владыка, чей друг справедливость и разум,
Во веки веков не споткнется ни разу.
Ты сильных увидишь — с дороги сойди,
И силой пред слабым не хвастайся ты:

Коль сильный — собака, то волком он станет,
А слабый — он из-за угла тебя ранит.
Не хмурь от печали и гнева бровей.
Ни крови, ни слез, берегись, не пролей.
Коль ты справедливый — под тенью ты бога,
Иначе твоя не спокойна дорога.

Живешь в этом мире, тебе незнакомом,
Расстаться не можешь ни с краем, ни с домом.
Просторы чужие, чужие края —
Скажи мне — зовут ли, манят ли тебя?
Ты дома сидишь, весь зачах, лик твой бледен!
Не знаешь ты мир — оттого и беден...

Зачем ты бежишь? Ты ходи не спеша,
Чтоб не волновалась чужая душа.

Герой — кто страны своей тайны хранит,
Герой — кто за друга стоит, как гранит.

С ученым воюешь ты очень уж смело,
Не зная, что нет у науки предела.

Скажу тебе, если ты спросишь меня:
Не будь пустомелей, твой враг — болтовня.

Твой друг недостатки укажет тебе,
А враг успокоит, припишет судьбе.

От дружбы такой — вместо сердца лишь камень.
Скажи мне: где вера, как веру найти?
От сердца, мой друг, пролегли к ней пути.

О, правящий страной с вершины трона шах!
Коль веру ты блюдешь, будь праведным в делах.

...Державе мощь дают лишь добрые дела, —
Пусть власть, как ураган, затушит пламя зла!

Тебе затем дана над всей страною власть,
Чтоб ты не дал стране от рук невежд пропасть.

Постигни, шах, умом премудрость и расчет:
Глазами зри весь мир, а слушай свой народ.

...Не нужно шаху войск: коль он правдив и смел,
Ему лишь нужен страж — глашатай добрых дел.

Чем славен Кейхосров и чем велик был он?
Он свет наук возжег и чтил в стране закон!

...Наступит день — придет и к властелину суд:
Глядишь — с престола сняв, к гробнице понесут.

...Пить кровь живых людей! — Да хуже нет вины,
Чем кровь сосать у тех, кто слабы и бедны!

Цветочка не сорвет в своем саду вдова,
А стража рубит сад и тащит прочь дрова!

...Меч власти — у тебя. Мздоимцев уничтожь!
А ты простых воров отправил на правеж!

Ведь их мздоимец твой на этот путь совлек,
Безвинного убить — какой же в этом прок?

Мздоимцу твоему — чем вместе с вором красть —
Не лучше ли блюсти в стране покой и власть?

Сатрап твой — как змея. А где же муравьи?
Ужель не сладят с ним подвластные твои?

...Жестоким топором сражают их тела, —
Смотри, в твоем лесу не будет ни ствола!

Крестьянин мясо ест, наверно, раз в году,
А подлым ты даешь обильную еду!

...У подданных ты взял плоды их трудных дел,
А на рубцы их рук хоть раз бы посмотрел

...Хоть правда и горька, и тягостен укор,
Но истину скрывать — бесстыдство и позор!

ГАЗЕЛИ

Я к ней с любовью, а она мелькнет и убежит, дразня.
Когда ж обижусь на нее — без ссоры не пройдет и дня.

Когда я снова к ней прильну, она опять впадает в гнев,
А сяду рядом — взропщет вдруг, меня презрением казня.

Когда ночами, словно вихрь, мечусь я у ее дверей,
Соперник градом злых обид, как пылью, вдруг обдаст меня.

А если я когда-нибудь с мольбою на нее взгляну,
Меня опять постигнет гнев, опять — обиды и грызня.

Я весь горю, но, кроме слез, что льются из очей моих,
Нет никого, кто б усмирил пыланье моего огня.

Мириться с дружбою такой негоже мне, но как же быть,
Коль муки терпит Авхеди, обид на сердце не храня!

В твоих руках весь мир - для счастья добрых дел,
Чтоб людям ты внимал и зло забыть сумел.

Руками палачей не ослепляй людей, —
Иначе сгубишь всех и сам не будешь цел!

Знай: если паству ты дал хищникам сгубить,
Смотри, как бы тебя тот враг не одолел!

Где стыд, где честь твоя, коль тысячи сердец
Ты для своей еды нанижешь на вертел?!

Ты с женских рук и шей все золото содрал
И украшенья те на псов своих надел!

С жестокостью твоей сравнится только ад!
Твоим свершеньям злым наступит ли предел?

Когда б все золото твое низверглось на тебя,
Каких бы ты обид и мук не претерпел!

РУБАИ

Когда в руках сосуд с целительным шербетом
И есть с тобой друзья надежные при этом,
Ступай к своим друзьям на берег дивных вод
И сердцем взвеселись, для добрых дел согретым!

АРИФ АРДЕБИЛИ
(1311-1392)

Один из самобытных создателей азербайджанской литературы XIV века Ариф Ардебили — уроженец одного из древних центров Азербайджана, города Ардебиля. Здесь он получил всестороннее образование, освоил арабский и персидский языки, овладел каллиграфическим искусством, стал высококвалифицированным учителем, созрел как талантливый поэт. Свой поэтический дар проявил и на тюркском, и на арабском языках, а в основном, творил на персидском. Поэт начинал творческую деятельность с лирики — касыд и газелей. Ариф в зрелом возрасте по приглашению ширванского шаха Кавуса сына Кейкубада перебрался в Шемаху, давал уроки сыну правителя и вскоре снискал в столице Ширвана славу отменного педагога. По словам самого поэта, был осыпан щедротами шаха и прожил здесь долгие годы. Поэт был удостоен близости также и с тебризским, и дербентским царствующими домами. Свою знаменитую поэму «Фархаднаме», состоящую из двух частей, написанную под влиянием поэмы «Хосров и Ширин» великого Низами, поэт завершил в родном Ардебиле. Первую часть поэмы посвятил тебризскому правителю Бахадур хану Шейху Увейсу Джелаири, а вторую — ширванскому шаху Хушенгу. В личной жизни Арифу Ардебили окончательно не повезло, был женат несколько раз, у него было восемь детей, но, увы, большинство из них покинули мир при жизни отца.

Мотивы фольклорного происхождения поэмы «Фархаднаме» Арифа Ардебили явно доминируют. Поэт широко использовал бытовавшие в Азербайджане народные предания о **Фархаде**. о самоотверженной легендарной любви этого героя. Вдохновением для Ардебили послужили раз

личные фольклорные сюжеты, а также художественный прецедент поэмы «Хосров и Ширин» Низами Гянджеви. И он использовал этот опыт сообразно своей индивидуальной творческой задаче: у Низами Хосров — ведущий персонаж, а у Ардебили образ Фархада и его любовь к Полистан выдвинуты на передний план...

Ариф Ардебили является одним из редких поэтов своего времени, который в своих художественных произведениях окончательно отказался от суфийской идеологии, суфийских представлений и взглядов.

ФАРХАДНАМЕ

(отрывки из поэмы)

Из далекой восточной страны, после долгого пути, полного невзгод и опасностей, прибыли в благодатные долины Закавказья два знатных иноземных гостя — молодой прекрасный царевич Фархад и его верный спутник, художник Шавур. Радушно принял их в своем чудесном, окруженном пышными садами, загородном дворце старый богач, почтенный Устад. Знаменитым скульптором был Устад, — даже лучшие его ученики не умели высекать из камня столь изумительные изваяния. И даже лучшие красавицы Закавказья не могли сравниться с его прелестной юной дочерью по имени Гулистап. Вот как описывается в поэме первое появление Гулистан, ее первая встреча с благородным, прекрасным юношей Фархадом.

Решил Устад устроить пир, какого не бывало,
И было все на том пиру, чего душа желала.

Лишь не было чужих людей, недобрых голосов,
Как нет в небесных цветниках колючек и шипов.

Стояла осень на дворе, — и сладостная сила
Бурлила в молодом вине — пьянила и бодрила.

Приятен всем осенний сад — и старцам, и влюбленным,
Гуляли гости по траве, как по коврам зеленым.

Слетала медленно листва, и, восхищая взгляд,
Златыми гроздьями свисал созревший виноград.

Пестрел убор осенних лоз, как девичьи подолы,
А в роще соловьиный хор не умолкал веселый.

Стройней и трепетней невест казались дерева,
Румяной спелостью плодов блистала их листва.

Их кроны в ясной синеве, как дивные узоры,
Пленяли пылкие сердца и радовали взоры.

Как будто был украшен сад божественной рукой, —
Померк бы и цветущий Чин перед красой такой!

Пока деревья, и холмы, и солнечные дали
Два гостя из восточных стран с восторгом созерцали,

Внезапным блеском этот сад, казалось, был объят, —
То войско гурий молодых явилось в дивный сад.

Шла первой чаровница — дочь Устада-чародея,
Шла, сотнями любовных чар, лукавых чар владея.

Игриво выгибая бровь, качая гибкий стан,
Едва земли касаясь, шла младая Гулистан.

Нет, то не женщина была, а райское созданье,
Казалось, небеса слепит ее лица сиянье.

Так хороша она была, что у нее во власти,
Наверно, многим довелось дотла сгореть от страсти.

Весь мир земной лишался чувств от первого же взгляда,
Тонул в плену ее волос — живого водопада.

Светились юные персты, как спелый виноград,
Рубины приоткрытых губ струили аромат.

Она блистала, как луна блистает золотая,
Что озаряет темный мир от края и до края,

Стройна была, как кипарис, но не пустивший корни —
Легко ступавший по земле походкой девы горней.

Недаром имя Гулистан с рожденья дали ей, —
Как гулистан она была в разгаре вешних дней,

Как гулистан, где сотни роз — одна другой чудесней,
Где не смолкают соловьев волнующие песни.

Немудрено, что задрожал, как на ветру тюльпан,
Фархад, царевич молодой, при виде Гулистан.

Девушки принялись угощать гостей, услаждать их слух чарующим пением. Наполнив вином золотую чашу, с улыбкой поднесла ее Гулистан прекрасному иноземному юноше. И не от вина сразу же опьянел молодой царевич — от несравненной прелести юной Гулистан. С радостным изумлением узнал эту девушку Фархад: это ее чудесный портрет, нарисованный искусною кистью его друга Шаву-ра, видел юноша еще в родном краю, это в безумной мечте о ней отправился он на запад, пересек столько степей и хребтов, пока не отыскал эту юную красавицу здесь, в чудеснейшей из долин Закавказья...

До поздней ночи пировали захмелевшие гости. А на следующее утро между Шавуром и Фархадом произошел откровенный разговор.

Фархада в сторону отвел премудрый друг Шавур:
«Недаром предком был твоим прославленный **Фагфур!**

Да кружится небесный свод по твоему желанью,
Да светит над тобой звезда, ведущая к свиданью,

Да озаришься счастьем ты, и пусть в твоей судьбе
Сольется все, свершится все желанное тебе!

В руке я видел у тебя бокал златочеканный,
Но ты ведь раньше захмелел, чем выпил влаги рдяной.

Та, что тебе преподнесла хмельную чашу эту,
Беду способна принести всему земному свету.

Ты этой чаши берегись, — не алостью вина,
А кровью сердца твоего наполнится она!

Хоть и прекрасна Гулистан, но холодна душою,
Нет, не из пылких роз она, что жертвуют собою.

Ты видишь лишь ее цветы — шипов не замечаешь,
Жестоких мук — ее даров — пока не ощущаешь.

Но всех влюбленных гибель ждет, когда на свой базар
Она выносит красоту — губительный товар!..»

Так горячо твердил Шавур влюбленному герою —
Увещевал и убеждал, тревожась всей душою.

Внимая дружеским речам, задумался Фархад.
И ласков был его ответ, и задушевен взгляд:

«О верный, драгоценный друг, мой спутник неизвестный,
Моя подмога в трудный час лишь ты во всей вселенной!

Ты прав: скрывал я до сих пор страдания свои,
Внемли же раненой душе, горящей от любви.

Был счастлив я в родном краю, и все ж душа и разум
Недаром грезили в тиши неведомым Кавказом, —

Портрет красавицы, что ты в те дни нарисовал,
Меня как будто свел с ума, навек околдовал.

Знай, добрый друг: еще живя в моей родной столице,
Сгорал я в пламени любви, как в жгучей огневице.

Теперь же в дочери младой почтенного Устада
Узнал я ту, чей дивный лик — души моей услада.

К чему мне зренье, если черт возлюбленной не зреть,
На волны черных кос ее с восторгом не смотреть?

К чему мне сердце, если страсть угаснет огневая,
И если милой нет со мной, к чему мне жизнь земная?

Пусть сердце бедное мое умрет во цвете дней,
Коль не дано ему сгореть в огне тоски по ней!

Сегодня помощь мне нужна — не просто утешенье,
Но не могу тебе, мой друг, подсказывать решенье.

Теперь, когда ты заглянул в тайник моей души,
Подумай сам, что делать нам, — спасти меня спеши!»

Обезумевший от любви Фархад умоляет своего друга быть его сватом. Но осторожный Шавур решает сперва расспросить мать молодой красавицы.

Добрая мать прекрасной Гулистан уже заметила тайную страсть, возникшую между ее дочерью и чужеземным царевичем. Она признается Шавуру, что была бы рада этому браку, но ее почтенный супруг, прославленный скульптор Устад, уже давно объявил о своем твердом зароке: лишь за лучшего из своих учеников согласится он выдать замуж свою дочь — лишь за того, кто сможет стать достойным наследником его чудесного, но труднейшего в мире искусства... Ни мгновенья не колебался Фархад, узнав об этом нелегком условии, и премудрый Устад благосклонно согласился принять его в число своих учеников.

Чуть утро поднесло к губам златую чашу солнца,
Чуть постучался первый луч в узорные оконца,

Чуть свежий ветер оживил садов густую сень
И с кубком радости в руке явился новый день,

В дорогу собираться стал Фархад — герой влюбленный:
Кирку он взял, резец он взял, в горниле закаленный,

У старца мудрого решил учиться мастерству,
Чтоб чудо-девой завладеть не в грезах — наяву!

А старец был уже готов — у входа ждал Фархада,
Склонясь, приветствовал Фархад почтенного Устада.

Все выше, в горы шел Устад, и по уступам скал,
Не отставая, словно тень, Фархад за ним шагал.

Пришли туда, где высекал Устад свои творенья,
И дни за днями потекли нелегкого ученья...

Смешавшись с ревностной толпой других учеников,
Во всем Устаду подражать царевич был готов.

Забыл на эти дни Фархад, что он богат и знатен.
Был тяжек труд для рук его, но для души приятен.

Недаром говорят, что ключ всех наслаждений — труд,
Что благородней всех заслуг, всех награждений труд.

В безделье вянет человек, а это не годится, —
Так розы вянут оттого, что не хотят трудиться.

Взгляни, как трудится Фархад: упорен и силен,
Величье царское забыв, утесы рубит он!

Вот уже много дней прошло с тех пор, как старый Устад отправился в горы со своими учениками. Каждый день молится в храме юная красавица Гулистан, горячо желая своему возлюбленному добиться желанного успеха. Но неужели сможет Фархад за короткий срок овладеть труднейшим искусством, которому ее отец посвятил всю свою жизнь? И, однако, каждый день приносит ей обнадеживающие вести: один за другим спускаются с гор ученики,

отчаявшись состязаться в мастерстве с чужеземным царевичем. Наконец, возвращается во дворец и сам почтенный Устад. Запылало от счастья сердце девушки, когда услыхала она, с каким волнением рассказывает отец о необычайных дарованиях молодого Фархада. Всего за несколько недель сумел Фархад перенять у старого скульптора все его приемы, все секреты его мастерства, а затем с небывалой быстротой и вдохновением высек из гранитной скалы чудесное изваяние молодой красавицы. Узнав, что изваяние уже перенесено во дворцовый сад, девушка умоляет отца, чтобы он разрешил ей взглянуть на эту статую.

Пришла живая Гулистан к подножью пьедестала
И каменную Гулистан с волненьем увидала.

Царевича чудесный труд ей душу взволновал,
И сотни в сердце родились восторженных похвал.

На троне статуя его сидела, как живая,
И чаша у нее в руке сверкала золотая.

Ее бы статность я сравнил с красавицей сосной,
В восторг пришел бы кипарис от стройности такой!

Был у ваятеля резец и вправду чародейский:
По краю статуи узор струился манихейский,

Текло сиянье красоты с ее лица и тела,
На мир с улыбкой плутовской надменная глядела,

Блистало нежное лицо, как солнечный зенит,
А лоб лучился и сиял, как в небесах — **Нахид.**

Казался луком взлет бровей, а взор — стрелой разящей,
Был этим идолом сражен, всяк на него смотрящий.

Два уха — как из серебра, а из-под их дуги
Два полумесяца, блестя, свисали — две серьги.

Цвела улыбка на устах, — изгиб ее дразнящий
Фисташки приоткрытой был заманчивей и слаще.

Как гиацинты, на лицо спадала сеть волос,
Казались связкой колосков концы пушистых кос.

А стан был словно стебелек, — и как на нем держались
Две груди, что, как две горы, упруго возвышались?

Румянец юных щек сиял, как бадахшанский лал —
Волшебный лал, что и луну, и солнце затмевал.

С каким искусством камень плеч одежда облекала!
Так дева все свои черты в скульптуре узнавала.

Пред ней сидела Гулистан, держа бокал в руке,
И только не было души в гранитном двойнике.

Да, этот идол побеждал всех идолов Азсра, —
Воспламенял он все сердца, ниспровергал все веры.

Не только идолов других сей идол в прах поверг, —
Для всех ваятелей^гворцов отныне свет померк!

Меж тем, увидев образ свой, сидящий на престоле,
Мечтаньям дева предалась, неведомым дотоле,

Глазам не веря, замерла, забыв дела земные,
Как будто в зеркале живом узрев себя впервые,

Как будто в идоле смогла узнать судьбу свою, —
И тихо дева перед ним уселась на скамью.

Кувшин заметив у скамьи и чашу золотую,
С улыбкой влагу налила — прозрачную, хмельную,

Уста и сердце освежив чудеснейшим вином,
Пустую чашу, засмеясь, поставила вверх дном.

Почуяла, как сладкий хмель в ней запылал игриво,
И зеркальце, развеселясь, достала торопливо,

Решила на себя взглянуть - со статуей сравнить:
Ведь этот каменный двойник красивей, может быть?

Но нет, милей, нежней была красавица живая,
Возрадовалась Гулистан, свой облик созерцая.

И все ж о многом ей сказал безмолвный этот идол —
Он тайну своего творца прекрасной деве выдал:

Любовь Фархада Гулистан постигла до конца,
И навсегда слились в огне их пылкие сердца!

АССАР ТЕБРИЗИ
(1325-1390)

Выдающийся поэт, ярый приверженец суфийских взглядов, Мухаммед Ахмед оглы Ассар Тебризи родился в городе Тебризе. Поэт был высокообразованным человеком своего времени, в совершенстве владел тюркским, арабским и персидским языками. В историю отечественной культуры он вошёл и как поэт тончайшего художественного вкуса, и как мыслитель, глубоко познавший теоретические проблемы литературы. Был неустанным проповедником суфийского учения о «едином существе»; идейный лейтмотив его творчества — концепция «божественной любви». В молодости недолго служил при дворе правителя Азербайджана султана Увейса.

Написал немало лирических стихов разного жанра, которые впоследствии вошли в его «Диван». Из лирического наследия Ассара до нас дошли несколько кыты и «Сагинаме» («Книга кравчего») — стихотворение-месне-ви, состоящее из 120 бейтов, освещающее некоторые аспекты суфизма и ряд вопросов морально-социальной значимости: протест против зла и насилия, суждения о роли науки и знания в духовном воспитании человека.

В истории азербайджанской литературы Ассар Тебризи увековечил своё имя, главным образом, поэмой «Мехр и Муштари». Вся поэма, продолжающая и развивающая гуманистические идеи гениального Низами и несущая печать сильного влияния фольклора и суфийского мировоззрения, привлекает внимание оригинальной темой и сюжетной линией. Суфийская идея решается на примере преданной и нерушимой дружбы двух молодых людей: Мсхра — сына шаха Шапура, правителя страны Кейван, и

Муштари — дочери визиря. Дружба высокородных героев вызывает зависть окружающих и навлекает на них несметные беды и напасти, но они стойкие в своей дружбе, ими движет любовь к Аллаху, ведущая их по праведному пути к высотам духа. Вот так оригинально преломляется в поэме суфийская идея о единении с идеалом — Всевышним. Эта философская подоснова поэмы.

Поэма «Мехр и Муштари» после «Пятсрицы» Низами — большое достижение классической азербайджанской эпической поэзии и занимает почётное место в ряду бессмертных творений сокровищницы мировой культуры.

МЕХР И МУШТАРИ

(отрывок из поэмы)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕХРА И МУШТАРИ В ШКОЛУ

Раз сердце мудростью просвещено,
В благих делах прославится оно.

Наука — посох разуму людей,
И жизнь бессмертная таится в ней.

Кто натрудил хоть чугь ученьем вежды,
Тот знает: смерть страшна лишь для невежды.

О школе логики и всех начал
Создатель мудрости вот так сказал:

Родился в царстве солнца шахский сын,
И имя Мехр ему дал властелин.

Мехр быстро рос. Еще дитя — не воин —
Он был вниманья шаха удостоен.

Узрев его способностей печать,
Отец решил геройству обучать.

Был некто шаху в городе знаком,
Который слыл наук всех знатоком.

И повелел шах всем своим министрам
Подарки слать со скороходом быстрым.

И Мехра славного, и Муштари,
Затмившую собою свет зари, —

Алмаз короны и жемчужин нить, —
Тому ходже ученому вручить.

Когда мудрейший, их желанью веря,
Стал открывать пред ними знаний двери,

Они прошли за первый же урок
То, что другой за десять бы не смог.

Когда они узнали вкус наук,
Пред их глазами свет явился вдруг.

Они из сердца выкинули леность
И не сочли грамматику за бренность.

Мышление глаза открыло им,
Познанье мир их сделало другим.

Так время шло. Годичный полный круг
Они вертели жернова наук.

Как солнце есть одно, а не четыре —
Второго Мехра не явилось в мире.

Когда он брал перо, чтобы писать,
Его талант не мог не поражать,

И почерки **руге, пасх и тал миг**
Освоил он в один короткий миг.

В его письме пленяли слов красоты,
В его речах — глубоких мыслей соты.

Хоть молод был - был мудр, как Сулейман,
Смотрел он вглубь, был чужд ему обман.

Как след стрелы, был прям его язык, —
Он к плавным мыслям сызмала привык.

В науке звезд, в законах, в медицине
Стал несравненен он ни с кем отныне,

В поэзии, в напевах с ним вовек
Сравниться бы не смог халдей иль грек.

Был в шахматах никем не победим,
Отважным пылом поражал своим.

Не много лун взошло — и в бейтах пелось
Про острый ум, про мужество и смелость.

Решил Аллах в одну связать их нить —
Его и Муштари соединить.

Велик Аллах — и за короткий срок
Они усвоили любви урок.

БЕДР ПОМОГАЕТ МУШТАРИ

Старинных книг и слов умелый мастер
Вот так сказал о жизни и о счастье:

Едва расстались Муштари и Мехр,
Она забыла радости и смех,

Ее глодали горе и тоска;
И Муштари, став тоньше волоска,

Ночь отличить от утра не умела, —
Казалось, что душа ушла из тела.

Когда о Муштари риала Бедр,
Ее обжег огонь великих бед,

Как будто по горам она брела
И сердце ей пронзила вдруг стрела.

И Бедр, желая облегчить ей горе,
Произнесла, с сочувствием во взоре:

«Хотела б отыскать для вас пути,
Чтоб счастье вы свое могли найти.

Но если ты желаешь встречи с ним,
Узнай — она мечтаний сладкий дым!

А рада ты моим усильям слабым —
Я передать ему письмо могла бы.

Всегда готова я тебе помочь,
Меня не остановят страх иль ночь.

Я у него письмо возьму. В тиши
Его прочтешь — лекарство для души.

И пусть тебя страданье дальше точит —
Зато с тобою будет Мехра почерк»,

ОТВЕТ МЕХРА НА ПИСЬМО МУШТАРИ

Лишь только ночь крылом своим взмахнула
И тьмою книгу дня перечеркнула,

Уединился Мехр, прикрывши дверь,
Бумагу взял, перо, чтобы теперь

Ответить ей на нежное посланье:
Как он грустит, терзаясь в ожиданье.

Звенел его рукам покорный саз,
Когда он начал, как ашуг, рассказ:

«Кроме горя, ты не знаешь, пери, ни о чем,
Разлученная со мною вражеским мечом.

Одинок я, как в темнице, нет тебя со мной.
Я бы отдал все богатства, чтобы быть с тобой.

Нет конца тревогам черным, я от них в слезах;
Нет конца мечтам о встрече, — знаешь ты, Аллах!

Я от горя, как от пыток, телом исхудал,
Все во мне болит и ноет, Муштари, мой лал!

Словно тяжкий груз, разлука плечи мне гнетет,
И от жажды нестерпимой пересох мой рот.

Ты хотела, чтоб, как финик, рот мой сладок был:
Он теперь уже не сладок - горек, как ковыль.

Как самум в пустыне знойной — сжег огонь любви,
Как гюрза свивает кольца — враг меня обвил.

Душу колют мне страданья, словно мугялян,
Исхожу я кровью сердца от глубоких ран.

Нет конца ночам терзаний - кос твоих длинней,
До смерти загнал терпенье — взмыленных коней.

Сердце, о любви мечтая, сжалось все в комок,
Стал я тонок, словно стан твой — нежный волосок,

Потерял надежду встретить, увидать тебя,
Спит мое больное сердце, о любви скорбя!

О мой кипарис, как только твой я вспоминаю стан,
О тебе грущу и плачу, сердца талисман.

Я устал, без сил остался, движусь как во сне,
Чем же я с картиной этой рознюсь на стене?

Словно лилия, безмолвен — в горле звуков нет;
Как нарциссу свет не виден — мне не виден свет.

Ты теперь живешь далеко, нет к тебе тропы, —
Раскидал повсюду враг мой тернии, шипы.

Ядом скорби бесконечной мой отравлен рот...
Что сказать тебе могу? — Смерть в душе живет!

Отдаюсь на суд твой правый, пусть он и суров, —
Справедливость есть основа жизни двух миров.

Много слов еще хотелось мне тебе сказать,
Но перо мое не в силах больше написать».

ОБРАЩЕНИЕ МУШТАРИ К ОСВЕЩАЮЩЕМУ МИР СОЛНЦУ

Подобно молнии, разящий взор,
Подняло солнце меч над шапкой гор,

И в небе вспыхнул семицветный флаг,
Увидя в том особый добрый знак,

Упала Муштари тогда на землю
И молвила: «О царь царей, мне внемли!

На троне сидя, шах морей и стран, —
Ты водишь в небе звёздный караван.

Вселенную — хоть и не видит глаз —
По кругу движет быстро твой указ.

Ты свет даешь ученым всем на свете.
Дух, вызванный тобой, велик и светел.

Рубин тобою создан и сапфир.
Ты щедростью своей пленяешь мир.

Твоею милостью всегда казна —
Как соты медом — золотом полна.

К подножьям гор, на их груди покоясь,
Подвязываешь яхонтовый пояс.

Когда бы не лучей твоих волна,
Была бы вечно темною луна.

Ищу любовь средь ночи и средь дня!
Найди песчинку в мире — это я1

Когда ты золотишь холмов ланиты,
С высот своих и на меня взгляни ты!

Ты, солнце, — Мехр. И Мехр — любимый мой, —
Для вас готова жертвовать собой.

Ках смелые наездницы — мечты, —
Из Сирии в Китай летаешь ты.

Мехр, согревающий тела и души,
Ко мне яви свое великодушье:

Проникни к Мехру в золотой чертог!
А если через дверь пройти не смог, —

Лучи свои поднять ты можешь выше
И в дом его проникнешь через крышу.

И, если в доме будет он один,
Стократ коснись его, мой господин!

Скажи ему, что девушка одна
Из-за любви с душой разлучена,

Влюбленная, в слезах, скорбя о многом,
Пути не зная, бродит по дорогам.

Сменяют караулы день и ночь,
Свою печаль не в силах превозмочь,

Как тень его любви, она бредёт —
Бредёт и падает, и вновь встаёт,

И Мехра ищет, вопреки всем бедам, —
Но путь к нему, как прежде, ей неведом».

ГАЗИ БУРХАНЕДДИН
(1344-1398)

Создавший на родном тюркском языке множество художественных жемчужин, Ахмед Шамсаддин Мухаммед оглы Гази Бурханеддин родился в Малой Азии в провин-ции Кайсери. Ахмед Бурханеддин происходил из имени-того рода: отец и дед носили сан «гази», мать была дочерью одного из властителей того времени Абдуллы Челеби. Поэт рано потерял мать и рос под опекой отца. В детстве отличался незаурядной смышлёностью, за короткое время в совершенстве овладел арабским и персидским языками, постиг основы логики, теории поэзии, астрономии, философии и других дисциплин. Сыну не исполнилось и четырёх лет, когда отец взял его с собой в дальнее странствие, некоторое время они прожили в Египте. Здесь маленький Бурханеддин учил мусульманское право, каноны шариата, приобщился к медицине. В Дамаске он постигал основы естествознания и математики; позднее приехали в персидский город Хиджаз, и там не стало отца.

В двадцатилетнем возрасте Бурханеддин возвратился в Кайсери; правитель страны Гияседдин Мухаммед вверил ему должность гази, и он сменил на этом посту покойного отца. Гази Бурханеддин вскоре снискал всеобщее уважение. В 1365 году правитель был убит, трон занял его сын Алаад-дин Алибей, и Бурханеддин стал его визирем. Но в 1380 году ушёл из жизни и Алибей. Его сын Мухаммед Челеби был малолетним ребёнком, регенство вверялось визирю, бразды правления перешли в руки Гази Бурханеддина.

Гази Бурханеддин написал ряд стихотворений и на араб-ском, и на персидском языках, до нас дошёл лишь его «Диван» на тюркском языке, включающий в себя 1500 газелей, 20 рубай, 119 туюгов, несколько муфредов; всего 17000 строк.

Этот «Диван» сохранился в британском музее под номером 4126, был переписан в 1393 году — при жизни самого поэта, состоит из 608 страниц. Из-под пера Гази Бурханеддина вышли и научные работы на арабском языке — «Преимущество разъяснения», «Эликсир счастья и тайны радения».

Гази Ахмед Бурханеддин, писавший на тюркском языке — первый Азербайджанский поэт, творческое наследие которого дошло до нас почти в полном объёме.

ТВОЯ МИЛОСТЬ

Бутон не смею я сравнить с улыбкой розовой твоей.
Так страстно я молю тебя, что умолкает соловей.

Все проявленья бытия — лишь милость зримая твоя,
Волна распущенных волос длинней отпущенных мне дней.

Уста — целительный бальзам, я сладость их изведал сам,
Я снова жажду к ним припасть, они всех сладостей ценней.

Отвергнет тот шербет и мед, кто уст медвяность познает,
Рубины этих робких губ во много раз вина пьяней.

Кто станет локонов рабом, прельщенный нежным завитком,
Не сбросит до скончанья лет своих невольничьих цепей.

Нет слов таких, чтоб описать стон и божественную страсть,
Твой образ, трепетно живой, воображения сильней.

И если б сотни лет подряд я видел этот звездный взгляд,
То все иное позабыл, ведь ты дороже жизни всей.

НАЗОВЕМ

Ресницы тонкие ее стрелой разящей назовем.
Когда они вонзятся в грудь, мы «ах!» — промолвим и вздохнем.

От поцелуя сладко мне, как будто я вкушаю мед,
И неустанно говорить об этом следует одном.

Распустит дивная моя дурманных локонов каскад. —
Алоэ бросим мы в огонь и аромат его вдохнем.

Она упорствует во всем, строптивой надо подражать:
«Целуй!» — потребует она, мы «нет!» — в ответ произнесем.

Тот настоящий человек, кто светлым чувством опьянен,
Всех не изведавших любви, мы истуканами зовем.

Люблю тебя, люблю тебя, покуда длятся дни мои, —
Слова любви произношу на языке своем родном.

И в туюге, и в рубан я воспеваю красоту,
Газель моя озарена любви немеркнущим огнем.

НЕ УСТАЮ ЛЮБИТЬ

Люблю тебя, о госпожа, не устаю любить.
Глаза — две утицы мои, вам в слезном море плыть.

Китайский дивный идол мой, в тебе изъянов нет,
И с луком выгнутую бровь не смею я сравнить.

Узрит фиалка невзначай волну твоих кудрей
И раболепно в тот же миг пойдет тебе служить.

Когда б сумел, зрачки свои в Евфрат я превратил,
Чтобы ковчег моей любви до **Шатта** смог доплыть.

Шахиня, труден путь любви, но мною движет страсть
И я живу, но с каждым днем короче жизни нить.

ГДЕ ОНА?

Где та, с глазами, как миндаль,
Стан — кипарисы при луне.
Та, утолявшая печаль,
Не покорившаяся мне?

Та, что неопытна в любви,
Огонь зажегшая в крови?
Проходят быстро дни мои, —
Сегодня, завтра, как во сне.

Налей блаженства чашу нам,
Дай выпить жаждущим устам.
О нас поведай небесам,
Но, покорив и Рум, и Шам,
Будь снисходительна к рабам,
Припадшим к царственным стопам.
Что ждет меня, я знаю сам, —
Душа горит в твоем огне.

Мне стала жизнь не дорога,
Зубов я видел жемчуга,
Румянец — солнце и снега.
Хочу просить я ветерка,
Чтоб он браслеты и шелка
Отнес любимой по весне.

Ты и прелестна, и мила,
Ты сладость сахара взяла,
Ты от улыбки расцвела.
Твоих кудрей ночная мгла
Сердца околдовать смогла.
Устам рубиновым хвала, —
Их сладость я познал вполне.

Душа моей души, — приди,
Цель веры укажи, — приди.
Благое соверши, — приди,
Наедине, в тиши, — приди.
Второй Иса, спеши, — приди!
Невсрье сокруши, — приди.
Я стар — моложе ты вдвойне.

ПРОСЬБА

Встречая солнце, средь ветвей запела утренняя птица,
Друг кравчий, мне вина налей — желаю жизнью насладиться!

Пусть недозволенному быть: я разрешу ей кровь пролить, —
Но на свиданье не идет моя жестокая царица.

Все влюблены в нее вокруг, — влюбленных мучает недуг,
Стократно славлю я того, кто смог от чувства исцелиться.

Сердечный жар и слез вода объединились навсегда, —
И ночь, и день в ее душе в одно смогли соединиться.

Уста к моим губам прижми, последний смертный вздох прими,
В молчанье ты постигнешь боль, что в глубине души таится.

Зови меня своим рабом, погибну в звании любом,
Но только разреши рабу с тобой на миг уединиться.

Я об единственном скажу: тебе я преданно служу, —
Раб уверяет госпожу, — своей он участью гордится.

Ты сокрушила сердце мне и слезы льются в тишине,
Коль разбивается сосуд, то влаге суждено пролиться.

Румяных уст коснулся лал и огнецветно запылал,
А жемчуг зубы увидал и стал мерцанью их дивиться.

Твои глаза и рай, и ад — они мне Судным днем грозят,
Увидя твой прекрасный стан — умерший к жизни возвратится.

Твой лик так солнечно цветет, как будто утро настает,
Столь эти локоны черны — в них ночь беззвездная таится.

Нанес мне твой жестокий взгляд сто ран, они кровоточат,
Бальзамом слез врачую боль, что нанесли твои ресницы.

ПОХВАЛА

Запах амбры источает черных локонов волна,
Ты кудрявым этим войском от невзгод защищена.

Слышишь, мир тысячекратно возгласил тебе хвалу.
Тетива бровей сурьмленных, словно лук напряжена.

Ты — великая шахиня, мы — влюбленные рабы,
Если мы грешим невольно, — нам отпустится вина.

Рот — рубин, глаза — нарциссы, стан — весенний кипарис,
Этим царственным богатством обладаешь ты одна.

Я ВО ВЛАСТИ ТВОЕЙ

Ветер утра, вернись и любимой привет передай,
Кровью сердца полнее мне чашу любви наполняй.

Лик укрой волосами — спрячь день, чтобы мрак наступил.
Убери свои кудри, скрой сумрак, вновь день возвещай!

Тем, кто жаждет, шахиня, дозволь прикоснуться к устам,
Я во власти твоей, равнодушно раба убивай.

Мускус черных волос кровь и смертную плоть иссушил,
Это бренное тело как стебель алоэ сжигай.

Приказал я себе: за любимую душу отдай!
И, себя умертвив, отреченьем свой дух прославляй.

СЛУГА ЛЮБВИ

Мне душу погубила та, с глазами томными джейрана.
Обитель райская для нас — волна волос благоуханных.

Руками белыми она легко околдовала сердце,
И о влюбленности моей слух поразил моря и страны.

С тех пор, как на моих глазах скупые слезы показались,
Я стал подвижником любви, ее слугою неустанным.

Всех возлюбивших я зову со мной вступить в единоборство,
Ведь сердце сделал я мячом для беспощадного човгана.

Знай, в этой ямочке твоей на белоснежном подбородке
Томится сердце, как Юсуф в колодце смертного зиндана.

Сгорая в пламени любви, я обретаю светозарность,
И места нет в моей душе ни суесловью, ни обману.

Мы, возлюбившие тебя, отвергли все иные веры,
И новый нам открылся смысл в реченьях вещего Корана.

Благоуханная, зачем рубины уст ты душишь амброй?
К чему даренья муравья могучей власти Сулеймана?

Я в красоте твоей узрел безбрежность и глубинность моря,
Пусть сотни капель слез моих вольются в воды океана.

Шахиня, заблудился я в сетях кудрей, укрывших плечи,
Прельстился родинки зерном, не видя хитрого капкана.

И если каждый человек имеет в этом мире имя,
Мужей — служителей любви, я называть святыми стану.

Кто возлюбил и кто любим — перед любовью равнозначны,
Да будут радостны они и благодатью осиянны.

В переплетениях кудрей мой дух восторженно блуждает,
Они откроют новый путь тем, кто заблудится нежданно.

С ТЕХ ПОР

С тех пор, как о твоих глазах молву я услыхал,
Я пьяным поутру вставал и пьяным засыпал.

В горючий высохший тростник я тело превратил
С тех пор, как твой увидел рот, пылавший словно лал.

С тех пор, как жемчуг слез моих ты превратила в кровь,
Подобно меркнувшей луне лицом я бледен стал.

Стремясь в мечтаниях прильнуть к рубиновым устам,
Себя я с ног до головы кинжалом искромсал.

С тех пор, как пребываю я в тенётах кос тугих,
Я тот, кто страждущих согрел и амброй одарял.

ИМЯ – ТАЙНА

Взор к тебе одной прикован, жизни нашей госпожа.
«Кто ты, бедствие иль счастье?» — вопрошаю не дыша.

Столь воздушен стан твой тонкий, что рукой не ощутим,
Или это плащ волшебный по плечам скользнул, шурша?

Шелк волос волной дурманной ниспадает до ступней,
В тех кудрях душа томится, вечным пленом дорожа.

Наши жизни вдохновила богоравная моя,
Цель возвышенных стремлений, — мы живем, тебе служа.

Ты в ночи ко мне явилась, ослепляя красотой.
Та, которая приснилась, сокровенная душа.

КАК СВЕЧА

При виде лиха твоего я таю, как свеча.
Не воск, а слезы глаз моих роняя, как свеча.

Мой дух кудрями завлечен, в неверье вовлечен,
Свеченьем веры увлечен, мерцаю, как свеча.

Бледнел я, плакал и сгорал, свой дух испепелял,
Недуг душевный исцелял сгорая, как свеча.

Страсть мотылек свою явил — он крылья опалил,
А я огню всю жизнь свою вверяю, как свеча.

Кумир, коль в этом есть обман — вели издать фирман,
Главу пред грозным палачом склоняю, как свеча.

Войди, возлюбленная, в дом, охваченный огнем, —
Я стоя жду тебя в слезах, пылая, как свеча.

Сжигаем внутренним огнем, я счастье вижу в нем,
И утоления в ином не знаю, как свеча.

Припомню твой сладчайший рот, речей блаженный мед —
Зубцами сердце боль грызет, пытая, как свеча!

Дыханья чистый ветерок костру гореть помог,
Не думай, что в печали я истаял, как свеча!

Стремлюсь к огню твоих кудрей всей сущностью своей,
Жжет каждый локон — язычок, сверкая, как свеча.

Костер разлуки все спалит, оплавился гранит
И даже камень воском стал, стекая, как свеча.

Пусть свет наполнит до конца влюбленные сердца,
Пребудет в них всегда любовь, сияя, как свеча.

НЕТ ПОДОБНОЙ

Не найти тебе подобной в райских кущах золотых,
Я в единственной не вижу недостатков никаких.

Солнце радует сияньем этот множественный мир,
Но душа моя светлеет, видя мрак волос твоих.

Не в одну тебя влюблен я, а в великую Любовь,
Это чувство почитаю я превыше чувств земных.

Мускус родинок волшебных иссушает в жилах кровь,
Фимиам восходит к небу — скорбный след страстей моих.

Коль домчит рассветный ветер аромат ее кудрей, —
Даже мертвые воспрянут, чтобы жить среди живых.

ТУЮГИ

Я постиг, что в этом мире смысла нет, и цели нет.
Кроме милой нет аята, веры в самом деле нет.

Лишь надежда — предводитель в мире этом и ином,
А другого руковода на земном пределе нет.

Столь изящной и прелестной на веку не видел я.
Жизнь отдать не жаль за чары эти, честно говоря.
Если милости сподобишь хоть на капельку меня,
То из капли забушуют разливанные моря.

Твои очи — исцеленье всех недужных. Хороша!
Ради них пускай закланьем будут тело и душа.

Не влюбиться невозможно, полюбить тебя — беда.
Все подвластно твоей воле, править всеми, ворожа.

Взор ласкать, как оказалось, она может телесами.
Душу может погубить завитыми волосами.
Я хотел открыть ей сердце, исповедаться хотел,
Заглянув в газа, увидел, что больна она глазами.

Муж на поприще своем призван ярым мужем быть.
На ристалище на бранном призван паром дюжим быть.
Кто хорош — крутой иль мягкий, может, добрый иль лихой,
Муж, назвавшийся с ар вар ом, должен мужем сущим быть!

Предначертанной дорогой дней влачится караван,
Око видит, пока зряче, и не застит их туман.
Все мы ходим под Всевышним в этом мире и ином,
Кто бы ни был — **Тохтамыш** ли, или грозный **Тамерлан.**

РУБАИ

Я — ей: о, губы! Мне: как речи любы...
Я — ей: о, стан твой! О, перлины — зубы...
Я жизнь отдам за прядь волос твоих...
Она: бедняк, цена не про твои прикупы...

Почему, — она спросила, — налиты слезами очи?
Почему ты смотришь тучей, что гнетет тебя, короче?
Потому, — я отвечаю, — что не видя губ твоих,
То и дело их воочью вижу, грезя дни и ночи.

У ашуга в сердце смута, навсегда забыт покой,
У скитальца на чужбине взор туманится тоской.
У отшельника желанье — келья, бденье и алтарь,
Чаянье мужей отважных — поле брани роковой.

ИМАДЕДДИН НАСИМИ
(1369-1417)

Гениальный азербайджанский поэт-мыслитель Сеид Али Имадеддин Насими родился в городе Шемахе. Наси-ми был блестяще образованным человеком, в совершенстве владел всеми тонкостями арабского, персидского и тюркского языков и оставил богатейшее поэтическое наследие на трёх языках; к счастью, они дошли до нас без потерь. Творческий путь Насими начинал как приверженец суфийских идей, позднее, с принятием хуруфизма, это учение нашло у него проявление в синтезе с суфизмом. Мистическая символика букв служит Насими средством для художественного раскрытия философской проблемы совершенного человека; пользуясь этой символикой, поэт выдвигает суждения о пределах и уровнях интеллектуальных возможностей человека, о роли разума и познания божественного света, явленного в самом человеке, познания вселенной и Аллаха. Познание и самопознание — не проходящие мотивы поэзии Насими. Разум — величайшее благо, дарованное человеку Аллахом. Этот дар ставит человека выше всех созданий. Человек — венец творения, достойный поклонения. Он — великая сила. Все блага природы, красоты мира — для человека. Памятник искусства, переживший века — творение человеческих рук.

Совершенный человек всемогущ, в нем является все-могущество Творца на земле. В этом нужно искать суть кредо Насими: «Ан аль — хагг!» — «Бог — это я!», «Бог — во мне!». Насими впервые в восточной поэзии возвысил Человека к Всевышнему, к Творцу, к Аллаху, а Всевышнего. Творца, Аллаха приблизил к Человеку! Это кредо поэта-мыслителя, поэта-философа, поэта-гуманиста! Именно за эту божественную идею он был схвачен в Сирии, в городе Халебе (Алеппо), и по доносу фанатичных служителей культа был обвинён и казнён как еретик каирским султаном с невиданным античеловечным приговором:

«Обезглавить, отрубить конечности, содрать кожу и семь дней держать тело на площади на показ!»

Мавзолей — усыпальница великого гуманиста поныне почитается как святое место поклонения всех ценителей и любителей гениальной поэзии Имадеддина Насими в городе Алеппо (современная Сирия).

КАСЫДЫ
АЛИ - ОН ДВУХ МИРОВ ВЛАДЫКА

Та светом полная обитель, благословенный сад,
Гробница чистая, к которой молитвы всех летят,

Тот купол, что над всеми нами, как слава, вознесён,
Он — как гора, что достигает Аллаховых палат.

Ты знаешь ли, что есть Кааба, куда несут мольбы?
То место гибели султана, что был и чист, и свят.

Он был, что море совершенства, хранитель вечный тот,
Жемчужина из моря вечности, бесценных знаний клад.

Наместник славного пророка, он был вселенной центр,
В чертоге бога восседает он средь святых услад.

Али — он двух миров владыка, имамов всех глава
И царь избранников, что в мире над прочими царят.

Лучи свои он прямо к солнцу, его сжигая, шлёт.
Он — солнце той высокой башни, чье имя — **имамат**.

Он падишах владений ангелов, своею кровью он
Призвал людей избрать путь правды, что слаще всех наград.

Бесценный жемчуг моря мудрости, куда никто не мог
Найти дорогу, кроме тех, что ему служить хотят.

Великий шах, чьи гнев и милость — причина для людей
Стремленья в рай или боязни попасть в жестокий ад.

Он верно истину толкует, познания его,
Как знания посланца бога, не ведают преград.

Все ангелы тебе возносят хвалу, о господин,
Тот молится тебе, кто верой в высокое богат.

Творению отца и деда все жители небес
Все дни и ночи славословья прекрасные твердят.

Во славу лика, что так светел, и черноты волос,
Святые день и ночь читают «Ночь и заря» — аят.

Не каждый может славословить по-должному тебя —
Ведь сам творец хвалить и славить тебя всегда был рад.

Мухаммеда, Мусы по праву наследник ты прямой,
Листы Корана из Каабы тебе принадлежат.

Едва лишь к камню прикоснётся на миг стопа твоя,
Ему все кланяются низко, ведь этот камень — свят.

Прах улицы твоей подобен целебной тутии,
Едва глаза им люди смажут — яснеет сразу взгляд.

Господь великий сам прославил твой род, твою семью,
Архангел Джабраил — он только слуга твоих палат.

Ведь дому твоему начало положено Али,
Пророк Мухаммед сам возглавил достойных предков ряд.

Господень глас: «Сюда входите!» — всечасно слышат те,
Что служат твоему чертогу, молитву в нём творят.

Чтецы божественного свитка лишь о тебе поют,
Что утро, отзвуки их гимнов в чертог небес летят.

В саду твоём так сладкогласно распелись соловьи!
Подобных птиц не знает даже чудесный райский сад.

Под сенью знамени Посланца идущий возгласил
К земному царству равнодушье, и в этом прав стократ.

В день воскресения из мёртвых ученикам твоим
Достанется Ковсар прохладный и вечный райский сад.

Тому же, кто тебе перечит, став на твоём пути,
Тому наградой будет нижний, глубокий самый ад.

Ты — доказательство у бога, а мы перед тобой
Главой склонились, мы каламы, что письмена чертят.

О царь святых, хотя бы взглядом ты бедных одари,
Которых горе, муки, беды всечасно тяготят.

Твоя обитель исцеленье всем страждущим несёт,
И жаждущим чудес, что стены её в себе таят.

Хоть раз единый благосклонно ты на меня взгляни,
Пусть от любовного недуга меня излечит взгляд.

От бедствий времени все ищут убежища. И мы
У твоего величья просим спасенья от утрат.

Отец Хасана, мы к чертогу прибегнем твоему,
Великодушье, милосердье всегда к себе манят.

Мы — бедняки, ты — царь могучий, лелеющий рабов.
Ты — шах, а Насими ничтожный — он нищий, говорят.

Но все ж и он получит долю от щедрости твоей,
Хотя глаза его лишь слёзы, как дар тебе, струят.

О бесконечности могучий владыка! Путь прямой
Лишь ты укажешь и простишь нас — ты милостью богат!

ВО ИМЯ ВЛАДЫКИ ДВУХ МИРОВ

Господи, во имя природы твоей, во имя твоего могущества
благого!
Вечен лишь ты из всех существ, тленность и суетность —
у остального!
Господи, во имя пророков всех, всех посланников твоего
величья,
Господи, во имя силы твоей, славы Избранного Святого!

Господи, во имя владыки двух миров и семьи его
благословенной,
Господи, во имя знанья и добра Али, что стал Ислама
основой.
Господи, во имя целомудрия **Фатимы**. чьей несказанной
чистоты свидетель
Был сам пророк, подтверждавший это снова и опять, опять
и снова.
Господи, во имя величия **Хасана**, доблестного брата его,
Хусейна —
Один был загублен ядом злобы, в **Кербеле** замучили другого!
Господи, во имя сердечных мук **Зейналабдин**, который ни разу
Реки своих слёз не осушал за время пути своего земного.
Господи, во имя доблести и знаний **Бакира**, что пророку
подобен был,
Чье сердце разлуки не знало в век с богом, подателем хлеба
дневного!
Господи, во имя чистоты бескрайней **Джафара Садика,**
чье знанье святое
Опорой Ислама в этом мире служит, что блюл законы
его сурово!
Господи, во имя заслуг **Мусы**, владыки великого, что в двух
мирах
Был повелителем тварей всех и господином рода людского!

Господи, во имя Хорасани, мученика, чья обитель теперь
Служит Каабой молитв и нужд, людей, почитающих господа
слово.
Кем гордится Али высокий род, — доблестного имама Рзы —
Что преемником стал самого Али — и мы не знали другого
такого!
Господи, во имя набожного **Таги**, — кипариса вечного сада,
Розы блаженных имамов, что нас зовёт к отречению
от мирского!
Господи, во имя чистого естества **Али Наги**, что
преемником был
Непорочного, чистого царя — Али, владыки всего живого.
Господи, во имя Хасана аскера, что деяньями богу угоден был,

Никто не видел, таких, как он, — да в мире и не было другого.
Господи, во имя праведного **Махди**, которому люди все
подражали,
Которому будут все подражать до трубы Исрафила громовой.
Господи, во имя естества всех имамов, сущность которых
ты сотворил
Чистой от всякой пагубной скверны, от порока, врага
человечьего злого! —
К нуждам раба твоего снизойди и исцели его от болезней,
Перед Каабой спасенья упав, он просит о милости бога
благого.
Прости милосердно его грехи, просьбы его удовлетвори,
Людям милость твоя всегда оказать снисхожденье готова.

Раб Насими уповает лишь на милосердье твоё всегда,
Удовлетворитель нужд всех людей, ты внемлешь их
молчащему слову!

По великодушию своему ты милость свою простёр на меня
И я до самого судного дня искать твоего буду только крова.

Господи, во имя рыданий, слёз и молитв твоего Насими,
Прости его, твоего раба, за грехи добром воздай ему снова.

ТЕРДЖИБЕНД

Мы — явь творца и суть его примет,
Зерцало, отразившее весь свет.

О жаждущий! Приди к нам, мы — родник, —
Живой водой да будешь ты согрет.

Двойную суть в едином видеть — грех:
Где ты, где мы — различий в этом нет.

Познают все, что истина — одна,
Когда с чела покров наш будет едет.

О, ищущий божественную суть!
Ведь мы — сам бог, — забудь двойной завет.

Велики мы, но в край небытии
Бредем, как нищий, что а тряпье одет.

Мы — дух святой, мы — имя из имён,
Тем духом был Адам одушевлён!

Во мраке кос твоих мы сень найдём —
Приют под хумаюновым крылом.

Свет единенья явит нам свой лик —
Из небыли, как солнце, мы взойдём.

Мы сущи в мире, чуждом всех примет,
Неведомы нам «что», «зачем», «о чём».

И если солнце веры — ты, ходжа,
Как мы себя правдиво назовём?

Мы — дух святой, мы — имя из имён,
Тем духом был Адам одушевлён!

О кравчий! Дух, животворящий нас!
Живишь ты влагой уст, хмелящей нас.

Твой лик, как солнце, озаряет мир,
Влечёт твой зов — всех лакомств слаще — нас!

Для нас ни рая нет, ни вечных благ,
Когда далёк твой лик, манящий нас.

Во тьме творенья сквозь кромешный мрак
Ведёт твой лик стезёй, светящей нас!

Наш помысел — один лишь образ твой,
И нет иной мечты, томящей нас.

Какое сердце в нас приют найдет,
Пока мы зрим твой лик, слепящий нас?

Безбрежен океан твоей любви,
Как жемчуг, в глубине таящий нас.

Твои лучи льют золото в сердца, —
о — клад монет любви, ценящей нас!

Ты — свиток, предсказавший нам судьбу,
Счастливою звездой дарящий нас.

О ты, наш перл! Познай же нашу суть, —
Не знаешь тайны ты, хранящей нас.

Мы — дух святой, мы — имя из имён,
Тем духом был Адам одушевлён!

О ты, сокровищ вездесущий клад,
Краса души, отрада всех отрад!

В любви к тебе, открывшей явь вещей,
Какие глуби скрытое таят?

Душа и тело, блага всех миров,
Что было, что придёт — мгновенный чад.

В сплетенье букв скрижалей бытия
Ты — только знак, поставленный в их ряд!

И только лик, лишённый бытия,
Живую воду явит без преград!

Муса, спаси изгнанников от мук,
Реки: «Откройся!», благостью объят.

Забудь себя, во всём прозри творца, —
Он — тот бесследный след, что вечно свят.

Всем сущим сутям слово в дар дано:
Они без слов словами суть гласят.

В небытии лишь вечность обретёшь,
О ты, в бессмертье жаждущий услад.

Нам облик человеческий присущ,
Но скрытый мир — живой провидит взгляд.

Мы — дух святой, мы — имя из имён,
Тем духом был Адам одушевлён!

Нам наша красота светилом стала,
И тьма сокрылась, зло немилым стало.

Лучи сиянья пали в сонм пылинок,
И каждая палима пылом стала.

А взор упал на тлен презренной плоти —
Она подвластна вечным силам стала.

Все тленное, прияв благую милость,
Земле и небу вечно милым стало.

Прияло око свет благого лика —
Провидеть суть ему по силам стало.

Открылась вязь письмен на дивном лике —
И явной суть, что он дарил им, стала,

И правда строк немеркнущего лика
Всем истинам в мирах мерилом стала.

Краса чела, раскрыв священный свиток,
Ключом всех тайн, что смысл открыл им, стала.

То сердце, что познало едииенье,
Презрело слабость, снова сильным стало.

Суть нашей речи, внятной всем созданьям.
Истоком наших душ глубинным стала.

Мы — дух святой, мы — имя из имён,
Тем духом был Адам одушевлён!

Открылся миру скрытый нами клад, —
Его добром стал мир вещей богат.

Как дар господней милости его,
Рубин — в горах, а перл — моря таят.

Являет он всю сущность бытия,
Дарует сути мира строй и лад.

Тот клад — исток творенья, суть всего,
Что в беге дней сменяет свой наряд.

О ты, таящий в сердце лик иной!
В тебе — грехов и заблуждений яд.

В сокрытых тайнах, в яви двух миров
Мы — те, кто явь и тайну сохранят.

Не верящий в единство мира, знай:
В единстве — цель, двойная суть — разлад.

Не ведавший сокровища бедняк,
Пусть твои очи — суть и сущность зрят.

Из плена плоти вызволи свой взор
И не тверди всех «да» и «нет» подряд.

Пока сияньем солнце красит мир,
Да будет светел тот, кто вечно свят.

Мы — дух святой, мы — имя из имён,
Тем духом был Адам одушевлён!

Пьяны от влаги, хмель дающей, мы,
Ведь кравчий, всем вино несущий, — мы!

Мы — ключ, открывший тайники небес,
Огонь свечи, к вину зовущей, — мы.

Мы — чанг и ней, и звон поющих струн,
И звуки песни, лад ведущей, — мы.

Нам люб уединенный путь бродяг,
И свежи юностью цветущей мы.

Мы в мире вездесущи и бедны, —
Сонм птиц, повсюду гнезда вьющий, — мы.

Мы жжём безверье, все, что чуждо нам, —
Огонь единства, скверну жгущий, — мы.

О ищущий божественную суть,
Мы признак сути вездесущей, мы!

И отблеск вечной сущности творца,
На шесть сторон сиянье льющий, — мы.

Хоть мы — предел, конец, граница, край, —
Вне сути, грань мирам кладущей, мы!

В единстве мира мы — единый лик,
Смысл двух миров, в единстве сущий, — мы.

Мы — дух святой, мы — имя из имён,
Тем духом был Адам одушевлён!

Чертогом девяти небес хранимы,
Мы всюду в нём — снаружи и внутри мы!

Наш лик — Лейли, и нет иной любви нам, —
Собою, как Меджнун, мы одержимы.

И, сущие повсюду во вселенной,
Мир без «зачем» и «почему» нашли мы.

О ищущий суть истины, зри бога, —
Его черты в прекрасном лике зримы.

Любить наш лик — дороже всех сокровищ,
Что в беспредельности миров таимы.

О себялюбец, жаждешь ты соблазнов, —
Презрения достойны нелюдимы!

Ведь должен был явиться день творенья.
Чтоб стали «каф» и «нун» неотделимы.

Чем излечить от хвори вожделений?
Маслины той беде необходимы.

Чудовищу ты зря твердишь заклятья, —
Порывы зла его неукротимы.

О ты, не ведающий нашей правды,
Запомни клич, который изрекли мы:

Мы — дух святой, мы — имя из имён,
Тем духом был Адам одушевлён!

Мы — мир, нарекший всем хвалам зарок,
Мы мира беспредельного восторг.

И сущи мы, пока нам Фазлуллах
Стезю смиренья в двух мирах предрёк.

В семи пределах наших капля вод,
Семи морям способна дать исток.

О истинного друга стройный стан!
Короткоруким путь к тебе далёк.

Не смей твердить, отшельник, про любовь,
Ведь ты вовек не ведал к ней дорог.

Чело луны померкло от того,
Что я из сердца горький стон извлёк.

Зачем с тобой делить мне боль души?
Не знал вовек сердечных ты тревог.

Твоя любовь приворожила нас, —
Янтарь к себе соломинку привлёк.

Святоша, знай: дурного нет в вине,
Испей вина, хулить его — не прок.

Все истинно в предвечных письменах, —
Нам прихоти желаний невдомёк.

Мы — дух святой, мы — имя из имен,
Тем духом был Адам одушевлён!

Ведущий к миру сутей нас глава!
Твой лик — семи святых стихов слова.

Венца главенства недостойна ввек
Не ведавшая плена голова.

Твой лик — сверканье солнечных лучей,
Дающих жизнь всем сутям естества.

Без пешек, без коней и без слонов
Твой ферзь дал мат — и пала булава.

О тайна букв меж родинок твоих!
Земле и небу в ней — суть божества.

«Нет, он не пал за веру, — умер он!» —
О любящих твой лик гласит молва.

О ты, не знавший в поисках удач,
Твоих исканий цель, увы, мертва!

Бсзвсрец, чтущий идолов, — и в них
Свет твоего провидит существа!

Сгубивший жизнь ханжа, испей вина,
Пойми, былая суть твоя крива.

Мы — суть и сущность сокровенных тайн,
Мы — свет души и пламень вещества!

Мы — дух святой, мы — имя из имён.
Тем духом был Адам одушевлён!

Откинь завесу, лунный лик открой,
И тайну тайн да явит облик твой!

Да станет лик твой в пелене кудрей
Душе и сердцу солнцем и луной.

Да обратится смута чар твоих
Вещающей о судном дне молвой!

Умам всех сущих истину внуши —
Смятение вселенной успокой.

Да дышит благовоньямн твой вздох, —
Даруй хотанским ланям мускус свой.

Ввергая розы в смуту каждый миг,
Обвей их благовонного волной.

О ты, влюблённый в кипарисный стан!
Во прахе перед ним пади главой.

Любовь — сокровищ потаённый клад,
В нём жемчуг скрыт, рассыпанный тобой.

Приди, о кравчий, к райским ручейкам,
Наполни чаши пенистой водой.

О ты, парящий в мире бытия,
Всех птиц пером Симурга удостой.

Мы — дух святой, мы — имя из имён,
Тем духом был Адам одушевлён!

Поистине мы — тайна всех имён,
Во влаге уст и в родинках явлен.

Мы - чрево корабля, благой ковчег,
Вместивший **семь морей** семи сторон.

Твоей красой в красотах всех миров
Никто, нигде, ни в чём не наделён.

И если ты — не суть всего, зачем
Смысл истины в тебе запёчатлён?

Перл истины взыскующий! Пойми:
В морях души, в глубинах сердца он!

Сумей прозреть обличие творца
В красе, которой лик твой озарён.

Зачем теперь ты истину не зришь,
О тщетно ждущий будущих времён?

В томленье по желанному челу
Да будешь ты душою просветлен!

Мы, как Адам, — из глины, Насими,
Любой из нас в той сути сотворен.

Мы — дух святой, мы — имя из имён
Тем духом был Адам одушевлён!

РУБАИ

С водою прах смешал великий бог
И сотворил из глины свой чертог.
Аллах Любовь с Любимой и с Любимым
Соединил и в мире уберёг.

Путь к правде Правда направляла строго.
И вот лицо открыла недотрога,
И я благую истину постиг:
«Лишь ты - мой бог. Нет бога кроме бога».

Ни на земле, ни в райской вышине
Тебе подобных нет на горе мне.
Своей красой ты мёртвых воскрешаешь,
Твоя краса, как весть о Судном дне.

Невежественный человек, беспечный, проснись.
Не доверяйся жизни быстротечной, проснись.
Путь этой жизни — путь не бесконечный, проснись,

И что-то обрети из правды вечной — проснись.

Священной истиной всегда свои мы знанья мерим.
Без слова божья не открыть к Познанью мира двери.
Ты, слово божие познав, не станешь мудрецом.
Пусть ты не станешь мудрецом, но и не будешь зверем.

Источник райский на земле — моё отдохновенье.
В тебе стихии все сошлись, слились все измеренья.
Увы, в моей любви к тебе познал я поражение.
Я был беспечен, и теперь мне не найти спасенья.

О ты, чей стан — туба, чей лик неотразим,
Склоняется луна пред обликом твоим.
ыль от твоих волос ценнее благовоний,
Твоя любовь — огонь, твоя неверность — дым.

О роза, ты росла в садах каких,
Вблизи каких потоков неземных?
В невечном мире мало вечных истин,
Ты, милая моя, — одна из них.

Всех смертных, нас, слепит твоё сиянье.
Ты всех свела с ума, лишив сознанья,
Ты — отблеск рая, а подлунный мир —
обою брошенное подаянье.

Твоя краса предвечна, первозданна,
Ты — бог, твоё лицо — сура Корана.
Склонилось в восхищеньи пред тобой
Все в мире, кроме одного шайтана.

Нет мира без тебя влюблённым нам.
Хвала твоим устам, губам, рукам.
Твоё лицо для нас — Коран священный,
Твой каждый волос — это наш имам.

Мой врач, тяжка болезнь, тяжки мои мытарства.
Я стал твоим рабом, в твоих руках лекарство.
О мудрый лекарь мой, вернёт здоровье мне
Лишь доброта твоя, а не твоё коварство.

О ты, чьей красотой луна изумлена.
В кудрях твоих волос запрятана луна.
Тобой, а не луной земля озарена,
И в небе нам луна, как тень твоя, видна.

Кто светом осенил твою главу
И глаз твоих лукавых синеву?
Твои уста так сладки, что невольно
Стыдятся те, кто делает халву.

О милая, в твоей душе и обитает бог.
И я всю жизнь любил тебя, об этом пел, как мог.
Ты — книга божья, и когда упал один листок, —
На месте том раскрылся вдруг божественный цветок.

О ты, кем полон мир, а миру нет предела.
Ты — этот бренный мир, его душа и тело.
От двух твоих бровей возник и ад, и рай,
Где происходит все лишь так, как ты велела.

Сиянием твоим пристыжена луна,
В сиянии твоём она едва видна.
Жизнь без любви к тебе напрасна и бедна.
Любовь к тебе одной пред верой не грешна.

От вечной истины я недалёк.
Та истина в тебе, и ты есть бог.
В тебе заключена святая книга —
Семь сур Корана — много тысяч строк.

Луна, и та всегда испытывает стыд
Перед огнём твоих божественных ланит.
Что делать? Беден я и всеми позабыт,
И по тебе одной душа моя болит.

Хоть, может, мой невнятен слог, я говорю:
«Дойти до истины я смог», — я говорю.
«Что я постиг, то я изрёк», — я говорю,
«Что бог во мне и сам я бог», — я говорю.

Я был хмельным, я ухмылялся пьяно,
Но стал я «Книгой Судеб», как ни странно.
Четыре я стихии, пять святых.
Шесть измерений - я, семь сур Корана.

С моей любовью я соединён,
С любовью мы едины испокон,
И потому я видел лик господен,
На все деянья я благословлён.

Ты сердце мне сожгла, сожгла беспечно.
И хоть к тебе дорога бесконечна,
Ты мне близка, мой свет, моя луна,
Подобно мне бессмертна ты и вечна.

Вершины гор — не место для меня.
Пусть будут там те, кто себя познал.
Ведь только человек, себя познавший,
Способен оценить алмаз и лал.

Ты, что в себе вместила божью милость,
Зачем шелками от меня закрылась?
Откинь шелка от своего лица,
Чтоб предо мною гурия явилась.

И родинки твои, и завитки - соблазн,
Глаза твои, что словно родники — соблазн,
Прикосновение твоей руки — соблазн.
Мой идол, на меня не навлеки соблазн.

Не будь шайтаном, мой услышь призыв,
На милую взгляни, лицо открыв.
Склонись перед землей, будь вечным раем
И стань прямым и строгим, как алиф.

Вес тайны разгадал, в суть мира я проник,
Все буквы — тридцать две — вместил в себя мой лик.
Исток предвечен мой, конец мой бесконечен,
Я в мире всемогущ, всемилостив, велик.

Предвечен я, и вечность — мой конец.
Я — и творенье мира, и творец,
Я — виночерпий пиршества земного,
Я — добрый знак для всех людских сердец.

О сердце, сердце, что ты загрустило?
Твоё на свете всё, что есть, что было.
Чего ж ты ждёшь? Достаточно того,
Что не было само себе постыло.

Счастливцы мы: любить нам суждено,
А вера и неверье — суть одно.
Любовь для суфия — лишь отрицанье,
Молитва — щит, не правда ли — смешно?

Твой довод — слово, пред его лицом
Будь предан истине, не будь глупцом.
Чтоб видеть бога, надо быть влюблённым.
Узри творца творенья, будь творцом.

Проснись скорее, слышишь, Исрафил
В свою трубу как будто протрубил.
На лике на твоём сиянье божье,
Твой сонный лик все тайны разгласил.

Боль любящих сердец не знает исцеленья.
Нет веры у святош, их зыбки убежденья.
У них лишь тело есть, но вовсе нет души.
И век обетов их не долее мгновенья.

Твое лукавство — крепкое вино.
Я отхлебнул глоток и пьян давно.
Весь мир пленён твоею красотою,
Хоть и коварство в ней заключено.

Ты — рая розовый цветник, и в этом дело.
Создатель озарил твой лик, и в этом дело.
Твой сан высок, твой трон велик, и в этом дело.
Ты — Алкоран, ты книга книг, и в этом дело.

В моих строках, а также между строк
Узрел сиянье божье тот, кто мог.
Увидел чудо — лик моей любимой,
И мой услышал голос: «Я есмь бог!»

Я отдал сердце ей, что лучше всех людей.
Я отдал сердце ей, что в мире всех стройней.
Я отдал сердце ей, чей лик прекрасней солнца.
Я отдал сердце ей, чей лик луны светлей.

Душа горит, я не могу ни есть, ни пить, ни спать.
Закрою веки — предо мной лицо твоё опять.
Покой мой отняла твоя божественная стать,
Но горе: чашей для меня твоим губам не стать.

Свеча удачи, свет сердец — твоё лицо.
И облик свой вдохнул творец в твоё лицо.
Нет ни начала, ни конца в твоём лице,
Но и начало и конец — твоё лицо.

Твоё лицо — на божий лик намёк.
В твоём лице запечатлелся бог.
В твоём лице — суть всех земных явлений.
И хаджа путь, который так далёк.

Твой лик есть солнце, свет его и тень,
Прохлада рая, райских кущей сень.
Твой лик — свеча, что светит райским светом.
И тьма над нами всеми в Судный день.

Все думаю: зачем, кому я отдал сердце?
Тебе — кумиру своему — я отдал сердце.
Сам заключил себя в тюрьму, я отдал сердце.
Зачем — никак я не пойму — я отдал сердце.

Вершится в мире все по божьей воле,
Хоть бог один и не
Но человек не менее чем бог,
Источник хлеба он, добытчик соли.

Бог — человечий сын, и человек велик,
Все создал человек и многое постиг.
Всё в мире — человек, он — свет и мирозданье.
И солнце в небесах есть человечий лик.

Вновь имя Насйми пишу я, взяв калам,
Я — злато, серебро, я — каждый божий храм.
рушащий идолов — сам идолопоклонник,
Я наставляю всех и заблуждаюсь сам.

Сам исходи, сам обыщи все страны в двух мирах.
Навряд ли край такой найдёшь, где правит мудрый,
Который был бы милосерд не только на словах,
Которым бы во всех делах руководил Аллах.

Луна вокруг твоих ланит кружится мотыльком.
И раковина — божий мир, и ты, как жемчуг в нём.
Две чаши милых глаз твоих наполнены вином,
Любовь к тебе — моя мечеть и мой питейный дом.

Нездешним светом твой сияет лик.
Видна в нём истина священных книг.
Будь мужем разума, а не шайтана,
Бог видит все, могуч он и велик.

Ты — часть моей души, и нет в тебе изъяна.
Ты — лучшая сура священного Корана.
Ты доброй не была, ты от меня ушла,
Мне рану нанесла, не заживает рана.

Познавший столько горя и утрат,
Нырнул я в морс, там нашёл я клад.
Нашёл тебя, вошёл в твой чудный град,
Откуда нет уже пути назад.

Любовь — Симург, божественная птица,
Она в сердцах нечистых не гнездится.
Что толку в том, что в Мекке ты бывал,
Когда в душе твоей лишь зло таится?

Стенать и слёзы лить — влюбленного удел,
Его удел страдать, бежать в иной предел.
Любимой брови — лук, ресницы — стрелы,
Влюблённого удел страдать от этих стрел.

Забыты в мире добрые законы.
Все люди змеи или скорпионы.
Нет в мире верности, нет доброты.
Нет больше ни любимых, ни влюблённых.

Исток соблазна — твой горящий взор,
Вокруг тебя ведётся вечный спор,
Ая твоих зубов увидел жемчуг
И свой покой утратил с этих пор.

Меня вконец разлука одолела,
Мой скудный дух стремится прочь из тела.
Мой тесен мир, хоть мир земной велик,
Безмерен мир, но мне какое дело?

О Фазлуллах, учитель наш, наш бог,
Ты нас из тьмы невежества извлёк.
Ты наш отец, ты сделал все, что мог.
Ты мать, чье молоко пошло нам впрок.

Две брови у тебя, но их едина нить.
Глаза твои — моря, из них воды не пить.
Но дай нырнуть туда, поскольку лишь ныряльщик
И жемчуг и коралл способен оценить.

Твой строен стан, во взоре вдохновенье,
Стоишь ты, как предвестье Воскресенья.
Тем, кто в святые земли держит путь,
Твои глаза дарят благословенье.

Как храм святой, достойно поклоненья твоё лицо.
Предначертанье и предназначенье — твоё лицо.
И сам творящий и его творенье — твоё лицо.
Час искупленья, миг отдохновенья — твоё лицо.

Мы все, как есть, увидим без прикрас,
Мы суть и смысл всего поймём в свой час.
Он настает уже, день воскресенья,
Проснись скорей, ты слышишь трубный глас?

В четыре дня мир сотворил творец
И создал человека наконец,
Цени сей миг, господь в сей миг творенья
Свой дух вложил нам в глубину сердец.

Мы всё, как есть, увидим без прикрас,
Мы суть и смысл всего поймём в свой час.
Он настает уже, день Воскресенья,
Проснись скорей, ты слышишь трубный глас?

Семь — вот оно число, что не обманно.
Повсюду «семь» выходит из тумана,
И семь отверстий на лице у нас,
И семь в неделе дней, семь сур Корана.

Пока ты на земле, пока ты жив,
Ты быть прямым старайся, как алиф,
Чтоб видеть бога в каждом человеке,
Молясь ему и всё ему простив.

Мудрец, когда себя познать ты смог,
Всего достиг, и значит, ты есть бог.
В тебе дыхание святого духа,
Ты всемогущ, бессмертен и высок.

Читаю на лице священный стих,
Вдыхаю амбру от волос твоих.
О пери, милая, в мои объятия
Приди, открой завесу тайн своих.

Любимая, ты — шах, я — твой народ.
Прошу я, не жалей своих щедрот.
Мир — дом, жизнь — колокольчик возле двери,
Он позвонит немного и замрёт.

Ты в океан любви нырни, хоть на мгновенье,
Со дна его достань коралл соединенья.
И что тогда все зло, всех чёрных сил боренье,
И что тебе тогда шайтана ухищренья?

Нет бога для того, кто правдой пренебрёг.
А правда лишь одна, та правда — человек.
Я чувствую, что вновь грядет потоп всемирный.
О боже, подскажи, где нам найти ковчег?

Я испытал к вину пристрастие давно.
Я раньше пил, теперь я пью любви вино.
И вновь пьянит меня, пьянит своим лукавством
Та, от которой мне быть пьяным суждено.

Я — буквы книг святых, читающих услада,
Я вечен, для меня ни рая нет, ни ада.
Я — чаша и вино, и кравчий на пиру.
Я — и смертельный яд, и средство против яда.

Пусть запад знает, знает пусть восток,
Что истина и есть единый бог.
Не зрящий истины, не зрящий бога
По сути, от шайтана недалёк.

Вхожу ли я в мечеть, иду ли мимо храма,
Направо я иду, налево или прямо,
Я думаю о том, и убеждаюсь в том,
Что бог — любой из нас, из сыновей Адама.

Восходит солнце, чтоб зайти не скоро.
Восход — лишь отблеск дорогого взора.
Коль обещания твои — шатёр,
То твой прекрасный лик — его опора.

Вновь к милосердному, что столь велик,
С молитвою я обратил свой лик.
Потом к любимой обратил я слово
И перед ней раскрыл все, что постиг.

Влюблённый, не скупись, отдай скорей
Себя во власть возлюбленной своей.
И станешь жертвой ты её лукавства,
Ее ресниц, её густых бровей.

Ты истине служи за совесть, не за страх.
Смотри, не утони сё ни в чьих кудрях.
Но, истине служа, не забывай, что люди
Прекраснее всего, что сотворил Аллах.

О милая, весь век, пока я жив,
Пусть будет нрав твой весел, лик красив.
Пусть в день, когда не будешь ты со мною,
Печален буду я и молчалив.

Ни в дух, ни в тело я вместиться не могу,
В мир этот целый я вместиться не могу.
Ни в скудный ум людей, ни в их воображенье
Что ты ни делай, я вместиться не могу.

Мы всюду ищем суть, о чем-то вечно спорим,
.Невежество людей всегдашним было горем.
Лишь тем, кто суть постиг, любви открылся лик,
Стал каплей океан, а капля стала морем.

Прошло немало лет, пришло немало бед,
Не встретил я таких, как ты, таких и нет.
Свидание с тобой моею целью было
И потому всегда я видел райский свет.

Я плачу по тебе, я жду с тобой свиданья
И, раб, плачу сполна своею кровью дань я.
В разлуке мы с тобой, чего ж могу я ждать?
Я ничего не жду, я жду лишь состраданья.

Твои назвали зубы жемчугами,
Твои глаза горят двумя огнями.
Хотя в тебе заключена беда,
Мужи любви, идём к беде мы сами.

Раб Истины, как я мечтал принссть
Счастливую вам от Аллаха весть.
Миров так много — восемнадцать тысяч,
А бог един, и он повсюду есть.

Мы думаем о тех, в кого мы влюблены,
Чьи брови, словно лук, глаза черным-черны.
Мы любим их, они тиранить нас вольны,
А наш удел иной: мы им служить должны.

Чтоб бесполезно не прожить свой век,
Пойми: опора мира — человек.
Во взгляде человека — суть вселенной,
Все, что Аллах замыслил и изрёк.

Пьёшь чистое вино — встаёшь на чистый путь.
Ты лечишься, цедя из винной бочки муть.
Когда красавицу неверную ты любишь,
Ты обретаешь зло, свою теряешь суть.

О ты, чей лик прекрасен, взгляд глубок,
О ты, чьи губы хызреких вод исток.
В твоих бровях сокрыта тайна веры,
С тобой нам встречу уготовил бог.

Любили мы, иначе не могли,
Мы поклонялись светочу земли.
С тех пор, как мы узнали Фазлуллаха,
Мы в двух мирах путь истины нашли.

Суть истины святой — в твоих глазах,
И вечность, и покой в твоих глазах.
Обрел лишь зло, хотя добро и веру
Искал я день-деньской в твоих глазах.

Мне раны нанесли со всех сторон твои ресницы,
В моей душе завоевали трон твои ресницы,
На свете взяли всех людей в полон твои ресницы,
Добро забыли, веру и закон твои ресницы.

Теперь, познав любовь, я все на свете знаю,
Я, вникнув в жизни суть, сокровища скрываю.
В любви не преуспел, я горе претерпел.
Нет тела у меня, есть лишь душа больная.

О ты, чей лик звезд и луны светлей,
О ты, чьи зубы жемчуга белей,
Пусть будешь ты благословенна богом
И пусть я стану жертвою твоей.

Ум человека — свет, сокровищ всех дороже,
Ты мудрецам внемли, чтоб стать мудрее тоже.
В зерцало мудрости каменьев не бросай,
Бесценное стекло, оно разбиться может.

Я отдал сердце той, чьи губы — мёд.
Все отдал ей — вместилищу красот.
Я отдал сердце ей, ища покоя,
Но бросил сердце я в водоворот.

Из шахских рук вино испить едва ли.
Я полюбил, и дни печальней стали.
О ты, сереброгрудая моя,
Ты шлешь навстречу мне войска печали.

Не зная ни сомнения, ни страха,
Я отдал сердце в руки Фаалуллаха,
И сердце бережно учитель взял,
вот оно теперь в руках Аллаха.

Чужая тайна будет пусть темна,
Зачем чужая тайна нам нужна?
Но тайна и твоя, и тайна друга
Не будет пусть никем разглашена.

О кравчий, выше голову держи.
К добру, к веселью путь нам укажи,
Коль пить нельзя, но можно молвить слово,
Так пусть оно не будет словом лжи.

О мой кумир, твои глаза лукавы,
Деяния твоих ресниц неправы,
И кудри благовонные твои
Прекрасны, но опаснее отравы.

Держащий в тайне мир Аллах суров.
А ты узнать попробуй, мир каков.
Ты мир познай, постигни человека,
Чтоб чем-то отличаться от скотов.

Прекрасный лик твой — неземной цветник.
Рубины уст твоих — живой родник.
Разлука наша — это пламень ада.
С тобой в разлуке я зачах и сник.

Дарует мертвым жизнь божественный твой слог.
Кто слышит речь твою, встаёт, хоть встать не мог.
Ты в любящих людей всех смертных превращаешь,
Ты завершаешь речь реченьем: «Я есть бог».

От красоты твоей весь мир пришёл в смятенье.
Твой взгляд своей стрелой нанёс мне пораженье.
Бог чудо совершил — тебя он превратил
В начало и конец всеобщего движенья.

Владычица моя, откинув покрывало,
Ты встала предо мной — и солнце засверкало.
Я столько дней искал сокровище твое,
Сокрытое от всех, оно вдруг явным стало,

Жемчуг твоих зубов, как жемчуг океана,
Сверкает он, горит, и нету в нем изъяна.
И тайну тайн твои скрывают жемчуга,
Как тридцать два стиха священного Корана.

Чтоб мир познать, взгляни вокруг и ввысь,
Ты трезв — испей вина любви, влюбись,
И если ты увидеть хочешь бога,
То, царь земной, от трона отрекись!

Благоухание вбирают две родинки твои,
И запах амбры источают две родинки твои.
Всем Индостаном управляют две родинки твои
И Рум великий покоряют две родинки твои.

Я от любви к тебе весь век терпел мученья.
Я землю обошёл, искал я утешенья.
И понял лишь теперь, что я не там искал,
Что, кроме губ твоих, иного нет леченья.

ГАЗЕЛИ
В ДУШЕ МОЕЙ ЛЮБВИ СТРАДАНЬЕ

Я от любви моей безмерной всегда кружусь, как небосвод.
В душе моей любви страданье, как бедственный пожар, растёт.

Пока во мне меня хоть капля, в тебе хоть след твой будет жить.
К моей любимой вечно чувство, в душе страдальца не умрёт.

Послушай, в царствии небесном какой стоит неугомонный шум!
То на закате и восходе мой голос «Господи!» — зовёт.

Я потому живу на свете, что милую мою люблю,
Что превратил меня в пылинку любимой нестерпимый гнёт.

Зерцало образа любимой одно лишь может уловить,
Моих очей частицу праха — то, что пока еще живёт.

Мой вздох любви в печальном теле с водою землю сжег до тла,
Все влажное и все сухое во всей вселенной он сожжёт.

Пока я схож с водой текучей, покорно льюсь к твоим ногам,
Моё чело, гордясь той честью, до звёзд небесных достаёт.

Одно твоё лицо всечасно в моих глазах отражено,
Лишь зеркало лица любимой меня всегда к себе влечёт.

Глаза мои, довольно лить вам потоки безотрадных слёз,
Иль буря слёз моих кровавых весь этот бренный мир зальет.

Как Насими, чистосердечно будь прахом Фазлуллаха ног,
И достояньем твоим станет и милость божья, и почёт.

ЖИЗНЬ УХОДИТ

Если б только мы знали все, что с нами случится,
То должны были б слёзы вечно литься и литься.

Очи сердца откройте и получше взгляните —
Жизнь уходит, а с миром все вам жалко проститься.

Прибыль мира нужна вам, вы забыли о вере,
Но от блага мирского трудно ль вам разориться?

Длинный путь, бесконечный пред нами простёрся,
Повнимательней будьте, ведь легко заблудиться.

Этот путь без изъятья предстоит всем нам, людям.
Кто не верит, пусть взглянет поскорей на гробницу.

Если лук небосвода будет туго натянут,
То стрела хоть в кого может сразу вонзиться.

Насими, когда солнце светом мир заливает,
Как пылинкам в сиянье, всем придётся нам скрыться.

К ГОСПОДУ ВЕДУЩИЙ ПУТЬ

В единобожье разве есть высокий или низкий сан?
Исканье истины одно — для мусульман и христиан!

Лишь в крае внешнего всегда есть разговор о «я- и -мы».
А в царстве мысли «мне» и «нам» единый смысл навеки дан.

В рисунке внешнего нельзя людей приметы нам найти.
Лишь светом внутренним горя, покажет человек свой сан.

Лицо твоё — то бога суть, то воплощение его.
Тот, кто узрит его на миг, тот господа увидеть зван.

Конец твой — он началом стал, твоё начало есть конец.
Подобна кругу суть твоя, ты как бездонный океан.

Стремись скорей себя познать, познанья бога средство ты.
Познав себя, рассеешь ты, мой господин, любой туман.

Но если ты пути к себе сегодня, друг мой, не найдёшь,
То завтра пальцы будешь ты кусать, тоскою обуян.

Кто с другом кубок пригубил, на пир предвечности придя,
Тот будет на века веков вином тем несказанным пьян.
Вот к господу ведущий путь, что описал вам Насими,
Кто этот путь себе избрал, тот благодатью осиян.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ В ЦАРСТВО МРАКА

Воды живой источник вечный — твои сладчайшие уста.
Путеводитель в царство мрака — лица тончайшая черта.

Взглянувши на глаза хмельные, я убедился в тот же миг,
Что совершенств земных превыше моей любимой красота.

Когда не в локонах любимых,что воплощают бога лик,
То в чём божественная сущность была, скажите, излита?

Мир красоты — он изначален, извечно властвует любовь.
Страна любви всегда свободна, всегда счастлива и свята.

Куда бы ни смотрел я, всюду я вижу лишь одно всегда —
Твой лик, сияющий как солнце, о нем одна моя мечта.

В её очах источник света, суфий, увидишь ты, когда
Душа твоя от лицемерья останется на миг чиста.

Приди ко мне, я полон жажды тебя скорее увидать.
Так мысль людей в загробной жизни лишь садом райским занята.

Хотя приветом ты ни разу не радовала душу мне,
Тебе я шлю благословенье, как ни была бы ты круга.

Пред ликом господа молюсь я лишь только лику твоему.
И правильной мою молитву признает бога доброта.

Приди ко мне, любовь, чьи кудри — ночь откровенья
для меня, А без тебя и час — ста тысяч ночей бессонных маета.

Тот, кто лицо твоё увидит, от ада навсегда спасён,
Ему открылась на минуту твоих достоинств красота.

Суфий, меня с её порога попробуй, прогони в мечеть —
Для тех, кто Истине покорен, кумиры все — одна тщета.

Кто отдал жизнь за лик твой сладкий, как Насими, тот
в Судный день Вполне оправдан будет богом, ему другие не чета.

УХОДИТ, ЗАБЫВАЯ ЛЮБОВЬ

Добронравье навек позабыв, от меня дорогая уходит.
Притесненья дорогу избрав и любовь забывая, уходит.

Будь добра она, будь она зла, все равно совершенна она.
Без внимания зло и добро за собой оставляя, уходит.

Как зерцало, сияла душа, но с кудрями её разлучась,
Только мраком покрылась она, и за светом, рыдая, уходит.

Та, что сердце моё забрала, стала вдруг неприступно горда.
Притесненьем, лукавством своим сердце мне разбивая, уходит.

Страсть моя к её лику взнеслась в небеса, к самой сфере луны.
Стала ветром по праву она, и, как пламя, сжигая, уходит.

От безмерного гнёта кудрей истомлённое сердце моё
С ветром утренним в дальнюю даль, безутешно рыдая, уходит.

От любовных недугов одно есть лекарство - то боль от любви;
За той болью-лекарством душа, утешенья не зная, уходит.

Сердце, сдержанность сбросив свою, отдалось аромату любви.
Чистотою наполнясь, оно, ханжество проклиная, уходит.

Насими, где обитель твоя? В кабаке поселился ты, друг.
Ты уходишь с дороги грехов, жизнь былая, шальная уходит.

КЛЯНУСЬ Я ПРАХОМ ВСЕХ ВЛЮБЛЁННЫХ

Я вижу, что моим недугом моя любовь огорчена —
И потому совсем не хочет лечить несчастного она.

Она меня своим кокетством и равнодушьем извела —
Кто скажет, что она приязнью и лаской не наделена?

Клянусь я прахом всех влюблённых, кто умер от любви к тебе —
Смерть за тебя борцам за веру наградой высшей суждена.

Свидание с твоей косою приятней вечной жизни мне —
Ведь жизнь, что уж к концу подходит, не так, как та коса,
длинна.
Не хочет мучеником зваться в тебя влюбленный Насими —
Ведь боль любви ему не в муку, а в наслаждение дана.

УХОДИТ

роливайте кровавые слезы, глаза, ведь красавица, сердцу
родная, уходит.
Та, что сердцу больному приносит покой, ныне, душу
безмерно терзая, уходит.
У обычных людей изнывают сердца от того, что обидчики
боль причинят.
У меня ж в сердце боль потому, что она — что обидчица
гордая, злая, — уходит.
В келье скромной аскета вчера о кудрях рассказало бедняге
влюблённое сердце, —
Глядь, привязанный к рубищу бедный аскет за зуннаром
христианским, хромая, уходит.

Из всех дел в этом мире одна лишь любовь сердцу бедному
радость приносит, наверно.
Пусть исчезнет навеки из жизни любовь — и увидишь: душа,
изнывая, уходит.
Знай, готова покинуть навеки душа моё тело
от невыносимых скорбей.
И завеса давно уже с тайны снята и в туманной дали,
исчезая, уходит.
Шип разлуки с прекрасной любимой моей разрывает мне
сердце сильней каждый миг
Ведь все дальше лицо сё — роза — от глаз, опьянённых
любовью, сверкая, уходит.
Опьянённая страстью душа Насими от любви к твоим
томным нарциссам — глазам
Оставляет его безутешно скорбеть и, о милой печально
рыдая, уходит.

СЧАСТЬЯ ЖЕЛАЮ ТЕБЕ

С улицы твоей ухожу с тоской — счастья желаю тебе!
Но тебе служить буду я душой - счастья желаю тебе!

Где бы ни был я, только за тебя буду молиться всегда.
Божья благодать будет над тобой — счастья желаю тебе!

Слёзы на глазах и огонь в душе - так ухожу я. Забыв
Муки, что принёс мне твой взор хмельной — счастья желаю
тебе!

Если пощадит жизнь меня, то я снова увижу тебя.
Если же умру я в стране чужой — счастья желаю тебе!

Если ветерок прах овеет мой вдруг ароматом кудрей.
То воскрес1гу я в этот миг благой. Счастья желаю тебе!

Если ты когда вспомнишь обо мне, то напиши мне в письме:
«Здравствуй, Насими, за твой стих живой - счастья желаю
тебе!»

СНОВА

На небосклоне вечор поднялась сладкая наша луна снова.
Счастье опять стало другом моим, мне улыбнулась весна снова.

Разум блуждал мой, дорогу любви он потерял и с пути сбился.
Но он вернулся на истинный путь — счастьем душа полна снова.

О воздержании думать я стал, и благочестье влекло разум,
Но из-за завесы её красота вдруг показалась, нежна — снова.

Словно бутон, в серединке скрывал долго я жаркий огонь
в сердце. Только дым стонов горьких моих выдал меня сполна снова.

В луже моих безотрадных слёз весь утонул кипарис стройный.
Стала доступна моим рукам ныне его вышина снова.

К солнцу сияющему любовь вечно растет, как луна, в сердце.
И, как свеча, я от неё таю, лишённый сна, снова.

Каждую ночь гасну я, как свеча, и расстаюсь я с душой бедной,
Утром благоуханий твоих душу живит волна снова.

Милая жатву жизни моей выжгла по колоску, ныне ж
Ветром страсти полову всю мне выжигает она снова.

Денно и нощно я опьянён чашницы взором хмельным, жгучим.
Пьян я вполне, не нужно мне ныне другого вина снова.

Я, Насими, лик прекрасный люблю, не отрекусь от него
в жизни — Хватит с меня наставлений, захид, слушать ли мне болтуна
снова?

НЕОБЫЧАЙНО

Ветерок! Любимая моя, знаешь ты, чутка необычайно.
Тише дуй! Порой твоя игра, милый друг, дерзка необычайно.

Если хочешь что-нибудь спросить, у меня, влюбленного,
спроси —
Например, о розе милых щек, что нежна, сладка необычайно.
А потом скажи её очам ты о сердце плачущем моём.
Ведь тоскует по своей родной сердце бедняка необычайно.
Увидавши стан её — молчи, пред походкою замкни уста.

Стан — источник бед, походка — смут, как она легка —
необычайно.
С болью в сердце что же делать мне, я не знаю, растерялся я.
Переполнилась та чаша тайн, а она тонка необычайно!
От страданий по тебе душа Насими всегда была хрупка.
Сжалься надо мной, теперь она, бедная, хрупка необычайно.

СО МНОЙ

Я в ладу со счастливой судьбой, сновидений царица со мной.
Что мне сделает горе, скажи, если радость сдружится со мной?

И едва ли посмеет печаль вокруг сердца бродить моего,
Пока будет святыня моя, по ком сердце томится, со мной.

Так, как древле Мансур. погружен в море слов я святых:
«Я есмь бог». Обвинитель, ты тяжбу оставь — ну, зачем тебе биться со мной?

Пока есть у меня **Зульфикар**, пусть схватил
легкомысленный враг
Острый меч и кинжал — все равно он не в силах сразиться
со мной.
Я — Муса, что в **Долине святой** вёл беседу с Аллахом самим.
Искра света осталась навек — можно ль ей не светиться! —
со мной!
Я всегда опьянён от вина, что в словах «Напои их» кипит —
Потому меня хмель не берёт, он боится схватиться со мной.

Я легко соглашусь, чтоб судьба и звезда отреклись от меня.
Только б щедростью благости Фазл не жалел бы делиться
со мной.

Почему бы мне нс раздавать сотни царств и краев каждый миг?
Ведь на мне сень царя почиет и благая десница со мной!

Насими — как Халил, я огня не страшусь — ведь из золота я,
Коль пробирщик мой друг, то в огне ничего нс случится со мной.

ПУСТЬ ЯВИТСЯ НОЧЬЮ КО МНЕ

Пусть явится ночью ко мне светильник, души моей диво —
Над солнцем, над зорями тут мой день засмеется счастливый.

Когда хоть однажды ко мне во сне придет образ её,
Он станет счастливой звездой, судьбой моею нслживой.

Все ночи, подобно свече, в огне злой разлуки глаза
Льют слёзы, а сердце горит от горести несправедливой.

Бровям твоим в жертву хочу я душу свою принести.
Сними покрывало с лица, весна моя, праздник стыдливый!

Хоть скрыла своё ты лицо, но нс исчезает на миг
Тот образ, что вечно ношу внутри себя я терпеливо.

Когда был влюбленный такой, чтоб он наставленьям внимал?
Напрасно ты, старец, даёшь совет мне свой благочестивый.

Лишь тот, кто стал Фазла рабом, как преданный раб
Насими, Постигнет горсньс его, души огневые извивы.

ДОЛЖЕН

Тот, кто возлюбленного ищет, сначала стать влюблённым должен. Лишь после этого он души сжигать горячим стоном должен.

Пока на свете нс осталось одно лишь существо любимой,
От бытия он отрекаться, быть вечно удалённым должен.

Уединение суфия от лицемерия несвободно,
И ты скорей идти в обитель к безумно опьянённым должен.

Коль, тайну точки раскрывая, средь поисков ты заблудился,
Нс будь ты циркулю подобен, быть к центру устремлённым
должен.
Ты, что советуешь быть трезвым, вина сюда неси скорее —
Теперь ты от вина незнанья вполне быть отрезвленным
должен.
Коль ты намерен, житель мира, идти на рынок страсти
к милой, Таким, как все на этом рынке, стать жаждой истомлённым
должен.
Когда ты хочешь снять завесу с лица красавицы сокрытой,

Ты сам, как тайна роковая, в себе быть погребенным должен.
Кто верность сохранит девизу «Я — бог», тот, как Мансур
когда-то.
На виселицу отправляться душой непокорённым должен.

Чтобы, Мусе подобно, слышать: «Меня ты никогда не узришь!»

Ты милость заслужить обязан, быть к богу приближённым
должен.

К ТЕБЕ СТРЕМИМСЯ МЫ ВСЕГДА

Зачем мне душу из силков твоих кудрей освобождать?
Зачем мне жить, коль не дано твой дивный облик созерцать?

Пусть тленье медленное ждёт и рая не познаёт тот,
Кто, от твоих вкусив щедрот, своей души не смог отдать.

Молитва богохульна та, все упования тщета,
Тому дверь храма заперта, кто лик твой смеет отрицать.

Я волю дам слезам, страданье по тебе — бальзам,
Лишит себя лекарства сам, кто по тебе не мог страдать.

К тебе стремимся мы всегда, сквозь все столетья и года,
Иных желаний никогда нам не дано осуществлять.

Душе, кудрей отвергшей плен, спасенья не узнать взамен,
С шести сторон каменья стен пути ей будут преграждать.

Те кудри, как ночная мгла, им нет конца и несть числа,
Ночь Кадра будет не светла тому, кто стал их отвергать.

И если я твой лик предам, служить начну другим богам,
Мне, как язычникам-жрецам, святой Кыблы не увидать,

Свет красоты твоей горит, всех сирых милостью дарит,
Чтоб в мире не было обид, все беднякам молю раздать.

Тот, кто твоим кудрям не рад, со всеми стал играть подряд,
Тот от судьбы получит мат, забудет в шахматы играть.

Насущным хлебом красоты меня одаривала ты,
Дозволь же мне твои персты благоговейно целовать.

Я, Насими, в сетях кудрей распутал путаницу дней,
Дел нет счастливей и трудней, чем кудри милой расплетать.

ТВОИХ

Увидев юный полумесяц, я вспомнил о бровях твоих,
Взглянув на утреннюю розу, я вспомнил о щеках твоих.

Я вкруг луны круги увидел, их вили лунные лучи.
Индийский гиацинт срывая, я вспомнил о кудрях твоих.

Пророки чудеса свершали, о них твердили мудрецы,
А я глаза твои увидел и волшебство в зрачках твоих. —

Напомнило лучами солнце о дивной славе ночи Кадр,
Я вспомнил о твоих ланитах, о ночи в волосах твоих.

Святоши рай нам описали, как будто побывали в нём,
Я вспомнил вечное блаженство, его обрёл в садах твоих.

Напрасно хвалит виночерпий ключ, что течёт в раю —
Ковсар. Иные вижу я рубины, я вспомнил об устах твоих.

Мечи соперники острили, пролить желая кровь мою,
Я серебро запястий вспомнил, звенящих на руках твоих.

Исы дыханьем животворным полны двустишья Насими,
Живёт во мне воспоминанье о мудрых чудесах твоих.

НЕ НАДО

Есть у меня твои глаза и чаши мне иной не надо.
Я опьянён таким вином и влаги мне хмельной не надо.

Я выпил истины глоток, мне тайну тайн открыл пророк:
«Я семь сокровище, я бог!» и правды мне другой не надо.

Гряди, о кравчий, и взгляни, красой извечной опьяни.
Затепли Истины огни, свечи мне огневой не надо.

Пускай певец в наш дом войдёт, песнь, услаждая слух, споёт,
Восславит твой сладчайший рот, а о другом не пой, не надо.

Хочу, чтоб он огонь возжёг и сердце в светлый жар вовлёк;
Тоска дала мне бледность щек, но жить одной тоской не надо.

О сердце, муку затая, что ищешь в море бытия?
На дне жемчужина твоя, жемчужин, кроме той, не надо.

Ты, возлюбивший шёлк кудрей, от жизни отрекись своей,
Своей души не пожалей, прельщаться суетой не надо.

Дороже всех земных утех: узреть чело, услышать смех,
Ты, нищий, но богаче всех, тебе казны златой не надо.

Тот прах, что твой порог покрыл, мне изголовием служил,
Я этой честью дорожил, подушки ни одной не надо.

Двух гиацинтов лепестки коснулись розовой щеки,
Душисты эти лепестки, и розы мне весной не надо.

Я — Насими, не значусь я в великой книге бытия,
Хранить приверженцев огня в сей книге потайной не надо.

НЕЛЬЗЯ

От тебя в подлунном мире постоянства ждать нельзя.
Больно колет стебель розы, значит, розу рвать нельзя.

Оба мира променял бы на единый волос твой,
Он во много раз дороже и его продать нельзя.

Жизнь проносится мгновенно, мимолетней ветерка.
Друг, готовься к испытаньям, жизнь гульбе вверять нельзя,

Можешь ты казнить влюблённых, или милость им дарить.
У властительницы слугам: «Что? Зачем?» — узнать нельзя.

Мы с тобою неделимы, словно сердце и душа,
Меч кровавый не разрубит то, что разделять нельзя.

На загробное блаженство не надейся в жизни сей,
За пустые обещанья мир земной отдать нельзя.

Может в пышное обличье речь провидец облачать.
Разве нам в иносказаньях мудреца понять нельзя?

И в зрачках моих, и в сердце ты прибежище нашла,
В тайниках иных твой образ от молвы скрывать нельзя.

Врачеватель, распознавший то, чем болен Насими,
Говорил: «Твое страданье, друг мой, исцелять нельзя!»

КАК Я ИЗМУЧИЛСЯ ТОБОЙ

Какая измучился тобой, кумир, красою осиян!
Помилосердствуй, от любви в моих глазах плывёт туман.

Предстань, как лунный кипарис в сиянье райского огня,
О ты, которой равных нет, яви свой бесподобный стан!

Я днём и ночью, божество, молюсь пред образом твоим
Мой дух возвышен, я горжусь, что мне удел высокий дан.

В пределах сердца моего единовластно ты царишь,
Разбей его иль вдохнови, на подвиг, славу и **дастав**.

Молю, не покидай меня. Когда тебя со мною нет,
То бедный разум замутнён, как будто я смертельно пьян.

В груди толкутся и снуют частицы малые души.
Они пылинки на свету, их манит страсти океан.

Я пламенею, как свеча, о тонкоствольный кипарис.
Невыносим разлуки миг, и дух мой горем обуян.

Стремлюсь к рубинам губ твоих, к жемчужной прелести зубов.
И слезы катятся из глаз, как будто кровь из смертных ран.

Чтоб я о горестях своих поведал ласковым кудрям,
Взойди, полночная луна, и озари пустой эйван.

С тобой свиданье двух миров прекрасней — так сказала ты,
Но скажет истинный знаток, что твой дороже талисман.

И если скалам Насими расскажет о своей тоске,
То дрогнут горы и хребты и ближних, и далёких стран.

АЛЛАХ, НЕ СОЛНЦЕ ЛИ ВЗОШЛО

Аллах, не солнце ли взошло, окрасив огненно восток?
Аллах, не в райском ли саду раскрылся розовый цветок?

Откуда локонов каскад, что запах мускуса струят, —
Иль гиацинта аромат донёс весенний ветерок?

Аллах, то не Ковсар ли твой поит нас влагою живой,
Хмелеет даже дух святой, испив единственный глоток.

Аллах, молю тебя, скажи, как сладость передать души?
Спросить, быть может, у бахши, который сладостей знаток?

Кто вспомнит яхонт губ, тот рад в честь совершенной
выпить яд.
Уста твои тирьяк таят, но в этом боль, а не упрёк.

О, ветер, что ты нам принёс? Исы дыханье, запах роз,
Иль запах утренних волос к нам долетел сюда не в срок?

Нарцисс в росистых жемчугах, ты их нанизывал, Аллах.
Прекрасно все в твоих руках — труда и творчества итог.

«Лик от красавиц отврати» — захид сбивает нас с пути.
Булыжник у него в груди, он душу запер на замок.

Аллах, молю тебя, творца, — страданьям нашим нет конца —
Не мучай любящих сердца, не будь к взыскующим жесток.

Горит на солнце, словно жар, перевитой ремень — зуннар,
Аллах, не ты ль послал нам в дар благословенный поясок?

Знай, Насими, проходят дни, все буквы в книге зачеркни,
Но запылают, как огни, те мысли, что изрёк пророк.

ИНОЙ

Сегодня ночью на пиру разлит был свет иной,
Перед глазами вспыхнул он за много лет иной.

Земной и смертною тебя назвать я постыжусь, —
Богиня, в мире ты одна, на свете нет иной.

Проситель нищий, у ворот безмолвно я стою,
Дар Фазлуллаха получив, даю обет иной.

Целебна чистая вода в нездешних родниках.
Но мной в обители твоей был ключ воспет иной.

Всех милосердием своим одариваешь ты.
Я, от огня твоей любви, рассвет узрел иной.

Трон падишаха окружён толпой немых рабов,
Я, на порог чертога став, держу ответ иной.

Долину жизни захлестнул поток горючих слёз,
И каждый день в душе моей источник бед иной.

Глаза прекрасные твои несчастье мне сулят,
А лук бровей, ресниц колчан? У них запрет иной

Я, Насими, твой соловей, прославил ясный лик,
Не сможет так воспеть тебя в стихах поэт иной.

СМОТРИ

Меня с любимой разлучил жестокий небосвод, смотри.
Изранил сердце он в груди, разбил мечом невзгод, смотри.

Разлука с милой сердце жгла, мой дух испепелив дотла,
Нет сил, надежда отцвела, в душе царит разброд, смотри.

В огне любовной маяты зачем меня сжигаешь ты?
Мне, как Мусе, яви черты, слуга явленья ждёт, смотри.

Ты лекарь мой, целитель, друг, приди и врачуй недуг.
Возникни предо мною вдруг и боль моя пройдёт, смотри.

Твой лик любовью осиян, в кудрях твоих святой Коран.
Зуннаром опоясан стан — раб за тобой идёт, смотри.

Лик — роза утренних полей, твой дух — священный соловей.
В честь розы бархатной своей он на заре поёт, смотри.

Удел Мансура был жесток, он трижды возгласил: «Я бог!»
Пусть я погибну как пророк, придёт и мой черёд, смотри.

Разлукой, молотом тоски душа разбита на куски.
О, боже, кровь стучит в виски, она из глаз течёт, смотри.

Ты — мой смеющийся бутон, росой прохладной окроплён.
Шипом любви я уязвлен, мой Судный день грядёт, смотри.

Любовь опять пришла ко мне, и Насими в блаженном сне.
Горят соперники в огне, их зависть люто жжёт, смотри.

Я

Я — божий слог, я смысл всего, субстанция времён.
Я — единенья торжество, в единстве разобщён.

Я движу мир, который зрим и движусь вместе с ним.
От мира я неотделим, в движенье воплощён.

Я знаю, что бессмертен я, пусть бренна плоть моя.
Нетленна сущность бытия, но смертным я рождён.

Я — бесконечности залог, я в человеке — бог.
Удел конечный превозмог, в стихах запёчатлён.

Я — бог и я, как бог, велик, мой многозначен лик.
Я из растения возник, в творца преображён.

Я — чистый дух, что явлен нам, я — близок небесам.
Я чуда власть не знаю сам, не знаю, сколь силён.

Я — двадцать восемь букв святых, Корана вещий стих.
Я — Кадр, открытый для живых, слепых стихий закон.

Я — жемчуг, я — сокрытый клад, божественный аят.
Я в праздник ват святой Барат с пророком вознесён,

Я стал помехой из помех живущим для утех.
Я — Насими, пишу для тех, кто к правде приобщён.

ВЕТЕР СВЕЖИЙ, ПРЕДРАССВЕТНЫЙ

Ветер свежий, предрассветный, я послал привет с тобой
Той, что взглядом совершает преднамеренный разбой.

В чем найти мне исцеленье, если знаешь, сообщи,
Расскажу о том любимой, только ей шепну одной.

Жжёт меня разлука с нею изнурительным огнём.
Луноликую увидеть не даровано судьбой.

Снова родинки и кудри вспоминаю я в тоске,
Хитроумную приманку в сети локонов густой.

Тот, чьей целью ты не стала в небесах и на земле,
Заблудился, словно путник, сбитый путаной тропой.

Мудрый к истинной святыне обратил своё лицо,
Он назвал своей кыблою чёрных глаз огонь живой.

Щеки — утренние розы, белоснежное табло,
На котором сам апостол знак оставил огневой.

Изначальный виночерпий дал пригубить яхонт уст.
Дай испить из жаркой чаши, дух смятенный успокой.

Назову ли вечным счастьем нашей встречи краткий миг,
Если сущее не вечно и конечен мир земной?

И луна, и солнце в небе — отражение твоё,
Ты раба и господина ослепила красотой.

О аскет, зачем влюбленным целомудрие блюсти? —
Не смущай меня, наставник, благонравной чистотой.

До небес с любимой встречу прославляет Насими
Для него в подлунном мире нет жемчужины другой.

ТЫ ЦЕНУ ЖЕМЧУГУ НЕ ЗНАЛ

Ты продал милую свою, без сожаленья, за гроши,
Ты сам не стоишь ничего, не оценив такой души.

А покупатель приобрёл из рук невежды дивный перл,
Ты цену жемчугу не знал — теперь посмешищем служи!

Влюблённых тайну доверять нельзя тому, кто не любил.
Тому, кто это не поймёт, о муках сердца не скажи.

Кто жертвовать собой не стал во имя истинной любви,
Тот в излияниях пустых лишь упражняется во лжи.

Умей двуличные дела и речь притвор распознавать,
И криводушного льстеца подальше от себя держи.

Мне жаль влюблённых, никогда не испытавших страстных мук.
Любимой радостно вонзать нам в сердце ревности ножи.

«Я аналь-хагг!» — изрек Мансур, приняв мучительную казнь.
Умри, но дом своей любви стеной надёжной окружи.

Татарский мускус не пролей. Сто раз себя не пожалей,
За чёрный шёлк её кудрей на плахе голову сложи.

«Превыше бога силы нет!» — твердит над чётками аскет,
Но ты, вкусивший сладость уст, о вечной жизни не тужи.

Отдай свой жемчуг, Насими, тому, кто в этом знает толк,
Невежде перлы не дари, ханже сурово откажи.

Я СТИХ СВЯЩЕННЫЙ

Я стих священный, я навек, свечение его огия.
Я собеседник высших сил, гора Синай отныне я.

Я вещих сур священный стих и точно начертанье их,
Они звучат в устах моих, с концом начало единя.

Я корень древа и листва, смерть и рожденье естества,
Я раб, не помнящий родства, приговорённый и судья,

Мечети вознесённый свод, пустыня жизненных невзгод,
Я тайный вздох, что сердце рвёт, и радость явная твоя.

Два мира я в себе вместил, — и тьму, и горний блеск светил,
Низиной и вершиной был, восходом и закатом дня.

Пергамент, что ниспослан нам, ученья сущность и имам,
Я славу и хулу и срам влачу, в себе соедини.

Я неподвижности оплот, но день за днём, за годом год
Свершает солнце оборот и звёзды кружат вкруг меня.

Мое начало «каф» и «нун» — я прошлое, и я канун,
Я старец, но годами юн — незащищённость и броня.

Я — нищий, как Фагфур богат, я Тигр-река и я Багдад,
Объединенье и разлад. Я агнец мудрый, как змея.

Я рай и дерево туба, я дня последнего труба,
Я шахиншах, тропой раба бреду, оковами звеня.

Я вместе кравчий и вино, мне видеть скрытое дано,
Я прост и сложен заодно, и робость, и дерзанье я.

Майсур и смертная глаголь, я радость и людская боль,
Я ангел, но моя юдоль — долина, где живут стеня.

С природой я неразделен, я многоцветьем наделён,
Я и рубаб, и чанга звон, я шум листвы и плеск ручья.

Я пальмы финиковой взлёт, я вместе и пчела, и мёд,
Я тот, который счастье шлёт, за доброту себя кляня.

Я — небо, твердь, вода и пар, я наводненье и пожар,
Я — жемчуг, океана дар, предвижу всё заране я.

Терновым одарён венцом, я Сулейман с его кольцом,
В слезах с сияющим лицом, и смех, и воздыханье я.

О Насими, услышь, внемли, веленье свыше утоли:
«Ты светоч неба и земли», стань провозвестьем бытия.

МНЕ ХОРОШО

Любовь моя, с тобой вдвоём наедине мне хорошо.
Я мотылёк, а ты свеча, в твоём огне мне хорошо.

Извечной истины вино постигнуть трезвым не дано.
Я опьянён и смысл давно нашёл в вине — мне хорошо.

И не открою я другим, какой любовью я томим,
Лишь символ чувства мной храним, скрыт в глубине — мне хорошо.
Соперник милости лишён, твоей красы не видит он.
Иса, гони нечистых вон! Я в стороне — мне хорошо.

Я о пощаде не молю. Когда накинут мне петлю,
Я не скажу, кого люблю, и в смертном сне мне хорошо.

В питейном доме клад найдём, от лицемерья отдохнём.
Коль змей не вызнает о том, тогда вдвойне мне хорошо.

Песнь Насими, как темный лес, - сто тайн в ней скрыто,
сто чудес.
Коль их не разгадает бес, - в моей стране мне хорошо.

НЕ СПОРИТ ЛУНА С ТОБОЙ

С тобой, луноликой, не спорит луна и рядом взойдёт — угасает.
А ночь — как она ни была бы мрачна — кудрей твоих мгле
уступает.
Как руки Зулейхи, в крови все сердца, к тебе обагрённые
страстью.
Хоть ямка мала у тебя на щеке — но скольких Юсуфов
вмещает!
Чтоб ног твоих прах на глаза положить целебной
бесценною мазью,
И солнце, встречая тебя на пути, покорно колени склоняет.

И если б невинных и праведных всех во имя твоё уничтожить —

О, Господа Милость! И это за грех твоей красоте не считают!

Светлейшее Солнце, Луна и Зухра - светила вселенной
бескрайней —
Царицей избрали тебя, и горды, что верность тебе соблюдают!

Коран возгласил милосердье твоё, тебе ниспослав свои песни.

От глаза дурного всевышний господь десницей тебя защищает.

Гори, Насими, только вздохи забудь, и стонов не ведай отныне

Дабы не туманить зерцала лица луны, что нам ярко сияет!

О ЧЁРНЫХ КУДРЯХ РАССПРОСИ

О, господи, господи! Солнечный свет любимый мой лик
источает!
И правы все те, кто светлейший тот лик божественным
ликом считают!
Мои же глаза ни за что не хотят лицо чьего видеть другое...
Воистину все, что вбирает мой взгляд, — лицо дорогой
составляет.

Несет аромат ветерок заревой и душу вселяет мне в тело,
И знаю лишь я по дыханью его, как свеж этот ветер бывает.

Аскет, не заботься о завтрашнем дне, мечтай об устах её алых.
Как дервиш мечтает об алом вине и чашу к себе придвигает.

Я очи свои превратил для неё в обитель, чтоб там её встретить.
Растут кипарисы всегда у ручья, раз корни источник питает.

Когда-то одним своим тайным жрецам сказала она своё слово,
То слово давно разошлось по сердцам и всюду его повторяют.

Чтоб так же молиться, как молятся все, — в одежде
сверкающе-чистой,

Влюблённый одежду вином в кабаке и ночью, и днём отмывает.
Бесстрастно свой век проводящий во тьме, красавицы
в жизни не встретив,
Он камень и лед вместо сердца в груди бесплодно от
ближних скрывает.
О чёрных кудрях расспроси Насими, о родинке бархатной
каждой.
Тебе он ответит, что он из-за них расстроен, бесцельно
блуждает.

В СТРЕМЕНАХ ДУША ПРИВСТАЛА

Сребротелый виночерпий нам под огненной полою
Со своих ланит подносит чашу с розовой водою.

Из-за уст, рубинов ярче, я рубинового кровью
Чаши глаз своих наполнил, словно влагою хмельною.

А её глаза-нарциссы замышляют злую смуту:
Видно сами захмелели, опьянясь своей красою.

Сам святой отец меняет ради томных глаз любимой
В кабаке святую книгу на вино её святое.

Утверждают лицемеры, что грешно любить красавиц.
Только я, тот грех принявший, — благодати удостоен!

Кудри чудные любимой на базар любви тащили
Многих праведных аскетов, не заботясь о покое!

Взоры глаз её пьянящих разорвут — в том нет сомненья —
Все завесы благочестья, все привычные устои!

Говоришь — не сострадает нам горящий ярко светоч?
Что ж слеза его печали так и льется за слезою?

В стременах душа привстала, но узды не держат руки.
Возвратись ко мне! В разлуке — не сдержать души уздою!

Драгоценнее жемчужин Насими составил песню!
Ювелир, понять пора бы! Жемчуг твой — стекло простое!

ТЫ ДЕЛАЕШЬ МЁРТВУЮ ВОДУ ЖИВОЙ

Сопутствует вечное счастье тому, кто близок тебе, дорогая,

Сидеть с тобой рядом отрадней ему блаженства под кущами рая.

Красавицы все с незапамятных пор к влюблённым жестоки
безмерно,

Обычай красавиц — тиранить сердца, терзать, снисхожденья
ие зная.

Всегда моё сердце к покою влекло, к ночным одиноким
молитвам,

Покой у меня навсегда ты взяла, и счастлива, веры лишая.

Подвижников тысячи жмутся в углах, и страсть опаляет
аскетов —

Влечет, опьянённых, их глаз твоя мгла, их влага вбирает
хмельная.

Ты делаешь мёртвую воду живой и благостной камфарой
землю.

Ты дышишь небесной своей красотой, святой чистотой
/ привлекая.

Глаза мои стали заветным ларцом, когда я устам твоим внемлю.
Покорно склоняюсь пред светлым лицом, жемчужные слёзы
роняя.
Я отдал и сердце, и душу тебе и жизнью пожертвовать жажду,
По воле своей и по воле твоей наш тайный завет выполняя.

Кто все же дождался свиданья с тобой — познал в этой жизни
блаженство: Властительный шах он всей шири земной — земли всей
от края до края.
Кашмир — твоя родинка, а Вавилон мне мнится твоим
подбородком. Глаза твои — дивная **тюрков страна**, а кудри — легенда Китая.

Божественный свиток лица твоего все тайны Мессии
вмещает,
И он не таит их от прочих людей, их все до конца раскрывая.

Тебе свою душу вручил Насими, внимая устам твоим вечно,
Ведь образ твой Духом Святым воссиял, усопших из тьмы
подымая.

В ЖИЗНИ СЛАДОСТИ НЕ ВКУШАЛ

Как прекрасен любви недуг, знает тот, кто тобой пленён.
Кто тобой не болел, тот трус, недостоин и взгляда он.

Тот, чье сердце горечь любви не взрастит, словно сладкий плод,
Плода истины не сорвет, жизнью подлинной обделён.

Без мучений к тебе идти — как стучаться в глухую дверь.
Звук дверного кольца тогда — бесполезный и ложный звон.

Тот, кто финика не вкусил с недоступной пальмы любви,
В жизни сладости не вкушал, праздной мудростью искушён.

Только лик твой, о Кипарис, вижу розовым я цветком,
И колючкой видится мне ароматной розы бутон.

Не познать горящей свече сердца, схваченного огнём,
Хоть сама она вся в огне и слезами лик истончён.

Благовонье твоих кудрей — как жасмина весенний дух.
Залах амбры не может быть с ароматом кудрей сравнён.

Тот не воин любовных битв, кто себе разрешит на миг
О душе подумать своей и о вере, в какой рожден.

Стал бродягою Насими, как вертящийся небосвод,
Стал он точкой в своем кругу, навсегда к тебе присуждён.

ВЕТЕР МНЕ ВЕСТНИК БОЖИЙ

Красота любимой нашей нас и мучит, и тревожит.
Похитительница сердца — не терзать нас разве может?

В красоты святейшем царстве, где любимая владычит,
Разве всех в неё влюблённых взгляд её не уничтожит?

Если ветер мне приносит аромат кудрей любимых,
Как же мне не славить ветер, если он мне вестник божий?

Сердце бедное измучив, жаждет верности царица.
Кто к ногам её, смиренный, тут же сердце не положит?

Очи тюркские любимой кровь мою пролили даром,
Что ошибки черноокой? Душу совесть ей не гложет?

Кто в подобные арканам брови черные влюблялся,
Не открыл ли бедам душу, обречённый смертной дрожи?

Разве может не отречься от ковра, молитв и четок
Тот, кого глаза любимой позовут и обнадёжат?

Каждый, чьи прозрели очи от очей её сиянья,
На огне, спаливши крылья — список жертв её умножит!

Цель души моей — царицы не терять расположенья...
И она великодушно в дверь свою войти поможет!

Все красавицы терзают благородных и достойных.
Насими, страдая, знает: век его недаром прожит!

МОЙ ХРАМ СВЯЩЕННЫЙ

Луна моя, за что же снова меня ты стала притеснять?
Что ты нашла во мне плохого, что отвернула взор опять?

О локоны моей любимой, вы, крылья Феникса взметнув,
Лик солнечный её закрыли, не дали дивному сиять!

Ты — та свеча, что в нас пылает, воспламеняя нам сердца,
Но им, в огне твоём сгорая, тебя дано воспламенять.

Гуляка, приобщённый к чаше, коль правду ищешь ты, тогда
Ту тайну, что в вине сокрыта, ханжам не должен открывать!

Сказав себе «Я бог», ты можешь путь верный к истине найти,
Лоб разбивать себе в мечети — не способ истину познать.

Влюблённый бедный! Ты, сумевший поймать возлюбленной
полу, Вселенную полою этой теперь ты сможешь укрывать.

Её лицо — твой храм священный, куда ты вечно устремлён.
Не потому ли сон твой — странник, и осуждён весь век плутать?

О ты, вино, конечно, дышишь святым дыханием Исы,
Раз амбры аромат сумело у чёрных локонов занять!

О, ветер, сдувши покрывало с её прекрасного лица,
Ты оскорбил ланиты розы и ей мешаешь расцветать!

Привыкши отражать страданья, с изнанки лик зеркальный
желт, И лик мой тускл не оттого ли, изнанке зеркала подстать?

О Насими, ты тучей вешней закрыл собой лицо земли,
Ты из очей роняешь жемчуг дождей, чтоб землю орошать!

ОБНАРУЖИЛ Я КЛАД ТАЙНЫЙ

Что кружусь я, как мотылёк, над тобой — не открой врагам!
Хорошо бы молчать огню, что смертелен он мотылькам!

Виночерпий из уст своих напоил меня допьяна.
Только б трезвенник не узнал, как я падал к твоим ногам!

Не поведаю никому тайну вечной любви к тебе.
Хорошо бы про тайну ту не прослышать вражьим ушам!

Сунуть шею в петлю легко, но, однако, нельзя при том
Тайну виселицы открыть, что известна лишь знатокам!

Мой соперник счастья лишён лицезреть твою красоту.
Чистота дыханья Исы недоступна грязным устам!

О захид, продолжай болтать в келье ханжеской прежний вздор!
И зачем влюбленному знать чепуху, что ты мелешь там?

К лику нежной розы любовь вечно чувствует соловей,
Хорошо бы про ту любовь не проведать её шипам!

Средь святых развалин любви, недоступных праздным ханжам,
Обнаружил я тайный клад, и я змею его не дам!

Чудесами стихи полны у влюбленного Насими —
Приобщить шарлатанов он не желает к своим чудесам!

КАК ЗАВИДУЕТ КИПАРИС

Нет прекрасней твоих кудрей, всех других красота — обман.
Розы блекнут перед тобой, и расстроен тобой тюльпан.

С сотворения мира глаз красоты подобной не зрел.
Как завидует кипарис, если рядом твой стройный стан!

Хоть луне поставлен престол навсегда на небесный свод,
Все же первенства явный знак красоте твоей светлой дан.

Очи мира и в сладком сне не видали такой красы,
Чтобы каждый, её узрев, был тревогою обуян!

Нрав земли и душа воды всею сутью своей твои,
Красота — твоя суть, а Дух — животворный целитель ран.

Я приветствую ветерок, отворяющий дверь мою,
От любимой он прилетел, ароматен, и свеж, и прян!

Красота волшебной луны дарит нам блаженства восторг,
Но куда прекрасней твой лик, вечной прелестью осиян!

Как отшельнику свой обет ие нарушить в жизни земной,
Если мир весь от уст и глаз опьяняющих — вечно пьян!

Благодатью Фазла всегда у влюблённого Насими
Источают жемчуг глаза, хоть и пуст у него карман!

С КЕМ ДРУЖИШЬ НЫНЧЕ ТЫ

О господи, мой кипарис! Сегодня с кем ты в час ночной?
Скажи, с кем дружишь нынче ты — так, как вчера еще со мной?

Мгновенно ты исчезла с глаз, моё терпенье унесла.
Скажи, сердечный друг, сейчас — чей нарушаешь ты покой?

Кто счастья моего полу вдруг вырвал у судьбы из рук?
Теперь чье счастье, милый друг, тебе доверено судьбой?

О, чаши глаз моих полны - без уст рубиновых - тоски!
О ты, души моей вино, кто от тебя сейчас хмельной?

Из-под бровей твой мчится взор из лука пущенной стрелой.
Теперь скажи, чья жертва ты, чьей дичью стать тебе самой?

Кровавыми слезами я лицо своё омыл, гляди,
Ты смутой залила весь мир - кому ты кажешься святой?

На чьи ланиты клонишь ты, о роза, сочные листы?
Я сам колючка страсти той, что в грудь вошла мне, ангел мой!

О ты, чей меч всегда в крови тобой отверженной любви!
Чье сердце ныне лечишь ты, кто верит в трав твоих настой?

Из глаз роняю жемчуга, жестокая, к твоим ногам.
Но чей же жемчуг ты сама и чьей оплачена казной?

Я вижу — кем-то пленена кудрей расстроенных волна.
Но может Насими, поверь, равняться с пленной той волной!

ТЕБЕ Я ДУШУ ПОСВЯЩУ

Когда ты выпрямляешь стан — как будто в мире ураган.
Кому еще природой дан такой изящный, гибкий стан?

Подобно ангелу, главой склоняюсь я перед тобой,
Но див проклятый надо мной смеется, злобой обуян.

Кто душу с сердцем не готов с двумя мирами бросить ей —
Тому от муки и на миг не будет даже отдых дан.

Тебе я душу посвящу — мир, сердце, веру — все отдам.
Не дрогну на махшаре я, на страшный Суд к ответу зван.

Помчалось сердце взору вслед и тянется кровавый след
Из глаз и сердца моего, как из открытых, смертных ран.

Я стан её превозношу, в молитвах лишь о ней твержу,
Где есть второй такой, спрошу, о ты, что видишь в нем изъян?

Стань странником дорог любви, любовь наперсницей зови.
Сокровища твои лишь там, а остальное все — обман.

О, ветер, милой расскажи, коль хочет знать о Насими:
«Он счастлив в обществе тоски, её блаженством осиян!»

ХВАЛУ ОДНОЙ ТЕБЕ ВОЗДАМ

Влюблённых много у тебя, я среди них не одинок,
Но я высокого чела один ценитель и знаток.

Быть может, в мире есть такой, кто пред тобою не падёт.
Но я пою, как муэдзин, что стан твой царственный высок!

Всечасно страсть питаю я к твоим агатовым кудрям.
Хвалу одной тебе воздам, и ты одна мой высший рок.

Ты мне единому внимай, ведь страсти я иной лишён!
Я продал свой загробный рай, и в гуриях — какой мне прок?

Ты отовсюду нам видна, для нас для всех ты высший суд.
Чтоб запылала страсть к тебе — любой достаточен предлог.

Что циркулем кружишься ты, о нас губящий небосвод?
Ты лишь жемчужина одна, что вдаль несёт его поток.

В чертах божественных лица как на скрижалях алфавит.
Учи все буквы, чтобы постичь хотя б одну ты тайну смог.

О, суть возлюбленной моей! Не знаю я подобной ей.
Вся сущность сущего — все в ней, и вся она единый бог!

Терплю я муки от двоих: от глаз и от кудрей твоих!
Как одолею их один? От этих мук я изнемог!

Навеки преданы тебе мы, благодарные судьбе,
Я до скончания веков лишь у твоих лежал бы ног!

Арифы знают, Насими: в единстве скрыта жизни суть,
И вся их жизнь зато навек — свиданья с вечностью — залог!

ТЫ ЧЕСТЬ ОКАЗЫВАЕШЬ НАМ

Тот сад я райским назову, где роза расцвела твоя.
Красу твою превозносить — вот смысл земного бытия!

Рубиновых я жажду уст — не жажду я воды живой.
Что говорить нам о Ширин? Её сравню ль с тобою я?

Твой дивный образ, как печать, — им запечатаны глаза.
И в каждом сердце ты всегда живешь, красавица моя!

Недуг, что ты несёшь сердцам — всегда шербет, всегда бальзам.
Ты честь оказываешь нам, преподнося смертельный яд!

Тот, кто не тратил на тебя всю жизнь свою, тебя любя, —
Скупец, что нищим проживёт, лохмотья в сундуке тая.

Приняв страдания любви, я превзошёл пределы их,
И слышишь ты мои хвалы, не слыша жалоб и нытья.

Я только бедный мотылёк, меня светильник твой привлёк.
Твою обитель посетить — взлететь в надзвёздные края.

Пусть государство есть одно — твой лик, но две шахини
в нём — Краса и Прелесть там вдвоём у власти об руку стоят!

Покорным сердцем Насими ты в мире властвуешь одна.
О, ты бессмертна! Без конца — над нами будешь ты сиять.

ВЕРНИСЬ В ЧЕРТОГ ДУШИ

Светилом счастья озарён над нами небосвод,
Венера благостных времён сияет нам с высот.

Зерцалом быть нам нарекла и отразилась в нас
Та суть, что, сущностью светла, всей яви смысл даёт.

Великих празднеств близок миг, — ступай в чертог святынь:
«Велик Аллах! Аллах велик!» — взывает горний свод.

Что смолк, божественный певец? Раздайся, рокот струн!
Здесь кипарис, краса сердец, на благо нам цветёт!

О пленники любовных мук, отверзся скрытый клад, —
Внемлите, страждущие, звук потока райских вод!

Навек от сердца отреши все блага двух миров:
Нам повелитель стран души сокровища несёт!

Ты птицу сердца не лови в тенета плотских пут, —
Нам птица счастья и любви — дар благостных щедрот!

Разящи звуки моих слов, как острый меч Али,
Который головы врагов безжалостно сечёт.

Едва лишь мускус чёрных кос обвеял Хорасан,
Благоухание принёс сменивший ночь восход!

Покинь пустыню горемык, вернись в чертог души, —
Твоей любимой лунный лик на мир сиянье льёт.

Когда же ты с чела сорвёшь жестокий свой покров? —
Ведь ты повергла сонм святош в смятенье и разброд!

Грудь Насими испещрена чертами тайных букв, —
Господней воли письмена он на бумаге вьёт!

В АРКАН КУДРЕЙ ЕЁ ПОПАЛ Я

Мрак кос твоих — для горемык: он — горький рок несчастным,
Для избранных — твой лунный лик встаёт виденьем ясным!

Гуляка, пьющий хмель до дна, я не ищу похмелья:
Я и без терпкого вина в похмелье ежечасном!

В аркан кудрей её попал я не по доброй воле:
Даны от века путы бед безвольным и злосчастным!

Я обречён безмолвно пасть, тоскуя днём и ночью:
Мне не дает покоя страсть в моем томленье страстном!

О чуждый страсти! Не зови меня от мук отречься:
Не отступиться от любви пленённому прекрасным!

Мне не любовь терзает плоть — соперников докука:
Не розам свойственно колоть, а их шипам опасным!

О сердце, стоны позабудь! Не тронут розу стоны,
И соловья надсадный плач останется напрасным!

Ты, милосердие храня, мне негу посулила, —
О, сжалься, не покинь меня в терзании ужасном!

Вершина виселицы всем мужам любви желанна:
Высокий жребий шлёт судьба всем к истине причастным!

О милости благую весть назло врагам даруй нам:
Не стыдно милость в дар принесть друзьям, тебе подвластным!

От страсти Насими зачах: его развеет ветер,
Когда он превратится в прах в смирении безгласном!

НЕ ДАНО

Я за свиданье жизнь отдам — другого не дано!
Но и ценою жизни нам такого не дано

Силок её кудрей жесток, о сердце, — не спастись, —
Тому, кто жизнь не уберёг, жить снова не дано!

О сердце, ищешь ты пути под кров её кудрей, —
Без света лика — не дойти до крова: не дано!

Челу высокой красоты завидует луна,
Но ей сиянья твоего благого не дано!

Её уста поют аят: «Поил их влагой бог!»
Но тем, кто бога не видал, то слово не дано!

Свет, чуждый взору всех невежд, мне истиной открыт:
Знак веры для меня — твой лик, — иного не дано!

Лишь с морем мук любви един, ты жемчуг обретёшь, —
Добытчикам иных глубин улова не дано!

Пусть губит душу мне она, но только для меня
Иного идола души святого не дано!

Как, Насими, к тебе не льнуть: свет истины — твой лик, —
Отступнику познать, в чем суть-основа, не дано!

ТОНУ Я В МОРЕ СЛЁЗ

Что там за диво красоты? Как кипарис, вознёсся стан —
Твоим сияньем с высоты весь сонм влюблённых осиян!

Страдает сердце от невзгод: где врач-целитель, что ж нейдёт?
А он вовек не снизойдёт к страданьям наболевших ран!

Тону я в море слёз и мук, и жажда мучит, как недуг,
Увы, я гибну, а вокруг — бурлит слезами океан!

Как мучит горе-лиходей сердца влюблённых, — пожалей:
Их, словно этот мир скорбей, гнетут печали и обман!

О, мучить будешь ты доколь? Сердца влюблённых не неволь:
Да будет всем терпящим боль тобою дар прощенья дан!

Я обернул себя в лоскут, чтоб голь мою не видел люд,
А стрелы стонов ветошь рвут, и снова я и гол, и рван!

О, как тяжка любовь моя, я — у черты небытия,
О, навести, погибну я, безмерной мукой обуян!

В бескрайнем море — море бед — проложен кровью сердца след:
Кровавым водам края нет, и весь морской простор багрян!

А Фазлу горечь всех обид лишь Насими и возвестит:
Он, словно ветер, прилетит, что веет утром средь полян!

ЖЕМЧУГ РЕДКОГО УЛОВА

Где те друзья, что верно держат слово?
Где сердце, что правдивым быть готово?

Где в этом мире сердце без изъяна,
Где есть динар без блеска показного?

Где тот, кто доказать сумеет людям,
Что нет к неправде в его сердце зова?

Где тот поборник чести, чтущий правду,
Чьей речи молвить истину не ново?

Как отыскать такую из жемчужниц.
Где был бы жемчуг редкого улова?

Где тот, кто служит истине любовно,
Где тот, кто справедливость чтит сурово?

Кто не хмелен от зелья зла и кривды,
Чья голова среди хмельных здорова?

И где блюститель слова и обета,
Достойный похвалы от славослова?

Да где же в мире, о творец, муж чести,
В ком тайн-сокровищ спрятана основа?

Кто праведным — наперсник в сокровенном?
Кто горемыкам в бедах — вместо крова?

Где тот Мансур, кто, верой предан правде,
Готов на смерть от жребия лихого?

И если Насими стал другом другу,
Что за печаль ему от остального!

ПРИДИ

Я в разлуке с тобой горю, боль мою успокой, приди.
О, взгляни, как измучен я: кровь струится рекой, приди.

Набежали печаль и скорбь, ввергли в немощь, лишили сил,
Посмотри, как страдаю я, унесён мой покой, приди.

Хоть разлука с тобой и шлет войско скорби — меня сразить,
Не страшись его: попран я лишь тобою одной, приди.

Я вдали от тебя горю, жарким пламенем душу жжёт,
Не спали меня, свет очей, этой жгучей тоской, приди.

О луна моя, жаждет взор видеть лик твой в венце кудрей,
Чудным светом его красу обволок звёздный рой, приди.

Позабытый тобой навек, я тону в пучине скорбей,
О, спаси же из бездны мук челн затерянный мой, приди.

Не лишай ты меня надежд, не возрадуй недругов злых,
Порази же сердца врагов, будь навеки со мной, приди.

С той поры, как покинут я, плач и стон - мой тяжелый рок.
Не ссуди эту участь мне, не оставь в доле злой, приди.

О, как жаждет с тобою быть сердце, сжатое мукой мук.
Разве можно его терзать? Мне надежду открой, приди.

Образ твой в пелене кудрей страстно я сохранял в душе,
Порвалась пелена души из-за страсти такой, приди.

Жив одной тобой Насими, ты — и тело его, и дух.
И пока жизнь таится в нём, о, хотя б за собой приди!

ВСЕГДА У РОЗЫ ЕСТЬ ШИПЫ

О, где те дни, когда я был с моей возлюбленной лукавой,
Пусть веры нету в ней совсем, пусть взор её грозит расправой!

Презрев соперников, она в ту пору мне любовь дарила,
И сердцу речь её была блаженством, сладостной забавой.

Пока десницею творца с тобой жестоко разлучён я,
Стенаю, грудь горит огнём, во взоре — слез поток кровавый.

Создатель! О, хотя б на миг, хоть раз сведи меня с любимой,
Готов я повязать зуннар, сдружившись с верою неправой.

Когда ж я за неё умру, не отступив от истой веры,
Боюсь, предаст меня, дружа с соперниками, с их оравой.

Пусть на меня бедой падёт моя любовь, о чаровница,
Когда бы я, дружа с другой, покрыл себя дурною славой.

Ах, не печалься, Насими сражён круговращеньем рока:
Всегда у розы есть шипы, а радость смешана с отравой.

МОЯ ДОРОГАЯ, ПРИДИ

Друг мой верный, моя дорогая, приди,
Радость, ангел мой, не отвергая, приди!

Мне разлука с тобою всю душу сожгла,
Ты в страданиях — есть мне благая, приди.

Соловьиным напевом я плачу навзрыд,
Ты, о роза, мой пыл постигая, приди.

Если бровь твоя — лук, мне и жизнь нипочём,
Не во вред и стрела мне тугая, приди.

Я в разлуке с тобой обезумел совсем,
Цепи кос на меня налагая, приди.

В целом мире не видел я равных тебе.
О фиалка, твой верный слуга я, приди.

Нету сил, нету воли мне горе терпеть.
Уст нектаром мне жить помогая, приди.

От тоски по тебе изнемог Нагими.
О мой друг, о моя дорогая, приди.

КАК БЛЕСК РАССВЕТНЫХ РОС

У всех красавиц не найдёшь таких прекрасных кос,
Твой лик тюльпаны посрамит и все бутоны роз.

А стан твой! Из людей никто, покуда мир стоит,
Не видел, чтобы кипарис, такой же стройный, рос.

Доныне око всех миров не видело очей,
Как и твои, гнетущих мир жестокостью угроз.

Твой нрав кристален и лучист, как влага на цветке:
Чисты и суть, и плоть в тебе, как блеск рассветных рос.

Пусть хороша и красотой, и прелестью луна,
Но каждый, видевший твой лик, ему хвалу вознёс.

Зачем святоше пить вино и нарушать зарок? —
И взор твой, и уста — они как хмель для чаши грёз.

Пусть светит месяц в небесах с престола красоты, —
Твой лик до горних стран красы сияние донёс.

Свет Фазлуллаха Насими прозрел в своей любви, —
Он залежи богатств обрёл, а был и нищ, и бос.

НЕ НАДО

Хмельному от её очей, иного мне вина не надо:
Ни хмеля, ни вина тому, чья голова хмельна, не надо.

Я в голове и пыл, и страсть сокрыл, как будто хмель в кувшине:
Тому, что явно в сути тайн, являть себя сполна не надо.

О кравчий вечности! Приди и свет чела яви влюблённым.
Иных услад, когда душа твоей красой пьяна, не надо.

Так спой, певец, нам па пиру про сладость уст её медвяных,
А лучшей сладости устам, как ни сладка она, не надо.

И если страсть к её кудрям тебя томит, забудь иное,
Единой страсти пыл отдай: другой, коль есть одна, не надо.

Влюблённый! В пламени любви сгорай пылающей свечою,
Но пусть чело от мук любви не кроет желтизна, не надо.

О сердце! В море бытия ищи лишь жемчуг единенья,
Ловящим истину и суть, даров морского дна не надо!

Бедняк, прозревший смысл письмен за чернью родинок на лике,
Вовек тебе иной судьбы, чем дали письмена, не надо.

Приют и ложе я обрёл во прахе у её порога,
Другой подушки не хочу, постели мне для сна не надо.

Твой лик — и роза, и рейхан, а косы — мускус гиацинта,
Ни розы, ни рейхана мне, цветущих, как весна, не надо.

Ты в свитке страсти, Насими, сотри бесследно свое имя.
Поверь: влюблённым оставлять в том свитке имена не надо!

ОНИ ПОМАНЯТ И УЙДУТ

Любимым любо мучить нас и нарушать любви обет:
Они поманят и уйдут, и от любви пропал и след!

Хоть иногда и посулят любовь и верность соблюсти,
Да выйдет все наоборот, и вместо счастья — горечь бед.

Измученных огнём любви, разлукой опалённых душ
Уста любимых не щадят и не даруют им шербет.

Им любо ссорой и враждой вконец измучить и уйти,
А помириться не придут, и чужд им дружный лад бесед.

Очам их град жестоких стрел привычно в жертв своих метать.
Увы, прицелом метких глаз враг не бывает не задет.

«Зачем же мучить и томить?» — я у возлюбленной спросил.
«Да кто ж влюблённых не томит, не мучит их?» — мне был ответ.

Поцеловать рубины уст, увы, напрасно я молил.
Да почему ж вовек никто её участьем не согрет?

И тем, кто любит всей душой, кто негою любви томим,
Каких не доставалось мук от непокорных приверед!

Смешон советующий мне на лик любимой не смотреть.
Знать, у него незрячий взор, да и стыда пред богом нет.

О боже, мне и невдомек, за что красавица гнетёт,
Она чуждается меня, в ней дружбы нету и примет.

Хвала творцу, у Насими есть светоч на его пути —
Достойному всегда чужды и лицемерье и навет!

НЕТ ТЕРПЕНЬЯ

Жажда встречи с каждым часом возрастает — нет терпенья!
Сердце, может быть, надежду потеряет — нет терпенья!

Хоть пока еще надеюсь на счастливое свиданье —
Мука долгая мне душу иссушает — нет терпенья.

Я давно к её дороге приковал свой взор бессонный —
Почему ж она так долго лик скрывает? Нет терпенья!

Покажи лицо мне, роза, мне тебя не видеть — мука!
Сердце мне — что ни минута — шип пронзает, нет терпенья!

Кто влюблён — стонать не должен, но без стона видеть кудри,
Что игриво наша пери рассыпает — нет терпенья!

Я не пил вина из чаши — вкуса лалов не изведал,
Но, с похмелья будто, жажда грудь сжимает — нет терпенья!

Если хлынет кровь из сердца моего - обжечься бойся:
От желанья встречи в сердце кровь вскипает, нет терпенья!

Бьюсь в твоих кудрях^генетах, брови-луки натянулись...
Пусть скорей ресницы-стрелы добивают — нет терпенья!

Дай душе бальзам свиданья1 Ты в ответ сдвигаешь брови,
«Убирайся!» - эти брови повторяют... Нет терпенья!

Насими хотя и свыкся с тяжким бременем разлуки,
Нынче выдержит ли сердце — он не знает... Нет терпенья!

ВЕЧНОСТЬ И ЧАША ВИНА

В море любви я тону — кто моё состоянье поймёт?
Буду ль взывать я к тому, кто идёт бережком без забот?

Пленник бессрочный кудрей, что печально текут по плечам,
Я лишь изведал печаль, я один понимаю их гнёт.

Болен от взгляда её — я устами её исцелён,
Кто никогда не болел - не познал исцеления тот.

Вечность и чаша вина, и вокруг виночерпия — мы,
С нами быть может лишь тот, чьей душе чистоты достаёт.

Тайные нити к сердцам от кудрей благовонных идут,
Их не увидит никто, только ветер о них намекнёт.

Крикнул Муса: «Покажись» — виночерпий же рядом стоял.
Тот, кто тобой опьянён, и вблизи тебя видя, зовёт.

Уединённый суфий одиночеством счастлив своим,
Чем же прекрасен кабак — знают только гуляка и мот.

Разум бессильно поник, не постигший твоей красоты —
Пусть он блуждает внизу, на вершину закрыт ему ход.

Жизней и сотни не жаль за один заплатить поцелуй —
Сотню всего? Да знаток несуразною цену сочтёт.

Локонов легкая цепь, ты желанна душе Насими —
В цепи такой красоты он охотно себя закуёт.

ЛИШЬ ПРОЗОРЛИВЫМ ИСТИНА ВИДНА

Знай, человек: в любые времена
Лишь прозорливым истина видна.

Познал ты сам себя — стал прозорливым,
Сам не познал себя — твоя вина.

Кто истину постиг, тот стал кораллом,
Рубином стал, чья гладь огранена.

Суть всех кругов и разделений ада,
Суть всех стихий лишь мудрому ясна.

Он знает, что растёт на древе рая,
И этот плод есть муж или жена.

Роль райских гурий или гылмапов
Для всех, себя познавших, не темна.

Лишь мудрому известно, что за влага
В потоке сельсебиль заключена.

Блаженны те, кто вникнул в суть явлений,
Им даже власть шайтана не страшна.

Но жалок тот, кто истины не знает,
Он всех беднее — жизнь его бедна,

Поскольку ложных истин в мире много,
А праведная истина — одна.

О Насими, твой ум — вода живая,
Жизнь тех, кто не испил её, трудна.

Кто может ведать достоверней Хызра —
В ручье вода чиста ли, холодна?

ЛЮБИМОЙ ТОНКИЙ СТАН

Любимой тонкий стан я описать хотел
И душу на неё я, как халат, надел.

Как вылечить тебя от горя, если, друг мой,
Ты горя до сих пор еще не претерпел.

Тебя не видел тот, кто думал: богохульство
Смотреть на божий лик, кто был всегда несмел.

И тот, кто говорил, что божий лик невидим,
Так твоего лица ни разу не узрел.

А я готов отдать за благо нашей встречи
И этот мир, и тот, отдать любой предел.

Пусть прах твоих подошв моей сурьмою будет,
Пусть будет тутией, так бог мне повелел.

Пусть люди обретут бессмертье, стих читая,
В котором Насими тебя воспеть посмел.

И АНГЕЛЫ ПОКОРЕНЫ

И ангелы покорены красой твоих красот.
От восхищения тобой в движеньи небосвод.

Тебя любить, с тобою быть, чтоб слиться нам в одно,
Как я хотел, как я мечтал, всё думал: повезёт.

Но не случается ни с кем то, что не суждено,
Был равнодушья твоего чрезмерно крепок лёд.

Мне остается слёзы лить, теперь мне всё равно.
Таков влюблённого удел, он вечно слёзы льёт.

Я — жалкий раб, ты - мой султан, и право же смешно,
Что на меня, раба, хулу твой источает рот.

В потоке горьких слёз своих плыву я, и на дно
Меня печали тяжкий груз безудержно влечёт.

О Насими, тебе - конец, он предрешён давно,
Зачем с неверной ешь ты хлеб и терпишь вечный гнёт?

РАЗГРАБИЛИ ТВОИ ГЛАЗА

Разграбили твои глаза, о недотрога, —
Богатство всё моё, хотя его немного.

Я вижу: светлый лик и волосы твои
Озарены луной, как в час ночной дорога.

Что кипарис земной, что райская туба?
Я знаю: в двух мирах лишь ты — моя подмога.

В тебя влюблённый, я пью крепкое вино,
Хоть крепкое вино пить запрещают строго.

Жемчуг твоих зубов во взгляде у меня,
Так в море он попал от твоего порога.

Объяла мир вражда из-за волос твоих,
Из-за твоей красы вселилась в нас тревога.

Я людям и тебе твержу, что я есть бог.
Мне говорят ханжи: «Нет бога кроме бога».

Несчастный Насими стал жертвою твоей,
Но все ж пока ещё он не подвёл итога.

СЛОВО

Приди, внемли, я повторяю снова:
Есть в слове знак начала неземного.

Со всех шести сторон взгляни на мир,
Лишь слово — мира нашего основа.

Меж речью и произносящим речь,
По сути, нет различья никакого.

Пророк сказал, что сердце — это трон.
Но слово — вот его первооснова.

Дарящий дарит речь без платы нам,
И нету ничего прекрасней слова.

Все — слово: и начало, и конец,
Земля и твердь, свобода и оковы.

В основе всей вселенной **-каф- и -нун**»
Лишь знак и слово — ничего иного.

Был чист Иса и праведен Ахмед,
И было слово их надёжней крова.

Ты слово **«Книги Вечности»** познай,
Пойми, где слово добро, где сурово.

Где бы ни слышал слово, отличай
Ты слово доброе от слова злого.

Сам, Насими, не будь велеречив,
Пусть слово будет кратко, мудро, ново.

ПРЕКРАСНО ВСЕ В ТЕБЕ

\
Прекрасно все в тебе: и лик, и стан, и плечи.
Моя душа с одной тобою жаждет встречи.

Дай сладость мне испить из сладких уст твоих.
Душа моя горит, и пламень бесконечен.

Я не могу смотреть на звёзды, на луну,
Чей свет твоей красою навеки обесцвечен.

О милая моя, не надо, не гляди
На тех неверных, чей грехами путь отмечен.

Пред амброю твоих струящихся волос

И мускус дорогой отнюдь не безупречен.

Пред светом глаз твоих, перед сияньем щёк
Ничтожен солнца свет: он слаб и быстротечен.

Не сладок сахар мне, не сладок свежий мёд
При мысли о твоей сладчайшей в мире речи.

Мечтает Насими пожертвовать собой.
Извечен путь любви, путь к совершенству вечен.

ДУША МОЯ БОЛИТ

Душа моя болит и сердце смущено.
Я сам не знаю, чем оно омрачено.

Я у тебя в глазах читаю лишь коварство. и,
Я заплатить душой готов, мне все равно.

Меня лишь тот поймёт, кто сам любил однажды,
Мучение моё всем остальным смешно.

Я родинок твоих не мог постипгуть тайны,
Но родинок твоих я жертвой стал давно.

А впрочем, красота не терпит толкованья,
Пусть будет в красоте не все объяснено.

Как речь твоя сладка, той речью сладкозвучной
И сахар, и вино, все — посрамлено.

На солнце не глядят незащищенным взглядом,
Я на тебя смотрю — все предо мной темно.

Что солнце, что луна? Ведь ни луной, ни солнцем,
А истиной твоё лицо озарено.

По правилам любви людей, в тебя влюблённых,
Дозволено терзать, но убивать грешно.

И, обретя тебя, я, Насими несчастный,
Снял и атлас, и шёлк, чтобы надеть рядно.

Я-БОГ

Я — бог, и, как Мансур, я говорю о том,
Давно я притчей стал здесь, в городе большом.

Для праведных — Кыбла, влюблённый для влюблённых.
Я — ваш цветущий сад, обжитый вами дом.

Я — и пророк Муса, беседующий с богом,
Я — и гора Синай в сияньи неземном.

Я сросшихся в одно твоих бровей достоин,
И сам я светом стал, и сам горю огнём.

Слиянье с богом — вот вино священной веры,
Я это пью вино на пиршестве хмельном.

О ты, чьи губы — день, о ты, чьи кудри — полночь,
Стань для меня и ты целительным питьём.

Куда ни брошу взгляд, ты видишься мне всюду,
И счастлив я тогда в страдании своём.

Во мне живут миры, все восемнадцать тысяч,
И скрыт во мне Аллах, который скрыт во всём.

Я — тайна всех чудес, сокрытых в этом мире,
Я — солнце, что всегда горит над вами днём.

Пред вами Насими свою откроет тайну:
«Я счастлив: бог сокрыт в обличий моём!»

ОБМАННЫЙ ЭТОТ МИР

Обманный этот мир — не место для людей,
И ты, мой скорбный дух, его покинь скорей.

Бегут за днями дни и за ночами ночи,
Не повернуть нам вспять поток ночей и дней.

Богатство мира — прах, и счастье мимолетно.
Все, что ты здесь обрёл, оставь и не жалей.

И если ты влюблён, в заклад своей любимой
Жизнь краткую отдай и кровь свою пролей.

Я видеть перестал грань между днём и ночью
С тех пор, как я томлюсь в плену её кудрей.

Озарена земля красой моей любимой,
Ты чудо совершил, великий чудодей.

Мне не о чем жалеть, я с тем давно смирился,
Что краток век людской — пять дней и пять ночей.

И Насими, как все, уйдёт, простившись с милой,
Чьи губы слаще всех, чей взгляд других светлей.

Я СЛЁЗЫ ЛЬЮ

В тебе, в твоих чертах слепец, и тот узрел
Создателя всего: и душ людских, и тел.

С тобой, светильник мой, судьба нас разлучила.
Я слёзы лью — таков влюблённого удел.

Тот праведнее всех, средь смертных всех умнее,
Кто Истину найти в своей любви хотел.

Но в рай не попадёт и не поймёт Корана
Тот, кто в огне любви ни разу не горел.

Хоть ангел твой слуга, но что мне ангел этот?
Служил я не слуге, а шаху песни пел.

Кто праведней — аскет или ночной гуляка,
В спасении души кто больше преуспел?

Святоша между тем в меня бросает камни,
Но я их не боюсь, и я не присмирел.

Тот, кто пошёл в кабак, иль тот, кто был в мечети,
Кто более, как знать, Аллаху порадел?

А я дотла сгорел, сгорел мой дух и тело,
Лишь образ твой во мне случайно уцелел.

В ограде сердца храм любовь моя воздвигла,
И этот храм никто разрушить не сумел.

О, Насими, твоей беды никто не знает,
Всё знает только бог, он быть всему велел.

МОЯ ЛУНА

Моя луна, ты столь прекрасна и ярка,
Что луч красы твоей рассеял облака.

Шахиня красоты, ты ловишь души наши.
Хоть я и умудрён, не избежал силка.

Аскет стремится в рай, влюблённый ищет друга.
Но что на сем пути они нашли пока?

Стенания мои лишь разгласили тайну.
И я в своей любви ославлен на века.

Кто к мудрости твоей однажды приобщится,
Тот станет всех людей мудрей наверняка.

Вечерняя заря с зарей восхода вместе —
Вот ли! Шахини той, что смотрит свысока.

В свой час могла бы стать колодцем для Юсуфа,
С коварной ямочкой румяная щека.

Бровей твоих, ресниц могущественно войско,
И беспощадна ты, хотя на вид кротка.
Давно моя душа к твоей душе стремится,
Печаль моя длинна, да коротка рука.

Кто б ни был Насими, причастен он к влюблённым,
И сан его высок, как званье бедняка.

ЖИВЕТ В МОЕЙ ДУШЕ

Живет в моей душе любовь к красе извечной.
Предвечная любовь любовью станет вечной.

Тот, кто познал себя, тот господа познал.
Познанье бога — вот на свете путь конечный.

Святоша уксус пьёт, не ведая того,
Что взгляд любимой — вот напиток безупречный.

Ханжа отверг любовь и этот бренный мир,
А мир обрёл в глазах возлюбленной сердечной.

На свете лишь слепец тобой не восхищён,
Не ценит он красы живой, хоть быстротечной.

Тот, кто не чист в любви, кто не любил вовек,
Не друг твой, он никто, ничто, как первый встречный.

А мне, как в сердце нож, вошла твоя любовь,
И от любви своей больной я и увечный.

И хоть я, Насими, суть вечности постиг,
Но все же близок час мой смертный, путь конечный.

ОТКУДА ЭТО ЗНАТЬ

Мир чуден, но слепым откуда это знать?
Мир красочен, но им откуда это знать?

Покуда ты живёшь, считай, что мир прекрасен.
Поскольку неживым откуда это знать?

В былые дни Мансур свой век окончил в петле.
Что он познал, другим откуда это знать?

Что ведает Лейли, то ведомо Меджнуну,
Всем людям остальным откуда это знать?

Твой животворный лик подобен базилику,
Но чудищам земным откуда это знать?

День страшного суда и правда будет страшен.
Мы темны, нам, таким, откуда это знать?

О гуриях в раю спроси людей безгрешных,
Нам, грешникам мирским, откуда это знать?

У грешников спроси, сколь страшны муки ада,
Блаженным и святым откуда это знать?

О Насими, твой вздох — дыханье Моисея,
Но недругам твоим откуда это знать?

ХВАЛА АЛЛАХУ

Во тьме я твой увидел лик, хвала Аллаху!
И от души исторг я крик: «Хвала Аллаху!»

Что было определено, все совершилось.
Твой образ предо мной возник, хвала Аллаху!

До нашей встречи чем я был? Зато я ныне
Джемшид или его двойник, хвала Аллаху.

Кто победил, кто побеждён, не все равно ли.
Я к чаше радости приник, хвала Аллаху.

Взошла звезда моей судьбы, и ты явилась —
Единственная из владык, хвала Аллаху.

Как искендеровы гонцы в песках пустыни,
Я Хызра отыскал родник, хвала Аллаху.

Я от тебя услышал весть, и предо мною
Лег твоего сиянья блик, хвала Аллаху.

В величьи милости своей ты вдруг раскрыла
Мне сокровенный свой тайник, хвала Аллаху.

Своей Каабы ты врата передо мною
Открыла вдруг — Аллах велик, хвала Аллаху!

Как в радости нуждался я, искал покоя!
С тобой покой обрёл я вмиг, хвала Аллаху.

И ныне в речи Насими печать Мессии.
Я ныне истину постиг, хвала Аллаху!

НА СВЕТЕ ИСТИНА ОДНА

На свете истина одна: та истина — мы сами.
Мы суть всего, что в мире есть над нами и под нами.

И чтобы истину узреть, её не сторонитесь,
лядите ввысь или вокруг влюблёнными глазами.

Быть может, каждый из людей сокрыт покровом тайны,
Как лучезарная звезда, что скрыта облаками.

Кем были, тем остались мы, кто есть мы, будем теми ж.
И в этом мире, и в другом, и в кабаке, и в храме.

Немало нитей и путей, и верных, и неверных,
Но вешний мир вовек един, единственны мы с вами.

В нас обитает дух святой и благодать Синая,
Где удивлял Муса людей своими чудесами.

Смешалось в нас добро и ало, уродство с красотою,
Не где-то вне, а в нас самих все: и вода и пламя.

Хотите мудрецами быть, спешите, чтоб скорее
Позианья двери отворить, что за семью замками.

Как все, и ты, о Насими, единственный на свете,
Кружишься, словно колесо, между двумя мирами.

Я БОГОМ СОТВОРЕН

Я богом сотворен и сам я — бог.
Святой огонь, святого духа слог.

Я — книга судеб, спутник Джебраила,
Я — Исрафил, что протрубит в свой рог.

Во множестве я доказал единство,
Я, как Муса, и праведен, и строг.

Я — зритель сам — стал зрелищем для многих.
Не удалось мне скрыть своих тревог.

Любимец неба, я благоустроил
Ту землю, где поставил свой чертог.

Я — дух и тело, суть и оболочка,
Я — форма, содержания залог.

Нет хуже бедствия для нас, чем слава.
Я бренной славы избежать не мог.

В семи краях земли я стал Джемшидом,
Стал богдыханом, чей престол высок.

Чтоб в должный час свершал я омовенья,
Стекает с неба на меня поток.

Как суфий, я Аллаха восхваляю,
Святое имя я себе нарёк.

И все ж огонь любви меня сжигает,
Я им охвачен с головы до ног.

И счастлив Насими лишь тем, что любит.
Что пламени любви себя обрёк.

СЕГОДНЯ

Любимая моя, великий бог сегодня
На то, в чём суть твоя, мне дал намёк сегодня.

О кравчий, напои святошей и ханжей,
Идти к святым местам подходит срок сегодня.

Твоя краса слепит, и мы должны с тобой
Идти, чтоб принести любви зарок сегодня.

Нам чистая вода ниспослана с небес,
Отмой же грязь с лица и рук, и ног сегодня.

Кто за любовь свою не отдал целый мир,
Убыток потерпел, и одинок сегодня.

Два мира отдал я за встречу лишь одну,
И нету больше бед и нет тревог сегодня.

Аскет, весь мир стоит на трех китах любви,
От истины святой ты так далёк сегодня.

Ты слышишь трубный глас, приходит Судный день.
Проснись и подведи всему итог сегодня.

И вечно суждено в аду гореть тому,
Кого огонь любви не обволок сегодня.

Любовью Нагими богат, как Сулейман.
Любовью жизни тьму он превозмог сегодня.

ТЫ - ВЛАДЫЧИЦА СЕРДЦА

О краса моя, радость, надежда, опора, отрада,
Для меня ты, мой ангел, за муки и беды — награда.

Ты - владычица сердца, ты жизнь моя и мечтанье,
Цель стремлений моих, все, что думам и помыслам надо.

Луноликая пери, шалунья, восторг, озорница,
Мой жасмин, кипарис, моя роза, изящества чадо.

Совершенство, избранница, чудо любви, диво страсти,
Ты — кумир мой, Кааба, ты — гурия райского сада.

Ты — опора души, моя верность, страданье и мука,
Мой властитель, владыка, ты — кара моя и пощада.

Ты — рейхан благовонный и амбра, душистая роза,
Ты — рубин мой и яхонт, ты — жемчуг и перл, светоч взгляда.

Ты — светилб моё, моё солнце, звезда и сиянье.
Эта песнь Насими — твоего, соловьиного лада!

ГДЕ ТЫ, ЖЕЛАННАЯ МОЯ?

Где ты, желанная моя, ты душу мне зажгла, где ты?
Ты свет очей, ты в двух мирах богатство мне дала, где ты?

О ты, чья сладость губ вдвойне приятнее вина, приди,
Себя не видел я, мне кровь все сердце залила, где ты?

О ты, как роза, нежный друг, с глазами, как нарцисс, приди.
Ты мне разлукой, как шипом, все тело порвала, где ты?

О, где спокойствие моё, о, где терпение моё?
Любовь разрушила покой, терпение сожгла, где ты?

Я в щит тобою превращен, от стрел, упреков защищен,
С бровей и глаз ты до сих пор забрала не сняла, где ты?

Я мотылёк, но не могу сгореть от лика твоего.
Огонь мой, свет мой, я умру без света и тепла, где ты?

Других друзей не надо мне, когда я от тебя вдали.
О ты, что красотой своей всех в мире превзошла, где ты?

Где ты, земной и неземной, о где ты, храбрый всадник мой?
Разлуки горькая стрела мне прямо в грудь вошла, где ты?

Дал тайну бытия Аллах в залог твоим кудрям, скажи,
Мой ростовщик, ты никому залог не отдала, где ты?

Ты мускус для своих волос себе в Татарии нашла,
Благоуханием кудрей меня ты в плен взяла, где ты?

С рассветом посылай ко мне душистый запах кос твоих.
Я в нетерпеньи жду. Меня ты со свету сжила, где ты?

Похмелье вечное моё, с тобой вдвоём на что нам рай?
Ты мой нектар, ты вручена мне с райского стола, где ты?

Со всеми дивами вражду затеял я из-за тебя.
Ты мне границею была, ты крепостью была, где ты?

Сегодня будет Насими властителем своей любви.
О ты, что счастье и любовь одна мне дать смогла, где ты?

В ЭТОТ МИР Я НЕ ВМЕЩУСЬ

В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь.
Я суть, я не имею места, и в бытие я не вмещусь.

Все то, что было, есть и будет, все воплощается во мне.
Не спрашивай! Иди за мною. Я в объяснены не вмещусь.

Вселенная — мой предвозвестник, моё начало — жизнь твоя,
Узнай меня по этим знакам, но я и в знаки не вмещусь.

Предположеньем и сомненьем до истин не дошёл никто;
Кто истину узнал, тот знает — в предположенья не вмещусь.

Поглубже загляни в мой образ и постарайся смысл понять:
Являясь телом и душою, я в душу с телом не вмещусь.

Я — жемчуг, в раковине скрытый. Я — мост, ведущий в ад
и в рай.

Так знайте, что с таким богатством я в лавки мира
не вмещусь.

Я — самый тайный клад всех кладов, я — очевидность всех
миров, Я, драгоценностей источник, в моря и недра не вмещусь.

Хоть я велик и необъятен, но я Адам, я человек,
Я — сотворение вселенной, но в сотворенье не чмещусь.

Все времена и все века — я. Душа и мир — все это я,
Но разве никому не странно, что в них я тоже не вмещусь?

Я — небосклон, я — все планеты и Ангел Откровенья.
Держи язык свой за зубами, и в твой язык я не вмещусь.

Я — атом всех вещей, я — солнце, я — шесть сторон твоей
земли, Скорей смотри на ясный лик мой: я в эту ясность не вмещусь.

Я — сразу сущность и характер, я — сахар с розой пополам,
Я — сам решенье с оправданьем, в молчащий рот я не вмещусь.

Я — дерево в огне, я — камень, взобравшийся на небеса.
Ты пламенем моим любуйся, я в это пламя не вмещусь.

Я — сладкий сон, луна и солнце. Дыханье, душу я даю,
Но даже в душу и дыханье весь целиком я не вмещусь.

Старик, я в то же время молод, я - лук с тугою тетивой,
Я — власть, я — вечное богатство, но сам в века я не вмещусь.

Хотя сегодня Насими я, я хашимит и корейпшт.
Я меньше, чем моя же слава, но я и в славу не вмещусь.

КОММЕНТАРИИ

Стр. 11

Меджлис — по-арабски — собрание, совещание, правление, парламент, палата, круг друзей, единомышленников.

Стр. 24

Зеркало судьбы - в день свадьбы перед невестой несут красиво обрамлённое большое зеркало, и в дом жениха сначала вносят это зеркало, потом входит невеста.

Стр. 26

Имамы — по-арабски — апостолы, религиозные главы, ближайшие родственники и потомки пророка Мухаммеда, число которых вместе с халифом Али (656-661) равняется двенадцати, руководившие после пророка Мухаммеда всеми религиозными делами арабского Халифата: Али ибн Абу Талиб, Гасан ибн Али, Гусейн ибн Али, Али Зейналабдин, Мухаммед ал-Бакир, Джафар ас-Садик, Муса ал-Казым, Али ал-Риза, Мухаммед ат-Таги, Али ан-Наги, Хасан ал-Аскари, Мухаммед ал-Махди.

Стр. 31

Турман — голубь-вертун.

Стр. 32

Ширван — одна из древнейших областей в Северном Азербайджане, прославившаяся великими мастерами слова, носившими псевдоним «Ширвани» — Фелеки, Хагани, Зульфигар, Бадр, Сеид Азим и др.

Стр. 32

Таты — «пришельцы», ираноязычный этнос, проживающий в Северо-Западном Иране, Азербайджанской Республике и на юге Дагестана; исповедуют ислам, православие и иудаизм. Родственные народы — персы, талыши, курды, осетины и горские евреи.

Стр. 39

Молла — по-арабски — «учитель», «образованный человек»; низший духовный сан мусульманского духовенства; служащие,

как правило, в мечетях и медресе, руководят молитвой в будни, справляют мусульманские ритуалы — читая молитвы на похоронах или при бракосочетании.

Стр. 41

Арык — по-тюркски происходит от слова «арх», неглубокий оросительный канал для полива сада и огорода, также даёт и воду для питья, создаёт оазис и несёт прохладу. Арык используется с глубокой древности и известен около 3000 лет. Арыки распространены в Центральной Азии, а также в Закавказье.

Стр. 42

Тать — старинное название тайного похитителя и вора; мошенник, обманщик, насильник, грабитель, разбойник.

Стр. 49

Айран — разновидность кисло-молочного напитка, приготовленного на основе катыка (йогурт) или кефира с разбавлением холодной водой. Употребляется как жаждоутоляющий прохладительный напиток.

Стр. 60

Ханум — госпожа, уважительное обращение к женщине на Востоке.

Стр. 67

Азраил — по верованию мусульман и иудеев — ангел смерти, наблюдает за умирающим, отделяет душу от тела и принимает души умерших. В Коране имя Азраил не упоминается, а вместо этого употребляется «Малак ал-Маут» т.е. «Ангел смерти», в христианстве ангелом смерти иногда называют архангела Гавриила. В Коране Гавриилу соответствует Джабраил. В восточной поэзии этот образ широко используется как поэтическое олицетворение смерти.

Стр. 69

Шайтан — произошло от древнесемитского слова «сатан» (противник), означает: злой дух, демон, дьявол, неверующий, иблис. Когда Аллах приказал всем ангелам преклониться перед Адамом, Шайтан — Иблис горделиво отказался повиноваться приказу Аллаха, потому что считал Адама низшим созданием. Шайтан попросил Аллаха не наказывать его до Судного дня. Бог принял его просьбу и гарантировал в наказание Шайтану и его последователям адский огонь. Чтобы испытать человечество, Аллах позволил Шайтану бродить по земле и пытаться совращать их. Шайтан пытается развратить людей через искушения и лживые предложения. Во время Судного дня Шайтан и совращенные им люди будут посланы в Джаханнам (Ад). А те,

кто успешно следуют по праведному пути, будут вознаграждены и отправлены в Джаннат (Рай). Адама и Еву на пробу плода запретного дерева соблазнил именно Шайтан, превратившись в змея.

Стр. 70

Кааба — на арабском означает «кубический». Главная святыня мусульман в городе Мекке, где хранится небесный чёрный камень — Хаджар, и куда правоверные мусульмане совершают главное паломничество — хадж. Кааба служит кыблой — ориентиром, к которому обращают своё лицо все мусульмане во время молитвы — намаза. Высота Каабы 15 метров, длина 10 метров, ширина 12 метров, общая площадь 191 кв.м. Углы располагаются по четырём сторонам света и имеют названия: Южный — «йеменский». Северный — «иракский», Западный — «левантийский», Восточный — «каменный», где вмонтирован Хаджар. Кааба построена из гранита и покрыта чёрной тканью.

Стр. 71

Полпуда — устаревшая единица измерения массы — равняется 8 кг, а пуд 16 кг. Слово «пуд» происходит из латинского слова «пондо», «пондус» (вес).

Стр. 73

Тандыр — печь круглой формы, вырытая в земле, в которой пекут хлеб, ставится традиционно во дворе на глиняную платформу, стенки обмазываются толстым слоем сырой глины, для повышения теплоёмкости. Перед использованием тандыр жарко натапливается дровами или хворостом.

Стр. 80

Дервиш — по-персидски — бедняк, нищий, странствующий отшельник, аскет, философ-мудрец, приверженец одного из Орденов суфизма.

Стр. 84

Жёлтые монеты — здесь: золотые монеты и ювелирные изделия.

Стр. 88

Сааз — многострунный музыкальный щипковый инструмент тюркских народов. Саз является исполнительным инструментом азербайджанских ашугов.

Стр. 90

Алескер — гениальный народный певец-ашуг, поэт. Ашуг Алескер Алмамед оглы (1821-1926), уроженец села Агкилса Гей-чинского уезда Азербайджана.

Стр. 90

Устад — мастер, наставник, учитель.

Стр. 90

Устаднаме — дословно «послание учителя» — одна из стихотворных форм ашугской поэзии, в которой признанные мастера — ашуги излагают свои мудрые афористические идеи и наставления, философско-мировозаренческие взгляды.

Стр. 90

Гусейн — известный народный певец-ашуг, поэт Ашуг Гусейн Бозалганлы (1875-1949), уроженец Товузского района Северного Азербайджана.

Стр. 90

Джигит — по-тюркски — молодой парень, юноша, воин, храбрец, герой, наездник, отличающийся отвагой, выносливостью, искусством управлять конём и владеть оружием.

Стр. 91

Короглу — дословно «сын слепого»; главный герой одноимённого азербайджанского народного эпоса XVII века.

Стр. 92

Исфахан — город в Южном Азербайджане. В средние века столица государства Сефевидов Азербайджана при Шахе Аббасе Первом (1587-1629).

Стр. 92

Тсбрнз — один из древнейших политических, культурных и научных центров Азербайджана у озера Урмия. Столица многих древних азербайджанских государств. Тебриз подарил миру много гениальных поэтических имён.

Стр. 92

Ахунд — дословно «наставник»; высокое духовное звание мусульманских богословов и служителей культа.

Стр. 92

Мешали — мусульманин-шиит, совершивший паломничество в город Мешхед на северо-востоке Ирана к гробнице особочти-мого святого имама Али ал-Ризы.

Стр. 92

Азан — по-арабски — «призыв». Пятикратный призыв мусульман к молитве — намазу в течение дня. Азан исполняется специальным мусульманским духовным служителем — муэдзином, обычно с красивым голосом, с минарета призывающим мусульман в мечеть.

Стр. 93

Кушак — по-тюркски — «пояс».

Стр. 95

Четверг - у мусульман поминальный день покойников.

Стр. 95

Тифлис — нынешний город Тбилиси, где находится гробница Шейха Санана (св. Давида). ттЛ #г,

Стр. 95

Самарканд - один из древнейших культурных и научных центров древнего Турана (Туркестан), одна из двух столиц государства тимуридов, ныне областной центр в Узбекистане. Гробница Эмира Тимура — Тамерлана находится в этом городе.

Стр. 95

Ходжа - учитель, воспитатель, наставник.

Стр. 100

Муштулуг — вознаграждение за добрую, радостную весть.

Стр. 101

Даля — по-тюркски дословно — «одержимый»; в азербайджанском фольклоре, как правило, употребляется в значении «храбрый», «самоотверженный».

Стр. 101

Пехлеван — поперсидски — «сильный»; силач, богатырь, борец.

Стр. 101

Безнрган — крупный купец, ведущий торговлю с дальними странами.

Стр. 101

Рустам Зал — один из ведущих героев поэмы «Шахнаме» великого иранского поэта Абульгасыма Фирдоуси (934-1020). Мифический богатырь — сын Зала.

Стр. 103

Каман — по-тюркски — «лук» (оружие); древний азербайджанский народный струнный, смычковый, камерный музыкальный инструмент.

Стр. 107

Эрзрум — один из древних городов на востоке Турции.

Стр. 109

Кисет — от тюркского слова «кисе» — небольшой мешочек для монет или табака, с затягивающим шнурком.

Стр. 109

Вай — восклицание, означающее удивление.

Стр. 113

Меджнун и Лейли — главные герои средневекового восточного любовного романа «Лейли и Меджнун», символы трагической любви.

Стр. 118

Рум — здесь: Анатолия, Турция; Византия, Малая Азия, Греция.

Стр. 121

Халеб — Алеппо — город в северной Сирии, один из культурных центров средневекового Ближнего Востока.

Стр. 126

Паша — тюркское слово — высокий титул в административно-политической системе многих восточных стран. Патами именовались, как правило, губернаторы или генералы. Титул паши присваивали правители.

Стр. 126

Шербет — по-арабски — «напиток». Восточный традиционный сладко-ароматизированный фруктовый напиток.

Стр. 127

Хыдыр Ильяс (Хызр Ильяс) — по-арабски — «зелёный» — библейский пророк Илья, по преданию, вместе с Александром Македонским (Искандером) он отправился в царство вечного мрака и нашёл там живую воду, испив которую, стал бессмертным. Покровитель и спасатель путников, попавших в беду.

Стр. 131

Джабраил — библейский архангел Гавриил, через которого был ниспослан Коран пророку Мухаммеду. Является одним из четырёх (Микаил, Исрафил, Азраил) архангелов, приближённых к трону Аллаха.

Стр. 132

Гилян (Гилан) — область Южного Азербайджана на юго-западном берегу Каспийского моря.

Стр. 134

Восемнадцать тысяч сфер — по мусульманскому преданию, существует восемнадцать тысяч геометрических точек двухмерной сферы в трёхмерном пространстве.

Стр. 135

Каре — город, административный центр на северо-востоке Турции.

Стр. 138

Тои-река — горная река в Грузии.

Стр. 139

Мегри — река, приток реки Араке.

Стр. 141

Кябин — бракосочетание, брачный договор.

Стр. 142

Юсуф и Зулейха — герои коранического сказания. Юсуф — библейский Иосиф Прекрасный, которого братья из-за ревности бросили в колодец. Зулейха спасла его, вытащив из колодца. Он стал её рабом. Она безумно влюбилась в него, но он от богобоязненности отверг её любовь. В восточной поэзии Юсуф — символ красоты и целомудрия.

Стр. 144

Яшмак — по-тюркски — «прикрывать»; кончик платка, которым женщины прикрывают нижнюю часть лица от посторонних мужских глаз.

Стр. 145

Ашик Кериб — гениальный русский поэт М.Ю. Лермонтов во время пребывания на Кавказе в 1837 году ближе познакомился с азербайджанским сказанием — дастаном «Ашуг Гариб». Впоследствии, на его основе, он написал сказку под названием «Агаик Кериб» и опубликовал впервые в сборнике «Вчера и сегодня» в 1846 году. В те времена азербайджанский язык назывался тюркским языком, носители этого языка назывались тюрками. Но великий поэт тонкостям между «тюркскими» и «турецкими» понятиями особого значения не придал, а отсюда и неточности в тексте его сказки.

Стр. 145

Тифлиз — Тифлис, столица нынешней Грузии, город Тбилиси.

Стр. 145

Сааз — правильный вариант «саз» см. стр. 88.

Стр. 145

Туркестан — по-персидски — «страна тюрков» — исторический регион, населённый тюркскими народами от Китая до Анатолийского полуострова. В древности этот регион ещё назывался Тураном.

Стр. 147

Халаф — Халеб (Алеппо).

Стр. 147

Чауши — посыльные, приставы, предводители караванов паломников.

Стр. 147

Керван — караван, группа людей, путешествующих вместе, с торговыми, паломническими или иными целями.

Стр. 147

Караван-сарай — по-персидски «дом караванов»; постоялый двор, большая придорожная постройка с крытым двором, со стойлами для животных и жилыми помещениями для людей, где караваны останавливались для ночлега. В целях защиты от нападения грабителей вокруг всех придорожных караван-сараев, как правило, воздвигались высокие мощные стены.

Стр. 148

Арзинган, Арзиньян — правильный вариант Эрзинджан — название города и горы в Турции.

Стр. 148

Оглан — по-тюркски — «мальчик»; парень, молодой человек.

Стр. 148

Ага — по^гюркски — «господин», форма почтительного обращения к мужчинам.

Стр. 149

Хадерилназ — правильный вариант Хызр Ильяс (пророк Илья).

Стр. 151

Шипди гёрурсез — по-тюркски дословно — «сейчас увидите».

Стр. 151

Мисир — Египет.

Стр. 155

Мунвсиаме — по-арабски — «книга-наперсница», книга о близком друге.

Стр. 155

Мехр н Муштари — имена, дословно: Солнце и Юпитер.

Стр. 156

Дирхем — мера веса и название монеты, обычно серебряной, которая весит около 3,5 г.

Стр. 157

Имам Хусейн (627-680) — ибн Али ибн Абу Талиб — третий шиитский имам, внук пророка Мухаммеда. Имам Хусейн считается великомучеником, погиб в десятый день (ашура) месяца мухаррам в пустыне Кербела. Каждый год шииты всего мира отмечают день его гибели траурной церемонией («шахсей» — «вахсей»).

Стр. 157

Бармакиды — династия могущественных визирей, выходцев из Самарканда, имели огромное влияние при дворе аббассидс-

ких халифов. Самые известные из Бармакилов были Джафар и его отец Иахйа.

Стр. 158

Мухаммед ибп Йазид ал-Мубаррад (826-898) — известный арабский филолог и составитель антологии «ал-Камил» («Совершенный»).

Стр. 158

Суфий Мухаммед ибп Йахйа — известный мистик-пантеист IX века.

Стр. 158

Харуи ар-Рашид — знаменитый арабский халиф (786-809) из династии Аббасидов; популярный персонаж цикла арабских сказок «Тысяча и одна ночь».

Стр. 158

Марабут — по-арабски — «отшельник, бродячий дервиш».

Стр. 158

Динар — золотая монета, денежная единица во многих средневековых восточных странах.

Стр. 158

Халиф — по-арабски — «наследник»; духовный глава мусульман и верховный правитель мусульманского государства.

Стр. 158

Малы — мера веса, в зависимости от разновидности равняется от трёх до двенадцати килограмм.

Стр. 160

Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного! — Бисмил-лах иррахман иррахим — начальная фраза всех сур Корана, кроме одной (глава 9 «Ал-Бараат» — «Освобождение»). Обычно мусульмане при начинании всех дел, включая еду, обязательно вслух произносят это ключевое изречение из Корана.

Стр. 160

Руд — восточный струнный музыкальный инструмент, распространён в основном на арабском Востоке.

Стр. 162

Евфрат (Ферат) — название одной из двух главных рек древней Месопотамии, протекает по территории Турции, Сирии, Ирака, длина 3065 км.

Стр. 163

Визирь — титул министров и высших сановников во многих мусульманских государствах, глава всей администрации, как военной, так и гражданской.

Стр. 167

Мобед Мобедов — зороастрийский жрец — огнепоклонник; глава над всеми жрецами.

Стр. 167

Бахман — по-персидски — «добрая мысль»; поэтический образ ахеменидского царя Артаксеркса IV — Артахшатра IV (337-335 гг. до н.э.), отец Дария Ш (335-330 гг. до н.э.), побеждённого Александром Великим (Македонским) (336-323 гг. до н.э.); название одиннадцатого месяца иранского солнечного года (21 января — 19 февраля); синоним холода, морозов.

Стр. 168

Нух - библейский ветхозаветный патриарх Ной, происхо-дящий по прямой линии от Адама. Согласно Библии, Ной был праведником в своём поколении, за что был спасён Богом от всемирного потопа и стал продолжателем человеческого рода. Бог повелел Ною построить Ковчег и взять туда членов своей семьи, а также по паре животных каждого вида. Ной мусульманами почитается как пророк.

Стр. 168

Сулейман — царь Соломон (на иврите Шломо) — сын Давида от Бат-Шевы, третий еврейский царь. Блеск его царствования запечатлелся в памяти народа как пора высшего расцвета еврейского могущества и влияния. Главной и высшей его заслугой считается построение Храма на горе Цион — то, к чему стремился его отец, праведный царь Давид. Библейский пророк и царь Соломон — символ мудрости в восточной поэзии, по преданию, он знал язык всех зверей и птиц.

Стр. 168

Айюб — один из библейских патриархов, прямой потомок Адама, Иов. По преданию, Иов потерпел много мучений. Он в Коране — в суре «Пророки» и в суре «Сад» упоминается как один из исламских второстепенных пророков.

Стр. 169

Хушенг — персонаж иранской мифологии, один из образов в эпосе «Шахнаме» А. Фирдоуси.

Стр. 169

Букрат — Гиппократ, знаменитый древнегреческий врач (460-370 гг. до н.э.)

Стр. 169

Нушireван Справедливый (Ануширеваи) — прозвище одного из иранских царей из династии Сасанидов Хосрова 1

(531-579). При Нушireване были установлены фиксированные размеры налогов на земли и был положен конец произвольному налогообложению, за что был прозван народом «Нушireван Справедливый».

Стр. 172

Зары — шестигранные пары костей для игры в нарды. Стр. 184

Аджам — по-арабски дословно — «немой»; иностранец, приезжий, чужой. Не арабские страны, расположенные к северу от Аравии. Этим словом, в основном, обозначался Иран, Туран.

Стр. 185

Мосул — город на севере Ирака, расположенный на реке Тигр в 396 км северо-западнее Багдада.

Стр. 189

Пери — фея, райская девушка, красавица. Этот образ присутствует в фольклоре многих народов мира.

Стр. 190

Нахраван — Нахруван — название крепости, расположенной в Ираке между Багдадом и Васитом.

Стр. 192

Хосров — один из правителей династии Сасанидов персидской империи Хосров II Парвиз (590-628), сын Ормузда IV. На Ближнем востоке широко распространена легенда о его любви к азербайджанской красавице Ширин.

Стр. 193

Гюляб — сироп из лепестков роз, кладут в халву, добавляют к чаю, применяют как лекарственное средство.

Стр. 195

Каба — вид кафтана без воротника, шерстяной халат.

Стр. 198

Васит — провинция на востоке Ирака, граничит с Ираном.

Стр. 204

Гяз — мера длины, равняется 62 см.

Стр. 210

Фарсанг — мера длины, расстояние, которое за один час может пройти конь, примерно 6-7 км.

Стр. 214

Мухтасиб — должностное лицо в средневековом мусульманском городе, следившее за соблюдением шариатских законов и общественным порядком, полиция нравов в современном понимании.

Стр. 216

Шяхна (пиши] — начальник городской стражи, полиции, градоначальник средневекового мусульманского города.

Стр. 219

Чалма — тюркское слово — мужской головной убор из полотнища ткани, обернутого вокруг головы, широко распространённый среди мусульман. Цвет чалмы указывает на социальную принадлежность владельца: зелёный цвет носили лица, считавшиеся потомками пророка или люди, совершившие хадж, белые — ос-тальные мусульмане.

Стр. 219

Джубба — мужская широкая верхняя одежда, халат, балахон.

Стр. 220

Тюрбан — мужской и женский головной убор, обмотанный вокруг головы как чалма. Для его изготовления используется обычно 6-7 м ткани, иногда и до 22 м. При отсутствии материала ткань тюрбана может использоваться как саван.

Стр. 227

Нитапур — город в Иране, расположенный в северо-восточ-ной части страны, родина популярного поэта Омара Хайяма (1048-1123).

Стр. 229

Оманский залив — соединяет Аравийское море через Ормузский залив с Персидским заливом, прославившимся богатством драгоценных крупных жемчужин. Побережье залива принадлежит трём государствам: Ирану, Оману и Объединённым Арабским Эмиратам.

Стр. 235

Джинн — злой дух, дьявол громадного роста и страшного вида, якобы умеет мгновенно менять свой облик. Джинны земные — создания обоего пола, бывают и добрыми, и злыми. Джинны часто упоминаются в Коране, а также есть целая сура (глава) «Джинны».

Стр. 243

Туркманы — иракские турки, проживающие на севере Ира-ка, третий по численности народ этой страны после арабов и курдов.

Стр. 249

Новруз — новый день — первый день Нового года (21 марта) по солнечному календарю, праздник у народов Ближнего и Среднего Востока.

Стр. 252

Султан Махмуд - Султан Махмуд Газневи (971-1030) крупнейший представитель и основатель тюркской династии Газиевидов (998), при нём государство тюрков достигло наибольшего могущества, совершил семнадцать походов в Северную Индию, стремился укрепить султанскую власть, создав сильный централизованный административный аппарат. По его заказу известный персидский поэт Абульгасым Фирдоуси написал поэму «Шахнаме».

Стр. 252

Аяз — любимый слуга Султана Махмуда Газневи. В восточной поэзии символ красоты и верности своему господину.

Стр. 263

Газель — широко распространённая форма лирического стихотворения, в основном на любовную тему. Как правило, газели состоят из 5-10 бейтов — двустиший. Первые две строчки газелей рифмуются между собой, и на эту же рифму кончается каждая чётная строка; в последнем двустишье обычно упоминается имя автора. Газели пелись и поются чаще всего под аккомпанемент струнного инструмента.

Стр. 263

Мадхийе — по-арабски дословно — «восхваление»; восточная ода. Стихотворное восхваление, преподносимое правителям или другим высокопоставленным лицам в различных поэтических формах.

Стр. 263

Касыда — одна из древних поэтических форм в восточной поэзии. Она впервые возникла в арабской литературе, затем перешла в иранскую и тюркскую поэзию. Объем касыды колеблется от тридцати до трёхсот строк, схема рифмования та же, что и у газелей: первые две строчки рифмуются между собой, и на эту же рифму ко1гчается каждая чётная строка. По тематике касыды бывают, как правило, панегирическими и философскими.

Стр. 263

Кыта — по-арабски буквально — «отрезок». Одна из распространенных форм восточной поэзии, рифмующаяся чётными строками. В кытах, в основном, поднимаются социальные и философские проблемы.

Стр. 263

Терджибенд — по-арабски дословно «возвращение к строфе». Одна из классических поэтических форм лирического стихотворения, в них воспеваются любовь, красота или затрагиваются

обществешю-философские проблемы. Как правило, состоят из нескольких куплетов, в каждом 8-10 строк, все строки первого куплета рифмуются между собой, строки последующих куплетов также рифмуются между собой, кроме последней строки. Последние строки каждого куплета рифмуются с первым куплетом.

Стр. 263

Теркиббенд — по-арабски дословно — «сложение куплета». Одна из восточных лирических стихотворных форм, круг тематики составляют: любовь, красота, социально-философские вопросы. Состоит из нескольких куплетов, в каждом куплете от 6 до 24 строк. Строки каждого куплета, кроме последних двух, риф-муются между собой, а последние две строки, в свою очередь, рифмуются между собой.

Стр. 263

Рубаи — по-арабски дословно — «четверостишие». Малая лирическая форма, состоящая из четырех строк, из которых первая, вторая и четвёртая рифмуются между собой. По форме напоминает тюркские баяты и туюги, но в отличие от них, пишется в виде «хазадж» стихотворного размера «аруз». Содержание обычно любовное и философское.

Стр. 265

Землетрясение в Тебризе — разрушительное землетрясение в городе Тебризе произошло в 1043 году. Гатран Тебризи был очевидцем этой трагедии.

Стр. 265

Эмир — по-арабски дословно — «повелитель». В странах Востока титул мусульманских правителей, равнозначный титулу князя. Эмиры осуществляют светскую власть.

Стр. 267

Мирт — род южных вечнозелёных древесных растений с белыми пушистыми цветками и темно-зелёными листьями, содержащими эфирные масла. Символ тишины, мира и наслаждения.

Стр. 267

Нуманский мак — род тюльпанов.

Стр. 271

Шаст — здесь поэт применил игру слов: «шаст» по-персидски означает и цифру «шестьдесят», и «согнутый деревянный лук».

Стр. 271

Чанг — восточный струнный музыкальный инструмент, рол арфы.

Стр. 271

Суха — небольшая, едва различимая невооружённым глазом, звезда в созвездии Малой медведицы.

Стр. 272

Надим — советник правителя.

Стр. 272

Дауд — иудейский царь Давид, отец царя Соломона — пророка Сулеймана. По мусульманскому преданию, имел красивый голос и пел свои песни, из которых сложилась священная книга «Забур». В Исламе один из второстепенных пророков. Пророк Дауд много времени посвящал молитвам, поэтому Аллах сделал его не только пророком, а также и земным правителем.

Стр. 272

Яхья — пророк в исламе, сын пророка Закарии, библейский Иоанн Креститель, помогал пророку Исе (Иисусу). Яхья был известен своим воздержанием и аскетизмом.

Стр. 272

Евангелие — по-гречески дословно — «благая весть»; жизнеописание Христа, священная книга в христианстве. В ней рассказывается о божественной природе Иисуса Христа, его рождении, жизни, чудесах, смерти, воскресении и вознесении.

Стр. 272

Тора — дословно на иврите — «учение, закон». Состоит из пяти книг; как правило, тору называют Пятикнижие Моисеево или Книги Моисеевы. Они являются, в самом широком смысле, совокупностью еврейских традиционных законов.

Стр. 272

Ибрахимовы свитки — Ибрахим — библейский Авраам, один из пяти основных пророков ислама, отец Исхака и Исмаи-ла. По мусульманскому поверью, Ибрахиму было ниспослано богом несколько страниц из священной книги. Они были напечатаны на камне и назывались свитками Ибрахима.

Стр. 272

Ночь Мираджа — в исламе — ночь вознесения пророка Мухаммеда на небеса верхом на Бураке в сопровождении архангела Джабраила (Гавриила), случившаяся в 619 году. Мухаммед находился в Мекке в состоянии между сном и бодрствованием.

Стр. 272

Джихад — по-арабски дословно — «усилие». Понятие в исламе, означающее усердие на пути Всевышнего Аллаха. Отдача

всех сил и возможностей ради распространения и торжества ислама. Военный джихад совершается лишь при необходимости — для дачи отпора напавшему врагу.

Стр. 272

Мекканские клеветы — в начале священной религиозной деятельности пророка Мухаммеда некоторые главы мекканских идолопоклонников обвиняли его в лжепророчестве, высмеивали всюду и притесняли его по любому поводу. Решили убить его, в результате этих неприятельских действий Мухаммед вынужден был покинуть Мекку и перебраться в город Медину в 622 году. Эта дата является началом мусульманского летосчисления и называется «хиджра» — «переселение».

Стр. 272

Саки (Саги) — кравчий, виночерпий.

Стр. 272

Калсм — тростниковое перо.

Стр. 274

Баяты — на древнетюркском означает «богатый» (и слово «богатырь» происходит от этого корня). Одна из самых древних поэтических форм азербайджанского фольклора. Состоят из четырёх строк, каждая строка семь слогов, первая, вторая и четвертая строки рифмуются между собой, а третья строка остаётся свободной. В первой и второй строках идёт подготовка мысли, в третьей — она высказывается, четвертая подводит некий смысловой итог. В устной форме баяты возникли ещё до нашей эры, сочинялись на всевозможные темы: и бытовые, и философские, о любви, о разлуке, о бедности и богатстве, о жизни и смерти, о добре и зле и т.д.

Стр. 276

Харабат — по-арабски дословно — «питейный дом»; винный погребок, развалины. В средневековых мусульманских городах жили преимущественно зороастрийцы, торговавшие вином.

Стр. 277

Дарга — на древнетюркском означает «староста, приказчик».

Стр. 279

Хатиб — священнослужитель, проповедник, читающий хут-бу — пятничную молитву в мечети.

Стр. 289

Кейкубад — один из легендарных иранских шахов династии Кеянидов, один из главных персонажей эпоса «Шахнаме» Фирдоуси.

Стр. 289

Парвиз - Парвиз Хосров II - «Победоносный» (591-628) -последний великий царь династии Сасанидов, внук Хосрова I Нуширевана, сын Ормузда IV.

Стр. 290

Холста аршинов десять, земли же три аршина — «аршин» — древнетюркская единица измерения длины, равная приблизительно 70 см; здесь имеется в виду минимальное количество ткани для савана — 7 метров, а могила длиной 2 метра. Поэтическое значение этой строки сводится к тому, что хоть весь мир завоюй, хоть всем богатством мира завладей, всё равно человек смертен и всё нажитое останется на этом свете.

Стр. 294

Марсие — по-арабски дословно — «скорбные стихи»; элегия, некролог, прощальное слово над могилой, плач по усопшим; одна из печальных поэтических форм средневековой восточной поэзии.

Стр. 294

Бейт — по-арабски дословно — «поэтический образец, состоящий из двух строк»; двустишие, пара строк. Строки в бейтах между собой всегда по содержанию взаимосвязаны, чаще всего рифмуются, но бывают и без рифмовки.

Стр. 294

Фэрд (во множественном числе «муфреды») — по-арабски дословно — «единственный бейт»; самостоятельная поэтическая форма, состоящая из двух строк — двустиший на разные темы, как правило, их содержание носит афористический характер; чаще всего строки между собой рифмуются, но и бывают без рифмы; встречаются муфреды, состоящие из одной строки.

Стр. 298

«Диван» — сборник поэтических произведений.

Стр. 299

Хаджи — по-арабски буквально — «сатира, эпиграмма»; одна из поэтических форм сатирического жанра в восточной поэзии, в которых становились мишенью сугубо личные качества критикуемого субъекта.

Стр. 300

Хырман— гумно; здесь имеется в виду поэтический мир гениального поэта Хагани Ширвани.

Стр. 302

Фахрия — по-арабски дословно — «стихотворное восхваление себя или другого человека»; одна из поэтических форм средневековой восточной поэзии.

Стр. 302

Хабсия — по-арабски дословно «посвящение заточению»; тюремная элегия, тюремные стихи, один из поэтических жанров средневековой восточной поэзии.

Стр. 303

Зар и Азар — по-персидски «зар» — золото, «азар» — болезнь; здесь поэт обыграл эти слова, используя их внешнее сходство.

Стр. 303

Зардушт — восточное произношение Заратустра, главного проповедника «Авесты».

Стр. 304

Нимрод (Нимврод) — легендарный царь, ярый идолопок-лонник, руководивший постройкой вавилонской башни — «дома Нимрода». В мусульманской мифологии олицетворение насильника. Повелел бросить в огонь пророка Ибрагима (Авраама) Халилуллаха (друг Аллаха), разбившего идола в городе Мекке. Огонь превратился в цветник, и пророк Ибрагим (Авраам) вышел оттуда невредим; один пошёл против него на битву. Всё войско Нимрода было поражено тучами налетевших комаров. Нимрод пытался взлететь на небо в ящике на четырёх орлах, вскормленных мясом. Потеряв из виду землю, пускал в небо стрелы. Ангел Джабраил (Гавриил) возвращал их ему, окрасив кровью, и Нимрод думал, что он ранил самого Бога...

Стр. 304

Суть шестиглавая (шесть сторон) — по средневековым представлениям, мир считался «шестисторонним»: восток, запад, север, юг, верх и низ.

Стр. 304

Семиглавый змей — подразумевается земля, которая, по древним геологическим представлениям, имела семь слоев. Стр. 305

Фарсидский огонь — имеется в виду жар огня, которому поклонялись парсы, предки современных персов, проживающих в Иране. Стр. 305

Кинжал индийский — в восточной поэзии символ горя.

Стр. 305

«Мим» согбенный — в арабской графике буква «мим» имеет форму линии, круто согнутой в верхней части.

Стр. 305

Дева — здесь имеется ввиду созвездие Девы.

Стр. 306

Град зла - Хагани свой родной край Ширван называет Шар-ваном — «Градом зла», пользуясь тем, что из шести гласных звуков в арабской графике обозначается лишь три, первый слог произносится не «шир», а «шер» — «зло».

Стр. 306

Сефид-руд - название реки на южном берегу Каспийского моря в Иране, длина около 500 км.

Стр. 307

Кухистан (Кузистан) — по-персидски дословно — «горная местность»; горная область в Иране.

Стр. 307

Тутия — редкая целебная глазная мазь, приготовляемая из цинковой туции, увеличивающей, якобы, остроту зрения.

Стр. 309

Восьми достиг дверей — по мусульманскому преданию, рай состоит из восьми садов. При игре в нарды шашки передвигаются по числу очков на брошенных игральных костях — зарах; одинаковые числа на зарах сулят удачу.

Стр. 309

Забур — псалтырь — сборник древних религиозных иудейских песен. По преданию, его составил царь Давид, отец царя Соломона, который имел чудесный голос. По кораническому преданию, был ниспослан пророку Давиду, является самой малой по объёму Божественной Книгой и содержит в себе лирические речи, религиозные гимны, песнопения в честь Бога, мудрые изречения и целый ряд рекомендаций и наставлений. В Коране об этом сказано: «... а Давиду ниспослали Мы Забур» (17 сура «Бани Исраил — Израэлиты» 55 аят-стих).

Стр. 310

Халил — по-арабски — «друг». Пророк Ибрагим (Авраам) Халилуллах, названный Другом Бога.

Стр. 310

Как сына, богу в жертву приношу — по кораническому сказанию, пророк Ибрагим (Авраам) хотел принести своего сына Исмаила в жертву Богу. Аллах, увидев его искренние намерения, в последний момент для жертвоприношения ниспосылал барана. Здесь поэт, намекая на это предание, хотел сказать, что он своё творение искренне приносил в дар визирю правителя Мосула Джемаладдину,

Стр. 312

Взглянув на ноги, замолчит смущён — здесь поэт намекал на восточную поговорку о павлине, который влюблён в свои красивые перья и стыдится своих безобразных ног.

Стр. 313

А место ей нашлось на небесах — здесь речь идёт о созвездии Рыбы.

Стр. 314

Ахриман — по зороастрийкому учению, в «Авесте» — символ божества Зла и Тьмы, противостоящий божеству Добра Ормузду.

Стр. 315

Семи вселенной поясов — здесь имеется в виду — был царём всей земли. На средневековом Востоке землю представляли поделённой на семь климатических поясов.

Стр. 315

Садакбар — по-арабски означает «великое счастье»; созвездие Большой Медведицы, по поверью мусульманской астрологии, приносящее удачу.

Стр. 317

Яджудж — арабская версия библейских народов Гог и Магог. По мусульманскому представлению, Александр Македонский эти дикие народы загнал в горы и окружил их стеной; перед Судным днём (конец Света) эта стена рухнет, эти народы выйдут на свободу и произведут страшные избиения остального населения мира. Об этом упоминается в Коране в 21 главе (Ал-Анбия — Пророки) в стихе 96.

Стр. 317

Тегин (Алп-Тегин) — Алп — «храбрый»: основатель Газневид-ского государства, с центром в городе Газни (ныне в Афганистане), существовавшем в 962-1186 гг., саманидский полководец. выходец из тюркской гулямской (наёмной) семьи, выступивший против Саманидов во второй половине X века (962-977).

Стр. 317

Себуктегин (Себук-Тегин) — один из могущественных пра-вителей династии Газневидов (977-997).

Стр. 319

Мулхид — по-арабски — еретик, безбожник.

Стр. 319

Аламут — происходит от арабского слова «ал-моуг», означающее «смерть». Аламут — название крепости в горах Эльбруса.

где находился центр террористической секты ассасинов, державших в страхе весь Восток.

Стр. 319

«**Алиф»; «Хей-хавас»; «Нун»;«Дал-** - буквы арабского алфавита - «алиф» имеет вид вертикальной черты, «хей-хавас» - сильно закруглённую форму, «нун» и «дал» - форму неполного круга.

Стр. 319

Предательством они Куфу затмят - в иракском городе Куфе при входе в мечеть предательски был убит в 661 г. первый имам, четвёртый праведный халиф (656-661) Али ибн Абу Талиб, двоюродный брат и зять пророка Мухаммеда, а в 680 г. жители Куфы предали сына Али - имама Хусейна.

Стр. 321

Йасив {«О, совершенный человек») — 36-я глава — сура Корана; состоит из 83 стихов — аятов; наиболее часто читаемая, в том числе и как отходная, когда отпевают усопшего.

Стр. 321

Три сестры — созвездие Девы. ~ ' ^

Стр. 323

Ормузд (Ахурамазд) — по зороастрийскому учению «Авесты», олицетворяет божество Добра.

Стр. 323

Хейирван — град Добра, здесь Хагани намекает на то, что когда он находится в родном крае, его родной край становится «Добрым градом».

Стр. 324

Мария — богоматерь, мать Иисуса Христа. В исламе одна из самых почитаемых фигур.

Стр. 325

Суфий — от арабского слова «суф» — «шерсть», дословно — «носящий шерстяной плащ»; мисгико-религиозное течение в исламе, возникшее в УШ-ГХ веках и получившее распространение в странах Арабского Халифата. Суфизм признаёт реальным лишь сущес-твование Аллаха, а окружающие вещи и явления — его отражением. Последователи суфизма считают высшей целью жизни духовное соединение души человека с Всевышним. «Соединение с божеством» происходит в экстазе. Суфий — это влюблённый в Истину, тот, кто движется к Совершенству. Движение к Истине с помощью Любви и Преданности к Аллаху называется тарикатом {путём).

Стр. 325

Чин — по-тюркски — название Китая; Туркестан.

Стр. 326

Ковсар — по мусульманскому представлению, один из трёх легендарных райских источников, дно которого якобы выложено жемчугом, вода белее молока, свежее снега, слаще сахара и ароматнее мускуса.

Стр. 326

Раф-раф — красивые платья, райские наряды.

Стр. 329

Чтоб в Индию обратно улететь,

Как попугай я должен умереть — здесь намекается на ин-дийскую сказку о попугае, который в целях освобождения из клетки притворился мёртвым.

Стр. 329

Санаи — Санаи Газневи Абу аль-Маджд ибн Адам (1070-1140) один из крупнейших представителей суфийской поэзии, писавший на новоперсидском языке «дари», вначале был придворным поэтом Газневидов, затем отказался от панегириков и стал слагать суфийские стихи, ему принадлежит также несколько поэм суфийского содержания. Хагани и Низами считали его своим учителем.

Стр. 330

Когда отлетела султана Махмуда душа,

Сельджука великого славная мать родила — здесь намёк на смерть крупной исторической личности султана Махмуда Газне-вида (971-1030), правителя могущественного государства. После его ухода из жизни на исторической арене появился другой могучий правитель — Тогрул бек (1035-1063), основавший почти на тех же землях тюркское государство Сельджуков.

Стр. 330

Искандер Румийский — Александр Македонский (356-323 гг. до н.э.) македонский царь с 336 г. до н.э. из династии Аргеадов, полководец, создатель мировой державы, распавшейся сразу после его смерти. На Западе известен как Александр Великий.

Стр. 330

Абу-Ханифа (699-767) — Абу Ханифа Нуман ибн Сабит — великий исламский богослов, основатель одного из четырёх суннитских тарикатов, уроженец города Куфы (Ирак). Среди его учителей были сподвижники пророка Мухаммеда. Он принадлежал к знатной персидской семье с севера Афганистана. Абу Ханифа воспитывался в богатой и благочестивой семье и был единственным сыном у своих родителей, его отец торговал шёлком и одеж-

дой в собственной лавке в городе Куфе. В шестнадцать лет он вместе с отцом совершил хадж и посетил могилу пророка Мухаммеда в Медине. Источники сообщают, что Абу Ханифа за свою жизнь совершил семьдесят раз хадж — паломничество в Каабу.

Стр. 330

Шафаи — имам ал-Шафаи — основатель одного из четырёх суннитских тарикатов, арабский ученый, теолог VIII века. Среди мусульман почитаемо его следующее изречение: «Если Вы найдёте в моей книге нечто, что идёт против Сунны (по-арабски означает дословно «путь, дорога», хадисы — высказывание пророка Мухаммеда) посланника Аллаха (пророка Мухаммеда), то следуйте Сунне посланника Аллаха (пророка Мухаммеда) и игно-рируйте то, что я говорю».

Стр. 331

Заххак — один из персонажей эпоса «Шахнаме» Фирдоуси, мифический царь Ирана, символ тирании, у которого из плеч вырос огромный трёхглавый змей, питавшийся мозгом юношей.

Стр. 331

Кана — один из мифических персонажей эпоса «Шахнаме» Фирдоуси, легендарный кузнец, поднявший восстание против Заххака и уничтоживший его и трёхглавого змея.

Стр. 331

Хара — разновидность шёлка.

Стр. 331

Многоглавая Хара — название горного хребта в Аравии.

Стр. 331

Чармых — по персидски — четыре гвоздя; по исламской мифологии — специальные длинные гвозди для распятия, которыми пригвоздили Иисуса Христа к кресту.

Стр. 332

Трубы призывной грянет звук — по мусульманским пред-ставлениям, о начале дня Страшного суда, дня Воскресения из мёртвых, должен возвестить на своей трубе ангел Исрафил, от звука этой трубы якобы расколется земля, рассыплются в прах горы и мёртвые восстанут из могил и начнётся страшный суд над ними за их деяния в грешном мире.

Стр. 332

Марьям — библейская Дева Мария, мать Иисуса Христа.

Стр. 332

Рубаб — струнный, смычковый музыкальный инструмент арабского происхождения, в переводе с арабского означает «со-

единение коротких звуков в один длинный», имеет деревянный плоский или выпуклый, трапециевидный или сердцевидный корпус с небольшими выемками но бокам. Корпус делается из дерева или кокосового ореха, обтягивается кожей, шейка длинная, круглая, остроконечная; струны первоначально из конского во-лоса, позднее — металлические (медные или латунные). Звуки извлекаются при помощи лукообразного смычка.

Стр. 332

Туба — по мусульманским представлениям — дерево, растущее в райском саду; в классической восточной поэзии символ стройности, красоты и молодости.

Стр. 333

Сельсебиль — по кораническим преданиям — источник в раю; бурлящий родник.

Стр. 333

Абнус — могучее долголетнее дерево, подобное дереву грецкого ореха. Древесина твёрдая как железо, с годами становится чёрной, листья похожи на листья яблони, плоды подобны стручкам фасоли. При помощи его листьев и плодов дубят кожу.

Стр. 334

Дихканин— представитель иранской родовой знати; ныне крестьянин.

Стр. 334

Христианское письмо — по арабской графике пишется справа налево, а христианское письмо пишется слева направо, поэтому поэт считает это неверным, превратным.

Стр. 334

Крест в окне — намёк на тюремную решетку на окне, которая крестом пересекается как экватор с меридианом.

Стр. 335

Кейхосров — один из героев эпоса «Шахнаме» Фирдоуси. легендарный царь Ирана, сын Сиявуша и В1гук Кейкавуса. Враждовал с правителем Турана Афрасиабом.

Стр. 335

Бижан — иранский витязь, который был брошен в яму-темницу туранским царём Афрасиабом, воевавшим с Ираном; вызволил его из заточения богатырь Рустам.

Стр. 335

Птица глиняная Исы - по корапическому преданию, Иисус сотворил из глины птшгу, якобы это была летучая мышь.

Стр. 336

Аббасиды — вторая после Омейядов династия арабских халифов (750-1258), происходившая от Аббаса ибн Абд ал-Мутта-либа, дяди пророка Мухаммеда.

Стр. 336

Бокра (1092-1104) — один из правителей династии Сельджу-кидов, правильное имя Багрыйарык (раздвоенная печень).

Стр. 336

Арслан-султан (1160-1177) - Арслан султан ибн Тогрул — один из правителей династии Сельджукидов,

Стр. 336

Вениамин — брат библейского Иосифа прекрасного.

Стр. 336

Абхазия — в эпоху Хагани иногда Грузию называли Абхазией.

Стр. 337

Начармагеви — летняя резиденция грузинских царей в эпоху Хагани.

Стр. 337

Мухрани — область в Грузии, ограниченная реками Курой и Арагви.

Стр. 337

Садрейн-хара — драгоценная шёлковая ткань.

Стр. 337

Тайлесан — кусок ткани, набрасываемый на плечи в виде накидки.

Стр. 337

Шейх Саван — религиозный авторитет мусульманского мира, герой многочисленных любовных стихов и поэм Востока, влюбившийся в христианку Тамару (Хумар), но тут преградой становится религия. Трудные задачи ставят перед шейхом Саваном родные Тамары и православное духовенство; но искренне влюблённый шейх преодолевает все препятствия. Гробница шейха Санана находится в Тбилиси.

Стр. 337

Таврасикос — духовное лицо в христианской церкви.

Стр. 338

Яковиты ~ сектанты-приверженцы древневосточной сирийской православной церкви, названные по имени епископа Якова Барадая, создавшего в Сирии православную церковь в 540 г.

Стр. 338

Мелькиты — сектанты-приверженцы мелькитской восточно-католической церкви, придерживающейся византийского обря-

да. Она выделилась самостоятельно в 1724 г. из Антиохийской православной церкви. Большинство её приверженцев живут в Сирии, Ливане, Египте, Израиле и Иордании.

Стр. 338

Несторианы — сектанты-приверженцы древневосточной сирийской христианской церкви, созданной в 489 г. епископом Нестором.

Стр. 338

Константинополь — по-гречески означает «город Константина». Был столицей Римской империи с 330 по 395 г.; Византийской или восточно-римской империи с 395 по 1204 г.; Латинской империи с 1204 по 1261 г.; и вновь Византийской империи с 1261 по 1453 г.; наконец, Османской империи с 1453 по 1922 год. Византийский Константинополь, находящийся на стратегическом мосту между Золотым Рогом и Мраморным морем, на границе Европы и Азии, был столицей христианской империи — наследницы Древнего Рима и Древней Греции. Константинополь являлся престолом константинопольского патриархата, которому ока-зывалось «первенство чести» среди православных церквей. Официально переименован в Стамбул в ходе реформ Мустафы Кемаль Паши Ататюрка (19.05.1881-10.11.1938) - основателя и президента современной Турецкой Республики (30.10.1923).

Стр. 339

Зенд-Авеста — комментарии на среднеперсидском языке к древней священной книге зороастрийцев (огнепоклонников) «Авесте», написанной на санскрите.

Стр. 339

Пазенд — комментарии к «Зенд-Авесте», т.е. к комментариям «Авесты».

Стр. 339

Мани — основатель религиозного учения «манихейства». Родился в Вавилоне, большая часть его жизни приходилась на время правления династии Сасанидов. Манихейство — синкретическая религиозная философская система, включающая в себя элементы христианства, зороастризма, иудаизма, буддизма, ан-тичных философских представлений и т.д. В восточной поэзии известен как искусный художник.

Стр. 339

Танкалуш (Луша) — искажённое имя астролога Тевкра Вавилонского (I век до н.э.).

Стр. 339

Дара - Дарий Ш, царь Ирана (336-330 до н.э.), старался восстановить былую славу Иранского государства, но в 331 г. до н.э. на войне с Александром Македонским был побеждён и убит.

Стр. 340

Бурджис — планета Юпитер.

Стр. 341

Джейхуы — арабское название реки Амударьи.

Стр. 341

Самаркандским вздохом опалён — намёк на самаркандский жаркий воздух. Здесь имеется в виду, что душа узника пылает жарким вздохом от горя.

Стр. 345

Най (ней) — духовой музыкальный инструмент, свирель, поперечная флейта у восточных народов.

Стр. 348

Алькор — Плеяды; созвездие Большой медведицы.

Стр. 348

Кеклик — птица семейства фазановых, куропатка. Вес её от 350 до 800 г, длина 35 см, обладает высокой плодовитостью. Самка ке клика может отложить от семи до двадцати яиц, насиживание происходит за 24 дня, размножаются на первом году жизни.

Стр. 349

Диджла — арабское название одной из двух главных рек Ирака — Тигра, длина около 1900 км.

Стр. 351

Медаин — арабское название столицы иранского государства Сасанидов (226-650). В XП веке этот некогда величественный город превратился в руины.

Стр. 353

Куфа — город в центре Ирака, на реке Евфрат, в 170 км к югу от Багдада. Будучи одним из древних арабских городов в Месопотамии, Куфа сыграла исключительно важную роль в истории Ислама.

Стр. 353

Танур — печь для выпечки хлеба (см. тандыр, стр. 73).

Стр. 353

Скрижаль (левфи-махфуз) — по мусульманскому преданию, в небесах хранится доска памяти, на которой начертана судьба всех людей.

Стр. 354

Джамра — священное место в городе Мекке, откуда брали глину для чёток.

Стр. 354

Салман — перс, один из первых сподвижников пророка Мухаммеда, помог умными советами ему одолеть врагов.

Стр. 357

Идрис — библейский Енох — по мусульманскому преданию, пророк; в Коране перечисляется среди «терпеливых в испытаниях». Аллах дал ему способность творить чудеса. Коран (глава 19) «Мариам» — «Мария», стих 56, 57, 58.

Стр. 360

Четвёртое небо — по мусульманским представлениям, существует семь небес, на четвертом небе находится Солнце, обитель мудрецов и великих учёных.

Стр. 360

Арджишское море — озеро Ван, Хагани называет его морем.

Стр. 361

Хорасан — историческая область на северо-востоке Ирана. Хорасан известен со времён Сасанидов (226-651).

Стр. 361

Рей — древняя столица Ирана. После монгольского нашествия была разрушена. Ныне небольшой посёлок близ Тегерана.

Стр. 377

Моди — по-грузински «иди сюда».

Стр. 384

Гурхан — один из титулов легендарного шаха древних тюрков на территории Ирана из династии Сасанидов (V век) Бахрама Гура. По легенде, приписывается ему справедливое царствование и законы, облегчающие положение народа. Его художественный образ мастерски создан в эпосе «Шахнаме» Фирдоуси.

Стр. 384

Месих (Мессия) — имя Иисуса Христа. В Исламе он причислен к шести великим пророкам (Адам, Авраам, Ной, Моисей. Иисус, Мухаммед). Мусульманский Иса (Иисус Христос) не сын бога, а лишь пророк, человек, передавший людям божественное откровение. Согласно мусульманскому поверью, Иса — Иисус обладал способностью воскрешать мёртвых своим дыханием.

Стр. 384

Органон — небольшой музыкальный инструмент с мехами и клавиатурой, предшественник органа.

Стр. 385

Софизм - происходит от греческого слова «софигус», означающее мастерство, умение, хитрая выдумка, уловка. Основан на преднамеренном сознательном нарушении правил логики. Софизмы широко использовались в полемиках древних философов и поэтических состязаниях средневековых восточных поэтов.

Стр. 385

Ибн Мукла (853-940) - Абу Али Мухаммед ибп Мукла Ши- рази, знаменитый политический деятель и арабский каллиграф, изобретатель почерка «пасх», принятого в арабских странах, Выл пизирсм у Аббасида Мухтадира (908-932), затем у Кахира (932-934) и Рази (934-940). Ибп Мукла в 936 г. попал в тюрьму, где ему сначала отрубили правую руку, а в 938 г. вырвали язык. Умер в заключении,

Стр. 385

Ибн — Хани - Абу Нувас ал-Хасаи ибн Хани (747-813) арабский поэт, оратор, софист, прославленный полемист.

Стр. 385

Маг — человек, владеющий искусством воздействия на мир, явления природы, на события, людей, животных и предметы с помощью духов, энергии и различных магических ритуалов. В эпоху Низами магами назывались зороастрийцы, жрецы ~ огнепоклонники, кудесники, волшебники; так как Ислам запрещал употребление вина, то его поставщиками были зороастрийцы и христиане.

Стр. 386

Йеменская звезда — Йемен — страна на юге Аравийского полуострова; в поэзии Низами Гянджеви синоним счастья, ибо там восходит звезда Сухейль-Канопус, главная звезда созвездия Корабль Арго. Она хорошо видна в Южной части Йемена, символ яркости, света и благородства; в поэзии часто называется йеменской луной, в классической персоязычной поэзии Йемен и Сухейль — однозначны.

Стр. 386

Лал — драгоценный камень, рубин; здесь намёк на поэтическую драгоценность.

Стр. 386

Ботало — деревянный или жестяной большой колокольчик с глухим звуком, который привязывали на шею коровам, лошадям, верблюдам при пастьбе; в народе боталом называли пустопорожних болтунов.

Стр. 387

Дувал — глинобитный забор, стена.

Стр. 388

Кетмень — старинное ручное орудие типа мотыги, применяют для рытья и очистки арыков и каналов, а также для прополки сорнякрв на огороде и в саду.

Стр. 389

Мускус — благовоние, ароматическое вещество, добываемое из желез самца кабарги — мускусного быка.

Стр. 389

Карагач (Караагач) — по-тюркски дословно — «чёрное дерево»; наименование вяза мелколистного.

Стр. 392

Держит Землю Бык, уравновесив на рогах — по мусульманскому преданию, земля держится на рогах быка, любое движение которого вызывает землетрясение; здесь намекается на недолговечность в этом мире; т.е. всё приходит, всё уходит, вечного ничего нет.

Стр. 393

Лев небес — по древнекитайским представлениям, лев считался символом небесной защиты от непрошенных гостей; здесь имеется в виду созвездие Льва, который может напасть на быка, вынудив его сбросить с себя землю.

Стр. 393

Иблис — дьявол, демон, стоящий выше других духов зла.

Стр. 394

Судный день — последний день существования мира, конец Света. По мусульманскому преданию, одно из основных положений веры в Исламе. Ислам утверждает, что жизнь на этом свете лишь небольшая часть общего бытия, существует иная жизнь, совершенно отличная от жизни в этом мире, длящаяся бесконечно, существуют Рай и Ад. Человек должен своим деянием на этом свете готовиться к грядущей жизни, к жизни на том свете, когда наступит Судный день; в результате перевешивания добрых или злых дел человек попадёт или в Рай, или в Ад. Это призыв к достойному образу жизни на этом свете.

Стр. 394

Санджар — Муиззаддин Абулхарис Ахмад Санджар (1084-1157), последний султан (1118-1157) династии великих Сельджуков.

Стр. 394

Огонь Мусы — (библейский пророк Моисей). По преданию, чтобы избавиться от мести фараона, его положили в сундук и

бросили в реку Нил, где его нашла дочь фараона и приютила. По ко ран и чес кому преданию, во время возвращения Мусы из Мадьяна в Египет он, идя по пустыне со своей семьёй, сбился с пути и ночью не знал куда идти; неожиданно вдали он увидел огонь и сказал своей семье: «Останьтесь, я почуял огонь. Может быть, я вернусь с факелом оттуда или найду у огня верный путь». Муса направился к костру и, когда приблизился к огню, Аллах воззвал к нему: «О, Муса! Воистину Я твой Господь!» В исламе Мусу называют «Кяламуллахом» т.е. «говоривший с Аллахом».

Стр. 394

Човган — конное поло; всадники во время игры клюшками отбивают друг у друга шар и загоняют его между двумя столбами; човганом называется и клюшка изогнутой формы; в поэзии синоним всего изогнутого, в частности, кудри красавицы.

Стр. 395

Амвон — род кафедры в церквях и мечетях, откуда произносятся проповеди.

Стр. 398

Гурия — молодая и вечно девственная райская дева.

Стр. 400

Зуннар — грубый волосяной пояс, который обязаны были носить христиане, подданные мусульманских правителей, а также ритуальный пояс, который носили зороастрийцы — огнепоклонники.

Стр. 400

Зульф — по-персидски дословно означает «кудри, локоны».

Стр. 400

Аргаван — распространенное на Востоке дерево-полукустарник с ярко красными цветами, называется также «иудиным деревом»; синоним багрового или пурпурного цвета.

Стр. 401

Ширваншах — титул правителей государства, созданного в пределах исторической области Ширван - части территории Северного Азербайджана и известного в исторических источниках как государство Ширваншахов (799-1538). Ширваншахи покровительствовали деятелям культуры и поэзии, в частности, при их правлении жил и творил классик азербайджанской поэзии Низами Гянджеви. В Баку и поныне сохраняется Дворец Ширваншахов.

Стр. 402

Тюрки рабами индийскими стали — Индия в классической литературе — символ черноты, антоним Туркестана (места обитания

тюрков от пределов Китая до Анатолийского полуострова). Туркестан в классической поэзии Востока символ белизны, красоты, благородства.

Стр. 403

Тугра — монограмма, шифр, составленный из букв царского имени и титула, помещаемый во главе царских указов.

Стр. 403

Якуб — библейский пророк Иаков, отец Юсуфа — Иосифа Прекрасного; по мусульманскому преданию, один из пророков до Мухаммеда, когда его сыновья увели своего брата Юсуфа — Иосифа и бросили в колодец, сказав отцу, что волк растерзал его, Якуб от горя и слёз ослеп. Находясь в Египте, позднее, Юсуф сумел тайно послать отцу свою рубашку. Якуб нюхал ру-башку сына, и поняв, что тот жив, прозрел.

Стр. 405

Царь Ахситан (1160-1196) — сын Манучохра, один из пра-вителей государства Ширваншахов в Северном Азербайджане.

Стр. 407

Хума (Хумай) — легендарная птица, помогающая положи-тельным героям восточных сказок, приносящая счастье.

Стр. 407

Айар — здесь имеется в виду секта айаров, которая с помощью «благородной хитрости» обкрадывала богатых, отнимала их имущество и передавала его бедным, якобы помогала обездоленным.

Стр. 407

Рейхан — зелень с мятным вкусом, базилик. Науке известно более 60 видов рейхана, широко используется в восточной народной медицине.

Стр. 409

Дурбаш — потюркски означает «удались, отойди» - слуги-телохранители; обычно они шли впереди шаха или вельможи и отгоняли людей, освобождая дорогу, здесь имеется в виду, что когда герой пожелает поцеловать её в губы, её взоры, как тело-хранители-дурбаши, нанося рану ему в грудь, отгоняют его от нее, не давая поцеловать её.

Стр. 410

Кармин — потюркски дословно означает «красный» — красный краситель, получаемый из карминовой кислоты; вид женской парфюмерии для губ.

Стр. 414

Арран — древнее название западной части современного Северного Азербайджана, столицей Аррана сначала была Барда, затем город Гянджа.

Стр. 414

Бадахшан — в средние века обширная местность, охватывавшая юго-восток Памира — нынешняя Горно-Бадахшанская область Таджикистана, там добывали гранаты и рубины.

Стр. 414

Оман(Омман) — область в Аравии, славившаяся своим жемчугом.

Стр. 414

Билькис — библейская царица Савская, возлюбленная царя Соломона — Сулеймана. Однажды она вздумала построить себе дворец из птичьих костей. Против этого выступил удод. Сулей-ман спросил удода; «Кого больше на свете — женщин или мужчин?» Удод ответил: «Женщин, ибо мужчины, слушающие глупые советы своих жён — тоже женщины»...

Стр. 415

Хаким — мудрый, мудрец, всеведущий; Бог, Аллах.

Стр. 415

Он небо разверз, за завесой завес — здесь имеется в виду, что Он — Аллах — один знает тайны небес; ни один мудрец до сих пор не познал сущность вселенной, кроме него.

Стр. 415

Он язвами кроет молельщиков лбы,

Короной — чело властелинов судьбы — пятикратное моление — намаз у мусульман сопровождается многократными земными поклонами, отчего у молельщиков на лбу появляется мозоль, а также у правителей при ежедневном многократном одевании и снятии короны на челе образуется мозоль.

Стр. 416

У пояса гор и на шапке земли — пояс гор — горизонт, шапка земли — небеса.

Стр. 416

К тем пищим двум-трем деревням тяготя — две-три нищие деревни — земной шар; по кораническому преданию, до сотворения мира небо и земля были вместе. Когда Аллах отделил небо от земли, появились день и ночь.

Стр. 416

Джуббэ — широкая верхняя одежда с рукавами, похожая на халат.

Стр. 417

Взял глину, слепил в движеньем зажёг,

Пульс разума к трепету сердца привлёк — по кораническому преданию, Аллах первого человека слепил из глины, вдунул в него дух и дал ему разум.

Стр. 417

Венера — по восточной мифологии, Венера, после Солнца и Луны, самая яркая планета; также Венера — богиня любви, музыки, веселья.

Стр. 417

Рог лунный — не раб ли с серьгою кольца — на востоке в знак рабства рабам надевали серьгу. Рог — серьги в ушах Луны в знак рабства её Аллаху.

Стр. 417

Кто в небе седьмом,

Кто в небе девятом — по древним астрологическим представлениям, небеса состоят из девяти сфер, на каждой из которых находилась планета. В древности считалось, что существует только семь планет: Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн.

Стр. 418

Ирем — легендарная земная копия райского сада, созданная тираном Шеддадом.

Стр. 419

Зулмат — мрак, темнота; здесь — неверующий, язычник; в восточной мифологии — царство мрака, где течёт родник живой воды.

Стр. 419

Джоухвар — материя, субстанция.

Стр. 419

Сломай этот шестиугольник «курси»,

И девятияогий «минбар» погаси — древние астрологи предполагали, что существует шесть сторон света: восток, запад, север, юг, верх, низ. Девятиногий минбар — девять небес. Смысл бейта: уничтожай и землю, и небеса.

Стр. 420

Чепрак — происходит от тюркского слова •чапрак»; суконная, ковровая, меховая подстилка под конское седло, сверх потника; кожаный лоскут, обшивка.

Стр. 420

Гумру (гумнри) — кукушка.

Стр. 421

Хадис — по-арабски дословно означает «новое слово, новость»; предание о поступках и изречениях пророка Мухаммеда или имамов.

Стр. 421

Ха — «алиф», «ха», «дал», «мим» — названия букв арабского алфавита; сочетание этих бука образует слово «Ахмед». Ахмед — одно из имён пророка Мухаммеда.

Стр. 422

«Умми», но вместил он все знанья сии,

С «алифа» Адама до «мим» Мессии — пророк Мухаммед был «умми», т.е. неграмотный, но его имя сочетает в себе первую букву слова «Мессия» (Иисус Христос) и первую букву слова «Адам», поэтому он вместил в себя все знания.

Стр. 422

Дань с Мекки Медине — изгнанье его — пророк Мухаммед после укрепления своих позиций и авторитета совершил поход против своих мекканцев, которые, в своё время, его изгнали из города. Он победил их и на первый раз ограничился взятием от них дани.

Стр. 422

Царь полудня — Солнце.

Стр. 423

Хырке — рубище, власяница,, которую носили суфии и дервиши. Хырке считалось священной одеждой, символом благочестия, отказа от мирских благ, смирения и чистоты помыслов; глава дервишекого ордена перед смертью передаёт хырке тому лицу, которое он назначает вместо себя.

Стр. 423

Клеть птицы божественной ввысь распуша, —

Плоть сделалась крыльями, — словно душа — относительно путешествия пророка Мухаммеда на небеса — Мираджа. Между мусульманскими теологами до сих пор идёт спор: одни утверждают, что путешествовала лишь душа Мухаммеда, другие — что тело его. Из этого бейта видно, что Низами сторонник тех, кто считает, что путешествовало тело пророка Мухаммеда.

Стр. 423

Бык неба забрал у земного быка — по мусульманским представлениям, земля держалась на земном быке, бык неба — созвездие Тельца. Смысл строки таков: Мухаммед с земли поднялся на небеса.

Стр. 423

Юнус — по библии — Иона (Иов), по легенде — попавший в чрево кита и сумевший благополучно спастись оттуда.

Стр. 424

«Десятую» с неба «седьмой» он прочёл — когда пророк Мухаммед дошёл до седьмого неба, прочёл последнюю из десяти известных заповедей.

Стр. 424

И завесу звёзд разрывал его шаг,

И ангелов плечи влекли его стяг — смысл бейта: Он — пророк Мухаммед — поднялся выше звёзд, и его сопровождали ангелы.

Стр. 424

Бурак — в исламе — внеземное разумное существо, на котором пророк Мухаммед совершил ночное восхождение — Ми-радж — на небеса. Бурака обычно изображают в виде лошади с головой человека; у него большие чёрные глаза и мягкие уши. Согласно преданию, бураки вознесут праведников на небеса. О нём в Коране не упоминается, но в одном из хадисов пророка Мухаммеда говорится: «Ко мне привели бурака. Это длинное белое животное, выше осла, ниже мула. Он перемещается туда, куда достигает его взор».

Стр. 424

Все буквы обвел его тонкий «калем»,

Сорвал с рукава эмпирея «алем» — смысл бейта: все до того неведомые вещи для него — пророка Мухаммеда, стали ясными.

Стр. 426

Эйван, — девять тронов, семь звёзд увенчать — Эйван — балкон, чертоги; Эйван — девять тронов — девять небес; семь звёзд — семь планет.

Стр. 426

Из белых жемчужинок — выбил одну — в сражении против Мухаммеда кто-то из мекканцев ударом камня выбил ему зуб. Низами в этой строке намекает именно на этот случай.

Стр. 426

Муфаррих — по-арабски — «увеселитель», «успокоитель». В переносном смысле — вино, разновидность курительного наркотика.

Стр. 426

Вира — древнерусская и древнескандинавская мера наказания за убийство, выражавшаяся во взыскании с виновника денежного возмещения; а также материальное возмещение за другие преступления.

Стр. 427

Сняв точку, **— «Захмет» ты в «рахмст» обратил**

И «милость» иа месте «труда» поместил — написание слов по-арабски «захмет» (труд) и «рахмет» (милость) очень сходно, разница лишь в первой букве: с точкой наверху — «з», без точки «р» читается.

Стр. 428

Наубат — по-арабски дословно означает «барабанный бой»; оповещение или тревожный сигнал для сбора народа, подаваемый барабанным боем; в русском языке выражение «бить в набат» происходит от этого слова.

Стр. 428

Хиштэк — подмышник.

Стр. 430

Омар — Омар ибн Хаттаб (581-644) второй праведный ха-лиф (634-644), соратник пророка Мухаммеда, известен своими завоевательными походами на Сирию, Египет, Ирак и Персию. Был убит персидским рабом по имени Файруз, по прозвищу абу Лула. По легенде, одно произношение имени Омара на три дня преграждало путь Сатане.

Стр. 430

Йеменский месяц — Йемен — область в Аравии, во времена пророка Мухаммеда город Мекка входил в состав йеменской области, поэтому Низами называет пророка Мухаммеда йеменским месяцем — луной.

Стр. 430

Йеменский плащ — Во времена пророка Мухаммеда в Йемене было развито производство высококачественной ткани. По преданию, пророк Мухаммед на каждый пятничный намаз надевал плащ из чёрной йеменской ткани.

Стр. 430

Галия — ароматная чёрная мазь для волос и бровей, приготовленная из мускуса и благовоний.

Стр. 430

Фсридун — один из мифических шахов Ирана, победивший дракона Зоххака. Образ в эпосе «Шахнаме» Фирдоуси.

Стр. 431

Ной в струях живых жаждал вымочить лоб,

Ошибся водой, — окунулся в потоп. — По мусульманскому преданию, пророк Ной призывал свой народ поклоняться единому Богу, но народ его не послушался. Ной проклял свой народ

и Бог в наказание послал потоп, народ погиб, за исключением близких Ноя, которые спаслись в Ковчеге, тогда Ной раскаялся и сказал: «Боже, зачем ты наказал людей?»

Стр. 431

Судьба Авраама куда вознеслась?

На полпути три раза вниз сорвалась — речь идёт о трех указанных в Коране ошибках, имевших место в жизни пророка Авраама (Ибрагима).

Стр. 431

Без чаши увидел себя Моисей,

Лишён под Синаем оп радости всей — по мусульманскому преданию, пророк Моисей (Муса) разговаривал с Богом через излучающее огонь дерево у горы Синай; когда он просил Бога показаться ему, последовал ответ: «Меня не увидишь». Моисей (Муса) лишился радости.

Стр. 431

Мессия не думал об этом зерне:

С рожденья сомпителеп был он в родне — Смысл бейта: Мессия (Иисус Христос) родился без отца.

Стр. 431

Хутба — мусульманская проповедь, совершаемая во время пятничного полуденного богослужения в мечети, а также по праздникам. Обычно начинается с прославления Аллаха и его пророка Мухаммеда.

Стр. 432

Без буквы со шкуры читающий — ты — до изобретения бумаги обычно писали на шкурах, преимущественно оленьих, коровьих, верблюжьих. Пророк Мухаммед был неграмотным (умми), но он будто бы читал и знал все тайны.

Стр. 432

Бахрам шах — Мелик Фахрэддин Бахрам шах — один из правителей (1166-1175) арзинджакских Сельджуков.

Стр. 432

Стал я пленником — здесь намёк на то, что поэт, приступая к написанию этой поэмы, стал пленником своих мыслей.

Стр. 433

Альмагест — произведение греческого географа Клавдия Птоломея о системе вселенной, появившееся около 140 года и включающее полный комплекс астрономических знаний Греции и Ближнего Востока. Полное название «Великое математическое построение по астрономии в тринадцати книгах», кратко «мэ-

гистэ» (от греческого слова «мэгистос» — «величайший»), У арабов название этого труда превратилось в «Альмагест».

Стр. 433

Исхак — пророк в исламе, сын пророка Ибрагима (Авраама), от пророка Исхака произошли евреи, жил в Палестине.

Стр. 433

Измаилиты — террористическая организация в X1-X11 вв., которая вела борьбу в основном против тюркских правителей. Ввиду того, что террористам перед очередным заданием давали гашиш (опиум), их также называли асса-синами. Низами отрицательно относился к их действиям.

Стр. 433

Бахрамство — дословно с персидского языка — «в мужестве». Бахрам по-персидски — название планеты Марс. По мифологии, Марс является богом войны, отваги и мужества.

Стр. 433

Гур — дикий осёл. Бахрам, один из Сасанидских правителей, очень любил охотиться на диких ослов.

Стр. 434

У рыб, что вверху и внизу, — в ушах

Как в ракушке, перл твоей сабли, шах — по древней мифологии, земля держится на быке, бык на рыбе, а рыба на воде. Рыба — знак зодиака. Ракушка состоит как бы из двух створок, в которых находится перл. Смысл бейта; тебе подчиняется всё, что на небесах и всё, что на земле.

Стр. 434

Джамшид — мифический царь Ирана, якобы в тысячелетнее правление которого на земле царили счастье и благополучие. В эпосе «Шахнаме» Фирдоуси называет времена его царствования «золотым веком».

Стр. 435

Харадж — дословно с арабского — «дань»; земельный налог в странах Ближнего и Среднего Востока, введённый в X веке.

Стр. 435

Рахш — конь легендарного богатыря Рустама, одного из главных героев эпопеи «Шахнаме» Фирдоуси; скакун чистой породы, светло-рыжей масти с подпалинами.

Стр. 436

Учась у зари поведенью души,

Завесу волшебного вечера сшил — смысл бейта: ночью обдумал и составил план сочинения, а утром приступил к написанию («Сокровищница тайн»).

Стр. 436

Двух славных поэтов — две книги на суд,

И обе печать Бахрамшахов несут — во времена Низами Гянджеви были два правителя по имени Бахрам шах, один из них Гаэневид, поэт Санаи своё сочинение «Сад истин» посвятил Бахрам шаху Гаэневиду; другой — Сельджук — Фахрзддкн Бахрам шах, Низами свою «Сокровищницу тайн» посвятил именно ему.

Стр. 436

Знак румской монеты признал я за свой — во времена Низами часть Анатолии-Турции (Рума) входила в состав владений Фахрэддина Бахрам шаха.

Стр. 438

Я, море, твой жемчуг кладу на песке.

А мой — как подвески в твоём пояске — смысл бейта: мое вдохновение — море, а слова мои — жемчуг, я из этого моря добываю жемчуг и кладу к твоим ногам, но стихи мои о твоём величии до того ничтожны, что подобны подвескам в твоём поясе.

Стр. 439

Шарнат — совокупность юридических и религиозных норм, основанных на Коране, мусульманское право.

Стр. 441

Чтоб яхонт того рудника раздобыть,

Он должен яйцо семи сводов пробить — смысл бейта: чтобы достичь совершенства, найти самые ценные слова, поэт должен знать все тайны небес и земли.

Стр. 441

Юпитером речи его назову,

Зухре, поразившей Харута главу — по древней легенде, Харут и Марут были одними из приближённых ангелов бога; когда бог одарил человека разумом, способностью речи н познания, Харут и Марут протестовали, мол человек не достоин этих милостей; бог их послал на землю в человеческом облике, где Зухра соблазнила их и они влюбились в красавицу Зухру, за что были наказаны богом и низвергнуты в колодец в Вавилоне, а Зухра была вознесена на небо и стала планетой Венера, которая. по поверью, покровительствует красоте и музыке.

Стр. 441

Но царской парчой обмотавший висок

Всё ж съел напоследок железа кусок — смысл бейта: те, которые обмотали себе голову даруемой царями парчой, те, которые уповали на милость царей, были убиты этими же царями.

Стр. 441

А тот, кто пред златом, как ртуть, не дрожал, —

Железных Санджара кусков избежал — смысл бейта: по алхимии золото притягивает к себе ртуть, т.е. тс, которые не дрожали перед золотом как ртуть, избежали наказания султана Санджара.

Стр. 442

В союзе с законом — туда воспарит,

Где пояс твой — тень Близнецам подарит — смысл бейта: поэзия в союзе с законом познания подымет тебя (Бахрам шаха Сельджука) до небес, до созвездия Близнецов.

Стр. 443

Гянджа — один из древнейших культурных центров Северного Азербайджана. Некоторое время была столицей Азербайджанского государства Атабеков (1136-1225). Подарил мировой культуре таких корифеев, как Мехсети хаиум Гяиджеви (1098-1188), Лбульула Гянджеви (1096-1159). Гивами Мутарризи (XII век), Низами Гянджеви (1141-1209) и др. Здесь речь идёт о войне, во время которой Гянджа находилась в окружении.

Стр. 443

Вавилон — знаменитый древний город в Месопотамии, столица Вавилонии, располагался на реке Евфрат в 89 км к югу от современного Багдада и к северу от Хиллы. На древнем семитском языке его называли «Баб-Илью», что означало «Врата бога», на древнееврейском это название трансформировалось в «Бабель», на греческом и латинском — в «Бабилон». Первоначальное наименование города пережило века, и до сих пор самый северный из холмов на месте древнего Вавилона называется «Бабиль». Вавилон на историческом горизонте появился около 1900 г. до нашей эры. Упадок Вавилона начался до завоевания его Александром Македонским, и со временем от древнего города остались руины. Стр. 444

Хум - большой глиняный сосуд в красильнях, а также для

хранения вина. Стр. 444 Пять чувств - зрение, слух, обоняние, вкус и осязание.

Стр. 445

Сорок лет - по восточному поверью, зародыш в утробе матери сформировывается в течение сорока дней, и человек только на сороковом году жизни становится совершенным.

Стр. 445

Хар — город в провинции Рей — древняя столица Ирана, разрушенная после монгольского нашествия, ныне входящая в провинцию — Тегеран.

Стр. 445

Канопусомшошусоы сердца твой светел «адим» — Канопус — не-бесное тело Южного полушария, вторая по яркости звезда, «адим» — тонкая йеменская кожа, которая, по преданию, вы-дслывается при свете звезды Сухейль - Канопус. Здесь «адим» означает красивое лицо, т.е. сердце освещает и душу, и лицо.

Стр. 446

Хат иф — по-арабски дословно — «кричащий»; глас неба.

Стр. 446

Максура — внутренний покой, святая святых, главное место для молитвы в мечети; целомудренная женщина.

Стр. 446

Семь халифов — семь внутренних органов человека: сердце, легкие, печень, селезёнка, желчный пузырь, желудок, почки.

Стр. 447

Семь повестей — семь мифов о богатыре Рустаме, персонаже эпоса «Шахнаме» Фирдоуси: 1. Убивает двух огромных волков. 2. Убивает льва и львицу. 3. Убивает дракона, извергающего огонь и яд, спрятавшись в железном сундуке. 4. Убивает колдунью, принявшую облик красавицы и пытавшуюся его соблазнить, но он затягивает аркан на её шее. 5. Убивает Симурга.

Совершает переход во время метели через снежный занос.

Переходит реку по броду.

Стр. 447

Мой красный наездник — пред сердцем учтив — печень, очищая кровь, передает её сердцу.

Стр. 447

Мой жёлтый — к его прославлепью ревнив,

Мой горький — как ловчий с охоты его — по древней ме-дицине, желчный пузырь имеет два отверстия: через одно он очищает кровь от всяких болезней, а через другое питает желудок веществом для увеличения аппетита.

Стр. 447

Мой чёрный пьёт ниже — отходы его — селезёнка притя-гивает к себе все осадки крови.

Стр.447

Мой меткий с арканом — в засаду засел — желудок со своими арканами — кишками притягивает к себе всё, что попадает в желудок.

Мой бронзовый стан серебристым одел — почки покрыты жиром, и этот жир поэтом назван серебристым станом.

Стр. 447

Они — мотыльки перед сердцем — огнём,

Рассеяны всюду, лишь сердце — в одном — все эти семь органов, будучи расположены в разных местах организма, служат только одному сердцу.

Стр. 447

Безъязычный — здесь имеется в виду сердце.

Стр. 447

Карун — библейский Корей, легендарный богач, который был проклят Мусой за скупость и поглощён землёй вместе со своим богатством.

Стр. 449

Полей изумруд и Лилей красота, —

Сурьма для очей, для змеи — слепота — в состав сурьмы для окраски бровей и ресниц входит и лилия; сурьма прибавляет зоркость зрению, змея же, смотря на лилию, слепнет.

Стр. 449

Иисуса язык, Моисея рука — по преданию, от плевка Иисуса, слетевшего с кончика языка, слепой стал зрячим, рука Моисея излучала ослепительный свет.

Стр. 449

Сахль — маленькая звезда.

Стр. 450

Хира — цветок; желтофиоль.

Стр. 450

Влюблённый фазан — кипарисом убит — по поверью, фазан любит кипарис и от запаха кипариса умирает,

Стр. 451

Сове, чьё обличье забыто страной,

Расплата за тайну души — головой — по поверью, сова живёт в развалинах, а в развалинах — клад. Сову как символ несчастья убивают, поэт намекает на то, что сова расплачивается за хранение тайны клада.

Стр. 451

Сафьян — кожа танидного — растительного дубления для верха обуви, книжных переплётов, выделываемая из шкур овец, коз, окрашена в яркие цвета.

Стр. 451

Сагры — потюркски дословно — «ляжка, задняя часть»; здесь имеется в виду, что из грубой кожи задней части животных путём дубления можно получить высококачественную кожу.

Стр. 451

Чинар — платан; вид величественных вековых деревьев, растущих в Азербайджане, Центральной Азии, Малой Азии. По преданию, в городе Гяндже и поныне существуют чинары со времён Низами Гянджеви, огромнейших размеров по обхвату и по высоте.

Стр. 451

Касаб — тонкое льняное полотно.

Стр. 451

Минбар — кафедра или трибуна в мечети, как правило, находится справа перед молельщиком.

Стр. 452

Табаристан — средневековое (ГХ-ХП века) название провинции, расположенном на южном побережье Каспийского моря, нынешняя территория Ирана, между Гиляном на западе и Хорватом на востоке. С ХШ века известна как Мазендеран.

Стр. 452

Табархун — ива пурпуровая; прут сандалового дерева.

Стр. 452

От чёрного, родинки этой, зерна —

Вся в пятнах, исходит томленьем луна — луна сама по себе чёрная; она получает свет от солнца. На луне видны чёрные пятна, якобы луна скучает по чёрной родинке.

Стр. 453

Печень свеч — фитиль.

Стр. 453

Жёг сахар алоэ, тёк сахаром тот — алоэ без примеси плохо горит, для горения его смешивают с сахаром, поэтому когда горит, течёт сахарная жижа.

Стр. 455

В кудрях Авраама тот лик запылал,

Глаза — Измаил, а ресницы — кинжал — по преданию, неверные пророка Авраама (Ибрагима), завернув в шкуры, бросили в

огонь, но огонь по велению Аллаха превратился в цветник, и он из огня вышел невредимым. Смысл бейта: лицо, схрытое под кудрями, запылало как огонь Авраама (Ибрагима), глаза по красоте были похожи на Измаила (Исмаила), сына Авраама (Ибрагима), а ресницы, как кинжал, готовы вонзиться в сердце влюблённого.

Стр. 458

Змея шарик солнца глотнуть мне даёт — по преданию, в голове змеи находится шарик - камень счастья. Смысл строки: если глотнуть шарик — камень счастья, есть надежда, что он достигнет цели — соединится с возлюбленной.

Стр. 458

Макала — речь, слово, глава, статья.

Стр. 458

Халиф, предназначенный повелевать

Как знамя, упавший н вставший опять — согласно Корану, Аллах назначил **Адама своим халифом** — наместником на земле. Адам сперва совершил грех, а затем покаялся.

Стр. 459

В нём злато, меняла и проба зараз — смысл строки: в нем два начала — доброе и злое.

Стр. 460

Сариндиб — арабское название острова Цейлон — самого красивого острова Индии.

Стр. 460

Индустан — Индия.

Стр. 460

Индиго (темно-синий цвет) — название произошло от «ин-диго» — растения, произрастающего в Индии, из которого добывали соответствующий краситель, использовавшийся для окраски одежды.

Стр. 460

Тюрок китайский — тюрки, проживавшие в древнем Туркестане (Китай); потомками китайских тюрков ныне считаются уйгуры, проживающие в современном Китае.

Стр. 461

Вакуфпость — отказ по завещанию от своего имущества в пользу благотворительных учреждений.

Стр. 461

На прибыль живи с капитала того,

Он — жатва твоя, а посевы — его — смысл бейта: в этом мире трудись и кормись плодами своего труда.

Стр. 461

Вот лев нарисован у входа в чертог,

Но палкой его ты не сдвинул бы с ног — смысл бейта: ты себя считаешь могучим, но перед природой слаб. Ты похож на раненого льва, который неподвижен, борись с природой и добывай своим трудом все' блага.

Стр. 461

Каф — мифическая гора, окружающая всю поверхность Земли. По преданию, там жила легендарная птица Симург.

Стр. 463

Хурджун — перемётная сума; двойная сумка для багажа, перекидывающаяся через спину животного или плечо человека.

Стр. 464

Ман (мен, батман) — мера веса, разная в различные времена и в различных странах, как правило, от 3 до 13 кг.

Стр. 468

Вамик, Азра — (дословно Вамик — «влюблённый», Азра — «девственница») имена героев поэмы «Вамик и Азра» поэта Абулга-сыма Унсури (X-X1 века). Сюжет этой поэмы, восходящей к античной литературе, был широко распространён ещё в VI веке при Нушireване. Азра — символ красоты и верности возлюбленному.

Стр. 469

Сам — у богатыря Сама, одного из героев эпоса Фирдоуси «Шахнаме», родился сын, его нарекли Зал. Тело ребёнка было красное как медь, а волосы его были седые. У самого Сама волосы были чёрные.

Стр. 469

Зал — один из героев эпоса Фирдоуси «Шахнаме», отец богатыря Рустама — главного героя «Шахнаме».

Стр. 469

Двуцветный ковёр — мир с днём и ночью.

Стр. 470

Барат — тюркское слово, льготная грамота султана, патриарха или епископа для свободного исполнения богослужения; промен товара на товар; слово «бартер» происходит от слова «барат» — обмен товара; роскошный, барский подарок.

Стр. 472

В пример себе Рабия кудри возьми, —

Что сделала ими с собакой семи? — существует легенда о том, что по пустыне Аравии шли шесть мужчин и с ними собака.

Из-за отсутствия воды мужчины погибли, осталась лишь собака, от жажды она тоже была близка к смерти. В это время мимо шла женщина по имени Рабия на города Басры, она подошла побли же, сняла с себя всю свою одежду, связала концы одежды, чтобы опустить в колодец, достать воду и напоить собаку, но её одежды не дошли до воды; она, долго не думая, срезала свои косы, иэ них сплела веревку и эту верёвку добавила к своей одежде, опус тила в воду, одежда намокла, женщина выжала воду и напоила собаку, спасла ей жизнь.

Стр. 473

Двух вспомни индийцев», - их вражеский сглаз,

Что с телом Махмуда продал ои раз — султан Махмуд Газневи (годы правления 998-1030) был завоевателем и распространителем мусульманства в Северной Индии. Сложилась легенда о том, что когда он совершал поход против одного из индийских народов, два индийских факира, уединившись в капище, своими молитвами навели на султана болезнь. Лечение врачей не помогло ему, мудрецы из его свиты догадались, что он заболел от ворожбы факиров, устроили пышное торжество в честь султана Махмуда, якобы он выздоровел.

Ложным путём вера в молитвы факиров была поколеблена и, в самом деле, вскоре султан Махмуд выздоровел.

Стр. 475

Симург — по-персидски — «тридцать птиц или серебряная птица». Огромная мифическая птица, обитающая на мифической горе Каф, царь птиц, символ величия, могущества, всего неведомого и таинственного.

Стр. 475

Спускается старость — за юности днём,

Прах борется с ветром и влага — с огнём — согласно древнему преданию, мир состоит из четырёх стихий: вода, огонь, земля и воздух. В случае столкновения одновременно этих элементов друг с другом мир разрушился бы. В результате столкновения этих элементов в организме человека и наступает старость.

Стр. 475

Хабсш (Хабяш) — Абиссиния, ныне Эфиопия, откуда во времена Низами привозили темнокожих рабов; в поэзии они синоним мрака, ночи, черноты.

Стр. 475

Тараз — областной центр в Средней Азии, жители которого отличались белизной, красотой; в поэзии символ белизны, света,

утра. Развалины Тараэа находятся неподалёку от современного города Джамбула в Казахстане.

Стр. 476

Вкусил камфары твой огонь, к теперь

Сам мускус твой стал камфарою, поверь ~- камфара — белые кристаллы, употребляется в медицине как отвлекающее и противовоспалительное средство. Мускус — ароматное чёрное парфюмерное вещество. Смысл бейта: жар твоей молодости спал, твои чёрные волосы стали белыми.

Стр. 476

У солнца с Мессией обитель одиа — по мусульманскому преданию. Солнце и Мессия (Иисус Христос) находятся на четвёртом небе.

Стр. 477

Занзибарец — житель Занзибара (группа островов у восточного побережья Африки). В поэзии символ черноты, тёмной кожи.

Стр. 477

Дахма — землянка; так называемая •башня молчания» — площадка на возвышении, на которой эороастрийцы оставляли тела покойников.

Стр. 477

Шам — столица Сирии, название города Дамаск на Ближнем Востоке. В поэзии Низами — символ вечера.

Стр. 480

Смягчи своё сердце, как меха пушок,

Как мускусный, — плоть огруби ты, — мешок — смысл бейта: пусть твоё сердце будет мягким, чуткнм к окружающим, как мускус — ароматическое вещество, а плоть, подобно кабарге, живет в грубой обстановке.

Стр. 480

На страже сокровищ — поставлен дракой — согласно поверью, где дракон, там и клад, подобно этому где труд и забота, там покой и радостная жизнь.

Стр. 481

Онагра — дикий осёл, обитающий в Юго-Восточной Азии.

Стр. 483

Вкруг печени — нитью души обвели,

На стане — жемчужину тела зажгли — согласно древней медицине, источником жизни является не сердце, а печень. Су-

ществование человека зависит от печени, которая находится вместе с остальными важными органами (сердце, почки, желудок, селезёнка, желчный пузырь, лёгкие) внутри стана.

Стр. 483

Хумай ты, — старайся обид не чинить — легендарная птица счастья Хумай благородна тем, что никого не обижает и довольствуется лишь костью.

Стр. 485

Абу-Талиб — сын Абд аль Муталиба, дядя пророка Мухаммеда, отец четвертого праведного халифа Али (656-661).

Стр. 485

Марлбан — по-персидски «наместник».

Стр. 488

Твой жир мозговой стал оа ртутью, из тех,

Что холодны, как атот неба орех.

Смотри! Как орех, чтоб не сгинуть в норе,

Тот серый орех ты покинь поскорей! — ртуть холодная, при расплавлении превращается в другое вещество. Древняя медицина сумасшествие считала охлаждением мозга, и некоторые вещества считались горячительными, а некоторые охладительными: крупный орех — горячительный, а мелкий орех — охладительный; твой мозг от действия мелкого ореха охладел — ты с ума сошёл, а потому тебе лучше лечь в место узкое, как мелкий орех, т.е. в могилу.

Стр. 488

День с ночью не бобр с горностаем, — они,

Как пёстрая ласка, дракону сродни — бобр и горностай — грызуны, бобр чёрного, а горностай белого цвета, мех их мягок, дорого ценится. Ласка — хищник, шкура у нее жёлтая, или сероватая с серыми пятнами, она кровожадна, коварна, ловка в движениях. Смысл бейта: не думай, что день-горностай и ночь-бобр мягки и безобидны, наоборот, они как пестрая ласка хищны и коварны, и готовы во всякую минуту разорвать тебя, то есть день и ночь приближают тебя к смерти.

Стр. 488

Львиной засады, течёт та вода,

К чему ж, как олень, ты стремишься туда — по легенде лев, охотясь на оленя, идёт к водопою и оставляет там свои слюни, а сам прячется; когда олень приходит на водопой, то, чуя слюни льва, стоит как прикованный, в это время лев мигом выходит

из-за засады и бросается на оленя.

Смысл бейта: не увлекайся этим миром, знай, что в засаде лев — смерть.

Стр. 488

Табашир — сахарный порошок, полученный из золы от сжигания тростниковых стеблей, его использовали для утоления жажды.

Стр. 488

На всю желтизну этой желчи твоей

И уксус твоих не влияет бровей! — древняя медицина против желтухи и ожирения применяла уксус. Смысл бейта: ты грешен со дня рождения и против твоих грехов нет никакого исцеления.

Стр. 490

Дутой, погружённой в раздумье, прочёл

На прахе — абджад девяти высших школ — абджад — название восьми вымышленных арабских слов, показывающих древний порядок арабского алфавита, заимствованного у арамийцев. Всем тридцати буквами арабского алфавита даны числовые значения, на основе которых созданы разные цифры. Смысл бейта: человек, погружённый душой в раздумья, уже знает все шифры — тайны девяти небес.

Стр. 491

Ведь всё твоё дело — в подвижности быть,

Ведь ты не продет на недвижную нить — человек до свое-го сотворения был ангелом, счастливо жил в раю, потом он был сотворен и, как бы ни старался, чтобы ни делал, даже ведя отшельническую, аскетическую жизнь, обречён на смерть. Ибо и он, и весь мир преходящи, всё находится в вечном движении.

Стр. 493

Календер — странствующий дервиш, бродящий аскет, юродивый, живущий за счёт подаяний. Стр. 493

Лят (Лот, лат) — один из главных доисламских идолов, находящийся в Каабе, в городе Мекке. Стр. 496

Майдан — от тюркского слова «мейдан» — «открытая площадка, огромная площадь», часто употребляется как обозначение главной торговой площади в городе. Стр. 498

Суфра — скатерть.

Стр. 498

Дэв — людоед-великан, главный символ зла в борьбе с добрым героем-молодцем в азербайджанских сказках.

Стр. 498

Кебаб — общее наименование всех видов шашлыков. Одно из распространённых мясных блюд Азербайджана, приготовленное на углях.

Стр. 501

Дабэ (дабу) — чучело, которое использовали при обучении боевых слонов.

Стр. 503

Ведь месяц, что золотом в иебе блестит,

Он — гуль, Авраама, сводящий с пути — по древнему преданию, месяц заставил пророка Авраама (Ибрагима) свернуть с правильного пути и Авраам (Ибрагим) назвал его своим богом. Гуль — согласно легенде, мифическое существо, трупоед; он абсолютно безобиден, живёт в пещерах и колодцах, на полях сражений, живых людей боится, избегает, обладает ужасной внешностью, с синеватой мертвецкой склизкой кожей.

Стр. 504

Свечой сделай этот джафаров металл, —

Чтоб сам, как свеча, себе пищею стал — до халифа Ома-йяда Мерван ибн Хакама в мусульманском мире была в обращении румская — греческая звонкая монета, на которой была надпись: «Отец, Сын и Святой дух». По приказу Мервана была введена монета с надписью: -Нет Аллаха, кроме Аллаха и Мухаммед посланник его». Однако эта монета не получила популярности и во времена халифа Харун ар Рашида его визирь и фаворит, впоследствии, казненный им, Джафар, приказал чеканить другую монету. Отсюда выражение «Джафаров металл». Смысл бейта: богатство раздавай другим, а сам, подобно свече, гори своим жиром, освещая всё окружающее, в этом слава человека.

Стр. 504

Разбей это здание в девять дверей.

Отбрось этот шестиконечиик скорей — здание в девять дверей — это человек, у которого девять наружных отверстий: два уха, два глаза, две ноздри, рот, анус и гениталии. Шестиконечиик — идол с шестью гранями. Смысл бейта: разбей своё бытиё и не будь рабом презренного металла.

Стр. 505

Что «утра восточник», как дар, поднесёт

То «западник вечера» в долг заберёт — по мнению древних геологов и географов, благодаря действию солнечных лучей золото рождается только на Востоке, на Запад оно вывозится, поэтому восточные люди на золото бывают щедрые, а западные скупыми. Не увлекайся золотом, каким бы оно ни обладало блеском, звоном, ты им не соблазняйся, оно обманщик, свернёт тебя с пути.

Стр. 508

Фатиха (ал-фатиха — вступление) — первая сура (глава) Корана, состоит из семи коротких аятов (стих), читается во многих случаях жизни, в том числе при призыве божьего благословения на усопшего.

Стр. 510

Хаджадж — Хаджадж ибн Юсиф (660-714) — знаменитый полководец и правитель Ирака и Хеджиса в царствование халифа Омайяда Мервана, отличался крайней жестокостью, его имя стало синонимом кровожадности и угнетения.

Стр. 510

Шёпот несла — здесь: обладал сетью шпионажа.

Стр. 510

Вот казни ковёр посыпают песком — ковёр казни из кожи, постилался в тронном зале царя, и на нём совершали казнь на его глазах; пролившуюся на ковёр кровь казненного засыпали песком.

Стр. 511

Амбра — благовонное душистое вещество, широко применяемое на Востоке как парфюмерное средство, добывалось из кишечника кита — кашалота.

Стр. 511

Лобэтбаз — происходит от персидского языка, означает «кукловод»; «играющий с куклами».

Стр. 514

Мерв — один из древних городов Туркестана, ныне город Туркменистане.

Стр. 515

Меч ржавый «хатжбв» тебе не суждён!

Хутбу хорошо — сладкоустый прочтёт,

Чиханье Адама — к Мессия дойдёт — по мусульманскому обряду хатиб — проповедник всегда имеет при себе меч. но никогда его не обнажает, отчего он и ржавеет. По религиозно*

легенде, когда Бог после создания из глины Адама вдунул ему дух, Адам чихнул, архангел Гавриил поймал этот чих и вдунул его в рукав Марии, отчего и забеременела Мессией (Иисусом). Читать хорошо хутбу — молитву, сможет только сладкоустый, ибо чихание Адама достойно лишь Мессии (Иисуса).

Стр. 517

В двух книгах, что девять дабиров вели — дабир — письмоводитель, секретарь; планета Меркурий. Девять дабиров — девять небесных сфер, две книги их — день и ночь.

Стр. 518

Гебрство — огнепоклонничество.

Стр. 520

Пир — мудрец, старец, основатель религиозного ордена.

Стр. 520

Мюрид — ученик, послушный, последователь духовного руководителя.

Стр. 521

Как царь Соломон не корзины ль плести? — по легенде, царь Соломон (Сулейман), несмотря на своё величие, жил своим трудом, плёл корзины и продавал их.

Стр. 525

Халладж — трепальщик, чесальщик хлопка; прозвище поэта-суфия Мансура, казненного в 922 году за провозглашение формулы «Ан аль — Хагг!» — «Бог — это я1», «Бог — во мне1»

Стр. 529

Дастур — здесь: визирь, советник.

Стр. 534

Гянджа, повязав меня, крепко взяла,

Ирака богатства — держу без узла — смысл бейта: в Ираке меня (Низами) ждёт слава и богатство, однако я крепко связан со своей родиной Гянджой и никогда её не покину.

Стр. 534

И в день тот из первого раби легло.

Четыре и двадцать по счёту число,

От хиджры до времени будет сего

Пятьсот лет и семьдесят два сверх того — в этих последних строках описывается точная дата окончания поэмы «Сокровищница тайн» по исламскому календарю: 24 число 3 месяца рабиуль-аввал 572 год. Если эту дату перевести на григорианский календарь, надо использовать известную формулу перевода — дата

исламского календаря плюс 622 (год переезда пророка Мухаммеда из Мекки в Медину, начало мусульманского летосчисления — хиджра) минус (дата исламского календаря делим на 33). Это будет соответствовать приблизительно 1178 году.

Стр. 544

Фархад — знаменитый скульптор, каменотёс. Имя героя широко распространённого на Востоке любовного сказания, образ страстно влюблённого человека, который ради красавицы Ширин совершает героический подвиг и трагически погибает.

Стр. 545

Гулистан — цветущий розовый сад.

Стр. 547

Фагфур — арабская транскрипция титула китайских императоров «Багбур» — «Сын бога, солнце-; один из героев арабской сказки «Тысяча и одна ночь»; название области в Китае, где делался лучший фарфор.

Стр. 551

Нахид — утренняя звезда, планета Венера.

Стр. 552

Азер — согласно мусульманской легенде — древний скульптор, создатель многочисленных идолов, отец пророка Ибрагима (Авраама). Ибрагим (Авраам), уверовав в единого бога Аллаха, разбил всех идолов, созданных отцом.

Стр. 554

Месневи — по-арабски — «сдвоенные»; одна из распро-странённых жанровых форм поэзии Востока, в этой форме создавались, в основном, крупные эпические поэмы. Месневи состоит из попарно рифмующихся бейтов — двустиший, по типу аа, 66, вв, т.е. каждый бейт выражает самостоятельную мысль и рифмуется отдельно.

Стр. 555

Царство солнца — здесь: Южный Азербайджан.

Стр. 556

Руге, пасх и тал иг — название почерков, образцы написания арабско-персидкой письменности.

Стр. 557

Халдей — человек семитической народности, населявшей в древности Вавилонскую низменность, славились своей восточной образованностью, вследствие чего в старину слово «халдей» стало синонимом звездочёта, мага, прорицателя.

Стр. 559

Самум — по-арабски — «знойный ветер»; сухие горячие ветры, наблюдающиеся в пустынях Северной Африки и Аравийского полуострова, чаще всего имеют западное и юго-западное направление.

Стр. 559

Мугилян — колючий кустарник, растущий в пустынях Аравии.

Стр. 562

Гази (Кадий) — шариатский судья.

Стр. 563

Туюг — по-тюркски означает «чувство»; четверостишия, которые рифмуются по-разному: ааба, абсб, аааа и т.д. Туюг так же, как рубай, формировался на основе тюркского фольклорного образца байты.

Стр. 564

Шатт — сокращенное название реки Шат-ал-Арап — Арванд-рут (Арабский поток), образующийся при слиянии Тигра и Евфрата, протекающий по территории Ирака и Ирана, длина 195 км.

Стр. 568

Тенета — сеть для ловли не очень крупных животных.

Стр. 569

Фирман — указ.

Стр. 570

Аят — стих Корана; мелкая структурная единица Корана, в Коране 6236 аятов.

Стр. 571

Нар — вид верблюда, полученного от скрещивания одногорбого верблюда с двугорбым. По силе, грузоподъемности, выносливости и плодовитости превосходит своих предков. В поэзии символ могущества и стойкости.

Стр. 571

Сарвар — по-персидски — «глава, начальник».

Стр. 571

Тохтамыш — хан Золотой Орды (1380-1406) из потомков Чингисхана.

Стр. 571

Тамерлан - Тимур (9.04.1336 - 18.02.1405) - один из вели-ких мировых завоевателей, сыгравший заметную роль в истории Центральной Азии и Кавказа, выдающийся полководец, созда-

тель крупной тюркской державы со столицей в Самарканде, основатель династии Теймуридов.

Стр. 574

Имамат — происходит от арабского слова «амама- — «стоять впереди на молитве»; общее название мусульманского теократического государства; верховное руководство мусульманской общины.

Стр. 575

Ночь н заря — семьдесят девятая глава (сура) Корана — «Ал-Назиат» — «Стремящиеся» 29 стих: «И сделал Он ночь их тёмной, и вывел свет их».

Стр. 577

Фатима — четвёртая дочь пророка Мухаммеда, жена имама. четвёртого халифа Али, мать имама Гасана (Хасана) и имама Гусейна (Хусейна).

Стр. 577

Хасан (Гасан) — (624-669) ибн Али ибн Абу Талиб второй имам, халиф с января по июль 661 г,, внук пророка Мухаммеда, сын Али и Фатимы, противостоял основателю Омайятской династии Муавии, потом был вынужден подписать с ним мир и уступить место халифа. Предположительно, он был умерщвлён или отравлен. После Хасана (Гасана) Муавии и его сыну Йазиду противостоял его брат Хусейн (Гусейн).

Стр. 577

Кербела — город в центральной части Ирака, в долине Евфрата, в 88 км к югу от Багдада. Основан в УП веке нашей эры, религиозный мусульманский центр. Гробница внука пророка Мухаммеда третьего, имама Гусейна (Хусейна) находится в этом городе. Начальный пункт паломничества в Мекку.

Стр. 577

Зейналабдин- (639-714) - Али ибн Гусейн Зейналабдия, четвёртый имам. Стр. 577

Бакир — (676-743) — Мухаммед ибн Али ал-Бакир, пятый имам.

Стр. 577

Джафар Садик — (700-765) — шестой имам, основатель Джафаритского тариката в Исламе.

Стр. 577

Муса — (746-801) — Маса ибд Джафар ал-Казым, седьмой имам.

Стр. 578

Рза — (765-820) — Али ал-Риза, восьмой имам, был назначен наследником престола со стороны аббасидского халифа Мамуна, и по его же приказу был отравлен. Могила его находится в городе Мешхед в Иране и является местом паломничества шиитов.

Стр. 578

Таги — (811-836) — Мухаммед ат-Таги — девятый имам, после мученической гибели своего отца имама Ризы в девять лет он стал имамом. В научных диспутах и собраниях, организованных но велению аббасидского халифа Мамуна, он побеждал крупнейших учёных своего времени. Был отравлен в Багдаде по приказу халифа Мутасима и предан земле в Кизимейне.

Стр. 578

Али Наги - (827-868) - Али ибн Мухаммед ан-Наги, десятый имам.

Стр. 578

Аскер — (847-874) — Хасан ибн Али ал-Аскери, одиннадцатый имам.

Стр. 578

Махди — (родился в 869 году и до пятилетнего возраста жил под покровительством своего отца, одиннадцатого имама Хасана ибн Али ал-Аскери; по преданию, после этого возраста он исчез); — по-арабски означает — «ведущий»; имя последнего двенадцатого имама; согласно традиционным источникам ислама, он придёт во время Судного дня — конца Света, чтобы спасти мир; поэтому его называют «Махди Сахиби — аз-Заман» — «Махди — владыка всех времён».

Стр. 587

Семь морей — по восточной мифологии, число семь имеет мифичесюгсакральное значение. Семь морей еще означает очень дальнее, порой неодолимое расстояние. Фольклорное выражение «за семью морями» употребляется именно в этом контексте.

Стр. 590

Семь сур Корана — много тысяч строк — как известно, Коран состоит из 114 сур (глав), чтобы их читать за неделю — за семь дней — условно эти главы сгруппировали вокруг семи крупных сур; Коран состоит из 6236 аятов (стих), 77934 слов.

Стр. 591

Четыре стихии (Четыре опоры) — по представлению древ-нетюркской мифологии, мир состоит из четырёх первоэлемен-

тов, из которых, якобы, было создано все живое и неживое: вода, огонь, земля и воздух.

Стр. 608

Захид — по-арабски — «мусульманский аскет, верующий человек».

Стр. 609

Зульфикар — меч, который пророк Мухаммед подарил своему зятю имаму Али.

Стр. 609

Долила святая — долина Синай на Синайском полуострове, на подножье Синайской горы.

Стр. 612

Ночь Кадра — ночь откровения, одна из последних ночей месяца Рамадан. Именно в ночь Кадра Коран снизошел в мир от Аллаха.

Стр. 614

Дастан — сказание, эпос, эпическая поэма.

Стр. 615

Бахши — народные певцы, музыканты, сказители, поэты.

Стр. 615

Тнрьяк — опиум, наркотическое вещество,

Стр. 625

Кашмир - название области в Индии; одна из наиболее сияющих драгоценностей в короне Индии.

Стр. 625

Тюрков страна — Туркестан; Туран.

Стр. 630

Махшар - день воскрешения. Судный день; название поля, где все будут отвечать за свои деяния.

Стр. 631

Ариф — мудрец, просвещенный, понимающий с полуслова.

Стр. 638

Фазлуллах - Фазлуллах Найми Тебризи Ал-Хуруфи (1340-1394), основоположник хуруфизма, духовный наставник и учитель Насими. Основные положения хуруфизма были изложены Фазлуллахом Найми в его философском трактате «Джавиданяа-ме» («Книга о вечном»). Хуруфиты считали «Джавиданнаме» священной книгой. Слово «фазлуллах» означает «божья благодать».

Стр. 642

Гылманы - вечно молодые прекрасные райские юноши.

Стр. 645

«Каф» и «нун» — названия букв арабского алфавита; по преданию, мир был создан Аллахом по его приказу «кун» (будь!), который образуется из этих букв.

Стр. 645

Книга Вечности — один из эпитетов священной книги му-сульман — Корана.

Стр. 647

Синай — Синайский полуостров, Синайская долина и Синайская гора (гора Тур, высота 2285 м) — место божественного откровения, находится на территории Египта. По преданию, на горе Синай сорок дней и сорок ночей пророк Моисей (Муса) беседовал с богом и передал своему народу 10 известных заповедей.

Стр. 654

Мир стоит на трёх китах любви — азарт, политика, лю-бовь.

Стр. 655

Татария — область в Средней Азии, где, по поверью, водятся газели, из пупка которых получают специальное ароматное вещество — мускус.

Стр. 657

Хашимиты, Корейшиты — арабские племена, к которым принадлежал пророк Мухаммед.

.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Керимов. **Вербальный коридор времен…….3**
Б. Набиев, Т. Керимли. **Виртуозы словесного искусства……..……6**

СОКРОВИЩА ИЗ НАРОДНОГО СУНДУКА

СЛАВНЫЕ СЛОВА. *Перевод А. Багирова*…….....**15**
ПОВЕРЬЯ. *Перевод А. Багирова*……**18**
КЛЯТВЫ. *Перевод А. Багирова*……...**26**
НЕБЫЛИЦЫ. *Перевод Л. Ахундовой*……**28**
СКОРОГОВОРКИ. *Перевод Л. Ахундовой*……**55**
ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ. *Перевод Г. Гусейнзаде*……..**44**
ПЛАЧИ. *Перевод В. Кафарова*……**87**
АШУГ ГАРИБ. Сказание - дастан. *Перевод прозы Б. Таирбехова.*
Перевод стихов В. Кафарова……**90**
АШИК КЕРИБ. *Пересказ М. Ю. Лермонтова*……**145**
МУДРАЯ ПРОЗА ЗОЛОТОГО ВЕКА
УСТАД АБУБАКР ХОСРОВОГЛЫ
Мунисна́ме. *Перевод прозы Р. Алиева.*
Перевод стихов II Хатунцева……**156**
ШЕДЕВРЫ В УТОНЧЁННОМ ЗВУЧАНИИ
ГАТРАН ТЕБРИЗИ
«От роз, раскрытых каплями дождинок...» *Переводя. Часовой*.....**264**
Кыта. Перевод Я. Притыкина 264
Касыда. Землетрясение в Тебризе. *Перевод П.Антокольского*…….. **265**
Газели
«В день свиданья о разлуке не могу не думать, нет...»
Перевод С. Гаврина……..**266**
«Если осень согнала весны ветерок с рощ кудрявых...»
ПереводЯ. Часовой……...**266**
«Где ты, души моей отдохновенье...» Перевод С Мамедзаде……**268**
Рубая. *Перевод С. Гаврина*……**268**

АБУЛЬУЛА ГЯНДЖЕВИ

Писание о клятве. *Перевод Я. Притихших*……..*271*

МЕХСЕТИ ХАНУМ ГЯНДЖЕВИ

Рубаи

«Кто пьет вино, ходить нагим готов...» *Перевод В. Кафарова*.....215
«Не жди прохлады от ветвей сухих...» *Перевод В. Кафарова*……..275
«Сказали слитки золота однажды...» *Перевод В. Кафарова*…….....275
«Ни ядов не сочту, ни жал любви...» *Перевод В. Кафарова*……275
«Не принимает нас любви чертог...» *Перевод В. Кафарова*……275
«Над Харабатом поднялась луна...» *Перевод В. Кафарова*……..276
«Земля в меня вселяет страх опять...» *Перевод В. Кафарова*……...276
«Однажды я увидела: подкошен...» *Перевод В. Кафарова*……...276
«Ты, банщик, просыпаться не спеши... »
Перевод В. Кафарова……..*276*
«Приветлив шерстобит — мой светлолицый... »
Перевод В. Кафарова…….....276
«Мой шапошник смышлен и остроглаз... » Перевод В. Кафарова……..276
«Ты — словно месяц, ученик портного...» Перевод В. Кафарова ……...277
«Ты дружишь, нить, с упорною иглой...» Перевод В. Кафарова…….....277
«Румяный хлебопёк возник в окне...» Перевод В. Кафарова…….....277
«У пекаря учусь. Муку просею...» Перевод В. Кафарова…... ……..277
«Базарный голова, дарга косой...» Перевод В. Кафарова……...277
«Богатство мира — страсть, пою о ней...» Перевод В. Кафарова…….....277
«Я славлю землекопа мастерство...» Перевод В. Кафарова……...277
«Я с золотом в руках у входа встала...» Перевод В. Кафарова ……278
«К нам в Харабат, уважь, не заходи...» Перевод В. Кафарова……..278
«Нас даже тучей стрел не удержать...» Перевод В. Кафарова……..278
«Нас очищает облик твой огнем...» Перевод В. Кафарова……278
«Слеза с ресницы — словно кровь с ножа...»
Перевод В. Кафарова……..……..278
«Ты — словно кипарис у родника...» Перевод В. Кафарова……..……...278
«Я мимо дома твоего, мой друг...» Перевод В. Кафарова……279
«Люблю тебя, но грудь моя — тайник...» Перевод В. Кафарова……..279
«Живи один, ты вольно должен жить...» Перевод В. Кафарова.....279
«Злопамятны уродцы испокон...» Перевод В. Кафарова……...279
«Зажгут свечу в вечерней тишине...» Перевод В. Кафарова……279
«Тебе к лицу учтивость и привет...» Перевод В. Кафарова……..279
«Твой локон я с моим связать должна...» Перевод В. Кафарова……279
«Мы проведем не вместе эту ночь...» Перевод В. Кафарова…….....280
«В меня влюблен, пригляден и удал...» Перевод В. Кафарова.....280
«Любовь к тебе опаснее силка...» Перевод В. Кафарова……280
«Мой месяц ясный, я - твоя луна...» Перевод В. Кафарова……280

«Не стоит объяснснья твой уход...» Перевод В. Кафарова……..280
«Душа — руина, из нее чуть свет...» Перевод В. Кафарова……280
«Согласна стать рабынею твоей...» Перевод В. Кафарова……..281
«Прильни ко мне и долг верни сполна...» Перевод В. Кафарова…….....281
«Мой дом любовь спешила посетить...» Перевод В. Кафарова.....281
«Улыбка ли блеснет, раздастся смех...» Перевод В. Кафарова…….....281
«Не дашь мне этой жажды утолить...» Перевод В. Кафарова…….281
«Ужель и вправду мужем должно звать...»
Перевод В. Кафарова……..281
«Целуй меня! За разом раз еще...» Перевод В. Кафарова……...281
«Вновь небо стало радужным теперь...» Перевод В. Кафарова…….....282
«Тебя целую, жажды не тая...» Перевод В. Кафарова……....282
«Коль ты вонзишь в кого-нибудь свой нож...»
Перевод В. Кафарова……...282
«Принять согласна, позабыв покой...» Перевод В. Кафарова…….282
«Ты в бога веришь — поклонюсь и я...» Перевод В. Кафарова…….....282
«Ты в небо смотришь — на моих глазах...»
Перевод В. Кафарова……...282
«Перенимают розы твой расцвет...» Перевод В. Кафарова…….283
«Скинь покрывало — розы расцвели...» Перевод В. Кафарова……..283
«На землю не смотри, ведь прах увидит...»
Перевод В. Кафарова……...283
«Прекрасна роза средь родных ветвей...» Перевод В. Кафарова.....283
«Не прикасайся ты к бедняжке — розе...» Перевод В. Кафарова……...283
«Любви предамся ночью без забот...» Перевод В. Кафарова……..283
«Лицо открою, волос расчешу...» Перевод В. Кафарова…… ..283
«Тебе враги твердили вразнобой...» Перевод В. Кафарова……....284
«Как только ты моих коснешься рук...» Перевод В. Кафарова……...284
«Иль гдето просветление увижу...» Перевод В. Кафарова……..284
«Я умереть, любя, не откажусь...» Перевод В. Кафарова…… ..284
«Ты вспомнишься — и пламя в душу рвется...»
Перевод В. Кафарова……...284
«Мне сердце даже от озноба жжет...» Перевод В. Кафарова……...284
«Речь уподобив кривизне бровей...» Перевод В. Кафарова…….285
«Вставай, двуликий, я тебя узнала...» Перевод В. Кафарова……...285
«Как мне сказать, что все мечты разбиты...»
Перевод В. Кафарова……...285
«От постоянства ты далех, я знала...» Перевод В. Кафарова……...285
«Оставлен дом не по твоей вине...» Перевод В. Кафарова……..285
«Вожатый каравана, ты в пути...» Перевод В. Кафарова…….285
«Мое письмо, оно уже в пути...» Перевод В. Кафарова……...285
«От горя не спасает и броня...» Перевод В. Кафарова…….286

«Свиданье в дымке голубой пропало...» Перевод В. Кафарова……286
«Проходят вг горе дни моей весны...» Перевод В. Кафарова……..286
«Судьба силки расставила меж нами...» Перевод В. Кафарова……...286
«Я шлю письмо, прочти его, тем паче...» Перевод В. Кафарова……286
«Рассветный ветер, отрок быстроногий...» Перевод В. Кафарова..... 286
«Так много слез кровавых на бумаге...» Перевод В. Кафарова.... ……287
«Твоя щека — тюльпана лепесток...» Перевод В. Кафарова……...287
«Потоком слез моих коснусь едва...» Перевод В. Кафарова……287
«Водою было небо надо мной...» Перевод В. Кафарова……..287
«Моя судьба — судьба степной травы...» Перевод В. Кафарова……287
«Прочти письмо печальное, прочти...» Перевод В. Кафарова……287
«Я в мир пришла, тоскуя по тебе...» Перевод В. Кафарова……287
«Я слезы вместе с кровью пролила...» Перевод В. Кафарова…….288
«Как я искала, как звала — не спрашивай...»
Перевод В. Кафарова……...288
«Настала ночь свиданья, не дремли...» Перевод В. Кафарова……288
«Мне к солнечным устам припасть сперва...»
Перевод В. Кафарова……...288
«Кровопускатель, будь нежней чуть-чуть...»Перевод В. Кафарова……288
«Ты наступаешь, ты грозишь бедой...» Перевод В. Кафарова……288
«Ты, старый мастер, мудрости своей...» Перевод В. Кафарова……...289
«Любой кирпич, любой дворцовый свод...»Перевод В. Кафарова…….289
«На колесе судьбы, не год, не два...» Перевод В. Кафарова……289
«Тот, кто любви навек предаться мог...» Перевод В. Кафарова……..289
«Алтарь любви, священный кров любви...»Перевод В. Кафарова……..289
«Богат безмерно — не подкупишь смерть...»Перевод В. Кафарова……...289
«Пускай почтил тебя венцом народ...» Перевод В. Кафарова……289
«Завоевал Египет, Рим, Китай...» Перевод В. Кафарова……..290
«Разлукой сердце полня, жить нельзя...» Перевод В. Кафарова…….290
«Скакун отцовский статен был и прыток...»Перевод В. Кафарова…….290
«Ты, сын хатиба, должен верить мне...» Перевод В. Кафарова……...290
«Хвощ нелеп, где расцвечен тюльпанами луг...»ПереводЯ. Притыкина……...290
«Сад пожаром объят, пламя роз он вознес...»
ПереводЯ. Притыкина…….290
«Одиночества мук не довольно ли мне...»Перевод Я. Притыкина……291

«Не насытясь теперь моих губ родником...»
ПереводЯ. Притыкина……291
«Ты хорош, если вежлив и нежен чуть-чуть...»
Перевод Я. Притыкина……291
«Эта ночь нам дана для любви, не усни...»
ПереводЯ. Притыкина……291
«Повалив и зарезав меня, мой мясник...»
ПереводЯ. Притыкина……291
«Мой любимый, поверь мне, кровавой слезой...»
Перевод Я. Притыкина……291
«Ничто не в силах нас заставить разлучиться...»
Перевод В. Бугаевского……...291
«Помогут ли слезы теперь и губ моих пламя сухое...»
Перевод В. Бугаевского……..292
«Сказать ли, что с моей душой ты, став надменным, сделал...»
Перевод В. Бугаевского……...292
«Не сплю я по ночам, а плачу...» Перевод В. Бугаевского……..292
«Я горестный день расставания знала...» Перевод В. Бугаевского……292
«С протянутой рукой увидев бедняка...» Перевод В. Бугаевского……292
«Я спьяна выронила вчера кувшин из рук...»
Перевод В. Бугаевского……..
«Роза пунцовая вдруг побледнела...» Перевод В. Бугаевского……...293
«Ярко озаряет сад наш пламя роз...» Перевод В. Бугаевского……293
«С кувшином из золота мир этот схож...»
Перевод В. Бугаевского……...293
ФЕЛЕКИ ШИРВАНИ
Касыда. Перевод Я. Притыкина……295
МУДЖИРЕДДИН БЕЙЛАГАНИ
Кыты
«Душа моя подобна океану...» Перевод Дм. Голубкова……..299
«Сад времени нашего ядом сочится...» Перевод Дм. Голубкова……299
«Сердце то, что рок ни разу не сразил стрелою, где...»
Перевод Я. Притыкина……300
Рубаи
«Огонь сжигает грудь мою — из-за тебя, мой друг...»Перевод Дм. Голубкова
«Я б кольцо свое украсить бирюзой небесной мог...»Перевод Дм. Голубкова… 300
«О ночь одиночества! Ночь, пощади...» Перевод Дм. Голубкова.....300
«Цветок был рад рассвету - и увял...» Перевод С Мамедзаде.....300

ХАГАНИ ШИРВАНИ

Подарок двух Ирисов. Поэма. Перевод В. Державина……...302
Фахрия. Перевод В. Державина……329
Хабсия
Жалоба о заточении. Т. Стрешневой……..330
Жалоба о своём заключении и просьба об освобождении.
Перевод В. Державина……334
О заточении. Перевод В. Державина……....341
Жалоба на время. Перевод Т. Стрешневой……341
Скорбные бейты
На смерть жены. Перевод В. Державина……...…343
Плач по умершему сыну Рашидаддину от имени его самого.
Перевод Т. Стрешневой……...344
На смерть сына Рашидаддина. Перевод В. Державина……350
На смерть дочери. Перевод В. Державина……350
Двуличные ночи и дни. Перевод В. Державина……....351
Размышления разные
Развалины Медаина. Перевод В. Державина……351
О хлебе. Перевод В. Державина ……...355
Наставление молодым. Перевод Т. Стрешневой……..356
Себя пред сильным не согни. Перевод Т. Стрешневой……359
Фрагменты мудрости. Перевод В. Державина……..360
«Не сойтись горе с горою!... » Перевод Т. Стрешневой……...362
Газели
Слёзы твои, словно жемчуг. Перевод В. Державина……362
Я искал тебя всюду. Перевод В. Державина……362
Я твой пленник и раб. Перевод В. Державина……..363
Ты вчера мне приснилась. Перевод В. Державина……...363
Выйди в поле, любовь моя. Перевод В. Державина……364
Ты моя радость одна. Перевод В. Державина……...365
Пошли. Перевод В. Державина ……...365
Тонет корабль мой. Перевод В. Державина……..366
Ты вошла в мою крепость. Перевод В. Державина……..366
Ты одна мой хаган. Перевод В. Державина……...367
Лекарств не надо никаких. Перевод Т. Стрешневой……367
Иль мечеть, или кабак. Перевод Т. Стрешневой……...368
Доколе. Перевод Т. Стрешневой ……...368
Мне такая всех дороже. Перевод Т. Стрешневой……..369
Так было суждено. Перевод Т. Стрешневой……369
Что со мной. Перевод Т. Стрешневой……370
Ты владыка мирозданья. Перевод Т. Стрешневой……371
К мольбам страдальца снизойди. Перевод Т. Стрешневой……..371

Пожалела. Перевод Т. Стрешневой…….....372
Омрачила разум мой. Перевод Т. Стрешневой…….....372
Как я смел тебе поверить. Перевод Т. Стрешневой…….....373
Мой разум отнимать взялась. Перевод Т. Стрешневой…….....373
Не советуясь с умом. Перевод Т. Стрешневой…….....374
Я так же поступлю. Перевод Т. Стрешневой…….....374
Не виноват я ни в чём. Перевод Т. Стрешневой…….....375
Рубаи
«Моя любовь мне муки причиняет...» Перевод В. Державина.....376
«Эта низость и злость клеветы и вражды...»
Перевод В. Державина…….....376
«В чём держится душа моя живая...» Перевод В. Державина…….376
«Кравчий! Чашу мне не наливай дополна...»
Перевод В. Державина…….....376
«Если хочешь, чтоб имя стояло твоё высоко...»
Перевод В. Державина…….376
«Я Меджнун, мой печальный удел — тосковать...»
Перевод В. Державина…….376
«Хагани! Если честь и добро тебе выше всего...»
Перевод В. Державина…….376
«Причиняешь душе моей ты лишь страданья...»
Перевод В. Державина…….....377
«В огне печали Хагани истлел...» Перевод В. Державина…….377
«Сегодня ты в душе моей гостишь...» Перевод В. Державина 377
«Все птицы улетели. Жалкий вид...» Перевод В. Державина…….377
«Ты низкими друзьями взят в полон...» Перевод В. Державина..... …….....377
«Как я красавицу грузинку полюбил...» Перевод В. Державина…….....377
«Пусть полон вздох мой мукой и огнём...»
Перевод В. Державина…….....378
«Какая мощь в словах твоих блистает...»
Перевод В. Державина…….....378
•Нас сглазили. Судьба со счастьем в споре...»
Перевод В. Державина…….....378
«О Хагани! Основа жизни - горе...» Перевод В. Державина…….....378
«И я, в дни юности, в огонь любви бросался...»
Перевод В. Державина…….....378
«Служить я страсти больше не хочу...» Перевод К. Симонова…….....378
«Прошла, умчалась юность Хагани...» Перевод К. Симонова…….…….378
«Когда письмо твоё пришло ко мне...» Перевод К. Симонова…….…….....379
«Что буду делать с кубком золотым...» Перевод К. Симонова…….…….....379
«Я засыпаю - ты в моих глазах...» Перевод К. Симонова…….…….....379
«Меня несчастным смело назови...» Перевод К. Симонова…….379

«Я тьмы такой не видел никогда...» Перевод К. Симонова…….379
«Поёт нам птица о любви — она сама любовь...»
Перевод Т. Стрешневой……379
«Если разум покорен тебе, Хагани...» Перевод Т. Стрешневой.....380
«Ты возникла, любовь, и мой ум отняла...»
Перевод Т. Стрешневой…….380
«Острой болью истерзан внутри Хагани...»
Перевод Т. Стрешневой…….380
«Я младость с золотом сравню — растрачено оно...»
Перевод Т. Стрешневой…….380
«Четыре свойства, Хагани, дороже всех иных...»
Перевод Т. Стрешневой…….380
«Ты краше пери и луны во много сотен раз...»
Перевод Т. Стрешневой…….380
«Яд и желчь превращает в бальзам моя речь...»
Перевод Т. Стрешневой……..380
«Говорят, что приходит раз в тысячу лет...»
Перевод Т. Стрешневой……..381
«Полжизни жил я в маяте, измучась под конец...»
Перевод Т. Стрешневой……..381
«Ты только пешка, Хагани, тебя опасность ждёт...»
Перевод Т. Стрешневой……..381
«Меня не терпят небеса - несчастий сыплют град...»
Перевод Т. Стрешневой……..381
«Живу я в скорби и тоске в пустом саду моём...»
Перевод Т. Стрешневой……..381
«Я ранен, связан по рукам — гляди, каким я стал...»
Перевод Т. Стрешневой……..381
«О Хагани, как ты живёшь? Скуп лицемерный небосвод...»
Перевод Т. Стрешневой……..382
НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ
Касыды. Перевод М. Борисовой……384
Кыты
«Разъяснены: любви: Ты от Каабы уйди и неверным стань...»
Перевод Н. Леонова…….396
«Спросила ты, легко ль тебе, привольно, о душа...»
Перевод А. Жарова……...396
«Ты знакома глазу моему...» Перевод Т.Спендиаровой……..397
«Ты пощади себя, сердце храни свое...» Перевод Н.Павловича…..……397
«Где доблестный найдется муж. кого бы мир не гнул...»
Перевод К. Липскерова……397
Рубаи. Перевод О.Румера……...398

Газели

«Розу пологом колючим твой всесильный взгляд закрыл...»
Перевод А. Тарковского……400
«Расступился черный мускус, и она всплыла вчера...»
Перевод А. Тарковскою……400
«В ночи я знаю: сердце мне от той отвлечь придется...»
Перевод А. Тарковского……...401
«Впору мне груз твой1 Скажешь — немолод, — пусть...»
Перевод А. Тарковского……401
«Тюрки рабами индийскими стали — рядом с тобой...»
Перевод А. Тарковского……402
«Ты видишь: я твой давний друг...» Перевод А. Тарковского……402
«Спустилась ночь. Явись, Луна, в мой дом приди на миг...»
Перевод А. Тарковского……403
«Весть! Весть о милой пришла...» Перевод К. Липасерова……..403
«Спать не стоит! Станем лучше веселиться до утра...»
Перевод К. Липскерова……404
•Мне ночь не в ночь, мне в ночь невмочь...»
Перевод К. Липскерова……404
«О кипарис с плавной поступью мой, роза скупая моя...»
Перевод К. Липскерова……405
«Откочевать готова молодость, цени ее...»
Перевод М. Борисовой……..405
«Раненный в сердце, в кровавых слезах почему...»
Перевод М. Борисовой ……406
«Глаза мои с тобой давно дружны...» Перевод М. Борисовой……406
«Не горюй, ибо друг есть, на помощь который приходит...»
Перевод М. Борисовой……..407
«Луна, за чьим гостить ты дастарханом будешь...»
Перевод М. Борисовой……..407
«Из ночи в ночь прочней к тебе привязан я...»
Перевод М. Борисовой……..408
«Кумир мой, колдовство не грех, но ты игрива слишком...»
Перевод М. Борисовой……..408
«Чтоб узнать красу тюльпанов, на ее ланиты глянь...»
Перевод М. Борисовой……..408
«Хмельное счастье мое очнется когда-нибудь...»
Перевод М. Борисовой……..409
«Не сотвори, душа, себя кумиром...» Перевод М. Борисовой……..409
«О милый друг, давно пленен я губ твоих кармином...»
Перевод М. Борисовой ……410

«У похитительниц сердец ты мяч отнять сумела...»
ПереводН. Хатунцева…….410
«Всю юность отдал я тебе: ты юности беспечной слаще...»
Перевод Н. Хатунцева……411
«Когда ты локоны свои распустишь по плечам небрежно...»
Перевод Н. Хатунцева……411
«Явись хоть на мгновенье, кумир бесценный мой...»
Перевод Н. Хатунцева…….412
«Я знаю, сколько бы друзей тебя ни окружало...»
Перевод Н. Хатунцева…….412
«Встань, виночерпий, не ленись...» Перевод Н. Хатунцева……412
«Лекарства не было и нет приятнее любовных мук...»
ПереводН. Хатунцева……..413
«О, пошли мне утешенье, не лукавь ты, как всегда...»
Перевод Н. Хатунцева414
«Поспеши мне на помощь, я гибну...» Перевод Н. Хатунцева.....414
Сокровищница тайн. Поэма. Перевод М. Шагинян…….415
ИЗЗАДДИН ГАСАНОГЛЫ
Газели. Перевод П. Антокольского……535
АВХЕДИ МАРАГАИ
Джами джем (отрывки из поэмы). Перевод Ч. Гусейнова……..538
Газели. Перевод С. Иванова……541
Рубай. Перевод С. Иванова…….542
АРИФ АРДЕБИЛИ
Фархаднаме (отрывки из поэмы). Перевод С. Северцева……544
АССАР ТЕБРИЗИ
Мехр и Мупггари (отрывок из поэмы). Перевод С. Гаврина……...554
ГАЗИ БУРХАНЕДДИН
Твоя милость. Перевод Т. Стрешневой……..562
Назовем. Перевод Т. Стрешневой……..562
Не устаю любить. Перевод Т. Стрешневой……..563
Где она? Перевод Т. Стрешневой……..563
Просьба. Перевод Т. Стрешневой……...564
Похвала. Перевод Т. Стрешневой……...565
Я во власти твоей. Перевод Т. Стрешневой……..566
Слуга любви. Перевод Т. Стрешневой……..566
С тех пор. Перевод Т. Стрешневой……567

Имя - тайна. Перевод Т. Стрешневой……567
Как свеча. Перевод Т. Стрешневой……568
Нет подобной. Перевод Т. Стрешневой……569
Туюги. Перевод С. Мамедзаде……569
Рубай. Перевод С. Мамедзаде……570
ИМАДЕДДИН НАСИМИ
Касыды. Перевод А. Старостина ……...572
Терджибенд. Перевод С. Иванова……..577
Рубаи. Перевод И. Гребнева……586
Газели
В душе моей любви страданье. Перевод А. Старостина……..600
Жизнь уходит. Перевод А. Старостина……..601
К господу ведущий путь. Перевод А. Старостина……....601
Путеводитель в царство мрака. Перевод А. Старостина……602
Уходит, забывая любовь. Перевод Л. Старостина……...603
Клянусь я прахом всех влюблённых. Перевод А. Старостина……...604
Уходит. Перевод А. Старостина ……...604
Счастья желаю тебе. Перевод А. Старостина……....605
Снова. Перевод А. Старостина ……...606
Необычайно. Перевод А. Старостина……...606
Со мной. Перевод А. Старостина……...607
Пусть явится ночью ко мне. Перевод А. Старостина……..608
Должен. Перевод А. Старостина ……...608
К тебе стремимся мы всегда. Перевод Т. Стрешневой……609
Твоих. Перевод Т. Стрешневой ……...610
Не надо. Перевод Т. Стрешневой……...611
Нельзя. Перевод Т. Стрешневой. ……...612
Как я измучился тобой. Перевод Т. Стрешневой……612
Аллах, не солнце ли взошло. Перевод Т. Стрешневой……613
Иной. Перевод Т. Стрешневой……614
Смотри. Перевод Т. Стрешневой ……...615
Я. Перевод Т. Стрешневой……....615
Ветер свежий, предрассветный. Перевод Т. Стрешневой……....616
Ты цену жемчугу не знал. Перевод Т. Стрешневой ……617
Я стих священный. Перевод Т. Стрешневой……618
Мне хорошо. Перевод Т. Стрешневой……...619
Не спорит луна с тобой. Перевод О. Иеинской……620
О мерных кудрях расспроси. Перевод О. Иеинской……620
В стременах душа привстала. Перевод О. Иеинской……...621
Ты делаешь мёртвую воду живой. Перевод О. Иеинской……622
В жизни сладости не вкушал. Перевод О. Иеинской……623
Ветер мне вестник божий. Перевод О. Иеинской624
Мой храм священный. Перевод О. Ивинской…… 625

Обнаружил я клад тайный. Перевод О. Ивинской……626
Как завидует кипарис. Перевод О. Ивинской…….....626
С кем дружишь нынче ты. Перевод О. Ивинской……627
Тебе я душу посвящу. Перевод О. Ивинской……628
Хвалу одной тебе воздам. Перевод О. Ивинской…….....628
Ты честь оказываешь нам. Перевод О. Ивинской……629
Вернись в чертог души. Перевод С. Иванова……...630
В аркан кудрей её попал я. Перевод С. Иванова……..631
Не дано. Перевод С. Иванова……..632
Тону я в море слёз. Перевод С. Иванова……....632
Жемчуг редкого улова. Перевод С. Иванова……633
Приди. Перевод С. Иванова…….....634
Всегда у розы есть шипы. Перевод С. Иванова…….....635
Моя дорогая, приди. Перевод С. Иванова……635
Как блеск рассветных рос. Перевод С. Иванова…… .636
Не надо. Перевод С. Иванова…… .637
Они поманят и уйдут. Перевод С. Иванова……...637
Нет терпенья. Перевод Д. Виноградова……638
Вечность и чаша вина. Перевод Д. Виноградова……..639
Лишь прозорливым истина видна. Перевод Н. Гребнева……640
Любимой тонкий стан. Перевод Н. Гребнева……641
И ангелы покорены. Перевод Н. Гребнева……641
Разграбили твои глаза. Перевод Н. Гребнева…… 642
Слово. Перевод Н. Гребнева……...642
Прекрасно все в тебе. Перевод Н. Гребнева…….....643
Душа моя болит. Перевод Н. Гребнева…….....644
Я -бог. Перевод Н. Гребнева……...645
Обманный этот мир. Перевод Н. Гребнева……645
Я слёзы лью. Перевод Н. Гребнева……646
Моя луна. Перевод Н. Гребнева……..647
Живет в моей душе. Перевод Н. Гребнева ……648
Откуда это знать. Перевод Н. Гребнева…….....648
Хвала Аллаху. Перевод Н. Гребнева……..649
На свете истина одна. Перевод Н. Гребнева……..650
Я богом сотворен. Перевод Н. Гребнева……651
Сегодня. Перевод Н. Гребнева……651
Ты — владычица сердца. Перевод Н. Гребнева……...652
Где ты, желанная моя? Перевод К. Симонова……...653
В этот мир я не вмещусь. Перевод К. Симонова……..654

Комментарии.А.М.Багиров……...656

КЛАССИКА ЛИТЕРАТУР СНГ

Издание осуществлено при поддержке
Межгосударственного фонда гуманитарного
сотрудничества государств-участников СНГ

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ
АЗЕРБАЙДЖАНА

БОЖЕСТВЕННЫЕ СЛОВА

Руководитель издательской группы
академик Академии российской словесности
Г.В. Пряхин
Заместители руководителя
А. А. Гришанов, Н. А. Мухаметшина
Заведующий редакцией Б. К. Ряоухин
Редактор А. И. Капустюк
Художественный редактор В. В. Гусейнов
Компьютерный набор В. Б. Калугина, Т. Н. Медведева
Компьютерная верстка А. О. Муравенко
Корректор Л. И. Андреева Ответственная за выпуск Н. И. Базанова
Сдано в набор 12.05.2010 г. Подписано в печать 21.06.2010 г.
Формат 84х108 У,,. Бумага офсетная.
Гарнитура Хс*ВахкеглШе. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 38.28. Уч.-изд. л. 35.25.
Тираж 1800 вка. Заказ № 929.
ФГУП ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Художественная литература»
107996, Москва, Новая Басманная ул., 19
E-mail realisihl@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск Ярославской обл., ул. Чкалова, д. 8

В издательстве «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» вышли в свет книги серии «Классика литератур СНГ»

«Спел про лист зеленый я...»
Фольклор и литературные памятники Молдовы. М., 2009
«Волшебная свирель»
Фольклор и литературные памятники Беларуси. М , 2009
«Смятение праведных»
Фольклор и литературные памятники Узбекистана. М . 2009
«Звездная гроздь»
Фольклор и литературные памятники Азербайджана. М., 2009
«Страна высоких вдохновений»
Фольклор и литературные памятники России, м . 2009
«Свет, идущий из глубины веков»
Фольклор и литературные памятники Туркменистана, м . 2009
«Голос вечности»
Фольклор и литературные памятники Киргизии, м . 2009
«Льется песня под домбру»
Фольклор и литературные памятники Казахстана. М., 2009
«Ты, вечная моя Армения»
Фольклор и литературные памятники Армении. М.. 2010
«Кладезь мудрости и благодати»
Фольклор и литературные памятники Беларуси. М., 2010
«Поэзия любви и мудрости»
Фольклор и литературные памятники Таджикистана. М.. 2010
«Божественные слова»
Фольклор и литературные пеметиию» Азербайджана. М.,2010